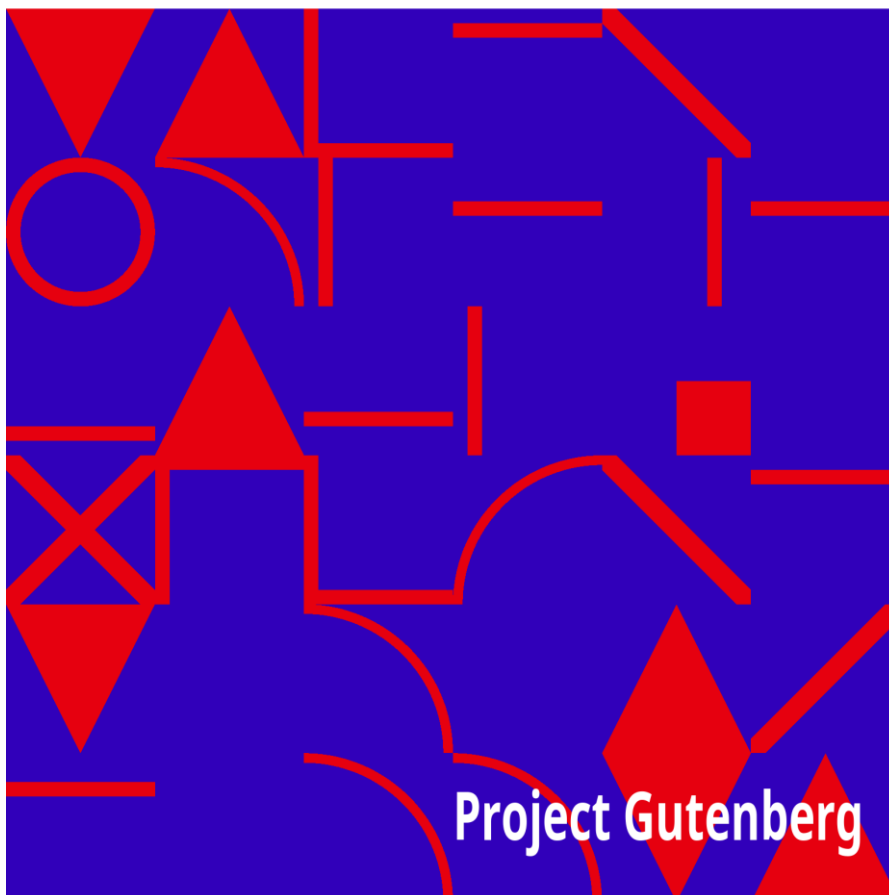

Салемское колдовство, тома I и II. С описанием деревни Салем и историей мнений о колдовстве и смежных темах

Чарльз Уэнтуорт Апхэм

Salem Witchcraft, Volumes I and II

Charles Wentworth Upham

The Project Gutenberg eBook of Salem Witchcraft, Volumes I and II.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Салемское колдовство, тома I и II

Автор: Чарльз Уэнтуорт Апхэм

Дата выхода: 24 февраля 2006 [eBook #17845]

Последнее обновление: 15 октября 2021 г.

Язык: Английский

Авторские права: Линда Кантони и группа онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK САЛЕМСКОЕ КОЛДОВСТВО, ТОМА I И II ***

АМЕРИКАНСКАЯ КЛАССИКА

САЛЕМСКОЕ КОЛДОВСТВО

*С рассказом о деревне Салем и историей мнений о колдовстве и
родственных предметах*

ЧАРЛЬЗ У. АПХЭМ

Томы I и II

Charles W. Upham

Чарльз У. Апхэм

FREDERICK UNGAR PUBLISHING CO.

New York

[Примечание переводчика: Первоначально опубликовано в 1867 г.]

Четвертое издание, 1969 г.

Отпечатано в Соединенных Штатах Америки

Каталожная карточка Библиотеки Конгресса США № 59-10887

СОДЕРЖАНИЕ.

ТОМ I.

	Страница
Предисловие	vii - xiv
Карта и иллюстрации	xv - xvii
Указатель к карте	xix - xxvii
Общий указатель	xxix - xl
Введение	1-12
Часть первая - Деревня Салем	13 - 322
Часть вторая. Колдовство	с 325 по 469

ТОМ ВТОРОЙ.

Часть третья - Колдовство в деревне Салем	1 - 444
Дополнение	447 - 522
Приложение	с 525 по 553

Дом епископа Таунсенда - т. I, 70, 96; т. II, 294, 467.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ОЛИВЕРУ УЭНДЕЛЛУ ХОЛМСУ, ПРОФЕССОРУ АНАТОМИИ И ФИЗИОЛОГИИ В ГАРВАРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ.

VOLUME I.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Эта работа была первоначально построена и в предыдущих изданиях была представлена в форме Лекций. Единственными остатками этой формы в ее нынешнем виде являются некоторые способы выражения. Язык сохраняет характер обращения оратора к слушателям; он более привычный, прямой и личный, чем обычно используется в отношениях автора с читателем.

Прежняя работа была подготовлена в обстоятельствах, которые не позволили провести тщательное исследование предмета. Теперь свобода от профессиональных обязанностей позволила мне провести исследования, необходимые для того, чтобы сделать ее справедливой.

Лекции о колдовстве", опубликованные в 1831 году, давно не издавались. Хотя меня часто упрашивали подготовить новое издание, я не желал снова выпускать то, что, как я обнаружил, было недостаточным изложением предмета. Между тем, постоянно становилось все более очевидным, что от отсутствия полного и правильного представления о сделке, на которую так часто ссылаются, и которая повсеместно понимается неправильно, наносится большой вред.

Первый том этой работы содержит то, что кажется мне необходимым для подготовки читателя ко второму, в котором происшествия и обстоятельства, связанные с преследованием ведьм в 1692 году в деревне и в городе Салем, приведены в хронологический порядок и представлены в деталях.

Показывая, насколько сильно могут быть спутаны убеждения разума, восприятия чувств и заблуждения воображения, эта тема относится не только к теологии, морали и политике, но и к физиологии в ее первоначальном и правильном применении, как охватывающей всю нашу природу; представленные факты могут помочь в выводах, касающихся того, что справедливо считается великой тайной нашего бытия, - связи между телом и разумом.

Нет необходимости упоминать различные известные работы, которые служат авторитетом и иллюстрацией, поскольку они упоминаются в тексте. Но я не могу воздержаться от благодарного свидетельства ценности "Коллекций Массачусетского исторического общества" и "Новоанглийского исторического и генеалогического реестра". Неоценимую помощь мне оказали "Исторические сборники" и "Труды" Эссекского института. Такие работы, как эти, предоставляют материалы, которые обеспечат нашей стране такую историю, какой не может обладать ни одна другая нация. Наша первая эпоха не будет окутана мраком и предана преданиям, но, во всех своих деталях, станет достоянием общественности. Каждый человек, желающий сохранить память о своих предках и оценить элементы наших институтов и цивилизации, должен поместить эти и подобные им работы на полки своей библиотеки, в непрерывный и продолжающийся ряд. Мы выражаем благодарность искренним, трудолюбивым и бескорыстным студентам, которые вносят результаты своих исследований в сокровищницу антикварных и генеалогических знаний, которые накапливаются в этих публикациях.

Особого внимания заслуживает один источник, который был особенно необходим при подготовке данной работы. В 1647 году Генеральный суд штата Массачусетс законодательно закрепил право на получение свидетельских показаний во всех случаях, в соответствии с определенными правилами, в форме показаний, которые должны храниться *в вечной*

памяти. Показания свидетелей готовились заранее в письменном виде для использования в ходе судебного разбирательства; они должны были присутствовать в это время для дальнейшего дознания, если жили в пределах десяти миль и не были вынуждены отлучаться. В делах о смертной казни присутствие свидетеля, а также его письменные показания были абсолютно необходимы. Эти показания хранились в архивах и представляют собой ценнейший материал для истории. В наши дни показания свидетелей обычно живут только в памяти людей, присутствовавших на судебных процессах, и вскоре предаются забвению. В случаях, вызывающих необычный интерес, для передачи их в прессу нанимают стенографистов. В ранние колониальные времена не было ни газетных репортеров, ни "судебных календарей", но эти показания с лихвой восполняют их недостаток. Даваемые по самым разным делам - о завещаниях, контрактах, границах и посягательствах, нападениях и побоях, клевете, воровстве и т. д., - они позволяют нам проникнуть в глубь, в самые недра жизни и общества во всех их проявлениях. То, насколько полно, с помощью Уильяма П. Апхэма, эсквайра из Салема, я опирался на этот источник, видно на каждой странице.

Необходимо сказать несколько слов об оригиналах документов, относящихся к процессу о колдовстве. Вероятно, все они в то время хранились в канцелярии графства Эссекс. Значительная часть из них по каким-то причинам была передана в архив штата и тщательно сохранена. Из оставшейся части значительная часть была время от времени изъята неавторизованными лицами, а многие, как можно предположить, уничтожены или утрачены. Две очень ценные части попали в библиотеки Массачусетского исторического общества и Эссекского института, где их бережно хранят. Несколько других обнаружили среди бумаг, хранящихся у частных лиц. Следует надеяться, что, если будут найдены еще какие-либо документы, они будут помещены в какое-либо государственное учреждение; так что, если будет сочтено лучшим, все они могут быть собраны, упорядочены и помещены, не подвергаясь износу, разрыву и потере, под вечную опеку.

Несколько лет назад бумаги, хранящиеся в канцелярии секретаря этого округа, были переписаны в один том; переписчик предположительно снабдил несколько документов заголовками. Хотя он выполнил свою работу в элегантной манере и сумел правильно передать многие документы, с трудом поддающиеся расшифровке, при их расположении, расшифровке содержания и составлении заголовков были допущены такие ошибки, обусловленные состоянием бумаг, что мне пришлось прибегнуть к помощи оригиналов.

Поскольку цель этой работы - дать читателю сегодняшнего дня понятное представление о сделке прошлого, а не проиллюстрировать что-либо, кроме этой сделки, не было сделано никаких попыток сохранить орфографию того периода. Большинство оригинальных статей были написаны без всякого расчета на то, что они когда-нибудь будут представлены на проверку в печати; многие из них были написаны простыми деревенскими людьми, не имеющими навыков в построении предложений и не следившими за правописанием, которое, по правде говоря, в то время было совершенно неустоявшимся. Нередко одно и то же слово в одном и том же документе пишется по-разному. Очень сомнительно, что целесообразно или справедливо увековечивать недостатки, часто являющиеся результатом поспешности или небрежности, возникшей по простой неосторожности. В некоторых случаях, когда интерес отрывка, казалось бы, требует этого, старинный стиль сохраняется. Ни в коем случае не заменяется ни одно слово, не изменяется структура; но, как правило, принимается принятое ныне написание, а пунктуация выражает первоначальный смысл.

Действительно, в том, что претендует на точную перепечатку старого произведения, необходимо точно имитировать его орфографию, даже ценой трудностей в понимании смысла и увековечивания ошибок, вызванных небрежностью и невежеством. Такие

современные репродукции ценны и интересны сами по себе. Они заслуживают благосклонности всех, кто желает критически и в наиболее достоверной форме изучить публикации, оригиналы которых редки, а самые ранние издания исчерпаны. Просвещенные и предприимчивые издатели, которые таким образом предоставляют факсимиле старинных книг и важных документов прошлых эпох, должны быть поощрены и вознаграждены щедрой публикой. Но данная работа не принадлежит к этому классу и не претендует на это.

Я выражаю особую благодарность достойному Асахелю Хантингтону, секретарю суда графства Эссекс, за его любезность в содействии использованию материалов в его офисе; достойному Оливеру Уорнеру, секретарю Содружества, и сотрудникам его департамента; и Стивену Н. Гиффорду, эсквайру, секретарю Сената.

Дэвид Пулсифер, эсквайр, служащий в офисе Государственного секретаря, хорошо известен своим выдающимся мастерством и опытом в освоении хирографии первобытных колониальных времен и разъяснении ее особенностей. Он неустанно трудился и искренне старался служить мне.

Мистер Сэмюэл Г. Дрейк, который так много иллюстрировал нашу историю и исследовал ее источники, спонтанными и внимательными актами вежливости оказал мне важную помощь. Аналогичные проявления дружеского интереса со стороны мистера Уильяма Б. Тауна из Бруклина, штат Массачусетс; достойного Дж. Хэммонда Трамбулла из Хартфорда, штат Коннектикут; и Джорджа Х. Мура, эсквайра, из Нью-Йорка, - с благодарностью принимаются к сведению.

Сэмюэл П. Фаулер, эсквайр из Дэнверса, великодушно предоставил в мое распоряжение свои ценные знания, относящиеся к данному вопросу. Сотрудники Исторического общества и Института Эссекса, ответственные за оригиналы документов, разрешили мне изучить и использовать их.

Я сердечно выражаю свою признательность достойному Бенджамину Ф. Брауну из Салема, который, отойдя от общественной жизни и деловых забот, посвящает досуг своих почтенных лет сбору, сохранению и щедрой передаче непревзойденного объема знаний о наших местных древностях.

Чарльз В. Палфрей, эсквайр, присутствуя в Генеральном суде в качестве представителя Салема в 1866 году, оказал мне большую пользу своими изысканиями среди записей и бумаг в Доме штата.

Мистер Мозес Принс из центра Дэнверса, знаток истории, генеалогии и традиций этой местности, проявил активный и ревностный интерес к подготовке этой работы. Эндрю Николс, эсквайр, из Дэнверса, и семья покойного полковника Перли Путнама из Салема также оказали мне большую помощь.

Я в долгу перед Чарльзом Дэвисом, эсквайром из Беверли, за использование книги записей церкви, состоящей из "братьев и сестер, принадлежащих к Басс-Ривер", собранной 20 сентября 1667 года, которая теперь является Первой церковью Беверли; а также перед Джеймсом Хиллом, эсквайром, городским клерком этого места, за доступ к записям, находящимся в его ведении.

Гилберту Тапли, эсквайру, председателю комитета прихода, и Огастусу Маджу, эсквайру, его секретарю, а также преподобному мистеру Райсу, пастору церкви в центре Дэнверса, я не могу адекватно выразить свои обязательства. Без свободного использования оригинальных приходских и церковных книг, которые они мне доверили, и без постоянного наличия их под

рукой я не смог бы начать адекватное изложение истории деревни Салем или колдовского заблуждения.

К.В.У.

КАРТА И ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Эта [карта](#), основанная на различных местных картах и карте Береговой службы, является результатом личного исследования и изучения местности. Она может претендовать на то, чтобы быть очень точным отображением многих из первоначальных грантов и ферм. Расположение домов, мельниц и мостов в 1692 году указано в некоторых случаях точно, а во всех - с близким приближением. Задача была не из легких. Оригинал плана губернаторского гранта Эндикотта на реку Ипсвич, № III, находится в Доме штата, а план гранта Суиннертона, № XIX, - в городских книгах Салема. Однако ни в одном из них нет элементов, по которым можно было бы установить его точное местоположение. План гранта Таунсенда Бишопа, № XX, как были окончательно определены его границы, находится в Государственном доме, а другой такой же план - в судебных делах графства. Это дает одну фиксированную и известную точку, мост Хэдлока, от которой, следуя линиям по компасу и расстояниям, указанным на плане и описанным в колониальных записях, можно точно проложить все стороны гранта, а его место на [карте](#) определить с абсолютной уверенностью. Очень совершенный и научно выполненный план части границы между Салемом и Редингом в 1666 года находится в Доме штата; его точное воспроизведение было любезно предоставлено мистером Х.Дж. Кулиджем из офиса государственного секретаря. На ней изображены две стороны гранта губернатора Беллингема, № IV, в таком виде, чтобы можно было с полной уверенностью определить его местоположение. На этой территории нет других участков первоначальных или ранних грантов или ферм; но, начиная с грантов Бишопа и Беллингема, проложенных в соответствующих местах, путем сопоставления имеющихся в архиве актов передачи и раздела, с помощью сохранившихся частей примитивных каменных стен и измерений, опирающихся на постоянные объекты, весь регион был сведен к демаркации, охватывающей всю территорию. Расположение существовавших в то время дорог было получено из отчетов комитетов по планировке и других данных, хранящихся в архивах и картотеках. Составление [карты](#) во всех ее деталях - результат исследований и трудов У. П. Апхэма.

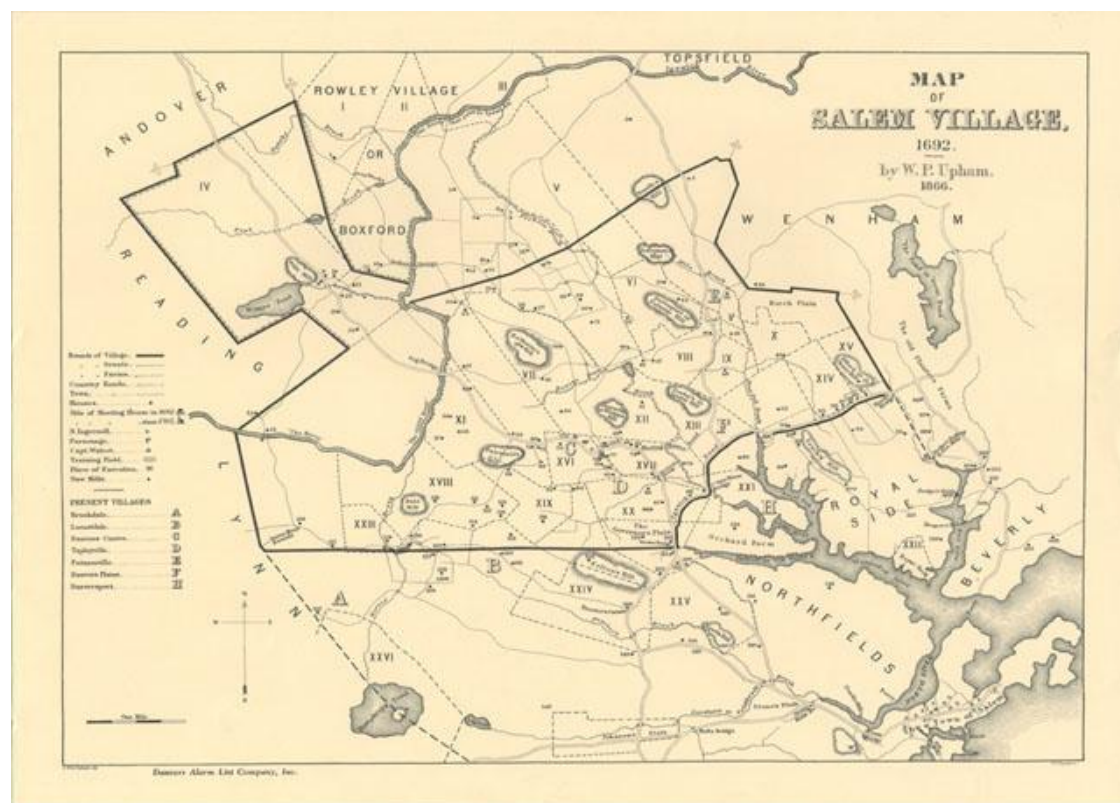
[Ордер на смерть](#) - это фотография, сделанная Э. Р. Перкинсом из Салема. Оригинал, хранящийся среди бумаг в канцелярии секретаря суда графства Эссекс, всегда считался большой диковинкой, но подвергался постоянному обращению и сильно потемнел от ветхости. Буквы, а в некоторых случаях и целые слова в конце строк, стерлись. Чтобы по возможности уберечь ее от дальнейших повреждений, она была наклеена на ткань. Из-за этого обстоятельства и желтоватого оттенка, до которого выцвела бумага, она плохо поддается фотографированию; но точность имитации, которую можно получить только таким образом с абсолютной уверенностью, важнее всех других соображений. Приводится только та часть, которая содержит тело ордера, [возврат](#) шерифа и печать. Оборванных полей стараются избегать, поскольку они обнажают ткань и нарушают старинный облик документа.

Оригинал медленно разрушается и исчезает, несмотря на все усилия по его сохранению, и его внешний вид, каким он предстает сегодня, может быть увековечен только на фотографии. Ордер уменьшился примерно на треть, а возвращение - наполовину.

Дом Таунсенда Бишопа и очертания [Ведьминого холма](#) сделаны по эскизам О.У.Х. Апхэма. [Английский дом](#) - с рисунка, сделанного на этом месте Дж. Р. Пенниманом из Бостона в 1822 году, за несколько лет до его сноса, за использование которого я в долгу перед Джеймсом Кимбаллом, эсквайром из Салема. Вид на [деревню Салем](#) и [дом Джейкобса](#) уменьшены О. У. Х. Апхэмом с фотографий Э. Р. Перкинса.

[Карта](#) и другие гравюры, включая [автографы](#), были выполнены О.У.Х. Апхэмом.

[Примечание переводчика: Карта отсутствовала в томе, использованном для подготовки этого электронного текста. Изображение карты ниже было воспроизведено со скана, хранящегося в документальном архиве и транскрипции проекта "Салемские процессы над ведьмами" Университета Вирджинии, <http://etext.virginia.edu/salem/witchcraft/maps>].

**Карта деревни Салем.
1692.**

[Просмотреть большую карту \(566K\)](#)

УКАЗАТЕЛЬ К КАРТЕ.

ЖИЛИЩА В 1692 ГОДУ.

[На [карте](#) показаны все дома, стоявшие в 1692 году в пределах деревни Салем; приведены также некоторые другие дома, расположенные поблизости. Дома на [карте](#) пронумерованы арабскими цифрами: 1, 2, 3 и т. д., начиная сверху и слева направо. В следующем списке против каждого номера указано имя жильца в 1692 году, а в некоторых случаях в скобках добавлено имя недавнего жильца или владельца данной местности].

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ЭТОМ СПИСКЕ.

- s. Тот же дом, который, как считается, стоит до сих пор.
- с.м. Тот же дом, который сохранился в памяти ныне живущих людей.
- т.р. Сохранились следы дома.
- с. Указанное место является предположительным.

1. Джон Уиллард. с.
2. Исаак Исти.
3. Фрэнсис Пибоди. с.
4. Джозеф Портер. (Джон Брэдстрит.)
5. Уильям Хоббс. т.р.
6. Джон Робинсон.
7. Уильям Николс. т.р.
8. Брэй Уилкинс. к.
9. Аарон Вэй. (А. Батчелдер.)
10. Томас Бейли.
11. Томас Фуллер-старший (Абиджа Фуллер.).
12. Уильям Вэй.
13. Фрэнсис Эллиот. с.
14. Джонатан Найт. с.
15. Томас Кейв. (Джонатан Берри.)
16. Филипп Найт. (Дж. Д. Эндрюс.)
17. Исаак Бертон.
18. Джон Николс, младший (Джонатан Перри и Аарон Дженкинс.) с.
19. Хамфри Кейс. т.р.

20. Томас Фуллер-младший (Дж. А. Эсти.) с.
21. Джейкоб Фуллер.
22. Бенджамин Фуллер.
23. Дьякон Эдвард Путнам. с.м.
24. Сержант Томас Путнам. (Мозес Перкинс.) с.
25. Питер Прескот. (Дэниел Таун.)
26. Иезекииль Чивер. (Чез. П. Престон.) с.м.
27. Элеазер Путнам. (Джон Престон.) с.м.
28. Генри Кенни.
29. Джон Мартин. (Эдвард Уайатт.)
30. Джон Дейл. (Филипп Х. Вентворт.)
31. Джозеф Принс. (Филип Х. Вентворт.)
32. Джозеф Патнэм. (С. Кларк.) с.
33. Джон Путнам 3-й.
34. Бенджамин Путнам.
35. Дэниел Эндрю. (Джоэл Уилкинс.)
36. Джон Лич, младший.
37. Джон Патнэм-младший (Чарльз Пибоди.)
38. Джошуа Ри. (Фрэнсис Додж.) с.
39. Мэри, вдова Тоса Путнама. (Уильям Р. Путнам.) с.

[Место рождения генерала Израэля Путнама. Генерал Путнэм также жил в доме, подвал и колодец которого до сих пор видны, примерно в ста футах к северу от этого и чуть западнее нынешнего жилища Эндрю Николса].

40. Александр Осберн и Джеймс Принс. (Стивен Драйвер.) с.
41. Джонатан Путнам. (Нат. Бордман.) с.
42. Джордж Джейкобс, младший.
43. Питер Клойс. т.р.
44. Уильям Смолл. с.м.
45. Джон Дарлинг. (Джордж Пибоди.) с.м.
46. Джеймс Патнэм. (Вм. А. Ландер.) с.м.
47. Капитан Джон Патнэм. (Wm. A. Lander.)

48. Дэниел Ри. (Огастус Фаулер.) с.
49. Генри Браун.
50. Джон Хатчинсон. (Джордж Пибоди.) *т.р.*
51. Джозеф Уиппл. *с.м.*
52. Бенджамин Портер. (Джозеф С. Кэбот.)
53. Джозеф Херрик. (Р. П. Уотерс.)
54. Джон Фелпс. с.
55. Джордж Флинт. с.
56. Рут Сибли. *с.м.*
57. Джон Бакстон.
58. Уильям Аллин.
59. Сэмюэл Брэбрук. с.
60. Джеймс Смит.
61. Сэмюэл Сибли. *т.р.*
62. Преподобный Джеймс Бейли. (Бенджамин Хатчинсон.)
63. Джон Шепард. (Преподобный М.П. Браман.)
64. Джон Флинт.
65. Джон Ри. *с.м.*
66. Джошуа Ри. (Адам Несмит.) *с.м.*
67. Иеремия Уоттс.
68. Эдвард Бишоп, лесопильщик. (Джозайя Траск.)
69. Эдвард Бишоп, муж.
70. Капитан Томас Раймент.
71. Джозеф Хатчинсон-младший (Джоб Хатчинсон).
72. Уильям Бакли.
73. Джозеф Хоултон-младший *т.р.*
74. Томас Хейнс. (Элайджа Поуп.) с.
75. Джон Хоултон. (Ф.А. Уилкинс.) с.
76. Джозеф Хоултон, старший (Исаак Демси.)
77. Джозеф Хатчинсон, старший. *т.р.*
78. Джон Хэдлок. (Сэмл. П. Нурс.) *с.м.*

79. Натаниэль Путнам. (Судья Путнам.) *т.р.*
80. Израиль Портер. *с.м.*
81. Джеймс Кеттл.
82. Школьный дом в Ройал-Сайде.
83. Доктор Уильям Григгс.
84. Джон Траск. (I. Trask.) *с.*
85. Корнелиус Бейкер.
86. Экзерсис Конант (впоследствии преподобный Джон Чипман).
87. Дьякон Питер Вудберри. *т.р.*
88. Джон Рэймент, старший (полковник Дж. У. Рэймонд.)
89. Джозеф Суиннертон. (Натл. Поуп.)
90. Бенджамин Хатчинсон. *с.м.*
91. Джоб Суиннертон. (Амос Кросс.)
92. Генри Хоултон. (Артемас Уилсон.)
93. Сара, вдова Бенджамина Хоултона. (Судья Хоултон.) *с.*
94. Сэмюэл Ри.
95. Фрэнсис Нерс. (Орин Патнэм.) *с.*
96. Сэмюэл Нёрс. (Э. Г. Хайд.) *с.*
97. Джон Тарбелл. *с.*
98. Томас Престон.
99. Джейкоб Барни.
100. Сержант Джон Лич, старший (Джордж Саутвик.) *с.м.*
101. Капитан Джон Додж-младший (Чарльз Дэвис.) *т.р.*
102. Генри Херрик. (Натл. Портер.)
- [Здесь находилась усадьба его отца, Генри Херрика].

103. Лот Конант.

[Здесь находилась усадьба его отца, Роджера Конанта].

104. Бенджамин Балч, старший (Азор Додж.) *с.*

[Здесь находилась усадьба его отца, Джона Балча].

105. Томас Гейдж. (Чарльз Дэвис.) *с.*

106. Семьи Траск, Гровер, Хаскелл и Эллиотт.
107. Преподобный Джон Хейл.
108. Доркас, вдова Уильяма Хоара.
109. Уильям и Сэмюэл Аптон. с.
110. Абрахам и Джон Смит. (Дж. Смит.) с.
- [Здесь находилась усадьба Роберта Гуделла].
111. Исаак Гуделл. (Перли Гудейл.)
112. Авраам Уолкот. (Джаспер Поуп.) с.м.
113. Захария Гуделл. (Джаспер Поуп.)
114. Сэмюэл Эбби.
115. Джон Уолкот.
116. Джаспер Суиннертон. с.м.
117. Джон Уэлдон. Ферма капитана Сэмюэля Гарднера (Аса Гарднер.).
118. Гертруда, вдова Джозефа Поупа. (Преподобный Уиллард Сполдинг.) с.м.
119. Капитан Томас Флинт. с.
120. Джозеф Флинт. с.
121. Исаак Нидхэм. с.
122. Вдова Шелдон и ее дочь Сюзанна.
123. Уолтер Филлипс. (Ф. Пибоди-младший).
124. Сэмюэл Эндикотт. с.м.
125. Семьи Кризи, Кинг, Батчелдер и Говард.
126. Джон Грин. (J. Green) s.
127. Джон Паркер.
128. Джайлс Кори. *т.р.*
129. Генри Кросби.
130. Энтони Нидхэм-младший (Э. и Дж. С. Нидхэм).
131. Энтони Нидхэм-старший.
132. Натаниэль Фелтон. (Натаниэль Фелтон.) с.
133. Джеймс Хоултон. (Thorndike Procter.)
134. Джон Фелтон.
135. Сара Филлипс.

136. Бенджамин Скарлетт. (Районный школьный дом № 6.)

137. Бенджамин Поуп.

138. Роберт Моултон. (Т. Тейлор.) с.

139. Джон Проктер.

140. Дэниел Эппс. с.

141. Джозеф Бакстон. с.

142. Джордж Джейкобс, старший (Аллен Джейкобс.) с.

143. Уильям Шоу.

144. Алиса, вдова Майкла Шафлина. (Дж. Кинг.)

145. Семьи Баффингтон, Стоун и Саутвик.

146. Уильям Осборн.

147. Семьи Вери, Гулд, Фоллет и Мичем.

+ Натаниэль Ингерсолл.

¶ Преподобный Сэмюэл Пэррис. *т.р.*

□ Капитан Джонатан Уолкот. *т.р.*

ГОРОД САЛЕМ.

[Места расположения следующих домов и т.д., упомянутых в книге, см. маленькими заглавными буквами в правом нижнем углу [карты](#)].

A. Джонатан Корвин.

B. Сэмюэл Шатток, Джон Кук, Исаак Стернс, Джон Блай.

C. Бартоломью Гедни.

D. Стивен Сьюолл.

E. Корт Хаус.

F. Преподобный Николас Нойес.

G. Джон Хаторн.

H. Джордж Корвин, верховный шериф.

I. Бриджет Бишоп.

J. Дом собраний.

K. Таверна Гедни "Корабль".

L. Тюрьма.

M. Сэмюэл Бидл.

N. Преподобный Джон Хиггинсон.

O. Энн Пудеатор, Джон Бест.

P. Капитан Джон Хиггинсон.

Q. Городская площадь.

R. Джон Робинсон.

S. Кристофер Бэббидж.

Т. Томас Бидл.
U. Филипп Инглиш.
W. Место казни, "Ведьмин холм".

ГРАНТЫ.

Примечание. Гранты пронумерованы на [карте](#) римскими цифрами, границы обозначены прерывистыми линиями. Все они были выданы городом Салем, если не указано иное.

I. Джон Гулд.

Продан им капитану Джорджу Корвину 29 марта 1674 года; вдовой капитана Корвина продан Филипу Найту, Томасу Уилкинсу-старшему, Генри Уилкинсу и Джону Уилларду 1 марта 1690 года.

II. Закхей Гулд.

Продан им капитану Джону Путнаму до 1662 г.; в 1692 г. принадлежал капитану Путнаму, Томасу Кейву, Фрэнсису Эллиоту, Джону Николсу-младшему, Томасу Николсу и Уильяму Уэю.

Все вышеперечисленное вместе составляло землю, пожалованную Генеральным судом Роули 31 мая 1652 года и заложенную Роули Джону и Закхею Гулдам.

III. Управляющий Джон Эндикотт.

Ферма на реке Ипсвич, 550 акров, пожалованная Генеральным судом 5 ноября 1639 г.; в 1692 г. принадлежала его внукам, Зерубабелю, Бенджамину и Джозефу.

Генеральный суд 14 октября 1651 г. также предоставил губернатору Эндикотту 300 акров с южной стороны этой фермы, в "Слепой дыре", при условии, что он поставит медные заводы. Поскольку впоследствии эта земля, судя по всему, принадлежала Джону Портеру, вероятно, медный рудник был вскоре заброшен, но следы его до сих пор можно увидеть.

IV. Губернатор Ричард Беллингем.

Предоставлено Генеральным судом 5 ноября 1639 года.

V. Фермер Джон Портер.

Владел в 1692 году его сын, Бенджамин Портер. Сюда входит пожалование Таунсенду Бишопу, проданное Джону Портеру в 1648 году; также 200 акров, пожалованных Джону Портеру 30 сентября 1647 года. Эта часть в Топсфилде была освобождена Топсфилдом для Бенджамина Портера 2 мая 1687 года.

VI. Капитан Ричард Дэвенпорт.

Предоставлен 20 февраля 1637 г. и 26 ноября 1638 г.; продан вместе с фермой Хаторна Джону Путнаму, Джону Хаторну, Ричарду Хатчинсону и Дэниелу Ри, 17 апреля 1662 г.

VII. Капитан Уильям Хаторн.

Предоставлено 17 февраля 1637 г.; продано вместе с вышеупомянутым.

VIII. Джон Путнам Старший.

Включает в себя пожалование 100 акров Джону Путнаму 20 января 1641 года; 80 акров Ральфу Фоггу в 1636 году; 40 акров (ранее принадлежавших Ричарду Уотерману) Томасу Лотропу 29 ноября 1642 года; и 30 акров Энн Скарлетт в 1636 году. Весь участок принадлежал Джеймсу и Джонатану Путнам в 1692 году.

IX. Дэниел Ри.

Предоставлено ему в 1636 году; принадлежит его внуку, Дэниелу Ри, в 1692 году.

X. Преподобный Хью Питерс.

Предоставлен 12 ноября 1638 г.; заложен 15 июня 1674 г., в то время находился во владении капитана Джона Корвина; продан миссис Маргарет Корвин Генри Брауну 22 мая 1693 г.

XI. Капитан Джордж Корвин.

Предоставлен 21 августа 1648 г.; продан (включая 30 акров, ранее принадлежавших Джону Бриджмену) Джову Суиннертону-младшему и Уильяму Кентлбери, 18 января 1661 г.

XII. Ричард Хатчинсон, Джон Торндайк и мистер Фримен.

Предоставлены в 1636 и 1637 годах; в 1692 году принадлежали Джозефу, сыну Ричарда Хатчинсона, и Саре, жене Джозефа Уиппла, дочери Джона и внучке Ричарда Хатчинсона.

XIII. Сэмюэл Шарп.

Предоставлено 23 января 1637 г.; продано Джону Портеру 10 мая 1643 г.; принадлежало его сыну, Израэлю Портеру, в 1692 г.

XIV. Джон Холгрейв.

Предоставлено 26 ноября 1638 г.; продано Джеффри Мэсси и Николасу Вудберри 2 апреля 1652 г. и Джошуа Ри 1 января 1657 г.

XV. Уильям Алфорд.

Предоставлено в 1636 году; продано Генри Херрику до 1653 года.

XVI. Фрэнсис Уэстон.

Предоставлено в 1636 г.; продано Джоном Пизом Ричарду Ингерсоллу и Уильяму Хейнсу в 1644 г.

XVII. Элиас Стилеман.

Предоставлено в 1636 г.; продано Ричарду Хатчинсону, 1 июня 1648 г.

XVIII. Роберт Гуделл.

504 акра, отведенных ему 13 февраля 1652 г.: состоит из 40 акров, пожалованных ему "давным-давно", и других участков, купленных им у первоначальных получателей, а именно: Джозеф Графтон, Джон Сандерс, Генри Херрик, Уильям Баунд, Роберт Пиз и его брат, Роберт Котта, Уильям Уолкотт, Эдмунд Маршалл, Томас Антрам, Майкл Шафлин, Томас Веннер, Джон Барбер, Филемон Дикенсон и Уильям Гус.

XIX. Джоб Суиннертон.

300 акров, заложенные 5 января 1697 г. Джову Суиннертону-младшему; принадлежали его отцу по гранту и покупке еще в 1650 г.

XX. Таунсенд Бишоп.

Предоставлен 11 января 1636 г.; продан Фрэнсису Нерсу 29 апреля 1678 г.

XXI. Преподобный Сэмюэл Скелтон.

Предоставлено Генеральным судом, 3 июля 1632 г.; продано Джону Портеру, 8 марта 1649 г.; принадлежало наследникам Джона Портера в 1692 г.

XXII. Джон Уинтроп, младший.

Предоставлено 25 июня 1638 г.; продано его дочерью Джону Грину 9 августа 1683 г.

XXIII. Преподобный Эдвард Норрис.

Предоставлено 21 января 1640 г.; продано Эллинор Труслер, 7 августа 1654 г.; Джозефу Поупу, 18 июля 1664 г.

XXIV. Роберт Коул.

Предоставлено 21 декабря 1635 г.; продано Эмануэлю Даунингу до 16 июля 1638 г.; передано им Джону и Адаму Уинтропам в доверительное управление для себя и жены на время их жизни, а затем для его сына, Джорджа Даунинга, 23 июля 1644 г.; сдано в аренду Джону Проктеру в 1666 г.; занято им и его сыном Бенджамином в 1692 г.

XXV. Полковник Томас Рид.

Предоставлено 16 февраля 1636 г.; продано Дэниелу Эппсу 28 июня 1701 г. Уэйтом Уинтропом как поверенным Сэмюэля Рида, единственного сына и наследника Томаса Рида.

XXVI. Джон Хамфри.

Предоставлен Генеральным судом 7 ноября 1632 г., 6 мая 1635 г. и 12 марта 1638 г., 1500 акров, часть в Салеме и часть в Линне; продан по решению суда Роберту Солтонстоллу 6 декабря 1642 г. и продан им Стивену Уинтропу 7 июня 1645 г., дочери которого - Маргарет Вилли и Джудит Хэнкок - владели им в 1692 г.: часть в границах Салема указана [на карте](#) в соответствии с отчетом комиссии от 11 июля 1695 г.

Ферма "Фруктовый сад".

Предоставлена Генеральным судом губернатору Эндикотту; принадлежала его внукам, Джону и Сэмюэлю, в 1692 году.

Губернаторская равнина.

Предоставлена губернатору Эндикотту 27 января 1637 г., 23 декабря 1639 г. и 5 февраля 1644 г.; включает земли, предоставленные под названием "малые участки".

Равнина Джонсона.

Предоставлена Фрэнсису Джонсону 23 января 1637 года.

ФЕРМЫ.

[Границы ферм обозначены пунктирными линиями, за исключением тех случаев, когда они совпадают с границами грантов. Ниже приведены те, что указаны на [карте](#)].

1-я, между грантами № XI и VII, к северу от границ деревни и к югу до Андовер-роуд, - около 500 акров; куплена Томасом и Натаниэлем Путнамом у Филипа Кромвеля, Уолтера Прайса и Томаса Коула, Джеффри Мэсси, Джона Ривза, Джозефа и Джона Гарднеров и Джайлса Кори; в 1692 году принадлежала Эдварду Путнаму, Томасу Путнаму и Джону Путнаму-младшему. Сюда также входят 50 акров, пожалованные Натаниэлю Путнаму 19 ноября 1649 года.

2-й, в северной части гранта № VII и к северу от границ деревни - 100 акров, известных как "Ферма Рук"; пожалован Томасу Руку 27 мая 1654 года и продан Филипу Найту и Томасу Кейву 24 июля 1672 года.

3-й, к северу от фермы Рук, 100 акров; продан Уильямом Робинсоном Ричарду Ричардсу и Уильяму Хоббсу, 1 января 1660 г., в 1692 г. принадлежал Уильяму Хоббсу и Джону Робинсону.

4-я, следующая к востоку, ограниченная на северо-востоке ручьем Николс, в границах деревни - 200 акров; пожалован Генри Бартоломью и продан им Уильяму Николсу до 1652 года.

5-й, к востоку от "Фермы Рук" и за границами деревни, около 150 акров; пожалован Джону Путнаму и Ричарду Грейвзу. Часть этого участка была продана Джоном Путнамом капитану Томасу Лотропу 2 июня 1669 года, а в 1692 году им владел Иезекииль Чивер: остальная часть принадлежала Джону Путнаму.

6-й, к востоку от вышеупомянутого и к югу от фермы Николса, - 60 акров, принадлежащие Генри Кенни; также 50 акров, пожалованные Джову Суиннертону, переданные им своему сыну, доктору Джону Суиннертону, и проданные Джону Мартину и Джону Дейлу 20 марта 1693 года.

7-й, к югу от вышеуказанного и к востоку от гранта № VII, - 150 акров; пожалован Уильяму Пестеру, 16 июля 1638 г., и продан капитаном Уильямом Траском Роберту Принсу, 20 декабря 1655 г.

8-й, к востоку от участка № VI, на север до холма Смита и на юг до участка № IX, - около 400 акров; пожалован Аллену Кеннистону, Джону Портеру и Томасу Смиту, в 1692 г. принадлежал Дэниелу Эндрю и Питеру Клойсу.

9-й, к востоку и юго-востоку от Смитс-Хилла, 500 акров; пожалован Эмануэлю Даунингу в 1638 и 1649 годах и продан им Джону Портеру 15 апреля 1650 года. Джон Портер передал эту ферму своему сыну Джозефу после его женитьбы на Анне, дочери Уильяма Хаторна.

10-я, к востоку от реки Фрост-фиш, включая северную часть холма Лич и пересекая Ипсвичскую дорогу, - около 250 акров, известная как "ферма Барни"; первоначально была пожалована Ричарду Ингерсоллу, Джейкобу Барни и Паше Фут.

11-й, к югу от фермы Барни, около 200 акров; пожалован Лоренсу, Ричарду и Джону Личу; в 1692 году принадлежал Джону Личу.

12-й, к северу от фермы Барни, между грантами № XIII и XIV, - около 250 акров, известен как "Угол Готта"; пожалован Чарльзу Готту, Джеффри Мэсси, Томасу Уотсону, Джону Пикарду и Джейкобу Барни, продан ими Джону Портеру. (Недавно известна как "Ферма Берли").

13-й, к востоку от фермы Барни, - 40 акров; первоначально был пожалован Джорджу Харрису, а затем Осмонду Траску; в 1692 году принадлежал его сыну, Джону Траску.

14-й, Далее к востоку и через Ипсвич-роуд, 40 акров; пожалован Эдварду Бишопу 28 декабря 1646 г.; в 1692 г. принадлежал его сыну, Эдварду Бишопу, "пильщику".

15-й, на северо-западном конце холма Фелтонс и за чертой деревни, около 60 акров; принадлежит Натаниэлю Путнаму.

16-й, к юго-востоку от гранта № XXIII, ферма площадью около 150 акров; принадлежит Джайлсу Кори, включая 50 акров, купленных им у Роберта Гуделла 15 марта 1660 года, и 50 акров, купленных им у Эзры и Натаниэля Клэпп, из Дорчестера, наследников Джона Олдермена, 4 июля 1663 года.

17-й, к северо-востоку от вышеупомянутых, - 150 акров, пожалованных миссис Анне Хиггинсон в 1636 году; продан преподобным Джоном Хиггинсоном Джону Пикерингу 23 марта 1652 года, а им Джону Вуди и Томасу Флинту 18 октября 1654 года; в 1692 году принадлежал Томасу и Джозефу Флинту.

ВВЕДЕНИЕ.

Одной из отличительных черт человека является то, что он любит созерцать сцены прошлого и желает, чтобы его собственная история была перенесена в будущее. Это, как и все другие склонности нашей природы, сопровождается способностями, обеспечивающими их удовлетворение. Дар речи, с помощью которого родители могут передавать информацию ребенку, старики - молодым, свидетельствует о том, что по замыслу Автора нашего бытия мы должны получать от уходящих повествование об их опыте и передавать результаты своего собственного поколения, которые придут нам на смену. Все народы, в большей или меньшей степени, были верны своему доверию в использовании дара для исполнения замысла Дарителя. Невозможно назвать народ, который бы не обладал заветными традициями, доставшимися ему от ранних предков.

Хотя принято считать, что изобретение системы произвольных и внешних знаков для передачи мыслей - одно из величайших и труднейших достижений человеческой изобретательности, тем не менее столь универсальной является склонность знакомить будущие поколения с нашим состоянием и историей, - склонность, эффективная причина которой может быть найдена только в чувстве ценности такого знания, - что едва ли можно найти народ на лице земного шара, который не придумал, с помощью тех или иных средств, от грубого памятника из бесформенной скалы до самого совершенного алфавитного языка, общаться с потомками; Таким образом, голосом самой природы мы заявляем, что желательно и правильно, чтобы все люди знали как можно больше о характере, поступках и судьбах своих предшественников на сцене жизни.

Нетрудно догадаться, с какой целью нам было дано это стремление сохранять будущее и созерцать прошлое. Если бы мы знали только то, чему учит наш индивидуальный опыт, наш ум имел бы сравнительно мало возможностей для своего развития, и наши характеры были бы результатом ограниченного влияния, заключенного в узкой сфере наших конкретных и непосредственных отношений и обстоятельств. Но по мере того, как мы наблюдаем за теми, кто жил до нас, наши материалы для размышлений и источники обучения множатся.

Добродетели, которыми мы восхищаемся в наших предках, не только украшают и делают достойными их имена, но и побуждают нас к подражанию им. Их процветание и счастье распространяют за границей рассеянный свет, который достигает нас и улучшает наше состояние. Мудрость, которая направляла их стопы, в то же время становится светильником на нашем пути. Наблюдение за ошибками их пути, за последующими разочарованиями и страданиями, постигшими их, позволяет нам безопасно пройти через скалы и уступы, на которых они потерпели кораблекрушение; и, хотя мы скорбим, видя, как они вкушают горькие плоды собственного невежества и глупости, а также пороков и преступлений, мы можем воспользоваться их опытом, не платя цену, за которую они его приобрели.

В желании, которое испытывает каждый человек, узнать историю и получить наставления на примере своих предшественников, а также в сопутствующем ему стремлении, имея средства для его реализации, передать знания о себе и своем времени своим преемникам, мы обнаруживаем мудрое и восхитительное устройство провидения, которое удаляет измученного человека в лучшую страну, но оставляет приобретения его ума и пользу его опыта в качестве накопительного и общего фонда для использования его потомками; которая обеспечила непрерывное обновление расы без потери мудрости каждого поколения.

Эти соображения позволяют дать истинное определение истории. Это инструмент, с помощью которого результаты великого эксперимента человеческих действий на этом театре бытия собираются и передаются из века в век. Говоря через записи истории, ушедшие поколения предупреждают и направляют последующие поколения. История - это прошлое, преподающее философию настоящему для будущего.

Поскольку таково истинное и правильное предназначение истории, она занимает возвышенное место среди отраслей человеческого знания. Каждое общество, стремящееся стать разумным и добродетельным, должно бережно хранить ее. Институты по продвижению и распространению полезной информации должны иметь к ней особое отношение. И все люди должны быть побуждены смотреть назад на дни своих предков, чтобы быть предупрежденными их ошибками, обученными их мудростью, и стимулированными в карьере улучшения примером их добродетелей.

Историк найдет огромное количество и разнообразие материалов в летописи этого старого города, - больше, пожалуй, чем в любом другом подобном городе страны. Но есть в нашей истории одна глава, представляющая исключительный интерес и важность. Колдовское заблуждение 1692 года привлекает всеобщее внимание с момента своего возникновения и во все последующие века сделает имя Салема известным во всем мире. Где бы ни упоминалось место, в котором мы живем, это памятное событие будет ассоциироваться с ним; и те, кто больше ничего не знает о нашей истории и нашем характере, обязательно узнают и с издевкой сообщат нам, что знают, что мы повесили ведьм.

Безусловно, мы обязаны иметь правильное и справедливое представление о сделке, неразрывно связанной с репутацией нашего дома, памятью наших отцов и, конечно же, с самой ценной частью наследства наших детей. Я опасаясь, что общество очень поверхностно знакомо с этой сделкой. Все слышали о салемском колдовстве, но почти никто не знает о реальном характере этого события. Упоминание о нем вызывает улыбку удивления, возможно, презрительную усмешку, а может быть, и трепет ужаса перед невинно пострадавшими; но есть основания опасаться, что оно не наводит на размышления и не дает тех спасительных наставлений, без которых невозможно выполнить замысел Провидения, допустившего это событие. Действительно, в истории любого народа найдется немного отрывков, которые можно было бы сравнить с ней во всем, что составляет жалкое и

трагическое, таинственное и ужасное. Изучающий человеческую природу будет созерцать в ее сценах одно из самых примечательных развитий, которые когда-либо принимала эта природа; а моралист, государственный деятель и христианский философ найдут, что она открывает перед ними широкое поле, плодотворное для обучения.

Наших предков безмерно упрекали за их поведение по этому случаю. Печально, конечно, то заблуждение, которое на них нашло, и шокирует то, до какой степени их сбитое с толку воображение и возбужденные страсти торопили и подгоняли их. Однако многие соображения заслуживают того, чтобы их хорошенько взвесить, прежде чем выносить им приговор. И хотя я надеюсь продемонстрировать готовность представить каждую вещь в ее справедливом свете и обнажить самые мрачные черты сделки, я уверен, что смогу привести такие факты и соображения, которые удовлетворят вас, что в связи с этим делом на них не должно быть наложено никакого упрека, который не принадлежал бы, по крайней мере, в равной степени, всем другим народам, а также величайшим и лучшим людям их времени и предыдущих эпох; И, короче говоря, что окончательно преобладающее чувство, которое должно пробудить их поведение, - это не столько гнев и возмущение, сколько жалость и сострадание.

Давайте попробуем перенестись в состояние колонии Массачусетс сто семьдесят лет назад. Преследования, которым подверглись наши предки в своей стране, и лишения, совершенно немыслимые для нас, которые они перенесли в первые годы своего проживания здесь, воздействуя на их умы и характеры, в сотрудничестве с влиянием политических и церковных событий, которыми был отмечен семнадцатый век, придали мрачный, торжественный и романтический оттенок их нравам и ассоциациям, который передавался без уменьшения их детям, усиливаясь и усугубляясь их особыми обстоятельствами. Это был триумфальный век суеверий. Воображение расширялось благодаря легковерию, пока не достигло дикого и чудовищного роста. Пуритане всегда были склонны поддаваться его влиянию, а Новая Англия в то время, о котором мы говорим, была самым подходящим и благоприятным театром для проявления его силы. Земледелие лишь слегка посягнуло на дикую природу. Широкие, темные, неизведанные леса покрывали холмы, нависали над одинокими дорогами и нависали над разбросанными поселениями. Люди, чья жизнь прошла там, где поверхность давно открыта, а земля в целом расчищена, мало знают, какое воздействие оказывает на разум первобытная дикая местность. Нет ничего более впечатляющего, чем ее мрачные тени и угрюмые углубления. Одинокое странника то и дело пугают странные, таинственные звуки, доносящиеся из ее скрытых глубин. Далекое падение древнего и трухлявого ствола или шаги животных, бредущих по заплесневелым ветвям, которыми усыпана земля; порхание невидимых птиц, пробирающихся сквозь листву, или стон ветра, проносящегося над верхушками сучьев, - все это будоражит воображение и настраивает на торжественный лад. Но неподвижность леса поражает и внушает благоговение больше, чем его звуки. Его тишина настолько глубока, что сама по себе становится слышимой для внутренней души. Неудивительно, что лесные страны были плодотворными источниками и рассадниками суеверий.

"В таком месте, как это, в такой час,
Если в родословную можно верить,
нисходящие духи беседовали с человеком,
И поведали тайны неведомого мира".

Леса, окружавшие наших предков, были обителью таинственной расы людей со странным поведением и неопределенным происхождением. Их облик, истории, рассказанные о них, и

все, что с ними связано, пробуждали страх, сбивали с толку воображение и усугубляли тенденции общего состояния вещей к фанатичному энтузиазму.

Было распространено мнение, одобренное, как выяснится в ходе этого обсуждения, не только духовенством, но и самыми учеными того и предыдущих веков, что американские индейцы - подданные и поклонники дьявола, а их паувау - волшебники.

Вследствие этого мнения, полного отсутствия доверия и симпатии, которые оно породило, а также провокаций, естественно возникающих при тесном соседстве двух рас людей с несхожими привычками, чувствами и идеями, вскоре возникло положение вещей, которое привело к конфликтам и войнам самого ужасающего и шокирующего характера. Прочно укоренившиеся чувства враждебности и ужаса стали ассоциироваться в сознании колонистов с именем индейца. Вряд ли можно было найти деревню, где не было бы следов дикарского насилия и жестокости, или человека, чья семейная история не содержала бы иллюстраций скрытности, злобы или мести дикарского врага. В 1689 году Джон Бишоп и Николас Рид, слуга Эдварда Путнама, а в 1690 году Годфри Шелдон были убиты индейцами в Салеме. В 1691 году, примерно за полгода до начала колдовского бреда, графству Эссекс было приказано держать двадцать четыре разведчика постоянно в поле, чтобы охранять границы от дикого врага и оповещать о его приближении, которого тогда ждали каждый час с величайшей тревогой и опасением.

События вскоре оправдали страх перед враждебными действиями индейцев, который испытывали жители этого района. В течение шести лет после колдовского заблуждения вторжения диких врагов происходили в разных местах, вселяя ужас во все сердца. В августе 1696 года они убили или взяли в плен пятнадцать человек в Биллерике, сожгли много домов. В октябре того же года они нагрянули в Ньюбери, утащили и избили томагавками девять человек; все они погибли, кроме одного мальчика, который выжил после ранения. В 1698 году они совершили убийственное и разрушительное нападение на Хаверхилл. История пленения, страданий и героических свершений Ханны Дастин относится к истории этого события. Она стоит в одном ряду с бессмертным подвигом Юдифи и не имеет других аналогов во всех летописях женской смелости и доблести. 3 июля 1706 года в Данстейбле ночью штурмовали гарнизон, и Холиок, сын Эдварда Путнама, вместе с тремя другими солдатами был убит. Ему было двадцать два года. В 1708 году семьсот индейцев алгонкинов и святого Франциска под командованием французских офицеров снова напали на Хаверхилл около полудня 29 августа; подвергли город пожару и грабежу; уничтожили большое количество имущества; убили министра мистера Рольфа, командира поста капитана Уэйнрайта и еще около сорока человек; многих увели в плен. По этому случаю конный отряд и пешая рота из деревни Салем поспешили на помощь; тогдашний священник прихода, преподобный Джозеф Грин, захватил свое ружье и отправился с ними. Они преследовали летящих индейцев на расстоянии. Жители Хаверхилла были так глубоко впечатлены доблестью и поведением мистера Грина и его людей, что прислали благодарственное письмо и попросили его приехать и проповедовать перед ними. Он последовал приглашению, провел там воскресенье и таким образом дал им возможность лично выразить свою благодарность. В других случаях он сопровождал своих людей в подобных экспедициях.

Эти случаи показывают, что страхи и тревоги колонистов по поводу нападений индейцев в период колдовских заблуждений были небезосновательны. В то самое время они висели над

их головами, как грозовая туча, которая вскоре должна была разразиться и посеять среди них смерть и разрушения.

Между несколькими деревнями и поселениями практически не было сообщения. Например, поездка из Бостона в Салем, которую обычные средства передвижения позволяют нам совершить менее чем за час, в то время была утомительной, полной приключений и сомнений работой целого дня.

Это был самый мрачный и унылый период в гражданской истории Новой Англии. Народ, чьей главной страстью тогда, как и с тех пор, была любовь к конституционным правам, за несколько лет до этого был повергнут в ужас потерей хартии и с тех пор находился в состоянии лихорадочной тревоги за свою дальнейшую политическую судьбу. Вдобавок ко всему, все морское побережье подвергалось опасности: безжалостные пираты постоянно рыскали вдоль берегов. Торговля была почти уничтожена, и люди, занимающиеся бизнесом, несли большие убытки. Недавняя экспедиция в Канаду поставила колонии под угрозу мести Франции.

Провинция была обложена непосильными налогами и обременена тяжелыми долгами. За год до начала преследования за колдовство сумма, взимаемая с Салема для покрытия расходов всей страны, составляла 1 346 фунтов стерлингов. 1s. Кроме того, существовали городские налоги. Все это, несомненно, включая поддержку министерства, составляло налоговую нагрузку, учитывая большую стоимость денег в то время, о которой мы не имеем никакого опыта и вряд ли можем составить адекватное представление. Это бремя ложилось непосредственно на все общество. Тогда не было ни больших частных состояний, ни денежных учреждений, ни значительной внешней торговли, ни предметов роскоши, ни крупных деловых капиталов, которые могли бы перехватить и отвлечь его давление. Все это было подчинено неимоверным усилиям населения с крайне скромными состояниями и весьма ограниченными доходами и почти раздавило его до основания.

Народ был недоволен новым уставом. Они становились жертвами политической ревности, недовольства и вражды. Их будоражили великие революции. Их окружали тревожные сигналы перемен, а в их ушах постоянно звучали слухи о войне. Их умы были поражены и сбиты с толку распространенными пророчествами и предчувствиями темных и мрачных событий. В этот злополучный момент, как бы в довершение всех бед и ужасов, по их всеобщему и трезвому убеждению, сам Лукавый был особым образом отпущен на свободу и получил возможность обрушиться на них с беспрецедентной яростью.

Жители Салема в полной мере участвовали в мраке и унынии, охвативших провинцию, и, кроме того, имели свои собственные беды и несчастья. За короткое время город лишился почти всех своих почтенных отцов и ведущих граждан, тех, чьи советы управляли им и чья мудрость руководила им с первых лет заселения этого места. Только те, кто близко знаком с состоянием общины с простыми нравами и примитивными чувствами, какими были первые новоанглийские поселения, могут составить адекватное представление о том, насколько люди были привязаны к своим патриархам, насколько они зависели от них и какова была потеря, когда их не стало.

Посреди этого всеобщего бедствия и локального мрака и депрессии разыгралась великая и ужасная трагедия, события, сцены и персонажи которой я сейчас представляю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕРЕВНЯ САЛЕМ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕРЕВНЯ СЭЙЛЕМ.

Прежде чем перейти к рассмотрению темы колдовского заблуждения, необходимо дать конкретный и подробный отчет о местности, где оно произошло, и о населявшем ее обществе. Этого требует справедливость по отношению к заинтересованным сторонам и необходимо для правильного понимания происходящего. Никто, по правде говоря, не может правильно оценить характер сельского населения городов, впервые заселенных в Массачусетсе, не проследив его истоки и не приняв во внимание политику, которая регулировала колонизацию страны в самом начале.

"Губернатор и Компания Массачусетского залива в Новой Англии" обладала, согласно хартии Якова Первого, датированной 3 ноября 1620 года и возобновленной Карлом Первым 4 марта 1629 года, полным суверенитетом над всей отведенной ей территорией. В грант было включено несколько условий и исключений, которые, в конечном счете, оказались лишь номинальными. Компания, насколько это касалось короны и суверенитета Англии, стала абсолютным владельцем всей территории в ее пределах и осуществляла свои полномочия соответствующим образом. Она принимала мудрые и эффективные меры, чтобы способствовать заселению страны эмигрантами самого лучшего типа. Каждому, кто перевозил себя за свой счет, он давал пятьдесят акров земли, а тем, кто решил поселиться и построить город, - участки, в отличие от ферм. В 1628 году капитан Джон Эндикотт, один из первоначальных патентообладателей, был послан сюда, чтобы руководить делами на месте и воплощать в жизнь идеи компании. 30 апреля 1629 года компания путем полных и свободных выборов выбрала Эндикотта "губернатором плантации в Массачусетском заливе" на один год "с того момента, как он принесет присягу", и дала ему инструкции по управлению. Что касается распоряжения землями, то они предусматривали, что лица, "которые были авантюристами", то есть подписчиками на общую акцию в размере пятидесяти фунтов, должны иметь двести акров земли, и, по этой ставке, больше или меньше, "с намерением построить свои дома и улучшить свои труды на них". Искатели приключений, которые везли с собой семьи, должны были получить по пятьдесят акров на каждого члена своей семьи. На тех же принципах были приняты и другие положения, касающиеся слуг, взятых на работу; для каждого из них должно было быть выделено дополнительное количество акров. Если человек решит "строить на участке, где предполагается возвести город", он должен был получить пол-акра за каждые пятьдесят фунтов, внесенных им в общий фонд. Эндикотту и его совету была предоставлена общая свобода действий: они могли выдавать гранты конкретным лицам "в соответствии с их способностями и качеством"; при этом всегда учитывалась способность грантополучателя улучшить свой участок. Энергичные и умные люди, имеющие трудоспособных сыновей или слуг, даже если они не авантюристы, должны были пользоваться благосклонностью. Эндикотт добросовестно и разумно выполнял эти указания во время своего недолгого правления. Тем временем было решено перенести хартию и всю компанию в Новую Англию. Когда это было решено, Джон Уинтроп вместе с другими присоединился к компании, и 29 октября 1629 года он был избран ее губернатором. 12 июня 1630 года он прибыл в Салем, а 28 августа провел свой первый суд в Чарльстауне.

В этих процедурах были некоторые нарушения. Хартия устанавливала определенное время, "ежегодно, раз в год, на вечные времена", для выборов губернатора, вице-губернатора и помощников. Мэтью Крэдок был избран 13 мая 1629 года губернатором компании "на следующий год". Он председательствовал на общем суде компании, когда Уинтроп был избран губернатором. По всей видимости, Крэдок не подавал никаких официальных заявлений об уходе со своего поста. На самом деле, устав не предусматривал отказ от должности, а только случаи, когда вакансия могла быть вызвана смертью или удалением по решению компании. Было бы правильнее, если бы компания сместила Крэдока официальным голосованием; но большое и серьезное дело, которым они занимались, не позволяло им думать о простой формальности. Крэдок сам задумал проект, ради которого они собрались, и трудился, чтобы воплотить его в жизнь. Он уступил кресло своему преемнику на этом месте. По-прежнему забывая о положениях хартии, они объявили Уинтропа избранным "на следующий год, который начнется в этот день", 20 октября 1629 года. Согласно формулировке хартии, он мог быть избран только для заполнения вакансии "в комнате или на месте" Крэдока; то есть на остаток официального года, установленного прямым положением этого документа, а именно до "последней среды пасхального

семестра", который наступит. Все обычаи говорят в пользу такого толкования. Условия хартии недвусмысленны; и если бы лица, выбранные для заполнения вакансий в течение года, могли быть таким образом уполномочены занимать должность в течение целого года с момента их избрания, положение, устанавливающее определенный день "ежегодно" для выбора должностных лиц, было бы полностью аннулировано. Пришло ли это впоследствии в голову Уинтропу и его соратникам, неизвестно; но если да, то они не могли действовать в соответствии с приведенным сейчас мнением, поскольку в последующую "последнюю среду пасхального семестра" он был в море, в середине океана, и несколько членов компании разошлись по всему флоту. Прибыв в Салем, он обнаружил Эндикотта, который в записях компании до ее перевода в Новую Англию назван "губернатором за морями" - год его полномочий еще не истек. Компания не выбрала на его место другого, и его полномочия все еще оставались в силе. Было настолько очевидно, что голосование, продлившее срок пребывания Уинтропа в должности на год со дня его избрания, 20 октября 1629 года, было незаконным, что по истечении этого года, в октябре 1630 года, не было сделано никакого предложения о проведении новых выборов. Тем временем, однако, год Эндикотта истек; и, насколько можно судить, в течение нескольких месяцев в колонии не было ни законного губернатора, ни правительства. Когда наступила следующая "последняя среда пасхального семестра", 18 мая 1631 года, Уинтроп был избран губернатором, как сказано в записи, "согласно смыслу патента"; и после этого все пошло своим чередом. Если Уинтроп, Эндикотт или кто-то из их соратников и заметили затруднения, в которые они попали, то они были достаточно мудры, чтобы понять, что ничего, кроме беды, из этого не выйдет; что никакая человеческая изобретательность не сможет распутать этот клубок; и что все, что они могут сделать, - это ждать, пока время само их разберет. Поведение этих двух людей в данном случае было поистине восхитительным. Эндикотт приветствовал Уинтропа со всеми почестями, причитающимися его положению губернатора; открыл свои двери, чтобы принять его и его семью; и проявил то нежное уважение и почитание, которым Уинтроп с ранней юности и до самой смерти вдохновлял всех людей в любых обстоятельствах. Уинтроп и составили церемонию бракосочетания Эндикотта. Каждый из них занялся своими делами и ничего не сказал о неловкости, связанной с их официальными титулами или полномочиями. Через несколько месяцев Уинтроп занял свое место в суде, как будто все было в порядке; Эндикотт занял свое место в качестве помощника. Они показали себя здравомыслящими, высокодуховными людьми, настоящими общественниками, друзьями друг друга и страны, которая будет вечно чтить их как основателей и отцов. Они не вступали в споры - и их потомки никогда не должны были вступать - о том, кто был губернатором или кто первым губернатором.

По истечении срока полномочий Эндикотта распоряжение землями вернулось в руки компании и осуществлялось Генеральным судом в соответствии с политикой, установленной на его заседаниях в Лондоне. 3 марта 1635 года Генеральный суд передал управление и распоряжение землями в пределах городов самим городам. После этого все пожалования земель в Салеме осуществлялись жителями города или их собственными местными судами. Первоначальная земельная политика здесь соблюдалась неукоснительно, как, вероятно, и в других городах.

Ниже приводится копия этого закона.

"В то время как отдельные города имеют много дел, которые касаются только их самих, и упорядочения их собственных дел, и распоряжения делами в их собственных городах, поэтому постановляется, что свободные люди любого города, или большая их часть, должны иметь право распоряжаться только своими собственными землями и лесами, со всеми

привилегиями и приписками указанных городов, предоставлять участки, и делать такие распоряжения, которые могут касаться упорядочения их собственных городов, не противоречащие законам и порядкам, установленным здесь Генеральным судом; а также устанавливать штрафы и пени за нарушение этих постановлений, взимать их и налагать на них взыскания, не превышающие двадцати шиллингов; а также выбирать себе конкретных должностных лиц, таких как констебли, землемеры и т.п.; и поскольку констебли нескольких городов могут иметь много дел, поскольку им надлежит производить расправу и собирать штрафы, поэтому каждый город должен иметь двух констеблей, где это необходимо, чтобы их должность не была им в тягость, и они могли более тщательно следить за исполнением своих обязанностей, за что они должны давать отчет этому суду, когда они будут вызваны для этого."

Вдумчивый студент-политолог, вероятно, сочтет этот законодательный акт самым важным в нашей летописи. Города существовали и раньше, но были не более чем местными названиями или удобным делением населения и территорий. Этот закон позволил им стать хранилищами и проводниками политической власти в ее могущественной действенности и жизненной силе. Это вернуло народу его изначальный суверенитет. Прежде этот суверенитет находился в руках удаленной центральной депутации; это вернуло его им в их первичном качестве и вернуло его, в его важнейших элементах, под их непосредственный контроль. Она дала им полное владение и абсолютную власть над их собственными землями, обеспечила механизм для управления их собственными районами, для принятия и исполнения их собственных законов в том, что, в конце концов, является величайшей сферой правительства, - в том, что касается обычных, повседневных, непосредственных отношений. Она дала народу власть делать и определять все, что народ может делать и определять сам. Она создала города как прочный фундамент всей политической структуры государства, обучила людей вечной школе самоуправления и подготовила их к тому, чтобы они были хранителями республиканской свободы и порядка.

Большие участки земли предоставлялись людям, которые имели склонность и средства для их улучшения: открывали дороги, строили мосты, вырубали леса и приводили поверхность в состояние, пригодное для возделывания. Таким образом, люди, обладающие собственностью, образованием и высоким социальным положением, становились лидерами в освоении сельскохозяйственных ресурсов страны и формировании фермерского интереса и класса. В тех случаях, когда появлялись энергичные, промышленные и умные люди, если они не были авантюристами, не имеющими иного имущества, кроме крепких рук и решительной воли, особенно если у них были трудоспособные сыновья, им предоставлялись либеральные субсидии. Каждому, кто получил городской участок в пол-акра, разрешалось отказаться от него, получив взамен загородный участок в пятьдесят акров и более. При такой системе население высшего порядка было выведено в лес. Фермы быстро распространились вглубь страны, отыскивая луга, занимая пахотные земли и особенно следуя вдоль ручьев.

Я предлагаю проиллюстрировать это очень конкретным перечислением случаев и деталями, которые дадут нам представление о личных, бытовых и социальных элементах, составлявших условия жизни в раннюю эпоху Новой Англии, особенно в той части старого города Салем, где происходит действие нашего рассказа. Я расскажу о людях и семьях, которые первыми заселили район, входящий в деревню Салем и непосредственно примыкающий к ней, и чьи дети и внуки были действующими лицами, страдальцами или свидетелями колдовских заблуждений. [С помощью карты](#) я могу с определенной степенью точности показать границы их ферм, а также места, на которых стояли их дома или рядом с ними.

Первым земельным наделом, полученным компанией после того, как она начала действовать, был надел в шестьсот акров губернатору Уинтропу 6 сентября 1631 года "возле его дома в Мистике". Следующим был надел заместителя губернатора Томаса Дадли от 5 июня 1632 года на двести акров "на западной стороне реки Чарльз, напротив нового города", ныне Кембридж. Следующим, 3 июля 1632 года, был отвод трехсот акров Джону Эндикотту. Он описывается в протоколе как "ограниченный с южной стороны рекой, обычно называемой Коровьей рекой, с северной стороны рекой, обычно называемой Утиной рекой, с востока рекой, ведущей к двум прежним рекам, известной под названием Вульстон-ривер, а с запада - основной землей". Индейское слово, применявшееся к этой территории, означало "Березовый лес". В период колдовского заблуждения и некоторое время после него "Река Коровьего Дома" называлась "Река Эндикотт". Впоследствии она приобрела название "Уотерс-Ривер".

Этот грант составлял так называемую "ферму губернаторского сада". В соответствии с политикой, по которой выдавались гранты, Эндикотт сразу же приступил к его освоению и благоустройству, расчистив лес, возведя здания, проложив дороги и построив мосты. Из окон его дома открывался вид на все окрестности, включая морские просторы. С более возвышенных мест его фермы было видно открытое море. По его приказу была открыта дорога от прилива на реке Дак, ныне Крейн, через ферму Орчард и вокруг верховья реки Коу-Хаус до города Салем в одном направлении и до Линна и Бостона в другом. Через несколько лет после этого город выделил ему еще двести акров, примыкающих к западной линии фермы "Фруктовый сад". После этого, как часть сделки, была проложена нынешняя Ипсвичская дорога, а старая дорога через Орчард-Фарм была прекращена. Это иллюстрирует политику земельных грантов. Они выдавались тем, кто мог прокладывать дороги. Нынешний мост через реку Крейн, вероятно, был построен Эндикоттом и теми, кто получил участок, который сейчас называется Плейнс, одна из главных деревень Дэнверса. Участок, предоставленный городом, в народе называли "Губернаторской равниной". Раздавая таким образом большие участки земли состоятельным людям, страна открывалась и становилась доступной для поселенцев, которые не имели материальных возможностей для больших расходов на общие улучшения, но обладали необходимой энергией и промышленностью, чтобы начать работу по покорению леса и созданию ферм для себя. Для них были выделены меньшие гранты.

Характер населения, которому в самом начале была оказана помощь в заселении страны, невозможно оценить, не имея представления о том, что значило открыть дикую местность для заселения и возделывания. Те, кто всегда жил не в приграничных городах, возможно, не понимают этого.

Сколько земли было ранее расчищено племенами аборигенов, определить довольно сложно. Они были слабо привязаны к земле, имели временные и передвижные жилища, не имели громоздких орудий труда и предметов мебели. По своим привычкам они вели кочевой образ жизни. На побережье и в заливах их легкие каноэ позволяли легко перевозить семьи и все, чем они владели, от пункта к пункту, а вглубь страны, через промежуточные территории, от реки к реке. Вероятно, в этой части страны они редко пытались расчищать изрезанные и каменистые возвышенности. В некоторых случаях они удаляли деревья с мягких аллювиальных лугов, хотя, вероятно, лишь в очень немногих местах они пытались предпринять такое упорное и трудоемкое дело. Здесь были большие солончаки, а кое-где и луга, свободные от леса. Были места, где пожары охватили землю и деревья исчезли. На таких местах они, вероятно, сажали кукурузу; земля под воздействием пожаров сразу стала плодородной и легко обрабатываемой. Возле больших внутренних водоемов, не имеющих

выходов для каноэ и хорошо обеспеченных рыбой, они иногда устраивали постоянные плантации, как, например, на Уиллс-Хилл. За такими незначительными исключениями, когда белый поселенец приезжал на свой участок, он находил его покрытым первобытной дикой природой, густо заросшим старыми деревьями, чьи корни, как и ветви, крепко сцеплены друг с другом, поверхность заросла спутанным и колючим подлеском, почва разбита и перемешана со скалами и камнями, - вся местность холмистая, изрезанная, пересеченная болотами и извилистыми ручьями.

Среди всех достижений человеческого труда и упорства, зафиксированных в истории, нет более трудоемкого, чем открытие новоанглийских лесов для возделывания. Басни древности несут в себе поучительный смысл и скрывают мудрость. Первые жители каждой лесистой страны, покорившие ее дикую природу, были поистине расой гигантов.

Пусть каждый попробует провести эксперимент по вырубке и уничтожению одного дерева, и он начнет приближаться к оценке того, что было перед первым английским поселенцем, когда он приступил к своей работе. Это была не только работа высочайшей сложности, требующая максимального напряжения физических сил, мощи, терпения и упорства, но и работа многих лет и поколений. Топор, взмахиваемый мускулистыми руками, мог валить деревья одно за другим. Не было никакой техники, которая помогла бы извлечь крепкие корни, зачастую равные по размеру и размаху ветвям. В начале сезона принято было выравнивать топором часть леса, чтобы деревья падали внутрь. После того как проходило лето, и поваленная древесина высыхала, весь участок, покрытый ею, поджигали. После того как огонь потухнет, останутся обугленные стволы и пни. Стволы собирали вместе, складывали в кучу и снова сжигали. Между почерневшими пнями сажали ячмень или другие злаки, а возможно, и кукурузу, и ждали несколько лет, прежде чем корни достаточно разлагались, чтобы волы с цепями могли их извлечь. Затем нужно было убрать камни и скалы, прежде чем можно было применить плуг в значительной степени. В 1637 году жители Салема выделили Ричарду Хатчинсону двадцать акров земли, которые должны были быть добавлены в течение двух лет к его предыдущему гранту, при условии, что он в это время "займется пахотой". Луг к востоку от дома собраний, показанный на заставке этой части, вероятно, и был тем местом, где впервые "завели" плуг. Плуг, несомненно, использовался и раньше в городских поселениях, а также некоторыми старыми плантаторами, которые выбирали благоприятные места вдоль бухт и берегов; но потребовалось столько времени, чтобы привести внутренние районы страны в состояние, пригодное для его использования.

Открытие дикой местности сочетало в себе такие интересные обстоятельства, равных которым нет, пожалуй, ни в одном другом занятии. Невозможно представить себе более захватывающее или бодрящее занятие. Она развивает мускульную силу в равной степени и эффективнее, чем любая другая. Работа с топором заставляет упражняться каждую часть мужественного каркаса. Оно давало возможность проявить опыт и мастерство, а также силу; это было атлетическое искусство высшего рода, пробуждавшее энергию, предприимчивость и честолюбие; оно сопровождалось достаточной опасностью, чтобы придать ему интерес и потребовать самого тщательного суждения и наблюдения. Тот, кто лучше всех умел валить дерево, по праву считался самым ценным и ведущим человеком. Свалить на землю высокого лесного гиганта было благородным и опасным делом. Пока он медленно трепыхался и ковылял к месту своего падения, важно было задать ему правильное направление, чтобы, падая с грохотом, он не был отклонен от намеченного курса окружающими деревьями и их многочисленными ветвями, чтобы его ствол не соскочил или не отскочил непредвиденным образом, разбрасывая осколки и бросая сучья на рубящих внизу. Часто случались несчастные случаи, иногда погибали люди. Опытный дровосек, взглянув на окружающие

деревья и их ветви, мог определить, куда должно упасть дерево, на котором он собирался работать, и безошибочно свалить его на землю в нужном направлении. Кроме того, существовала опасность от затаившихся дикарей, а если рубщик был один в глухом лесу, то и от бродячего медведя-одиночки или голодных волков, которые, собираясь в стаи, иногда были грозными. Кроме того, в работе были элементы, пробуждающие самые тонкие чувства. Одинокие и торжественные леса - первые храмы Бога. Они полны мистических влияний; они питают поэтическую натуру; они питают воображение. Воздух здесь упругий, и каждый звук отдается в изломанных, странных и необъяснимых интонациях. Леса пропитаны целебным и восхитительным ароматом, которого нет больше нигде. Все искусства современной роскоши не в состоянии создать аромат, подобный тому, который пронизывает первобытный лес из сосен и елей. В самом деле, все деревья в первозданной дикой природе, где они существуют на всех стадиях роста и распада, вносят свой вклад в это особое очарование леса. Это было не только мужественное, но и очень живое занятие. Когда многие работали рядом друг с другом, эхо их веселых голосов, резких и звонких ударов топоров и тяжелых ударов падающей древесины создавало музыку, которая наполняла старые леса жизнью и делала труд радостным и освежающим.

Продолжительность времени, необходимого для подготовки к возделыванию страны, покрытой дикой природой, на новоанглийской почве, можно оценить на основании приведенных мною фактов. Должно пройти много лет после того, как леса были вырублены, а их высохшие стволы и ветви сожжены, прежде чем можно будет извлечь пни, выровнять землю, убрать камни, ввести плуг или представить ровные зеленые поля, которые придают такую красоту сельскохозяйственным картинам. На этот процесс приходится затрачивать огромное количество самого изнурительного труда. Мир с удивлением смотрит на дамбы Голландии, стены Китая, пирамиды Египта. Я без колебаний могу сказать, что результаты, достигнутые небольшим, разрозненным населением американских колоний в течение первого столетия их существования, когда они вырывали с корнем дикую местность, превращали камни, которыми была покрыта поверхность, в стены, прокладывали дороги, строили мосты, делали неровную и разбитую страну гладкой и ровной, превращали бесплодные пустоши в плодородные поля, цветущие зеленью, злаками и фруктами, - это более замечательный памятник человеческой промышленности и упорства, чем все они. Это была работа не простых наемных рабочих, и уж тем более не подневольных прислужников, а свободных людей, владевших или завоевавших своим добровольным и веселым трудом акры земли, на которых они работали, и тем самым дававших себе право быть суверенами страны, которую они создавали. Несколько тысяч таких людей с такими стимулами творили чудеса большие, чем когда-либо творили или когда-либо будут творить миллионы рабов или крепостных.

Поэтому такие либеральные гранты на землю были выданы Уинтропу, Дадли, Эндикотту и другим не из простого фаворитизма или слепого раболепия перед людьми, обладающими богатством или положением, а по различным мудрым и благим причинам, имеющим в виду благосостояние и счастье всего народа, особенно бедных слоев. В качестве иллюстрации к рассматриваемому сейчас вопросу можно привести несколько фактов. Они покажут, сколько труда потребовалось для того, чтобы привести "Фруктовый сад" в культивирование, и который, должно быть, был приобретен за большие деньги владельцем. В судебных архивах есть много любопытных документов в виде показаний свидетелей по различным искам, возникавшим время от времени, показывающих, что большое количество наемных людей постоянно находилось на работе. 10 ноября 1678 года Эдмунд Гровер, семидесяти восьми лет от роду, засвидетельствовал, "что более сорока пяти лет тому назад я, этот подсудимый, много работал на ферме губернатора Эндикотта, называемой Орчард, и примерно в то время

помог срубить и расчистить около семи тысяч палисадо, как я помню, и был первым, кто улучшил ее, разбив землю и посадив индийскую кукурузу". Земля была предоставлена Эндикотту в июле 1632 года, и работа, в которой участвовал Гровер вместе с другими, началась, несомненно, сразу же. Палисады представляли собой молодые деревья диаметром около шести дюймов в диаметре, которые разрезали на столбы длиной около десяти футов, заостряли на большем конце и вбивали в землю; те, что расщеплялись или скреплялись, использовались в качестве рельсов. Таким образом огораживали участки. В некоторых случаях вертикальные столбы ставили вплотную друг к другу, как частокол в укреплениях, чтобы предотвратить бегство домашних животных, а также для защиты от нападения медведей, волков, лисиц, луп-кervье, или диких кошек, которыми кишат леса, на молодняк крупного рогатого скота, овец и домашнюю птицу. Похоже, что Гровер работал на ферме "Фруктовый сад" недолго. Мы узнаем, что через несколько лет после того момента, к которому восходит его свидетельство, у него была своя ферма. Некоторые работали там дольше и были постоянными арендаторами на ферме. В 1635 году вдова Скарлетт отдала своего сына Бенджамина, которому тогда было одиннадцать лет, в подмастерья губернатору Эндикотту. О его судьбе рассказывает следующий документ, записанный в Эссекском реестре дел.

"Всем христианским людям, к которым придут эти подарки, я, Бенджамин Скарлетт из Салема, в Новой Англии, шлю приветствие - знайте, что я, упомянутый Бенджамин Скарлетт, жил в качестве слуги у мистера Джона Эндикотта, эскайра, иногда губернатора Новой Англии, и служил ему почти тридцать лет, за что и в благодарность за это, упомянутый губернатор Эндикотт подарил мне, упомянутому Бенджамину Скарлетту, определенный участок земли в 1650 году, около 10 акров, больше или меньше, и с тех пор эта земля принадлежит мне, упомянутому Бенджамину Скарлетту, и находится она в верховьях реки Коу Хаус, граничит на севере с землей г-на Эндикотта, называемой "Ораторская ферма". Эндикотта под названием "Ферма Орчард", на юге - с дорогой, ведущей к соленой воде, на западе - с дорогой, ведущей в Салем, на востоке - с соленой водой, и этот участок земли был отдан мне, как выше сказано, на время моей жизни, а в случае, если я не оставлю потомства от своего тела, передать его тому из его потомков, кого я сочту нужным наделить им; Итак, знайте, что я, упомянутый Бенджамин Скарлетт, по разным соображениям, которые меня к тому побуждают, отдал, предоставил и этими настоящими документами передаю, назначаю, закрепляю и дарю вышеупомянутый участок земли со всеми улучшениями, которые я на нем сделал, как постройками, так и оградой или иным способом, Сэмюэлю Эндикотту, второму сыну Зерубабеля Эндикотта покойного, и Ханне, его жене, чтобы иметь и владеть упомянутыми десятью акрами земли, больше или меньше, со всеми привилегиями и принадлежностями, принадлежащими к ним, упомянутому Сэмюэлю Эндикотту и Ханне, его жене, для его и ее собственного надлежащего использования и благополучия навечно; а после их кончины я передаю указанный участок земли их сыну Сэмюэлю Эндикотту. В случае, если он покинет эту жизнь без потомства, то будет передан следующему наследнику упомянутых Сэмюэля и Ханны. В удостоверение чего я настоящим приложил свою руку и печать. Датировано девятым января тысяча шестьсот девяносто первого года.

Следует отметить, что губернатор Эндикотт умер за двадцать шесть лет, а его сын Зерубабель - за семь лет до даты составления вышеупомянутого акта. Между ними не было никаких письменных документов, касающихся окончательного распоряжения Скарлетт имуществом, которое она должна была условно сделать. Не было и живых свидетелей первоначального соглашения. Но старик был верен чувствам чести и благодарности. Мастер, у которого он подрабатывал в детстве, был добр и щедр к нему, и он был верен букве и духу своего обязательства. Очевидно, он постарался, чтобы формулировка договора была как можно

более убедительной. Он не оставил этот вопрос на усмотрение завещания, а решил при жизни наслаждаться удовлетворением от того, что верен своей клятве. В последние годы жизни он был известен как "старый Бен Скарлетт". Он не стеснялся называть себя слугой. Но каким бы скромным и непритязательным он ни был, я испытываю гордость, спасая его имя от забвения. Старый Бен Скарлетт навсегда займет свое место среди благородных людей природы".

О том, до какой степени Эндикотт улучшил свои земли, свидетельствует особый участок, давший название его первоначальному гранту. В 1648 году он купил у капитана Траска двести пятьдесят акров земли в другой местности, отдав взамен пятьсот яблонь трехлетнего роста. Такое количество фруктовых деревьев такого возраста, высаженных в столь ранний период, могло быть только результатом больших затрат труда и денег. Множество работ, проводимых под его руководством и на его территории, превратили его ферму в школу, в которой большое количество людей обучалось всем знаниям, необходимым первопоселенцу. Покорение дикой местности, рытье земли, строительство мостов, каменных стен, "палисадо", домов и амбаров, процессы посадки, введение всех подходящих предметов культуры, методы, наиболее подходящие для подготовки суровой почвы к производству; выращивание обильных фруктовых садов и щедрых урожаев; выравнивание земель и прокладка дорог - все это происходило одновременно, и молодым людям было весьма желательно поработать на его ферме, прежде чем отправляться в глубь пустыни, чтобы создать себе хозяйство. Кроме Гровера, многие воспользовались этим преимуществом. Джон Патнэм был крупным землевладельцем и одним из первоначальных получателей гранта; но мы видим, что его младший сын, Джон, пристроился к Эндикотту и работал на его ферме примерно до того момента, как достиг совершеннолетия. В показаниях, данных в суде по делу о спорных границах земли в августе 1705 года, "Джон Путнэм-старший, совершеннолетний, свидетельствует, что он не был в состоянии участвовать в деле, достигший совершеннолетия, свидетельствует и утверждает, что, будучи членом семьи губернатора Эндикотта около пятидесяти лет назад, и будучи близко знаком с самим губернатором и его сыном, мистером Зерубабелем Эндикоттом, покойным из Салема, который унаследовал права своего отца, жил и умер на ферме, называемой Орчард Фарм, в Салеме, - упомянутый губернатор Эндикотт часто говорил этому депоненту" и т. д. Тот же Джон Путнэм в показаниях от 1678 года говорит, что ему тогда было пятьдесят лет и что за тридцать пять лет до этого он был на ферме мистера Эндикотта и вышел в некое место под названием "Виноградная бухта", где нашел мистера Эндикотта; и он свидетельствует о разговоре, который он слышал между мистером Эндикоттом и одним из его людей, Уолтером Найтом. Я упоминаю об этом, чтобы показать, что пятнадцатилетний парень, сын соседа, имевшего большие земельные владения, был постоянным посетителем фермы "Фруктовый сад"; и что, когда он достиг совершеннолетия, прежде чем приступить к работе по расчистке собственных земель, подаренных ему отцом, он отправился в качестве "гостя" работать на ферме губернатора. Он пошел добровольным рабочим, как в школу сельскохозяйственного обучения. Так поступали и на других фермах, сначала занятых людьми, у которых были средства и предприимчивость для ведения большого хозяйства. Это дало высокую характеристику первым поселенцам в их конкретной работе.

Я не могу оставить эту тему об Эндикотте на его ферме, не представив еще одну картину, нарисованную на фоне дикой природы. В 1678 году Натаниэль Ингерсол, которому тогда было сорок пять лет, в показаниях, данных под присягой в суде, описывает случай, произошедший на восточном конце фермы Таунсенда Бишопа, как [указано на карте](#), когда ему было около одиннадцати лет. Его отец, Ричард Ингерсол, арендовал эту ферму. Она примыкала к землям Эндикотта, и возникли споры о границах, которые впоследствии

усугубили вражду и страсти, вырвавшиеся на свободу в ярости колдовского процесса. Натаниэль Ингерсол говорит

"Этот депонент свидетельствует, что, когда мой отец огородил участок земли, где сейчас находятся волчьи ямы, упомянутый губернатор Эндикотт пришел к моему отцу, где мы пахали, и сказал моему отцу, что он огородил часть земли упомянутого губернатора. Мой отец ответил, что тогда он уберет забор. Нет, сказал губернатор Эндикотт, пусть стоит; а когда вы поставите новый забор, мы поселимся в его границах".

Это заявление достойно того, чтобы его сохранили, поскольку оно иллюстрирует характер этих двух людей, выставляя их в самом почетном свете. Джентльменская манера поведения каждого из них весьма заметна. Ингерсол проявляет мгновенную готовность исправить ошибку и поставить дело на свои места; Эндикотт внимателен и услужлив в вопросах, где люди наиболее склонны проявлять упрямство и непреклонность, - в конфликте земельных прав: оба вежливы и склонны идти навстречу. Эндикотт был губернатором колонии и крупным землевладельцем; Ингерсол - крестьянином, работавшим вместе со своими мальчиками на земле, в которую вложен их труд и с которой на данный момент он был отождествлен. Но Эндикотт не проявлял высокомерия, и не брал на себя власть; Ингерсол не выказывал ни обиды, ни раздражения. Если бы подобный дух проявлялся повсеместно, доброжелательность и гармония соседей никогда не были бы нарушены, а протоколы судов сократились бы менее чем наполовину.

До самой смерти Джон Эндикотт сохранял живой интерес к благополучию своих соседей в окрестностях фермы "Фруктовый сад".

Отец Габриэль Друилетт был послан губернатором Канады в 1650 году в Бостон с дипломатическим поручением для переговоров с правительством этой страны. Во время своего визита он вел дневник, из которого приводится следующая выдержка: "Я отправился в Салем, чтобы поговорить с сеньором Индикаттом, который хорошо говорит и понимает по-французски, является хорошим другом нации и очень хочет, чтобы его дети прониклись этим чувством. Обнаружив, что у меня нет денег, он снабдил меня и дал мне приглашение к столу магистрата". Эндикотт, несомненно, получил хорошее образование. Его природная сила характера была подкреплена влиянием знаний, распространенных в его время, и подкреплена опытом и способностями в практических делах. Есть некоторые свидетельства того, что в ранней жизни он был хирургом или врачом.

До отъезда из Англии он был капитаном на военной службе. Хотя он был самым первым, кто носил здесь титул губернатора, будучи назначен на эту должность губернатором и компанией в Англии, а затем избран на эту должность на более длительный срок, чем любой другой человек в нашей истории, был полковником ополчения Эссекса, комендантом экспедиции против индейцев на Блок-Айленде и в течение нескольких лет генерал-майором во главе военных сил колонии, звание капитана было прикреплено к нему, больше или меньше, от начала до конца; И это необычное обстоятельство, что оно сохранилось за ним до сих пор. Его потомки рано проявили склонность к морской жизни. В первой половине нынешнего столетия многие из них были корабельщиками. В нашем зарубежном, особенно восточно-индийском, мореплавании титул прилепился к имени; настолько, что рассказывают, будто полвека назад, когда американские корабли прибывали на Суматру или Яву, туземцы, подходя к судам или входя в них, чтобы узнать имя капитана, имели обыкновение спрашивать: "Кто такой Эндикотт?" Общественное положение, ранг и влияние губернатора Эндикотта требуют, чтобы о нем упомянули в первую очередь при описании

элементов, которые сформировали характер первоначального сельскохозяйственного населения этого региона.

На карте изображена ферма Эмануэля Даунинга. Линии в основном правильные, хотя на точную точность претендовать нельзя, поскольку точки, упомянутые в этом и других случаях, были отмечены деревьями, грудками камней или другими скоропортящимися или удаляемыми объектами, и до нас не дошло ни одной съемки или плана. Сопоставление сопредельных грантов или последующих передач, с упоминанием в некоторых из них постоянных объектов, позволяет нам приблизиться к вполне определенному выводу. Этот джентльмен был одним из самых выдающихся первых колонистов Новой Англии. Он был юристом Внутреннего храма. В первый раз он женился на дочери сэра Джеймса Уэйра, человека, занимавшего видное место в ученой среде своего времени. Его второй женой стала Люси, сестра губернатора Массачусетса Уинтропа, родившаяся 9 июля 1601 года. Они поженились 10 апреля 1622 года. Похоже, между Эмануэлем Даунингом и его братом Уинтропом существовала очень сильная привязанность; они вместе, всем сердцем, вложились в план создания колонии. Они посвятили ей свои судьбы и жизни.

Предполагается, что Даунинг прибыл в Бостон в августе 1638 года вместе со своей семьей. 4 ноября он и его жена были приняты в церковь в Салеме. Так велика была ценность его услуг в интересах колонии, в защите ее интересов и заботе о ее благополучии до отъезда из Англии, что он был принят в своем новом доме с величайшим радушием. Его племянник, Джон Уинтроп-младший, впоследствии губернатор Коннектикута, вместе с Джоном Эндикоттом принес ему клятву свободного человека. Генеральный суд выделил ему шестьсот акров земли. Он сразу же был назначен судьей местного суда в Салеме и в течение многих лет избирался одним из двух его депутатов в Генеральный суд. В ожидании его приезда в страну город Салем 16 июля выделил ему пятьсот акров земли. После палаты он приобрел ферму, на которой, по-видимому, и жил по большей части до отъезда в Англию в 1652 году. Состояние государственных дел и его собственная связь с ними задержали его в родной стране на большую часть его жизни. Находясь в этой колонии, он неустанно старался обеспечить ее процветание. Его богатство, время и способности были щедро и постоянно посвящены этой цели.

О том, какое активное участие принимал мистер Даунинг в делах поселения, свидетельствует следующая выдержка из городских записей Салема: - "На общем городском собрании, состоявшемся

"На общем городском собрании, состоявшемся 7-го дня 5-го месяца 1644 года, было приказано назначать двух человек каждый Господень день, чтобы они ходили во время богослужения и обращали внимание на тех, кто слоняется в доме собраний, не внимая слову и таинствам, или кто слоняется дома или в поле, не отдавая за это должного отчета, и записывать имена таких людей и представлять их магистратам, чтобы они могли принять соответствующие меры против них. Имена тех, кому приказано нести эту службу: 1 день - М.^рСтилеман и Филипп Верен; 2 день - Филипп Верен, С.^р и Хиллиард Верен. 3-й день, М.^рбаттер и Джошуа Верен. 4-й день, М.^рДжонсон и М.^рКларк. 5-й день, М.^рДаунинг и Роберт Молтон С^(р.) 6(й) день, Роберт Молтон Дж.^р и Ричард Ингерсол. 7 день, Джон Ингерсол и Ричард Петтингелл. 8 день, Уильям Хейнс и Ричард Хатчинсон. 9 день: Джон Патнэм и Джон Хаторн. 10 день: Таунсенд Бишоп и Дэниел Ри. 11-й день - Джон Портер и Джейкоб Барни".

Каждый патруль, закончив свою службу, должен был уведомить о ней следующий; и они должны были начать обход, каждый по отдельности, от "Гудмена Портера возле Дома собраний".

Все люди, назначенные на эту службу, были ведущими персонажами, надежными и энергичными людьми. Это была необычная организация, дающая яркое представление о положении дел в то время. Вероятно, его целью было не только голосование города, но и предотвращение беспорядков со стороны тех, кто не посещает общественные богослужения, а также своевременное оповещение в случае пожара или нападения индейцев. Население тогда еще не распространилось далеко за пределы страны, а область исследования не выходила за пределы поселения в городе. Однако никто, кроме активных людей, не смог бы выполнять эту обязанность тщательно и во всех направлениях, чтобы держать всю общину под строгим контролем.

Мистер Даунинг, вероятно, потратил свое состояние и время на улучшение своей фермы, на которой до 1661 года было, по крайней мере, четыре жилых дома и работало много людей. Он охотно жертвовал на все общественные нужды. Его образование было превосходным, а знания - обширными. Он обладал просвещенным духом и старался смягчить суровость процедур, применяемых против антиномистов и других людей. Похоже, он обладал изобретательным и предприимчивым умом. На общем суде, состоявшемся в Бостоне 6 сентября 1638 года, было решено, что, "поскольку Эмануэль Даунинг, эсквайр, привез за свой счет все необходимое для охоты на диких птиц с помощью утиногоя, этот суд, желая поощрить его и других в таких замыслах, которые направлены на общественное благо" и т.д., приказывает предоставить ему свободу устанавливать свои утиные манки в пределах Салема; и всем лицам запрещается мешать ему в его экспериментах, "стреляя из любого ружья в радиусе полумили от прудов", где, согласно правилам города, ему будет разрешено размещать манки. Впоследствии суд разрешил другим городам создавать утиные лодки с аналогичными привилегиями. Какова была конкретная конструкция этого приспособления, и насколько оно было успешным в эксплуатации, неизвестно, но оно показывает дух человека. Он сразу же энергично взялся за свою ферму и собрал на ней рабочих. В дневнике Уинтропа есть такая запись от 2 августа 1645 года:

"^{Мэр}Даунинг построил новый дом на своей ферме, он уехал в Англию, а его жена и семья отправились на церковное собрание в день Господень, дымоход загорелся и сжег дом, постельные принадлежности, одежду и хозяйство на сумму 200 фунтов".

Это доказывает, что его семья жила на ферме; и указывает на то, что, когда он впервые занял ее, у него был только такой дом, который можно было поставить в начале сезона, но более комфортабельный был возведен на досуге: выражение "построив новый дом", по-видимому, передает эту мысль. По возвращении из Англии он, несомненно, снова строил, и у него были другие дома для его рабочих и арендаторов; мы видим, что одному из них в 1648 году было разрешено держать обычный, "поскольку ферма мистера Даунинга, расположенная на дороге между Линном и Ипсвичем, была удобным местом" для размещения путников. По этой же дороге и сегодня ездят люди в эти пункты и обратно. То, что она была проложена так рано, вероятно, объясняется тем, что на ее маршруте находились такие люди, как Эмануэль Даунинг, а в Ипсвиче - Джон Уинтроп-младший. Даунинг назвал свою ферму "Гротон" в память о родовом доме своей жены в "старой стране".

Изначально путешествие осуществлялось по внутренним дорогам. Открытие дорог началось только после того, как были выполнены более срочные и необходимые операции по возведению домов и приведению земли, на наиболее доступных участках в местах первых

поселений, в культурное состояние. Первоначально связь от фермы к ферме через леса осуществлялась путем маркировки деревьев - иногда путем выжигания и чернения пятен на их боках, а иногда путем отрезания куска коры. Путник находил дорогу шаг за шагом, следуя за деревьями, отмеченными таким образом, или "зажженными", как это называлось в зависимости от принятого метода. Когда ветки и кустарник были достаточно очищены, можно было использовать лошадей. В местах, затрудненных большими корнями, частично выступающими над землей и преграждающими путь, или грубыми камнями, всадник спускался и вел лошадь. Отсюда и пошло название "уздечная тропа". После того как дорога становилась достаточно открытой для проезда телег с волами или других транспортных средств, она начинала называться . Достигнув расчищенного и огороженного участка земли, путешественник пересекал его, открывая и закрывая ворота или снимая и заменяя прутья, в зависимости от обстоятельств. Поселенцы договорились между собой, и вскоре появились акты Генерального суда, регулирующие этот вопрос. Так возникли так называемые "дороги прессы", "фермерские дороги" или "дороги с воротами". Если владелец приходил к выводу, что это в его интересах, он огораживал дорогу с обеих сторон, где она пересекала его землю, и снимал ворота или решетки с каждого конца. В конце концов, если дорога была удобна для дальних поездок, ее огораживали на большое расстояние, и она становилась постоянной "общественной магистралью". На всех этих этапах развития она будет называться "шоссе". Плата за проезд оставалась за несколькими владельцами, через чьи земли она проходила; и если путешественники уклонялись от нее в пользу более подходящего маршрута, она прекращалась, а дорожная колея, заключенная в поля, к которым она первоначально принадлежала, уничтожалась плугом. Многие из "шоссейных дорог", по которым в 1692 году крестьяне переходили через земли друг друга, чтобы добраться до дома собраний или выйти на общественные дороги, исчезли, а некоторые превратились в постоянные общественные дороги, используемые и по сей день. Когда дорога была полностью и окончательно сформирована, она становилась "городской", а если вела на некоторое расстояние вглубь страны и через другие города, то называлась "проселочной". Раннее название "тропа" продолжало использоваться еще долгое время после того, как она стала достойна более претенциозного названия. Старый "Бостонский тракт", по которому изначально пробирались в страну, долго сохранял это название. Она проходила через южную и западную часть деревни Салем, по которой жили Гарднеры, Попы, Гудейлы, Флинты, Нидхэмы, Свиннертоны, Хоултоны и так далее в направлении Ипсвича и Ньюбери.

30 сентября 1648 года губернатор Уинтроп в письме своему сыну Джону пишет: "В Салеме все хорошо, и твой дядя уже начал дистиллировать. Мистер Эндикотт нашел медный рудник на своей земле. Мистер Лидер опробовал ее. Печь работает с производительностью восемь тонн в неделю, а их сортовое железо не хуже испанского". Как бы ни относились некоторые к логике, из которой следует, что в Салеме "все хорошо", потому что они начинают "дистиллировать"; и как бы мало ни было пока результатов от открытия медных рудников или производства железа, приведенный выше отрывок показывает, с каким рвением и энтузиазмом богатые поселенцы прилагали усилия к развитию возможностей страны.

Мистер Даунинг, похоже, постоянно проживал на своей ферме и был связан с сельскохозяйственной частью общества. Его участок в городе граничил с Эссекс-стрит, протянувшейся на юг от Ньюбери до Сент-Питерс-стрит. Возможно, какое-то время он не строил на этом участке, так как он долгое время продолжал называться "Поле Даунинга". Две его дочери вышли замуж за сыновей Томаса Гарднера: Мэри - за Сэмюэля, а Энн - за Джозефа. Они получили во владение "Поле Даунинга". Мэри была матерью Джона, родоначальника большой ветви семьи Гарднеров. У мистера Даунинга был еще один большой участок в городе, который 11 февраля 1641 года был продан Джону Пикерингу и

описан в договоре следующим образом: "Весь участок земли, лежащий перед жилым домом упомянутого Джона Пикеринга, в прошлом принадлежавший Джону Эндикотту, эсквайру, со всеми принадлежащими к нему пристройками, примыкающий на востоке и юге к реке, обычно называемой Южной рекой, на западе - к земле Уильяма Хаторна, а на севере - к общегородской территории". Документ подписан Люси Даунинг и Эдмундом Бэттером, выступавшим от имени ее мужа в его отсутствие. 10 февраля 1644 года он подписал сделку следующим образом: "Я свободно соглашаюсь на продажу указанного поля в Салеме, совершенную моей женой Джону Пикерингу: свидетельствую своей рукой" и т. д. Свидетелями были Сэмюэл Шарп и Уильям Хаторн. Эта земля тогда называлась "Широкое поле". В своем поместье, расширенном таким образом, Пикеринг через несколько лет после этого построил дом, который стоит до сих пор. Поместье, вернее, та его часть, которая была присоединена к усадьбе, принадлежит этой семье и по сей день, а сейчас им владеет и занимает Джон Пикеринг, эсквайр, сын выдающегося ученого и филолога с таким именем, и внук полковника Тимоти Пикеринга, известного в годы революции, верного друга Вашингтона.

Эмануэль Даунинг был отцом сэра Джорджа Даунинга, одного из первых выпускников Гарвардского колледжа, человека необыкновенных талантов и прекрасной судьбы. После окончания колледжа в 1642 году он изучал богословие, вероятно, под руководством Хью Питерса; отправился в Вест-Индию, исполняя обязанности капеллана на судне; проповедовал и получал призывы поселиться в нескольких местах; отправился в Англию; поступил на парламентскую службу капелланом в полк; быстро привлекал к себе внимание и продвигался от пункта к пункту, пока не стал генерал-скаутмейстером в армии Кромвеля. Эта должность, по-видимому, сочетала в себе функции инспектора и генерального комиссара, а также главы разведывательного отдела. В 1654 году он был женат на Фрэнсис, сестре виконта Морпета, впоследствии графа Карлайла; таким образом, он соединился с "кровью всех Говардов", одной из самых благородных семей Англии. Бракосочетание было отпраздновано с большой помпой, с эпифаламией на латыни и т. д. Все это произошло в течение одиннадцати лет после получения степени в Гарварде, что, безусловно, является выдающимся примером возвышения в мире. Он был членом парламента от Шотландии. Кромвель отправил его во Францию по дипломатическим делам, и его переписка на латыни с этим двором стала началом карьеры больших заслуг в этой области. Вскоре он был назначен послом в Гаагу, тогдашний великий суд Европы. Государственные бумаги Турлоу показывают, с какой удивительной бдительностью, активностью и эффективностью он вел из этого центра дипломатические дела содружества. При восстановлении монархии он совершил самый быстрый и самый высокий кувырок во всей политической истории. Это было сделано в течение двух дней. Он увидел Карла Второго в Гааге, который направлялся в Англию, чтобы вернуть себе корону: и человек, который до этого момента был одним из самых ревностных сторонников содружества, на следующее утро вышел оттуда как столь же ревностный сторонник короля. Этот замечательный подвиг он сопровождал предательством по отношению к трем своим старым соратникам, включая полковника Оуки, в полку которого он служил капелланом, что стоило им жизни. Его сразу же посвятили в рыцари и продлили полномочия посла. Через некоторое время он вернулся в Англию, прошел в парламент от Морпета, и с тех пор казначейство находилось в его руках. Благодаря своим знаниям, умениям и способностям он увеличил финансовые ресурсы страны, приумножил ее производство, расширил ее власть и богатство. Вероятно, именно он был инициатором политики, воплощенной в знаменитом Навигационном акте, предложив его еще во времена Кромвеля. Благодаря этому короткому парламентскому акту Англия стала великой морской державой мира; ее колониальные владения, как бы широко они ни были разбросаны, были объединены в один огромный источник богатства для имперского королевства; морская

империя была поставлена на незыблемую основу, и гордый Голландец был вынужден снять осаду с форштевня своего верховного адмирала.

Сэр Джордж Даунинг сделал одну вещь в пользу власти народа в британской системе управления, которая может смягчить негодование человечества по поводу его отвратительного захвата и передачи королевской мести Оуки, Корбетта и Баркстеда. Он ввел в парламенте и утвердил принцип конкретных ассигнований. С тех пор Палата общин не только владеет ключами от казны, но и контролирует расходы. Состояние сэра Джорджа, при отсутствии наследников в третьем поколении, пошло на основание Даунинг-колледжа в Кембридже, Англия. Оно составило сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Не исключено, что Даунинг-стрит в Лондоне обязана своим названием великому дипломату.

Свою юность и начало молодости этот выдающийся человек провел на ферме Салем. Во время каникул в колледже и в перерывах между учебой он, возможно, принимал участие в работах на плантации, смешивался с сельским населением и участвовал в их спортивных состязаниях. Клеветы его охотничьей пищей разносился по диким лесам за Проктерс-Корнер; он ухаживал за утиными стаями на пруду Хамфриса и катался на лодке вдоль чистых ручьев. Примечательно, как иллюстрация передачи семейных черт, что та же изобретательная активность и разносторонний ум, которые заставили Эмануэля Даунинга, занимавшегося многообразной деятельностью по открытию большой фермы в лесу, председательствовавшего в местном суде в Салеме и служившего год за годом в Генеральном суде в качестве депутата, придумывать сложные механизмы для ловли дикой птицы и создания винокурен, вновь проявились в его сыне на более широком поле производства, финансов и внешних связей великой нации.

Участок в триста акров, расположенный к востоку от фермы Даунингов, был предоставлен Томасу Риду. Он стал свободным человеком в 1634 году, был членом Салемской церкви в 1636 году, получил свой грант в том же году и был признан жителем 2 мая 1637 года. Сейчас ферма принадлежит уважаемому Ричарду С. Роджерсу. Это красивое и живописное место, свидетельствующее о вкусе его первоначального владельца. Мистер Рид, похоже, питал страсть к военному делу. В 1636 году он был прапорщиком в полку, состоявшем из людей из Согуса, Ипсвича, Ньюбери и Салема, полковником которого был Джон Эндикотт, а подполковником - Джон Уинтроп-младший. В 1647 году он командовал ротой. Во время гражданских войн в Англии его потянуло на родину. В 1660 году он командовал полком и занимал свою должность после Реставрации. Умер он около 1663 года.

Наши антиквары долго не могли понять фразу в одном из писем Роджера Уильямса к Джону Уинтропу-младшему, в которой он говорит: "Сэр, вы не так давно были сыном двух благородных отцов, мистера Джона Уинтропа и мистера Хью Питерса". Как Джон Уинтроп-младший мог быть сыном Хью Питерса, остается загадкой. Питерс не был отцом ни одной из двух жен Уинтропа, и ни в каких семейных записях или мемориалах нет ничего, что могло бы оправдать такое предположение. Напротив, они полностью исключали его. Благодаря трудам и проницательности уважаемого Джеймса Сэвиджа и мистера Чарльза Дина из Кембриджа, которым нет равных в решении подобных проблем, их решение, кажется, наконец, было достигнуто. "После долгих бесплодных поисков" мистер Сэвидж выразил убеждение, что мистер Дин "нашел вероятное объяснение". Разгадка была получена таким образом: Мистер Сэвидж говорит: "Этот подход к объяснению взят из "Жизни и смерти Хью Питерса" Уильяма Йонге, доктора медицины. London. 1663", очень любопытного и более скудного труда". В нем раскрываются следующие факты: Питерс преподавал в бесплатной школе в Малдоне, в Эссексе; с ним подружилась вдова с детьми и состоянием в двести-триста фунтов в год. Она была известна как "госпожа Рид". Питерс женился на ней. Второй

женой Джона Уинтропа-младшего стала Элизабет, дочь полковника Рида из Эссекса. Женившись на миссис Рид, Питерс стал отчимом жены младшего Уинтропа, и, по тогдашнему обычаю, его можно было бы назвать отцом Уинтропа.

Несколько дополнительных сведений, касающихся Питерса и нашей Салем Рид, могут пролить свет на эту тему. Будучи заключенным в лондонском Тауэре в ожидании суда, который через несколько дней приговорил его к смерти, Питерс написал "Последнее завещание умирающего отца единственному ребенку" и передал его своей дочери незадолго до казни. Это одно из самых восхитительных произведений гения, мудрости и привязанности, которые только можно найти. В ней он дает сжатую историю своей жизни, которая позволяет нам разрешить некоторые вопросы, породившие противоречивые утверждения и сохранившие некоторые моменты его биографии в неясности. Прежде всего, заголовок доказывает, что на момент смерти у него не было второго ребенка. В ходе нее он рассказывает своей дочери, что, когда ему было четырнадцать лет, его мать, тогда еще вдова, переехала с ним в Кембридж и связала его с тамошним университетом. Его старший брат был отправлен в Оксфорд для получения образования. Прожив восемь лет в Кембридже, он получил степень магистра, а затем отправился в Лондон, где его "поразило ощущение своей греховности после проповеди, которую он услышал у Павла, это было около сорока лет назад, и текст которой был о *бремени Думы или Идумеи*, и застыл на месте. Это заставило меня отправиться в Эссекс; и после того, как я был успокоен другой проповедью в той стране, а также любовью и трудами мистера Томаса Хукера, я проповедовал там, женился на хорошей джентльменке, пока не отправился в Лондон, чтобы довести свои занятия до конца, не намереваясь проповедовать вообще". Затем он рассказывает об обстоятельствах, которые впоследствии заставили его вновь заняться проповедничеством. Утверждается, что он родился в 1599 году, а умер в 1660-м. Соединив эти даты и факты, становится очевидным, что ему было не более двадцати двух лет, когда он женился на "госпоже Рид". Последнее наследство" показывает не только то, как он говорит о ней - "добрая джентльменка", - но и то, что она не была матерью "единственного ребенка", которому оно было адресовано. "Кроме твоей матери", он говорит, что у него была "благочестивая жена прежде". Нет никаких указаний на то, что от предыдущего брака у него были дети. Если они и были, то умерли молодыми. В марте 1639 года он женился на своей второй жене, Деливеранс Шеффилд, в Бостоне.

Его первая жена, время смерти которой неизвестно, оставила детей от прежнего мужа на его руках и под его опекой. Очевидно, что память о "доброй джентльменке из Эссекса" он хранил с самой нежной и священной привязанностью. Она не только была дорогой женой его юности, но и ее имущество позволяло ему не испытывать нужды. Неудивительно, что между ним и ее детьми существовала самая сильная привязанность. Джон Уинтроп-младший и его жена называли его отцом не просто в соответствии с обычаем, будучи фактически их отчимом, но с любовью и преданностью настоящих детей. Именно из-за этой тесной и близкой связи, а также учитывая материальную выгоду, которую он получил от брака с матерью младшей жены Уинтропа, он договорился, что в случае, если он не вернется в Америку, его собственность в Салеме перейдет к ней и ее мужу. Женившись на второй жене и имея потомство от этого брака, он не стал бы отчуждать столь значительную часть своего имущества от законного наследника без какой-либо веской и достаточной причины. Вышеизложенный взгляд на дело объясняет его в целом. Разгадка тайны, окутывавшей язык Роджера Уильямса, завершена. Элизабет, дочь от второго брака, которой было адресовано "Последнее наследство", была крещена в Первой церкви в Салеме 8 марта 1640 года. Не похоже, чтобы в течение ее последующей жизни между ней и Уинтропами существовала

какая-либо близость или даже знакомство, поскольку для этого не было никаких оснований - она никак не была с ними связана.

Не мог ли Томас Рид из Салема быть сыном полковника Рида из Малдона в Эссексе и братом жены младшего Уинтропа? Питерс говорит в "Последнем наследии": "Многие из моих знакомых, отправляясь в Новую Англию, поручили мне приехать к ним, когда они отправятся, что я и сделал". Томас Рид приехал за некоторое время до него; Джон Уинтроп-младший с женой тоже. Они были для него как дети. Они послали за ним, и он пришел. После того как было установлено и решено, что Питерс должен поселиться в Салеме, Рид присоединился к здешней церкви и стал полноправным жителем. Питерс разместил свой земельный надел неподалеку от места жительства Рида, на следующей, тогда еще не занятой территории, на расстоянии около двух с половиной миль. Когда Рид вернулся в Англию, он оставил свою собственность здесь на попечение Уинтропов. Уэйт Уинтроп, как агент и поверенный его наследников, продал его Дэниелу Эппесу. Если, как я предполагаю, Томас Рид был сыном полковника Рида из Эссекса, то его приезд сюда вместе с Питерсом и связь с Уинтропами вполне объяснимы. Его сильное пристрастие к военному делу было естественным для сына полковника английской армии. Она привела его на родину при первых звуках великой гражданской войны, донесшихся до этих берегов, и возвысила его до того звания, которого он в конце концов достиг. В пользу предположения о том, что он был братом жены младшего Уинтропа, говорит тот факт, что ее сын, Фиц Джон Уинтроп, был капитаном в полку Рида во время реставрации Стюартов.

В течение короткого периода пребывания Хью Питерса в Америке профессиональные обязанности, а также то, что его великие таланты были востребованы в церковных и политических делах во всех частях колонии, не оставляли ему возможности заниматься своим грантом в две сотни акров. Он находился к северу от нынешней деревни Дэнверс Плейнс, на восточной стороне и примыкал к ручью Фрост-Фиш. История этого гранта подтверждает предположение о его особой связи с семьей младшего Уинтропа. Похоже, что во время пребывания здесь Питерса он не был официально оформлен по метрам и границам. Возможно, благодаря этому обстоятельству оно избежало конфискации во время его осуждения и казни. Через несколько лет после этого, 4 июня 1674 года, городской комитет заложил участок "мистеру Питерсу". В записи об этой сделке говорится: "Земля находится во владении Джона Корвина". Капитан Джон Корвин женился в мае 1665 года на Маргарет, дочери Джона Уинтропа-младшего. Она пережила своего мужа и продала ту же землю 22 мая 1693 года "Генри Брауну-младшему из Солсбери, йомену". Эти факты показывают, что эта часть земель мистера Питерса, согласно договору, заключенному при его отъезде из Америки, перешла к семье Джона Уинтропа-младшего.

Неизвестно, построил ли он дом на этом участке. Судя по его характерной энергии, активности и стремительности, вполне вероятно, что он начал расчищать. В сельском хозяйстве, как и во всем остальном, он дал решающий импульс. Говорят, что он задумал заняться выращиванием конопли. Он ввел множество орудий труда и начал новые методы улучшения. Он раскрыл перед производителем сельскохозяйственных культур идею выращивания того, что земля способна дать в изобилии, в больших количествах, чем требуется для местного потребления, и поиска внешнего рынка для излишков. Ему позволили ввести каботажное плавание и внешнюю торговлю на разумной и организованной основе, способствовать кораблестроению и экспорту продукции лесов и полей в целом на южные плантации, в Вест-Индию и даже в более отдаленные пункты. Если бы он остался в стране подольше, фермерские интересы и поселенцы в местечке, которое впоследствии было названо Салем-Виллидж и в котором находился его участок, ощутили бы

его огромное влияние. Как бы то ни было, он, несомненно, сделал многое для того, чтобы вдохнуть в людей рвение к благоустройству. Его городская резиденция находилась на юго-западном углу Эссекса и Вашингтон-стрит, известном в то время как "Угол Салема", где сейчас находится офис компании "Конная железная дорога". Участок составлял четверть акра. Роджер Уильямс, вероятно, жил там и продал участок Питерсу, который был его преемником на посту служителя Первой церкви, и чей поверенный продал его Бенджамину Фелтону в 1659 году. Участок, включавший в себя нынешние улицы Вашингтон, Эссекс, Саммер и Честнат и простиравшийся до Южной реки, какой она была до возведения плотины или мельницы через нее, представлял собой красивую полосу земли с покатою поверхностью, пересекаемую ручьем от подножия Честнат-стрит до его слияния с Южной рекой под нынешним уровнем Милл-стрит. К югу от этого угла, последовательно занятого Роджером Уильямсом и Хью Питерсом, Ральф Фогг, леди Дебора Муди, Джордж Корвин, доктор Джордж Эмори, Томас Рак, Сэмюэл Скелтон, Эндикотт, Пикеринг, Даунинг и Хаторн, каждый из которых имел участки, простиравшиеся в порядке до подножия нынешней Фелпс-стрит. Большинство из них, если не все, имели дома на своих участках. У старейшины Шарпа было так называемое "Поле Шарпа", граничащее с северной стороной Эссекс-стрит и простирающееся от Вашингтонской до Северной улиц. Его дом находился на северном углу улиц Линд и Вашингтон. Впоследствии на его земле жили Эдмунд Бэттер, Генри Кук, доктор Дэниел Уэлд, Стивен Сьюолл и Эдвард Норрис. Хью Питерс также владел участком в четверть акра на северо-восточном углу улиц Эссекс и Вашингтон, который сейчас занимает здание Стернса, и готовился возвести на нем дом, когда его отправили в Англию. Его поверенный продал его в 1652 году Джону Орну, основателю одноименной семьи.

Дочь мистера Питерса приехала в Америку вскоре после его смерти, взяв с собой мать, которая в течение многих лет была подвержена расстройству. Их любезно приняли, и часть его имущества, в частности ценная ферма в окрестностях Марблхеда, которую дочь продала американскому предку семьи Деверо, была восстановлена после его злодеяния. Вероятно, вскоре она вернулась в Англию, где и провела свои дни. Документы, хранящиеся в окружном суде, показывают, что Элизабет Баркер, вдова, "дочь мистера Хью Питерса", в марте 1702 года жила в добром здравии в Дептфорде, Кент, в непосредственной близости от Лондона, и прожила там около сорока лет.

Возможно, из-за тесной связи между мистером Питерсом и семьей Джона Уинтропа-младшего, имя последнего следует добавить к числу выдающихся людей, которых в то время тянуло жить в Салеме. Совершенно точно, что он находился здесь с 1638 по 1641 год, если не дольше. Есть свидетельства его присутствия уже в марте предыдущего года, когда он вместе с Эндикоттом был назначен приносить клятву вольноотпущенника своему дяде Даунингу. 25 июня следующего года он получил разрешение основать солеварню в Ройал-Неке, на восточной стороне реки Вулстон. Там он построил жилой дом и другие здания, как явствует из показаний разных людей в земельном иске примерно тридцать лет спустя, которые утверждают, что работали на него и общались с ним там в течение нескольких лет. Его первые эксперименты и предприятия по производству соли, которые он впоследствии проводил в очень широких масштабах в Коннектикуте, были проведены в Ройал-Неке. Его дочь, вдова Антипа Ньюмана и Зерубабеля Эндикотта, в ходе судебного процесса, о котором только что шла речь, вернула себе право собственности на сорок акров земли с постройками и улучшениями. В 1646 году Джон Уинтроп-младший, сопровождаемый братом Хью Питерса, преподобным Томасом Питерсом из Корнуолла в Англии, основал плантацию на реке Пекот; а Трамбулл в своей "Истории Коннектикута" говорит, что "мистер Томас Питерс был первым священником Сейбрука". Судьбы и семьи Хью Питерса и Джона Уинтропа-младшего, похоже, всегда были связаны между собой.

Даунинг, Рид и Питерс, трое из первоначальных плантаторов Салемских ферм, были привлечены в Англию и удерживались там всепоглощающим интересом, который удивительная революция, разразившаяся в то время в этом королевстве, не могла не пробудить в таких умах, как их. Повсюду и везде ранний прогресс страны был сдержан поворотом волны, которая уносила таких людей обратно в Англию и не давала другим приехать. Если бы в то время парламент не попытался пресечь узурпации короны и Стюартам не позволили установить абсолютную монархию, взоры и сердца всех свободных духов были бы прикованы к Америке, и вечный поток эмиграции привел бы туда, на протяжении многих поколений и навсегда, тысячи и тысячи таких людей, как те, что приехали вначале. Эффект, который произвели бы эти люди в Америке и в Англии, ускорив прогресс общества здесь и погрузив его в деградацию там; и тем самым повлияв на судьбы человечества во всем мире, - это предмет, над которым вполне можно поразмышлять философски.

Но, хотя эти люди были потеряны, другие достойны того, чтобы их перечислить, чтобы составить представление о тех элементах, которые легли в основу характера людей, главу в истории которых, имеющую ужасающее значение, мы готовимся исследовать.

Фрэнсис Уэстон был ведущим человеком в самом начале. В 1634 году вместе с Роджером Конантом и Джоном Холгрейвом он представлял Салем в первой в истории Палате депутатов. Его земельный надел находился на небольшом расстоянии к западу от дома собраний деревни. Должно быть, он был человеком более чем обычной либеральности духа; ведь он сбрасывал со счетов нетерпимость своей эпохи и держал свой разум открытым для восприятия истины и света. Он не скрывал своего сочувствия к тем, кто пострадал за антиномические настроения. В 1638 году ему было приказано покинуть колонию. За тот же проступок его жену, которая, вероятно, отказалась ехать, посадили в колодки "на два часа в Бостоне и на два в Салеме, в день лекции". Уэстон, рискнувший вернуться, через пять лет после этого был закован в кандалы и заключен в тюрьму на каторжные работы. Но поскольку он стоял на своих принципах, а его влияние было опасным, его снова изгнали из колонии.

Ричард Уотерман прибыл из Англии в 1629 году, рекомендованный губернатору Эндикотту губернатором и его заместителем в Лондоне. Он был известным охотником. "Его главным занятием, - говорится в письме, представляющем его Эндикотту на сайте, - будет добыча хорошей оленины". Ему был выделен земельный надел в районе холма Дэвенпорт. Но и у него был дух, противостоящий суровой и произвольной политике того времени. Он стал инакомыслящим и сочувствовал тем, кто страдал от притеснений. В 1664 году он предстал перед судом, был приговорен к тюремному заключению и в конце концов изгнан. Впоследствии Уэстон и Уотерман принимали заметное участие в делах Род-Айленда. Проживая в деревне, последний, вероятно, посвятил себя открытию своих земель и преследованию дичи в лесах. Я нашел лишь одно упоминание о его связи с общественными делами.

В течение нескольких лет поселения были вынуждены ограничиваться берегами заливов и бухт, а также берегами рек. Не было ни одной колесной повозки для передвижения, пока не удалось сделать что-то похожее на дороги, а это было делом времени. Было завезено несколько лошадей, но прошло еще много времени, прежде чем их удалось развести для удовлетворения общих нужд или ввести в обиход. Все приходилось перевозить по воде. Единственными средствами передвижения были лодки или каноэ, в основном последние. Каноэ были двух видов. Большие бревна белой сосны вычерпывали или выдолбляли и придавали им подходящую форму, примерно два с половиной фута в ширину и двадцать в длину. Такие каноэ часто были весьма удобны и пригодны для использования, но их нельзя сравнивать с индейскими каноэ, которые делались из коры деревьев, с большим

мастерством выточенных в красивую форму. Березовое каноэ представляло собой восхитительную конструкцию, сочетающую в себе элементы и принципы, которым вполне может подражать современная морская архитектура. По легкости, скорости, свободе и простоте движения оно не было и не может быть превзойдено. Его осадка, даже при значительной нагрузке, была настолько мала, что он мог скользить по самым мелким мелям. Он был прочным, долговечным и легко поддавался ремонту. Хотя неопытные и неумелые руки были в высшей степени опасны, ни одно судно никогда не было более безопасным, когда им управляли люди, обученные его использованию. Хладнокровный и быстро соображающий индеец мог направлять его с помощью своего изящно выточенного весла в полной безопасности через бурлящие пороги и тяжелые моря, вокруг мысов и через заливы. Поселенцы рано обзавелись каноэ, на которых можно было преодолевать внутренние ручьи и переправляться с берега на берег в гаванях. Одним из главных преимуществ легкого каноэ до появления дорог через леса было то, что его можно было разгрузить и перенести на плечах по суше в любую точку, к другому ручью или озеру, тем самым сокращая длинные повороты и переправляясь от реки к реке. Груз перевозился в удобных посылках, каноэ спускалось на воду, загружалось и снова отправлялось в путь. Вскоре каноэ вошли в обиход, особенно в этом районе. Вуд в своей книге "Перспективы Новой Англии", рассказывая о Салеме, говорит: "В этом городе больше каноэ, чем во всем Патенте, у каждого дома есть водяная лошадь или две". Для общественной безопасности было так важно, чтобы они находились в хорошем состоянии, что город взял этот вопрос в свои руки. В записях квартального суда есть следующая запись под датой 27 июня 1636 года:-

"Было приказано и решено, что все каноэ северной стороны города должны быть приведены на следующий второй день, то есть 4-го числа 5-го месяца, около 9 часов утра, в бухту общего места причала на Северной реке, у дома Джорджа Харриса - и что все каноэ южной стороны должны быть приведены к портовому домику на Южной реке в то же время, чтобы их осмотрели Дж. Холгрейв, П. Палфри, Р. Уотерман, Р. Конант, П. Верен или большее число из них. И чтобы не использовались никакие каноэ (под страхом штрафа в сорок шиллингов для их владельца), кроме тех, которые разрешат и отметят указанные геодезисты; и если кто-либо откажется или пренебрежет доставкой своих каноэ в указанные места в назначенное время, он должен заплатить за эту провинность 10 шиллингов".

Имена людей, связанных с Уотерменом, доказывают, что он был одним из главных жителей города. Строгие нравы того времени, царившие в общинах, подобных той, что образовалась здесь; исключение в то время неумолимыми законами многих видов развлечений; общая мрачность общества - все это сдерживало естественное оживление жизни до такой степени, что, когда давление иногда ослабевало, весь народ впадал в самые живые вспышки радостного возбуждения. Это был, несомненно, торжественный день. Церемония, спорт и празднество во всех их формах проявились в полной мере. Геодезисты выполняли свои функции с максимальной демонстрацией власти, осматривали каноэ с самым серьезным вниманием и наносили свои знаки со всей надлежащей формальностью. Легкий, изящный и самый живописный флот стекался со всех сторон к назначенному месту встречи. Гавань сверкала от мелькания весел и была ареной стремительных гонок и состязаний в мастерстве, демонстрирующих мужскую силу и ловкость. Должно быть, это было водное зрелище редкой красоты и веселья, не превзойденное и не превзойденное в некоторых отношениях, когда более века спустя на воду спустили фрегат "Гранд Тёрк" или "Эссекс", или когда коммодор Форбс, еще позже, вошел в наши мирные воды со своей флотилией лодок. Это было первое Четвертое июля, когда-либо отмечавшееся в Америке.

Томас Скраггс был первым жителем Салема, часто представлял город в качестве депутата в Генеральном суде, был одним из судей местного суда и всегда признавался среди правителей города. В январе 1636 года он получил грант на триста акров на юго-западной границе его территории. В следующем месяце произошел обмен, о чем сделана запись в городской книге пожалований: "Было постановлено, что, поскольку у мистера Скрыггса есть ферма в триста акров за Форест-Ривер, а у капитана Траска - в двести акров за Басс-Ривер, и капитан Траск добровольно отказывается от своей фермы в двести акров, она предоставляется мистеру Томасу Скрыггсу, и он с этого момента добровольно отказывается от своей фермы в триста акров". Таким образом, Скрыггс оказался на фермах Салема, между рекой Басс и большим прудом, озером Уэнхем. На самом деле это было сделано для того, чтобы продвинуть проект, который в то время очень нравился жителям Салема. Они очень хотели, чтобы на участке, от которого отказался Скраггс, был основан колледж. Каков был бы эффект от его размещения там, в непосредственной близости от морского берега, с видом на просторную бухту, ее мысы, острова и судоходство - вопрос, на котором мы можем порассуждать в свое удовольствие. Попытка не увенчалась успехом: Капитан Траск и мистер Скраггс сделали все возможное для ее осуществления и направили свои силы на благо общества в других направлениях. Из того немногого, что сохранилось о Скраггсе, совершенно очевидно, что он был умным и ценным гражданином. Событие, завершившее его карьеру общественного деятеля, доказывает, что его ум был просвещенным, либеральным и независимым; что он опережал время, в котором жил. Когда происходило жестокое и яростное преследование знаменитой Анны Хатчинсон за ее антиномические настроения, мистер Скрыггс не одобрял и осуждал его. Он искренне и открыто выступал против подобных попыток подавить свободу исследования и права совести. Он, как и другие жители Салема, был запрещен, разоружен и лишен своих общественных функций. По-видимому, ему позволили остаться в своем поместье, и он умер там в 1654 году. У него был только один ребенок, Рейчел, и фамилия, происходящая от него, исчезла. Опись его имущества датирована 24 июня того же года. Упомянутые в ней предметы составляют 244 фунта стерлингов. 10s. 2d. Учитывая в соответствии с нормами стоимости того времени, это была большая собственность. В тот же день было зарегистрировано соглашение, по которому его вдова, Марджери, передает своему зятю, Джону Реймонду, все свое недвижимое имущество на следующих условиях: Она должна пользоваться домом в течение своей жизни, постельными принадлежностями и другими "домашними вещами", а он должен выплачивать ей пять фунтов "в руки", двадцать фунтов в год и пять фунтов "в час ее смерти". В те времена это было достаточной суммой, чтобы обеспечить ей комфорт, пока она жила, и оплатить похороны. Не помню, чтобы я встречал этот последний пункт в такой форме выражения в каком-либо другом случае.

Уильям Алфорд был одним из первых поселенцев. Он был членом многочисленного и богатого общества, или гильдии, скорняков в Лондоне и, вероятно, приехал сюда с целью наладить обширную торговлю мехами. Соответственно, в 1636 году он получил грант на двести акров земли, включая участок, который некоторое время назывался Алфордс-Хилл, затем Лонг-Хилл, а теперь известен как Черри-Хилл. Это место принадлежит Р.П. Уотерсу, эсквайру. Альфорд сочувствовал в религиозных взглядах своему соседу Скраггсу, вместе с ним подвергался порицанию и был разоружен по приказу Генерального суда. Он продал свои земли Генри Херрику и покинул юрисдикцию.

Одним из самых просвещенных и, возможно, самых опытных людей среди первых жителей деревни Салем был Таунсенд Бишоп. Он был принят во фримены в 1635 году. В следующем году он появился в списке членов Салемской церкви. Он был одним из судей местного суда и, почти без перерыва с момента своего первого приезда сюда, депутатом Генерального

суда. В 1645 году, когда его внимание было привлечено к этому вопросу, у него возникли сомнения относительно крещения младенцев; было замечено, что он не приобщил к этому обряду недавно родившегося ребенка. Несмотря на то, что он находился на скамье подсудимых и всегда был объектом благосклонности и общественных почестей, его сразу же подняли на ноги и передали в дисциплинарный отдел. В следующем году он продал свои имения и, вероятно, переехал в другое место. Больше в наших летописях он не фигурирует. Куда он отправился, мне так и не удалось узнать. Остается надеяться, что он нашел более благоприятное и терпимое место жительства. Очевидно, что он не мог дышать в атмосфере фанатизма, а в те дни трудно было найти человека, свободного от его миазмов.

Пятеро из самых ценных первых поселенцев деревни - Уэстон, Уотерман, Скраггс, Алфорд и Бишоп - были рано отправлены в изгнание или покорены молчанием суровой политикой, на которой была основана колония. Ошибочно называть это религиозным фанатизмом. Это было не столько богословское, сколько политическое преследование. Его очевидная форма касалась догматов веры, но политика была глубже этого. К любой попытке выступить против существующей администрации относились с одинаковой суровостью, на какую бы тему она ни осмеливалась проявить себя.

Люди, искавшие этот далекий "уголок мира", пересекшие бурный и опасный океан и высадившиеся на берег дикой природы, оставив все дорогое и ценное, пришли за страной и социальной системой для себя и только для себя. Их решимость была неумолимой - не позволить ни стране-матери, ни всему внешнему миру, вместе взятому, вмешиваться в их жизнь. И столь же несокрушимой была решимость не допустить, чтобы среди них закрепились инакомыслие или какие-либо несогласные элементы. Звание и титул сэра Кристофера Гарднера не могли его спасти: он был не из тех, кто им нужен, и его отправили обратно. Добродетели Роджера Уильямса, его образованность, апостольское благочестие не могли спасти его; и они загнали его в ветреную пустыню, охотясь за ним за пределами своих границ. Дело было не столько в том, правы или не правы баптисты, антиномисты или квакеры, сколько в заранее сформировавшейся решимости не допускать среди них инакомыслящих любого толка. Они пожертвовали всем, чтобы найти и создать для себя страну, и собирались держать ее при себе. Они ушли с дороги всех остальных и не собирались пускать на свою дорогу никого другого. Они не понимали великой истины, которую Хью Питерс проповедовал в парламенте: "Почему, - говорил он, - христиане не могут расходиться во мнениях и при этом быть друзьями? Все дети должны быть накормлены, хотя у них разные лица и фигуры: единство, а не единообразие - вот христианское слово". Они не признавали такого понятия. Они считали единообразие единственной основой единства. Они хотели сделать и сохранить эту страну по своему образцу, страну конгрегационалистов, пуритан, кембриджцев, платформенных людей. Еще не пришло время, когда мы можем поднять на них чистые руки. Два сменявших друг друга главных судьи Соединенных Штатов открыли дверь и дали понять одной восьмой части всего нашего народа, что для них будет лучше уйти. Пока сохраняется доктрина, что это страна белого человека, или любого человека, или любого класса или вида людей, мы должны закрывать наши уста от осуждения отцов Новой Англии за то, что они пытались сохранить страну для себя. Чувство или понятие, на основе которого они действовали, в какой бы форме оно ни проявлялось, с какого бы высокого поста оно ни исходило и как бы долго ни просуществовало в мире, одинаково ложно и отвратительно во всех своих проявлениях. Это дерзкое восстание против закона, который провозглашает, что "все различия природы - это мир природы"; что не может быть гармонии без разнообразия звуков, не может быть социального единства без неограниченной свободы, и нет истинной свободы там, где все лишены равных прав; что различия должны сближать людей, а не разъединять их; и что единственное правительство,

которое может противостоять потрясениям времени и стать сильнее и дороже для всех своих людей, это то, которое не признает никаких различий любого рода между ними. Единственный последовательный и прочный фундамент, на котором может быть построена республика или церковь, - это абсолютный уровень, без ограждений и исключений.

Дарственная Таунсенда Бишоп на триста акров была выдана 16 января 1636 года. Когда он продал его 18 октября 1641 года, из акта следует, что на нем были постройки, сады, дворы, огороды и луга. Должно быть, с самого начала на него были брошены большие силы, чтобы добиться таких результатов за столь короткое время. Были посажены фруктовые сады. О том, как были устроены угодья, до сих пор свидетельствуют насыпи, искусственные склоны и дороги, которые демонстрируют тонкий вкус владельца и, должно быть, потребовали больших затрат денег и труда. Хотя поместье всегда находилось в руках владельцев, способных заботиться о нем и поддерживать его в хорошем состоянии, никто, кроме первоначального владельца, вряд ли смог бы произвести те расходы, которые очевидны на первый взгляд, при принятом плане. Особняк, в котором он жил, стоит и по сей день. Его фасад, выходящий на юг, был, очевидно, расширен в какой-то отдаленный промежуточный период после его первоначального возведения за счет небольшого расширения на западном конце, за крыльцом. В остальном он, возможно, был несколько изменен с течением времени в результате ремонта, но его общий вид, как показано [на фронтисписе](#) этого тома, и его первоначальный крепко спрессованный и нетленный каркас сохранились. При изготовлении его бревен не использовалась пила; все они были вытесаны широким топором из самого прочного дуба: массивные и ставшие со временем прочными, почти как железо. Стены и лестница погреба, вход в который виден со стороны крыльца, сложены из таких камней, которые можно было собрать на поверхности новой страны, и несут на себе следы большой древности. Длинная, низкая кухня с шириной едва шесть футов первоначально занимала всю длину пристройки с северной стороны дома. Комнаты главного дома были значительно выше. Старая дорога, очертания которой сохранились до сих пор, подходила к дому с востока, подходила к его северо-восточному углу, огибала его спереди и продолжалась от северо-западного угла, по до сих пор видимой дорожке, через ручей и яблоневый сад, посаженный Бишопом, к месту, где сейчас находится могильник деревни; и так далее к землям, которые тогда занимал Ричард Хатчинсон, а также к землям, принадлежавшим впоследствии Натаниэлю Ингерсолу, к Бивер-Дам и первым поселениям в этом направлении и к западу. В целом можно сказать, что структурные пропорции и внутреннее устройство дома, взятые в их соотношении с остатками и признаками на участке, показывают, что он относится к периоду первого заселения фермы. Но в данном случае мы не полагаемся на догадки или простое предание, которое в таких вопросах не всегда надежно. То, что это именно тот дом, который построил и занимал Таунсенд Бишоп в 1636 году, подтверждается уникальной и неопровержимой цепочкой конкретных доказательств. Затянувшаяся земельная тяжба, о которой пойдет речь далее, породила огромное количество бумаг, которые хранятся в архивах окружных судов и департамента штата; среди них несколько участков, сделанных землемерами и представленных сторонами в качестве доказательств. Приведены не только местность, но и схема дома, как он стоял в то время. Показано место, на котором он стоял. Кроме того, выясняется, что в актах о передаче имущества усадьба специально описана как дом, в котором жил Таунсенд Бишоп, называемый "особняком Бишоп". Это относится к периоду, последующему за стилем его архитектуры, и в пределах недавней традиции и памяти живущих. В старых записях Салемского коммонера он называется "Коттедж Бишоп", так обычно называли жилые дома в те ранние времена. После того, как дом был отремонтирован в соответствии с

требованиями времени, он и сегодня остается таким же крепким и добротным. Его оригинальные бревна, если их держать сухими и хорошо проветривать, не подвержены гниению; и он может стоять, будучи полезным, пригодным и красивым жильем, в будущем, столь же долгом, как и прошлое. Можно усомниться, что какой-либо жилой дом, используемый в настоящее время в этой стране, может быть отнесен к такой же древности благодаря подобной силе доказательств. Его местоположение, с учетом окружающего ландшафта, было выбрано удачно. Здесь его гостеприимный и уважаемый первый владелец жил в перерывах между государственной и официальной службой, в мире и спокойствии, пока его не выследил назойливый дух нетерпимого века. Здесь он приветствовал своих соседей - Эндикотта, Даунинга, Питерса, Джона Уинтропа-младшего, Рида и других родственников. [A]

В ходе таинственного провидения этому почтенному особняку было суждено стать памятным благодаря его связи с самой мрачной сценой в нашей летописи. Поскольку эту сцену невозможно иначе осмыслить во всех элементах, которые к ней привели, необходимо дать промежуточную историю фермы и особняка Таунсенда Бишопа. В 1641 году Бишоп продал ее Генри Чикерингу, который, судя по всему, некоторое время проживал в Салеме и которому в январе 1640 года город выделил землю. Он продолжал владеть фермой до 4 октября 1648 года, хотя, судя по всему, прожил на ней недолго, так как вскоре переехал в Дедхэм, откуда в 1642 году и несколько лет после этого был депутатом Генерального суда. В вышеупомянутую дату он продал ферму губернатору Эндикотту за сто шестьдесят фунтов. В 1653 году Джон Эндикотт-младший, старший сын губернатора, женился на Элизабет, дочери Иеремии Хоучинса, видного гражданина Бостона, который до этого проживал в Хингеме, где он был депутатом в течение шести лет. Фамилия произносилась как "Хоукинс", и так, возможно, в итоге и было написано "Хокинс". По соглашению, или "статье брачного контракта", Эндикотт передал ферму своему сыну. Было дано "настоящее владение". Как долго и сколько времени молодая пара жила в поместье, неизвестно. Их основная резиденция находилась в Бостоне. В 1660 году Генеральный суд предоставил Джону Эндикотту, младшему, четыреста акров земли на восточной стороне верхней части реки Мерримак. После покупки фермы у Чикеринга владения Эндикоттов составляли почти тысячу акров в одном участке, простиравшемся от морских рукавов до центра нынешней деревни Тапливилль. 10 мая 1662 года губернатор подписал документ, выполняющий условия брачного контракта, и передал своему сыну Джону, его наследникам и правопреемникам на вечные времена ферму Бишопа. Губернатор Эндикотт умер в 1665 году. Было найдено его завещание, подписанное и скрепленное печатью, датированное 2 мая 1659 года, в котором, ссылаясь на брачный дар Джону, он завещал вышеупомянутую ферму "ему и его наследникам", но не добавил "и правопреемникам". Еще один пункт завещания гласит: "Земля, которую я завещал двум моим сыновьям, в том или ином месте, по моей воле будет принадлежать дольнейшему из них, если только Господь не пошлет им детей, которые унаследуют ее после них". К сожалению, свидетелей у завещания не было. Оно не было принято к рассмотрению. Дело было передано в Генеральный суд, и 1 августа 1665 года было принято решение, что суд "не одобряет документ, представленный в суде, как последнюю волю и завещание покойного Джона Эндикотта, губернатора". В октябре того же года Джон Эндикотт-младший обратился в Генеральный суд с просьбой разобраться с имуществом его отца; суд предписывает предоставить управление "миссис Элизабет Эндикотт и двум ее сыновьям, Джону и Зерубабелю", и чтобы они представили опись в следующий окружной суд в Бостоне, а также распорядиться этим, как предписывает закон. После этого вдова губернатора и его сын Зерубабел снова обратились в Генеральный суд; и 23 мая 1666 года, "после полного

слушания всех сторон, заинтересованных в указанном имуществе, т.е, упомянутой миссис Элизабет Эндикотт и двух ее сыновей, мистера Джона и мистера Зерубабеля Эндикоттов, мистер Иеремия Хоучин также присутствовал в суде и соответственно представил свои доводы и доказательства по делу", - в итоге суд принял решение и постановил, что положения документа, выдаваемого за завещание губернатора Эндикотта, должны быть приведены в исполнение, за следующими исключениями: ферма Бишоп или Чикеринг должна перейти к его сыну Джону "ему, его наследникам и правопреемникам на вечные времена"; и что Элизабет, жена упомянутого сына Джона, если она переживет своего мужа, будет пользоваться в течение своей жизни всем имуществом своего мужа во всех других домах и землях, упомянутых в документе, выдаваемом за завещание его отца. Суд постановляет, что это должно было быть "истинным намерением вышеупомянутого Джона Эндикотта, эсквайра, покойного, который при жизни питал к ней особую благосклонность и уважение". Они отдают вдове губернатора "имущество и вещи" упомянутого Джона Эндикотта, эсквайра, ее покойного мужа, с условием, что, если "она умрет с конфискацией имущества на сумму более восьмидесяти фунтов стерлингов", излишек будет разделен между двумя ее сыновьями: Джон получит двойную часть. Наконец, они назначают вдову единственной администраторшей и требуют, чтобы она представила подлинную опись в следующий суд графства Саффолк и выплатила все долги.

Джон и его тесть поступили по-своему. Решение суда, возможно, было правильным, согласно юридическим принципам; хотя нет уверенности в том, что оно во всех отношениях соответствовало намерениям губернатора Эндикотта. Несомненно, как следует из формулировки акта, он решил передать своему сыну Джону и "его помощникам" абсолютное, полное и окончательное владение фермой Бишоп. Но столь же несомненно, что он намеревался, чтобы остальная часть его земельных владений, включая ферму "Фруктовый сад" и ферму на реке Ипсвич, перешла непосредственно и полностью к наследнику, если один из его сыновей умрет без потомства. Факты и даты таковы: Его сын Джон был женат в 1653 году. Завещание губернатора было составлено в 1659 году. К тому времени стало вполне вероятным, что у Джона не будет потомства. По завещанию ему и его наследникам, но не его правопреемникам, передается ферма Бишоп. В случае его смерти без потомства его вдова получит в ней право пожизненного содержания и законное право на наследство, но последним наследником станет Зерубабел. В 1662 году губернатор, который за несколько лет до этого переехал в Бостон, где и прожил остаток жизни, оформил документ, передающий его сыну Джону, "его наследникам и правопреемникам", полное и постоянное право собственности на ферму Бишоп. Это был вариант плана распоряжения своим имуществом, изложенного в завещании. Вероятно, он намеревался составить новое завещание, обеспечивающее его естественным наследникам, в том что касается других его земельных владений, то, что он разрешил передать им в ферме Бишоп; то есть полное и немедленное владение оставшимся в живых, если один из сыновей умрет без потомства. В те времена было принято считать, что земли переходят по наследству, почти священным принципом. Это чувство вполне прослеживается в тексте завещания губернатора. Когда в 1662 году он лишил семью Зерубабеля права на окончательное владение фермой Бишопов, можно не сомневаться, что он рассчитывал на то, что положения его завещания обеспечат им немедленное и полное владение всеми остальными его землями, не обремененными никакими притязаниями вдовы Джона на дауэр или что-то еще. Но давление государственных обязанностей не позволило ему должным образом исполнить завещание и облечь его в новую форму, соответствующую обстоятельствам дела. Последовавшие за этим неприятности учат необходимости максимальной осторожности и осмотрительности в этой самой сложной и самой непоправимой из всех деловых операций - попытке продолжить контроль над имуществом после смерти с помощью письменных документов.

Джон Эндикотт-младший умер в феврале 1668 года без потомства, оставив все свое имущество вдове, "ее наследникам и наследницам на вечные времена". Его завещание датировано 27 января 1668 года и было предложено к завещанию 29 февраля 1668 года. Его вдова вышла замуж 31 августа 1668 года за преподобного Джеймса Аллена, одного из служителей Первой церкви в Бостоне, предыдущая жена которого, Ханна Даммер, от которой он получил пятьсот акров земли, умерла в марте 1668 года. Его жена Эндикотт умерла 5 апреля 1673 года, оставив ему ферму Таунсенд-Бишоп и все свое имущество; 11 сентября того же года он женился на Саре Холинс. От двух предыдущих жен он получил двенадцать сотен акров земли. Сколько он получил от последней из них, мы не знаем. Помимо этих супружеских накоплений, счета свидетельствуют о том, что он был богат и раньше.

Можно предположить, что семье на Фруктовой ферме было не очень приятно видеть, как эта часть их владений, которая была на виду из их окон, перешла в руки совершенно посторонних людей так быстро и необычно, в результате стечения обстоятельств, которые были весьма неприятными и провоцирующими. Но это было только начало их бед.

29 апреля 1678 года Аллен продал ферму Бишопа Фрэнсису Нерсу из города Салем за четыреста фунтов. Нерс был ранним поселенцем и до этой покупки прожил около сорока лет "у Скерри", на Северной реке, между основной частью поселения в городе Салем и паромом в Беверли. Он описан как "мастер по изготовлению подносов". Изготовление этих и подобных предметов домашнего обихода было важным занятием в новой стране, удаленной от иностранных поставок. Судя по всему, он был очень уважаемым человеком, с устойчивым и энергичным характером, на чьи суждения очень полагались соседи. Никто не упоминается чаще в качестве третейского судьи для разрешения споров или арбитра для урегулирования противоречивых претензий. Он часто входил в состав комитетов по определению границ или оценке стоимости, а также в состав местных присяжных по прокладке шоссе и оценке ущерба. Тот факт, что он был готов столкнуться с трудностями, связанными с такой серьезной сделкой, как покупка фермы Бишопа по такой цене в его годы, доказывает, что он обладал духом, равным смелому начинанию. Тогда ему было пятьдесят восемь лет. Его жене Ребекке было пятьдесят семь лет. Мы еще встретимся с ней.

У них было четверо сыновей - Сэмюэль, Джон, Фрэнсис и Бенджамин; и четыре дочери - Ребекка, вышедшая замуж за Томаса Престона, Мэри за Джона Тарбелла, Элизабет за Уильяма Рассела, и Сара, которая оставалась незамужней до смерти матери. С этим сильным отрядом крепких сыновей и зятьев, а также их трудолюбивыми женами Фрэнсис Нерс стал хозяином фермы. Условия покупки были настолько разумны и изобретательны, что заслуживают того, чтобы о них рассказать, и показывают, каким образом энергичные и трудоспособные мужчины, даже не обладающие капиталом, особенно если они могли добиться эффективного сотрудничества в труде своих семей, получали во владение ценные земельные владения. Деньги за покупку не требовалось выплачивать до истечения двадцати одного года. В то же время устанавливалась умеренная ежегодная рента: семь фунтов за каждые первые двенадцать лет и десять фунтов за каждые оставшиеся девять лет. Если по истечении этого срока оговоренная сумма не будет выплачена или Нерс откажется от затеи, имущество должно было перейти к Аллену. Незаинтересованные и подходящие люди, назначение которых было предусмотрено, должны были оценить стоимость, которую Нерс добавил к имуществу за время своего пребывания в нем, расчистив луга, возведя здания или другие постоянные улучшения, и вся эта стоимость сверх ста пятидесяти фунтов должна была быть выплачена ему. Если какая-либо часть основной суммы будет выплачена до истечения двадцати одного года, пропорциональная часть фермы освобождалась от всех обязательств перед Алленом, переходила в абсолютную собственность Нерса и переходила в его

распоряжение. В соответствии с этими условиями Аллен считал себя вправе назначить очень высокую цену за ферму, не выплачивая ее до истечения длительного периода времени. Если же она вообще не будет выплачена, то имущество вернется к нему с добавлением ста пятидесяти фунтов стерлингов. Это была неплохая сделка для него - человека с независимыми средствами, полученными из других источников, и таким положением дел, что он не мог сам вести хозяйство. Это было выгодное вложение средств. Для Сестры условия были самыми выгодными. С самого начала ему не пришлось вносить ни доллара. Низкая арендная плата позволяла ему почти весь доход от фермы направлять на улучшения, которые делали бы ее все более продуктивной. Еще до истечения половины времени была создана стоимость, достаточная для погашения всей суммы, причитающейся Аллену. Его дети по отдельности имели хорошие фермы в пределах поместья, могли с легкостью взять на себя соответствующие доли обязательств по покупке; таким образом, собственность была полностью обеспечена в течение отведенного времени. Вначале Аллен предоставил полный акт, составленный в обычной форме, который был зарегистрирован в этом округе. Сестра предоставила должным образом оформленный залог, в котором были тщательно и четко определены вышеуказанные условия. Это было записано в графстве Саффолк; и, возможно, в то время или когда-либо после этого в округе ничего не было известно об условиях сделки. Когда успех предприятия был полностью обеспечен, Нерс передал своим детям большую половину фермы, оставив за собой усадьбу и удобный участок земли в собственном владении. План этого раздела свидетельствует о большой справедливости и рассудительности и полностью устраивает их всех. В соответствии с полученными от него документами они должны были поддерживать дорогу, по которой могли бы сообщаться друг с другом и со старым родительским домом.

Здесь почтенная чета жила в истинно патриархальном стиле, занимая "особняк" Таунсенда Бишопа, когда с ними случился колдовской бред. Все они и их дети были сосредоточены в пределах фермы площадью в триста акров. Они были одной семьей. Территория принадлежала им, была закреплена их совместными действиями и стала удобной, продуктивной, ценной и красивой благодаря их слаженному, терпеливому и настойчивому труду. У каждой семьи был приусадебный участок, поля и сады; в каждом доме росли дети. Старшие сыновья и зятья стали влиятельными людьми в делах церкви и деревни. Это была сцена домашнего счастья и процветания, которую редко можно превзойти. Казалось, что работа жизни успешно завершена, и мирный и безмятежный спуск в долину лет был обеспечен Фрэнсису и Ребекке Нерс. Но темное и непостижимое провидение распорядилось иначе.

Есть некоторые основания подозревать, что процветание сестер пробудило зависть и ревность среди соседей. Сам факт того, что они были сообществом сами по себе и сами по себе, мог подействовать пагубно. То, что человек, который в течение сорока лет был известен в ближайших окрестностях как мелкий фермер и механик, не имея никаких денежных средств, получил такую собственность и развел семью до таких масштабов, было необъяснимо для всех, а некоторые, возможно, и не одобряли этого. По-видимому, было принято упорно скрывать от него достоинство землевладельца; и еще долго после того, как он распределил свое имение между потомками, оно упоминается в актах, составленных сторонами, которые граничили с ним, как "ферма, которую мистер Аллен из Бостона сдает в аренду сестрам". Не зная, вероятно, ничего о ней, они называли ее, даже после смерти Нерса, "фермой мистера Аллена". Однако это было незначительное событие. Когда Аллен продал ферму Сестре, он обязался защищать право собственности; и он был верен своему обязательству. То, что требовалось сделать в этом направлении, могло, возможно,

подвергнуть сестер враждебности, которая впоследствии оказала на них ужасное воздействие.

При первоначальном предоставлении земель ни Генеральный суд, ни город не проявили достаточной тщательности в определении границ. Судя по всему, не существовало никакой хорошо организованной системы, основанной на тщательных, точных, научных исследованиях. Размеры территории неровной, густо заросшей лесом, безлюдной страны, по оценкам самых опытных глаз, и измерения, основанные на простом исследовании или обходе, очень ненадежны. В результате оказалось, что во многих случаях гранты накладываются друг на друга. Так было и с фермой Бишопа; вскоре после того, как Нерс вступил во владение и начал работать на ней, начался конфликт; были поданы жалобы на нарушение границ, возбуждены иски, и произошел один из самых памятных и упорных земельных споров, известных нашим судам. В этом споре сестра формально не была главной. Дело происходило между Джеймсом Алленом и Зерубабелем Эндикоттом, или между Алленом и Натаниэлем Путнамом.

Знакомство с [картой](#) позволит нам понять, на каких основаниях оспаривался иск. Как уже говорилось, ферма Орчард была пожалована Эндикотту 3 июля 1632 года Генеральным судом. В гранте указано, что границами с юга и севера являются две реки, с востока - еще одна река, в которую они обе впадают, а с запада - материк. Где эта западная линия должна была ударить по рекам на севере и юге, не указано; но естественное толкование, в отсутствие чего-либо, свидетельствующего об обратном, заключается в том, что она должна была ударить по их соответствующим истокам. Свидетельства всех лиц, которые при жизни губернатора имели отношение к ферме, были единодушны и убедительны в этом вопросе, а именно: и он, и они всегда полагали, что западная линия проходит, как указано на [карте](#), от истока одной реки до истока другой; что ферма охватывает все пространство между ними до самого прилива. С другой стороны, возражали, что таким образом площадь фермы значительно превышала триста акров; но в качестве компенсации приводили тот факт, что значительная часть территории была болотом или топью, которые обычно не учитываются при определении размера гранта, а также то, что формулировка Генерального суда относительно количества не была точной - "около" трехсот акров. В тот же день, когда был выдан грант Эндикотту, Генеральный суд выдал двести акров мистеру Склтону, этот участок показан на [карте](#).

Как уже говорилось, 3 марта 1635 года Генеральный суд предоставил городам исключительное право распоряжаться землями в их пределах. 10 декабря того же года город Салем предоставил Роберту Коулу участок в триста акров, впоследствии купленный Эмануэлем Даунингом, который указан на [карте](#). 11 января 1636 года участок в триста акров был пожалован Таунсенду Бишопу. Его формулировка, к сожалению, неясна в некоторых выражениях, но ясно, что участок должен был иметь четыреста прудов в длину, сто двадцать четыре пруда в ширину в западном конце и сто шестнадцать прудов в восточном. В северо-восточном углу он должен был встречаться с водой или ручьем, отделявшим его от участка, предоставленного Склтону; кроме того, должен был "но" касаться в восточном конце земли, предоставленной Эндикотту Генеральным судом. После выдачи гранта Бишопу город время от времени выдавал Стилеману гранты на землю к северу от гранта Бишопа. Участки Стилемана примыкали к участку Склтона в северо-восточном углу фермы Бишопа. Эта часть земли Стилемана перешла во владение Натаниэля Патнэма, а остаток к западу, вместе с грантом Уэстона, - во владение Хатчинсона, Хоултона и Ингерсола. Еще дальше на запад город выдал гранты Суиннертону. Их местоположение указано [на карте](#). Сложность, которая привела к судебному разбирательству, заключалась в следующем: По условиям гранта

ферма Бишопа должна была иметь ширину в сто шестнадцать прутьев в восточной части. Но места для этого не было. Необходимую ширину нельзя было получить, не затронув ни Путнэма, ни Эндикотта, ни обоих. Поскольку Эндикотт имел более ранний титул, чем Бишоп, и более высокую инстанцию, а Патнэм - более поздний титул, полученный от более низкой инстанции, суд мог бы решить вопрос при открытии на этом основании, и Патнэма оставили бы терпеть посягательство. Но он не принял такого решения, и дело продолжилось. Борьба шла между Эндикоттом за то, чтобы продвинуть его на север и тем самым сохранить свою ферму Орчард и землю между ней и грантом Бишопа, выданным городом его отцу и называемым Губернаторской равниной, и Натаниэлем Путнамом, чтобы продвинуть его на юг и тем самым сохранить землю, которую он получил от отца своей жены, Рича арда Хатчинсона, купившего ее у Стилемана. Аллен стоял в обороне против них обоих. Сестрам ничего не оставалось делать, как заниматься своими делами, вести хозяйство в пределах, установленных договором, и обращаться к Аллену за возмещением, если в конце концов размеры их владений окажутся урезанными. Но, будучи оккупантами и, пока их окончательно не вытеснили, владельцами земли, если требовалось отразить вторжение, встретить насилие или дать отпор, они были теми, кто должен был это сделать. Они были равны ситуации.

После различных разбирательств в судах всех возможных форм дело было передано в Генеральный суд, где в соответствии с отчетом специальной комиссии в мае 1679 года оно было решено в пользу Путнама и Аллена. Эндикотт подал прошение о новом слушании. Была назначена другая комиссия, и ее отчет был принят в мае 1682 года. Он был более неблагоприятным для Эндикотта, чем предыдущий. Он протестовал против решения суда в серьезных, но уважительных выражениях и ходатайствовал о повторном слушании. Они снова удовлетворили его просьбу и назначили день для повторного рассмотрения дела; но, когда этот день наступил, 24 ноября 1683 года, он был болен в постели, и дело было решено против него бесповоротно.

На карте показаны границы фермы Бишопа, окончательно утвержденные Генеральным судом. Заметим, что она проложена прямо через Губернаторскую равнину и уходит далеко в Фруктовый сад "до скал возле жилища Эндикотта", или, как сказано иначе, "в нескольких верстах от канавы Гуппи, рядом с" упомянутым домом. Можно сказать, что это была необходимость, поскольку первоначальные триста акров, выделенные Таунсенду Бишопу, должны были быть дополнены. Он не мог идти на север, поскольку Хоултон и Ингерсол стояли на гранте Уэстона, а Хатчинсон и Натаниэль Патнэм - на грантах Стилемана, чтобы оттеснить его назад. Он не мог пойти на запад или юго-запад, потому что там стоял Суиннертон, отбиваясь от своих грантов; и там же стоял Натаниэль Патнэм, на своем собственном гранте и на землях, которые он купил у другого первоначального грантополучателя. Его нельзя было повернуть на юг, не зажав земли Фелтона и других, и не оттеснив их на гранты, выданные Роберту Коулу, который купил Даунинг, и Томасу Риду. Все эти стороны объединились, чтобы заставить его двигаться на юго-восток через земли Эндикотта. Натаниэль Патнэм был его самым фатальным антагонистом. Он был человеком удивительной энергии, непревзойденной ловкости и неутомимых ресурсов в таких делах; ему удалось так прижать ферму Бишопа к северо-востоку, что он получил ценную полосу для себя. С таким сильным человеком против него, действующим в сочетании с богатым и влиятельным Джеймсом Алленом, служителем большой столичной Первой церкви и лицензиаром прессы, который обрушил на Генеральный суд всю мощь своих клерикальных и социальных связей в Бостоне и во всей колонии, у Зерубабеля Эндикотта не было шансов на справедливость и на возмещение ущерба. Напрасно он взывал к памяти своего отца или

Уинтропа, деда своей жены. Его отец и оба Уинтропа уже давно покинули сцену: выросло новое поколение, и помочь ему было некому.

Можно было предположить, что Генеральный суд, предоставивший ферму "Фруктовый сад" губернатору Эндикотту, из чувства самоуважения и чести должен был защитить ее от любых перекрывающих друг друга пожалований, сделанных впоследствии нижестоящей властью. При таких обстоятельствах дела он обязан был сохранить ферму "Фруктовый сад" в неприкосновенности и возместить ее убытки Аллену и Нерс путем предоставления гранта в другом месте или справедливой денежной компенсации. Ведь он был столь многим обязан сыну Эндикотта и внучке Уинтропа, первых благородных отцов колонии. Возможно, суд нашел свое оправдание во фразеологии акта о передаче фермы Бишопа от губернатора Эндикотта его сыну Джону. После упоминания или ссылки на первоначальный городской грант Бишопу, а также на акты от Бишопа к Чикерингу и от Чикеринга к себе, губернатор передает своему сыну Джону все дома и т.д., а также все части и участки земли "в максимальном объеме, как это выражено или включено в любой из вышеупомянутых актов или городской грант". Аллен утверждал, и справедливо, что ему принадлежит все, что было передано Джону Эндикотту-младшему. Но суд не имел права посягать на ферму "Фруктовый сад", которая была предоставлена им губернатору до всех актов и до городского гранта Бишопу.

Никогда еще глубокое и пронизательное замечание о тайнах человеческой природы: "Суждения людей зависят от их судьбы" не получало более яркой и меланхоличной иллюстрации, чем в случае с Зерубабелем Эндикоттом. Вместе с падением судьбы пали и его рассудительность и благоразумие; его разум, обезумевший от чувства несправедливости, казалось, стремился подвергнуть себя новым нападкам. Разбитый судебными тяжбами, которые растратили его имущество, он, казалось, приобрел слепую страсть к ним. Разрушив свой покой и запутав свои дела в попытках противостоять решениям суда, он упорно продолжал бороться с ними. Он пытался продвинуть грант Бишопа на запад, за земли Натаниэля Путнама в этом квартале. Высший трибунал вынес решение не в его пользу. Но он, похоже, был не в состоянии осознать этот факт. Он послал своих наемных людей рубить лес на этой земле. Они проработали там несколько дней, срубили большое количество деревьев и заготовили из них балки и брусья для каркаса дома. Однажды утром, вернувшись к своей работе, они не обнаружили никакого леса: бревна, каркас и все остальное исчезли. Они были аккуратно сложены в миле от дома Путнама, который прислал две бригады, одну из четырех волов, другую из двух волов и лошади, с достаточным количеством людей, и в два приема вывезли все. Эндикотт, конечно, подал на него в суд, и, разумеется, был изгнан.

Когда Генеральный суд согласился предоставить ему повторное рассмотрение дела о ферме Бишопа, они прямо запретили ему в это время делать какие-либо "полосы" на этой земле. Но с увлечением, которое, казалось, владело им, и не обращая внимания на то, что нарушение постановления суда нанесет смертельный ущерб его делу на предстоящем слушании, он снова послал банду людей рубить лес на спорной земле. Ниже приводится результат.

"Хью Джонс, 46 лет, и Алексиус Рейнольдс, 25 лет, свидетельствуют и говорят, что мы, эти заявители, по просьбе мистера Зерубабеля Эндикотта нарубить немного дерева для зимних дров, соответственно отправились с нашими упряжками, в которых было четыре вола и лошадь; и там мы встретились с несколькими другими упряжками наших соседей, которые были заняты тем же делом, то есть помогали нести мистеру Эндикотту дрова для его зимних дров. Эндикотту дрова на зиму, и когда мы нагрузили наши сани, Томас Престон и Джон Тарбелл подошли с силой и вытащили дрова из наших саней; и Фрэнсис Нерс, присутствуя

при этом, потребовал, чьи мы люди. Мистер Эндикотт, присутствовавший при этом, ответил, что это были его люди".

Эти свидетели утверждают, что "битва в пустыне" продолжалась два дня: люди Эндикотта рубили дрова и нагружали упряжки, а люди Нерса укладывали их в кучи. Легко представить себе, какие перепалки и конфликты происходили между сторонами в течение этих двух дней. Было ли последнее, решающее сражение, мы не знаем. Возможно, так и было. Леса звенели грубым эхом, в этом мы можем быть уверены. Последовал судебный процесс, результат которого не вызывал сомнений. Эндикотт не имел на это права; он находился там в прямое нарушение постановления суда. Сестра владела землей, имела право и была обязана удерживать ее от расхищения.

Вскоре после этого Эндикотт сломался под воздействием накопившихся вокруг него трудностей. 24 ноября 1683 года, как мы уже видели, он "заболел в постели". За два дня до этого, то есть 22 ноября, он составил свое завещание, которое было представлено в суде 27 марта 1684 года. Он играл до последнего; вот один из пунктов завещания

"Поскольку мой покойный отец в своей последней воле завещал мне свою ферму, называемую фермой Бишопа или Чикеринга, я передаю эту ферму моим пяти сыновьям, чтобы они разделили ее поровну между собой".

Завещание его отца было признано недействительным по этому и другим пунктам. Все было окончательно решено в течение многих лет, но он никак не хотел признавать этот факт. Это уникальный случай, когда упрямство воли полностью вытеснило и подавило разум и рассудок. Он потерял восприятие действительного и реального, цепляясь за то, что считал правильным.

Все ассоциации и чувства его души были потрясены понесенными им обидами. Он не мог пройти по своим полям или выглянуть из окна, не чувствуя, что имущество, которое его отец передал брату, перешло в чужие руки и было использовано в качестве клина, на котором все сговорились наносить удары, вбивая его в центр его родовых акров, раскалывая и разрывая их на части. Он размышлял над этой мыслью, пока всякий раз, когда он обращался к ней, его разум не отступал, сердце не разбивалось, и под ее тяжестью он падал в могилу.

Среди документов, хранящихся в архиве, есть его аргумент, обращенный к суду и присяжным во время одного из бесчисленных процессов по делу о ферме Бишопа. Судя по всему, это дословный отчет о речи, произнесенной в то время, и доказывает, что он был человеком талантливым. Речь учтивая, джентльменская и, можно сказать, ученая по дикции и стилю, искусная в высказываниях и убедительная в аргументах.

Во всех предыдущих процессах присяжные единодушно выносили вердикты в пользу Эндикотта; но Аллен передавал дела в Генеральный суд, который осуществлял окончательную и неограниченную юрисдикцию по всем вопросам, переданным на его рассмотрение. Обычно он назначал комитеты или комиссаров для рассмотрения таких вопросов, принимал их отчеты и придавал им обязательную силу. Таким образом, земли решались без участия и вопреки решениям присяжных. В своих аргументах, адресованных Генеральному суду, Зерубабель Эндикотт протестовал против этой юрисдикции, в соответствии с которой его земли были отобраны у него "комитетом, произвольным образом, не связанным и не присягнувшим ни законом, ни доказательствами". Он смело осудил это.

"Быть лишенным своего наследства; быть судимым тремя или четырьмя членами комитета, которые не связаны ни законом, ни доказательствами, - которые являются или могут быть изменчивыми в своих взглядах, делая сегодня одно, а вскоре снова отменяя то, что они сделали, - я считаю, что быть судимым таким произвольным образом противоречит основному закону Англии, содержащемуся в Magna Charta, chap. 29, где говорится, что ни один свободный человек не может быть лишен своего фригольда иначе, как по законному решению его пэров, то есть в рамках надлежащей правовой процедуры; что также было подтверждено Петицией о праве, Актом Парламента, *tertio Caroli I*. И также такая произвольная юрисдикция была взорвана при ликвидации Суда Звездной Палаты; и чрезмерные штрафы, наложенные на все подобные действия. См. "Английские свободы", а также четвертую и шестую статьи против графа Страффорда в "Хронике" Бейкера, лист 518".

Он завершает одну из своих реплик следующим образом

"Скромная просьба вашего просителя к достопочтенному ген. Суду, чтобы я, как англичанин, как свободный гражданин этой юрисдикции, как потомок того, кто в свое время стремился к благосостоянию этого содружества, мог иметь пользу и защиту полезных законов, установленных в этой юрисдикции: чтобы в случае крайней несправедливости я мог свободно добиваться облегчения по закону и не мог, вопреки Magna Charta, быть лишенным своего фригольда по произволу двух или трех членов комитета; основной закон Англии не знает таких конституций и отвергает такие администрации; и чтобы достопочтенный суд освободил вашего просителя. Суд освободил бы вашего просителя от пагубных последствий действий упомянутого комитета и уничтожил бы столь пагубный прецедент".

Зерубабель Эндикотт был неосмотрительным и упрямым человеком, но обладал чертами щедрого, пылкого и благородного характера. По профессии он был врачом. Его вторая жена - вдова, как уже говорилось, преподобного Антипа Ньюмана из Уэнхема и дочь Джона Уинтропа-младшего, губернатора Коннектикута, - пережила его. Хотя он оставил пятерых сыновей, это имя одно время носил только один потомок, мальчик семи лет, Самуил, внук Зерубабеля. На нем оно повисло, но он спас его. От этого мальчика произошли те, кто носит это имя в Новой Англии. Мы с радостью верим, что они сохраняют его и поддержат его честь.

Уинтроп был признан великим лидером в ранней истории колонии. Он обладал сочетанием качеств, которые отмечали его как мудрого и доброго человека и обеспечивали ему первенство. Выдающиеся достоинства его характера вызывали всеобщее восхищение и почитание. Никто не был готов признать это с большей готовностью, чем Эндикотт. Никогда еще люди не были поставлены друг к другу в более суровые отношения, проверяющие их великодушие, и никто никогда не выдерживал испытания более безупречно. Но Эндикотт был, в конце концов, наиболее полным представителем того поколения. Он был полностью отождествлен с народом, участвуя в его достоинствах и недостатках. Он был строгим религиоведом, стойким пуританином, твердым блюстителем закона; в то же время есть свидетельства того, что он обладал гениальным духом. Он был храбрым лично и неустрашимым официально. Его управление государством требовало нервов, и они у него были. Иногда пылкость его темперамента на мгновение выводила его из равновесия, но он быстро признавал свою ошибку. Он был верен народу, который никогда не колебался в своей верности ему. Автор книги "Чудотворное провидение" де назвал его "подходящим инструментом для начала работы в пустыне, смелым, неустрашимым, но общительным и жизнерадостным". Я привел несколько примеров его добрых и приятных отношений с рабочими и соседями. Его имя всегда будет с почтением вспоминать в этих окрестностях, где его полезное предприятие было оценено по достоинству; а его потомки в наши дни и по сей день способствуют процветанию и украшению общества.

Не исключено, что враждебные чувства к сестрам, которые впоследствии привели к серьезным последствиям, могли зародиться в ходе этой затянувшейся земельной ссоры. Есть свидетельства, что со стороны Эндикоттов таких чувств не было, но было много других заинтересованных лиц; ведь по показаниям на судебных процессах и в ходе сторонних обсуждений вся община оказалась в большей или меньшей степени вовлечена в распри. Медсестры, занимавшие свои позиции и вынужденные защищать их во всех случаях вторжения, занимали трудное положение и, возможно, нажили себе врагов. Во всяком случае, этот спор был одним из средств разжигания вражды в округе, и рассказ о нем был признан необходимым, поскольку он способствовал выявлению элементов ужасных судорог, которые вскоре после этого опустошили деревню Салем.

Когда мы дойдем до истории, для которой этот рассказ о фермах деревни и населении, выросшем на них, является подготовительным, мы вернемся к гранту Таунсенда-Бишопа и к дому, который до сих пор стоит, который он построил и в котором жил. Не лишним будет сделать паузу и ознакомиться с его интересной историей до 1692 года. Пока его занимал первоначальный владелец, "особняк", или "коттедж", был местом общения самых лучших духов ранней эпохи Новой Англии. Здесь Бишоп, а вслед за ним и Чикеринг, развлекали своих друзей. Здесь воспитывалась прекрасная семья Ричарда Ингерсолла. Здесь губернатор Эндикотт разрабатывал планы по открытию страны; дорога, проходящая мимо ее въездных ворот, была проложена им самим. В этот же дом молодой Джон Эндикотт привел свою юную бостонскую невесту. Сюда она приехала снова, пятнадцать лет спустя, уже как невеста ученого и выдающегося Джеймса Аллена, чтобы показать ему ферму, которую, получив в качестве "брачного подарка" от своего бывшего мужа, она принесла в дар ему. Сюда же Аллен, менее чем через шесть лет после этого, привел еще одну невесту. При всех этих разнообразных, а в некоторых случаях довольно быстрых, изменениях, он, несомненно, часто становился местом отдыха именитых гостей и встреч многих приятных компаний. В течение долгих лет тяжбы за обладание этим домом в нем часто проводились консультации; и вот уже двенадцать лет он является домом счастливой, гармоничной и процветающей семьи, являя собой пример промышленности, энергии и предприимчивости новоанглийского семейства. Как мы увидим, в его необычной и разнообразной истории суждено было открыться новой главе. Но мы должны вернуться к перечислению первоначальных землевладельцев деревни.

Джордж Корвин приехал в Салем в 1638 году. У него были большие участки земли в разных местах. Часть времени он жил на своей ферме в деревне; как выяснилось, он принимал активное участие в жизни людей, особенно в военных делах, и был капитаном роты кавалерии. Его крупные торговые операции, вероятно, привели к тому, что он жил в основном в городе, сначала на участке на Вашингтон-стрит, недалеко от угла Норман-стрит, где в 1692 году жил его внук, шериф. В 1660 году он купил у Энн, реликта Николаса Вудбери, участок на Эссекс-стрит, рядом с блоком Брауна, с фасадом около ста пятидесяти футов. Здесь он построил прекрасный особняк, в котором прожил остаток своих дней. Он умер 6 января 1685 года, оставив после себя имущество, оцененное в 5 964 фунта стерлингов. 10s. 7d., - большое состояние для тех времен. Его портрет сохранился у потомков, один из которых, покойный Джордж А. Уорд, описывает его одежду, изображенную на картине: "Кованая струящаяся шейная рубашка, пояс, обшитый кружевом, пальто с короткими манжетами, доходящее до половины запястья и локтя; юбки в косах внизу; восьмиугольное кольцо и трость". Последние два предмета сохранились до наших дней. В его описи упоминаются "суконный плащ с серебряным шнурком, бархатное пальто, атласный жилет, расшитый золотом, шарф и серебряная шляпная лента с золотым верхом и вышивкой, а также трость с серебряным наконечником". Его фермы в окрестностях насчитывали

пятнадцать сотен акров. Его связи были выдающимися, а среди его потомков было много выдающихся людей. Фамилия, передающаяся по мужской линии, на некоторое время исчезла в этой части страны; но в последнем поколении она была восстановлена в женском роду актом Законодательного собрания, и ее с честью носит одна из самых уважаемых семей, наследующих его кровь и бережно хранящих память о своем первом американском предке, которую пощадило время.

Уильям Хаторн фигурирует в церковных записях уже в 1636 году. Он умер в июне 1681 года, в возрасте семидесяти четырех лет. Ни один человек в наших летописях не занимает более значительного места. Как солдат, командующий важными и трудными походами, как адвокат в судебных делах, как судья на скамье подсудимых и на других бесчисленных должностях, требующих таланта и ума, он постоянно был призван служить обществу. Он был выдающимся оратором и, как мне кажется, единственным человеком того периода, чья репутация оратора дошла до нас. Он был помощником, то есть в верхней ветви законодательной власти, семнадцать лет. Двадцать лет он был депутатом. Когда депутаты, которые до этого заседали вместе с помощниками, были выделены в отдельный орган, и таким образом появилась Палата представителей, в 1644 году, Хаторн стал ее первым спикером. Он занимал это кресло, время от времени выступая на заседаниях, пока не был переведен в другую палату. Он был жителем деревни Салем, имел там свою ферму и жилой дом, в котором проживал, когда позволяли его законодательные, военные и другие официальные обязанности. Его сын Джон, сменивший его на этом посту, также большую часть времени жил на своей ферме в деревне. Его имя неизгладимо запечатлено на холмах и лугах этого края, как и в гражданской истории той эпохи, и в изящной литературе наших дней.

Уильям Траск был одним из тех, кого называют "первыми плантаторами". Он приехал сюда еще до Эндикотта, поселился на ферме Салем, был самым энергичным, предприимчивым и полезным гражданином и занимал самые разные общественные должности. Он возделывал большие участки земли, сажал фруктовые сады и основал мельницы в верховьях приливной воды на Северной реке. Он был военным лидером первой эпохи плантаций в этом районе, с самого начала был капитаном железнодорожной группы и, благодаря своей галантности и энергии в действиях, заслужил аплодисменты современников. За его заслуги в экспедиции пекотов Генеральный суд выделил ему и его соратникам большие земельные наделы. Его похороны состоялись 16 мая 1666 года с большим военным парадом, и жители города и всей окрестности с почестями проводили его останки в могилу.

Ричард Дэвенпорт приехал в Салем в 1631 году. Сначала он жил в городе, но вскоре его потянуло на фермы. В 1636 году он получил грант в восемьдесят акров, в 1638 году - двести двадцать акров, а в 1642 году - еще восемьдесят акров, которые должны были быть разделены между ним и капитаном Лотропом. Кроме того, он получил несколько меньших наделов луга и солончака. Такие наделы выдавались только для того, чтобы их должным образом облагородить; и не приходится сомневаться, что он с усердием занимался сельским хозяйством. Его городская резиденция располагалась на участке, простирающемся от Эссекс-стрит до Северной реки. Его фасад простирался от территории, на которой сейчас стоит Северная церковь, до Северной улицы. Его дом стоял на некотором расстоянии от Эссекс-стрит. Это поместье было продано его управляющими в 1674 году Джонатану Корвину, семья которого занимала его до недавнего времени. Он покинул город в 1643 году и впоследствии жил в месте, которое впоследствии стало деревней Салем, пока государственная служба не заставила его уехать. Он продал некоторые из своих владений, но сохранил другие, на фермах и в городе, до самой своей смерти. Он продолжал управлять

своим загородным поместьем, которое, похоже, до последнего было домом его семьи. Его военная карьера принесла ему ранние отличия и завершилась только с его жизнью. В 1634 году Генеральный суд избрал его "прапорщиком капитана Траска". Вместе с Эндикоттом он участвовал в вырезании креста из королевских цветов. Из протокола заседания суда от 7 ноября 1634 года следует следующее: "Приказано послать за прапорщиком Дэвенпортом с приказом принести его цвета к следующему суду, а также любого другого, кто испортит эти цвета". Дэвенпорт, похоже, не стремился скрыть свою причастность к этому делу, поскольку, предлагая своего следующего ребенка для крещения, он дал понять собранию, что намерен увековечить память об этой операции, окрестив ее "Истинным Крестом". Чтобы предотвратить неприятности со стороны правительства страны, необходимо было демонстративно наказать Эндикотта и Дэвенпорта по этому случаю. Вскоре после этого Генеральный суд осыпал Дэвенпорта почестями и, наконец, в 1639 году пожаловал ему сто пятьдесят акров земли, особо отметив его заслуги в войне с пекотами, которые, похоже, вызвали всеобщее одобрение. В нескольких отчаянных схватках с дикарями семнадцать стрел попали "в его почтовый плащ", и он был ранен в незащищенные части лица. Он дважды был депутатом Генерального суда. В 1644 году Генеральный суд организовал сложную систему внешней обороны, которая базировалась на острове Касл, ныне Форт Индепенденс, в Бостонской гавани. С этого места вражеское вторжение должно было быть отражено военно-морскими силами. Каждое судно, заходя в замок, должно было явиться туда, пройти осмотр и подчиниться приказам коменданта. Он стал военным штабом колонии, защита и надзор за торговлей которой были возложены на командующего офицера. Это была самая высокая военная должность и доверие, подаренное правительством. Он был назначен Ричардом Дэвенпортом и занимал его в течение двадцати одного года, до самой смерти. Страна была уверена в его бдительной верности. Он привел замок в порядок и поддерживал его в хорошем состоянии. В 1659 году, в знак удовлетворения и одобрения его служебного поведения, Генеральный суд выделил ему пятьсот акров земли в Ланкастере. 15 июля 1665 года он был убит молнией на своем посту. В записях Генерального суда говорится о "торжественном ударе грома, который унес капитана Дэвенпорта". Вся страна оплакивала потерю солдата-ветерана, а суд выделил его семье дополнительный участок земли в сто акров на реке Мерримак. На момент смерти ему шел шестидесятый год. Из роты, которую нужно было собрать в Салеме для экспедиции на Блок-Айленд в 1636 году, три офицера были набраны с ферм - Траск, Дэвенпорт и Рид. По своей природе и инстинкту они были солдатами, причем до конца. Залпы преданных, верных и скорбящих товарищей раздавались над их могилами без большого промежутка времени. Объединенные в начале службы, разделенные течением жизни, они вновь соединились в смерти.

Томас Лотроп первоначально жил в городе, между бухтой Коллинз и Северной рекой. Он стал прихожанином Первой церкви в Салеме и был принят во фримены в 1634 году. Вскоре он переехал на Фермы, и его имя фигурирует среди плательщиков при образовании деревенского прихода. В течение многих лет он был депутатом от Салема в Генеральном суде; а после того, как Беверли был отделен, поскольку его резиденция в то время находилась по эту сторону линии, он постоянно присутствовал на заседаниях Генерального суда в качестве депутата от нового города, когда ему позволяли другие общественные обязанности. Ни один человек не был так связан с историей Салемских ферм. Он способствовал формированию структуры его общества и характера его населения всем тем, что мог сделать мудрый и добрый человек. Всю свою жизнь в Америке он в большей или меньшей степени занимался военной службой, участвуя в тяжелых, трудных и опасных операциях и действиях то против индейцев, то против французов, то, как это обычно бывало, против них обоих вместе взятых. Время от времени его отправляли на дальние посты; он командовал экспедициями на восток, вплоть до Акадии. Одно время он командовал

войсками в Порт-Ройяле, ныне Аннаполис, Новая Шотландия. Увеличение Мазер называет его "благочестивым и мужественным полководцем". Когда приближалась последняя решающая схватка с королем Филиппом и потребовалась помощь из восточной части колонии, чтобы спасти поселения на реке Коннектикут от полного уничтожения, "Цветок Эссекса" был призван на поле боя. Это был отборный отряд боеспособных мужчин, "собранных из городов, принадлежащих этому графству", численностью около ста человек. Лотроп, конечно же, был их капитаном. В августе 1675 года они находились в Хэдли, месте встречи. 26 числа того же месяца капитан Лотроп со своей ротой и капитан Бирс из Уотертауна со своей, после энергичного преследования, напали на индейцев в болоте, примерно в десяти милях от Хэтфилда, у подножия холма Шугар-Лоаф. Десять человек было убито со стороны англичан и двадцать шесть - со стороны индейцев, которые были выбиты из болота и рассеялись в своем бегстве, чтобы, как это было в их обычае, упасть на отдельные поселения; и продолжали тратить и уничтожать огнем и мечом, с топором, ножом для снятия скальпов, факелом и ружьем. 18 сентября Лотроп со своей ротой отправился из Дирфилда, чтобы переправить поезд из восемнадцати повозок, груженных зерном и мебелью жителей, ищущих убежища от опасности, с упряжками и другими людьми. Мозли со своими людьми остался позади, чтобы разведать лес и предупредить о приближении индейцев; но скрытным дикарям удалось застать их врасплох, и они набросились на Лотропа, когда его повозки переправлялись через ручей. Они открыли разрушительный огонь из леса во всех направлениях. Их было семь к одному. Последовала настоящая бойня. Лотроп пал в самом начале неравной схватки, и только семь или восемь человек из всего его отряда остались, чтобы рассказать о роковой сцене. Место, где произошла эта катастрофическая и кровавая трагедия, с тех пор известно как "Кровавый ручей". В списке тех, кто погиб от пули, томагавка или стрелы в то страшное утро, мы читаем имена многих деревенских соседей храброго и убитого горем командира: Томас Бейли, Эдвард Траск, Джосайя Додж, Питер Вудбери, Джозеф Балч, Томас Бакли, Джозеф Кинг, Роберт Уилсон и Джеймс Тафтс. Один из сержантов Лотропа, который был среди убитых, Томас Смит, в то время житель Ньюбери, происходил из этой деревни. Его семья имела земельные наделы, включая холм, названный их именем.

Капитан Лотроп отличался доброжелательностью духа и нежностью натуры не меньше, чем мудростью в советах, энергией в командовании или галантностью в бою. Действительно, его характер в частной жизни был настолько прекрасен и мил, что я не могу удержаться от того, чтобы не ввести вас в глубины его домашнего круга. Она представляет собой картину редкой привлекательности. У него не было детей. Его жена была добрым и приветливым человеком. Они жаждали объектов, на которых могли бы удовлетворить тоску своих любящих сердец. У него было большое поместье. Его характер стал известен соседям и окрестным жителям. Если в окрестностях происходило какое-нибудь событие, требующее сочувствия, он обязательно доводил его до сведения. Дети-сироты попадали в его дом и воспитывались с родительской заботой и нежностью. Многие таким образом становились объектами его милосердия и привязанности. Особенно те, кто был в той или иной степени связан с семьей его жены, естественно, испытывали желание, чтобы он усыновил их детей. Особенно это касалось тех, кто находился в затруднительном положении. Другие, зная его склонность, доносили до его слуха рассказы о бедах и лишениях. Некоторые, возможно, оказывались недостойными его доброты. По крайней мере, в одном случае, когда он взял в свою семью ребенка в младенчестве, тронутый призывами родителей к его состраданию, заботливо воспитал его, следил за его образованием и привязался к нему, когда он достиг возраста, в котором может быть полезен, родители заявили и настояли на своем праве на него и забрали его, во многом против его воли. Но благосклонность доброго человека не была ослаблена, и поток его ласковой благотворительности не был остановлен проступками или

неблагодарностью его подопечных или их друзей. Его план состоял в том, чтобы сделать все возможное для детей, попавших в его семью, подготовить их к полезной жизни и дать им благоприятный старт в жизни. Если речь шла о мальчиках, он устраивал их в ученики к достойным людям, занимающимся полезным делом. К моменту его смерти в семье было двое взрослых членов, которые, судя по всему, были отданы на его попечение в раннем детстве. Но в этом нет ничего предосудительного, и он относился к ним с большой любовью. В этой стране не было его родственников, нуждающихся в благотворительной помощи или лишенных адекватной родительской защиты; и нет ничего странного в том, что несколько родственников его жены воспользовались плодами его щедрого нрава. Она сама приводит очень интересный рассказ о подобном случае в показаниях, найденных среди старых бумаг в здании окружного суда. Цель заявления - объяснить, как ее родственник стал домашним в семье.

"Когда мать ребенка умерла, мой муж был со мной на похоронах моего кузена и видел наших друзей в таком печальном состоянии: бедный младенец потерял мать, а женщина, которая его выхаживала, заболела, я сказала некоторым из моих друзей, что, если мой муж даст мне разрешение, я могла бы с большой готовностью взять на время малыша моего кузена, пока он не сможет лучше им распорядиться; после чего отец ребенка перевез его к моему мужу. Мой дорогой муж, принимая во внимание мою слабость и то, какой обузой я была в семье, с удовольствием ответил, что не понимает, как его жена может нести такое бремя. На следующий день к нам в дом пришла подруга, женщина, которая сосала, и, поняв, как остался бедный младенец, она, поддавшись на уговоры, согласилась взять его к кормилице, и тотчас же его принесли ей; но не прошло и трех недель, как Господу было угодно посетить эту кормилицу еще и болезнью; и мать кормилицы пришла ко мне, желая, чтобы я взяла ребенка у ее дочери, и тогда мой дорогой муж, наблюдая за провидением Божиим, свободно согласился принять ее в свой дом".

В то время, когда в его семье произошло это пополнение, в ней, несомненно, уже была еще одна родственница его жены, которую принесли туда в младенчестве, возможно, столь же необычным способом, и которая выросла до зрелого возраста. Однако конкретная "помеха", о которой она говорила, относилась к другому вопросу. Она была единственной дочерью. Ее отец умер за много лет до этого, в довольно преклонном возрасте. Ее мать, больная и немощная, а также престарелая, была сразу же взята в семью и оставалась под ее кровом до самой смерти. В ее слабом и беспомощном состоянии на дочь было возложено много забот и хлопот. Единственное возражение капитана против того, чтобы увеличить нагрузку на семью, приняв в нее еще одного ребенка с кормилицей, объяснялось супружеской нежностью и заботой. Следует признать, что в приведенном выше рассказе есть некоторые признаки хорошо организованного управления. Друг, случайно зашедший на в дом на следующий день и способный предоставить то, в чем нуждался "бедный малыш", конечно же, пришел очень вовремя; и в целом имело место удивительное совпадение и последовательность обстоятельств. Но все, что он видел, - это случай страдания, беспомощной невинности и возможность для благодеяния и милосердия; и в этом, с истинным богословием, он прочел "Божье провидение". Этот ребенок оставался под его крышей до того часа, когда он в последний раз прощался со своей семьей, и был предметом нежной заботы, а ее приятные качества служили источником счастья для него и его доброй жены. Говорят, что дети, которые время от времени приручались в семье, называли его отцом, а он обращался к ним как к своим детям. Пока они были младенцами, он был для них "нежным кормящим отцом". Лаская их на руках в присутствии жены, он торжественно отмечал Божье провидение, которое "распоряжалось ими из одного места в другое", пока они не попали к нему; и "представлял их в своих желаниях Богу и просил благословения на них".

Картина, представленная в вышеприведенных деталях, достойна того, чтобы спасти ее от забвения. Такие примеры реальной жизни, проявляющиеся в самых частных сферах, представляют собой отрасль истории, в некоторых отношениях более ценную, чем публичные деяния официальных лиц. История слишком ограничивалась в своих материалах движениями государств и армий. Она должна рисовать портреты отдельных мужчин и женщин в их обычной жизни; она должна вести нас в глубь общества, знакомить с семейным кругом и домашним опытом прошлого. Мы не можем не знать Томаса Лотропа не только как одного из первых советников законодателей колонии, увековечившего своей кровью памятное поле битвы и резни, но и как центр счастливой и добродетельной семьи на ферме в Новой Англии. Он сделал этот дом счастливым благодаря своей благотворной добродетели. Хотя ему было отказано в благословении иметь собственных детей, у его камина оживлялась болтовня и веселье молодых. Радость, надежда и рост были в его стенах. Он не был родителем, но его сердце согревали родительские чувства. У него был дом, где его ждали близкие, выбегали навстречу, обнимали его с любовью и приветствовали веселыми голосами, когда он возвращался с заседаний Генерального суда или из похода против французов и индейцев.

Помимо этих благодеяний в домашней сфере, в местных записях мы находим следы постоянной полезности и доброты его сельских соседей. К нему обращались по любому поводу, чтобы посоветовать и помочь. Как на рассудительного друга, на него полагались, его искали у постели больных и умирающих, а также в семьях, лишившихся главы. Его имя фигурирует в качестве свидетеля завещаний, оценщика имущества, попечителя и опекуна молодых. Он был другом всех. Я не знаю, где можно найти более совершенный союз героя и христианина; всего мужественного и рыцарского со всем нежным, доброжелательным и благочестивым.

Где-то в 1650 году, прожив в браке значительное время, он вновь посетил свою родину. Сестра, Эллен, за это время выросла с раннего детства, и он нашел в ней все, на что мог надеяться любящий брат. Убедительно попросив свою мать разрешить ей вернуться с ним в Америку, он попросил ее вернуться. Он заявил, что у него нет детей, что он будет ей отцом, будет присматривать и заботиться о ней, как о своем собственном ребенке. В конце концов мать уступила и передала дочь на его попечение, не без большой неохоты, доверившись его братской привязанности и обещанию. Он привез ее с собой в свой американский дом. Она была достойна его любви, а он был верен своему священному и драгоценному доверию.

Эллен Лотроп стала женой Иезекииля Чивера, великого школьного учителя; и я считал бы себя неверным по отношению ко всему доброму образованию, если бы позволил имени этого знаменитого старика проскользнуть мимо, не остановившись, чтобы воздать ему должное. Его послужной список как учителя латинской грамматической школы не имеет себе равных. Двенадцать лет в Нью-Хейвене, одиннадцать в Ипсвиче, девять в Чарльзтауне и более тридцати восьми в Бостоне, - всего более семидесяти лет, - можно ли с уверенностью сказать, что он был одним из величайших благотворителей Америки? Вместе с Элайджей Корлеттом, который более сорока лет преподавал в аналогичной школе в Кембридже, он преодолел огромную пропасть между образованием, которое привезли с собой отцы из старой страны, и образованием, которое воспитывалось в новой. Они питали и поддерживали светильник обучения на протяжении всего темного периода нашей истории. Все ученые, выросшие здесь, были воспитаны ими. Одно из самых характерных произведений Коттона Мазера - это дань уважения его почитаемому учителю. Она исходит из сердца, согретого благодарностью. "Хотя он с пользой провел свою жизнь среди детей, он не стал дважды ребенком", но сохранил свои способности до последнего. "В этом великом деле

воспитания наших сыновей мужчинами он был моим мастером семь и тридцать лет назад, был мастером для моих старейшин не менее семидесяти лет назад; так давно, что я даже должен упомянуть о воспитателе моего отца для одного из них. Он был христианином старого образца - старым христианином из Новой Англии; и могу вам сказать, что это был такой почтенный вид, какого не видел мир со времен первобытного христианства. Он прожил, как хозяин, срок, который вот уже более трех тысяч лет отводится для жизни человека". Мазер воздал ему хвалу в поэтическом излиянии: - "Он жил и дожил до глубокой старости.

"Он жил, и до глубокой старости не знал болезней,
Пока коса Времени, поджидавшая его, не заржавела.
Он жил и творил; труды его были огромны,
Но ни разу не склонился к претериту.

* * * * *

Это боль Корлетта и Чивера, мы должны признать,
Что ты, Новая Англия, не Скифия".

Наши ранние школьные учителя, как говорит Мазер, да и более поздние тоже, могу добавить, обязаны тем, что вся страна не стала еще одной Скифией.

Иезекииль Чивер появился в этой стране еще в 1637 году. Тогда он жил в Нью-Хейвене, участвовал в работе по созданию первого поселения этой колонии, преподавал в школе, но иногда проповедовал и другими способами помогал закладывать основы церкви и содружества. Там у него родилась семья из нескольких детей. Первенец, Сэмюэл, стал священником Марблхеда. В 1650 году он содержал школу в Ипсвиче. Примерно в это время он потерял жену. 18 ноября 1652 года он женился на Эллен, сестре, которую капитан Лотроп привез с собой из Англии. У них было несколько детей; один из них, Томас, был рукоположен сначала в Малдене, а затем в Челси. Старый школьный учитель умер 21 августа 1708 года в возрасте девяноста трех лет и семи месяцев. Его сын Томас достиг того же возраста. Сэмюэлю, священнику из Марблхеда, на момент смерти было восемьдесят пять лет. Имя Иезекииля-младшего появляется в списке прихожан деревни в 1731 году, так что ему должно было исполниться не менее семидесяти семи лет.

Антиквары были сильно озадачены определением родства Чиверов и Реасов, поскольку они, как оказалось, связаны вместе как наследники имущества Лотропа в постановлении Генерального суда от 11 июня 1681 года.

Факты таковы: Капитан Лотроп женился на Бетии, дочери Дэниела Риа. Он умер без потомства и не составил никакого завещания. Поскольку он был убит в бою, его вдова взяла на себя обязательство составить завещание без права переписки. В день, назначенный для решения этого вопроса, разыгралась снежная буря, которая настолько заблокировала дороги, что ни Иезекииль Чивер, ни его сын Томас, отвечавший за права своей матери, не смогли добраться до Салема; и суд предоставил управление вдове. Чиверы потребовали повторного рассмотрения дела, оно было удовлетворено, и возникла довольно интересная и упорная тяжба, которая в конце концов была доведена до Генерального суда, который вынес решение в 1681 году. Судя по всему, вдова руководствовалась не только эгоистическими мотивами, но и стремилась отвести часть земельных владений от единственной законной наследницы Эллен, жены Иезекииля Чивера, к другим лицам, в пользу которых ее чувства были сильно возбуждены. Нет никаких указаний на то, что между ней и ее "сестрой Чивер" существовали какие-либо неприязненные отношения.

Жена Лотропа сильно привязалась к одному из своих родственников, который был взят в семью. Ее муж, любивший детей, часто выражал большую привязанность к детям ее брата, Джошуа Ри. Иногда, выражая свой интерес к церкви Беверли, он также проявлял желание оставить ей "свой участок в десять акров и дом на нем" в качестве пастора. Возможно, если бы его внезапно не отозвали, он мог бы что-то сделать, особенно для последней цели. Из ее показаний и показаний других лиц следовало, что его упрашивали составить завещание, и что он много думал об этом, особенно когда выздоравливал после долгой и опасной болезни зимой перед смертью; но его так и не смогли заставить сделать это. Нет никаких свидетельств того, что он когда-либо абсолютно твердо и конкретно решал какие-либо вопросы. Его вдова, которая, судя по всему, была абсолютно честной и правдивой женщиной, свидетельствовала о разговоре, который состоялся между ними на эту тему, когда они ехали "вместе по направлению к Уэнхему, прошлой весной, за неделю до суда по выборам". Проезжая мимо отдельных участков, принадлежавших ему, он предавался размышлениям о том, как распорядиться тем или иным пастбищем, равниной или лесом. Но она не считает, что его высказывания носили абсолютный и определенный характер, а скорее свидетельствовали о тогдашней склонности его ума. В другой части своего заявления она говорит: "Я просила его составить завещание, что, когда он был болен, я делала не раз и не два; и он ответил мне, что смотрит на это как на то, что очень нужно и должно быть сделано. Но, дорогая жена, у тебя нет причин для беспокойства; если бы я умер и не составил завещания, тебе не было бы хуже; ты сама получила бы больше". Нетрудно понять, что дело обстояло так, как оно, вероятно, представлялось капитану Лотропу. Всякий раз, когда речь заходила о составлении завещания и о добрых делах для прихода Беверли и людей, о которых так беспокоилась его жена, он чувствовал силу, как он выражался, "долга, которого Бог требует от хозяина семьи, чтобы привести свой дом в порядок"; и он, без сомнения, был полон решимости, а иногда почти решился, исполнить ее желание: Но он вспомнил торжественное обещание, данное им матери, когда он расставался с ней навсегда и принимал сестру из ее рук, и все чувства чести, сыновней и братской любви сдержали его; и его разум утвердился в убеждении, что его долг - предоставить сестре право на окончательное наследование его имущества. Поскольку конкретные лица, которым его жена пожелала завещать имущество, были ее родственниками, а закон предоставит ей достаточное количество средств для пожизненного пользования его крупной земельной собственностью, она сможет обеспечить их после его смерти, как он привык делать.

Генеральный суд справедливо рассмотрел дело и постановил, что она должна получить все движимое имущество в свое "пользование и распоряжение", а дома и земли - в пожизненное "пользование и выгоду", "не делая ни полос, ни пустошей"; после ее смерти все это должно перейти к Эллен, жене Иезекииля Чивера. Вдова должна была выплатить все долги, причитающиеся с наследства, а также двадцать фунтов детям своего брата, Джошуа Ри. Суд, по-видимому, счел, что, если какие-то ожидания были возбуждены в этом квартале, она несет за них такую же ответственность, как и ее покойный муж; и поскольку Чиверы ничего не должны были получить из наследства, пока она жива, суд обязал ее выплатить названную сумму племянникам и племянницам. Они обязали Иезекииля Чивера выплатить пять фунтов в качестве издержек за рассмотрение дела, что он и сделал на месте.

Кстати, следует отметить, что вдова капитана Лотропа вышла замуж еще раз в течение восьми месяцев после его смерти, но в те времена это было вполне обычным делом. Она и ее новый муж пришли к выводу, что заботиться о нескольких фермах капитана Лотропа будет хлопотно. Они предпочли жить в городе. Ей, вероятно, было уже за шестьдесят. Все закончилось тем, что в обмен на уплаченные шестьдесят фунтов они отказались от всех прав на "дом и земли", оставленные капитаном Лотропом, в пользу Чивера и его жены. Они

передали их "свободными и чистыми от всех долгов, вытекающих из имущества упомянутого Лотропа, и подарков или завещаний, притворно сделанных им, или любыми путями или средствами, на которые может претендовать, претендовать или оспаривать их любое лицо или лица, кому бы то ни было". Монахиня капитана Лотропа умерла в 1688 году.

Иезекииль Чивер и его жена, став обладателями всего недвижимого имущества брата, передали принадлежащие ему земли в деревне Салем своему сыну, Иезекиилю Чиверу-младшему. Несколько лет он жил в городе Салем, занимаясь портновским делом. Он был членом Первой церкви и, судя по всему, был уважаемым человеком. Его дом стоял на участке на Вашингтон-стрит, который занимал покойный Роберт Брукхаус. Он продал его преподобному Николасу Нойесу 14 апреля 1684 года, переехал в деревню, вступил во владение фермой Лотропа и оказался там вовремя, чтобы принять участие в колдовском исступлении.

В 1636 году Томасу Гарднеру был выдан земельный надел в сто акров. Он приехал в эту страну еще в 1624 году и поселился на мысе Энн. Впоследствии он переехал в Салем и вместе с женой был принят в церковь. В 1637 году он был депутатом Генерального суда. Его грант находился в западной части поселка и охватывал земли, входящие в пределы деревни Салем. Это название до сих пор сохранилось на той же территории. Его сыновья стали владельцами еще нескольких участков по соседству. Один из них, Джозеф, самым заметным и интересным образом связан с нашей военной историей.

Уничтожение капитана Лотропа и его роты 18 сентября наполнило страну горем и ужасом; и по мере того как 1675 год приближался к концу, всеобщей стала уверенность, что кризис в судьбе колоний близок. Индейцы неслись на всех парах. Филипп сеял пожары, опустошения и резню на границах и наносил внезапные и смертоносные удары в самое сердце страны. Было очевидно, что он укрепляет власть индейцев, превращая ее в непреодолимую силу. Среди документов, хранящихся в Доме штата, есть письмо лейтенанта Финехаса Апхэма из Мальдена, адресованное губернатору и совету, датированное 1 октября 1675 года в Мендоне. Командуя ротой под началом капитана Горхэма из Барнстейбла, у которого тоже была своя рота, он отправился на разведку индейцев за Мендон, который был пограничным городом. Их путь пролегал через территорию, которая в то время представляла собой почти не исследованную дику местность, охватывающую нынешние города Графтон, Вустер, Оксфорд и Дадли. Результат исследования приводится следующим образом: "Теперь, видя, что во всех наших походах мы не находим индейцев, мы искренне полагаем, что они собрались в большие скопления далеко от этих мест". Благодаря другим разведчикам стало ясно, что это мнение верно, и что индейцы собирают запасы и собирают своих воинов где-то, чтобы обрушиться на колонии с первым открытием весны. Дальнейшая информация позволила убедиться, что место их сбора находится в стране Наррагансетт, в юго-западной части колонии Род-Айленд. Не оставалось ничего другого, как в качестве последнего усилия нанести удар по врагу в этом месте, используя все имеющиеся силы. Была собрана тысяча человек: 527 от Массачусетса, 315 от Коннектикута и 158 от Плимута. Массачусетс организовал роту кавалерии и шесть рот пехотинцев, Коннектикут - пять, а Плимут - две роты пехоты. Все они были поставлены под командование губернатора Плимута Уинслоу. Зима наступила раньше обычного; выпало много снега, и погода была очень холодной. Семь рот из Массачусетса под командованием майора Сэмюэля Эпплтона из Ипсвича выступили в поход 10 декабря. Вечером 12-го, соединившись с плимутскими ротами, они достигли места встречи, расположенного на северной стороне холма Викфорд в Северном Кингстоне, штат Айленд. 13-го числа Уинслоу начал движение на врага. 18-го к нему присоединились войска Коннектикута. Его армия была полностью укомплектована; было известно, что враг уже

близко, и все спешили добраться до него. Снег был глубоким. Наррагансетты закрепились на несколько возвышенном участке земли площадью в пять-шесть акров, окруженном болотом, в пределах нынешнего города Саут-Кингстон. Лагерь индейцев был сильно укреплен двойным рядом частоколов, расположенных на расстоянии примерно в палец друг от друга, а также густой живой изгородью. Нашим войскам был известен только один вход, к которому можно было пробраться только по одному, по наклонному бревну или срубленному дереву, скользкому от мороза и падающего снега, на высоте около шести футов над рвом. Были и другие проходы, известные только индейцам, через которые они могли пробираться по несколько человек за раз и обстреливать наших людей с фланга и тыла. Многие из наших людей были отрезаны таким образом. Союзные войска рассчитывали провести ночь, прежде чем достигнуть вражеского лагеря, в гарнизоне, расположенном примерно в пятнадцати милях от этого пункта; но за два дня до этого индейцы разрушили постройки и вырезали всех обитателей, числом семнадцать человек. Здесь войска провели ночь, не укрывшись от непогоды. Следующий день, 19 декабря, был воскресеньем, но провизия была на исходе, а запасы, которые они ожидали найти, были уничтожены вместе с гарнизонным домом. Медлить было нельзя. Они возобновили свой марш в половине пятого утра по глубокому снегу, который не прекращался весь день, и достигли границ местности, которую хорошо знакомый с ней писатель описал как "отвратительное болото". К счастью, ранние и продолжительные холода той зимы сделали его более проходимым, чем могло бы быть в противном случае. Но земля была неровной и очень труднопроходимой. Они замерзли и измучились от долгого марша по извилистым тропам через густой лес, через овраги, по холмам и полям. Было между часом и двумя пополудни, и короткий зимний день угасал. Уинслоу с первого взгляда определил позицию и, благодаря скорости своего решения, показал себя великим капитаном. Он приказал немедленно идти на штурм. Массачусетские войска шли в авангарде, Плимутские с главнокомандующим - в центре, Коннектикутские - в тылу. Индейцы возвели у входа блокгауз, заполненный стрелками, которые также выстроились вдоль палисада. Люди бросились вперед, хотя это было в пасти смерти, под непрерывным огнем. Блокгауз подсказал им, где находится вход. Роты Мозли и Девенпорта пошли вперед. Мозли удалось пройти. Дэвенпорт пал под тремя смертельными выстрелами прямо у входа. Айзек Джонсон, капитан роты Роксбери, был убит, находясь на бревне. Но смерть была не страшна этой армии. Центральные и тыловые дивизии подтянулись, чтобы поддержать фронт и заполнить бреши; и все в равной степени разделили славу этого часа. После страшного перехода уцелело достаточно людей, чтобы вызвать индейцев на рукопашную схватку в форте. После отчаянной борьбы, продолжавшейся почти три часа, дикари были изгнаны из своей крепости, и с заходом солнца их сила была сломлена. Удача Филиппа была решительно повержена, а колонии спасены. Во всей военной истории нет более дерзкого подвига. Никогда, ни на одном поле не было проявлено больше героической доблести. По лучшим подсчетам, потери индейцев составили не менее тысячи человек, включая большое количество тех, кто погиб от холода, так как они разбежались в своем бегстве, не имея ни крова, ни пищи, ни убежища. Из колониальных войск более восьмидесяти человек были убиты и сто пятьдесят ранены. Три капитана из Массачусетса - Джонсон, Гарднер и Девенпорт - были убиты на месте. Три капитана из Коннектикута - Джон Гэллоп, Сэмюэл Маршалл и Роберт Сили - также пали в бою. Капитан Уильям Брэдфорд из Плимута был ранен мушкетной пулей, которую он унес в своем теле в могилу. Капитан Джон Горхэм, также из колонии Плимут, вскоре после этого скончался от лихорадки, вызванной переутомлением во время похода и сражения. Лейтенант Финехас Апхэм из роты Джонсона был смертельно ранен. Судя по всему, услуги этого офицера были очень ценными. В ходе спешной подготовки к кампании капитан Джонсон назначил своего брата лейтенантом. Генеральный суд отклонил это назначение. Джонсон с радостью согласился и в документе,

адресованном суду, заверил их, что он "с готовностью подчинился их выбору лейтенанта Апхэма". Этот единственный отрывок является нетленным eulogium на характерах двух храбрецов, отдавших свои жизни стране в тот роковой, но славный день.

Рота капитана Гарднера была сформирована в этом районе. Джозеф Пирс и Сэмюэл Пайкворт из Салема, а также Марк Бэчелдер из Уэнхема были убиты еще до входа в форт. Абрахам Свитчелл из Марблхеда, Джозеф Соамс из Кейп-Энн и Роберт Эндрюс из Топсфилда были убиты в форте. Чарльз Найт, Томас Флинт и Джозеф Хоултон-младший из деревни Салем, Николас Хакинс и Джон Фаррингтон из Линна, Роберт Кокс из Марблхеда, Эбен Бейкер и Джозеф Эббот из Андовера, Эдвард Хардинг из Кейп-Энн и Кристофер Рид из Беверли были ранены. Сохранился подробный отчет о смерти капитана Гарднера. Знаменитый воин и последний покоритель короля Филиппа, Бенджамин Черч, участвовал в бою в качестве добровольца, оказал эффективную услугу и был ранен. Его "История войны короля Филиппа" переиздана Джоном Кимбаллом Виггином в серии изящных изданий редких и ценных ранних колониальных публикаций под названием "Библиотека истории Новой Англии". Во втором номере первая часть истории Черча издана под редакцией Генри Мартина Декстера. Рассказ Черча о том, что ему довелось наблюдать в этой схватке, с примечаниями ученого редактора, является самым ценным источником информации, которой мы располагаем в этой связи. Он говорит, что в разгар битвы он наткнулся на Гарднера "среди вигвамов в восточной части форта, , который направился к нему; но внезапно, пока они смотрели друг другу в лицо, капитан Гарднер остановился". Он мгновенно бросился к нему. Кровь текла по его щеке. Черч приподнял фуражку, называя его по имени. "Гарднер посмотрел ему в лицо, но не произнес ни слова, так как был смертельно ранен в голову". Вдова капитана Гарднера (Энн, сестра сэра Джорджа Даунинга) стала преемницей Энн Дадли, знаменитой поэтессы своего времени, выйдя замуж за губернатора Брэдстрита в 1680 году. Она умерла в 1713 году.

В истории Америки существует любопытная параллель между первой и последней великой победой над индейской державой. Их разделяет интервал в сто шестьдесят один год. 19 декабря 1836 года - в годовщину того дня, когда Уинслоу штурмовал форт Наррагансетт, - полковник Тейлор получил приказ преследовать индейцев Флориды. Это была последняя попытка покорить их. Они долгое время сбивали с толку и бросали вызов всей мощи Соединенных Штатов. Каждый генерал в армии сложил свои лавры в бесславном и полном провале. Он выступил в путь 20-го числа с армией численностью около тысячи человек. 25-го числа он оказался на краю болота, непроходимого для артиллерии и лошадей. На противоположной стороне находились индейские воины, готовые уничтожить его, если он попытается пересечь болото. Ему предстояло решить тот же вопрос, что и Уинслоу; и он решил его точно так же, с такой же быстротой. Борьба длилась примерно одинаковое время, и потери, пропорционально числу участвующих, были примерно одинаковыми. Результаты были одинаково неизменно решающими. Оке-чо-би стоит рядом с Наррагансеттом, а имена Джосайи Уинслоу и Закари Тейлора нетленно вписаны вместе в скрижали воинской славы.

Доктор Палфри утверждает, что капитан Натаниэль Дэвенпорт был сыном "Дэвенпорта времен войны с пекотами". Он родился в Салеме и вырос в этой деревне. Его имя, как и имя его храброго отца, а также его соратника в молодости и в смерти Джозефа Гарднера, вошло в наши местные анналы. Они оба были кумирами своих людей. Дэвенпорт был одет, когда пал, в "полный буфф-костюм", и, вероятно, индейцы считали его главнокомандующим. Получив тройное ранение, он подозвал к себе своего лейтенанта Эдварда Тинга, отдал ему свое ружье, передал ему командование своей ротой и умер.

Существует некоторая неопределенность в вопросе о том, был ли Натаниэль Дэвенпорт сыном Ричарда, коменданта замка. Тот факт, что он был связан с Уильямом Стоутоном и Стивеном Минотом, чья жена была дочерью Ричарда Дэвенпорта, в качестве управляющего имуществом последнего, считается вероятным. Неоспоримое заявление доктора Палфри на этот счет само по себе достаточно, чтобы решить вопрос. Более того, на сайте есть документ, подтверждающий его правоту. Вдова Натаниэля столкнулась с трудностями при оформлении его наследства и обратилась в Генеральный суд с просьбой о вмешательстве. К делу приобщена масса бумаг. Среди них - счет расходов, понесенных ею в связи с его похоронами: "двадцать один перстень родственникам" и тем, "кто позаботился о том, чтобы проводить его на тот свет, восемь фунтов"; и "на траур по моей матери Дэвенпорт, сестрам Минот и Эллиот и мне самой - шестнадцать фунтов". Последний пункт является решающим, поскольку мы знаем, что две дочери Ричарда Дэвенпорта вышли замуж за людей с такими именами. Это обстоятельство представляет особый интерес, поскольку показывает, насколько незначительная случайность - а это всего лишь случайность - иногда позволяет определить важные исторические вопросы. Этот документ, насколько мне удалось найти, является единственным абсолютным доказательством того, что Ричард был отцом Натаниэля Дэвенпорта; и его не было бы, если бы не возникли вопросы при решении вопроса о наследстве последнего, потребовавшие вмешательства Генерального суда. Записи о крещении в Первой церкви в Салеме до 1636 года утеряны. Имена детей Ричарда Дэвенпорта, крещенных после этой даты, содержатся в записях Салемской или Бостонской церквей. Поскольку Натаниэль, как предполагается, был одним из самых ранних детей, запись о его крещении, вероятно, находилась в утраченной части Салемской книги.

Может показаться удивительным, что так мало известно об офицере его ранга и рода, чья смерть сделала его имя столь памятным. Чтобы объяснить это, я должен обратиться к истории экспедиции Наррагансетта. Ни одна военная организация не была создана так быстро и не выполняла свою работу более тщательно и оперативно. Комиссары трех объединенных колоний были уверены, что по индейскому рандеву в Наррагансете, где собирались их силы и запасы, а также концентрировались их ресурсы, необходимо нанести удар без промедления; что удар должен быть быстрым и решительным; что он должен быть нанесен именно тогда, в разгар зимы; что, если отложить его до весны, все будет потеряно; что, если позволить индейской силе остаться и набраться сил до следующего сезона, ничто не сможет спасти поселения от уничтожения. В начале ноября они разработали свой план и привели в действие механизм для мобилизации всех своих максимальных ресурсов. 30 ноября назначенные для этой цели офицеры доложили, что они набрали необходимое количество людей в нескольких графствах и городах, снабдили их оружием, боеприпасами, одеждой и всем необходимым снаряжением; что люди находятся на местах и готовы идти вперед. Не было времени ни на вербовку, ни на получение щедрот, ни на замену маклеров; не было времени на выборы, чтобы получить комиссионные. Рядовые были готовы: их привлекли к работе в процессе, не оставив времени на агитацию за должности. В доме каждого призывника была оставлена повестка с требованием явиться на следующее утро. Если кто-то из них не являлся, его место должен был занять другой член семьи, брат или отец. Организовать и ввести в строй эти силы нужно было немедленно. Все зависело от того, насколько подходящие офицеры будут подобраны. В Бостоне рота ждала капитана, и его нужно было найти. Кто-то из власти имущих случайно вспомнил о Натаниэле Дэвенпорте. Его детство и юность прошли в деревне Салем и на острове Касл; достигнув зрелости, он переехал в Нью-Йорк и несколько лет занимался коммерцией. За некоторое время до этого он вернулся в Бостон и занялся там бизнесом. Его отец умер в 1665 году, и его мало кто знал - только, возможно, несколько его ранних соратников и старых друзей отца; но они знали, что с самого рождения и до зрелых лет он дышал военной атмосферой - был солдатом, по

наследству, школы Лотропа, Рида и Траска; и сразу же было решено выследить его. Он служил в суде; его вытащили из ложи присяжных в ожидающемся процессе и поставили во главе роты. Точный историк Бостона Сэмюэл Г. Дрейк пишет: "Люди капитана Дэвенпорта были крайне опечалены смертью своего предводителя; он, благодаря своей учтивой манере поведения, очень привязал их к себе, хотя был незнаком с большинством из них, когда был назначен их капитаном. По этому случаю он произнес "очень вежливую речь", и позволил им самим выбирать сержантов". У него не было времени на то, чтобы свести счета, устроить свои дела или посоветоваться с кем-либо, но он сразу же повел свою роту к месту встречи. Эти обстоятельства, возможно, отчасти объясняют, почему о нем так мало известно в Бостоне или местным писателям.

Кроме капитанов Гарднера и Дэвенпорта, а также людей, чьи имена были упомянуты как убитые или раненые, в бою с наarraгансеттами участвовали следующие жители деревни Салем и ее фермерских окрестностей: Джон Додж, Уильям Додж, Уильям Реймонд, Томас Реймонд, Джон Реймонд, Джозеф Херрик, Томас Путнам-младший, Томас Эбби, Роберт Лич и Питер Прескотт. Возможно, были и другие: полного списка не сохранилось.

Вышеприведенные сведения взяты из частичных деклараций, собранных в файлах Дома штата. Доджи (иногда это имя пишут Доддс, что, как мне кажется, и было его первоначальной формой) и Раймонды (иногда пишут Раймент) с самого начала занимали видное место в военных делах. Здесь уместно сказать несколько слов об их связи с деревней.

25 января 1635 года город Салем выделил Уильяму Траску, Джону Вудбери, Роджеру Конанту, Питеру Палфри и Джону Балчу участок земли следующим образом: "По двести акров на каждого, вместе лежащие, находящиеся в верховьях реки Басс, сто двадцать четыре полюса в ширину, и так на север до реки со стороны большого пруда, и так в ширину, составляя полное количество в тысячу акров". Эти люди были коренными поселенцами и жили в стране еще до прибытия Эндикотта. Это обстоятельство дало им и другим отличительный титул "старых плантаторов". Грант в тысячу акров, включающий пять вышеупомянутых ферм, всегда был известен как "фермы старых плантаторов". Первые владельцы и их ближайшие преемники, по-видимому, организовали и управляли ими согласованно, располагая усадьбы вблизи друг от друга между истоком реки Басс и окрестностями "конного моста", где сейчас стоит дом собраний Второго конгрегационного общества Беверли, или "участка Салема и Беверли". Их лесные и пастбищные угодья находились дальше к северу и востоку. Если взглянуть [на карту](#), то можно получить представление об общем расположении "ферм старых плантаторов" в совокупности - выше истока реки Басс, на север к "реке", как называли реку Ипсвич, и на восток к "большому пруду", то есть озеру Уэнхем. Конант, Вудбери и Балч сразу же заняли свои земли. Я уже рассказывал, как часть гранта Траска перешла в руки Скраггса, а затем Джона Реймонда. Считается, что Палфри никогда не занимал свою часть. Он продал ее Уильяму Доджу, основателю одноименной семьи, известному под прозвищем "фермер Додж", чья жена была дочерью Конанта. Часть гранта, выделенного Конанту, была продана одним из его потомков Джону Чипману, который 28 декабря 1715 года был рукоположен в сан первого священника "Второго общества Беверли". Он был дедом Уорда Чипмана, судьи Верховного суда и некоторое время президента провинции Нью-Брансуик, а его одноименный сын был главным судьей этого суда. Он также был дедом жены великого торговца Уильяма Грея, чья семья оказала столь неоценимую услугу литературе, законодательству, судебной науке и общему благосостоянию страны. Преподобный мистер Чипман был предком многих других выдающихся личностей. Дом, в котором он жил, до сих пор стоит неподалеку от церкви, в которой он проповедовал. Его занимают потомки, носящие его имя, и, хотя он сильно поношен временем, по нему видно, что для того времени

это было строение очень высокого уровня. Почтенный особняк стоит в стороне от дороги, на ровной и красивой лужайке, окаймленной прочной каменной стеной с ровными линиями и поверхностями. По этим параметрам он вполне сравним с любой загородной резиденцией, в которую в более поздние времена были вложены вкус, мастерство и богатство.

Разделительная линия между Беверли и деревней Салем, как видно на [карте](#), окончательно согласованной в 1703 году, проходила по "фермам старых плантаторов", в частности по участкам, принадлежащим Доджам, Реймондам и Вудбери. Она проходила через "жилой дом капитана Джона Доджа, в шести футах к востоку от его кирпичного дымохода, как он сейчас стоит". Во времена колдовских заблуждений Реймонды и Доджи в основном принадлежали к приходу и церкви деревни Салем. Они продолжали числиться в списках и участвовать в процессах, занесенных в книги записей, до тех пор, пока в 1715 году не был открыт для богослужений дом собраний на "конном мосту", после чего они перенесли свои отношения в "участок Салема и Беверли".

Когда сэр Уильям Фиппс собрал экспедицию против Квебека в 1690 году, Уильям Реймонд собрал роту из местных жителей; его способности и храбрость произвели такое глубокое впечатление на общественное мнение и так долго оставались в памяти, что в 1735 году Генеральный суд выделил участок земли площадью шесть миль "капитану Уильяму Реймонду, офицерам и солдатам" под его командой и "их наследникам" за их выдающиеся заслуги в "Канадской экспедиции". Грант был заложен на реке Мерримак, но, оказавшись в границах Нью-Гэмпшира, участок эквивалентной стоимости был заменен на реку Сако. Среди тех, кто служил в этой экспедиции, был Элеазер, сын капитана Джона Путнама, который впоследствии в течение многих лет был одним из дьяконов церкви деревни Салем.

Короткая, быстрая, резкая и кровопролитная кампания против наррагансеттов, похоже, испытала на прочность не только мужество и дух людей, но и человеческую выносливость. Конституция многих из них была окончательно подорвана. В этот короткий месяц было вложено столько усталости и страданий, сколько не могли вынести физические силы сильных мужчин. В городских книгах мы находим такие записи: "Салем, 1683 год. Сэмюэлю Бидлу, потерявшему здоровье в экспедиции Наррагансетта, разрешено занять место мистера Стивенса в качестве трактирщика". Среди бумаг, хранящихся в Доме штата, находится петиция, датированная 1685 годом, подписанная людьми из Линна, Виллиджа, Беверли, Рединга и Хингема, которые молили о предоставлении им земли в качестве за их заслуги и страдания в той экспедиции. Прощение было удовлетворено. В следующей выдержке из нее рассказывается о событиях: "Мы думаем, что у нас есть основания опасаться, что наши дни могут сильно сократиться из-за тяжелой службы на войне, из-за болей и ломоты в теле, которые мы чувствуем в наших костях и сухожилиях, и хромоты, которая таким образом сильно овладевает нами, особенно весной и осенью".

Хотя есть "основания опасаться", что дни многих из них сократились, были и такие стойкие, кто выдержал все нагрузки и бросил вызов болям и боли, а также почти самому времени. В списке из четырнадцати человек, отправившихся из Беверли, шестеро, включая Томаса Реймонда и Лотта, потомка Роджера Конанта, были живы в 1735 году!

Земельные наделы, выданные этим доблестным мужчинам и их наследникам, составили в общей сложности семь отдельных участков, названных "Наррагансетт Тауншипс". Они были выданы во исполнение данного публичного обещания. В официальном документе говорится, что "во время сбора на Дедхэмской равнине" 9 декабря, когда они выступили в поход, им

было объявлено, "что если они сыграют роль человека, возьмут форт и изгонят врага из страны Наррагансетов, которая была их великим местом, они должны получить вознаграждение в виде земли, помимо жалованья". В том же документе, составленном в форме послания Палаты представителей Совету провинции Массачусетс от 10 января 1732 года, говорится: "И поскольку условие было выполнено, то, безусловно, обещание, по всей справедливости, должно быть выполнено. А если учесть, через какие трудности пришлось пройти этим храбрецам, штурмуя форт в разгар зимы, и какие муки они испытывали впоследствии, преследуя сбежавших индейцев по отвратительной дикой местности, известной по всей Новой Англии и по сей день под названием "*голодный поход*"; и если мы далее примем во внимание, что, пока эта храбрая, хотя и небольшая армия не сыграла свою роль, вся страна была наполнена бедствием и страхом, и мы дрожали в этой столице, в самом Бостоне; и что благодати Божьей этой армии мы обязаны безопасностью и имуществом наших отцов и нас самих", - вот почему они призывают к полному выполнению обязательств общественной справедливости и благодарности. Они не напрасно настаивали. Субсидии были предоставлены в таком объеме, который в итоге оказался либеральным и почетным для правительства.

Я так подробно остановился на кампании и битве при Наррагансетте, отчасти потому, что эти подробности не были так хорошо известны памяти народа, как они того заслуживают, но главным образом потому, что они демонстрируют военный гений общества, с характером которого наша тема требует полного знакомства. Энтузиазм солдат, когда Уинслоу отдал приказ о штурме, был настолько велик, что они бросились через болото с нетерпением, которое невозможно было сдерживать, борясь, как в гонке, чтобы увидеть, кто первым достигнет бревна, ведущего в огненную пасть форта. Победителем стал житель деревни Салем Джон Реймонд. Он прошел, выдержал испытание и вышел невредимым из страшной схватки. Ему было двадцать семь лет. Он подписал свое имя под петицией в Генеральный суд в 1685 году, как отправившийся в экспедицию из деревни Салем и живший там в то время. Через несколько лет после этого он переехал в Миддлборо, присоединился к церкви в этом месте в 1722 году и умер в 1725 году. Тот факт, что его последние годы прошли там, привел к предположению, что он отправился из Миддлборо на битву с Наррагансеттами; но в эту армию не призывали людей из Миддлборо. В то время он еще не был городом, но был организован несколько лет спустя. Тогда в нем не было жителей. Филипп разрушил те немногие дома, которые там были, и вырезал или разогнал их обитателей.

До сих пор наше внимание было направлено на ту часть населения Салемской деревни, которая была привлечена туда первоначальной политикой компании в Лондоне, направленной на привлечение людей с высоким социальным положением, богатством и образованием, чтобы они заняли участки земли и направились в глубь страны. Это способствовало тому, чтобы придать высокий характер раннему сельскому хозяйству страны и облегчить заселение земель. Не принимая во внимание средства, которые им приходилось тратить на строительство мостов и дорог, внедрение дорогостоящих орудий земледелия и со вкусом выполненных улучшений, но обращая внимание исключительно на социальное, интеллектуальное и моральное влияние, которое они оказывали, следует признать, что польза от них была неисчислимой. Они придали мощный импульс интересам фермерства и привнесли высокий тон в дух общества. Они рано пришли на землю и в большей или меньшей степени оставались на протяжении всего периода жизни первого поколения. Их отпечаток надолго запечатлелся в манерах и характере людей. Среди первых поселенцев этого района, несомненно, была значительная доля таких людей.

Теперь я перехожу к другому классу, образовавшемуся вместе с предыдущим и после него, - к постоянным, основательным йомонам, не имеющим капитала, но обладающим крепкой промышленностью, выполняющим тяжелую работу своими сильными руками и пускающим корни поселения глубоко в почву, смешивая с ней свой собственный труд. В этом месте полезно взглянуть [на карту](#), которая покажет общее направление, по которому фермерское население продвигалось в глубь страны. Все пространство между реками Норт и Кау-Хаус, как и сейчас, называлось Северными полями и по большей части остается фермерской территорией. Вся территория к северу от реки Кау-Хаус, на запад до Рединга и на восток до моря, первоначально называлась "Фермы" или "Фермы Салема". Когда в 1667 году был образован первый приход Беверли, к "Фермам" отошла вся территория к востоку от реки Басс. По мере основания Топсфилда и других поселений они все больше и больше ущемлялись. Фермеры", как их называли, хотя и были неорганизованными, считали себя единым сообществом, имеющим общие интересы. Прилив поселенцев шел вверх по рекам и ручьям, искал луга и втягивался в долины среди холмов.

Джон Портер, прозванный "фермером Портером", приехал вместе с своими сыновьями из Хингема и купил земли к северу от реки Дак или Крейн. Довольно долго его семья владела большим количеством земли, вероятно, больше, чем любая другая. Он много лет служил депутатом в Генеральном суде, сначала от Хингема, а затем от Салема. В колониальных записях Массачусетса о нем говорится, что он "пользовался хорошей репутацией за благочестие, честность и состояние". Барни, Личи и другие пошли на восток к Басс-Ривер. Путнэмы пошли вверх по Бивер-Брук до Бивер-Дам и распространились на север и запад, а Ричард Хатчинсон повернул на юг к промежутку между Уиппл и Хаторн-Хиллз, купил грант Стилемана и расчистил прекрасные луга, где впоследствии стоял старый деревенский дом собраний. Он был энергичным и умным земледельцем, а также человеком с характером. Он умер в 1681 году, в возрасте восьмидесяти лет, оставив большое и благоустроенное поместье. В его завещании есть такой пункт: "Я отдаю пять акров земли Черному Питеру, моему слуге". За много лет до смерти он подарил прекрасные фермы своим детям. У его второй жены, пережившей его, не было детей. Через нее он получил ценное дополнение к своему имуществу. Распределив имущество и завещав наследство детям и внукам, он предоставил вдове право провести остаток своих дней либо в семье его сына Джозефа, либо в другом месте; если она предпочтет жить в другом месте, то должна получить обратно, по своему праву, все имущество, которым владела изначально; если же она продолжит жить до своей смерти в семье Джозефа, то ее имущество должно было перейти к нему и его наследникам. Это, я думаю, показывает, что он был столь же мудрым, сколь и справедливым.

Ричард Ингерсолл приехал из Бедфордшира в Англии в 1629 году, принеся рекомендательные письма от Мэтью Крэдока к губернатору Эндикотту. Прожив некоторое время в городе, он получил участок земли в восемьдесят акров на восточной стороне реки Вулстон, напротив Данверспорта, в месте, названном в его честь Ингерсоллз-Пойнт. Там он начал расчищать и разбивать землю, сажать кукурузу, огораживать свои участки и делать другие улучшения. Он также занимался рыболовством. Впоследствии он арендовал ферму Таунсенда Бишопа, где прожил несколько лет. Он умер в 1644 году. Незадолго до смерти он совместно со своим зятем Хейнсом приобрел грант Уэстон. Свою половину он завещал своему сыну Натаниэлю. Очевидно, что он был действительно достойным человеком и пользовался дружбой лучших людей своего времени. Губернатор Эндикотт и Таунсенд Бишоп были рядом с ним во время его последней болезни и были свидетелями его завещания. Его вдова вышла замуж за Джона Найта из Ньюбери. В юридическом документе, хранящемся среди бумаг, связанных с делом о праве собственности на землю, датированном двадцатью семью годами после смерти ее первого мужа, она в очень ярких

выражениях выражает нежную привязанность и уважение, с которыми она до сих пор хранит память о нем.

Уильям Хейнс женился на Саре, дочери Ричарда Ингерсолла, и занял свою половину гранта Уэстона. Вместе с братом, Ричардом Хейнсом, он ранее купил у Таунсенда Бишопа пятьсот сорок акров, занимавших значительную часть северной части территории деревни. Третью часть они продали Абрахаму Пейджу. Пейдж продал Саймону Брэдстриту, а Джон Портер купил все три части у Хейнсов и Брэдстрита. Долгое время этот участок составлял часть огромной земельной собственности семьи Портеров. Эти факты показывают, что Уильям Хейнс был человеком состоятельным, а то, как о нем отзываются, доказывает, что он пользовался особым уважением и почтением. Он умер около 1650 года, и его сын Томас стал впоследствии одним из ведущих людей в деревне.

Было неясно, откуда родом Уильям Хейнс и к какой семье он принадлежал. Недавно в бумагах семьи Ингерсолл было обнаружено, что он упоминается как "брат вице-губернатора Хейнса". Кажется, нет другого человека, к которому можно было бы отнести эту формулировку, кроме Джона Хейнса, который, после того как стал губернатором Массачусетса, переехал в Коннектикут, где был губернатором и заместителем губернатора попеременно, вплоть до дня своей смерти. Джон Хейнс, как сообщает нам Уинтроп, был джентльменом с "большим состоянием". Его собственность в Англии, как утверждается, приносила тысячу фунтов в год. Доктор Палфри говорит, что он был "человеком не только с состоянием, но и с семьей; достойные и учтивые манеры, свидетельствовавшие о заботе, проявленной о его раннем воспитании, снискали популярность своей любезностью, в то же время они распространяли своим примером облагораживающее влияние". Если Уильям из деревни был братом Джона из Коннектикута, то тот факт, что он и его брат Ричард смогли совершить такие крупные покупки земель, а также удивительное уважение, проявленное к нему, вполне объяснимы. Предания и записи семьи Ингерсолл, похоже, являются высшим авторитетом в этом вопросе.

Джоб Суиннертон был братом Джона, который в течение многих лет был главным врачом в городе Салем. У него было несколько земельных наделов, и он был достойным, мирным, незаметным гражданином. Похоже, он держался в стороне от различных споров, происходивших в деревне; и, хотя его влияние иногда оказывалось решающим, он, очевидно, ничего не делал для их усугубления. Он умер 11 апреля 1689 года, в возрасте более восьмидесяти восьми лет. У него была большая семья, и его потомки продолжают эту фамилию в деревне по сей день. Дэниел Ри изначально приехал в Плимут и в 1630 году купил в этом городе жилой дом, сад и "все принадлежащие к нему привилегии". В 1632 году он переехал в Салем и сразу же стал одним из ведущих людей в управлении городскими делами. У него был надел в сто шестьдесят акров земли, который он занимал и обрабатывал до своей смерти в 1662 году. У него было всего двое детей: одна - жена капитана Лотропа; другой, Джошуа Ри, стал основателем большой семьи, которая на протяжении нескольких поколений принимала заметное участие в делах деревни. Джейкоб Барни был одним из первых получателей гранта и в течение нескольких лет был депутатом. Его сын того же имени стал крупным землевладельцем и 5 апреля 1692 года, в тот самый момент, когда колдовство достигло своего апогея, подарил два акра, удобно расположенных для возведения школьного здания. Он передал их жителям окрестностей для использования в этих целях, назвав их по именам. Я привожу этот список, поскольку он показывает, кто был главными людьми в округе в то время: "Мистер Израэль Портер; сержант Джон Лич; корнет Натаниэль Ховард, старший; капрал Джозеф Херрик, старший; Бенджамин Портер; Джошуа Ри, старший; Томас Реймонд, старший; Эдвард Бишоп, *секундант*; Джон Траск, младший; Джон

Кризи; Джошуа Ри, младший; Джон Ри; Джон Флинт, старший". Лоуренс Лич получил грант в сто акров; и другие представители того же имени и семьи имели подобные свидетельства того, что они считались ценным пополнением населения. Уильям Додж и Ричард Реймонд получили по шестьдесят акров земли; Хамфри и Уильям Вудбери - по сорок. Семьи Лич, Реймонд, Додж и Вудбери до сих пор живут в общине, основателями которой были их предки. Джон Сибли получил грант на пятьдесят акров. Роберт Гуделл был одним из получателей гранта и стал крупным землевладельцем.

Потомки двух последних названных лиц очень многочисленны и сохранили респектабельность своих фамилий. Каждый из них в настоящее время представлен джентльменами, чей восторженный интерес к нашим древностям подтверждается их неоценимым трудом и приобретениями в интересных разделах генеалогии и краеведения, - Джоном Л. Сибли, библиотекарем Гарвардского университета, и Абнером К. Гуделлом, регистратором завещаний графства Эссекс.

Кроме Таунсенда Бишопа, среди первых жителей Салема было еще два человека с таким именем. Судя по всему, они не состояли в родстве ни с ним, ни друг с другом. Ричард Бишоп, чья жена Дульсибелла умерла 6 августа 1658 года, женился на вдове Галт 22 июля 1660 года. Он умер 30 декабря 1674 года.

Эдвард Бишоп был в Салеме в 1639 году, а в 1645 году стал членом церкви. В 1660 году он был одним из констеблей Салема, в 1667 году стал членом церкви Беверли, а умер в январе 1695 года. Он был одним из первых поселенцев на Фермах; его земли находились по обе стороны реки Басс, участки на западной стороне располагались выше и ниже Ипсвичской дороги. Его собственная резиденция находилась на стороне Беверли, и обычно он не был связан с делами деревни. Его имя лишь однажды упоминается в деле о колдовстве, и то в пользу обвиняемого.

Эдвард Бишоп, которого обычно называют "пильщиком", судя по характеру передачи земли, датам и другим свидетельствам, был сыном предыдущего. В своей ранней жизни он отличался некоторыми нарушениями и отклонениями в поведении. Вместе со своей женой Ханной он был оштрафован местным судом в 1653 году за разбойное нападение на помещения своих соседей. В течение последующего периода своей истории он проявлял характер трудолюбивого и уважаемого человека. В 1680 году он женился на Бриджит, вдове Томаса Оливера. 9 марта 1693 года он женился на Элизабет Кэш. Первоначально он жил в Беверли, затем, в разное время, на землях, принадлежавших его отцу в деревне Салем, - поместье, которое он занимал, находилось по обе стороны Ипсвичской дороги. Последние годы его жизни прошли в городе Салем. Он умер в 1705 году. Его дочь Ханна, родившаяся в 1646 году, стала женой капитана Уильяма Реймонда, одного из основателей многочисленного рода с такой фамилией.

Эдвард Бишоп, сын предыдущего, прозванный, за отличие, "мужем", родился в 1648 году. Он женился на Саре, дочери Уильяма Уайлдса из Ипсвича. Он был уважаемым человеком и жил в деревне в поместье, которое также занимал "пильщик". Его дом находился к западу от аллеи, ведущей к Черри-Хилл. В 1703 году он переехал в Рехобот.

Эдвард Бишоп, старший из его сыновей, женился на Сюзанне, дочери Джона Путнама, и в 1713 году переехал в ту часть Ипсвича, где сейчас находится Гамильтон. До 1695 года все эти четверо Эдвардов Бишопов были живы, а у младшего была жена и дети. Все они связаны с

нашей историей, причем второй и третий - в первую очередь. Четвертый был обязан своей безопасностью, возможно, влиятельным связям своей жены.

Первое упоминание о Брее Уилкинсе содержится в колониальных записях Массачусетса от 6 сентября 1638 года, когда ему было разрешено построить дом и держать паром на реке Непонсет и получать "по пенни с человека". На сайте 5 ноября 1639 года Генеральный суд принял отчет Уильяма Хаторна и Ричарда Дэвенпорта, уполномоченных для этой цели, и в соответствии с ним выделил Ричарду Беллингему, который был заместителем губернатора, затем помощником, а после - губернатором, ферму "в голове Салема, к северо-западу от города; в ней есть холм, индейская плантация и пруд". Эта милая маленькая ферма включала в себя семьсот акров земли, а также "около ста или ста пятидесяти акров луга" рядом с ней. Следующее, что мы слышим об этом вопросе, - это прошение в Генеральный суд от 22 мая 1661 года "Брея Уилкинса и Джона Гингла, смиренно желающих, чтобы ферма под названием Уилс-Хилл, которую этот суд пожаловал уважаемому Ричарду Беллингему, эсквайру, и которую они купили у него, была отнесена к Салему и назначена принадлежащей ему, поскольку находится рядом с его землями, а просители - члены его общества". Суд удовлетворил просьбу. По-видимому, примерно за год до этого, 9 марта, "Брей Уилкинс, крестьянин, и Джон Гингл, портной, оба из Линна", купили ферму Беллингема за двести пятьдесят фунтов, из которых они заплатили в то время двадцать пять фунтов, а остальную сумму заложили. Двадцать пять фунтов были выплачены следующим образом: двадцать четыре фунта тонной железа и один фунт деньгами. За некоторое время до этого Уилкинс уехал из Непонсета и, возможно, работал на одном из железоделательных заводов, действовавших в то время в Линне. Когда остаток зарплаты превысил расходы, он с помощью Гингла смог добыть тонну железа и наскрести двадцать шиллингов, они приступили к своему смелому начинанию. В кармане у него не было ни доллара; но у него было то, что было лучше долларов, - привычки промышленника, решительная воля, крепкое телосложение, железный каркас и шесть крепких сыновей. Через некоторое время он привлек к работе, в дополнение к своей собственной эффективной семейной силе, двух надежных родственников, Аарона Вэя и Уильяма Айрленда, передав им хорошие фермы из своих семисот акров. Время от времени он расширял свою ферму за счет новых покупок, чтобы с лихвой компенсировать то, что он продал Уэю и Айрленду. В 1676 году закладная была полностью погашена. Он и его сыновья выкупили наследников Гингла, и дело было сделано. Они владели свободной от долгов территорией длиной около двух миль по линии Рединга. У каждого члена семьи был дом, амбары, сады, огороды, луга, возвышенности и леса, а усадьба старого патриарха находилась среди них, и предприятие его трудолюбивой жизни увенчалось полным успехом. Бесчисленный род этой фамилии, разбросанный по всей стране, во многом, если не полностью, произошел от этого источника. Брей Уилкинс и члены его семьи во всех ее разновидностях всегда присутствовали на приходских собраниях в деревне Салем. Преодолевая расстояние в пять миль, они в любое время года и в любую погоду, по самым грубым дорогам, а в более ранний период, когда дорог вообще не было, через леса, вброд через ручьи, приходили на собрание в День Господень. Он оставался бодрым, энергичным и деятельным до последнего; и умер, как он верно охарактеризовал себя в своем завещании, "древним", 1 января 1702 года, в возрасте девяноста двух лет.

Именно таким образом крупные земельные наделы, выделенные богатым и известным людям, губернаторам, вице-губернаторам и помощникам, перешли во владение и под плодотворный труд йоменов, которые силой своего характера и крепостью мускулатуры закрепляли за собой право собственности на землю. Одним из условий покупки Уилкинса было то, что если он найдет и будет разрабатывать полезные ископаемые на этой земле, то должен будет выплачивать Беллингему или его наследникам роялти в размере десяти фунтов

в год. Полагая, что лучшее богатство земли - это урожай, который можно с нее вырастить, он никогда не пытался найти какое-либо другое.

Брэй Уилкинс, похоже, разделял заблуждение о колдовстве и был очень несчастливо связан с ним; но он дожил до его окончания и участия в восстановлении разума. Священник прихода на момент его смерти, преподобный Джозеф Грин, вел дневник, который сохранился. Он так отзывается о старике: "Он жил до глубокой старости и видел детей своих и их детей, и мир нашему маленькому Израилю".

Довольно любопытно обратить внимание на такие указания, как пункт о полезных ископаемых в документе Уилкинса, свидетельствующие о распространенных ожиданиях в начале заселения этого региона, что в нем будут найдены ценные минералы. Особого внимания заслуживает тот факт, что они были найдены и разрабатывались в течение некоторого времени, но теперь никто не думает о них заботиться. Саймон Брэдстрит, Дэниел Деннисон и Джон Путнэм в 1674 году вместе построили и содержали в больших масштабах железные заводы в деревне Роули, ныне Боксфорд. Сэмюэл и Натан Леонард были наняты для их строительства и работали по контракту. Эти железные заводы долгое время считались перспективным предприятием и ценным капиталовложением. Леонарды, вероятно, принадлежали к той же семье, которая в Рэйнхэме и его окрестностях занималась этим бизнесом в значительной степени и в течение длительного периода, что сделало его источником богатства и основанием именитых семей. Мы знаем, что этот бизнес широко развивался в Линне, и что губернатор Эндикотт был совершенно уверен, что нашел медь на своей ферме "Фруктовый сад". Кто знает, может быть, современная наука и более точные методы обнаружения еще откроют скрытые сокровища, на которые обратили внимание отцы, и их предприятия возродятся и будут вестись с постоянной энергией и успехом?

В 1669 году Джозеф Хоултон засвидетельствовал, что в 1641 году, когда ему было около двадцати лет, он был "слугой Ричарда Ингерсолла" и работал на его земле в Ингерсоллз-Пойнт. Примерно в 1652 году он женился на Саре, дочери Ричарда Ингерсолла и вдове Уильяма Хейнса. От нее у него было пять сыновей и две дочери, которые дожили до зрелого возраста. Каждому из них он подарил по ферме, а их дома находились в его ближайших окрестностях. Сыновья были уважаемыми и солидными гражданами, людьми справедливых взглядов и доброжелательных настроений. Отец был одним из почетных глав деревни и дожил до глубокой старости. Он умер 30 мая 1705 года. От него, вероятно, произошла вся фамилия в этой стране. Оно навсегда останется в анналах общества и на географическом лике страны. Сэмюэл Хоултон, правнук Джозефа, был представителем Массачусетса в течение десяти лет в старом Конгрессе Конфедерации, некоторое время председательствовал на его заседаниях. Он также был членом первого Конгресса в соответствии с Конституцией, а затем, в течение очень долгого времени, судьей пробата в графстве Эссекс. Он был истинным патриотом и мудрым законодателем; пользовался необычайным доверием и любовью народа; обладал властным лицом, благородным и почтенным обликом; всегда отличался достоинством и учтивостью манер. По профессии он был врачом, но вся его жизнь прошла на государственной службе. Он был членом обеих ветвей законодательного собрания штата, а также Исполнительного совета. Он был майором полка Эссекса во время начала Революции; был членом Комитета безопасности и всех съездов по формированию правительства; более тридцати лет был судьей Суда общей юрисдикции. Он умер там, где родился и прожил большую часть своей жизни, в деревне Салем, 2 января 1816 года, на семьдесят восьмом году жизни.

В 1724 году в Законодательное собрание было подано прошение, начинающееся следующим образом: "Поскольку Салем является древнейшим городом провинции

Массачусетс и очень стеснен в земле", просители молят о предоставлении им участка в западной части провинции. Прощение было удовлетворено при условии, что один участок будет зарезервирован для первого поселившегося священника, один - для служения и один - для школы. Каждый получатель гранта должен был дать залог в двадцать пять фунтов на месте; иметь дом площадью не менее семи футов и восемнадцати квадратов, семь акров английского сена, готового к косьбе, а также помочь построить дом собраний и поселить священника в течение пяти лет. Внук Джозефа Хоултона, носившего то же имя, возглавил компанию, которая эмигрировала в назначенное место. Первым результатом стал город Нью-Салем в округе Франклин, зарегистрированный в 1753 году и названный в честь старого города, из которого прибыл их главный основатель. Но жителей не устраивала только школа. Им нужна была академия. Они принялись за работу с волей, и в 1795 году была основана и зарегистрирована академия. Это был второй результат. Академия не процветала в той степени, которая соответствовала их взглядам, и они настояли на том, чтобы законодательное собрание выделило им участок земли в лесах штата Мэн, чтобы они могли его финансировать. Они добились своего и в 1797 году получили этот грант. Усилия были велики, и велика была радость по поводу их успешного завершения. Но, как назло, именно в это время землю нельзя было продать ни за какие деньги. Грант стал бесполезным, и жители Нью-Салема испытали глубокое и горькое разочарование. Казалось, судьба академии решена, дни ее сочтены и закончены. Но в Нью-Салеме нашлись люди, решительно настроенные на спасение академии. Они собрались и под руководством Джозефа Хоултона, того же происхождения, определили свою цель. Они продали или заложили свои фермы, которые более чем полувековой труд сделал продуктивными, и которые были дороги им по всем признакам и чувствам. На вырученные деньги они купили предоставленный участок, заплатив за него хорошую цену. Таким образом было обеспечено сохранение и дарение академии, но все выгоды от нее для себя или своих потомков были полностью отменены. Это был единственный способ спасти академию. Кто-то должен пойти на жертву, и они пошли на это. Они собрали вещи и багаж, продали все, что не могли унести, собрали свои семьи, попрощались с местами своего рождения и детства, с домом, в котором прожили жизнь, и с плодами своего труда и отправились в повозках и телегах в путь в Бостон. Место, где они находились, было удалено на сотни миль, далеко в восточной глуши и недоступно из крайних точек, где в то время располагались поселения на Пеннобскоте. В качестве единственной альтернативы они сели на каботажное судно; спустились по заливу Фанди до Сент-Джона, штат Британская Колумбия; проплыли на речном шлюпе до Фредериктона - сто миль; поднялись по реке на баржах или каноэ на восемьдесят миль до Вудстока; а там, повернув налево, направились лесу, пока не достигли своего места. Третий результат этой эмиграции из Салемских ферм, сменявших друг друга в разных поколениях, можно увидеть сегодня в красивой и процветающей деревне, окруженной хорошо возделанными полями, - городке графства Арустук в штате Мэн, который носит имя лидера этой бескорыстной, самоотверженной и благородной компании. Трижды этой семье выпадала участь преодолевать трудности, терпеть и побеждать лишения, нести непосильный труд, покорять суровую дикую местность и приобщать ее к цивилизации - в Салем-Виллидж, Нью-Салеме и Хоултоне. Трудно найти во всей нашей истории историю, которая бы более ярко, чем эта, иллюстрировала элементы славы и силы Новой Англии, - стремление к образованию, предприимчивость, вдохновляемую трудностями, и доблесть, равную всем чрезвычайным ситуациям.

Джон Бартон рано приехал в Салем с Барбадоса. Он совмещал занятия фермера и кожевника. Это был крепкий старый англичанин, который, хотя, вероятно, и придерживался богословских взглядов, преобладавших в его время, ненавидел дух гонений и не желал жить там, где ему позволяли властвовать. Судя по всему, он не был квакером, но сочувствовал

всем, кто страдал от несправедливости. В 1658 году он отправился в их компании на Род-Айленд, чтобы разделить их изгнание. Но совесть не позволила ему успокоиться в добровольном бегстве. Он вернулся в 1661 году, чтобы свидетельствовать против угнетения. Он предстал перед судом как пособник и укрыватель квакеров. Он рассказал судьям, что они грабители и разорители вдов и отцов, что их священники гадают за деньги и что их поклонение не является поклонением Богу. Они приказали ему молчать. Он велел им молчать. Они сочли за лучшее закончить разговор, приказав бросить его в колодки. В конце концов они решили оставить его в покое, и он оставался здесь до конца своих дней. Его потомки происходят от дочери (которая вышла замуж за Уильяма Осборна) и сына Исаака. Они многочисленны под обоими именами. Айзек был активным и уважаемым гражданином деревни, а также предприимчивым и энергичным фермером. Он арендовал ферму губернатора Эндикотта площадью более пятисот акров на реке Ипсвич и имел собственные земли. В последующих поколениях эта семья разветвлялась в разных направлениях в Коннектикуте, Вермонте и других местах. Одна их часть отправилась в Уилтон, штат Северная Ирландия, где семья до сих пор проживает на своей исконной усадьбе. Покойный Уоррен Бертон, родившийся в Уилтоне, - выпускник Гарвардского колледжа 1821 года, известный своими неоценимыми заслугами в области образования, филантропии и литературы, - был прямым потомком Джона Бертон и так же верен правам совести, как старый кожевник, который сразил льва преследования в день его крайнего гнева и в самом его логове.

Генри Херрик, который, как уже говорилось, приобрел ферму Черри-Хилл в Алфорде, был пятым сыном сэра Уильяма Херрика из Бо-Мэнор-Парка, в приходе Лафборо, в графстве Лестер, Англия. Сначала он приехал в Виргинию, а затем в Салем. В Америку его сопровождал другой эмигрант из Лафборо, по имени Кливленд. Херрик стал членом Первой церкви в Салеме в 1629 году, а его жена Эдит - примерно в то же время. Их пятый сын, Джозеф, крещенный 6 августа 1645 года, владел и занимал Черри-Хилл в 1692 году. Он женился на Саре, дочери Ричарда Лича, 7 февраля 1667 года. Он был человеком с твердым и достойным характером и, помимо ухода и управления своей большой фермой, занимался внешней торговлей. Поскольку он носил титул губернатора, то, вероятно, в какой-то момент командовал военным постом или округом, а возможно, и западноиндийской колонией. Его потомки многочисленны и занимали выдающиеся должности, часто демонстрируя передаваемую военную печать. Джозеф Херрик участвовал в битве с наррагансетами. О положении дел в то время говорит тот факт, что этот видный горожанин, крупный землевладелец, занимавшийся процветающими торговыми делами и побывавший за границей, в 1692 году, в возрасте сорока семи лет, был капралом в деревенской роте. Он был исполняющим обязанности констебля в этом месте и в качестве такового участвовал в первых процессах, связанных с преследованием колдовства. Некоторое время он находился под влиянием заблуждения, но его сильный и просвещенный ум вскоре вывел его из него. Он был одним из просителей в защиту обвиняемого, когда заступничество любого за любого было крайне опасным; он был лидером партии, восставшей против фанатизма и защищавшей характеры его жертв. Он унаследовал отвращение к угнетению и сочувствие к преследуемым. Его отец и мать, судя по судебному протоколу, были оштрафованы "за помощь и утешение отлученного от церкви человека, вопреки порядку".

В 1651 году Уильям Николс купил двести акров, которые были пожалованы Генри Бартоломью, частично в деревне, но в основном за "шестимильной чертой", и, соответственно, отправился в Топсфилд. У него было еще несколько участков земли. Почти все свое недвижимое имущество при жизни он раздал своему сыну Джону, приемному сыну Исааку Бартону, дочерям, женам Томаса Уилкинса и Томаса Кейва, и внучке, жене Хамфри Кейса. У его единственного сына Джона было несколько сыновей, и от них фамилия широко

разошлась. В показаниях от 14 мая 1694 года Уильям Николс объявляет себя "в возрасте более ста лет". Поскольку его завещание было предложено для завещания 24 февраля 1696 года, на момент смерти ему должно было быть сто два года.

Уильям Кентлбери был крупным землевладельцем, купив три четверти гранта Корвина. Он умер 1 июня 1663 года. Его имя умерло вместе с ним, поскольку у него не было потомства мужского пола. Его имущество перешло к дочерям, которые в 1692 году были представлены под именами Смолл, Сибли и Бакстон. Флинты, Попы, Аптоны, Принсы, Филипсы, Нидхэмы и Уолкотты владели ценными фермами и, судя по записям и документам, были уважаемыми, энергичными и умными людьми. Дэниел Эндрю был одним из сильных людей деревни; он был депутатом в Генеральном суде и играл видную роль до и после судорог, связанных с колдовством. Но о великой семье деревни - более многочисленной и богатой, чем любая другая, а также ярко проявившей себя с обеих сторон в процессе колдовства, - мы еще не упомянули.

Джон Путнам получил грант на сто акров 20 января 1641 года. Вместе с женой Присциллой он приехал из Бакингемшира, Англия, и по прибытии в эту страну ему, вероятно, было около пятидесяти лет. Он был человеком очень энергичным и деятельным и приобрел большое поместье. Он умер в 1662 году, оставив трех сыновей: Томаса, родившегося в 1616 году; Натаниэля, в 1620 году; и Джона, в 1628 году. Для более удобной классификации, говоря об этой семье, я буду ссылаться не на первого Джона, а на сыновей как на трех ее глав.

Томас, старший, унаследовал двойную долю отцовских земель. К моменту приезда в Америку он был уже совершеннолетним и получил хорошее образование. Сначала он поселился в Линне, где в течение нескольких лет исполнял обязанности мирового судьи, проводя местные суды по назначению Генерального суда. Переехав в Салем, он, как свидетельствуют городские записи, был избран на должность констебля. В то время это считалось довольно почетной должностью, которая несла с собой высокие полномочия, охватывающие всю исполнительную местную администрацию. Томас Путнэм был первым клерком деревни Салем и принимал активное участие в военных, церковных и муниципальных делах. Он, по-видимому, был человеком более спокойного нрава, чем его младшие братья, и вел несколько менее бурную жизнь. Обладая большим имуществом, полученным по наследству, он не так активно его приумножал, но, наслаждаясь обществом и дружбой ведущих людей, вел более уединенный образ жизни. В то же время он всегда был готов послужить обществу, если к нему обращались за помощью, как это часто бывало, когда возникал повод прибегнуть к помощи его превосходного ума и личного влияния. В Линне он женился на Энн, дочери Эдварда Холиока, прадеда президента Гарвардского колледжа, чей сын, почтенный столетний доктор Эдвард Огастус Холиок, запомнился поколению, еще остающемуся на сцене, как истинный христианский философ. Потеряв жену 1 сентября 1665 года, он женился 14 ноября 1666 года на Мэри, вдове Натаниэля Верена; через нее он вступил во владение имуществом на Ямайке и Барбадосе, где Верен проживал более или менее продолжительное время, занимаясь коммерческими делами. Его усадьба, как показано на [карте](#), была занята его вдовой в 1692 году, а после ее смерти - ее сыном Джозефом, отцом генерала Израэля Путнама. У него также была городская резиденция на северной стороне Эссекс-стрит, простиравшаяся до Северной реки. Его фасад на Эссекс-стрит охватывал западную часть территории, которую сейчас занимает Северная церковь, и простирался до точки, расположенной за Кембридж-стрит. Восточную половину этой собственности он оставил своему сыну Томасу, а западную - Джозефу. Своему сыну Эдварду он оставил еще одно поместье в городе, на западной стороне улицы Святого Петра, к северу от Федеральной улицы.

Томас Патнэм умер 5 мая 1686 года. Он оставил большие поместья в деревне каждому из своих детей, а также ценный участок луговой земли в пятнадцать акров верному слуге.

Натаниэль Патнэм женился на Элизабет, дочери Ричарда Хатчинсона, и, помимо того, что получил от отца, через жену вступил во владение семьюдесятью пятью акрами. На этом участке он построил свой дом и прожил всю жизнь. Имущество непрерывно оставалось в его семье. Один из них, покойный судья Сэмюэл Патнэм, член Верховного суда Массачусетса, пользовался им как загородной резиденцией, и он до сих пор принадлежит его детям. Натаниэль Патнэм был депутатом Генерального суда и постоянно был связан со всеми интересами общества. Он обладал большой деловой активностью и способностями, был человеком необыкновенной силы ума, большой энергии и мастерства в управлении делами, а также необыкновенной проницательности, проницательности и быстроты восприятия. Он умер 23 июля 1700 года, оставив после себя многочисленную семью и большое состояние.

Джон Патнэм отличался такой же неутомимой активностью, как и Натаниэль. Он часто был депутатом Генерального суда и накопил большое земельное состояние. Он женился на Ребекке Принс, падчерице Джона Гедни, и умер 7 апреля 1710 года. Он был похоронен с воинскими почестями. Он оставил большую семью сыновей и дочерей. Мы будем часто встречаться с ним в нашем повествовании и по ходу дела собирать материалы, чтобы составить мнение о его характере. Самый ранний тарифный список в приходской книге записей относится к 1681 году. В то время все три брата были живы; общая сумма, начисленная на девяносто четыре имени, составляла двести фунтов. Ставка Томаса составляла 10 фунтов стерлингов. 6s. 3d.; Натаниэля - 9 фунтов 10 *шиллингов*; Джона - 8 фунтов. Ни один человек не платил столько, сколько каждый из них.

Эти братья, как и многие другие крупные землевладельцы в деревне, взяли за правило передавать своим сыновьям и зятям по наследству хорошие фермы, как только те становились главами семейств; таким образом, по мере того как отцы шли по жизни, их собственные владения постепенно уменьшались, и, когда они уже не могли принимать активное участие в управлении своими землями, они делили все оставшееся недвижимое имущество, заключая со своими детьми тщательные договоры на достаточное содержание в меру своих личных потребностей и комфорта. Так поступили Джозеф Хоултон, вдова Марджери Скраггс, старик Уильям Николс, Фрэнсис Нерс и многие другие. В последние годы жизни Джон Патнэм получал всего пять шиллингов, в то время как все его сыновья и дочери были обложены крупными суммами по отдельности. Таким образом, они получали возможность сделать своих детей независимыми и видеть, как они занимают свое место среди глав общины.

Там, где придерживались этой практики, в семьях было мало ссор из-за могил родителей, и редко возникали споры по поводу положений завещаний. В некоторых случаях не было необходимости составлять завещания. Очевидно, что во многих отношениях это была мудрая и хорошая практика. Более того, она была строго справедливой. Когда сыновья достигали совершеннолетия, они своим трудом увеличивали стоимость земель - вводили в них собственность, которая действительно была их собственностью; и их право собственности должным образом признавалось. В новой стране земля сама по себе имеет небольшую стоимость; ценность ей придает труд, который расчищает ее и готовит к тому, чтобы она давала урожай. В 1686 году Натаниэль Патнэм засвидетельствовал, что более сорока лет прожил в деревне и что в начале этого времени необработанная земля приносила всего шиллинг за акр, а корова стоила пять фунтов. В 1672 году ставка налога на необработанную землю составляла полпенни за акр, а на землю, на которую был затрачен труд, - пенни за акр. В 1685 году она облагалась налогом по ставкам три шиллинга за сто

акров дикой земли и один пенни за акр "земли в ограде". Относительная стоимость улучшенной земли постоянно возрастала с увеличением срока ее обработки. Можно сказать, что труд добавлял две трети к стоимости земли, и тот, кто в поте лица своего добавлял эти две трети, в той же степени владел землей. Трудолюбивый молодой человек отправлялся в лес своего отца, вырубал деревья, расчищал землю, огораживал ее и готовил к обработке. Все, что таким образом прибавилось к стоимости земли, было его творением, и он был ее законным владельцем. Как только он открывал ферму, строил дом и приводил в него жену, это право признавалось и передавалось ему в полное владение по акту.

В результате этого семья из поколения в поколение прикреплялась к своим родовым акрам. Это укрепляло узы, связывающие их с родными полями. Его моральный эффект не поддается исчислению. Когда молодой человек получал возможность начать самостоятельную жизнь, это делало его мужчиной, пока он был молод. Оно наделяло его достоинством гражданина, заставляя чувствовать свою долю ответственности за безопасность и благосостояние общества. Она давала простор для предпринимательства и вдохновляла на работу дома. Это привело к ранним бракам при обстоятельствах, которые их оправдывали. Джозеф Патнэм, младший сын Томаса, в возрасте двадцати лет и семи месяцев взял в невесты Элизабет, дочь Израэля Портера и внуку Уильяма Хаторна, когда ей было шестнадцать лет и шесть месяцев. Мы увидим, каким ценным гражданином он стал; и она была достойна его. В честь них выросла большая и благородная семья детей, одним из самых младших в которой был Израэль Путнам, прославившийся во время революции.

Хотя потомки этой семьи были в каждой компании эмигрантов, отправлявшихся из деревни Салем во всех направлениях, в каждом поколении, в Ярмут, Новую Шотландию, Нью-Брансуик, Мэн и во все части Новой Англии, Средней, Западной и Тихоокеанской Америки, сегодня в округе деревни Салем представлена примерно такая же пропорция этой фамилии, как и когда-либо. В настоящее время пятьдесят Путнэмов являются избирателями в Дэнверсе, в списке из восьмисот имен, - одна шестнадцатая от всего населения. Расписание 1712 года показывает почти точно такую же пропорцию.

Эдвард Путнам, с которым мы еще встретимся, был крещен 4 июля 1654 года. Прослужив дьяконом в церкви с момента ее основания, то есть в течение сорока лет, он ушел в отставку по причине преклонного возраста; а в 1733 году, когда ему шел восьмидесятый год, он дал такой отчет о своей семье: "От трех братьев произошло двенадцать мужчин; от этих двенадцати мужчин - сорок мужчин; и от этих сорока мужчин - восемьдесят два мужчины: в Новой Англии не было никого из фамилии Путнам, кроме тех, кто происходил из этой семьи". Что касается их жизненного положения, то он замечает: "Я могу сказать вместе с псалмопевцем: "Я был молод, а теперь стар; но я не видел праведников оставленными, ни их потомства, просящего хлеба, кроме как у Бога, Который обеспечивает всех. Ибо Бог дал роду отцов моих щедрый удел, ни бедности, ни богатства". Когда возрастные немощи не позволили ему больше участвовать в богослужении в День Господень, этот добрый старик отказался от места жительства рядом с церковью и переехал в свой родной дом, в район, где жили его дети, который в то время был включен в новый город Миддлтон. Его завещание датировано 11 марта 1731 года. Оно было оглашено 11 апреля 1748 года. Сделав все разумные выводы, принимая во внимание его долю ответственности за ранние судебные разбирательства по делу о колдовстве, мы можем принять участие в том, с какой любовью и почитанием относились современники к этому приятному и мягкосердечному человеку.

В завещании содержатся положения, которые так ярко иллюстрируют его характер и дают нам представление о домашней жизни того времени, что мы приведем лишь некоторые из них. Согласно распространенному обычаю, он подарил хорошие фермы своим нескольким

детям, когда они стали главами семей. В своем завещании он тщательно и аккуратно распределяет между ними остатки своего недвижимого имущества, описывая метры и границы различных участков с большой подробностью, чтобы предотвратить все спорные вопросы между ними. Своим дочерям он завещал деньги по десять фунтов, а внукам - по пять фунтов. Одному из пяти сыновей он дарит свою "поперечную пилу". Она использовалась для поперечной распиловки больших бревен, имела две рукоятки, за которыми работали два человека, и отличалась от "ямной пилы", которая использовалась для продольной распиловки бревен. Все остальные инструменты должны были быть разделены между его сыновьями, одному из которых он также отдает свою трость, другому - "Большую Библию", третьему - "Сочинения мистера Иеремии Берроуза", четвертому - "Сочинения мистера Фладела", а пятому - "пояс и меч". Одному из них он отдает свой письменный стол и "тот ящик, где так много писаний"; другому - свою "долю в железном заводе"; третьему - свою долю "в большой цепи лесоматериалов". Это, а также другие свидетельства, показывают, что в то время на реке Ипсвич был бум, и лесозаготовительный бизнес развивался в широких масштабах. Положения его жены были очень внимательными, точными и подробными, чтобы исключить любую возможность возникновения каких-либо трудностей в отношении ее прав или того, что она когда-либо будет испытывать нужду или пренебрежение. Он отдает ей в полное распоряжение остатки своих книг и все свое "движимое имущество" в доме и за его пределами, включая весь "крупный рогатый скот, овец, свиней", весь инвентарь приусадебной фермы, сельскохозяйственные орудия и кареты. Он возлагает на одного из своих сыновей обязанность снабжать ее всеми необходимыми дровами, десятью бушелями кукурузной муки, двумя бушелями английской муки, четырьмя бушелями молотого солода, четырьмя бочками хорошего сидра - он должен находить бочки и столько яблок, "сколько она сочтет нужным", и девятью или десятью баллами хорошей свинины ежегодно: он должен был "держаться для нее двух коров, зимой и летом", и вообще обеспечивать ее всеми "необходимыми вещами". В завещании указывается, что половина дома, от подвала до чердака, должна быть предоставлена ей для проживания, пользования и исключительного контроля, а также половина сада. Сыновья должны были оплатить, в указанных пропорциях, все расходы на его похороны. Один из сыновей должен был немедленно выплатить ей четыре фунта деньгами; и они должны были по отдельности передавать ей ежегодно, в четких оговоренных пропорциях, десять фунтов на карманные расходы. Если учесть относительную ценность денег в то время и принять во внимание другие вышеперечисленные детали, можно признать, что он был верен и мудр, заботясь о жене своей юности и спутнице своей долгой жизни. Нет лучшего критерия здравого смысла и добрых чувств человека, чем его последняя воля и завещание. В результате довольно обширного исследования мы пришли к убеждению, что применение этого критерия к первым жителям деревни Салем заслуживает самой высокой оценки, особенно в том нежном, но разумном и эффективном способе, которым были обеспечены права, комфорт, независимость и безопасность их жен.

В третьем поколении три семьи Путнэм начали отдавать своих сыновей на общую службу стране, занимая видные государственные должности и занимаясь профессиональной деятельностью. Их имена вписаны в страницы истории и каталоги колледжей. Генерал-майор Израэль Патнэм был внуком первого Томаса. 14 мая 1718 года Архелай, внук Джона и сын Джеймса, умер в Кембридже, будучи студентом. Бенджамин, сын Натаниэля, в своем завещании, представленном для завещания 25 апреля 1715 года, говорит: "Я даю моему сыну Дэниелу сто пятьдесят фунтов на его обучение". Дэниел жил и умер в сане священника в Норт-Рединге. Его имя возглавляет список из более чем тридцати человек - все, вероятно, из этой семьи - в последнем трехгодичном каталоге Гарвардского университета.

Самое яркое имя в летописи деревни Салем, хотя оно часто упоминается, еще не было представлено вашему взору. Я расскажу о нем и буду держать его в поле вашего зрения с помощью несколько подробного описания, не только потому, что это необходимо для полного понимания нашего предмета, но и потому, что полезно взглянуть на добродетельную жизнь; сделать паузу, глядя на портрет, сияющий благодетельностью и излучающий все прекрасные, красивые и привлекательные привязанности.

Натаниэлю Ингерсоллу было около одиннадцати лет после смерти отца. Его мать вышла замуж за Джона Нйтса из Ньюбери, который стал главой ее семьи и в течение нескольких лет продолжал вести хозяйство Таунсенда Бишопа. Губернатор Эндикотт, друг и сосед Ричарда Ингерсолла, взял Натаниэля в свою семью еще мальчиком. В показаниях, данных в суде 24 июня 1701 года, Натаниэль Ингерсолл говорит: "Я жил у губернатора Эндикотта в качестве его слуги четыре года на ферме Орчард". В то время термин "слуга" не имел уничижительного смысла. Он просто подразумевал отношения между работодателем и наемным работником, без малейшего оттенка тех чувств, которые мы связываем с подневольным состоянием. Здесь юноша, который по завещанию отца был владельцем ценного поместья в семьдесят пять акров в ближайших окрестностях, добровольно добивался привилегии поступить на службу к другу своего отца, потому что таким образом он будет лучше подготовлен, когда станет достаточно взрослым, чтобы вступить в свои собственные владения. Политические обязанности губернатора Эндикотта в то время не считались обязательными для проживания в Бостоне, и его обычным местом жительства была ферма "Фруктовый сад", где он занимался благоустройством и сельскохозяйственными работами в таких масштабах, что это была лучшая школа обучения для молодых людей, намеревающихся сделать это своим занятием в жизни. Юный Джон Патнэм, как уже говорилось, приехал туда с той же целью и при тех же обстоятельствах.

Построив дом и амбар, снабдив себя необходимым инвентарем и материалами, Натаниэль Ингерсолл приступил к работе на своей ферме, когда ему было около девятнадцати лет. Вскоре после этого, вероятно, он женился на Ханне Коллинз из Линна, которая на протяжении всей их долгой жизни была ему достойной помощницей. Его дом был более масштабным, чем обычно в то время. Об одной из его комнат говорят как об очень большой; а то, как его заведение использовалось время от времени, доказывает, что в нем были просторные апартаменты. Его местоположение показано на [карте](#). Дорога из Салема в Андовер проходила мимо него не под углом, как сейчас, а по кривой. На этом месте стоит нынешний пасторский дом центра Дэнверса. Но дом Ингерсолла находился немного в стороне от места, занимаемого нынешним пасторатом. Он был обращен на юг. Перед домом находилось открытое пространство, или лужайка, называемое Ингерсоллом Коммон. Здесь он прожил почти семьдесят лет. В течение этого долгого периода его двери были всегда открыты для гостеприимства и благожелательности. Его дом был центром добрососедства и всех движений, направленных на общественное благосостояние. Его засов всегда был открыт для друзей и незнакомцев. В военном и любом другом смысле он был штаб-квартирой деревни. На его участке, в нескольких шагах к северо-востоку, стоял блокгауз, где велась охрана от нападений индейцев. Днем и ночью там дежурил часовой под его присмотром. Это место было центральным для нескольких фермерских поселений; здесь проходили всевозможные собрания. Для того, чтобы удовлетворить потребности населения, он получил лицензию на содержание закуской, а также на продажу пива и сидра по кварте "в День Господень". Последнее положение было сделано в интересах тех, кто приезжал на собрания на большие расстояния и должен был подкрепиться где-то между службами. Чтобы удовлетворять потребности, возникающие в связи с этим бизнесом, у него, вероятно, было отдельное здание. В самом деле, свидетельство, в формулировках, использованных в

отношении него, является довольно решающим, что существовал "обычный", отличный от жилого дома. Месторасположение дома делало такое заведение необходимым, а его характер обеспечивал порядок в его содержании.

Путешественники по стране останавливались на "углу Натаниэля Ингерсолла". Через него проходил самый ранний путь или дорога в восточные поселения и обратно. Здесь принимали гостей Инклиз и Коттон Мазер, а также все магистраты и министры. Здесь узнавали о нуждах бедных и несчастных, и все люди приходили за советом и консультацией. С самого начала, даже когда он еще не достиг зрелого возраста, он пользовался необычайным доверием и уважением всех людей. Влияние его поведения и характера, так рано установленное, никогда не терялось, не ослабевало и не нарушалось ни на минуту в течение всей его долгой жизни. Он был третейским судьей при разрешении всех разногласий, но никогда не наживал врагов своими решениями. Хотя по сравнению с некоторыми из его соседей он обладал скромным состоянием, все они относились к нему с большим почтением, чем иногда оказывали друг другу. Ему выпало участвовать в бесчисленных спорах, быть в самом центре самых сильных и страшных общественных потрясений, а в некоторых из них принимать решительные решения; но удивительно наблюдать, насколько единообразным и всеобщим было то уважение, которое к нему проявляли". Эти утверждения в изобилии подтверждаются записями и документами.

Когда нужно было решить деревенские дела или посоветоваться о чем-либо, дом дьякона Ингерсолла, как само собой разумеющееся, назначался местом встречи. Будь то церковное или военное собрание, молитвенный митинг или учения железнодорожного оркестра, все происходило именно там. Можно не сомневаться, что до того, как у них появился дом собраний, они собирались для поклонения в его большой комнате. Мы находим запись о том, что после постройки дома собраний, если из-за суровой погоды или по какой-либо другой причине в нем было слишком неудобно оставаться, они переходили в комнату дьякона Ингерсолла. Такое свободное пользование помещением конкретного человека иногда порождает знакомство, переходящее в свободу действий, и склонность к презрению. В его случае все было не так. В нем было врожденное достоинство, честная мужественность и всепроникающая честность, которые ценились всеми людьми в любое время. Когда он задумывал зло, его наставления принимались с уважением; когда оно совершалось, его обличение не вызывало негодования. То, что все признавали и считали его абсолютно справедливым человеком, видно из всего хода его действий во всех жизненных делах. Его прямота, свобода от недостойных предрассудков, ясная и прозрачная совесть проявляются во всех документах, показаниях и записях, которые исходили от него. Его часто вызывали для дачи показаний по земельным делам и другим судебным процессам, и его свидетельства всегда были прямыми, справедливыми и ясными. По стилю, характеру или тону других свидетелей можно определить, какую сторону в споре они поддерживают, но не по его показаниям. В большом и затяжном конфликте в судах, связанном с фермой Таунсенда Бишоп, он и все его самые близкие связи и родственники были сторонами с противоположными интересами; но Зерубабель Эндикотт отдал дань уважения и занес в протокол правдивость и прямоту показаний и справедливость курса Натаниэля Ингерсолла. В ходе нашего повествования мы встретим и другие подобные иллюстрации.

Несмотря на то, что мы предвосхищаем ход событий, будет не лишним проследить очертания жизни этого человека до ее отдаленного конца. Придерживаясь общих взглядов своей эпохи, он участвовал в процессах, которые привели к судебным преследованиям за колдовство. Он верил в то, что считалось решающими доказательствами против обвиняемых

, и действовал соответственно. Но никто никогда не чувствовал в его действиях мстительности.

Он дожил до того времени, когда буря, опустошившая его любимую деревню, миновала, и он смог насладиться восстановлением разума, мира и доброй воли среди людей, которые так долго были раздираемы распрями и подвергались невыразимым ужасам, - ужасам, которые еще никогда не были полностью описаны, и я отчаялся, что смогу адекватно их изобразить. Он сделал все, что мог сделать добрый и истинный человек, чтобы искоренить причины бед. Он участвовал в проведении Дня благодарения, назначенного в 1700 году с этой целью, чтобы выразить благочестивую и сокрушенную благодарность народа милосердному Богу за избавление от заблуждений и страстей, которые обрушились на него столь ужасными судами. После того как мистер Пэррис был переведен на новое место жительства, к концу 1697 года здесь поселился Джозеф Грин. Он был мудрым и благоразумным человеком. Добрыми, осторожными и своевременными мерами ему постепенно удалось вырвать все корни горечи, залечить все прорехи и восстановить гармонию в давно разобщенном народе. В этой работе дьякон Ингерсолл и его добрый соратник Эдвард Патнэм оказывали ему максимальную помощь. Когда, благодаря их совместным советам и трудам, трудная работа была почти завершена, мистер Грин был взят к своей награде в 1715 году. Его очень оплакивали, но Натаниэль Ингерсолл наконец-то осуществил все свои лучшие желания. Молитвы, которые он возносил в течение пятидесяти лет, были услышаны. Он видел завершенное служение пастора, который оправдал его самые высокие представления о том, каким должен быть христианский служитель. Он жил, чтобы стать свидетелем и участником теплого и единодушного приема Питера Кларка в полезное, почетное, счастливое служение, которое продолжалось более полувека. Рукоположение мистера Кларка, состоявшееся 8 июня 1717 года, стало поводом для демонстрации полного восстановления социальной гармонии и христианской любви во всей общине. Бури раздоров начались с приходом первого служителя, более сорока лет назад: они усиливались, пока во время колдовского заблуждения не обрушились смерчем на все вокруг. Тучи медленно рассеивались, а гневные волны сглаживались благосклонным служением мистера Грина. Длительная и до сих пор не прерванная "эра добрых чувств" была полностью открыта. Это был день великого ликования. Старики и матроны, юноши и девушки собрались вместе в счастливом союзе. Предание гласит, что они довели свои благодарственные празднества до высшей точки, допустимой приличиями того времени. Полубовавшись этой сценой и увидев, как церковь и деревня его привязанности начинают новый и уверенный путь к миру и процветанию, добрый прихожанин сложил мантию и скрылся из виду. Он умер в 1719 году, на восемьдесят пятом году жизни. Он был поистине "человеком Росса". Знаменитый портрет, который поэзия нарисовала под этим именем, был сделан с реального примера, не более блестящего, чем он. Он не оставил потомства, но его братья стали основателями широко распространенной семьи, многие члены которой в каждый последующий век вносили свой вклад в честь этого имени. Бесчисленные ветви распространились от того же рода под другими именами. Дети покойного доктора Натаниэля Боудича, как по отцу, так и по матери, происходят от брата Натаниэля Ингерсолла.

Цитаты и выдержки из документов, хранящихся в архиве, подтвердят все, что я сказал об этом человеке.

Его жена была родственна ему по духу. Их единственный ребенок, дочь, умерла совсем маленькой. Их сердца требовали найти объект, к которому можно было бы проявить родительскую привязанность и дать возможность проявить благожелательную заботу в пределах их собственного дома; и они уговорили своего соседа, Джозефа Хатчинсона, у

которого было несколько сыновей, отдать одного из них им на усыновление. Когда этот ребенок достиг совершеннолетия, в реестре Эссекса 2 октября 1691 года был записан акт, суть которого такова

"Бенджамин Хатчинсон, будучи младенцем, когда он был отдан нам его родителями, мы воспитали его как своего собственного ребенка; и он, упомянутый Бенджамин, жил с нами как послушный сын, пока ему не исполнилось один и двадцать лет, после чего он женился на нас, я, упомянутый Натаниэль Ингерсолл, и Ханна, моя жена, исходя из этих соображений, по женитьбе нашего приемного сына, Бенджамина Хатчинсона, дарим и завещаем ему, его наследникам и преемникам на вечные времена этот дарственный акт на десять акров возвышенности, а также три акра луга" и т.д.

Когда мистер Пэррис поселился в деревне, дьякону Ингерсоллу пришло в голову, что ему было бы очень удобно иметь определенный участок земли между пасторалью и Андоверской дорогой; и он дал ему документ, из которого приводится следующая выдержка. Он датирован 2 января 1689 года.

"Всем христианам, до которых дойдет это письмо, Натаниэль Ингерсолл из деревни Салем в графстве Эссекс шлет приветствие. Знайте, что упомянутый Натаниэль Ингерсолл, муж, и Ханна, его жена, из любви, уважения и почтения, которые они справедливо питают к общественному поклонению истинному и единственному Богу, и поэтому для поощрения их любимого пастора, преп. Сэмюэля Пэрриса, который недавно занял этот пост среди них, а также за очень небольшую сумму денег, выплаченную им из рук в руки, которой они признают себя полностью довольными и удовлетворенными, даруют указанному Сэмюэлю Пэррису и Элизабет, его жене, пожизненно, а затем детям указанных Сэмюэля и Элизабет Пэррис четыре с половиной акра земли, примыкающей к дому Натаниэля Ингерсолла; три акра на юге отчуждаются по дарственной, а остальная часть - по продаже."

На участке был прекрасный молодой фруктовый сад.

Джозеф Хоултон передал приходу участок для использования служителями, пристроенный к дому пастора. Вследствие утери документа или какого-то другого мнимого дефекта в титуле Хоултона возник вопрос, принадлежала ли земля изначально ему или Натаниэлю Ингерсоллу, последний сразу же распорядился ею по документу, записанному в реестре Эссекса, суть которого сводится к следующему: -

"Натаниэль Ингерсолл попечителям земли министерства Салемской деревни, по разным причинам и соображениям, которые меня к этому побуждают, но более всего по истинной любви и желанию, которые я питаю к миру и благополучию Салемской деревни, где я живу, я настоящим освобождаю и т. д. все мои права и титулы на пять акров, описанные в купчей моего брата Хоултона" и т. д.

В том же реестре можно найти следующую выдержку из документа, датированного 28 января 1708 г.: -

"За желание, которое я имею, чтобы дети могли получать образование в деревне Салем, я безвозмездно отдаю четыре квадратных столба земли преподобному Джозефу Грину, чтобы он владел и удерживал их не для собственного использования, а для постройки школьного дома и поощрения школы в этом месте".

В реестре Эссекса есть документ, датированный 6 января 1714 года, суть которого сводится к следующему

"За добрую привязанность, которую я питаю к дьякону Эдварду Путнаму, и желание, которое я испытываю, чтобы он с комфортом посещал общественные богослужения, я безвозмездно передаю ему, этому дьякону Эдварду Путнаму, из вышеуказанного Салема, для него и его наследников на вечные времена участок земли, ограниченный с севера землей Джозефа Грина, рядом с воротами его фруктового сада, с запада - шоссе, а с юга и востока - моей землей."

В это время дьякону Патнэму было уже шестьдесят лет. Его усадьба находилась на некотором расстоянии, и ему часто было трудно добираться до собрания. Ингерсоллу всегда было удобно добираться до места поклонения всего несколько шагов; и он хотел, чтобы его любимый коллега пользовался такой же привилегией. Кроме того, он жаждал видеть его рядом. Предложение было, вероятно, принято. Мы знаем, что церковные собрания проходили в доме дьякона Патнэма, что, вероятно, случалось бы не так часто, если бы он оставался на своей ферме; и мы знаем, что через некоторое время на участке Ингерсолла появилось два жилых дома. Это была приятная договоренность: два дьякона и священник были расположены близко друг к другу и могли добираться друг до друга через сад Ингерсолла и фруктовый сад священника. О личной дружбе, привязанности и сердечной привязанности между двумя старыми добрыми дьяконами с удовольствием рассказывает вышеназванный отрывок.

Имущество Натаниэля Ингерсолла никогда не было очень большим, и, поскольку он всю жизнь наслаждался роскошью благодетелей и благотворительности, у него не осталось большой суммы после того, как он должным образом обеспечил свою жену. Но этого было достаточно, чтобы дать ему возможность выразить семейную привязанность, которой он всегда был верен, и дать прощальное заверение в своей преданности церкви и жителям деревни. Согласно его завещанию, определенные наследства должны были быть выплачены остаточным наследником и последним наследником в течение разумного срока, указанного в документе. Завещание датировано 8 июля 1709 года и было предложено для завещания 17 февраля 1719 года. Завещание начинается следующим образом.

"Во имя Господа, аминь. Я, Натаниэль Ингерсолл, из Салема, в графстве Эссекс, в провинции Массачусетс Бэй, в Новой Англии, будучи по милости Божьей в добром телесном здравии и прекрасной памяти, но не зная, как скоро может наступить моя великая перемена, делаю эту мою последнюю волю, в следующем порядке и форме: Во-первых, я отдаю душу мою Богу, в Иисусе Христе, Искупителе моем, когда Ему будет угодно призвать ее, надеясь на славное воскресение, в Его заслугах и через Его заслуги; а тело мое для достойного погребения, по усмотрению моих душеприказчиков; что же касается мирского имущества, которое Бог благоволил дать мне, то я распоряжаюсь им следующим образом" и т. д.

Он выделяет небольшую сумму денег, от тридцати шиллингов до четырех фунтов, каждому из живущих на тот момент племянников и племянниц, всего двадцать два человека. Сестре, единственному оставшемуся члену его ближайшей семьи, он назначает ежегодное пособие в размере двадцати шиллингов, которое будет выплачиваться в руки дочери, заботившейся о ней. Не имея возможности оставить кому-либо большую сумму, он предпочел выразить свою любовь ко всем. В завещании было два пункта, которые можно особо сохранить от забвения.

"Я отдаю церкви в Салем-Виллидж сумму в пятьдесят шиллингов деньгами, для большего украшения стола Господня, которые будут помещены в какую-нибудь серебряную чашу, по

усмотрению пастора, дьяконов и моих надзирателей". "После смерти моей жены я отдаю Бенджамину (моему приемному сыну), который был очень послушен мне, пока жил со мной, и полезен мне с тех пор, как он ушел от меня, всю оставшуюся часть всего моего имущества, как недвижимого, так и личного, за исключением небольшого участка земли площадью около двух акров, который находится между ^{господами} Уолкотсом и Джорджем Уайотсом у шоссе, который я отдаю жителям деревни Салем для обучения навечно".

Облигации, которые потребовал от душеприказчиков суд по завещанию, были на сумму всего двести фунтов, что свидетельствует о том, что его движимое или личное имущество было весьма скромным. В завещании есть одна особенность, которая, на мой взгляд, достойна упоминания, как свидетельствующая о прекрасной рассудительности и практической мудрости этого человека.

"Я отдаю Ханне, моей любимой жене, в пользование и пользование все мое имение в течение ее естественной жизни; и моя воля состоит в том, что, если моя жена выйдет замуж снова, тот, за кого она выйдет, прежде чем она выйдет замуж, должен дать достаточное обеспечение моим надсмотрщикам, чтобы они не обделяли и не расточали ничего из моего имущества; и, если он не будет так связан, я отдаю половину всего моего имущества Бенджамину Хатчинсону, в то время, когда моя жена выйдет замуж".

Он не отрезал ее полностью, как это иногда пытаются сделать, в случае второго брака, но обезопасил ее и поместье от страданий в случае, если она сделает этот шаг. Он применил эффективный метод, чтобы предотвратить попытки кого-либо жениться на ней с целью получить весь ее доход и комфортное проживание в его собственности, не обеспечив ее сохранность; а если она окажется настолько неразумной, что снова выйдет замуж без соблюдения его условий, он позаботился о том, чтобы она не подвергала таким образом риску повреждения или потери более половины его имущества. При составлении завещаний проявляется много изобретательности, особенно в том, что касается прав, интересов и безопасности жен. Стоит задуматься, не является ли план Натаниэля Ингерсолла столь же искусным и справедливым, как и все, что было придумано.

Мы еще встретимся с этим человеком в ходе нашего повествования. Я полагаюсь на ваши добрые чувства в оправдание того места, которое я уделил его биографии; я твердо убежден, что вы согласитесь со мной, - принимая во внимание влияние, которое он постоянно оказывал, его непоколебимую честность и честь, его личное достоинство и общественный дух, - что жизнь этого жителя уединенной сельской общины, этого простого "земледельца", сама по себе является памятником его памяти, более славным, чем многие, воздвигнутые для увековечивания имен людей, которых мир называл великими. Место для тренировок" было тщательно сохранено. Занимая центральное место на главной улице, эта красивая лужайка является достойным памятником отцу деревни. В своем истинном виде, как тренировочное поле, она представляет интерес, который не превзойден нигде, если не сказать больше. В его пределах элементы военного искусства были переданы большому числу людей, отличившихся в свое время и оставивших после себя нетленную славу защитников страны, храбрых йоменов в оружии, чем на любом другом месте. Вероятно, при первом заселении деревни она использовалась в качестве тренировочного поля. От резни у Кровавого ручья, штурма форта Наррагансэтт и всех ранних индейских войн; от Авраамовых высот, озера Джордж, Лексингтона, Банкер-Хилла, Брэндивайна, Горохового хребта и сотни других полей сражений, блеск отражается на этом деревенском парадном поле. Она связана со всеми военными традициями страны, вплоть до позднего Восстания. Лотроп, Давенпорт, Гарднеры,

Доджи, Раймонды, Путнамы, Портеры, Хатчинсоны, Херрики, Флинты и другие, кто здесь преподавал или изучал строевую подготовку и строевые приемы, - эти имена вписаны в историю за подвиги и доблесть.

Среди жителей деревни было обычное разнообразие и разнохарактерность. Джон Проктер изначально жил в Ипсвиче, где у него, как и у его отца до него, была значительная ферма. В 1666 году или примерно в это время он переехал в Салем и занялся фермой Даунингов, которая до этого была сдана в аренду Флинтам. Через некоторое время Проктер приобрел ее часть. Если можно сделать вывод из преобладающего типажа его потомков в наши дни, то он был человеком с богатырским телосложением. Думаю, существует традиция, подтверждающая это. Во всяком случае, характер у него был именно такой. Он обладал огромной природной силой и энергией. Он был смелым по духу и языку - человек, несомненно, честный, о чем свидетельствует весь тон воспоминаний о нем, но свободный и неосторожный в речах, импульсивный в чувствах, а иногда и опрометчивый в поступках. По этой причине, как мы увидим, он был склонен вступать в споры и наносить обиды. Был еще Иеремия Уоттс, представитель того класса людей, который существует в каждом обществе, где стимулируется интеллект и дается возможность развиваться идиосинкразиям. По роду деятельности он был мойщиком посуды, но по темпераменту - энтузиастом, фанатиком и агитатором. Его не устраивало то, что было, и он не хотел давать времени возможность улучшить ситуацию. Он смело хватался за рога алтаря. Он обличал Церковь и мир, намеревался все перевернуть и поставить на новое основание. Он начал крестовый поход против того, что он называл "проповедью с кафедры", когда отдельные люди, называемые служителями, "могут говорить все, что им заблагорассудится, и никто не должен возражать; и за это мы должны много платить; наш хлеб должен быть вынут из наших уст, чтобы поддерживать знак зверя; и мы должны быть полностью лишены наших христианских привилегий". Это время правления антихриста, и он должен править в это время: теперь свидетели убиты, а руководители церквей - эти убийцы. Но я ясно вижу, что напрасно спорить об этом с нашими собратьями, ибо они все за то, чтобы властвовать и попирать ногами". Этот человек вообразил, что он "был выделен один, чтобы дать свое свидетельство о Христе, обнаружив следы антихриста". "Если кто-либо, - вскричал он, - будет верен Христу, он должен свидетельствовать против антихриста, который есть самолюбие и любитель удовольствий больше, чем любитель Бога. Свидетели сейчас убиты, но вскоре они воскреснут" и т. д. Он пытался организовать "частные христианские собрания", чтобы противостоять "проповеди с кафедры". Переходя из дома в дом, произнося речи в этом стиле, обличая всех, кто не разделял его взглядов и не действовал вместе с ним, и не преуспев в ниспровержении общей ситуации, он натолкнулся на новый педиант ех . Поскольку у его соседей хватило ума оставить его в покое и не поддаться искушению прибегнуть к гражданской власти, чтобы заставить его замолчать, он сделал это сам. Он возбудил дело против священнослужителей и церквей, обвинив их в том, что, взяв власть в свои руки, они вытесняют магистратов и узурпируют гражданскую власть. Само по себе это не было плохим шагом, но суд благоразумно отказался участвовать в разбирательстве. Они не стали преследовать ни его, ни дело, а пустили все на самотек. Они строго придерживались политики "ничегонеделания". Каких бед можно было бы избежать, если бы все суды, везде и во все времена, проявляли такую же мудрость! Уоттсу позволили возмутить деревню, измучить министра и поставить в тупик тех, кто его слушал, изобретательностью и умением, с которыми он отстаивал свои взгляды. Он продолжал свои бравурные заявления до тех пор, пока не устал; но, не будучи замеченным ни министрами, ни магистратами, он не причинил большого вреда и, вероятно, превратился в тихого и добропорядочного гражданина.

В связи с тем, что Джайлс Кори займет видное место в разворачивающейся перед нами истории, рассказ о нем особенно необходим. Описать его нелегко. Он был очень необычным человеком. Его образ жизни, манера держаться и разговаривать во многих отношениях настолько не соответствовали общепринятым традициям своего времени, что небезопасно безоговорочно принимать на веру утверждения его современников. Благодаря своим особенностям он получил дурную славу. В Книге записей Первой церкви в Салеме, где записано его публичное исповедание религии, о нем говорится как о человеке восьмидесяти лет и "скандальной жизни", но он сделал исповедь своих грехов, удовлетворительную для этого органа. Нельзя отрицать, что некоторые воспринимали его именно в таком свете; но нет оснований полагать, что, говоря о греховности своей прошлой жизни, старик имел в виду нечто большее, чем обычно понимается под подобными словами в таких случаях. Его часто обвиняли в преступных деяниях, но в каждом случае оказывалось, что обвинения либо совершенно необоснованны, либо сильно преувеличены. У него было много ссор и грубых переходов; но это были естественные последствия, когда смелый и сильный человек был поставлен в оборону или перешел в наступление из-за привычки к неосмотрительным клеветам, в которую были вовлечены некоторые из его соседей, и дурной славы, навязанной ему скандалистами. Очевидно, что он был трудолюбивым и работающим человеком. Он был человеком с достатком, обладателем значительной собственности в виде земли и других форм. Часто можно встретить документы от него и к нему. Ему принадлежали луга у реки Ипсвич. В последние тридцать лет жизни он владел фермой площадью более ста акров очень ценной земли, которая находилась во владении семьи, владеющей ею в настоящее время, на протяжении ста лет. Нынешний владелец, мистер Бенджамин Тейлор, около двадцати лет назад распахал место, где стоял жилой дом Кори; остатки погребов тогда были вполне различимы. Он находился недалеко от пересечения железных дорог Салем и Лоуэлл и Джорджтаун и Бостон, примерно в трехстах футах к западу от переезда и рядом с колеями прежней дороги, на ее южной стороне. Это место окружено прекрасными полями, и их вид показывает, что оно должно было быть во всех отношениях подходящим поместьем. То, что сейчас известно как "поле Кертиса", является частью фермы Кори.

Ранее Джайлс Кори некоторое время жил в городе Салем. Он продал там свой дом в 1659 году. Сохранился контракт с плотником на строительство его фермерского дома. Было оговорено, что дом будет возведен "там, где он назначит". Пока плотник доставал материалы, он выбрал и купил ферму, на которой и жил впоследствии. Дом должен был быть "двадцать футов в длину, пятнадцать в ширину и восемь футов в ширину". Ничто не поражает нас больше, как странное и необъяснимое, чем маленький размер домов в те дни. Можно было подумать, что там, где деревья было так много и оно было под рукой, а земля не имела значения, они должны были строить более просторные дома. В письме губернатора Уинтропа своему сыну Джону из Коннектикута от 16 ноября 1646 года он рассказывает о "буре (сильнее которой я никогда не наблюдал)" и упоминает, что крышу дома леди Муди в Салеме со всеми дымоходами снесло на две части и "отнесло на шесть или восемь прутьев". Десять человек лежали под ним и не знали об этом, пока не встали утром". Дом имел плоскую крышу, был одноэтажным и девяти футов в высоту! Леди Дебора Муди была человеком высокого положения, родственницей сэра Генри Вейна и женщиной с большим состоянием. Она купила большую плантацию мистера Хамфриса. Но, как и с Таунсендом Бишопом, с ней расправились, и она была вынуждена покинуть колонию из-за своих сомнений в крещении младенцев. Уинтроп называет ее "мудрой и древнерелигиозной женщиной". Она отправилась на Лонг-Айленд, где ее влияние было столь значительным, что губернатор Стайвесант советовался с ней в своей администрации и предоставил ей право назначать магистратов. Кажется очень странным, что у такой дамы должен был быть дом высотой всего девять футов. Ранние дома строились либо как временные сооружения, либо с расчетом на

расширение. Возможно, леди Муди намеревалась пристроить к своему дому еще одну историю. Для тепла они были низкими. Фермерские дома, как правило, были рассчитаны на увеличение длины, когда этого требовало удобство. Дымоход был очень большим, располагался в одном конце и был устроен так, что при расширении здания в него можно было встраивать камин с нового конца. Здание в двадцать футов было готово стать зданием в сорок футов в ширину или длину, в зависимости от обстоятельств; и тогда дымовая труба оказывалась в его середине.

Как уже было сказано, Кори пользовался дурной славой. Либо он был беззаконником, либо его сильно недопонимали. Я склоняюсь к последнему мнению. Он принадлежал к той категории людей, которых мы иногда встречаем, и которых мало волнуют мнения и разговоры других. Однажды он ехал в город с телегой дров. Он встретил Энтони Нидхэма в компании с Джоном Проктером, мимо дома которого он только что прошел. Проктер обратился к нему следующим образом: "Ну что, Джайлс, так и не оставишь свое старое ремесло? Ты привез немного моих дров на своей телеге". Кори ответил: "Правда, я взял две или три палки, чтобы положить их за телегой, чтобы облегчить волов, потому что они слишком тяжело шли". Это говорит о том, как свободно Проктер общался с Кори, и о том, что последний не придавал этому значения. Но вскоре дело приняло слишком серьезный оборот, чтобы с ним шутить. Стало модным обвинять Кори во всевозможных преступлениях, и, если кто-то терял или терял, считалось, что он это присвоил. Сплетни против него были совершенно необузданными и вызвали горькие и злобные чувства в округе. Зимой 1676 года мужчина по имени Гуделл, работавший на ферме Кори, был отнесен женой Кори домой к своим друзьям в слабом состоянии здоровья и вскоре умер. Шептались, а вскоре и открыто утверждали, что он умер из-за того, что был жестоко избит Кори, которого арестовали и привлекли к суду за убийство. Против него было поднято большое волнение. Вероятно, он жестоко наказал мужчину за какой-то предполагаемый проступок, и было выдвинуто обвинение, что наказание было настолько немилосердным и чрезмерным, что нарушило его конституцию и привело к смерти. Имелись противоречивые доказательства, свидетельствующие о том, что мужчина был избит за какой-то проступок после того, как вернулся к своей семье. В пользу Кори говорило то, что его жена отвезла инвалида к себе домой; и не было никаких доказательств того, что между ней и больным возникли какие-либо неприязненные чувства во время остановки в доме Проктера по пути. Смерть, как полагали некоторые, могла наступить от обычной болезни, а не от порки, как у Кори, так и дома. В результате, несмотря на предубеждение против Кори, он был освобожден от наказания, заплатив штраф; это свидетельствует о том, что суд не считал это преступление очень серьезным. Мы еще не раз услышим об этом деле.

В 1678 году между Кори и неким Джоном Глойдом, работником на его ферме, возникла тяжба по вопросу о заработной плате. По соглашению сторон дело было передано во внесудебном порядке в руки выбранных по взаимному согласию арбитров. Одним из арбитров был Джон Проктер, который, как видно, был выбран как друг Глойда: другими были Натаниэль Путнам и Эдмунд Бриджес; один из них был выбран Кори, а другой - по взаимному согласию. Они принесли свою награду. Его точный характер не указан, но обстоятельства указывают на то, что он был благоприятен для Глойда. Поведение Кори в этом случае показывает, что, хотя он и был, возможно, грубым человеком и мог, в силу своих особенностей, быть суровым, в конце концов, он обладал великодушной, прощающей и мягкой натурой. Натаниэль Патнэм и Эдмунд Бриджес утверждают, что, когда они принесли решение, "оно было очень приятно заинтересованным сторонам; и Джайлс Кори выразил столько удовлетворения и поблагодарил каждого из нас, сколько когда-либо слышали; и Гудман Кори, по нашим наблюдениям, выразил Джону Проктеру столько же удовлетворения, сколько и остальным

арбитрам". Капитан Мур, присутствовавший при вынесении решения, говорит: "Я видел и обратил внимание на обилие любви, проявленной Кори к Проктеру, а Проктером к Кори, ибо они вместе пили вино, и Проктер платил за часть, а Кори за часть".

Этот удивительный перелив любви между этими двумя мужчинами становится интересным не только из-за столкновений, в которые до и после привели их импульсивные и неосторожные натуры, но и из-за роли, которую им было суждено сыграть в надвигающейся трагедии, которая должна была привести их к ужасному концу в манере и на сцене, которые привлекут внимание всех веков и засвидетельствуют их сильные характеры и героический дух. Этот отрывок имеет уникальный интерес и достоин художника.

К сожалению, случилось так, что через несколько дней после любовных объятий этих выносливых людей дом Проктера охватил пожар. По своей привычке, некоторые соседи сразу же заговорили о том, что Кори подожгли его из-за решения третейских судей, одним из которых был Проктер. Под впечатлением от пожара Проктер, со свойственной ему опрометчивостью, забыв об обещаниях примирения, которые только что прозвучали между ними, присоединился к обвинению, и Кори был привлечен к суду. Из показаний следовало, что Джон Фелпс и Томас Фуллер, жившие на западной окраине деревни, неподалеку от реки Ипсвич, около двух часов до рассвета шли по дороге в сторону Проктерс-Корнер, направляясь, вероятно, на рынок Салема, увидели горящую крышу, подняли тревогу и остановились, чтобы помочь потушить ее. Томас Гулд и Томас Флинт решили, что это, должно быть, дело рук поджигателя или "злой руки", как они выразились, судя по месту и часу, когда это произошло. С другой стороны, по свидетельству Джеймса Поланда, Калеба и Джейн Мур, они слышали, как Джон Проктер сказал, что его мальчик нес лампу и устроил пожар случайно. Это было сказано им, вероятно, до того, как в его голову пришла мысль о причастности Кори к этому делу. Заключение доказало алиби самым убедительным свидетельством, которое настолько любопытно, что дает представление о жизни фермера в то время и о домашнем состоянии Кори, что его вполне можно вставить.

Абрахам Уолкот свидетельствует: "Во вторник вечером на прошлой неделе я жил в доме Джайлса Кори, и в ту ночь дом Джона Проктера пострадал от пожара; и Джайлс Кори лег спать до девяти часов, а встал около восхода солнца, и не мог бы выйти из дома, если бы я его не услышал; и было невозможно, чтобы он пошел в дом Проктера той ночью; ибо он не может долго идти пешком, а что касается его лошадей, то все они были в лесу. И еще свидетельствую, что Кори пришел домой очень усталым с работы и скорее лег спать". Его жена свидетельствовала, что он лежал в постели с девяти часов до восхода солнца.

Джон Паркер, один из четырех зятьев Кори, дал следующие показания: "Я был на работе со своим отцом, Гудманом Кори, в тот день, когда горел дом Гудмана Проктера. Накануне вечером я возвращался с отцом домой, он пожаловался, что очень устал, и сказал, что ляжет спать. По дороге я спросил его, будет ли он ужинать, и отец ответил мне, что нет, он не может ничего есть в эту ночь, и лег спать, и я оставил его в постели. А на следующее утро отец пришел ко мне около восхода солнца и попросил меня пойти с Абрахамом Уолкотом за сеном; и отец сказал, что попробует, сможет ли он привезти груз гороха. Я также свидетельствую, что в то время у него дома не было ни одной лошади".

Джон Глойд, наемный работник, с которым у него была тяжба, улаженная за день или два до этого арбитрами, дал показания, подтверждающие слова Паркера и доказывающие, что последний не мог иметь никакого отношения к пожару, что в ту ночь он спал в одной комнате с Паркером, и что тот лег спать между девятью и десятью часами вечера и не вставал до рассвета. Жена Глойда дала аналогичные показания. Оказалось, что против Кори нет

никаких улик, зато есть множество доказательств его невиновности. Трудолюбивый, "изможденный" старик был с триумфом оправдан. Однако после этой бесцеремонной и совершенно беспочвенной попытки опозорить и разорить его, а также из-за клеветнических заявлений, которые были сделаны против него в ходе судебного процесса, он решил, что пора положить конец злобной и озорной клевете, распространявшейся в округе. Он возбудил судебное преследование Проктера и других за клевету и взыскал с них все убытки. После этого мы больше ничего не слышим о нем, пока он не обрел религию и не был принят в Первую церковь. Примирились ли они с Проктером, неизвестно. Вероятно, да; ведь у них были точки притяжения, и каждый из них имел черты добросердечия и великодушия, скрытые под довольно грубой внешностью. То, как они вели себя в последние часы жизни, вошло в историю и запечатлело в них истинную мужественность.

Инциденты, о которых мы сейчас рассказали, и особые черты этого человека, пожалуй, достаточно объясняют тот факт, что о нем говорили как о человеке "скандальной" жизни. Он давал пищу для скандалов, и неудивительно, что в сельской общине, где мало тем для разговоров возникает за пределами деревни, все должны были в большей или меньшей степени участвовать в критике его путей, и что различные трудности, в которые он был втянут, и обвинения против него должны были сделать его объектом многих предрассудков. Его жена Марта также была заметным персонажем. Она преподавала религию, была членом деревенской церкви и находила свое главное счастье в посещении общественных богослужений и в частных посвящениях. Большую часть своего времени - более того, все, что она могла спасти от домашних хлопот - она проводила в молитве. Как мы увидим, она была женщиной сильной и мужественной.

Другой известной жительницей деревни была Бриджет Бишоп. В 1666 году - тогда она была вдовой Вассельбе - она вышла замуж за Томаса Оливера. После его смерти она стала женой Эдварда Бишопа, о котором говорят как о "пильщике". В те времена этот термин обозначал не то занятие, к которому он почти полностью применяется сейчас. В те времена дрова, как правило, не пилили, а рубили. Пильщик изготавливал из бревен доски, брусья, балки и всевозможные пиломатериалы; и до того, как были построены мельницы, или там, где они были неудобно доступны, это занятие было незаменимым и занимало высокое место среди отделов полезной промышленности. Она постоянно требовалась на верфях. Это был мужественный вид труда, требовавший значительных затрат на оборудование и прекрасно развивавший всю мускульную организацию. В качестве орудия труда, помимо обычных инструментов, таких как клинья, жуки, топоры, цепи и ломы, использовалась крепкая стальная режущая пластина большой ширины, с крупными зубьями, тщательно отполированная и тщательно обработанная, около восьми или десяти футов в длину, с двойной рукояткой, пересекающей пластину с каждого конца под прямым углом. Работали на нем двое мужчин, и называли его "пилой", потому что иногда человек за нижней ручкой стоял в глубокой яме, вырытой для этой цели, и называемой "пильной ямой". Но среди первых поселенцев обычным способом было изготовление рамы из прочных бревен. Бревно, которое нужно было распилить, поднимали на стропях или по наклонной плоскости, а укладывали на поперечные балки. Над ним делали подмости, на которых стоял один человек, а другой стоял на земле внизу. Каждый из них держал пилу обеими руками и работал в унисон. Бревно подталкивали ручными пиками, когда оно достигало поперечных балок, а клинья использовали для того, чтобы расщелина оставалась открытой, и пила могла работать свободно. Это дело считалось настолько важным, что время от времени Генеральный суд законодательно регулировал размер оплаты труда лесопильщиков. Если у фермера были подходящие лесные угодья, он во многих случаях устанавливал собственную

пильную раму или яму, заготавливал бревна и перерабатывал их в доски или квадратный брус для продажи. Это был прибыльный бизнес.

Эдвард Бишоп прожил около семи лет до появления колдовского бреда в пределах Салема, недалеко от линии Беверли. Его жена Бриджет была необычной личностью, которую нелегко описать. Она держала дом, где угощала путешественников, а также доску с лопатами для развлечения своих гостей, и, как правило, потворствовала развлечениям и гулянкам до такой степени, что подвергала себя некоторому скандалу. По описанию, она носила "черный чепец и черную шляпу, а также красный парагоновый лиф", окаймленный и украшенный петлями разных цветов. По всей видимости, для того времени это был довольно эффектный наряд. Ее свобода от строгости пуританских нравов и пренебрежение общепринятыми нормами в разговоре и поведении привели ее к дурной славе, и язык сплетен был распушен против нее. В 1680 году она была обвинена в колдовстве и фактически предстала перед судом по этому обвинению, но была оправдана; народное сознание еще не созрело для такого разбирательства, которое произошло через двенадцать лет после этого. Она все еще продолжала бравировать общественными настроениями, жила в том же свободном и легком стиле, не обращая внимания ни на упреки ханжей, ни на глупые разговоры суеверных. У нее был свой дом развлечений, доска с лопатами и прочие принадлежности. Иногда, однако, она возмущалась клеветой, распространяемой о том, что она ведьма, причем таким образом, что считала, что лучше оставить ее в покое. Однажды в дом Сэмюэля Шаттака, где находился больной ребенок, пришел человек. Он был незнаком с обитателями семьи и, очевидно, пришел сюда, чтобы доставить неприятности Бриджет Бишоп. Он притворился, что очень жалеет ребенка, и сказал, среди прочего, в прорицательной манере: "Все мы рождаемся, одни для одного, другие для другого". Мать спросила его, для чего, по его мнению, рожден ее бедный, страдающий ребенок. Он ответил: "Он рожден, чтобы быть околдованным, и он околдован: у вас есть соседка, которая живет неподалеку, и которая является ведьмой". Добрая женщина, похоже, не испытывала никаких подозрений на этот счет, но мужчина настаивал на истинности своих слов. Он сумел возбудить ее чувства по этому поводу и, используя туманные намеки и общие описания ведьмы, заставил ее мысли сосредоточиться на Бриджит Бишоп. Он сказал, что должен пойти и увидеть ее, и что он может вывести ее на чистую воду как виновницу несчастья ее ребенка. Она согласилась, чтобы еще один из ее мальчиков пошел с ним и показал дорогу. Они подошли к дому и постучали в дверь. Бриджит открыла и спросила, чего бы он хотел: он сказал, что горшок сидра. В поведении этого человека было что-то такое, что навело ее на мысль, что он пришел с недобрыми намерениями. Она приказала ему уйти, схватила лопату, оказавшуюся поблизости, выгнала его с крыльца и прогнала со своей территории. Когда они с мальчиком вернулись, на них остались следы неудачного приключения. Возможно, подобное случалось и раньше, и, как выяснилось, тот, кто вызывал ее негодование, с большой вероятностью выходил из столкновения вторым; тем не менее Бриджет была членом церкви мистера Хейла в Беверли и сохранила свое положение в полном содружестве с ним. Пастор и члены церкви, должно быть, считали, что ни одно обвинение, серьезно затрагивающее ее моральный или христианский облик, не может быть справедливо вменено ей в вину.

Сегодняшний путешественник, проезжая по мосту Крэйн-ривер, приближаясь к нынешней деревне "Равнины", расположенной недалеко от восточного конца фермы Таунсенда Бишоп или Нурса, заметит на обочине моста дорожку, спускающуюся через ручей и поднимающуюся вверх, чтобы вновь соединиться с главной дорогой на другой стороне. Такие дорожки часто встречаются у мостов через небольшие ручьи. Они освежают и

приносят пользу, охлаждая ноги и очищая мозоли лошадей, а также омывая колеса карет. Однажды днем Эдвард Бишоп с женой на подушке ехал домой из Салема. К ним присоединились две женщины, запряженные в , и они приятно болтали, пока их лошади неслись по дороге. Когда они подъехали к мосту, Бишоп, вероятно, просто ради забавы, бросился в ручей, а не поехал по мосту, к большому ужасу и вопреки горячим уговорам жены, которая крепко отругала его за безрассудное пренебрежение ее безопасностью. Они проехали без происшествий, и четверо бежали трусцой вместе, пока епископы не свернули к своему дому , а двое других продолжали путь к себе в Беверли. Но всю дорогу от моста, пока они не расстались, Бишоп находил в своей жене много недостатков, говоря, что ему не стоило бы сожалеть, если бы произошел какой-нибудь казус. После того как первый испуг и обида прошли, она почти ничего не говорила, но он продолжал говорить о ней очень свободно, используя довольно жесткие выражения. Этот инцидент, которому, возможно, нет аналогов в случайном опыте супружеской жизни, вместе с другими вещами столь же тривиального и неуместного характера, был выдвинут против нее на суде по обвинению в колдовстве через семь-восемь лет после этого.

Я не могу найти никаких доказательств против морального облика этой женщины. По крайней мере, один человек, который в значительной степени участвовал в выдвижении обвинений против нее, признал, раскаявшись на смертном одре, что она поступила неправильно. Мистер Хейл, служитель общины Беверли, утверждает в своих показаниях, что некая женщина, "будучи в полном общении в нашей церкви, пришла ко мне, чтобы пожелать, чтобы Гудвиф Бишоп, ее соседка, жена Эдварда Бишопа-младшего, не разрешалось принимать Вечерю Господню в нашей церкви, пока она не даст удовлетворение за некоторые проступки, которые были против нее; а именно, потому что упомянутый епископ развлекал людей в своем доме в неподобающие часы ночи, чтобы продолжать пить и играть на лопатах, из-за чего в других семьях возникали раздоры, и молодые люди подвергались опасности быть развращенными; Она знала об этом, однажды зашла в дом и, обнаружив некоторых за игрой на доске, взяла куски, которыми они играли, и бросила их в огонь, и упрекнула епископа за то, что он способствует таким беспорядкам, но не получила от нее никакого удовлетворения по этому поводу." Согласно заявлению мистера Хейла, в ночь после того, как к нему поступила эта жалоба, женщина была обнаружена рассеянной. "Она продолжала некоторое время быть рассеянной, и мы обратились к Господу с постом и молитвой". Через некоторое время женщина пришла в себя и, как утверждает мистер Хейл, выразила подозрение, "что ее околдовала жена епископа". Он заявляет, что в то время не одобрял эту идею, "надеясь на лучшее, чем добрый Бишоп". Далее он говорит, что "поинтересовался у Маргарет Кинг, которая жила в доме или рядом с ним", что она заметила в отношении женщины, которая была растеряна. "Она сказала мне, что та много читает и исследует пророчества Писания". В конце концов женщина, похоже, полностью выздоровела, пришла к Гуди Бишоп, покаялась в том, что сказала и сделала против нее, и они снова стали друзьями. Мистер Хейл продолжает: "Я часто молился с ней и советовался с ней перед ее смертью". Она искренне желала, чтобы "за ней прислали Эдварда Бишопа, чтобы она могла подружиться с ним. Я спросил ее, не обидела ли она Эдварда Бишопа. Она ответила, что нет, если только не брала кусочки его досок-лопат, когда люди играли с ними, и не бросала их в огонь; а если она и сделала зло, то очень сожалеет об этом и хочет, чтобы он подружился с ней или простил ее. Это было за день до ее смерти". В ту ночь ее болезнь вернулась, и в пароксизме безумия она покончила с собой.

Из его собственного рассказа следует, что мистер Хейл в то время не питал к Бриджит Бишоп никаких неприязненных чувств и не поддерживал их; и что бедная больная женщина, когда полностью избавилась от своего недуга, горько раскаивалась в том, что она сделала и

сказала о Гудмене Бишопе и его жене, и от всего сердца просила у них прощения. Насколько можно судить по фактам, изложенным мистером Хейлом из его собственных сведений, они доказывают, что Бриджет Бишоп стала жертвой грубого искажения. Пять лет спустя, как мы увидим, мистер Хейл изложил совершенно иную версию случившегося, которую крайне трудно согласовать с его собственными прежними убеждениями на тот момент, когда произошли эти обстоятельства.

Поскольку моя цель - донести до вас все, что может помочь объяснить конкретные случаи, включенные в рассказ о преследованиях за колдовство, прежде чем завершить эту часть моей темы, необходимо упомянуть еще двух человек - Джорджа Джейкобса-старшего и его сына Джорджа Джейкобса-младшего. Каждый из них нанес обиду некоторым людям и пострадал от той известности, которая приводит к выбору жертв, хотя оба были людьми респектабельными. Отец владел фермой в Норт-Филдс, на берегу реки Эндикотт, немного восточнее моста у железоделательного завода, и прожил на ней около полувека. Он был человеком с хорошим достатком и достойным человеком, но к его несчастью, у него был импульсивный характер и быстрые страсти. В июне 1677 года он был привлечен к ответственности и оштрафован за то, что ударил человека, который его разгневал. Джордж Джейкобс-младший, его единственный сын, на суде, состоявшемся 7 ноября 1674 года, был привлечен к ответственности, "признан виновным и ему предписано оплатить судебные издержки". Его обвинение и защита изложены в его показаниях по этому случаю.

"Ответ Джорджа Джейкобса на жалобу Натаниэля Путнама.-Что я преследовал некоторых лошадей в нашем загоне на Королевской стороне, где они посягали на нас; что целью моего преследования было взять их; но, вместо того чтобы взять их, они ушли в воду, и я не стал преследовать их дальше; но сразу же они повернули на берег, и я побежал, чтобы взять их, когда они выходили из воды, но не смог; и я могу присягнуть, что с того времени я никогда не преследовал никаких лошадей или кобыл; и я надеюсь, что моя собственная клятва оправдает меня."

В результате его попытки отогнать лошадей несколько ценных животных были утоплены. Их владелец, Натаниэль Путнам, подал в суд, но не смог получить возмещение ущерба. Лошади, очевидно, нарушили границу, и суд, похоже, не счел поведение Джейкобса ужасным. Не следует думать, что Натаниэль Патнэм в течение восемнадцати лет питал чувства мести или обиды и не принимал никакого участия в судебном преследовании Джейкобса в 1692 году. Есть все основания полагать, что он не сочувствовал бурным страстям, бушевавшим в тот день, хотя и находился под властью заблуждения. Но дело об утоплении лошадей, вероятно, долгое время было предметом сплетен и, возможно, принесло автору катастрофы дурную славу, которая едва не стоила ему жизни.

Приведенный рассказ об элементах населения Салемской фермы или деревни показывает, что, несмотря на наличие обычных разновидностей, входящих в состав всех сообществ, совершенно недопустимо полагать, что заблуждение о колдовстве возникло там потому, что здесь царило большее невежество, глупость или варварство, чем в других местах. Это становится еще более очевидным, если взглянуть на состояние общества и нравов в целом. Люди отдаленной эпохи, как правило, рассматриваются только в том виде, в каком они предстают перед нами через выдающиеся события и общественные движения. Они составляют обычный материал для истории. Династии, царствования королей, армии, законодательные процессы, крупные церковные синоды, догматические вероучения и тому подобное - вот, в общем-то, и все, что мы знаем о прошлом. Отдельные черты отдельных людей появляются то тут, то там; но в отрыве от обычной жизни того времени они не могут быть справедливо и полно оценены. Общественная жизнь прошлого - это лишь набросок,

или, говоря более строго, скелет, человечества. Чтобы заполнить этот контур, облечь скелет упругими нервами и теплой плотью, оживить его жизненной циркуляцией, мы должны ознакомиться с бытовым, социальным, привычным и обыденным опытом отдельных людей и частных лиц; мы должны получить представление о народных обычаях и повседневной рутине жизни. Только так история может выполнить свою задачу - сделать прошлое настоящим.

У жителей первых колониальных поселений была личная и внутренняя жизнь, как и у нас сейчас, и у людей всех веков и стран. Принято считать их не иначе как суровым, мрачным и ненавидящим удовольствия поколением. С ними все было не так. У них была та же природа, что и у нас. Не все было мрачно и сурово. У них был свой отдых, развлечения, веселье и забавы. Молодость была так же полна надежд и радости, любовь так же горяча и нежна, веселье так же естественно для невинности, остроумие так же энергично, как тогда, так и сейчас. Здесь было столько же поэзии и романтики: веселый смех оживлял только что открытые поля и разносился по прилегающим лесам так же громко, весело и безудержно, как и в этих старых и более многолюдных поселениях. Правда, их богословие было строгим, а церковное и государственное управление - суровым; но в их образе жизни были некоторые особенности, которые давали особую возможность проявлять и удовлетворять любовь к социальным волнениям приятного рода. Позвольте мне упомянуть о некоторых обычаях, имевших тенденцию к развитию в этом направлении, которые преобладали в ранних поселениях Новой Англии.

Всякий раз, когда молодой человек делал в лесу просеку, строил дом и выбирал себе помощницу, чтобы жить в нем, устраивалось "воздвижение". В назначенный день собирались дальние и ближние соседи, все вместе принимались за работу, и, прежде чем ночные тени окутывали сцену, дом был поднят и покрыт от подоконника до конька. Так же поступали, если дом соседа был уничтожен огнем. В этом случае нередко в ход шли бревна, брусья и доски, а также рабочая сила. Это становилось поводом для всеобщего веселья, в котором участвовали все возрасты и оба пола. Затем происходило "лущение". После того как амбары были заполнены сеном и зерном, а кукуруза созрела, в "домах жатвы" яркими осенними вечерами следующих друг за другом дней в окрестностях разных фермерских домов можно было наблюдать сборища. Снопки вынимались из копн и поднимались с полей, золотистые листья и молочные кисточки срывались с полных колосьев, а колыбели наполнялись до краев. Это были сцены беспредельного наслаждения и безудержного веселья.

В то время в сельской местности были распространены и другие виды отдыха, способствовавшие развеселению общества в высшей степени. Близился ветреный вечер, и широкий, глубокий камин - по ширине он занимал почти всю одну сторону комнаты и был настолько глубоким, что к косякам постоянно прикреплялись скамейки, на которых с комфортом могли расположиться двое или больше - был должным образом подготовлен. Огромное бревно диаметром с "мачту какого-нибудь великого адмирала" и длиной, пожалуй, в шесть футов, было приколочено ручными пиками к своему месту в качестве "заднего бревна"; меньшее, в качестве "задней палки", было положено поверх него; большие андионы были должным образом отрегулированы, а дрова навалены художественно - ведь в разжигании дров было целое искусство. Хворост помещался на вершине всего этого; опытная рука никогда не опускалась ниже. В залах современной роскоши и великолепия больше света, чем от ослепительных люстр или волшебных языков пламени газовых горелок, но свет и тени от пылающего старомодного деревенского камина из Новой Англии создавали такую оживленную, бодрящую и радостную сцену, какой никогда не было, и ее невозможно

превзойти. Собравшиеся соседи за один вечер сделали то, на что у семьи ушли бы месяцы. Кукуруза и орехи были очищены, молодая береза разобрана на тонкие нити, веников хватило на год службы в доме и сарае, а также были сделаны различные другие полезные вещи. Шум занятых рук и проворных пальцев терялся в смешении счастливых голосов. Веселье и шутки, радость и любовь правили часом. За всем этим следовало "Буфф слепого человека" или какой-нибудь другой вид спорта. После того как "старики" предусмотрительно уходили на покой, кто знает, что сыновья и дочери пуритан иногда устраивали танцы? Катались на санях, и лес звенел от счастливого смеха и звенящих колокольчиков. До 1700 года средства передвижения, используемые в таких случаях, правильнее было называть "саниями". Современное слово "сани" тогда еще не появилось. С наступлением весны бревна выдолбили или вычерпали и положили у подножия сахарных кленов, в стволах деревьев на фут или два выше них сделали косой надрез, вставили черепицу, и вкусный сок потек в желоба. Когда наступало подходящее время, в лесу возводились палатки или шалаши из вечнозеленых веток, над пылающими кострами ставились большие котелки, и вся округа разбивала лагерь на несколько дней и ночей, пока работа не была завершена, и не получался ароматный сироп или твердые лепешки из сахара.

Таковы были некоторые из развлечений деревенских жителей в первых поселениях Новой Англии; возможно, они сохранились в пограничных городах и по сей день. Они представляли собой такие формы развлечений, которые не могут существовать в городах или более старых сообществах; и обладали очарованием, в памяти всех, кто когда-либо принимал в них участие, большим, гораздо большим, чем может обладать общество на любой более поздней стадии.

Основным способом передвижения в те дни была верховая езда. Это давало множество особых возможностей для общения. К нему были приучены как женщины, так и мужчины. Все жители деревни чувствовали себя в седле как дома. Дочери Джозефа Путнама, сестры Израиля, были известны как конники. Предание рассказывает об их авантюрных подвигах в этой области, не уступающих тем, которые составляют часть истории их знаменитого брата. Возможно, даже в те времена в этом районе в большей или меньшей степени практиковалось несколько азартных игр. Единственная из них, которая, похоже, была открыто разрешена и о которой у нас есть хоть какие-то свидетельства, - это игра в доску с лопатами. Эта игра, которая сейчас считается вышедшей из употребления, упоминается Шекспиром и была весьма распространена как в Англии, так и в нашей стране. Доска шириной около двух с половиной футов и длиной двадцать футов располагалась на высоте трех футов от пола, чем-то напоминая бильярдный стол, хотя и не с такой широкой поверхностью, точно ровная и идеально гладкая, покрытая посыпкой из мелкого песка. На нем лежали грузики или шары, называемые "фигурами", сплюснутые с одного конца. Игра заключалась в том, чтобы протолкнуть их как можно дальше, не задевая за край. Стол окружало корыто, чтобы ловить шары, если они падали. Ричард Грант Уайт, от которого и был заимствован этот рассказ об игре, говорит, что "она требовала большой точности глаза и устойчивости руки, гораздо больше, чем десять кеглей". Он утверждает, что, будучи мальчиком, видел, как в нее играли "мускулистые" мужчины в Бруклине, штат Нью-Йорк, и что используемые тогда фигуры были из латуни. Вероятно, "фигуры", использовавшиеся на доске Бриджит Бишоп, были сделаны из какого-то тяжелого дерева, поскольку их бросали в огонь, чтобы уничтожить. Тот факт, что в подобную игру могли открыто играть в деревне Салем, весьма примечателен и свидетельствует о том, что для подобных развлечений оставалась определенная лицензия.

Записи и документы местных судов показывают, что, несмотря на суровую серьезность и строгость нравов и морали, которые обычно приписывают нашим новоанглийским предкам, в первых поселениях иногда случались нарушения, которые в наши дни считались бы серьезными проступками. Следующее показание было дано "под присягой в суде" 26 февраля 1651 года. Эдвард Норрис был сыном служителя Первой церкви; более десяти лет и в течение двадцати лет после этого он был школьным учителем города и своим характером, а также должностью вызывал глубочайшее уважение. Джон Китчен в 1655 году был избран "искателем и заклещиком кож". Джайлс Кори еще не приобрел свою ферму, но жил на своем городском участке, простиравшемся от Эссекс-стрит, у ее западной оконечности, до Северной реки. По отдельности они были людьми с хорошим достатком.

"Мы с мистером Эдвардом Норрисом шли к кирпичному заводу: Джон Китчен, шедший с нами, повалил нас и стал щипать. А когда мы вернулись обратно, Джон Китчен ударил мистера Эдварда Норриса пятками и меня, навалился на меня, схватил за горло и держал так долго, пока почти не остановил мое дыхание. И я сказал Джону Китчену: "Это нехорошая шутка". И Джон Китчен ответил: "Это пустяки: я задолжал тебе больше прежнего: это не половина того, что ты получишь потом". После этого он пошел в свой дом, набрал вонючей воды и вылил на нас, а меня взял и вытолкнул за дверь, и я пошел своей дорогой. А Джон Китчен последовал за мной через полдороги или около того. Почувствовав, что он идет за мной, я перебрался через рельсы. Он снова схватил меня, сбросил с рельсов и стал избивать, пока я не окровавился. И, когда при этом присутствовал Томас Бишоп, я попросил его засвидетельствовать то, что он видел. После моих слов он позволил мне подняться. Как только я поднялся, он снова стал бить меня.

"Свидетельствовано под присягой в суде 26 февраля 1651 года.

"Генри Бартоломью, *клерк*."

Это был действительно необычный всплеск беззакония, дающий необычное представление о состоянии общества. В наши дни подобное происшествие вызвало бы изумление. Организованная власть общества для подавления порочных и грубых страстей, вероятно, никогда не применялась с большей жесткостью, чем в наших пуританских деревнях; но она не достигла своей цели в полной мере. За торжественной и формальной внешностью скрывалось, в конце концов, не меньше нерегулярности жизни, чем сейчас. Человеческая природа не была усмирена. Люди ссорились и дрались, резвились и веселились, не взирая на запреты власти. Нарушения местных и общих законов были нередки; и, как и прежде, они в значительной степени проистекали из невоздержанности. В данном случае Китчен действовал как будто под воздействием спиртного. Его поведение, когда он спотыкался на каблуках и обливал грязной водой лицо школьного мастера города, о достоинстве положения которого в обществе говорит титул "мистер", и когда он так настойчиво и беспричинно поносил Кори, напоминает пьяный бред. Последний, похоже, некоторое время не предполагал, что он говорит всерьез, а рассматривал его поведение как грубую игру, которая зашла слишком далеко. Бедняга Кори часто оказывался в городском суде в качестве обвиняемого или обвинителя. В конце концов он стал жертвой жестокого обращения, которое то давали, то принимали. Хотя его нельзя было назвать дурным человеком, он почти всегда попадал в неприятности. Характер его долгой жизни был таким же эксцентричным и неуправляемым, как и способ его смерти - странным и ужасным.

В сельских приходах ранних времен существовало то, что можно назвать институтом, который до сих пор в какой-то степени существует, возможно, в сельской местности, и

который нельзя не упомянуть при перечислении контролирующих влияний. Люди жили на фермах, на некотором расстоянии друг от друга и почти все на большом расстоянии от дома собраний. Местные и родительские власти, церковная дисциплина, общественное мнение заставляли посещать регулярные религиозные службы. Мода, привычка и выбор приводили всех на собрание в День Господень. Многие не могли вернуться домой во время перерыва между дневными и вечерними службами. В результате вся община еженедельно собиралась вместе на несколько часов, в течение которых они не могли избежать общения. Это было более эффективное учреждение, чем городское собрание, потому что оно проводилось чаще и включало женщин и детей. В хорошую погоду они, возможно, собирались в узлы в подходящих местах или уходили компаниями в тень соседнего леса. В плохую погоду они оставались в доме собраний, собирались у дьякона Ингерсолла или в больших комнатах его дома. В целом эта практика должна была оказать важное влияние на характер людей. В отсутствие газет и связи с отдаленными местами день становился поводом для того, чтобы услышать и рассказать все новости. Он обеспечивал циркуляцию идей, хороших и плохих. Он расширял сферу влияния мудрых и лучших людей и давал возможность озорникам причинить много вреда. Это был своего рода центральный базар, открытый каждую неделю, где все разновидности местных сплетен могли обмениваться и распространяться далеко и широко. Я не берусь судить о совокупном характере эффекта, полученного таким образом. Несомненно, это был эффективный инструмент для формирования населения страны, развития элементов общества, ускорения и придания большей энергичности действиям людей в массах и прояснения явлений их истории. Сейчас я хочу сказать, что если возникало какое-либо народное заблуждение или фанатизм, то таким образом обеспечивались средства для его быстрого распространения и усиления его силы.

В начале заселения страны охота на дичь в лесах, реках и озерах была необходима как средство пропитания и всегда имела большое значение. Также требовалось постоянно вести войну с хищными зверями и птицами. Для этого использовались разнообразные и изобретательные методы, часто требующие смелости и мастерства, и в большинстве случаев они применялись в компаниях. Оленей и лосей иногда загоняли в клетки, окружая их, или ставили капканы, но в основном в их преследовании полагались на ружье. Для ловли более мелких животных использовались различные способы. Одним из развлечений мальчишек было натаскивание кроликов или зайцев. Саженец или молодое деревце сгибали и прикрепляли к палке, просунутой в пазы, вырезанные в деревьях, по обе стороны от пути животного. Заяц имеет обыкновение мчаться по лесу с огромной скоростью и по уже проложенным следам, которые, особенно после выпадения снега, хорошо заметны. К поперечной палке, установленной над тропой, привязывали один конец крепкого конского волоса. Другой конец был завязан узлом с петлей, достаточно большой и свисающей на высоте, чтобы в нее могла пролезть голова кролика. Не заметив петли и бросившись по тропинке, кролик выдергивал поперечную палку из пазов. Дерево возвращалось в исходное вертикальное положение, а кролик оставался качаться в воздухе, пока на рассвете мальчишки не радовались успеху своей хитрости. Голуби тучами носились по стране в свои сезоны, и акры лесов прогибались под их тяжестью. Их ловили сетями, десятками за раз, или сбивали в огромных количествах дробью из ружей. Весной и осенью над землей совершают шумные перелеты дикие гуси, пересекая пространство, охватывающее континент с севера на юг. Их сбивали из ружья, на крыло, или заставляли врасплох во время отдыха на длинном маршруте, или останавливали бурей у укромных прудов или болот. Утки и другие водные птицы в изобилии водились на реках и болотах, их можно было преследовать на каноэ в заливах и на морских побережьях. Соленая рыба водилась в соседнем океане, а пресноводная рыба водилась в озере Уэнхем, пруду Уилкинса и проточных ручьях.

Медведь был грозным охотником в окрестностях поселений, убивал молодняк скота, устраивал хаос в овчарне, разбойничал в амбаре и на фермерском дворе. Он был опасным противником, обладая огромной силой рук и когтей. Иногда его удавалось поймать с помощью ружья, но в основном полагались на капкан. Его шкура служила ценным призом, и ему находили другие полезные применения. Самый ранний и грубый способ отлова медведя заключался в следующем: В лесу выбиралось место, где два больших поваленных и заплесневелых дерева находились рядом в двух-трех футах друг от друга. Пространство между ними накрывали крышей, набрасывая на них ветки и сучья, и закрывали с одного конца. Другой конец оставался открытым. Внутри помещалось ружье, сильно заряженное, дулом к открытому концу; к курку прикреплялся шнур, идущий вдоль ствола ружья, перекидывающийся через перекладину и свисающий вниз прямо перед дулом, приманкой служил кусок свежего мяса. Медведя, бродящего ночью по лесу, привлекал запах мяса, и он приходил понюхать его. На открытом конце он увидит приманку, бросится туда, схватит ее между челюстями, дернет за шнур, разрядит ружье, и его голова и грудь будут разорваны на куски. Мужчины, участвовавшие в этом предприятии, оставались спать в соседнем доме, ожидая и слушая с величайшим интересом, как выстрел возвестит об их успехе. С рассветом они собирались на месте и принимали участие в прибыли от поимки. Через некоторое время стали использовать железные или стальные ловушки. Их искусно приманивали и устанавливали, прикрепляя цепью к дереву. Все это засыпалось легкой землей и листьями. Медведь подходил к приманке. Вес его лапы приводил капкан в действие. Железные зубы удерживали его до утра. В его страданиях и отчаянии, чтобы освободить его, нужно было приложить немало усилий. При ловле медведей, как и лисиц, требовалось большое мастерство и искусство. Каждый из них был очень насторожен и осторожен, а если в ловушках использовалось железо, то для маскировки запаха металла требовался определенный аромат. Все признаки того, что ловушка была потревожена, должны были быть удалены с земли. Ловля в капканы стала целой наукой и имела большое значение.

Волки были, пожалуй, самыми разрушительными из хищных зверей. Хотя они не такие крупные и сильные, как медведи, они были гораздо более свирепыми и хищными. Медведей можно было приручить, а волков - нет. Медведи не были опасны, если их не провоцировать, если они не страдали от голода или не беспокоились за безопасность своего потомства. Считалось, что доброе обращение пробудит в них сильную привязанность, но волки всегда были рычащими и свирепыми. Они бродили в основном стаями и убивали овец, ягнят и домашнюю птицу долгое время после утоления голода. Фермеры считали их своими главными врагами. Выкапывалась длинная и глубокая траншея, выложенная скользкими бревнами, с которых была снята кора, стоящими вертикально и касающимися друг друга. Траншеей накрывали небольшим каркасом, на котором разбрасывали листья и грязь, чтобы поверхность была похожа на окружающую территорию. На него клали какую-нибудь вкусную приманку. Волки, устремляясь вперед, прорывались сквозь нее. Не имея возможности подняться, на следующее утро их находили живыми на дне. Такие ямы назывались "волчьими". Избавиться от разъяренных зверей было нелегко, и волчьи ямы часто становились ареной больших волнений. Был еще один класс животных, подразделявшихся на различные виды, в основном в зависимости от их размера, - более мелкие, но более свирепые, чем волки, необычайно сильные и активные, называемые дикими кошками, катамаунтами или луп-кervьерами, которых крестьяне называли люцифеями. Их можно было добыть только с помощью ружья. Убить их считалось полезной государственной услугой и немаловажным подвигом.

Некоторые из трудоемких занятий в то время особенно способствовали развитию общественного влияния; например, прокладка и починка дорог. Это обеспечивалось

налогом, ежегодно взимаемым на городском собрании. Работы велись под присмотром и руководством ежегодно выбираемых землемеров. Небольшая часть этого налога, однако, выплачивалась деньгами. Большая часть была "отработана". В удобное время, когда наступала передышка от обычных сельскохозяйственных работ, мужчины района собирались вместе, в большем или меньшем количестве, в определенное время и в определенном месте, со своими волами и орудиями труда. Работая в унисон, они трудились весело и энергично; и когда крепкие корни и глубоко залегающие камни поддавались кирке, лому и цепи, а неровные места становились гладкими, дикая местность отзывалась на их голоса благодарности, а дух оживляющего соперничества стимулировал их труды. Многие другие работы, такие как заготовка сена на солончаках и строительство каменных стен, выполнялись соседями, работавшими в компаниях.

Особые обстоятельства в истории населения деревни Салем способствовали поддержанию состояния общей интеллигентности, которая в определенной степени служила заменой организованной системе образования. На самом деле, существовавшие в то время условия делали невозможным создание каких-либо школ. Расчистки очень незначительно вторглись в дикую местность. То тут, то там стояли фермерские дома, а между ними простирались глухие леса. Еще долго не было возможности проложить легко проходимые дороги. Школьный дом, постоянно расположенный в каком-либо месте, был доступен лишь немногим. Фермеры, наиболее компетентные в этом деле, которые пользовались преимуществами некоторой степени образования и могли выделить время для занятий, в некоторых случаях убеждали принимать детей, находившихся в пределах досягаемости, в качестве учеников в своих домах, чтобы те обучались у них в указанное время и в течение ограниченного периода. Дэниел Эндрю периодически оказывал такую услугу. В какой-то период мы видим, что они практиковали план передвижной школы и школьного учителя. Он размещался в домах определенных людей, с которыми можно было договориться, по месяцу в разных кварталах деревни, от Уиллс-Хилла до Басс-Ривер. Разумеется, начального образования очень не хватало. В течение значительного времени оно было на очень низком уровне; и были главы семейств - мужчины, которые имели хорошие фермы и пользовались доверием и уважением соседей, - которые, похоже, не умели писать.

Однако трудно прийти к определенному мнению на этот счет, поскольку обнаруживается необычный факт, что некоторые люди, умевшие писать, иногда предпочитали "сделать свой след". Энн Патнэм, исполняя свое завещание, сделала пометку; но ее исповедь с собственноручной подписью помещена в церковной книге. Фрэнсис Нерс очень часто использовал свой особый знак, представлявший, возможно, какое-то орудие его первоначального механического ремесла; но в других случаях он выписывал свое имя хорошей, круглой рукой. То же самое было и с Бреем Уилкинсом. Вряд ли мы можем сделать какие-либо решительные выводы об интеллекте или образовании людей того времени по их почерку или построению предложений, тем более по их орфографии. Формы их речи во многих отношениях сильно отличались от наших. То, что на первый взгляд мы можем назвать ошибками невежества, на самом деле, возможно, соответствовало тогдашним правилам. Их употребление глаголов отличается от нашего, особенно в сослагательном наклонении и в спряжении в целом. Они не следовали нашим правилам в отношении числа. Если в именительном падеже стояло существительное во множественном числе или несколько существительных, они часто использовали связанный глагол в единственном числе, и наоборот. Они были склонны к тому, чтобы конструкция соответствовала смыслу, а не букве. Нет уверенности в том, что их использование в данном случае полностью оправдано. Цицерон в своей пятой оратории против Верреса объединяет *rem* с *futurum*. Некоторые редакторы сочли это ошибкой и соответствующим образом изменили текст; но Аулус Гелий в

своих "Аттических ночах" утверждает, что это истинное чтение и, учитывая смысл отрывка, законное и элегантное использование языка. Он приводит примеры подобного употребления у латинских и греческих авторов самого высокого уровня.

Из орфографии ничего или почти ничего нельзя вывести. Этот вопрос был совершенно не решен среди самых образованных людей и в практике одного и того же человека. В "Журнале" Уинтропа имя его выдающегося друга - губернатора Массачусетса и Коннектикута - пишется иногда Haynes, а иногда Haines. В его собственной подписи буква *r* обычно опускается, а если не опускается намеренно, то полностью теряется в том или ином смежном тексте. Любопытно, что имя "Уинтроп" по-разному пишется нашим губернатором, его женой и его сыном, губернатором Коннектикута; каждое написание отличается от двух других. Джордж Берроуз, выпускник Гарвардского колледжа, писал свое имя иногда с буквой "с", а иногда без нее. В записях нашего генерального суда имя первого капитана Дэвенпорта пишется по меньшей мере четырьмя разными способами. Путнамы иногда писали свою фамилию Путман. Имя сестер часто писали Nourse, а иногда Nurs.

Не имея возможности сделать какие-либо достоверные выводы относительно общего уровня интеллекта жителей деревни Салем на основании их орфографии, этимологии, синтаксиса или хирографии по сравнению с их современниками, я могу лишь сказать, что, изучая дошедшие до нас записи и бумаги, я удивляюсь тому, что они так хорошо выражали свои мысли. Я без колебаний могу сказать, что в различных спорах, в которые они были вовлечены, до и сразу после заблуждения о колдовстве, прослеживается необычайная осведомленность в вопросах, о которых идет речь, и есть весомые доказательства того, что среди них был прочный субстрат здравого смысла.

Их манеры, по-видимому, были удивительно учтивыми и уважительными, что свидетельствует о влиянии, которое все еще сохраняется на их стиль общения и поведение, общества и примера большого числа выдающихся, просвещенных и опытных людей и семей, которые проживали или смешивались с ними на протяжении всего раннего периода их истории. В их поведении по отношению друг к другу присутствовала та благопристойность, которая свидетельствует о хорошем воспитании. Они отдавали честь седым волосам и отводили возрасту первое место при рассадке прихожан - вопрос, которому до появления скамей как особой собственности, они уделяли самое пристальное внимание. Рассадка" должна была продолжаться в течение года; регулярно назначался комитет из лиц, пользующихся наибольшим доверием, для отчета по этому деликатному и сложному вопросу. Их отчет, подписанный ими по отдельности, полностью заносился в приходскую книгу записей. Неизменным правилом было: сначала - возраст, затем - должность, в последнюю очередь - тарифы. Главные места отдавались пожилым мужчинам и женщинам с почтенным характером, без учета их жизненных обстоятельств и положения в обществе. Затем шли семьи священника и дьяконов, приходской комитет и писарь, констебль деревни, магистраты и военные офицеры. Их предпочитали, потому что все должности тогда были почетными и занимали их, если к этому призывали, главные люди. Последними шли ставки, то есть имущество. Самый богатый человек в приходе, если он не занимал должности или был достаточно стар, чтобы быть причисленным к престарелым, занимал свое место среди остальных прихожан. То, как говорили о родителях во всех случаях, можно проследить не только в письменных документах, но и в обычном разговоре - всегда с нежной почтительностью. Почти во всех случаях используются выражения "мой почтенный отец" или "моя почтенная мать", и это при том, что сыновья занимали самое скромное и низкое положение в жизни. К главам семейств применялись термины "гудман" и "гудвайф". Последнее слово сокращалось до "Goody", но вовсе не как "низкий термин

вежливости", как пишут наши словари. Оно применялось к самым уважаемым матронам, таким как жена дьякона Ингерсолла. Это был термин уважения, передающий, возможно, чувства привязанности, но ни в малейшей степени не пренебрежительный, уничижительный или принижающий. Конечно, для характеристики достойного человека никогда не использовалось более подходящих терминов. "Гудмен" - это все, что можно сказать о гражданине зрелых лет в качестве похвалы; а весь каталог претенциозных титулов, которые льстецы или придворные когда-либо давали замужней даме, не может, вместе взятый, выразить более высокую оценку, чем термин "добрая жена". Насколько более выразительны, учтивы по отношению к тем, к кому они применяются, и соответствуют самоуважению того, кто их использует, чем "мистер" и "миссис"! Более чем сомнительный вкус и глупая гордыня заставили нас принять эти термины, потому что они изначально применялись к дворянам или магистратам, и отказаться от старых добрых слов, которые имели значение, действительно вежливое по отношению к другим, а не унижительное для нас самих!

В семьях признавался патриархальный авторитет и достоинство. Старейшего члена семьи часто называли "лендлордом", просто в силу его старшинства, не обращая особого внимания на размеры его владений или стоимость его акров. После смерти Томаса Путнама в 1686 году этот титул перешел к его брату Натаниэлю; после него - к оставшемуся в живых брату, капитану Джону; после него он перешел к следующему поколению, и Бенджамин, сын Натаниэля, стал "лендлордом Путнама". Так было и в других семьях.

Либеральная и разумная политика, описанная выше, - наделение детей поместьями после их женитьбы при сохранении родительской власти в семье - произвела желаемый эффект на характер людей. Стало почти само собой разумеющимся, что, достигнув зрелого возраста, молодые мужчины и женщины заключали завет и становились членами церкви. Общий тон общества, несомненно, благоприятствовал моральному и религиозному благополучию молодой части общины. Случались и исключения, но их было немного. Однако один случай, когда было допущено вопиющее нарушение сыновнего долга, нельзя не упомянуть в этой связи, поскольку он относится к общественной истории страны.

Джон Портер-младший, старший сын основателя этого уважаемого семейства, в возрасте около тридцати лет был, по-видимому, очень злым и неисправимым человеком. Его жестокое обращение с родителями дошло до того, что в крайнем случае пришлось обратиться к защите закона. После различных разбирательств он был приговорен к часовому стоянию на лестнице виселицы с веревкой на шее; к жестокой порке; в Дом исправления; к строгому соблюдению тюремной диеты и к освобождению только по решению Суда помощников или Генерального суда; и к выплате "штрафа стране в размере двухсот фунтов". Утверждается, что, если бы мать преступника "не была вынуждена из-за своих нежных чувств воздержаться от выступления против него, суд должен был бы обязательно рассмотреть дело о нем как о смертном преступнике, согласно нашему закону, основанному и выраженному в Слове Божьем, в Втор. xxi. 18-21. См. Законы о смертной казни, стр. 9, § 14". Через некоторое время после этого Генеральный суд по его ходатайству освободил его из заключения при условии, что он немедленно покинет эту юрисдикцию, предварительно дав залог в двести фунтов, чтобы не возвращаться без разрешения Генерального суда или Суда помощников.

В 1664 году четыре комиссара, полковник Ричард Николс, сэр Роберт Карр, Джордж Картрайт и Сэмюэл Маверик, эскавайры, были присланы Карлом II. "для рассмотрения и принятия решений по жалобам и апелляциям по всем делам, как военным, так и уголовным и гражданским". В английском суде всегда действовало мощное влияние, неблагоприятное для Новой Англии. До сих пор оно успешно противостояло восхитительной дипломатии колониального правительства и агентов. Все конфликты власти предотвращались умелой

политикой "затягивания и избегания". Но реставрация Стюартов не сулила ничего хорошего свободам колоний, и прибытие этих комиссаров с их широкими полномочиями рассматривалось как цель нанести долго откладывавшийся смертельный удар по правам, закрепленным хартией. Они начали действовать с высокой руки. Генеральный суд не дрогнул перед ними, но был готов воспользоваться первым же ложным шагом комиссаров; и им не пришлось долго ждать.

Портер укрылся в Род-Айленде. Когда комиссары посетили эту колонию, он обратился к ним за защитой против генерального суда Массачусетса. Они были достаточно неосмотрительны, чтобы поддержать его дело, и издали прокламацию, предоставляющую ему защиту, чтобы он вернулся в Бостон и рассмотрел свое дело перед ними. Генеральный суд немедленно вступил с ними в спор и перешел от обороны к наступлению; осудил их действия; опубликовал в официальных отчетах полный отчет, изложенный самым простым языком, о бесчинствах Портера по отношению к его родителям, представив их в деталях, которые не могли не шокировать все чувства гуманности и порядочности; выставил членов комиссии пособниками и покровителями преступлений самого глубокого пошиба; и честно выступил против них по существу дела Портера. Комиссары пытались объяснить и выкрутиться, но им не удалось выбраться из пут, в которые они попали по неосторожности. Генеральный суд сделал публичное заявление, обвинив комиссаров в том, что они "препятствовали вынесению приговора правосудия в отношении этого отъявленного преступника", укрывали и поощряли "его восстание против его родных родителей";, в нарушении правосудия, в освобождении целой страны "от клятвы, которой они поклялись подчиняться власти Его Величества в соответствии с Конституцией его Королевской хартии", и в попытке ниспровергнуть права колонии в соответствии с хартией путем введения военных сил для подавления и угнетения гражданских властей. Они осудили их как виновных в злоупотреблении доверием и посягающих на достоинство короны, проводя курс, "унижающий установленную здесь власть Его Величества" и "противоречащий княжескому и милостивому намерению Его Величества, доверившего им такое поручение". Суд занял выгодную позицию, и комиссары не смогли их сместить. Дело кончилось тем, что власть комиссаров была полностью сломлена. Они бесславно отказались от борьбы и вернулись домой в Англию.

Случай с Джоном Портером-младшим, которому обстоятельства придали столь необычайную огласку и известность, не противоречит тому, что я сказал о всеобщем преобладании в сельской общине Салем-Виллидж родительского авторитета и сыновнего долга, поскольку он рано отошел от них и занялся совершенно иными делами, которые привели его в совершенно иные сферы жизни. Он занимался торговлей и подвергался порочному влиянию в иностранных портах. В плаваниях на "Барбадос и в Англию он расточил и безрассудно потратил около четырехсот фунтов". Кроме того, своими порочными поступками он влез в долги, которые его отец был вынужден выплатить, чтобы освободить его из заграничной тюрьмы. Он вернулся с отчаянным характером, описанным Генеральным судом. Его наказание было суровым, но абсолютно необходимым, по мнению всего общества, для безопасности его родителей и сохранения внутреннего и общественного порядка.

Несмотря на то что люди жили в скромных жилищах на простую пищу, работали руками, добывая хлеб насущный, одевались в грубую одежду и вели экономный образ жизни, у описываемых мною людей был определенный стиль, не похожий на то, что обычно ассоциируется с нашими представлениями о них. Мужчины носили мечи или рапиры как часть своей повседневной одежды. У их жен была домашняя прислуга. У каждого фермера

были наемные работники, а у многих из них - рабы. Однако отношения рабства во многом отличались от тех, что существовали на южных плантациях. Рабы, не имея формального права на освобождение, легко получали свободу и часто становились землевладельцами. Вежливое воспитание, приобретенное на примере выдающихся людей из числа первых плантаторов, надолго сохранилось в нравах этого народа; его остатки сохранились до наших дней. Во второй половине прошлого и в начале нынешнего века он ярко проявился в лице судьи Сэмюэля Хоултона, полковника Израэля Хатчинсона, генерала Мозеса Портера и покойного судьи Сэмюэля Путнама.

Мудрая предусмотрительность лондонской компании в самом начале ее деятельности, когда она обеспечивала все необходимое для создания и благополучия колонии, уже была описана. Наиболее ярко это проявилось в тщательном отборе первых эмигрантов. Искали людей опытных и искусных в различных механических искусствах. Среди первых жителей Салемских ферм были представлены все виды ремесел. Когда число домовладельцев не превышало сотни, здесь были ткачи, прядильщики, гончары, столяры, домашние мастера, колесники, кирпичники и каменщики, кузнецы, повара, маляры, портные, кордвейнеры, перчаточники, кожевники, мельники, солодовники, скорняки, пильщики, изготовители подносов и посуды. Здесь были обеспечены все потребности. Эти ремесла и занятия были связаны с сельскохозяйственными работами, и главы главных семей тщательно следили за их сохранением. Джон Патнэм не только подарил большие фермы каждому из своих сыновей, но и обучил их по очереди какому-нибудь механическому искусству. Один из них был ткачом, другой - каменщиком и т. д. Фермер также был механиком, и все виды полезного труда были в равном почете.

Еще одной отличительной чертой этого народа был его воинский дух. Они находились в состоянии всеобщей и тщательной организации, чтобы защитить себя от враждебных действий индейцев или в любой момент откликнуться на призыв страны. Дозорный в сторожевой будке всегда был на чеку. Вскоре Генеральным судом были получены полномочия на формирование пешей роты. В нее входили все взрослые, включая мужчин далеко за пределами среднего возраста, - все, кто мог носить мушкет. Ее офицерами были отцы деревни. Любое звание, от капрала до капитана, полученное однажды, носилось потом всю жизнь. Джонатан Уолкот, гражданин с высочайшей репутацией, женившийся второй женой на Деливеранс, дочери Томаса Путнама, и бывший одним из дьяконов прихода, был его капитаном. О Натаниэле Ингерсолле, другом дьяконе, время от времени говорят как о капрале, затем сержанте и, наконец, лейтенанте. В этом звании он прослужил до конца жизни, и после получения этого звания его всегда называли либо лейтенантом, либо дьяконом Ингерсоллом. Старший сын Томаса Путнама, одного из ведущих членов церкви, человека с большим имуществом и приходского клерка, был одним из сержантов и всегда был известен как таковой. В нашем повествовании, с которым он окажется в самой прискорбной связи, я буду говорить о нем под этим именем. Это позволит отличить его от отца. Эта "рота" часто проводила учения, вероятно, с самого начала, на поле, оставленном впоследствии для этой цели Натаниэлем Ингерсоллом по завещанию. Часто, без сомнения, она устраивала парады на открытых площадках вокруг дома собраний или на полях Джозефа Хатчинсона после сбора урожая. Она маршировала и контрамаршировала по соседним дорогам. О ней думали почти так же, как о "церкви", ее возглавляли те же люди, и состояла она из тех же людей. Обычно в конце парада, перед тем как разойтись, капитан давал объявления о молитве, церковных, или приходских собраниях. Такие люди, как Ричард Лич, Томас Фуллер и Натаниэль Путнам, считали за честь носить звания в этой роте; и с гордостью носили их всю жизнь, будь то капрал, сержант, лейтенант или капитан.

В самом начале была сформирована рота солдат, состоящая из жителей деревни и соседних поселений. В колониальных записях под датой 8 октября 1662 года мы находим следующее: "Мистер Джордж Корвин - капитан, мистер Томас Путнам - лейтенант, мистер Уолтер Прайс - корнет, были представлены этому суду как выбранные войсками Салема, Линна и т. д., и суд разрешает и одобряет их". В описи капитана Корвина, которая уже приводилась выше, указано, какую стильную форму он носил в качестве капитана войск. Каждый из офицеров был состоятельным человеком, и можно не сомневаться, что парад роты был щегольским зрелищем. С течением времени ряды роты поредели, а офицеры были смещены, но в октябре 1678 года была предпринята энергичная и успешная попытка возродить роту. Тридцать шесть человек, принадлежавших, по их словам, "к резерву старого отряда Салема" и очень желавших "быть полезными Богу и стране", обратились в Генеральный суд с просьбой реорганизовать их в конный отряд и выдать им необходимые поручения. Они просят назначить Уильяма Брауна-младшего капитаном, а капрала Джона Путнама - лейтенантом. Прошение было удовлетворено, и комиссии выданы. Прошение подписали Энтони Нидхэм, Питер и Иезекииль Чивер, Томас Флинт, Томас и Бенджамин Уилкинс, Томас и Джейкоб Фуллер, Джон Проктер, Уильям Осборн, Томас Путнэм-младший и другие жители ферм. Названные офицеры были людьми состоятельными и энергичными, и рота солдат держалась до тех пор, пока не исчезла всякая опасность со стороны индейцев или других врагов.

Очень заметно, как военный дух, которым так рано прониклась эта сельская община, передавался из поколения в поколение. Израиль Путнам, знаменитый герой революции, сын Джозефа, который был младшим братом сержанта Томаса и дьякона Эдварда Путнама, родился в этой деревне. Его брат Дэвид, намного старше его самого, процветавший в период, предшествовавший революции, был знаменитым кавалерийским офицером. Полковник Тимоти Пикеринг среди воспоминаний о своем детстве упоминал, что Дэвид Путнам "ездил на лучшей лошади в провинции". Генерал Руфус Путнам, внук дьякона Эдварда, был выдающимся бригадиром в армии Революции. Немного найдется офицеров той армии, чьи имена удостоились большей чести, чем его, из-под пера Вашингтона: и похвала от него была действительно похвалой, потому что она, как и все другие его суждения, была результатом тщательного и разборчивого наблюдения. В письме президенту Конгресса, датированном "В лагере над Трентонским водопадом, 20 декабря 1776 года", он говорит о том, что из-за небрежного отношения правительства к созданию инженерного департамента "полковник Путнэм, возглавлявший его, уволился и принял полк в штате Массачусетс". Он выражает мнение, что квалификация Путнама как военного инженера превосходила квалификацию любого другого человека, о котором он знал, и намного превосходила квалификацию иностранных офицеров, которых он видел. В том же письме, датированном 12 июля 1777 года "Помптон Плейнс", говоря об армии генерала Шуйлера, он отмечает: "Полковник Путнэм, как я полагаю, будет с ним до этого, поскольку его полк входит в бригаду Никсона, который будет отвечать всем требованиям, которые он может предъявить к инженеру в этот кризисный момент". Высокое мнение Вашингтона отразилось на его повышении в звании бригадного генерала. По окончании войны он вернулся к гражданской жизни, но вскоре был отозван и вновь назначен бригадным генералом. Вашингтон почувствовал в нем необходимость. В письме генералу Ноксу, военному секретарю, от 13 августа 1792 года он пишет: "Генерал Патнэм заслуживает благодарности, по моему мнению, за свой план и высказанные им соображения о том, что он считает правильным способом ведения войны против враждебных народов индейцев; и я желаю, чтобы он продолжал предоставлять их без промедления в будущем". Во время правления Вашингтона в соответствии с Конституцией Руфус Патнэм занимал должность генерального геодезиста

Соединенных Штатов. Помимо своей военной репутации, он навсегда останется в памяти как первый поселенец Мариетты и основатель штата Огайо.

Израиль Хатчинсон родился в 1727 году. В 1757 году он был одним из разведчиков под командованием своего соседа, капитана Израэля Херрика, который пробирался через дикую местность штата Мэн, ведя опасную войну с индейцами. Он сражался при Тикондероге и на озере Джордж, а также был вместе с Вулфом, когда тот поднялся на Авраамовы высоты. Утром 19 апреля 1775 года он возглавил роту миноносцев, которые встретили и сразили англичан во время их кровавого отступления из Лексингтона. Он принимал активное участие в осаде Бостона, а после его освобождения принял командование в форте Хилл. После этого он командовал фортами Ли и Вашингтон. На протяжении всей войны он, как и оба Путнама, пользовался доверием своего главнокомандующего. В течение двадцати одного года он избирался то в одну, то в другую ветвь законодательного собрания, то в Совет. Его отличали учтивость манер и достоинство речи. Полковник Енох Патнэм также участвовал в битве при Лексингтоне и с честью прослужил всю Революционную войну, как и капитан Иеремия Патнэм, оба они потомки Джона. Капитан Сэмюэл Флинт был среди храбрейших из храбрых при Лексингтоне, вызывая всеобщее восхищение своей неустрашимостью; он пал во главе своей роты при Стиллуотере 7 октября 1777 года.

Известие о том, что 19 апреля 1775 года англичане двинулись на Лексингтон, достигло нижней части Дэнверса около девяти часов утра. С быстротой, совершенно удивительной, если учесть расстояния, на которые были разбросаны жители, пять рот, полностью организованных и экипированных, - в каждой из которых были жители деревни, - поспешили на поле боя, чтобы вовремя встретить отступающего врага в Западном Кембридже. Это был беспрецедентный митинг и марш, который еще никогда не был превзойден. День был чрезвычайно знойным для этого времени года; расстояние, пройденное многими людьми из деревни, прежде чем они вступили в бой, не могло быть меньше двадцати миль. Семь человек, принадлежавших к роте Дэнверса, были убиты, остальные ранены. В тот день Дэнверс принес в крещенскую жертву американской свободе больше, чем любой другой город, кроме Лексингтона; и ни один город, представленный в этой сцене, не был более отдаленным. Из мужчин, павших по этому случаю, следующие, по-видимому, были из этой деревни: Сэмюэл Кук, Бенджамин Даланд и Перли Путнам, последний - потомок Джона. Их тела были доставлены домой и похоронены с подобающими почестями; две роты из Салема и военные отряды из Ньюберипорта, Эймсбери и Солсбери приняли участие в церемониях и отдали солдатскую дань их славе, произведя залпы над их закрытыми могилами.

Мозес Портер, когда ему было восемнадцать лет, привлек к себе внимание своей героической храбростью и несгибаемым упорством при Банкер-Хилле. Он служил в артиллерийской роте и не бросил свое орудие, когда почти все остальные пали. Его страна так и не позволила ему бросить ее впоследствии. С того самого дня он носил комиссарство в армии Соединенных Штатов. Его оставляли на при каждом установлении мира, всегда в артиллерии, и он возглавлял эту армию в течение долгого времени, вплоть до дня своей смерти. Он участвовал в сражении при Брандивайне и был ранен в последующем бою на берегу Делавэра. Он был с Уэйном в его кампании против западных индейцев и получил свою долю славы, которая увенчала ее в последнем кровавом и решающем конфликте. Во время войны 1812 года он возглавлял артиллерию, активно служил на Ниагарской границе, а 10 сентября 1813 года был награжден бrevetом "за выдающиеся заслуги". В 1814 году он командовал в Норфолке, в штате Вирджиния, и заслужил большую благодарность за умение и бдительность, с которыми он удерживал этот важнейший пункт обороны побережья. После

войны он последовательно возглавлял каждую из географических военных дивизий страны. Он умер в Кембридже, штат Массачусетс, в 1822 году, командуя Восточным департаментом, недалеко от места своей юношеской славы, за сорок семь лет до этого. Ни один человек, сражавшийся у Банкер-Хилла, не оставался так долго солдатом Соединенных Штатов. Ни один человек не имел столь продолжительного послужного списка, и он с самого начала и до конца был наполнен честью. Его превосходная репутация дисциплинированного артиллериста высочайшего класса неизменно поддерживалась. К суровым качествам, требуемым профессиональным долгом, он добавил изысканную урбанистичность манер, достойный и властный вид и осанку. Его прах покоится под дерном на родовых акрах в Салем-Виллидж.

Когда началась великая война за подавление восстания южан и на карту была поставлена жизнь Союза, тот же старый дух не ослабел. Потомок рода Раймондов, следуя примеру своих предков, призвал свою роту на фронт. В конце войны подполковник Джон У. Реймонд вернул под командование остатки своего полка ветеранов с его оборванными знаменами; двое его предшественников на этом посту пали в бою. Юный патриот Уильям Лоуэлл Патнэм, павший при Баллс-Блафф 21 октября 1861 года, был прямым потомком Натаниэля Патнэма. Интересно, что имена тех, кто двести лет назад тренировался в пешей роте и с кавалеристами на полях и дорогах вокруг деревенского дома собраний, вновь появились в лицах их потомков, в высших чинах и с непревзойденными отличиями, в трех великих войнах Америки: генерал-майор Израэль и бригадный генерал Руфус Путнам в войне за революцию; бригадный генерал Мозес Портер в войне 1812 года; генерал-майор Грэнвилл М. Додж - в войне с мятежниками. Последний - потомок героя битвы с narraгансеттами, родился и получил образование в деревне Салем.

Мы уже упоминали о нескольких судебных процессах, в частности, по земельным делам. Возможно, они в какой-то степени указывают на компоненты, усугубившие ужасные сцены, которые мы готовимся наблюдать. Они служили для поддержания общего интеллекта общества в период, когда мы были лишены таких средств информации, как сейчас. Посещение судебных заседаний, работа в жюри присяжных, дача показаний на процессах сами по себе играют немаловажную роль в воспитании народа. Принципы и вопросы, имеющие огромное значение, привлекают всеобщее внимание, становятся темами для обсуждения в местах сбора и у частных каминов. Жители деревни в полной мере пользовались этим материалом. Такова была их судьба - будоражить умы и в большей или меньшей степени страсти особыми местными спорами. Как у религиозного общества, у них были сложные разногласия с материнской церковью и городом Салем. В то время как они поддерживали служителя и пытались построить дом собраний для себя, предпринимались попытки обложить их налогом, чтобы поддержать служителя и построить новый дом собраний в городе. Естественно, они не хотели расставаться с ними, и долго не могли прийти к соглашению. Большая удаленность многих фермеров от города не позволяла им пользоваться тем влиянием, которое они считали своим правом на участие в городских делах. Они чувствовали, что во многих отношениях их интересы не совпадают, а в некоторых и вовсе расходятся. Эти темы много обсуждались, и порой с большим чувством с обеих сторон. Сохранившиеся документы, касающиеся этой темы, показывают, что фермеры понимали ее во всех аспектах и отстаивали свою позицию с ясностью восприятия и твердостью аргументов и выражений. Одно время они очень хотели, чтобы их выделили в отдельный город, но этого нельзя было допустить; и в конце концов был достигнут своего рода компромисс. Было принято решение о частичном отделении - полумуниципалитете. В результате появилась деревня Салем.

В 1670 году в город поступило прошение с двадцатью подписями о выделении его в отдельный приход и предоставлении права самостоятельно назначать священника. В марте 1672 года город удовлетворил эту просьбу, а в октябре следующего года Генеральный суд одобрил проект и придал ему законную силу. Граница, согласованная между городом и деревней, в основном определена голосованием первых, которое гласило следующее: "Все фермеры, которые в настоящее время или в будущем будут готовы объединиться для обеспечения священника между собой, чьи жилища находятся выше Ипсвичского шоссе, от конного моста до деревянного моста, в верхнем конце равнины мистера Эндикотта, и оттуда по западной линии, должны иметь право иметь священника самостоятельно; и когда они обеспечат и заплатят ему содержание, тогда они будут освобождены от своей части содержания салемиских священников" и т.д. Конный мост" был переброшен через реку Басс. Деревянный мост" находился в верховьях реки Коу-Хаус или Эндикотт. Ипсвичское шоссе проходит от одного из этих пунктов до другого. На [карте](#) показана южная линия, проходящая за деревянным мостом. Все, что находится к северу от этой линии и от Ипсвичского шоссе между мостами, до границ Беверли и Уэнхема на востоке; Топсфилда, деревни Роули, - с тех пор как появился Боксфорд, и Андовера на севере; и Рединга и Линна на западе, - это и есть деревня. Миддлтон, присоединенный впоследствии, поглотил большую часть ее западной части; но во время колдовского заблуждения деревня была ограничена так, как описано выше и как показано [на карте](#). Было определено время, когда фермеры должны были освобождаться от всех сборов в пользу материнской церкви, то есть как только они обеспечивали содержание священника и возводили собственный дом собраний. Далее было оговорено, что жители деревни не должны создавать церковь до тех пор, пока служитель не будет рукоположен; и что они не должны селить служителя на постоянной основе без одобрения старой церкви и ее согласия на рукоположение. Это последнее ограничение, возможно, стало причиной всех последующих бед.

Из-за, как уже говорилось в другой связи, ошибочных представлений о топографии страны; некомпетентности, возможно, в некоторых случаях, землемеров; и отсутствия должного внимания со стороны Генерального суда и городов к четкому определению границ, - неопределенность и противоречивые претензии возникли в различных частях колонии, но нигде в большей степени, чем здесь. Деревня оказалась вовлечена в споры о границах с каждым из своих соседей, что порой приводило к большому раздражению. Документы, составленные по этим вопросам, как они представлены в книге записей деревни, написаны с умением и показывают, что среди них были люди, которые умели выражать и отстаивать свои взгляды. Простой, ясный, хорошо продуманный стиль показаний Натаниэля Ингерсолла в судебных материалах по многочисленным делам делает неправдоподобным тот факт, что его перо было востребовано. Сержант Томас Путнам, приходской регистратор, как его иногда называли, был хорошим писателем. Его почерк, хотя и не отличается красотой, необычайно однороден, полон, открыт и ясен, настолько легко читаем, что встреча с ним доставляет удовольствие; а его предложения хорошо построены, просты, сжаты и соответствуют цели. Его слова точно передают его смысл. Ни в одном государственном органе не было лучшего секретаря. Так или иначе, он и другие люди, выросшие в лесу, сумели добиться значительной эффективности в использовании пера. Возможно, немногих, у кого, как и у него, родители могли себе это позволить, отправили в Ипсвич или Чарльзтаун, чтобы они могли насладиться привилегиями того, что Коттон Мазер называет "чеверским образованием".

Южная граница деревни должна была проходить на запад от Ипсвичской дороги до Линна, и, соответственно, о ней говорили "по западной линии". В первоначальном виде она определялась перечислением множества объектов, таких как деревья разных видов и

размеров, и проходила через земли Джона Фелтона, Натаниэля Путнама и Энтони Нидхэма, до "сухого пня, стоящего на углу коровника вдовы Поуп, оставляя ее дом и лесопилку в пределах фермерского участка", и так далее до "вершины холма на стороне шоссе возле Берри-Понд". Из-за переменчивых условий некоторых объектов и разнообразия методов, принятых геодезистами, - многие из них не знали или не учитывали отклонения компаса - возникли разногласия с городом-матерью: некоторые владельцы, например Гарднеры, сомневались, как линия их касается; и, как следствие, было много беспокойства. Линия не была точно проведена до 1700 года.

Примечательно, что "лесопилка" до сих пор работает на том же месте. Коровник", находившийся на южной стороне мельницы, более века назад был перенесен на северную сторону, где и остался с тех пор. Это поместье хранит интересные воспоминания. В январе 1640 года оно было первоначально предоставлено Эдварду Норрису, когда он стал пастором Первой церкви в Салеме. В 1654 году он продал его Элеоноре Труслер. Затем участок перешел во владение Генри Фелпса, который в 1664 году продал его Джозефу Поупу. Его вдова, Гертруда, владела им в 1672 году. В 1793 году Элеазер Поуп продал участок Натаниэлю Ропсу, сыну судьи Ропса из Салема. Его наследники продали ее обратно Фелпсам, и теперь она находится во владении преподобного Уилларда Сполдинга из Салема. Изначально подаренная священнику старого города в качестве подарка при посвящении в сан, она, по прошествии двухсот двадцати шести лет, попала в руки другого человека. Дом, в котором папы прожили сто двадцать девять лет, а сменившие их семьи - еще более полувека, - почтенный и живописный образец сельской архитектуры в ее лучшем виде самых ранних времен, - в течение последних десяти лет уступил место новому на том же месте. В этом старом доме, помимо бесчисленных и неизвестных случаев подобного рода, Израэль Патнэм проводил свои ухаживания; здесь же 19 июля 1739 года он был женат на Ханне, дочери Джозефа Поупа.

Борьба за свои права со старой церковью, пограничными городами и собственным городом, как в только что упомянутом случае, несомненно, оказывала дурное влияние на нравы людей, периодическими расходами, которые поглощали их средства, и инцидентами, которые сеяли семена личной вражды; подготавливая почву для ужасного потрясения, которое было уже близко. В то самое время, когда разразилось колдовское безумие, они находились в состоянии кризиса, вызванного раздражающим конфликтом с Топсфилдом, причиной которого стала обида, нанесенная им Генеральным судом. Это требует объяснения, которое может быть дано на основе сопоставления известных фактов.

3 марта 1636 года Генеральный суд принял постановление о том, что границы Салема, Ипсвича и Ньюбери должны простираться на шесть миль вглубь страны. Впоследствии это было определено как то, что "шестимильная протяженность", как это было названо, должна измеряться от домов собраний соответствующих городов. 5 ноября 1639 года Генеральный суд принял постановление в таких словах: "Учитывая, что жители Салема согласились основать деревню у реки, текущей в Ипсвич, постановляется, что вся земля у их границ между Салемом и упомянутой рекой, не принадлежащая какому-либо другому городу или лицу на основании прежнего пожалования, должна принадлежать упомянутой деревне". Опираясь на это постановление, фермеры этой части Салема вывели поселения за "шестимильную границу", на землю, которая была им обещана; расчистили леса, построили дома, привели землю в порядок, возвели мосты, провели дороги и выполнили свою часть договора, подготовившись к основанию своей деревни. Через четыре года после того, как Генеральный суд обязался предоставить "жителям Салема" привилегии организации деревни на землях между "Салемом и упомянутой рекой", они разрешили некоторым

жителям Ипсвича, , которые уехали туда, основать деревню на этой территории, независимо от салемцев. Это было неоправданным и грубым нарушением оговоренного соглашения со стороны Генерального суда, поскольку из их собственных записей следует, что салемские фермеры незамедлительно выполнили условие со своей стороны, отправившись непосредственно на землю и заведя там фермы еще до 1643 года. Эта небрежная и неоправданная процедура Генерального суда стала причиной бесконечных проблем и раздоров на участке между границами Салема и рекой, внесла элементы раздора и придала окраску юридического оправдания конфликту властей между салемскими и ипсвичскими людьми. Это посеяло семена вражды, которые усугубили сцены, произошедшие в деревне Салем в 1692 году. В 1658 году Генеральный суд принял постановление о создании города Топсфилд, включив большую часть этих земель в его пределы. На протесты салемских фермеров, которые без их согласия оказались навсегда лишены обещанных им благ, отрезаны от всякой связи с городом Салем, к которому они изначально принадлежали, и помещены на окраине другого города, никто не обратил внимания. Это был явный случай неправоты, и его следовало исправить. Но общественные организации с большей неохотой, чем частные лица, признают свою вину. Жители деревни Салем присоединились к искренним протестам против действий Генерального суда. Старый город Салем объявил на всенародном голосовании, что всегда считал спорные земли принадлежащими деревне, которую, по обещанию Генерального суда, образовали его жители. Но все было тщетно. Не удалось добиться ни исправления ситуации, ни возмещения ущерба. Борьба с этой несправедливостью продолжалась еще некоторое время после того, как закончились случаи колдовства, и в конце концов была прекращена постановлением суда, согласно которому жители этой территории могли поддерживать приходские отношения с деревней Салем или с Топсфилдом по своему усмотрению. Полного удовлетворения не было до тех пор, пока в 1728 году, в соответствии с их прошением, они не были объединены в городское поселение под названием Миддлтон, к которому были добавлены части Топсфилда, Боксфорда и Андовера. В течение полувека эта обида оставалась неурегулированной. Как свидетельствуют записи, в своих публичных действиях деревня проявляла мастерство, умение и твердость. Но конфликты между отдельными сторонами были жестокими и ожесточенными. Поселенцев Салема призвали платить приходские и городские сборы в Топсфилд, но они отказались это делать. Констебли и сборщики налогов не подчинялись. Топсфилд дошел до того, что стал претендовать не только на незанятые земли, но и на земли внутри ограды, с домами на них, с семьями в них, с фруктовыми садами и полями вокруг них, как на часть своих "общин"; и он оспаривал титулы, данные Салемом. Конечно, в разных формах вопрос передавался в окружные суды; но иногда, есть основания полагать, дело доходило до более грубого арбитража, в глубине леса, между человеком и человеком.

Джон Патнэм отправился заселять земли между "шестимильной протяженностью" Салема и рекой Ипсвич. С ним отправились и несколько его сыновей. У них было два жилых дома, они возделывали луга, сады и т. д. Исаак Бертон рассказывает, что однажды, находясь рядом с домом Джона Николса, он услышал, как в лесу упало дерево; он пошел посмотреть, кто там рубит. Оказалось, что Джейкоб Таун и Джон Хау, люди из Топсфилда, пришли наперекор Джону Путнаму и срубили дерево у него на глазах. Поскольку их было двое на одного, Путнэму пришлось проглотить оскорбление, но он был не из тех, кто может оставить все как есть. Вскоре он вышел на улицу, сопровождаемый достаточным количеством сыновей и племянников, и принялся валить деревья. Звуки топоров донеслись до ушей мужчин из Топсфилда, и Айзек Исти-старший, Джон Исти, Джон Таун и Джозеф Таун-младший взялись пресечь эту операцию. Прибыв на место, они предупредили Путнама, чтобы он не рубил лес. Он ответил: "Лес, который сейчас и здесь срублен, срублен мной и по моему приказу"; и далее он заявил: "Я буду продолжать рубить и возить с этой земли до следующего марта".

Они спросили его: "Что, насильно?" Он ответил: "Да, насилием. Вы можете подать на меня в суд: вы знаете, где я живу"; и, повернувшись к своей компании, он сказал: "Пойдемте". Путнамы, очевидно, были сильнее; и люди из Топсфилда, подсчитав силы, пришли к выводу, что в тот момент благоразумие было лучшей частью доблести. Подобные сцены происходили на спорной земле на протяжении целого поколения. Нет ничего удивительного в том, что разжигались самые разные виды вражды. Следует помнить о том, что Айзек Исти и его сын, а также Джон Таун и его сын составляли отряд Топсфилда в этом случае.

Не приходится сомневаться, что эти разногласия с окрестными городами, церковью-матерью и самим Генеральным судом постепенно привели к очень плохому настроению. На людей произвело глубокое впечатление убеждение в том, что они были несправедливы по отношению ко всем и всегда. Они чувствовали, что весь мир настроен против них; и когда под воздействием целого ряда дурных влияний на них, казалось, вырвался на свободу сам ад, неудивительно, что они были доведены до смятения.

Наконец, мы подошли к той главе истории деревни Салем, которая приведет нас непосредственно к заблуждению о колдовстве. Ее религиозная организация была своеобразной; и, хотя она была создана в соответствии с определенным соглашением, принятым Генеральным судом, в одной или двух чертах она полностью отличалась от церковного устройства, которое жестко соблюдалось в других местах. Это была община, которой на время было запрещено иметь церковь. Это было общество для отправления религиозных обрядов, управляемое не профессорами религии или лицами, рассматриваемыми в религиозном свете, а домохозяевами. Жителям деревни это нравилось, пожалуй, даже больше, чем раньше; и они с готовностью взялись за дело. Джозеф Хоултон подарил приходу пять с половиной акров земли в центре деревни для использования священником. Был построен пасторский дом: "сорок два фута в длину, двадцать футов в ширину, тринадцать футов в ширину, четыре дымохода, без фронтонов". По обычаю, к домам пристраивали навесы, обычно с северной стороны; в конце концов такой навес был пристроен и к пасторали. Внутри дома был разбит сад. Джозеф Хатчинсон выделил акр из своего обширного луга под дом собраний, и он был возведен: "тридцать четыре фута в длину, двадцать восемь футов в ширину и шестнадцать футов между косяками". Были добавлены две торцевые галереи, а над кафедрой установили "навес". Материнская церковь, построив в то же время новый дом собраний, решила отдать "фермерам их старую кафедру и места дьяконов", которые были привезены и должным образом установлены. В ходе этой процедуры между ними возникли небольшие разногласия по поводу деталей, но не больше, чем обычно бывает в таких случаях. Для того чтобы сразу же рассказать обо всем, что может потребоваться сказать о домах собраний в деревне, позволим себе упомянуть, что первоначальное здание не пережило века. В 1700 году, отчасти потому, что рост общества стал требовать этого, но в основном, несомненно, чтобы избавиться от болезненных ассоциаций, которые стали с ним связаны, был построен новый дом собраний на другом месте. Старое здание было разобрано на все съемные части, а участок отошел к Джозефу Хатчинсону. Предполагается, что он перенес каркас на другую сторону дороги и превратил его в сарай; и так он использовался до тех пор, пока, по воспоминаниям ныне живущих стариков, не заплесневел, не рассыпался в порошок и не опустился на землю. После превращения в сарай он стоял на южной стороне дороги, почти напротив усадьбы Джозефа Хатчинсона. Жилище Хатчинсона, вероятно, находилось на некотором расстоянии в поле, где до сих пор видны остатки старого погреба. Натаниэль Ингерсолл предоставил землю для строительства нового дома собраний. В записях есть решение о том, что он "будет стоять на холме Сторожевой башни, перед дверью дьякона Ингерсолла". С тех пор на этом месте стоят дома собраний общества. В то время это было возвышенное место, вероятно, покрытое

первозданным лесом, так как работа по расчистке, выравниванию и подготовке его к заселению была настолько значительной, что требовала особого положения. Труд и расходы, связанные с этой операцией, легли на плечи той части общины, которая была приближена к дому собраний в результате изменения места.

Выдвигая свое прошение о выделении в самостоятельный приход, отличный от Первой церкви в Салеме, жители деревни заявили, что если среди них не будет учреждено служение, то они вскоре "станут хуже язычников, окружающих их". Они и представить себе не могли, какие немедленные, продолжительные и ужасные последствия должны были последовать за благодеянием, о котором они молились. Учреждение служения среди них было не просто открытием ящика Пандоры: оно опустошило и потрясло его над их головами. Оно привело их в состояние горечи и насилия, смятения и судорог, ужаса и несчастья, жестокости и бесчинств, худших, чем когда-либо испытывали язычники или причиняли дикари.

Джеймс Бейли из Ньюбери, родившийся 12 сентября 1650 года, выпускник Гарвардского колледжа 1669 года, был нанят для проповеди в этой деревне. В октябре 1671 года он перенес свои отношения из церкви в Ньюбери в Первую церковь в Салеме. Похоже, что несколько влиятельных людей в деревне были недовольны тем, как его выдвинули, и стали относиться к нему с предубеждением. Недовольство не было устранено, но оно пустило глубокие корни в их умах. Вскоре приход стал ареной одного из тех жестоких и горячих раздоров, которым иногда подвержены религиозные общества. Несчастливая распря усугублялась изо дня в день, пока не распространила отчуждение и ярость по всей деревне. Большинство жителей все время поддерживали Бейли, но меньшинство было непримиримо. Из года в год его приглашение проповедовать возобновлялось. В конце концов, споры разгорелись настолько, что потребовались определенные меры. 10 марта 1679 года обе стороны обратились за советом к материнской церкви. Один документ был представлен его противниками - шестнадцатью, другой - его друзьями - тридцатью девятью подписями. Была еще одна, также в его пользу, подписанная десятью людьми, живущими рядом, но не в черте деревни. Хотя число его противников было намного меньше, чем друзей, среди них были такие люди, как Натаниэль Патнэм и Брей Уилкинс, обладавшие большими состояниями и семьями, а также большим общим влиянием; очевидно, что Первая церковь не была склонна полностью игнорировать их. В записях этой церкви говорится: "Было много волнения с обеих сторон, и братья говорили о разных вещах; но дело было долгим, и многие братья ушли, мы не могли принять церковный акт совета по этому делу; поэтому оно было оставлено до другого раза". На собрании 22 апреля Салемская церковь посоветовала меньшинству "пока подчиниться общему мнению", но когда там будет образована церковь, "тогда они смогут выбрать его или любого другого". Этот совет, похоже, не удовлетворил ни одну из сторон, и ссора продолжилась с новой силой с обеих сторон. В конце концов, она достигла такого накала, что возникла необходимость вынести ее на рассмотрение Генерального суда. В этом органе было проведено расследование всего дела, и были представлены все документы, относящиеся к нему. Они довольно объемны и хранятся в офисе государственного секретаря в Бостоне. Эти интересные и любопытные документы иллюстрируют энергию действий обеих сторон и, вероятно, дают наилучшее представление о первоклассном приходском споре былых времен.

Генеральный суд решительно взялся за дело. Они приняли решение в пользу Бэйли, которого объявили "ортодоксальным, компетентным и способным, а также непорочным и самоотверженным"; и они "постановили, чтобы мистер Бэйли оставался священником этого места, и чтобы ему было выделено шестьдесят фунтов в год на его содержание, одна треть из

которых - деньги, а две трети - провизия всех видов, необходимая семье, по равным ценам, и топливо для его семьи; эта сумма должна быть выплачена жителями этого места". Это было на тринадцать фунтов в год больше, чем друзья Бейли когда-либо голосовали за него. Чтобы окончательно убедиться в этом, Генеральный суд потребовал от прихода выбрать трех или пять человек для распределения доли каждого в налоге для обеспечения шестидесяти фунтов: а если возникнут трудности с набором людей для выполнения этой обязанности, они назначили действовать в этом случае мистера Бэттера, капитана Джонатана Корвина. Бэттера, капитана Джонатана Корвина и капитана Прайса из старого прихода Салема; и предоставили широкие полномочия констеблю деревни или маршалу графства обеспечивать сбор налога путем наложения ареста и ареста, если кто-либо будет пренебрегать или отказываться выплатить начисленную ему сумму. Для большей уверенности в том, что мистер Бэйли получит свои деньги, они распорядились, чтобы "вся плата вносилась в пользу министерства двумя лицами, выбранными домохозяевами для замещения дьяконов на время, которые должны считаться с народом и доставлять ее указанному министру или его приказчику". Это соглашение о назначении дьяконов должно было "продолжаться до тех пор, пока суд не примет дальнейшего решения или пока в этом месте не будет собрана и утверждена церковь Христа". Такая процедура суда была довольно бесцеремонным применением власти даже для тех дней; а передача полномочий по назначению должностных лиц с титулом и характером дьяконов простым домохозяевам, где не было ни церкви, ни организованного тела исповедующих веру, полностью противоречила всему духу церковной системы, действовавшей тогда и жестко поддерживаемой во всех других местах колонии. Суд, по-видимому, сам был встревожен тем, до какой степени он дошел, принуждая мистера Бэйли к жителям деревни Салем, и в завершение опустил до следующей оговорки: "Это постановление будет действовать только один год, начиная с последнего сентября прошлого года". Датой постановления было 15 октября 1679 года. Он действовал менее года. В конце концов, не дойдя до конца, приказ превращается в простую рекомендацию мистера Бейли. "Тем временем все стороны", как надеются, "постараются договориться с ним или с каким-нибудь другим встречным человеком, чтобы он стал их священником"; но Генеральный суд заботится о том, чтобы закончить дело, требуя "пять фунтов за рассмотрение дела, причем все жители деревни должны в равной степени нести свою долю".

Хотя неосмотрительно предоставленная таким образом власть домохозяевам была должным образом отмечена, очевидно грозные действия суда ничуть не встревожили оппозицию и ни в малейшей степени не умерили ее пыл. Домовладельцы, как и прежде, решали все вопросы, связанные с министерством, на общих собраниях жителей. Они сразу же приступили к избранию двух дьяконов. "Одним из них стал капрал Натаниэль Ингерсолл; он продолжал занимать этот пост в приходе и в церкви в течение сорока лет.

Поскольку на постановление Генерального суда не было обращено никакого внимания, поскольку оно пыталось закрепить мистера Бейли за приходом; поскольку церковь в Салеме не могла взять на себя ответственность рекомендовать его рукоположение перед лицом такой оппозиции; и поскольку не могло быть и речи о том, чтобы примириться или уменьшить ее, мистер Бейли решил выйти из конфликта и покинуть поле боя; его служение в деревне подошло к концу. В качестве доказательства того, что жар этого затянувшегося спора не уничтожил все справедливые и внимательные чувства в умах людей, я привожу содержание документа, найденного в реестре Эссекса. Заметим, что одной из сторон документа является самый известный из противников мистера Бейли, Натаниэль Путнэм.

"Томас Путнэм-старший, Натаниэль Путнэм-старший, Томас Фуллер-старший, Джон Путнэм-старший и Джозеф Хатчинсон-старший. Договор дарения мистеру Джеймсу Бейли.

Принимая во внимание, что мистер Джеймс Бейли, служитель Евангелия, ныне проживающий в деревне Салем, уже несколько лет занимается своими дарами, проповедуя среди нас, будучи призван к этому жителями этого места; и когда упомянутый мистер Бейли впервые появился среди нас, мы, вышеупомянутые, предоставили упомянутому Бейли во владение подходящий участок земли и луга, чтобы ему было удобнее жить среди нас. Но Божье провидение распорядилось так, что упомянутый мистер Бэйли не продолжает среди нас работу служения, однако, принимая во внимание все обстоятельства, и в качестве свидетельства нашей доброй привязанности к упомянутому мистеру Бэйли, и как полное удовлетворение всех требований нас или любого из нас, земли, относящейся к помещениям, делаем настоящими подарками полное предоставление, и так далее, упомянутому Бэйли "двадцать восемь акров возвышенности, и тринадцать акров луга в общей сложности. Несколько участков описаны в договоре и представляют собой очень ценное имущество. Документ датирован 6 мая 1680 года. [На карте](#) отмечена резиденция мистера Бейли. Земля, на которой он стоял, принадлежала к части, внесенной Натаниэлем Путнамом, а несколько акров перед ней - Джозефом Хатчинсоном. Он продолжал владеть своей собственностью в деревне и иногда занимал ее в течение нескольких лет после событий, связанных с колдовством. Он оставил служение и занялся медициной, которую практиковал в Роксбери. Он умер 17 января 1707 года.

Из приходских записей или из массы бумаг, хранящихся в архиве Государственного департамента, нелегко установить точную причину упорных споров о нем. Очевидно, что они начались в связи с какими-то предполагаемыми нарушениями в процедурах, которые привели к его первому соглашению проповедовать в деревне. Есть намеки на то, что по тону и стилю своей проповеди он не вполне соответствовал требованиям некоторых. Возражения, похоже, были не против его талантов или образованности, а скорее против того, что он не овладел с достаточной яростью, не справился с достаточным рвением и теплотой с теми вопросами, которые тогда привлекли внимание. Одно или два выражения в бумагах, которые исходили от его оппонентов, кажется, намекают на то, что он не обладал той степенью строгости или суровости в своем облике или методах, которые считаются необходимыми для священника. Документы, хранящиеся в архиве окружного суда, позволяют понять, что обвинения против него имели именно такую форму. 4 апреля 1679 года Томас и Джон Путнэм, старшие, Дэниел Эндрю и Натаниэль Ингерсолл подали жалобу на Генри Кенни "за клевету на нашего священника, мистера Бейли, сообщив, что он не выполняет семейные обязанности в своей семье". Это было выражение, которое в то время использовалось для обозначения "семейных молитв". Одна молодая женщина дала следующие показания: "Находясь в доме мистера Бейли три недели подряд, я ни разу не слышала, чтобы мистер Бейли читал главу или объяснял какую-либо часть Писания, что очень огорчило меня". С другой стороны, трое мужчин и одна женщина свидетельствуют следующим образом: "В течение года, то больше, то меньше, с тех пор как мистер Бейли приехал в Салем-Фармс, мы жили в его доме, и мы свидетельствуем, что нам известно, что он постоянно исполнял семейные обязанности утром и вечером, если этому не мешала болезнь или какое-либо другое неизбежное провидение". Двое из вышеупомянутых свидетелей дают следующие более конкретные показания: "Мы свидетельствуем, - один из нас был пансионером в доме мистера Бейли, иногда в течение двух или трех лет, а другой прожил там около года с четвертью, - что мистер Бейли не только постоянно совершал семейные молитвы дважды в день, если этому не препятствовало какое-нибудь необычное провидение, но и иногда читал Писание и другие полезные книги, а также повторял в семье свои собственные проповеди, которые он читал в дни Господни; всегда старался поддерживать хороший порядок в своей

семье и образцово себя в нем вел." Свидетельства против Бейли впоследствии были признаны недостойными доверия, а в то время они были полностью опровергнуты неопровержимыми свидетельствами в его пользу. Из всех документов и разбирательств можно сделать вывод, что мистер Бейли был, по словам Генерального суда, "непорочного нрава". Среди бумаг есть его письмо к своим людям, в котором он сообщает о недовольстве некоторых и выражает готовность отказаться от своей должности, если тем самым будут соблюдены интересы общества. Это достойно его понимания, темперамента и характера.

Оппозиция мистеру Бейли заложила основу для всех последующих катастрофических и ужасных сцен. Его женой была Мэри Карр из Солсбери. Ее семье, помимо земли в этом городе, принадлежал большой остров в реке Мерримак, чуть выше Ньюберипорта, который до сих пор называется их именем, и который их потомки занимают по сей день. Миссис Бейли привезла с собой в деревню младшую сестру Энн, которая, едва достигнув шестнадцати лет, - 25 ноября 1678 года - вышла замуж за сержанта Томаса Путнама. Карры, очевидно, были хорошо образованными молодыми женщинами; и есть все основания полагать, что Энн обладала качествами, которые обеспечили ей большое влияние в частных кругах. Ее муж был старшим сыном самого богатого человека в деревне, имел самые влиятельные и обширные связи, состоял в роте солдат, участвовал в боях с нагарагансеттами и, как показывают его записи, был хорошо образованным человеком. Брак с ним привел его жену в центр большой семьи Путнэм; а поскольку ее сестра Бэйли была женой министра, в его поддержку была создана мощная комбинация. Противодействие, столь упорно оказываемое его поселению и казавшееся его друзьям, как и нам, столь неразумным, если не сказать извращенным, породило горькую обиду, которая распространялась из дома в дом. Все способствовало ее обострению. Игнорирование оппозицией совета старой церкви согласиться на его рукоположение, а также сильное одобрение его со стороны Генерального суда; и неспособность ни одного из этих органов взять на себя ответственность за проведение рукоположения - все это усилило недовольство и разочарование его друзей. Его связь по браку с таким широким влиянием, гармония и счастье общественной жизни делали его поселение настолько желанным, что его друзья не могли объяснить, почему ему сопротивляются. Его приятный характер, доказавший свою устойчивость против клеветы, и домашние утраты - потеря жены и троих детей - делали его дорогим для друзей. Из года в год более чем трое к одному искренне, настойчиво просили, чтобы его рукоположили; но то, что считалось недостойной фракцией, сумело воспрепятствовать этому. Все это глубоко запало в сердце жены сержанта Томаса Путнама. Она была женщиной возбудимого темперамента и своими талантами, рвением и личными качествами приводила всех, кто находился под ее влиянием, в состояние наивысшего раздражения. Об этом следует помнить, когда мы перейдем к деталям нашей истории. Это ключ ко всему последующему.

Друзья Бейли, уступив его решимости уйти с неприятной должности, не теряли надежды вернуть его, но возобновляли борьбу за это всякий раз, когда в сельском министерстве появлялась вакансия. Преследуя эту цель, они были достаточно неразумны и несправедливы, чтобы лелеять неприязнь к каждому, кто приходил ему на смену, и тем самым поддерживали роковые элементы раскола. Но следует ему сказать, что он, похоже, вовсе не был ответственен за действия своих друзей. Хотя он сохранил свое имущество в деревне и часто проживал там, нет никаких признаков того, что он принимал участие в последующих процессах или был хоть в малейшей степени связан с возникшими впоследствии проблемами. Чтобы вовлечь его в преследование за колдовство, были использованы всевозможные средства: на его обиды, если они у него были, ссылались, но

тщетно. Он сопротивлялся попыткам, которые были предприняты с большим эффектом в отношении одного из его преемников, чтобы возбудить его страсти против обвиняемых. Он держался в стороне от всего этого дела. Его имя нигде не фигурирует в качестве истца, свидетеля или действующего лица. Насколько можно судить, он был мирным, благоразумным, добрым и хорошим человеком; и если бы у жителей Салемской деревни хватило ума или им позволили его поселить, мир никогда бы не узнал о существовании такого места.

Джордж Барроуз в ноябре 1680 года был назначен проповедником в деревне Салем. Предполагается, что он родился в Скитуэйте, но его происхождение столь же неопределенно, сколь печальна его история и трагичен его конец. Он окончил Гарвардский колледж в классе 1670 года. То немногое, что о нем известно, говорит о том, что он был человеком способным и честным. Документы, хранящиеся в Палате представителей штата, доказывают, что в округе Мэн, где он жил и проповедовал до и после своего поселения в деревне, соседи относились к нему с доверием и считали другом и советчиком. Описаны некоторые случаи, доказывающие, что он был самоотверженным, щедрым и общественным духом, трудился в смирении и с рвением посреди больших лишений, разделяя со своими людьми насилие индейцев и испытывая все страдания незащищенного форпоста. В 1676 году во время проповеди в Каско (ныне Портленд) все поселение было разгромлено нападением индейцев. Тридцать два жителя были убиты или уведены в плен. Мистер Барроуз бежал на один из островов в заливе, откуда его спасла своевременная помощь с материка. Он написал рассказ о катастрофе, который Брайан Пендлтон передал губернатору и совету в Бостоне. В 1683 году он снова был в Каско, а в 1690 году, вновь изгнанный индейцами, перенес свои труды в Уэллс. Ему был выдан грант на сто пятьдесят акров земли, включенный в территорию нынешнего города Портленд. Когда население вблизи этого места стало увеличиваться, город обратился к нему с просьбой отказаться от части земли, получив взамен другие земли. В своем отчете об этой сделке они утверждают, что в ответ на их заявление мистер Барроуз сказал, что они могут пользоваться этим участком; он свободно отдал его, "не желая ни земли в другом месте, ни чего-либо другого в обмен на это".

На собрании прихода деревни Салем 10 февраля 1681 года было решено, что мистер Барроуз должен получить 93 фунта стерлингов. 6s. 8d. в год в течение трех лет и 60 фунтов стерлингов в год после этого. Я полагаю, что у него не было ни денег, ни какого-либо имущества. Пасторский дом не подлежал ремонту, и большая сумма за первые три года, составляющая 100 фунтов стерлингов, должна была быть выдана ему тремя частями, чтобы он мог обзавестись хозяйством. Сразу же по приезде в деревню он столкнулся с враждебностью тех людей, которые, будучи особыми друзьями мистера Бейли, позволили своим предрассудкам сконцентрироваться на его невинном преемнике. Неприязнь, проистекающая из этого источника, полностью деморализовала Общество и, помимо того, что сделала его в остальном очень неудобным для служителя, привела к пренебрежению и нарушению всех финансовых дел. В сентябре 1681 года умерла жена мистера Барроуза, и ему пришлось влезть в долги, чтобы оплатить ее похороны. Тарифы не собирались, а его зарплата была просрочена. Заключая договор с приходом, он позаботился о том, чтобы добавить в конце статей такие слова: "Все будет понятно, пока я буду иметь евангельскую поддержку". Не исключено, что между ним и служителями этой части страны не было симпатии. Он пришел к выводу, что созыв совета для наведения порядка не принесет никакой пользы; и, поскольку он был в отчаянии от того, что сможет исправить то зло, которое закрепилось за деревней, он решил отказаться от идеи добиться урегулирования своих счетов, полностью отказался от своих претензий и уехал из деревни.

На апрельском заседании суда в Ипсвиче в 1683 году комитет прихода подал прошение о помощи, заявив, что мистер Берроуз покинул их, и что они уже четыре субботы не служат в своем доме собраний. Они молили суд, чтобы "им было угодно написать мистеру Берроузу, требуя, чтобы он присутствовал на организованном слушании и прояснил дело", а также "явился к ним для отчета". Суд распорядился провести собрание жителей и написал мистеру Берроузу, чтобы он присутствовал на нем. Когда настал день, суд отправил письмо, которое должно было быть зачитано на собрании, предписывая сторонам "пересчитаться" и свести счета. О том, что происходило на этой любопытной встрече, лучше всего расскажут документы, хранящиеся в деле, которое поступило в суд. В них показаны действия, прервавшие "подсчеты" на собрании самым необычным образом:-.

[Окружной суд, июнь 1683 г. Лейтенант Джон Путнам *против* мистера Джорджа Берроуза. Иск о взыскании долга за два галлона канарского вина, ткани и прочее, купленные мистером Гедни на счет Джона Путнама для похорон миссис Берроуз].

"Показания.

"Мы, чьи имена указаны под записью, свидетельствуем и говорим, что на публичном собрании жителей фермы Салем 24 апреля 1683 года мы слышали, как было зачитано письмо, которое было прислано из суда. После того как упомянутое письмо было зачитано, вошел мистер Берроуз. После того как упомянутый Берроуз пробыл там некоторое время, он спросил, "приняли ли они совет суда, данный в письме, или отвергли его". Модератор ответил: "Да, мы согласны с ним"; и ни один человек не возразил против этого ни одному из наших слушателей. После того, как это было сделано, была проведена беседа о сведении счетов между упомянутым Берроузом и жителями, и о том, как они расстались в мире, и расстались в любви, как и сошлись в любви. Далее, мы говорим, что второй, третий и четвертый дни следующей недели были согласованы мистером Берроузом и жителями как дни, когда каждый человек должен прийти и посчитаться с упомянутым Берроузом; и поэтому они отложили собрание на последний из вышеупомянутых трех дней, во второй половине дня, чтобы затем публично составить весь счет.

"Мы далее свидетельствуем и говорим, что второго мая 1683 года мистер Берроуз и жители собрались в доме собраний, чтобы публично свести счета, согласно их договоренности на предыдущем собрании; и как раз когда упомянутый Берроуз начал приводить свои счета, вошел маршал и через некоторое время подошел к Джону Путнаму-старшему и зашептал ему, а Путнам сказал ему: "Ты знаешь, что тебе нужно делать: исполняй свой долг". Затем маршал подошел к мистеру Берроузу и сказал: "Сэр, я должен прочитать вам письмо". Затем он прочитал надпись и потребовал товар. Мистер Берроуз ответил, что у него нет товаров, которые он мог бы предъявить, и что он сейчас рассчитывается с жителями, потому что мы еще не знаем, кто задолжал, но вот его тело". Когда мы уже были готовы выйти из дома собраний, мистер Берроуз сказал: "Ну, что вы будете со мной делать?". Тогда маршал подошел к Джону Путнаму-старшему и сказал ему: "Что мне делать? Путнэм ответил: "Ты знаешь свое дело". Тогда Путнам подошел к своему брату, Томасу Путнэму, и потянул его за пальто; они вместе вышли из дома и вскоре снова вошли. Тогда Джон Путнэм сказал: "Маршал, возьмите своего пленника и отведите его в обычный, то есть общественный дом, и охраняйте его до утра".

(Натаниэль Ингерсолл, около пятидесяти лет.
Сэмюэл Сибли, около двадцати четырех лет.

"Первому из них я, Джон Патнэм-младший, свидетельствую, присутствуя на собрании".

Приведенный выше документ иллюстрирует общее положение семьи Путнэм во всех бедах прихода Салем-Виллидж. Томас и Джон были главами двух его отделений и участвовали в судебном процессе против Берроуза. Натаниэль, как правило, был на другой стороне в ходе различных споров, которые в итоге вылились в заблуждение о колдовстве. Его сын, Джон Патнэм-младший, в данном случае выступил в качестве свидетеля, дружелюбно настроенного к мистеру Берроузу. Натаниэль Ингерсолл, похоже, не был приверженцем ни одной из сторон. Его симпатии, как правило, были на стороне друзей Бейли, но в данном случае чувство справедливости заставило его выступить в защиту Берроуза. Другие показания таковы:.

"Свидетельство Томаса Хейнса, тридцати двух лет или около того. Свидетельствует и утверждает, что на собрании жителей Салемских ферм второго мая 1683 года, после того как маршал зачитал приписку Джона Путнама к мистеру Берроузу, мистер Берроуз спросил Путнама, "за какие деньги он его приписал". Джон Патнэм ответил: "За пять фунтов и другие деньги у Шиппена в Бостоне, за тринадцать шиллингов у его отца Гедни и за двадцать четыре шиллинга у миссис Дарби"; тогда встал Натаниэль Ингерсолл и сказал: "Лейтенант, я удивляюсь, что вы прикрепili мистера Берроуза за деньги у Дарби". Берроуза за деньги у Дарби и вашего отца Гедни, когда, насколько мне известно, вы с мистером Берроузом два или три раза пересчитывали и сводили счета, как вы говорите, с тех пор, как они были причитающимися, и вы никогда не упоминали о них, когда пересчитывали с мистером Берроузом". Джон Патнэм ответил: "Это правда, и я это признаю". Сэмюэл Сибли, в возрасте двадцати четырех лет или около того, подтверждает все написанное выше".

"Свидетельство Натаниэля Ингерсолла, *пожилого человека, и т. д.* - Свидетельствую, что слышал, как мистер Берроуз просил лейтенанта Джона Путнама дать ему вексель на имя мистера Шиппена. Путнам спросил Берроуза, сколько он возьмет у мистера Шиппена. Мистер Берроуз сказал, что, возможно, пять фунтов; но, поразмыслив немного, он сказал Путнэму: "Возможно, получится и больше", поэтому он хотел бы, чтобы тот дал ему вексель на сумму пять или шесть фунтов, - когда Путнэм ответил, что для него это все едино. Тогда упомянутый Путнэм пошел и написал его, и прочитал мистеру Берроузу, и сказал ему, что он должен пойти на часть 33 фунтов 6 шиллингов. 8 д., на которые он выставил ему счет от имени жителей. Я, Ханна Ингерсолл, в возрасте сорока шести лет или около того, свидетельствую то же самое".

Из вышесказанного следует, что мистер Берроуз представил счет на упомянутую сумму Джону Путнаму, который, будучи председателем комитета в предыдущем году, представлял жителей; и было намеренно и официально решено, что сумма, одолженная Берроузом у Путнама, "пойдет на часть этой суммы". Записи прихода показывают, что 24 мая - через три недели после этого собрания "для подсчета" - было принято решение собрать по тарифу "пятнадцать фунтов для мистера Берроуза за последнюю четверть года, которую он проповедовал у нас". На собрании, состоявшемся в декабре того же года, было принято решение об уплате долгов прихода в размере 52 фунтов 1 шиллингов. 1d. 22 февраля следующего года приход проголосовал за то, чтобы собрать "пятнадцать фунтов для мистера Берроуза". В протоколе собрания в апреле 1684 года содержится распоряжение, оставленное в книге за подписью мистера Берроуза, уполномочивающее лейтенанта Томаса Путнама получить от комитета "то, что причитается мне от жителей Салемских ферм". Таким образом, очевидно, что в тот самый день, когда происходили описанные выше безжалостные действия, мистеру Берроузу причиталась значительная сумма, после того как

все претензии со всех сторон были "пересчитаны". В суде маршал представил следующий отчет: "Я приобщил тело Джорджа Берроуза к делу.

"Я приобщил к делу тело Джорджа Берроуза, которое он мне предложил, - поскольку он сказал, что у него нет жалованья, - и взял облигации на сумму четырнадцать фунтов денег, а также зачитал ему следующее.

С меня,

Генри Скерри, *маршал*".

Облигация составлена следующим образом. Привожу имена подписавших. Люди, вступившиеся за спасение преследуемого человека от несправедливого заключения, заслуживают того, чтобы о них помнили с почтением.

"Мы, чьи имена написаны под этим текстом, обязуемся совместно и по отдельности перед Генри Скерри, маршалом Салема, нашими наследниками, душеприказчиками и администраторами, денежной суммой в четырнадцать фунтов, что Джордж Барроуз явится в следующий суд в Салеме, чтобы ответить перед лейтенантом Джоном Путнамом, в соответствии с повесткой об этом приложении, и выполнять приказ суда, и не уходить без лицензии; в чем свидетельствуют наши руки 2 мая 1683 года.

"Джордж Барроуз.

Натаниэль Ингерсолл.

Джон Бакстон.

Томас Хейнс.

Сэмюэл Сибли.

Уильям Сибли.

Уильям Айрленд-младший".

Дело было прекращено, и Берроуз был рад уехать. Он предпочел индейцев в заливе Каско здешним людям. Если учесть, что комитет прихода обратился в суд с просьбой провести такое собрание жителей; что оно было проведено по решению суда в соответствии с этим ходатайством; что Берроуз вернулся в деревню, чтобы присутствовать на нем; что собрание в ответ на его запрос согласилось подчиниться решению суда, сделав его поводом для полного и окончательного "расчета" между ними; что они потратили два дня с половиной на то, чтобы привести в порядок и просеять все претензии с обеих сторон; И что, когда в условленное время - во второй половине третьего дня - все жители собрались вместе, чтобы утвердить и привести в исполнение "расчет", явился маршал с предписанием и, явно в нарушение своих чувств, был вынужден Джоном Патнэмом арестовать Берроуза, тем самым прервав процесс, о котором просил приход и который был предписан судом, за долг, которого он не должен, - следует признать, что это было одно из самых дерзких и отвратительных злодеяний, когда-либо совершенных.

Сцена, представленная в этих документах, возможно, столь же ярка и так же поразительно представляет перед нами реальную жизнь, как и все, что дошло до нас с тех времен. Мы видим, словно заглядывая в дверь, зрелище, представшее перед нами в старом доме собраний: фермеры, собравшиеся со своих отдаленных и широко разбросанных плантаций, некоторые, возможно, приехавшие на семейных транспортных средствах, - хотя совершенно неизвестно, были ли они в то время среди фермеров; некоторые - компаниями на фермерских телегах; многие - пешком; но большее число - верхом на лошадях, в живописных

костюмах из домотканой или лосиной кожи, с коровьими капюшонами или шляпами с околышем, узкими спереди, но широкими и сутулыми сзади, нависающими над плечами. Каждый мужчина был подпоясан ремнем и вооружен мечом. Они носили оружие не просто для вида. В этом собрании было полдюжины мужчин, участвовавших в битве с наганагетами; некоторые из них носили на лице шрамы, полученные в той кровавой сцене отчаянного героизма. Каждый, вероятно, пришел на собрание с огнестрельным оружием на плече, чтобы защитить себя и своих товарищей от индейцев, скрывающихся в густом лесу, через который им предстояло пройти. Их лица отражали страсти, до которых их довели яростные приходские ссоры, - суровые, серьезные и напряженные. Мы можем видеть мрачную осанку лейтенанта кавалерии Джона Путнама и его старшего брата и предшественника по службе. Маршал Скерри со своими знаками отличия не желает исполнять свои обязанности по отношению к преследуемому и лишенному гроша министру, но, подчиняясь суровым требованиям неумолимых обвинителей, остается верен своему мучительному долгу. Министр - центральный объект картины, маленький, смуглый человек, изумленная, но спокойная и терпеливая жертва вражды, в которой он не участвовал и за которую ни в коей мере не был ответственен. Непреклонное достоинство его осанки вполне ощутимо. "Мы сейчас рассчитываемся; мы еще не знаем, кто из нас в долгу. У меня нет платы, но вот мое тело". Возможно, в этом неприметном обрамлении и скромной одежде в его движениях и позах проявлялись тощие нервы и стальные мышцы, компактные и концентрированные силы, которые были чудом его времени и в конце концов стоили ему жизни. Возможно, страдания и разоблачения предыдущей жизни наложили на его смуглые черты печать заботы и меланхолии, предвещая предстоящие ему еще большие беды и испытания. Но главная фигура в этой группе - справедливый человек, который поднялся и осудил грубые и предосудительные действия могущественного землевладельца, соседа и друга, каким бы он ни был. Манера, в которой самовольный полицейский склонился перед упреком, если и не смягчает нашего негодования по поводу его поведения, то иллюстрирует необычайное влияние характера Натаниэля Ингерсолла и свидетельствует о том почтении, с которым все люди относились к нему.

В этом деле есть и другие моменты, достойные внимания, поскольку они показывают, как жестокая вражда сделала их невосприимчивыми к любым призывам благотворительности или гуманности. Их разум был настолько омрачен, а чувство правильного настолько ослаблено, что они пренебрегали и отказывались выполнять свои самые обычные обязательства друг перед другом и перед самим собой как обществом. Тарифы не собирались, контракты не соблюдались. Священник и его семья остались без самого необходимого. Они были вынуждены одалживать даже свою одежду, предметы которой составляли часть долга, за который его арестовали таким публичным и бесчувственным образом. Молодая женщина свидетельствует, что прожила с мистером Берроузом около двух лет, и говорит: "Моя хозяйка сказала мне, что у нее есть немного шерсти жены Джона Путнама, чтобы сшить Мэри пальто; а также немного фустина его жены, чтобы сшить моей хозяйке пару рукавов". Основными статьями счета были предметы, необходимые после смерти его жены, по обычаю того времени для похорон. Конечно, это было возмутительно для человеческой природы - возбудить судебный процесс, вручить ему судебный приказ и взять его в плен по такому случаю, при таких обстоятельствах, по якобы имеющемуся долгу, возникшему в связи с тяжелой утратой, когда бедность и нужда не оставили ему другого выхода. Вся эта процедура приобретает отпечаток не только жестокости, но и бесчестия, поскольку Натаниэль Ингерсолл вынудил Путнама признать перед всей общиной, что счет был уже давно улажен и долг выплачен.

Джон Патнэм, хотя и был жестким и суровым человеком, имел в своем характере много черт достоинства и респектабельности. То, что он мог поступить подобным образом, доказывает, до какой степени могут довести человека предрассудки и страсти, особенно когда партийный дух поглощает разум и совесть. В этой связи стоит обратить внимание на свидетельство, данное против Берроуза девять лет спустя. Когда они были даны, в них не было ни уместности, ни смысла. По правде говоря, было возмутительно давать такие показания в деле, где Берроуза судили за колдовство; и они были разрешены только для того, чтобы нанести вред и ввести в заблуждение умы присяжных и общественности. Однако его следует принять во внимание, чтобы беспристрастно оценить его характер в целом. Этот документ был найден в беспорядочной пачке бумаг о колдовстве.

"Показания Джона Путнама и Ребекки, его жены. Свидетельствует и утверждает, что в 1680 году мистер Берроуз жил в нашем доме девять месяцев. Между упомянутым Берроузом и его женой были большие разногласия, настолько большие, что они пожелали, чтобы мы, заявители, пришли в их комнату, чтобы выслушать их разногласия. Спор между ними заключался в том, что вышеупомянутый Берроуз потребовал от своей жены письменного обещания, заверенного ее рукой и печатью, что она никогда не раскроет его секретов. Мы ответили, что они однажды заключили договор, который, как мы полагаем, обязывает друг друга хранить свои законные тайны. И далее говорится, что все время, пока упомянутый Берроуз жил в нашем доме, он был очень суровым и резким человеком по отношению к своей жене, хотя, по нашим наблюдениям, она была очень хорошей и послушной женой для него".

Первое замечание, которое возникает при изучении этого свидетельства, заключается в том, что ответ, данный Путнамом и его женой, был превосходным и, как и все, что от него исходило, показывает, что он был человеком с сильным здравым смыслом и умел убедительно и эффективно выражать свои мысли. Следующее, что следует учесть, это то, что мистер Берроуз, вероятно, вскоре после приезда в деревню обнаружил, в какое осиное гнездо он попал, - все друг на друга сплетничали и злословили. Его невинная и недоверчивая жена, возможно, немного потакала тому, что считается приятной склонностью ее пола, и в разговорах за столом за чаем спускала все, что могли подхватить кавалеры и озорники; и он, возможно, счел необходимым и трудным научить ее осторожности и сдержанности. Он, возможно, больше, чем она, понимал опасность вовлечения в личную вражду, которой было отравлено все общество. Ее неосторожность могла привести к беде и ее, и его, нанести ущерб их счастью и его пользе. Единственный момент, на который следует обратить внимание, - это общие обвинения в адрес нрава и характера мистера Берроуза. Возможно, он был настолько возмущен положением вещей, что проявил некоторую резкость в своих манерах, но такое предположение не согласуется с тем, что известно о нем из других источников; а поведение Джона Патнэма на описанном собрании доказывает, что его ум был полностью извращен и лишен всякой моральной прямоты суждений по отношению к мистеру Берроузу. На этом мы должны расстаться с мистером Берроузом. Мы встретимся с ним снова, где силы злобы будут более беззастенчиво выпущены на волю и будут преобладать над ним, чтобы уничтожить его".

Его сменил в служении в деревне Салем персонаж совершенно иного класса. О Деодате Лоусоне впервые слышали в этой стране, по словам мистера Сэвиджа, на Винограднике Марты в 1671 году. Он принес присягу свободного человека в Бостоне в 1680 году и продолжал там жить. Только после долгих уговоров и настойчивых просьб его убедили заключить договор о проповеди в Виллидже. Он начал свое служение в начале 1684 года, как следует из приходской записи собрания 22 февраля 1684 года: "Проголосовали, что Джозеф

Херрик, Джонатан Путнам и Гудман Клойс должны позаботиться о том, чтобы достать лодку для перевозки товаров мистера Лоусона". Примерно в это время были приняты решения о ремонте пасторского дома и ограды вокруг земли служителей; таким образом, все было готово к его приему. Не похоже, что он стал особенно вовлечен в конфликты, которые так долго беспокоили деревню, хотя, хотя материнская церковь выразила готовность одобрить его рукоположение, и в деревне были предприняты некоторые движения с этой целью, оказалось невозможным привести враждебные стороны к сотрудничеству, чтобы позволить чему-то определенному свершиться. К счастью для мистера Лоусона, дух раздора нашел другие объекты для приложения своих сил. Некоторые люди выдвигали жалобы на то, что записи в приходе велись неправильно (это было еще до того, как сержант Томас Путнам был облечен этим доверием); что голоса, прошедшие во времена "мистера Бейли" и "мистера Берроуза", не были достоверно записаны или вообще не были записаны; и что в качестве голосов было внесено то, что никогда не было принято. По этому поводу возникло большое волнение, и было проведено множество собраний. Одни требовали, чтобы поддельные голоса были удалены, другие - чтобы опущенные голоса были вставлены. Затем начались бурные споры о землях министерства, о действительности или достаточности права собственности на них. Джозеф Хоултон подарил их; но он не имел никакого отношения к поднятию этого вопроса и сделал все возможное, чтобы подавить его. Некий человек обнаружил, что Уильям Хейнс, которому Хоултон перешел по праву жены, не зарегистрировал купчую, и оригинал не удалось найти. Возникли споры и по поводу использования территории вокруг дома собраний. Все это, в дополнение к конфликтам с "людьми из Топсфилда" и не до конца урегулированным вопросам с городом Салем, создавало и поддерживало бурное брожение, в которое все были вовлечены по разным причинам. В разгар этой неразберихи вопрос о рукоположении мистера Лоусона был внесен в ордер на собрание, которое должно было состояться 10 декабря 1686 года. Но оказалось невозможным отозвать людей из их раскола, и никакого благоприятного решения принять не удалось.

В конце концов, все попытки решить свои трудности самостоятельно были оставлены, и они обратились за помощью извне. На законном собрании 17 января 1687 года жители выбрали "капитана Джона Путнама" (его повысили в воинском звании после того случая в доме собраний с мистером Берроузом), "лейтенанта Джона Путнама", "лейтенанта Джона Путнама" и "лейтенанта Джона Путнама". Берроузом), "лейтенанта Джонатана Уолкота, прапорщика Томаса Флинта и капрала Джозефа Херрика для обсуждения с Джозефом Хатчинсоном, Джобом Суиннертоном, Джозефом Портером и Дэниелом Ан жалоб, касающихся общественных дел этого места; и если они не смогут договориться между собой, то пусть передадут свои разногласия достопочтенному майору Гедни и Джону Хаторну, эсквайрам.., и преподобным старейшинам Салемской церкви для полного разрешения этих разногласий". Разумеется, уладить дело между собой было невозможно, и были вызваны судьи. К ним добавился Уильям Браун-младший, эсквайр. Все они были выходцами из старого города и людьми весьма уважаемыми. Их решение по делу - хорошо проработанный и интересный документ, который показывает, как соседи относились к беспорядкам в деревне. О сути и духе этого решения можно судить по следующему отрывку

"Любящие братья, друзья и соседи, - после серьезного рассмотрения и зрелого размышления над тем, что было предложено нам по поводу вашего призыва и совершения сделок с целью поселения и рукоположения преподобного мистера Деодата Лоусона, и недовольства, предложенного некоторыми, чтобы помешать и воспрепятствовать этому процессу, наше мнение таково: во-первых, что дело призыва и совершения сделок с целью поселения и рукоположения преподобного мистера Лоусона не было таким уж

бессодержательным. Лоусона, не было проведено так мягко, как могло бы быть, - по крайней мере, не во всех его частях и отрывках; во-вторых, что претензии, высказанные некоторыми из вас, сами по себе не имеют достаточного веса, чтобы помешать столь великому делу, и что они не были улучшены так мирно и упорядоченно, как того требует христианское благоразумие и самоотречение; В-третьих, к нашему огорчению, мы наблюдаем такие немилосердные выражения и неприятные размышления, бросаемые то туда, то сюда, которые выглядят как последствия устоявшихся предрассудков и решительной вражды, хотя мы скорее готовы считать их результатом слабости, чем умысла: Тем не менее, мы должны сказать, что, откуда ни возмись, они имеют тенденцию к образованию такой бреши, которая, как мы опасаемся, если ее вовремя не предотвратить, выведет из строя мир и порядок и впустит смятение и всякое злое дело."

Затем они дают несколько хороших советов, чтобы "предотвратить раздоры и неприятности на будущее, чтобы они не пожирали вас навсегда, и чтобы, если Господу будет угодно, вы могли быть счастливее впредь, чем делать друг друга несчастными; и не делать место неудобным для вашего нынешнего, и нежелательным для любого другого служителя, а само служение в значительной степени невыгодным; и чтобы вы не навлекали на себя поношения, убеждая всех вокруг, что вы не можете или не хотите использовать свою свободу, как подобает Евангелию". Они советуют, "чтобы вы воздержались в настоящее время от призыва к рукоположению преподобного мистера Лоусона, пока ваш дух не станет более спокойным и уравновешенным". Они дают несколько разумных предложений по различным вопросам, которые были причиной затруднений между ними, особенно чтобы помочь им привести в порядок свои записи и сохранить их на будущее; и заканчивают они следующими прекрасными, а в некоторых пунктах довольно выразительными и язвительными, выражениями: - "Наконец, мы считаем, что мир дешев."

"Наконец, мы считаем мир дешевым, если он может быть достигнут путем соблюдения вышеупомянутых условий, которые немногочисленны, справедливы и просты; и что они вряд ли сойдут за любителей мира, истины, служения и порядка в день Господень, которые настолько склонятся к собственному пониманию и воле, что откажутся от таких легких способов их получения. И, если мир и согласие между вами будут однажды удобно достигнуты, мы советуем вам со всей возможной быстротой продолжать намеченное рукоположение; и мы последуем нашему совету с нашими молитвами. Если же наш совет будет отвергнут, мы желаем вам лучшего и от всего сердца следуем ему; и только добавляем, что если вы будете неразумно беспокоить себя, мы молим вас впредь не беспокоить нас. Мы оставляем все на благословение Бога, чудесного Советника, и на ваше собственное серьезное рассмотрение: молим вас прочитать и обдумать все, а затем действовать так, как вам укажет Бог. Прощайте".

[Салем, 14 февраля 1687 года. Подписано пятью судьями - Джоном Хиггинсоном и Николасом Нойесом (старейшинами старой церкви), а также тремя названными выше джентльменами].

На собрании жителей деревни 18 февраля было решено, что "мы принимаем и одобряем совет уважаемых и преподобных джентльменов из Салема, присланный нам из их рук, и приказываем занести его в нашу книгу записей". Но далее они позаботились о том, чтобы проголосовать, что принимают его "в целом, а не по частям". В соответствии с советом референтов, они подняли, рассмотрели заново и поставили под сомнение каждую запись в своих прошлых записях, относительно подлинности и действительности которой существовали какие-либо разногласия. Некоторые записи, на которые жаловались и обижались как на неправильные, были исключены, а другие подтверждены, приняты на

новом голосовании. В соответствии с этими решениями была подготовлена новая книга записей, которая, будучи представлена для изучения ведущим лицам, назначенным для этой цели на юридическом собрании, представлявшем обе стороны, и одобрена ими, была принята и утверждена на последующем собрании, также созванном для этой цели.

В соответствии с тем же советом, "чтобы старая книга записей оставалась в силе", собрание постановило оставить голоса, которые в результате вышеупомянутой процедуры были признаны недействительными, "лежать в старой книге записей, как они есть". Из новой книги записей мы узнаем, что "некоторые голоса, прошедшие во времена мистера Бейли, и некоторые, прошедшие во времена мистера Берроуза, опущены", в частности, все голоса, кроме одного, прошедшего на собрании, состоявшемся в пятый день июня 1683 года, в то самое время, когда мистер Берроуз находился под залогом по иску о долге, поданному Джоном Путнамом. В новой записи указаны некоторые, но не все, голоса, которые были отменены, поскольку было решено, что они не прошли по праву или не были правильно изложены. К сожалению, старая книга, в конце концов, не была "сохранена", и многое, что могло бы более полно и ясно показать несчастную раннюю историю прихода, навсегда утрачено. Если сохранившиеся записи представляют картину, которую я попытался достоверно нарисовать, то насколько темнее могли бы быть ее оттенки, если бы нам позволили увидеть то, что заинтересованные стороны сочли слишком плохим, чтобы оставить его на обозрение!

Попытка уничтожить записи всегда неоправданна, кроме того, она сама по себе нерациональна и абсурдна. Она может скрыть детали ошибок и глупостей, но оставляет неограниченный простор для самых недоброжелательных догадок. Мы вынуждены воображать то, что должны знать; и во многих случаях наши фантазии могут оказаться хуже фактов. Но более поздние времена и общественные организации с большими претензиями, чем "жители деревни Салем", пытались совершить это надругательство над историей и преуспели в этом. Пытаясь скрыть свои ошибки, люди иногда уничтожали средства их подтверждения. Так может произойти и с историей, которую предстоит рассказать о "Салемском колдовстве". Так было и в более широких областях истории. Парламентские журналы и другие публичные записи периода Содружества и Протектората были подавлены по глупости правительства Реставрации. Они глупо вообразили, что скрывают позор и заслоняют славу своей страны. Каждый англичанин, каждый разумный человек теперь знает, что именно в этот период было сделано все, что сделало Англию великой. Семена ее военного и морского процветания были посажены: ее сразу же подтолкнули мудрые меры политики, внутренней и внешней; законодательство, развивающее ее ресурсы и оживляющее силу ее народа; решительная и всеобъемлющая дипломатия, которая завоевала уважение иностранных дворов и обеспечила ей контролирующее влияние на мировое движение; развитием ее военного гения под руководством величайшего из всех великих генералов современности; и военно-морскими достижениями, которые взяли в ее руки балансирующий трезубец морей, - к месту, которое она все еще занимает (как долго она сможет его удерживать, еще предстоит выяснить) как ведущая держава мира. Если ей и придется отказаться от этого положения, то только в пользу той державы, которая верна духу и не стыдится названия "республика". Лидером мира станет та нация, которая полностью разовьет политику, пронизывающую записи Английского Содружества. Замалчивание этих документов не подавило ни дух народной свободы, ни прогресс человечества на пути реформ, свободы, равноправия и истинной цивилизации. Оно лишь бросило тень, которая никогда не сможет полностью рассеяться, на то, что в противном случае могло бы стать самой яркой страницей в летописи великого народа. Мы знаем о том, как Англия проделала удивительный путь к процветанию и могуществу, не из официальных и авторитетных

источников, а из досужих и порой просто сплетничающих мемуаров отдельных людей и других разрозненных материалов, которые удастся собрать. Единственным следствием попытки уничтожить память о республиканцах, радикалах, реформаторах и цареубийцах стало то, что история истинной славы Англии никогда не будет написана адекватно".

Референты использовали следующую формулировку, касающуюся вопроса о рукоположении мистера Лоусона: "Если более чем просто большая часть не согласится на это, мы не хотели бы советовать нашим братьям продолжать". Это, в сочетании с другим предложением, которое я цитировал из их сообщения, рекомендуя им "воздержаться в настоящее время" от настоятельных требований, было фатальным для немедленного движения в его пользу; и, не видя никаких перспектив того, что их "дух станет более спокойным и сдержанным", и устав от попыток привести их к любой удобной степени единодушия, мистер Лоусон порвал с ними связь и удалился обратно в Бостон. Мы еще встретимся с ним, но на этом стоит закончить то, что можно сказать о его характере и истории.

Очевидно, что Деодат Лоусон получил лучшее образование своего времени. Нелегко объяснить, почему он не оставил более выдающегося следа в Старой или Новой Англии. У него было много знаний и большие таланты. О его умении подготавливать выступления на кафедре в самом высоком стиле красноречия, который в тот период представлял собой замечательные образцы, у меня еще будет повод поговорить. Среди прочих достижений он был, чего нельзя сказать об ученых и профессиональных людях, как правило, сейчас, а не тогда, восхитительным писателем. Деревенский приход с самого начала принял практику, когда время от времени выплачивал жалованье своим служителям, вместо того чтобы брать квитанции на отрывных и свободных листках бумаги, заставляя их выписывать их своей рукой на страницах книги записей, сопровождая своими подписями. Очень приятно, просматривая старый том, наткнуться на расписки Деодата Лоусона, написанные его простой, круглой рукой. Образец приведен среди [автографов](#). Его хирография легка, свободна, изящна, ясна и чиста. В нем с прекрасным вкусом сочетаются высочайшие степени простоты и орнамента. Каждый стиль используется, и оба смешиваются, если того требует случай. Во время его служения произошла неприятность со старой книгой записей. Первые четыре страницы новой книги написаны его почерком. Чернила несколько потускнели, бумага обесцветилась, а на полях и в нижней части листов, к сожалению, износилась и порвалась. На первой странице представлен почерк Лоусона в различных стилях. Он художественно выполнен буквами нескольких размеров, соответствующих положению пунктов, значению и весу вопроса. В каждом из них элегантно сочетаются орнамент и простота. Его хирография часто требовалась; бумаги, явно принадлежащие его перу, хранятся в архивах по различным делам, происходившим в то время в суде, в которых были заинтересованы его друзья.

Первые четыре священника деревенского прихода были отличными печатниками. Рука Бэйли больше остальных похожа на современный стиль. Перо Берроуза разборчиво, как печать, единообразно по своему характеру, открыто и вертикально. Среди [автографов](#) есть образец из записи, упомянутой в верхней части [страницы 262](#). Поскольку он был написан в нижней части страницы книги записей, где едва хватало места, его пришлось написать в косую линию. Я привожу ее в том виде, в каком она там представлена. Пэррис писал тремя разными почерками, и все они легко читались. Более крупной пользовался, когда подписывал своим именем важные бумаги или краткие записи. Я привожу пример из расписки в приходской книге, которую Томас Путнам, как клерк, присягнул в суде, что Пэррис написал и подписал в его присутствии. Его заметки о допросах лиц, обвиненных в колдовстве магистратом, многие из которых сохранились, написаны самой маленькой рукой,

очень подробно, но всегда разборчиво. В своих церковных записях он использует иногда средний, а иногда самый маленький почерк. Автографы Таунсенда Бишопа и Томаса Путнама демонстрируют почерк, который, по-видимому, преобладал среди образованных людей в Англии во времена первого заселения этой страны. Часто встречались обильные росчерки, заслонявшие буквы. Начальные прописные буквы были довольно сложными и очень любопытными. Подпись Томаса Путнама-младшего демонстрирует его превосходный почерк.

Samuel Byrd

Samuel Putnam

Thomas Putnam cler.

Dr. Bowring
Lucie Bowring.

Simon Bradstreet
13. Apr. 1694.

James Bayley.

George Burroughs

James Deodat Lawson

Sam: Parris

Nathaniel Ingersoll

Я привел эти факты и привел эти иллюстрации, чтобы показать, что в этой области образования, ценность и желательность которой невозможно переоценить, вопрос о том, имеем ли мы основания похвастаться тем, что опередили первые поколения наших предков в Америке, по меньшей мере открыт. Первые служители прихода в Салем-Виллидж, безусловно, в этом отношении выгодно отличаются от служителей и профессиональных людей, а также чиновников в государственных органах всех видов в более поздние времена.

Сержант Томас Путнэм не исполнял обязанности секретаря прихода с апреля 1687 года по апрель 1694 года. Несколько записей сделаны его рукой; но запись, очень скудная и фрагментарная, по большей части сделана другими. Об этом приходится сожалеть, поскольку этот промежуток охватывает самый период нашей истории. Вероятно, его время было занято, а мысли полностью поглощены несчастливыми семейными трудностями, в которые он был вовлечен в этот период. Томас Патнэм-старший умер, как уже говорилось, в 1686 году. Дети его первой жены считали, что в последние годы его жизни вторая жена оказывала на него чрезмерное влияние, побудив его составить завещание, по которому она и ее единственный ребенок от него, Джозеф, получали несправедливую долю его имущества. Это показалось им настолько несправедливым, что они попытались нарушить завещание. Ведение дела было поручено сержанту Томасу Путнэму, как старшему сыну в семье; и, надо полагать, это дело настолько поглотило его мысли, что ему пришлось отказаться от службы в качестве приходского клерка. Попытка отменить завещание не удалась. Связанные с этим обстоятельства очень серьезно - возможно, навсегда - нарушили

счастье всей семьи и, возможно, способствовали возникновению болезненного возбуждения, которое впоследствии так страшно проявляла жена младшего Томаса.

Пока мистер Лоусон жил в деревне, он потерял жену и дочь. В 1690 году он снова женился, на Деборе Аллен. После этого он поселился над Вторым обществом в Считуэйте - необычно, что наши местные истории не сообщают нам, когда именно, но все, что мы знаем об этом, мы получаем из предложения, написанного пером на листе одного из двух фолиантов "Синодика в Галлии Реформатской" Джона Квика, находящегося в собственности джентльмена в этой стране, Генри М. Декстера, который говорит, что это, очевидно, автограф Квика. Он написан такими словами: "Для моего преподобного и дорогого брата, мистера Лоусона, служителя Евангелия и пастора церкви в Скитуэйте, в провинции Массачусетс в Новой Англии; от издателя, Джона Квика, *honoris et amoris ergo*, 6 августа 1693 года". В 1696 году мистер Лоусон отправился в Англию, как предполагали его знакомые, лишь с коротким визитом. Больше они о нем ничего не слышали. Он никогда не просил об отставке и никак не общался с ними. В 1698 году церковный совет объявил, что они вольны назначить другого служителя, что они и сделали в свое время. Он, несомненно, был жив и находился в Лондоне, когда в 1704 году там была перепечатана его знаменитая проповедь о деревне Салем. Но это последний взгляд на него. Остальная часть его истории покрыта непостижимой тайной. То, как он покинул приход Скитуэйта, свидетельствует о том, что он был эксцентричным человеком, оставляет неблагоприятное впечатление о его характере и так же необъяснимо, как и единственное упоминание о нем, которое до сих пор удалось найти. Калами в своем "Продолжении истории изгнанных священников", опубликованном в 1727 году, рассказывает о Томасе Лоусоне, которого он описывает как священника Дентона в графстве Норфолк, получившего образование в Кэтрин Холл в Кембридже, а затем избранного "на должность стипендиата в церкви Святого Иоанна". Он был человеком неординарным, но не обладал хорошей речью. Он был отцом несчастного мистера Деодата Лоусона, который приехал сюда из Новой Англии". Со всеми своими способностями, образованностью и красноречием он исчезает после повторной публикации в Лондоне своей проповеди в Салемской деревне в темном, непроницаемом облаке этого выражения - "несчастный мистер Деодат Лоусон". О меланхоличной судьбе, подразумеваемой в формулировке Калами, мне не удалось получить ни малейших сведений.

Проблемы, охватившие весь период с начала служения мистера Бейли, привели к запустению и нарушению всей организации деревни, в результате чего были утрачены те небольшие возможности для образования, которые могли бы быть предоставлены в противном случае. Это зло было столь велико, что старый город счел необходимым вмешаться; и 24 января 1682 года было принято решение о том, что "лейтенант Джон Путнам желает и настоящим уполномочивается позаботиться о том, чтобы закон, касающийся катехизации детей и молодежи, должным образом соблюдался в деревне". Он также "должен прилежно заботиться о том, чтобы все семьи тщательно и постоянно следили за надлежащим воспитанием своих детей и молодежи в соответствии с законом". Мы не можем не чувствовать, что человек, который был готов сразиться с "топсфилдскими мужиками" в лесу, который на их вопрос: "Что, насилием?" ответил с топором в руке: "Да, насилием", и который действовал так, как описано в сцене с мистером Берроузом, был необычным человеком, чтобы поручить ему "воспитание детей и молодежи". Но это были странные времена, и он был странным персонажем. Он всегда был прихожанином церкви; и до самой его смерти церковные и молитвенные собрания проходили в его доме чаще, чем в любом другом. Он был грубым человеком, но не лицемерил. Он был на переднем крае любой схватки, но при этом терпимо относился к разногласиям. Когда в одно время споры в деревне достигли своего апогея и были созданы два комитета, представлявшие две

конфликтующие стороны, он возглавил один из них, а его старший сын (Джонатан) - другой. Похоже, их противостояние не вызвало отторжения. Хотя я считал необходимым осудить его некоторые поступки, в нем было много хороших сторон; хотя он был не из тех людей, которых в наше время можно было бы выбрать для исполнения обязанностей учителя воскресной школы.

В течение всего этого периода между ними происходило множество мелких споров, вызывавших то большие, то меньшие волнения. Джозеф Хатчинсон, который выделил место на своей усадьбе для дома собраний, не мог терпеть их вечные перепалки. Он огородил свои земли вокруг участка с домом собраний, оставив им вход со стороны дороги. Они обратились в суд, и он был призван к ответу в соответствии с обычным порядком. Простой, ворчливый старый фермер, который, судя по всему, всегда был человеком здравого смысла и решительного характера, подал ответ, непревзойденный по прямоте выражения. В нем нет церемоний, а сразу переходят к делу. Он имеет общий характер и показывает, до какого времени жители этого района подвергались нападениям индейцев и к каким средствам защиты прибегали поклонники деревни. Документ свидетельствует о презрении, с которым он относился к заявителям, и это было все, что они получили.

"Джозеф Хатчинсон ответил следующим образом.

"Во-первых, что касается договора, о котором они говорили, то, как я полагаю, он не известен ни мне, ни им, о чем свидетельствуют записи в фермерской книге.

"Во-вторых, я полагаю, что у них нет причин жаловаться на меня за то, что я огораживаю свою собственную землю, ибо я уверен, что не огораживал ни одну из их земель. Я бы хотел, чтобы они не сносили мои заборы. Я не люблю жаловаться, хотя у меня есть на то основания.

"В-третьих, за то, что завалили дом собраний, это сделали они, а не я, во времена индейских войн; и они заставили Салема заплатить за это. Я хотел бы, чтобы они принесли мне мои камни, которые они взяли, чтобы сделать это, потому что я хочу, чтобы я сделал из них ограду".

"Таким образом, надеюсь, что этот уважаемый суд увидит, что не было справедливой причины жаловаться на меня, а их причина покажется несправедливой в том, что они несправедливым образом отбирают мою землю, я верю, что получу облегчение; так я и остаюсь, слуга вашей чести,

Джозеф Хатчинсон".

[27 ноября 1686 г.].

Следующий министр деревни Салем довел дело до кризиса. Сэмюэл Пэррис, как утверждается, был сыном Томаса Пэрриса из Лондона и родился в 1653 году. Некоторое время он был членом Гарвардского колледжа, но не закончил академический курс, поскольку его влекла коммерческая жизнь. Он занимался западноиндийским бизнесом и, вероятно, жил на Барбадосе. Через некоторое время он оставил коммерцию и стал готовиться к служению. В это время и долгое время после этого между Салемом и Барбадосом существовали очень тесные торговые связи. Бывший муж жены Томаса Путнама-старшего, Натаниэль Верен, как уже говорилось, имел собственность на этом острове и был более или менее знаком с его жителями. Возможно, именно через него мысли жителей деревни были обращены к мистеру Пэррису. Из показаний, данных им через

несколько лет после этого в ходе судебного процесса между ним и его прихожанами, мы узнаем некоторые интересные факты, касающиеся переговоров, которые привели к его соглашению.

Из его показаний следует, что 15 ноября 1688 года был назначен комитет в составе "капитана Джона Путнама, мистера Джошуа Ри, старшего, и Фрэнсиса Нерса" для переговоров с ним "о принятии министерской должности". 25 ноября, "после службы во второй половине дня, аудитория осталась, и общим голосованием попросила мистера Пэрриса принять должность". Он задержался на некоторое время и использовал приобретенные за время своей меркантильной жизни навыки и ловкость, чтобы заключить как можно более выгодную сделку.

В то время среди людей царила такая гармония, какой они еще никогда не знали. Все стороны были настроены собраться вместе и воспользоваться случаем смены священника, чтобы похоронить прошлую вражду и забыть обиды; и есть все основания полагать, что если бы мистер Пэррис быстро согласился на их условия, он мог бы спокойно служить, и счастливое забвение навсегда покрыло бы его имя и историю деревни. Но он медлил с ответом на призыв. Люди были в нетерпении и чувствовали, что золотая возможность может быть упущена, а старая вражда возродится. 10 декабря был собран еще один комитет в составе лейтенанта Натаниэля Путнама, сержанта Фуллера, мистера Джошуа Ри, старшего, и сержанта Ингерсолла в качестве "посланников, чтобы узнать, согласится ли мистер Пэррис принять должность". Он ответил: "Дело серьезное, они узнают об этом в свое время". Так они провели в напряжении всю зиму, не получая от него никакого ответа. 29 апреля 1689 года "дьяконы Натаниэль Ингерсолл и Эдвард Путнам, Дэниел Ри, Томас Фуллер-младший и Джон Тарбелл пришли к мистеру Пэррису из дома собраний", где проходило общее собрание жителей, и сказали: "Поскольку пожилые люди так долго занимались вопросом поселения мистера Пэрриса и ничего не добились, они хотели бы попробовать, что могут сделать молодые". Дьякону Ингерсоллу было около пятидесяти пяти лет, но его дух и характер позволяли ему сочувствовать прогрессивным порывам молодых людей. Дьякону Патнэму было тридцать четыре года. Дэниел Ри был сыном Джошуа; Томас Фуллер-младший - сыном сержанта Фуллера; а Джон Тарбелл - зятем Фрэнсиса Нерса.

Это первое появление, как я полагаю, в нашей истории того печально известного и наиболее претенциозного персонажа, который с тех пор играет столь значительную роль во всех наших делах, - "Молодой Америки". Дальнейшие события показывают, что, по крайней мере, в данном случае отказ от осторожности и многолетнего опыта не принес никакой пользы. Молодые люди" были полны решимости "идти вперед". Они заявили, что желают получить скорый ответ. Найдя, что они настроены во что бы то ни стало "довести дело до конца", и видя, что они стремятся получить похвалу за то, что "чего-то добились", и с этой целью склонны пойти на его условия, он раскрыл их. Они предложили ему жалованье в шестьдесят фунтов в год - треть деньгами, остальное - провизией, по определенным ставкам. Он согласился принять вызов на вышеупомянутых условиях с некоторыми дополнительными условиями, описанными им самим: "Во-первых, когда денег станет больше, денежная часть, которая будет мне выплачиваться, будет соответственно увеличена. Во-вторых, если кукуруза и провизия будут стоить дороже, чем вы установили, то для нужд моей семьи я буду иметь все необходимое по той цене, которая указана сейчас, и так же, если она упадет ниже. В-третьих, все шестьдесят фунтов должны быть взяты только с наших жителей, которые живут в наших пределах, пропорционально тому, какие земли они имеют в этих пределах. В-четвертых, никакой провизии не приносить, не спросив предварительно, нужна ли она, и мне самому выбирать, что именно, если только человек не в состоянии заплатить ничем, кроме одного

вида. В-пятых, дрова должны выдаваться ежегодно и бесплатно. В-шестых, ежегодно выбирать двух человек, которые будут следить за тем, чтобы выплачивались деньги. В-седьмых, взносы каждую субботу в бумагах; и только те, кто имеет бумаги и живет в наших пределах, должны быть причислены к шестидесяти фунтам. В-восьмых, если Богу будет угодно благословить это место так, чтобы оно могло подняться выше шестидесяти фунтов, чтобы тогда было сделано пропорциональное увеличение. Если Богу будет угодно, за наши грехи, уменьшить содержание этого места, я постараюсь, соответственно, перенести эти потери, пропорционально сокращая расходы тех, кто разумно пожелает этого".

Ящик для пожертвований либо передавался дьяконами перед уходом прихожан, либо постоянно находился у крыльца или двери. Плательщики вкладывали свои деньги в бумажки с именами и опускали их в ящик. Когда ящик открывали, вложенные в него суммы заносились в тарифное расписание. В общине всегда было значительное число прихожан, живущих за пределами деревни, и часто на собрании оказывались приезжие или незнакомые люди. Не было решено, должны ли деньги, собранные с вышеперечисленных лиц, поступать в общую казну прихода, чтобы использоваться для выполнения контракта на выплату жалованья священнику, или же они должны храниться как отдельный излишек.

Условия, описанные мистером Паррисом, свидетельствуют о том, что он приобрел опыт в торговле и умел заключать выгодные сделки. Он был уверен, что фермерская община в новой стране, где поля постоянно отвоевываются у пустыни, а добавляются к культуре, будет расти: если так, то его ежегодное жалованье будет увеличиваться. Если община придет в упадок, он должен был уменьшить налог для отдельных лиц, если они того пожелают, настолько, насколько он сочтет их прошение об этом разумным. Если "чужие деньги" или пожертвования "посторонних" не пойдут на пополнение его шестидесяти фунтов, то вполне вероятно, что они поступят в его карман в качестве дополнительного пособия или привилегии.

Он говорит, что комитет принял эти условия и согласился с ними, выразив уверенность, что народ тоже согласится. В приходских книгах нет никаких записей о назначении этого комитета из "молодых людей", о действиях общества по их докладу или о том, что какой-либо доклад был сделан в то время. Тем временем мистер Пэррис продолжал проповедовать и исполнять обязанности служителя общества до своего рукоположения, которое состоялось ближе к концу года. 21 мая состоялось собрание, но в протоколе есть только одна запись - о назначении комитета "в качестве надзирателей на следующий год, чтобы заботиться о нашем доме собраний и других общественных делах, а также составлять отчеты в соответствии с законом". Следующая запись - об общем собрании жителей, состоявшемся 18 июня 1689 года. Здесь говорится о выборе постоянного комитета на год. Сразу же за этой записью следуют следующие слова: - "На том же собрании

"На том же собрании, 18 июня 1689 года, было решено и проголосовано по общему согласию, что для мистера Пэрриса, его поощрения и поселения в работе служения среди нас, мы дадим ему шестьдесят шесть фунтов в качестве годового жалованья, - одна треть выплачивается деньгами, остальные две трети на провизию и т.д.; и мистер Пэррис должен найти себе дрова, а мистер Пэррис должен содержать дом служителя. Пэррис должен содержать дом служителя в исправности; и мистер Пэррис должен также пользоваться пастбищем служителя, а жители должны поддерживать ограду в порядке; и мы будем продолжать наши взносы, а наши жители должны вкладывать свои деньги в бумаги, и это будет продолжаться до тех пор, пока мистер Пэррис будет продолжать работу служителя среди нас, и все продукты должны быть хорошими и товарными. И, если Богу будет угодно благословить жителей, мы будем готовы дать больше; и ожидать, что если Бог уменьшит

состояние людей, то мистер Пэррис уменьшит свое жалованье в соответствии с пропорцией".

Если сравнить эту запись с рассказом мистера Пэрриса о восьми условиях, на которых он согласился 29 апреля в беседе с комитетом "младшего" рода принять призвание прихода, то разница окажется не слишком существенной. Вопрос о дровах был решен, по его словам, по взаимному согласию: они должны были добавить шесть фунтов к его жалованью, а он должен был сам найти дрова. Тарифы "жителей" должны были оплачиваться "бумагами". Единственная разница, касающаяся этого вопроса, заключается в том, что запись умалчивает о взносах посторонних и незнакомых людей; в то время как он говорит, что 29 апреля было решено, что они не должны идти на увеличение его жалованья. Идея о том, что его жалованье должно расти с ростом и уменьшаться с упадком общества, выражена в протоколе в основном так же, как и им самим, только она уточнена; и, в случае уменьшения средств народа, соответствующее уменьшение должно происходить в совокупности его жалованья, а не за счет сокращений, сделанных им в отдельных случаях. Вариации почти, если не совсем, несущественны по своей природе, и такие, какие можно было бы предположить из соображений взаимного удобства. И все же в вышеприведенной записи было нечто такое, что сильно раздражало мистера Пэрриса.

В своих показаниях он утверждает, что на собрание, состоявшееся 17 мая, о котором нет записи в приходской книге, он был послан и присутствовал на нем. Он говорит, что на собрании было "большое волнение". Он говорит, что люди возражали против двух из его "восьми" условий, пятого и седьмого. Но в протоколе от 18 июня нет ничего противоречащего тому, что, по его словам, было окончательно согласовано, кроме распоряжения "чужими деньгами". Возникает вопрос: в чем причина "сильного волнения" на том собрании? Что было в языке этого протокола, который всегда так возбуждал гнев мистера Пэрриса?

Я склонен думать, что оскорбительными были слова, требующие, чтобы "мистер Паррис содержал дом причта в хорошем состоянии" и чтобы он "также пользовался пастбищем причта"; и это вызывало возражения не потому, что требовало от него каких-либо расходов, а исключительно потому, что использованная формулировка исключала предположение, что приход допускал мысль о передаче ему пастората и пасторатных земель по его собственному праву и абсолютно. Это была цель, которую он, очевидно, имел в виду с самого начала и за которую держался до последнего. Следует опасаться, что некоторые из членов комитета "Молодая Америка" в своем беспечном и бесцеремонном стремлении "добиться" чего-нибудь, чтобы немедленно уладить дело мистера Пэрриса и тем самым доказать, насколько они компетентнее "пожилых людей" в ведении важных дел, подтолкнули мистера Пэрриса к мысли, что его любимая цель может быть достигнута. Однако после небольшого расследования они обнаружили, что этого сделать нельзя; дом и земля были закреплены за министерством на время и навечно по первоначальным актам передачи, а также по необратимым соглашениям и условиям. Если комитет или кто-то из его членов поддержал эту идею во время беседы с мистером Пэррисом, то они заняли позицию, от которой должны были отступить. Они поставили под удар себя и приход. Возможно, по этой причине они не сделали никакого отчета, и в записях нет никаких упоминаний об их деятельности. Насколько дьякон Ингерсолл был введен в заблуждение своими младшими товарищами в этом случае, я не знаю; но он был не тем человеком, который нарушит обещание, если сможет его сдержать, независимо от того, насколько это будет невыгодно для него самого. Он осознал свою ответственность как председатель злополучного комитета и исправил допущенную ими ошибку, передав мистеру Пэррису по акту участок земли, примыкающий к собственности пастората и равный по стоимости всей ее части. Дата этой передачи, сразу после

рукоположения мистера Пэрриса, подтверждает предположение, что она была сделана с целью компенсировать мистеру Пэррису неудачу его ожиданий получить в собственность имущество служения. Она должна была быть принята им как эквивалент и смягчить его гневное разочарование; но этого не произошло. Он полагал, что заключил сделку с приходом во время своего поселения, в результате которой он стал простым владельцем приходской собственности; и когда он обнаружил, что запись об условиях его поселения в приходской книге полностью исключает эту идею, его отчаяние было велико, и никакое возмещение, которое мог сделать дьякон Ингерсолл или кто-либо другой, не смогло его успокоить. Следующее показание, сделанное в суде несколько лет спустя, рассказывает о сцене в доме собраний после рукоположения Пэрриса: - "Суд Ипсвича, 16 год.

"Суд Ипсвича, 1697 г. Пэррис *против* жителей деревни Салем.

"Мы, нижеподписавшиеся, свидетельствуем и говорим, что через значительное время после рукоположения мистера Пэрриса состоялось собрание жителей деревни Салем в обычном месте собрания; и повод собрания касался мистера Пэрриса, и несколько человек были на этом собрании, которые до этого собрания не присоединялись к народу в призыве или согласии с мистером Пэррисом; и указанные лица пожелали, чтобы те вещи, которые касались мистера Пэрриса и народа, могли быть прочитаны, и, соответственно, это было сделано. И когда запись, которую некоторые называют жалованьем, была прочитана, среди людей возникли разногласия, поводом к которым послужило обнаружение записи в книге деревенских записей, касающейся содержания мистера Парриса, которая была датирована 18 июня 1689 года; и когда запись была прочитана людям, некоторые ответили, что, по их мнению, мистер Паррис не будет выполнять эту запись; тогда один сказал, что лучше послать за мистером Паррисом, чтобы решить этот вопрос. Соответственно, за ним послали. Он пришел к народу, и мистеру Пэррису была зачитана эта запись от 18 июня 1689 года. Его ответ был следующим: "Он никогда не слышал и не знал ничего об этом, не мог и не хотел принимать это или какую-либо часть этого"; и далее он сказал: "Они были плутами и обманщиками, которые вошли в это". И лейтенант Натаниэль Путнам, будучи модератором того собрания, ответил мистеру Пэррису и сказал: "Сэр, значит, с обеих сторон есть только предложения, а между вами и народом нет никакого соглашения". И мистер Пэррис ответил и сказал: "Нет, не может быть; ибо я свободен от народа, а народ свободен от меня", - и на этом собрание распалось. И мы далее свидетельствуем, что с мистером Пэррисом не было заключено никакого соглашения, о котором мы знали или когда-либо слышали, - никогда с тех пор".

"Джозеф Портер.

Дэниел Эндрю.

Джозеф Патнэм.

"Присягали в суде, в Ипсвиче, 13 апреля 1697 года, все трое.

Удостоверяю, Стивен Сьюолл, *клерк*".

Ответ, который мистер Пэррис дал на запрос Натаниэля Путнама, вероятно, решил вопрос в рассматриваемом тогда иске и привел к окончательному освобождению прихода от него. Трудно найти какие-либо различия между его собственным рассказом об условиях, которые он сам выдвинул, и записью в приходской книге, достаточно важные, чтобы объяснить бурю страстей, в которую его повергло чтение последней, за исключением формулировок, которые я предположил как вероятный повод для его гнева. К несчастью для него, есть свидетельства, вполне подтверждающие это предположение.

В приходской книге есть следующая запись: - "На общем собрании жителей

"На общем собрании жителей деревни Салем, 10 октября 1689 года, было решено и проголосовано, что голосование в нашей книге записей 1681 года, налагающее, как говорят некоторые, залог на наш министерский дом и землю, настоящим признается недействительным и не имеющим силы; несогласным был только один человек.

"Было проголосовано и принято общим согласием, что мы отдадим мистеру Паррису наш дом служения, амбар и два акра земли, прилегающей к дому; и что мистер Паррис займет должность среди нас, будет жить и умрет в служении среди нас; и, если мистер Паррис или его наследники продадут дом и землю, пусть люди получают первый отказ от них, дав столько, сколько дадут другие люди". Был выбран комитет, который должен составить план участка, оформить передачу дома и земли и от имени и по поручению жителей передать их мистеру Паррису и его наследникам".

Протокол этих голосований не подписан клерком, и нет никаких доказательств того, что собрание было законно предупреждено. Неизвестно, на чьем хранении находилась книга. Но как бы ни была сделана запись, она доказывает, что друзья Пэрриса были полны решимости удовлетворить его безумную цель завладеть тем, что, как он должен был знать, приход не мог отдать, а он или его наследники - удержать. Это было поистине жалкое начало его служения - ввязываться в такие распри с людьми, которые, похоже, действительно искренне желали принять его с единым сердцем и сделать его поселение и служение предвестником лучшего дня. Но он оттолкнул многих из них с самого начала своей резкой практикой ведения переговоров о денежных деталях своего соглашения с приходом. Когда, после всех их стараний предотвратить это, стало известно, что тем или иным образом в документах появилось голосование, передающее ему всю собственность прихода, это вызвало большое возмущение; и были предприняты решительные усилия, чтобы вернуть то, что они объявили "мошенническим отчуждением" собственности общества.

Более жестокий конфликт, чем все предыдущие, разгорелся в этом преданном народе. Старые страсти разгорелись с новой силой. Люди встали на позиции друзей и противников мистера Пэрриса, вступая в ожесточенный антагонизм. Налоги не собирались, дом собраний пришел в ветхость; подавались жалобы в окружной суд; издавались приказы о сборе налогов, но они игнорировались, и во всем царили смятение, беспорядок и раздоры.

Церковь была организована при сельском приходе, и мистер Пэррис рукоположился в понедельник, 19 ноября 1689 года. Принятый ковенант был "Исповеданием веры, принятым и одобренным старейшинами и посланниками церквей, собравшихся в Бостоне, Новая Англия, 12 мая 1680 года". В библиотеке Коннектикутского исторического общества хранится рукописный том проповедей и выдержек из проповедей, прочитанных мистером Пэррисом в период с ноября 1689 года по май 1694 года. Он начинается с его проповеди о рукоположении, которая имеет такой префикс: "Моя бедная и слабая проповедь о рукоположении, произнесенная при создании церкви в деревне Салем 19-го числа девятого месяца 1689 года преподобным мистером Николасом Нойесом, который также рукоположил моего недостойнейшего пастора, и вместе с преподобным мистером Сэмюэлем Филлипсом и преподобным мистером Джоном Хейлом наложил руки, - тот же мистер Филлипс подал мне правую руку общения с прекрасной любовью и смирением". Текст из книги Иисуса, ст. 9: "И сказал Господь Иисусу Навину: в этот день Я отвратил от тебя поношение Египетское".

Первой записью в церковных записях после завета и имен членов церкви является следующая: "24 ноября 1689 г. - Суб: день. Брат Натаниэль Ингерсолл избран общим голосованием братьев для исполнения обязанностей дьякона на некоторое время".

В начале своего правления мистер Пэррис показал, что намерен осуществлять дисциплинарные полномочия, возложенные на него как на пастора церкви, с высокой руки, не обращая особого внимания на людей и обстоятельства. Иезекииль Чивер за двадцать лет до этого был членом материнской церкви в Салеме, одним из основателей приходской церкви и, судя по всему, достойным и приятным человеком, занимавшим ферму своего дяди, капитана Лотропа, и владевшим ею. Когда один из членов его семьи внезапно заболел, ему "очень нужна была лошадь", а своей в то время не было, он в спешке и тревоге бросился в конюшню соседа, взял одну из его лошадей, "без разрешения и просьбы", и поскакал за врачом. Можно было бы подумать, что подобный инцидент в столь критической ситуации можно было бы объяснить или уладить по-соседски. Но мистер Пэррис посчитал, что это хорошая возможность для применения власти, которая наведет ужас дисциплины на всю общину. Примерно через пять или шесть недель после этого случая с Чивером поступили так, как описал мистер Пэррис в своей церковной записи, датированной "Саб: 30 марта 1690 года". Его "вызвали, чтобы он принес удовлетворение оскорбленной церкви, как и в прошлую субботу его вызвали с той же целью; но тогда он не принес удовлетворения, по причине того, что несколько скомкал вторую часть своего признания, которое в первой он признал более бесхитростно: Но в этот день церковь получила удовлетворение, о чем свидетельствовало поднятие рук; и после всего этого пастор обратился со словом предостережения к преступнику в частности и ко всем нам в целом".

Мистер Пэррис был явно склонен превозносить значение церкви и довести ее до такого состояния подчинения своей власти, чтобы она могла эффективно использовать ее как оружие в борьбе с прихожанами. С этой целью он старался придать действиям церкви как можно больше достоинства и внушительности; расширить и увеличить ее церемониал и сделать ее театром для осуществления своей власти как главы и правителя. Эта черта его политики была так ярко проиллюстрирована в его поведении по отношению к дьяконам, что я должен представить ее в том виде, в каком она была записана им в церковной книге. Это стоит сохранить как курьез в церковном управлении.

Натаниэль Ингерсолл был профессором религии почти столько же, сколько жил мистер Пэррис. Он был настоящим христианином, признанным набожным человеком, любимым и почитаемым всеми. Он был покровителем, благодетелем и защитником прихода и всех его интересов с момента его основания. Он долгое время носил титул дьякона и выполнял функции этой должности, насколько они могли быть выполнены до организации церкви. Он был казначеем благотворительных обществ, советчиком и религиозным другом во всех делах. Он приближался к преклонным годам и уже был признан среди отцов общины. Казалось бы, не более чем то, чего все ожидали, - чтобы его с самого начала признали дьяконом церкви в полном составе. Несомненно, именно этого все и ожидали. Но нет: он должен был пройти испытательный срок. Он был избран дьяконом "на данный момент" в ноябре 1689 года. Мистер Пэррис держал вопрос об утверждении в своих собственных руках в течение полутора лет. Назначение другого дьякона было приостановлено на целый год. 30 ноября 1690 года имеется следующая запись: -

"Сегодня вечером, после окончания службы, пастор попросил церковь остаться, и тогда он предложил брата Эдварда Путнама в качестве подходящего человека для избрания в качестве другого дьякона. На это было сказано, что, поскольку день был очень холодным, некоторые предложили выбрать другое время для обсуждения этого вопроса. После чего пастор назначил следующий четвертый день, в два часа дня, в доме пастора, для дальнейшего обсуждения этого; с чем церковь согласилась, не расходясь".

Запись заседаний на "следующий четвертый день" выглядит следующим образом

"3 декабря 1690 г. Сегодня днем, на церковном собрании, назначенном на прошлую субботу, брат Эдвард Путнам был вновь предложен церкви для выбора на должность дьякона, чтобы присоединиться к брату Ингерсоллу и быть его помощником в служении, и для рукоположения указанного Путнама в эту должность, после того как он хорошо себя в ней зарекомендует. Некоторые предлагали, чтобы двое были выдвинуты в церковь, из которых церковь должна выбрать одного. Но были приведены удовлетворительные аргументы против этого способа. Некоторые также предлагали выбирать по бумагам, но и этот способ был отвергнут доводами пастора и некоторых других. В общем, пастор поставил вопрос на голосование (не было ни малейшего исключения ни от кого, разве что скромное и смиренное исключение самого человека, раз за разом), и он был принят утвердительно всеобщим голосованием, *nemine non suffragante*.

"После этого пастор обратился к избранному брату и от имени церкви потребовал от него ответа, на что тот ответил: -.

"Видя, сэр, что вы говорите, что голос народа Божьего - это голос Бога, желая ваших молитв и молитв церкви о божественной помощи в этом, я принимаю этот призыв".

Если учесть, что Эдвард Патнэм был рукоположен мистером Пэррисом более чем за год до этого и некоторое время был помощником дьякона Ингерсолла, и что, вероятно, кроме этих двух человек никто не говорил и не думал о дьяконах, становится очевидно, что политика мистера Пэрриса заключалась в том, чтобы придать этому делу большое значение и создать общее ощущение весомой важности действий церкви в этом вопросе. Но это было только начало затянувшихся торжественных церемоний, которыми возвеличивалось это событие.

"Саб: день, 7 декабря, 1690 г. После окончания вечернего богослужения было совершено несколько необходимых дел, а именно.

"1. Пастор ознакомил тех из церкви, кто был в неведении, что брат Эдвард Путнам был избран дьяконом на последнем церковном собрании.

"2. Он также в целом увещевал тех братьев, которые отсутствовали в то время, об их беспорядке в церкви, говоря им, что подобное, по словам апостола, должно быть отмечено или отмечено (2 Фес. iii. 6-16), то есть церковным знаком, - знаком в дисциплинарном смысле; и поэтому просил на будущее исправить ситуацию в этом вопросе и с этой целью.

"3. Он спросил, удовлетворены ли они служением брата Ингерсолла настолько, чтобы призвать его к урегулированию дьяконства путем рукоположения, или же имеют что-то против этого. Но ни один брат не сделал личного исключения. Поэтому, когда вопрос был поставлен на голосование, он был принят утвердительно большинством, если не всеми.

"4. Стол Господень не был обеспечен ничем иным, кроме двух оловянных сосудов, и пастор предложил и пожелал, чтобы в следующий день причастия, который состоится 21-го числа, прихожане сделали более открытый и либеральный взнос, чтобы дьяконы могли иметь средства для достойного оснащения упомянутого стола; что и было принято".

Последняя фраза, "на что было дано согласие", написана более мелким почерком, чем остальная часть записи. Он был написан мистером Пэррисом, но, очевидно, некоторое время спустя и более слабыми чернилами. Есть основания полагать, что в то время ничего не было сделано для того, чтобы избавиться от "оловянных танкардов". Крестьяне были слишком подавлены налогами, установленными провинцией, и тяжестью местных сборов, чтобы прислушиваться к причудливым призывам. Вероятно, какое-то время, а может быть, и до получения наследства дьякона Ингерсолла в 1720 году, они продолжали жить по-старому.

Они не верили, что для того, чтобы приблизиться к присутствию и причаститься памяти Спасителя, необходимо приносить серебряные или золотые сосуды. В своих обстоятельствах, собравшись в скромном деревенском здании для поклонения, они не чувствовали, что в глазах Господа дорогая мебель будет украшать Его стол.

Спустя почти полгода после избрания Путнама мистер Пэррис вновь поднял этот вопрос на собрании церкви 31 мая 1691 года и произнес речь, касающуюся этого вопроса, которую он занес в протокол следующим образом

"Пастор обратился к братьям с этой целью, а именно

"Братья, - рукоположение брата Ингерсолла уже было проголосовано некоторое время назад, и я думал завершить это дело в течение долгого времени, но был вынужден отложить его из-за разнообразия обстоятельств; и, поскольку прошло столько времени, я считаю ненужным делать два дела из одного, и поэтому намереваюсь рукоположить брата Путнама вместе с братом Ингерсоллом в дьяконы, если вы остаетесь в том же уме, что и при его избрании: поэтому, если вы таковы, пусть голосование покажет это. Голосовали все, или, по крайней мере, большинство. Я не видел ни одного, кто бы не проголосовал".

Наконец могучая работа была завершена. Дьякон Ингерсолл находился на испытательном сроке в течение восемнадцати месяцев со дня своего избрания, которое состоялось через пять дней после рукоположения мистера Пэрриса. Его окончательное вступление в сан прошло с большой торжественностью и в присутствии всей общины. В церковных записях мистер Пэррис записал порядок вступления в должность следующим образом

"Саб: 28 июня 1691 г. После послеобеденной проповеди по 1 Тим. iii. 8, 9, 10, 11, 12, 13, поскольку братья вновь призвали брата Ингерсолла на должность дьякона, а он сам заявил о своем согласии, пастор приступил к его рукоположению, используя следующую форму:

"Возлюбленный брат, Бог призвал тебя на должность диакона по выбору братьев и твоему собственному признанию, и это призвание теперь должно быть завершено в соответствии с первобытным образцом, 6 Деяний 6, молитвой и возложением рук, -...

"Итак, мы торжественно объявляем о вашем посвящении в этот сан, торжественно поручая вам во имя Господа нашего Иисуса Христа, Царя Своей Церкви, Который ходит посреди Своих золотых светильников, с глазами, как пламя огня, точно наблюдая за поведением всех в Своем доме, как служителей, так и членов, чтобы вы трудились так, чтобы нести его, как доказательство того, что вы освящены благодатью, квалифицированы для этой работы, и возрастая в этих квалификациях; вести себя серьезно, искренне, умеренно, с должной заботой об управлении своим домом, храня тайну веры в чистой совести; чтобы, как они в этой должности называются "помощниками", так и вы были полезны на своем месте и в своем качестве, делая то, что входит в вашу часть для продвижения дела Христова здесь. Мы также поручаем вам, чтобы, что бы вы ни делали в этом офисе, вы делали это верно, отдавая с простотой, проявляя милосердие с радостью. Смотри на это, брат, как на предмет заботы, а также как на предмет ободрения, что как сама должность, так и твое поставление в нее - от Бога, Который, будучи ожидаем, будет с тобой и примет тебя в ней, помогая тебе хорошо использовать должность диакона, чтобы ты был непорочен, приобретая себе хорошую степень и большое дерзновение в вере.

"Примечание: брат Путнэм еще не был готов к рукоположению, но желал еще обдумать время, что мы с ним и братом Ингерсоллом обсудили в частной беседе за неделю до вышеупомянутого рукоположения".

"Брат Путнам", вероятно, разделял всеобщее недоумение по поводу того, что означают все эти видимые трудности и задержки при особых обстоятельствах дела; и, будучи, как гласит запись, скромным и смиренным человеком, он, естественно, уклонился от грозной церемонности и претенциозного парада, которыми мистер Пэррис окружил эту операцию. Во всяком случае, он долго колебался, прежде чем решился на это. Вполне вероятно, что он категорически отказался от того, чтобы его вступление в должность было отмечено с такой торжественной помпой. Нет никаких упоминаний о его публичном рукоположении, которое мистер Пэррис не преминул бы запечатлеть, если бы такая сцена имела место. Мы знаем только, что он сразу же был признан дьяконом и занимал этот пост в течение сорока лет.

Во всех его записях прослеживается стремление мистера Пэрриса использовать свой пост главы церкви, чтобы приумножить поводы для проявления своего влияния и получить контроль над умами братьев. Он выдвигал возражения, чтобы показать, как он может их устранить, и начинал споры по вопросам, которые раньше не ставились под сомнение. В начале своего служения он проявил эту склонность. На церковном собрании в доме Джона Путнама 20 февраля 1690 года, менее чем через три месяца после своего рукоположения, он вынес на обсуждение братьев весь вопрос о крещении. Нет никаких оснований полагать, что их внимание было привлечено к этому вопросу раньше. Он задал вопрос простым, практичным мужам: "Кто является надлежащим субъектом крещения?" Он изложил истинную доктрину, как он ее считал, в этом ответе: "Верующие, исповедующие завет, и их младенческое потомство". Он поставил этот ответ на голосование, и никто не проголосовал против. Тогда он перешел к другому вопросу: "Насколько мы можем считать такое семя младенцем и крестить его?" Здесь он вышел за пределы их глубины, и, как думали некоторые из них, своей собственной; поскольку за его ответ проголосовало только "большинство": "двое или трое, я думаю, не четверо, не согласились". Вводя такие вопросы, можно было впасть в раскол; но ему удалось избежать этого, насколько это касалось его церкви. Он внушил им высочайшую уверенность в своей образованности и мудрости и добился полного превосходства над ними. Он возвеличил их чувство значимости и достиг своей цели, заручившись их поддержкой в спорах со своей общиной. Через некоторое время братья стали его преданными телохранителями, а церковь - крепостью для защиты и нападения. Однако есть основания полагать, что поднятые им вопросы о крещении вызвали в некоторых умах недоумение, которое еще долго не давало им покоя. Показывая свою образованность и демонстрируя способность решать глубокие вопросы богословия, он пустил семена раздоров и сомнений, которые переросли в споры в последующих поколениях. Единственная рябь на поверхности Деревенской церкви за долгие годы ее спокойствия, прошедшие после завершения его катастрофического служения, была вызвана различием мнений по этому вопросу. Потребовалась вся мудрость его преемников, чтобы утихомирить их. Время от времени приходилось формулировать формулы, составлять половинчатые заветы с различными формулировками, чтобы встретить и разрешить трудности, безвозмездно поднятые им.

Следующие отрывки из его записной книжки показывают, как он добился многого в деле, которое любой другой пастор решил бы спокойно, не требуя вмешательства церкви или общины: они также интересны как иллюстрация того времени:-.

"Саб: 9 августа 1691 г. - После того, как все общественные богослужения закончились, и церковь осталась, я предложил церкви, могут ли они принять крещение, в случае необходимости, тех, кто в настоящее время не может прийти к полному причастию. Я сказал им, что есть одна девушка по имени Хан Уилкинс, дочь нашего брата Томаса Уилкинса, которая очень хочет креститься, но не решается прийти на Вечерю Господню. Если они

ничего не имели против, я должен был принять их молчание за согласие, а в положенное время ознакомить их с тем, что она предложила мне, и поступить соответствующим образом".

Ни за, ни *против* ответа не последовало, и церковь была распущена.

"Саб: 23 августа 1691 г. - Ханна Уилкинс, в возрасте около двадцати одного года, была вызвана, и ее отношение было прочитано в полном собрании, а затем было предложено церкви, чтобы, если у них есть справедливые исключения или, с другой стороны, есть что-то еще, что нужно поощрить, у них была возможность и свобода говорить. Никто ничего не сказал, кроме брата Брея Уилкинса (Хан: дед), который заявил, что, насколько он знает, такого отношения, какое было дано, и разговора, подходящего (как он считает), достаточно для полного причастия. Никто больше ничего не сказал, и было поставлено на голосование, удовлетворены ли они настолько, чтобы принять эту молодую женщину в члены Церкви и, следовательно, посвятить ее в нее крещением. Голосование было принято полностью. После этого ей был дан завет, как если бы она вступила в полное причастие. И пастор сказал ей от имени церкви, что мы будем ожидать и ждать, когда она поднимется выше, и поэтому посоветовал ей добросовестно использовать все средства для достижения этой цели.

После всего этого я объявил ее членом этой церкви, а затем крестил ее".

"28 августа 1691 г. В этот день вышеупомянутая сестра Ханна Уилкинс пришла ко мне и рассказала следующее.

"До крещения (вы знаете, сэр) я желала причащаться за Господним столом, но еще не причащалась; я боялась заходить так далеко: но с тех пор, как я крестилась, мое желание растет к Господнему столу, и я боюсь отвернуться от этого таинства или отказаться от участия в нем. И то, что побуждает меня теперь желать полного причастия, которого я боялся прежде, - это слова Фомы, 20 Иоанна 26 и т. д., где он, отсутствуя среди учеников, хотя и только один раз, потерял видение Христа и приобрел еще большую твердость сердца или рост неверия. А также слова Анании, сказанные Павлу после его обращения, 22 Деяния 16: "А теперь зачем медлишь? Встань" и т. д. Так и я боюсь медлить. Настоящее время принадлежит только мне. И если Бог, помимо моих желаний, милостиво открыл дверь, я считаю своим долгом воспользоваться ею".

"Саб: и День Таинств, 30 августа 1691 г. - Предложение сестры Хан: Уилкинс (до начала празднования Вечери Господней) было упомянуто или предложено церкви, и то, что она сказала мне (прежде чем намекнуть), было прочитано им, а затем было предложено проголосовать, чтобы ответить на ее желание, если они видят в этом пользу; после чего церковь обильно проголосовала утвердительно".

Вышеприведенные отрывки иллюстрируют склонность мистера Пэрриса к возвеличиванию деятельности церкви и к тому, чтобы как можно чаще и заметнее представлять ее движения перед глазами людей. Очевидно, что скромные и робкие сомнения этой интересной и умной молодой женщины могли быть удовлетворены и устранены личной беседой с ее пастором. Как казалось ее старому деду, в этом деле не было никаких сложностей. Размышления нескольких дней сделали этот путь очевидным. Но мистер Пэррис обсуждал этот вопрос в три субботы перед церковью, и в одну из них, по крайней мере, перед прихожанами. Он призвал ее выйти вперед и предстать перед "полным собранием". В результате испытания она признала завет; церковь приняла ее в полное общение, а пастор объявил ее членом

церкви и крестил ее как таковую. Ее разумный разговор с ним в следующую пятницу был, очевидно, предназначен для удовлетворения его и других, чтобы объяснить ее появление на следующем причастии. Но представилась еще одна возможность показать это дело, и он не смог устоять перед искушением. Он хотел произвести впечатление, прочитав то, что она сказала ему в кабинете, перед церковью, если не перед всей общиной. Чтобы показать, насколько уместно снова поднимать этот вопрос, он чувствовал, что по нему должно быть принято какое-то решение; отсюда и голосование. Таким образом, Ханна Уилкинс, судя по записям, была дважды, в два последовательных Дня Господних, "обильно" проголосована в церкви деревни Салем, хотя не было никакого повода для такого экстраординарного повторения, поскольку все с самого начала приняли ее с сердечным доверием, которого она заслуживала. Я представил вам этот случай не столько из-за его внутреннего интереса, сколько потому, что, возможно, он дает ключ к толкованию хода этого злополучного человека в его распрях с прихожанами и его ужасного участия в ужасных сценах колдовского заблуждения. Похоже, что у него была неумемная любовь к волнениям, почти безумная страсть к раздуванию сцен. Когда мы перейдем к деталям нашей истории, милосердному суду предстоит определить, нельзя ли считать эту черту его характера причиной всех бед, в которые он вовлекал других и сам становился вовлеченным.

Церковные записи в одном отношении резко отличаются от приходских. Последние часто умалчивают о вопросах, представлявших интерес в то время, которые могли бы быть внесены в них без всякого умысла. Они ограничиваются исключительно голосованием и ходом заседаний, или тем, что якобы было законно создано; и мы тщетно ищем комментарии или уведомления, относящиеся к посторонним вопросам. За исключением тех случаев, когда их вел сержант Томас Путнам, они неполноценны и несовершенны. Церковные записи, сделанные мистером Пэррисом, полны побочных замечаний и критических замечаний, касающихся всего происходящего. Это делает их особенно интересными и ценными сейчас. Они написаны в ясном, естественном и энергичном стиле их автора; и, хотя в большинстве своем написаны очень мелким почерком, читаются с совершенной легкостью, и дают нам возможность ознакомиться не только с официальными делами церкви, но и с мыслями и чувствами автора относительно дел и вещей в целом. Из них мы почерпнули большую часть всего, что нам известно о его ссорах с прихожанами.

Эта тема постоянно занимала его мысли. На церковных собраниях он постоянно выступал с жалобами на поведение приходского комитета и рассказывал о тех обидах, которые он терпел от их рук. В дни лекций, а то и во время обычных бесед в День Господень, он пользовался случаем, чтобы придать своим жалобам все возможное распространение и огласку. В результате, вместо того чтобы подчинить свой народ и доказать ему свою правоту, он только усугублял его отчуждение. Его манера справляться с трудностями ситуации, в которую они попали, была жесткой и раздражающей, а также совершенно непродуманной, неосмотрительной и озорной во всех отношениях, что привело к состоянию вещей, поистине скандальному. Его понятия и методы, приобретенные во время его меркантильной жизни; его торг с народом об условиях его жалованья; его общие манеры и тон, особенно в той мере, в какой они были сформированы проживанием на рабовладельческих островах Западной Индии, - были совершенно неприятны и полностью противны чувствам, понятиям, идеям и духу фермеров деревни Салем. На своих собраниях они демонстрировали постоянно растущую силу оппозиции ему и старались назначать комитеты, которые не могли бы попасть под его влияние и твердо противостояли бы любому давлению извне.

Совершенно очевидно, что мистер Пэррис использовал свою церковь и вообще министерские должности в качестве двигателя для борьбы со своими противниками, причем

иногда довольно беспринципно, как показывает сопоставление дат и записей. Собрание прихода было предупреждено о проведении 16 октября 1691 года. Важно было воздействовать на чувства людей, чтобы укрепить руки своих друзей на этом собрании. В церковной книге от 8 октября 1691 года есть следующая запись: "В день лекции, после окончания службы, у меня так не хватало дров, что я был вынужден публично просить жителей позаботиться о том, чтобы меня обеспечили; сказал им, что если бы не мистер Корвин (который купил дрова, находясь в тот момент у меня дома), мне вряд ли было бы что жечь". По его собственному рассказу, как мы уже видели, по взаимному согласию было решено, что он должен сам обеспечивать себя дровами, для чего к его жалованью было добавлено шесть фунтов в год. Он выбрал этот пункт в качестве одного из предметов первой необходимости, в которых он нуждался, вероятно, потому, что, поскольку приближалась зима, это был лучший пункт на , чтобы воззвать к общественным симпатиям и поднять шум против своих противников.

Приходское собрание состоялось 16 октября. Выступление мистера Пэрриса на предыдущей лекции о "дровах", как выяснилось, не произвело желаемого эффекта. Большинство против него было так же сильно, как и прежде. Был избран комитет, состоящий из его противников. Предложение поручить им составить тариф было отклонено, и было приказано немедленно выдать ордер на проведение специального собрания жителей, чтобы изучить все обстоятельства, связанные с поселением мистера Пэрриса, и выяснить, законно ли были созваны собрания, которые на них действовали, и каким образом право и право собственности прихода на его министерский дом и земли было поставлено под сомнение. Это подталкивало к решению вопроса. Мистер Пэррис видел это и решил решить ее заранее. Для осуществления своего плана он, как обычно, прибегнул к помощи своей церкви, о чем свидетельствуют следующие записи в книге записей: - "1 ноября 1691 года.

"1 ноября 1691 года пастор попросил братьев собраться у меня дома завтра за полтора часа до заката.

"2 ноября 1691 г. После захода солнца собралось около семнадцати братьев, к которым после молитвы я обратился со следующими словами: "Братья, мне не о чем вас сейчас беспокоить, но вы знаете, какой комитет был выбран на последнем городском собрании, и что они сделали или намерены сделать; возможно, это лучше, чем я. Но, как вы видите, у меня почти нет дров , чтобы их сжечь. Больше мне говорить нечего, оставляю этот вопрос на ваше серьезное и благочестивое рассмотрение".

"В итоге, после некоторого обсуждения, церковь проголосовала за то, чтобы капитан Путнэм и два дьякона отправились в качестве посланников от церкви в комитет, чтобы попросить их назначить ставку для служителя и позаботиться о необходимых для него запасах; и чтобы эти посланники вернулись в церковь на следующий десятый день, за час до захода солнца, в дом служителя, где они будут ожидать его.

"10 ноября 1691 г. вышеупомянутые посланники пришли со своим возвращением, как и было назначено; это означало, что комитет не счел нужным принимать к сведению их послание, если у них не будет какого-нибудь письма, которое они могли бы показать под рукой церкви и пастора. Но на этом последнем церковном собрании, кроме трех посланников, явились еще три брата, а именно: брат Томас Путнам, Томас Уилкинс и Питер Прескотт, - и это пренебрежение к другим братьям не мало беспокоило меня, как я сам выразился. Но я сказал этим братьям, что ожидаю, что церковь будет более внимательна ко мне, чем к другим людям, и что их путь перед ними очевиден, и т. д.

"Саб: 15 ноября 1691 г. - Церкви было предложено собраться у брата Натаниэля Путнама 18-го числа в двенадцать часов, чтобы провести некоторое время в молитве и попросить Бога присутствовать с нами в следующий День Господень за его столом, как у нас было принято, за некоторое время до причастия.

"18 ноября 1691 г. После некоторого времени, проведенного, как было сказано выше, на этом церковном собрании, пастор пожелал, чтобы братья остались, поскольку у него есть что предложить им, что было для этой цели; а именно: Братья, несколько церковных собраний были периодически предупреждены, и иногда явка братьев была не столь значительной, как можно было бы ожидать, особенно в случае, упомянутом 10-го числа. Я сказал им, что не хочу предупреждать собрания без необходимости, и поэтому, когда я это делаю, я молюсь, чтобы они регулярно посещали их.

Кроме того, я сказал им, что у меня мало дров, чтобы сжечь их до утра, и молился, чтобы они проявили хоть какую-то заботу". В итоге, после проведенных бесед, единогласно были приняты следующие решения, а именно

"1. Что необходимо подать жалобу в следующий почетный окружной суд, который состоится в Салеме в следующий третий день недели, на нерадивость нынешнего комитета.

"2. Чтобы упомянутая жалоба была составлена, что было немедленно сделано одним из братьев, и на это было получено согласие.

"3. Чтобы наши братья, Натаниэль Путнам, Томас Путнам и Томас Уилкинс, подписали эту жалобу от имени церкви.

"4. И последнее: чтобы наши братья, капитан Джон Путнэм и два дьякона, были улучшены, чтобы представить упомянутую жалобу в упомянутый суд.

"Тем временем пастор попросил братьев позаботиться о том, чтобы он не остался без дров".

Далее в протоколе приводится еще несколько голосований, целью которых было уточнить детали того, каким образом дело должно было быть передано в суд. На этом мы его и оставим, и так оно и оставалось в течение почти семи лет. Мистер Пэррис, вероятно, опередил своих оппонентов, первым сославшись на закон. Именно это он имел в виду, когда говорил своей церкви, что "путь их был прост перед ними". Если бы не вмешались чрезвычайные и непредвиденные обстоятельства, дело было бы рассмотрено быстрее, и мы не можем сомневаться в том, каким был бы его исход. Какими бы ни были предвзятость или предубеждение судов, и как бы они ни пытались провести в жизнь свои первые решения, не может быть никаких сомнений в том, что в такой борьбе народ в конечном итоге одержал бы верх. В комитете были люди, способные провести приход в жизнь. Религиозное общество, имеющее такие чувства между собой и своим служителем, после всего, что произошло, и справедливые основания для недовольства и возмущения, не могло всегда или долго находиться под таким гнетом.

В непосредственно предшествующих записях есть несколько моментов, которые иллюстрируют политику, по которой действовал мистер Пэррис, и демонстрируют мастерство и бдительность его руководства. Мотив, побудивший его постоянно говорить о "дровах", очевиден. Он должен был вызвать симпатию в свою пользу и обрушить позор на своих противников. Но это не выдерживает проверки: ведь, как я уже сказал, было четко оговорено, что он должен сам находить себе топливо; и нельзя предположить, что его друзья, если у него тогда были настоящие друзья, окруженные, как и они, собственными лесами в пределах видимости от пасторали, позволили бы ему страдать по этой причине. На

сайте есть свидетельства того, что "братья церкви" становились все более теплыми, чего опасался мистер Пэррис из-за их непосещения важных собраний. Во всяком случае, он счел необходимым сделать им несколько довольно значительных обличений. Молитвенное собрание, подготовленное к последующему служению причастия, было очень ловко превращено в деловую консультацию, чтобы начать судебный процесс. Но самое характерное в этой части церковной книги - маргинальная запись против первого абзаца записи от 2 ноября 1691 года. Она написана следующими словами: - "Городское собрание, собрание, собрание, собрание."

"Городское собрание, около или 16 октября прошлого года. Джос: Портер, Джос: Хатчинсон, Джос: Патнэм, Дэн: Эндрю, Фрэнсис Нерс".

Именно эти члены комитета были назначены на собрании. Их имена, сокращенные таким образом, приведены, и к ним не добавлено ни единого слога. Но манера поведения, тогдашнее положение вещей и их отношение к спору придают этой записи глубокий смысл и сильную горечь. Он знал людей и по их именам читал почерк на стене.

Но вскоре течение, которое несло мистера Пэрриса вниз, получило новый поворот. Была вызвана некая сила - специально ли он ее вызвал, или она просто случайно появилась на сцене, мы не можем сказать наверняка; но она пришла в действие как раз вовремя, - которая мгновенно изменила положение сторон и облекла его в страшную силу, позволившую ему раздавить своих противников под ногами. За несколько коротких месяцев он стал вершителем судеб жизни и смерти всех жителей деревни и страны. "Джос: Портер и Джос: Хатчинсон" бежали. Сила разрушения разрушилась прежде, чем стала достаточно сильной, чтобы добраться до них. "Джос: Путнам" в течение шести месяцев находился в постоянной опасности для своей жизни. Все это время он и его семья были вооружены и несли вахту. "Дэн Эндрю спасся от виселицы бегством в чужие края. О том, какие невероятные страдания выпали на долю семьи Фрэнсис Нерс, еще предстоит рассказать.

Заблуждение, связанное с колдовством в деревне Салем в 1692 году, привлекло всеобщее внимание, стало постоянной главой в мировой истории и требует полного объяснения и, если возможно, истинного решения. Будучи убежден, что его нельзя правильно истолковать без глубокого знания людей, среди которых оно появилось, я счел необходимым, прежде чем открывать его сцены или рассматривать предмет демонологии, из которого оно выросло, в первую очередь подготовить себя и тех, кто сопровождает меня в его рассмотрении и обсуждении, к полному его пониманию, пройдя по той почве, по которой мы сейчас прошли. Подробно рассказав историю деревни Салем с момента ее возникновения до момента нашего повествования, вызвав к жизни ее основателей, их детей и преемников с помощью личных, частных, бытовых и местных подробностей, почерпнутых из старых записей и документов, я попытался поставить вас на ту точку зрения, с которой можно было бы осмыслить все происходящее. Мы не можем никаким другим способом получить истинное представление о том или ином отрывке истории, кроме как глядя на людей, действовавших в нем, какими они были на самом деле. Мы должны понять их характеры, войти в их жизнь, увидеть их глазами, почувствовать их сердцем, проникнуться их ассоциациями, чувствами, убеждениями и принципами действий. Только таким образом мы можем приобщить прошлое к себе, постичь его элементы, проникнуть в его глубины, прочесть его смысл или получить его уроки.

Я уверен, что вы согласитесь со мной, что заблуждение появилось или укрепилось среди жителей деревни Салем не потому, что они были более невежественны, глупы или слабоумны, чем жители других мест. Это очень важный момент для справедливого

рассмотрения вопроса. Я имею в виду справедливость не столько по отношению к ним, сколько по отношению к нам и всем, кто хочет понять эту тему и получить пользу от ее понимания. Никогда не существовало сообщества, изначально состоящего из лучших материалов или лучше обученного всем хорошим обычаям. Хотя последующие поколения не пользовались в значительной степени преимуществами образования, обстоятельства, в которых они жили, поддерживали их способности в полной мере. Они были энергичными и умными людьми. Их моральное состояние, общение в обществе, манеры и личные качества были превосходными. Урок катастрофы, надвигающейся на них в тот момент, когда мы подошли к этому моменту, можно по-настоящему и в полной мере воспринять для предупреждения на все грядущее время, только имея правильные взгляды на этот вопрос. Заблуждение, которое привело их к гибели, не было результатом какого-либо существенного недостатка в их моральном или интеллектуальном состоянии. То, что мы называем их невежеством, было общепринятой философией и мудростью того времени, принятой великими учеными той и предыдущих эпох, проповедовавшейся с кафедр, преподававшейся в университетах, признанной в юриспруденции и медицине, а также в богословии, и воплощенной в делах государственных трибуналов и законодательных собраний.

История основания, заселения и развития деревни Салем до 1692 года уже изложена. Мы знаем, насколько позволяют нам существующие материалы, какое население занимало это место на момент нашего рассказа. Их происхождение, воспитание и опыт уже описаны. По крайней мере, по уровню интеллекта они не уступали никому из людей своего времени. Они были энергичны в действиях, приучены к серьезности и рвению, привыкли глубоко вникать во все, что их интересовало, и крепко ухватывать идеи и настроения, которые они получали. Поэтому далее необходимо выяснить, каковы были их представления о колдовстве, дьявольском воздействии и сверхъестественном в целом. Далее я расскажу о том, как в то время обстояли дела с демонологией.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

КОЛДОВСТВО.

ДЕМОНОЛОГИЯ, как общий термин, может быть использован, для удобства, чтобы включить целый класс идей, которые, под различными названиями и огромным разнообразием концепций, пришли через все века, и преобладали среди всех рас человечества, относящихся к предполагаемому агентству сверхъестественных, невидимых, и духовных существ в земных делах. Как обязательно применимый к злым духам, особенно к архи-врагу и верховному противнику Бога и человека под именем Сатана или Дьявол, этот термин, похоже, не использовался в древние времена. Изначально исповедуемое общение со сверхъестественными существами не носило печать дьявольского характера, а, как и в наши дни, считалось невинным и даже достойным доверия. Люди стремились общаться с духами, принадлежащими к невидимому миру, как некоторые делают это и сейчас, полагая, что они достойны доверия и что ответы них ценны и желательны. Так было во времена господства классической мифологии и языческих суеверий в целом. На тех, кто, как предполагалось, общался с демонами, доверчивая публика смотрела как на высокопривилегированный класс; они присваивали себе заслугу быть вознесенными в более высокую сферу знаний, чем все остальное человечество.

Одна из самых примечательных особенностей древнееврейского государства заключается в том, что оно осуждало такие притворные связи как преступные и подвергало их самым строгим наказаниям. Предполагалось, что это опасно; благосостояние отдельных людей и общества требовало отказа от подобных притязаний и практики. Наблюдения и опыт человечества оправдали эту точку зрения. В первые века христианства считалось, что только к Божественному существу следует обращаться в молитве за светом и руководством для человеческой души. Постепенно, когда на христианство опустились темные века, стало распространяться учение о дьяволе как главе и правителе мира демонов, способном общаться со смертными, вмешиваться в их дела и в большей или меньшей степени контролировать законы и явления природы. Считалось, что люди могут вступить в союз с князем воздушных сил, стать его единомышленниками, объединиться с ним и подчиненными ему злыми духами в союзе по подрыву Евангелия и свержению Церкви, сговориться и сотрудничать в восстании против Бога. Это, конечно, считалось самым вопиющим преступлением и составляло реальный характер греха, называемого "колдовством".

Поскольку самым полным, запоминающимся и, судя по тому, что с тех пор о нем узнали во всем мире, выдающимся примером и демонстрацией этого предполагаемого беззакония стал кризис, произошедший в деревне Салем в 1692 году, он по праву претендует на место в истории. Община, в которой он произошел, была полностью описана с точки зрения ее морального, социального и интеллектуального состояния, насколько это было возможно благодаря материалам, которые мне удалось получить. Я полагаю, что по своей подготовке, опыту и чертам характера они были хорошо приспособлены к тому, чтобы дать полный эффект любому волнению или серьезному действию любого рода, которое могло возникнуть среди них, - люди большой энергии, мужества и решимости, хорошо подготовленные к тому, чтобы довести до естественных и законных результатов любое движение и бесстрашно следовать установленным убеждениям до логических выводов. Эксперимент по внедрению сверхъестественного в человеческие дела, по превращению его в основание для действий в обществе и вмешательству в жизненные отношения и отношения людей друг с другом был опробован на этом народе так хорошо, как никогда и нигде.

Прежде чем перейти к деталям повествования, остается лишь дать справедливое и адекватное представление о том, в каком виде и форме общая тема сверхъестественного, в

ее аспекте демонологии, существовала в умах людей в то время. Для этого я должен дать краткое и сжатое описание формирования и развития мнений и представлений, касающихся этой темы, пока они не достигли своего полного проявления и окончательного взрыва в этом районе, в деревне Салем, ближе к концу семнадцатого века.

Ни один человек, который оглядывается вокруг себя на сцену, на которой он находится, размышляет о бесконечных чудесах творения и размышляет о таких же чудесах своего собственного разума, не может быть в растерянности относительно источников и причин суеверия. Пусть он перенесется в состояние первобытных и неграмотных людей, перед которыми мир предстал во всей своей первозданной и возвышенной тайне. Наука не приподняла для их глаз занавес, за которым происходят тайные действия природы. Они наблюдают за приливами и отливами, но не знают притягательного закона, который регулирует их движение; они созерцают шествие времен года, не имея представления о принципах и причинах, которые определяют и производят их изменения; они наблюдают за бурей, когда она поднимается в своем гневе; Они с благоговением слушают раскаты грома и с ужасом взирают на молнии, вспыхивающие из недр черной тучи, и совершенно не знают, какой силе приписать эти страшные явления; они смотрят вверх, на лицо неба, и видят мириады звезд, которые там сверкают, и все для них - могучий лабиринт ослепительной путаницы. Их фантазия должна объяснить, истолковать и дополнить эту блестящую и великолепную сцену.

Воображение - это та способность, которая в первую очередь необходима в таком состоянии. До того как наука проследила действия и раскрыла секреты природы, человек жил в мире, полном чудес и тайн. Его любопытство привлекали все предметы, находящиеся в пределах досягаемости его чувств; и в отсутствие знаний только воображение могло дать ответ на его запросы. Естественнo предположить, что все движения и действия внешнего мира, которые не были вызваны применением его собственной силы или силы любого другого животного, он должен был отнести на счет сверхъестественных существ. Мы также можем заключить, что его вера вряд ли могла закрепиться на понятии единого всевластного Существа. Хотя откровение и наука открыли нам прекрасное и полное единство и гармонию в творении, явления внешнего мира, вероятно, произвели бы на непросвещенного и нефилософского наблюдателя впечатление, что силы, которые их вызывают, разнообразны. При ярком солнечном свете, свежем бризе и мягком лунном свете он будет представлять себе, что это дело рук некоего доброжелательного и благодетельного существа; а в день, омраченный хмурыми тучами, или в ночь, черную от бури и раздираемую ураганом, его фантазия будет внушать ему опасения, что это дело рук темного, сурового и страшного существа.

С помощью подобных размышлений мы легко приходим к удовлетворительному и достаточному объяснению происхождения мифологии и сказочных сверхъестественных явлений у всех древних и первобытных народов. Отсюда можно легко, очевидно и сразу перейти к притязаниям магов, прорицателей, колдунов, заклинателей, оракулов, прорицателей, авгуров и всего списка тех, кто исповедует общение с высшими и духовными силами. Их можно разделить на несколько классов.

Были те, кто, чтобы приобрести влияние на людей, притворялся, что пользуется доверием, дружбой и советом одного или нескольких божеств. Таким был Нума, первый законодатель Римского государства. Чтобы побудить народ принять предложенные им правила, институты и религиозные обряды, он заставил их поверить, что имеет доступ к божеству и получает все свои планы и идеи как сообщение свыше.

Людей, которые благодаря своим выдающимся способностям могли превзойти других в каком-либо деле или предвидеть и использовать события в мире природы, можно было без всякого намерения обмануть, причисляя к некоторым из этих категорий. Например, римский фермер Фурий Кресинус превосходил всех своих соседей в мастерстве и успехе, с которым он управлял своими сельскохозяйственными делами. В связи с этим его обвинили в использовании магических искусств при ведении хозяйства. Его соседи были настолько увлечены чувством зависти и ревности, что объяснили тот факт, что он мог получать больше урожая с небольшого участка земли, чем они с большого, обвинив его в привлечении и перетягивании урожая с их полей на свои с помощью неких таинственных чар. В свою защиту, как сообщает нам Плиний, он предъявлял свои крепкие и хорошо сконструированные плуги, легкие и удобные лопаты и своих обожженных солнцем дочерей и, указывая на них, восклицал: "Вот мои чары; вот моя магия; вот только это - колдовство, которое я использовал". Зороастра, великого философа и астронома древнего Востока, обвиняли в гадании и магии, но, скорее всего, лишь потому, что он обладал необычными способностями.

Существовали люди, которые приобрели необычайное количество естественных знаний и, чтобы люди относились к ним с удивлением и благоговением, притворялись, что получили свои высшие способности от сверхъестественных существ. Они носили имена колдунов, прорицателей и прорицательниц. Легко представить себе раннее существование и огромное влияние таких самозванцев. Терпеливое наблюдение, а зачастую и просто случайность, позволили бы обнаружить существование и действие естественных причин в производстве явлений, которые раньше приписывались сверхчеловеческому воздействию. Полученные таким образом знания тщательно скрывались и хитро использовались, чтобы вызвать удивление и восхищение. Его удачливые обладатели могли заручиться доверием, послушанием и даже благоговением ослепленных и обманутых людей.

Каждый, кто мог открыть секрет природы и сохранить его в тайне, мог навязать себя миру как причастного к сверхъестественным силам. Так возникла целая плеяда прорицателей, астрологов, прорицательниц и оракулов. Завладев однажды доверчивой верой людей, они могли навязывать им свои знания почти без ограничений.

Те, кто претендовал на подобное общение с божеством, становились, естественно, жрецами нации, образовывали отдельную и регулярную профессию и увековечивали свое тело, принимая новых членов, которым они объясняли свои искусства и передавали свои знания. Пока они постоянно открывали и применяли тайные принципы и законы природы, а народ пребывал в полном невежестве и темноте, неудивительно, что они достигли огромной и беспрецедентной степени власти над массой населения. Таким образом мы объясняем происхождение и прослеживаем историю халдейских жрецов в Ассирии, браминов в Индии, волхвов в Персии, оракулов в Греции, авгуров в Италии, друидов в Британии и пау-вау, пророков или "медиков", как их иногда называли, среди наших индейцев.

Вполне вероятно, что ведьмы, упомянутые в Писании, были именно такими. Ни в священной, ни в светской древней истории мы не находим того, что понималось во времена наших предков под колдовством, которое означало формальный и фактический договор с великим князем злых существ. Колдовство древности заключалось в том, чтобы притвориться обладателем определенных таинственных чар и совершить с их помощью или при сотрудничестве со сверхчеловеческими духами, без какой-либо ссылки на их характер как злых или добрых существ, то, что выходит за рамки действия простых природных сил.

Например, ведьма из Эндора была скорее колдуньей и некромантом, чем ведьмой. Обратившись к 28-й главе 1 Царств, где рассказывается о беседе между ней и Саулом, вы не найдете никаких оснований для мнения, что существо, от которого она притворялась, что получила свою таинственную силу, было сатаной. Саул, как правитель народа, находящегося под особым управлением и покровительством истинного Бога, под страхом высшей меры наказания запретил в пределах своей юрисдикции заниматься гаданием и колдовством. Через некоторое время после этого несчастного монарха постигли беды и несчастья. Его враги восстали и собрались вокруг него в страшной силе. Его "сердце сильно трепетало", мрачные предчувствия овладели его духом, а грудь сотрясали муки беспокойства. Он обратился к своему Богу за светом и силой. Он обращался за помощью к священникам жертвенника и пророкам Всевышнего, но его молитвы остались без ответа, а усилия - тщетными. В печали и тревоге он обратился к женщине, которая, как считалось, обладала сверхъестественными способностями и общалась с духовными существами; тем самым он нарушил свой собственный закон и отступил от долга и верности своему Богу. Он умолял ее вернуть Самуила к жизни, чтобы он мог утешить и наставить его. Она притворилась, что исполняет его просьбу; но не успела она приступить к своим обычным таинственным действиям, как Самуил воскрес, и покинутый, несчастный, с разбитым сердцем царь выслушал свой страшный приговор, произнесенный духом ушедшего пророка.

Я особо остановился на ведьме из Эндора, потому что она служит иллюстрацией колдовства или гадания в древности. Она, вероятно, обладала неким тайным знанием природных свойств; была искусна в использовании своих искусств и притворных чар; возможно, обладала особыми способностями чрево вещателя; и, успешно занимаясь самозванством, приобрела необычайную известность и полное доверие публики. Она утверждала, что находится в союзе со сверхъестественными существами и с их помощью воскрешает мертвых.

Этот отрывок вызвал множество дискуссий среди толкователей. Мне кажется, что, исходя из смысла повествования, можно предположить следующий взгляд на эту сделку: Женщина была самозванкой. Когда она вызвала дух Самуила, вместо результатов работы ее волшебного фонаря или каких-то других приспособлений, которыми она могла располагать, по непосредственной воле Всевышнего дух Самуила действительно поднялся, к ужасу и ужасу притворного некроманта. Писатель, по-видимому, указал на это как на правильное толкование сцены, сказав, "что, когда женщина увидела Самуила, она закричала громким голосом"; таким образом, давая свидетельство тревоги и удивления, совершенно не похожего на поведение подобных притворщиков в таких случаях: они обычно демонстрировали радость от успеха своих искусств, гордое спокойствие и достойное самодовольство в управлении духами, которые, как считалось, повиновались их призыву. Сэр Вальтер Скотт придерживался именно такой точки зрения на эту операцию. Его мнение, правда, считалось бы более важным в любой другой области, кроме библейского толкования: однако по всем вопросам, связанным с духовным миром фантазии и его историей, ему следует позволить говорить если не с авторитетом, то, по крайней мере, с тоном мастера. Этот замечательный автор, в бесконечном изобилии и разнообразии своих произведений, опубликовал том о демонологии и колдовстве: он, конечно же, занимателен и поучителен для всех, кому интересно узнать возможности и оценить работу человеческого воображения.

Умные и рассудительные люди сочтут важным обстоятельством в связи с излагаемым сейчас взглядом на сделку, в которой главную роль играет ведьма из Эндора, то, что Хью Фармер, вне всякого сомнения, самый ученый, сдержанный и глубокий писатель по таким вопросам,

склонен бросить вес своего авторитета в ее пользу. Его подробное и обстоятельное обсуждение этого вопроса можно найти в его работе "Чудеса", глава iv. раздел 2.

Среди языческих народов древности искусство гадания в значительной степени заключалось в магическом использовании таинственных чар. Многие растения считались обладающими чудесными свойствами, и едва ли существовал предел предполагаемой силы тех, кто умел их искусно использовать и применять. Вергилий в своей восьмой эклоге так говорит об этом виде колдовства: - "Эти травы Моэрис давал.

"Эти травы дал мне Моэрис
И яды, вырванные в Понте;
Ибо там они растут и множатся
А у нас не растут:
С помощью этих трав она превратила себя
Волчицей, и спрятала ее в лесу;
Она вылавливала души из их жилищ,
и удаляла роговицы с мест, где они стояли".

В четвертой "Энеиде" влюбленная тирийская королева описывает магию, которой, как считалось в то время, занимались:...

"Радуйтесь, - сказала она: "наставление свыше,
Моего возлюбленного я обрету или потеряю свою любовь";
Близ восходящего Атласа, рядом с заходящим солнцем
Длинный путь эфиопских климатов:
Там жрицу Массилии я нашла,
Почтенную возрастом, волшебными искусствами прославленную:
Гесперийский храм был ее надежной заботой;
Она питала бодрствующего дракона;
Она маковые семена в меду научила варить,
Успокоила его ярость и погрузила в сон;
Она следила за золотым плодом. Ее чары развязывают
Цепи любви или закрепили их на разуме;
Она останавливает поток, оставляет русло сухим,
Отгоняет звезды, а небо несет назад.
Зевающая земля откликается на ее зов,
Бледные призраки восходят, а горный пепел падает".

Тибулл во второй элегии своей первой книги приводит следующий рассказ о силах, приписываемых волшебнице: - "Она вырывает каждую звезду из неба.

"Она срывает каждую звезду с ее трона,
И обращает вспять бушующие волны;
Чарами она заставляет землю конопатиться,
И воскрешает души из могил;
Она сжигает кости людей, как огонь,
И низводит небесные огни,
И снег по ее желанию
В разгар летнего сезона".

Эти взгляды продолжали безраздельно властвовать над людьми на протяжении долгих веков. Когда на христианство опустились сумерки темных веков, суеверие, это ночное цветущее растение, быстро и во всех направлениях распространилось по поверхности мира. В то время как все остальное поникло и засохло, оно глубже пустило корни, шире раскинуло ветви и обильнее принесло плоды. Бесчисленные басни греческой и римской мифологии, искусство предсказаний и гаданий, видения восточной романтики, причудливые и ослабленные теории поздней философии, абстрактные и духовные доктрины платонизма, а также все грубые и дикие концепции северных завоевателей Римской империи смешались в вере жителей европейских королевств. Из этого многообразного сочетания и возникли бесконечно разнообразные народные суеверия современных народов.

Впервые мы начинаем проследживать четкие очертания доктрины колдовства не так далеко от начала христианской эры. Оно предполагает веру в дьявола. Я не буду вдаваться в вопрос, требует ли Писание, правильно истолкованное, веры в существование такого существа. Обращаясь исключительно к профанным источникам информации, мы обнаруживаем языческое происхождение веры в существование дьявола в древних системах восточной философии. Первые наблюдатели природы на Востоке пришли к выводу, что мир - это разделенная империя, управляемая попеременной или одновременной энергией двух великих антагонистических принципов или существ, одно из которых совершенно доброе, а другое - совершенно злое. В течение долгого времени, а возможно, и по сей день, среди христиан преобладает вера в то, что Библия учит подобной доктрине; что она представляет для нашего обожания и послушания существо бесконечных совершенств в лице Божества; и для нашего отвращения и страха - существо бесконечно злое и обладающее огромной силой в лице Дьявола.

Очевидно, что, когда весь механизм сверхъестественного был организован в соответствии с идеей дьявола, а демонология стала синонимом дьяволизма, легкое суеверие человечества дало широкое распространение этой форме веры. Вскоре она заняла большое место в религиозных теориях и фантазиях людей и стала ведущим элементом в жизни общества. Она наложила свой отпечаток на форму речи, и многие фразы, которые она породила, до сих пор остаются в обиходе. Он фигурировал в религиозных ритуалах, в атрибутике публичных представлений, и в сказках у костра. Он стал ведущим персонажем драматических пьес о чудесах и пьес о морали, как их называли в разные эпохи. Он был готовым оружием для сатиры, а также для диффамации. Герберт, уроженец Франции, который был возведен в понтификат около конца X века под именем Сильвестра II, восхваляется Мосхаймом как первый великий восстановитель науки и литературы. Это был человек с обширным и возвышенным гением, обладавший замечательными достижениями в области образования, особенно математики, геометрии и арифметики. Он разорвал глубокий сон темных веков и пробудил дремлющий интеллект европейских народов. Его усилия в этом направлении вызвали опасения и недовольство монахов; они распространили после смерти Герберта и заставили невежественные массы поверить в историю о том, что он добился быстрого продвижения в церкви благодаря занятиям черным искусством, которое он маскировал под видом учености; что он получил архиепископство Равенны путем подкупа и коррупции; и что, наконец, он заключил сделку с Сатаной, пообещав ему свою душу после смерти, при условии, что он (Сатана) будет оказывать свое огромное влияние на кардиналов таким образом, чтобы обеспечить его избрание на престол св. Петра. Уговор был успешно реализован. Сильвестр, по утверждению монахов, консультировался с дьяволом через посредство медной головы на протяжении всего своего правления и пользовался его верной дружбой и неизменным покровительством. Но когда Его Святейшеству пришла пора умирать, он попытался обмануть Сатану, который покался и признал свой грех, и лишил его

законных прав на душу. Это иллюстрирует то, как популярное представление о дьяволе использовалось для пробуждения насмешек и удовлетворения злобы.

Естественным и окончательным результатом распространения христианства стало ниспровержение, а точнее, революция, всей системы заклинаний и колдовства.

В языческих странах, как и на Востоке в настоящее время, и у тех из нас, кто исповедует общение с духами, искусство гадания не вызывало, как уже отмечалось, никаких упреков или чувства неодобрения; ведь сверхъестественные существа, с которыми якобы общались, не считались, за редким исключением, злыми существами. Напротив, люди, которые считались искусными в их использовании, пользовались большим уважением, и на них смотрели с благоговением. Маги и философы были взаимозаменяемыми и синонимичными понятиями. Ученые и образованные люди поощряли и обращали в свою пользу народное легкоеверие, которое приписывало их необыкновенное мастерство связи с духовными и божественными существами. Однако в конце концов они оказались в весьма затруднительном положении в связи с распространением новой теологии. Было очень трудно развеять заблуждение и исправить ошибку, которую они прежде считали своим долгом увековечить в сознании общества. Они не могли убедить их в том, что их знания получены из естественных источников, а их деятельность осуществляется исключительно с помощью естественных причин и законов. Люди не хотели отказываться от веры в то, что результаты научных экспериментов и точность предсказаний физических явлений обеспечиваются благодаря помощи сверхъестественных существ.

Поскольку доктрины Евангелия постепенно подрывали народную веру в другие духовные существа, низшие по отношению к Божеству, и в то же время предполагали существование и широкое распространение энергии почти безграничного и всемогущего агента зла, было вполне естественно, более того, неизбежно, что легкоеверие и суеверие, приведшие к предположению о союзе между философами и духовными существами, должны были улечься в полное убеждение, что Дьявол и есть то существо, с которым они таким образом сговорились. Как следствие, их обвинили в колдовстве, и многие стали жертвами всеобщего предубеждения и отвращения, вызванного этим обвинением. Влияние такого положения вещей было вскоре замечено: оно стало одной из самых действенных причин быстрого распространения знаний в современную эпоху. Философы и ученые стали так же стремиться объяснить и опубликовать свои открытия, как в прежние века скрывали и покрывали их тайной. Следующих примеров будет достаточно, чтобы проиллюстрировать правильность этих взглядов.

В XIII веке Роджер Бэкон был обвинен в колдовстве из-за своих открытий в области оптики, химии и астрономии; и хотя он сделал все возможное, чтобы распространить и объяснить свои открытия, ему не удалось избежать папского доноса и двух долгих и мучительных тюремных заключений. В 1305 году Арнольд де Вилла Нова, ученый врач и философ, был сожжен в Падуе по приказу инквизиторов по обвинению в колдовстве. Ему было восемьдесят лет. Через десять лет после этого Петр Апон, также из Падуи, достигший необычайного прогресса в знаниях, был обвинен в том же преступлении и приговорен к смерти, но скончался до назначенного для казни срока.

Теперь я представлю краткий очерк наиболее заметных фактов, касающихся этой темы в Европе и Великобритании до конца семнадцатого века. Некоторые авторы подсчитали, что в течение ста пятидесяти лет за это предполагаемое преступление было казнено тридцать тысяч человек. Разумеется, в моих силах упомянуть лишь несколько примеров.

В 1484 году папа Иннокентий Восьмой издал буллу, поощряющую и требующую ареста и наказания лиц, подозреваемых в колдовстве. С этого момента судебные преследования стали частыми, а жертвы - многочисленными во всех странах. Уже в следующем году в одном государстве была предана огню сорок одна престарелая женщина; вскоре после этого в преданных долинах Пьемонта одна инквизиция сожгла сто человек; в Равенсбурге за пять лет было сожжено сорок восемь; а в 1515 году в Женеве за три месяца было сожжено пятьсот человек! Один писатель де утверждает, что во Франции за колдовство было сожжено "почти бесконечное число" - тысяча человек в одной епархии! Эти кровавые и ужасные операции поощрялись и санкционировались теологической ненавистью и злобой. Вскоре стало ясно, что очистить Церковь от еретиков, повесив или сжегши их всех как ведьм, не составляет никакого труда! Обвинение в колдовстве могло быть предъявлено любому с величайшей легкостью. В начале пятнадцатого века граф Бедфорд, взяв в плен знаменитую Жанну д'Арк, предал ее смерти по этому обвинению. Ее почти обожали люди, спасшиеся благодаря ее романтической доблести, и она была известна среди них под почетным титулом "Святая дева Божья"; но не было никаких трудностей с получением доказательств, достаточных для того, чтобы привести ее на костер как слугу и пособника сатаны! Лютер только начал свою атаку на папскую власть, и его тут же обвинили в сговоре с дьяволом.

В 1534 году Элизабет Бартон, "Кентская дева", была казнена за колдовство в Англии вместе с семьей мужчинами, которые были с ней в сговоре. В 1541 году граф Хунгерфорд был обезглавлен за то, что спросил у ведьмы, как долго проживет Генрих VIII. В 1549 году в соответствии со статьями о посещении архиепископа Кранмера епископам вменялось в обязанность выяснять у своего духовенства, "не знают ли они кого-нибудь, кто использует чары, колдовство, чары, ведьмовство, прорицание или любое подобное ремесло, придуманное дьяволом". В 1563 году король Швеции взял с собой четырех ведьм, как часть своего вооружения, чтобы они помогали ему в войне с датчанами. В 1576 году семнадцать или восемнадцать ведьм были осуждены в Эссексе, в Англии. Один судья или инквизитор, Ремигиус, осудил и сжег девятьсот человек в течение пятнадцати лет, с 1580 по 1595 год, в одном только округе Лотарингии; еще столько же бежали из страны; целые деревни обезлюдели, а пятнадцать человек покончили с собой, вместо того чтобы подвергнуться пыткам, которые под управлением этого преемника Драко и соперника Джеффриса были первым шагом на пути к суду над обвиняемым человеком. Применение дыбы и других орудий пыток при допросе заключенных было рекомендовано им в работе о колдовстве. Он отмечает, что "почти никто не был приведен к покаянию и исповеди иначе, как с помощью этих средств"!

Самые выдающиеся личности шестнадцатого века были приверженцами популярного суеверия о существовании договоров между сатаной и людьми и связанных с ним представлений. Превосходный Меланктон был толкователем снов и предсказателем рождеств. Лютер был ярым сторонником доктрины колдовства и, похоже, всерьез верил, что часто общался с самим заклятым врагом и спорил с ним по вопросам теологии лицом к лицу. В своей "Застольной беседе" он приводит следующий рассказ о своей близости с дьяволом: рассказывая о своем заключении в замке Вартбург, он говорит: "Среди прочего мне приносили лесные орехи, которые я складывал в коробку, а иногда раскалывал и ел их. По ночам мой господин, дьявол, приходил, брал орехи из коробки и разбивал их об один из столбиков кровати, производя очень большой шум и грохот у моей кровати; но я не обращал на него никакого внимания: когда после этого я начинал дремать, он поднимал такой шум и грохот на лестнице в палату, как будто вниз падало много пустых бочек и свиных бочек". Кеплер, чье имя увековечено благодаря открытым им законам, регулирующим орбиты небесных тел, был ревностным сторонником астрологии; а его великий предшественник и

учитель, принц астрономов, как его называют, Тихо Браге, держал при себе идиота, кормил его со своего стола, своей рукой и выслушивал его бессвязные, бессмысленные и глупые высказывания в качестве откровения из духовного мира.

Ниже приводится речь епископа Джуэлла, обращенная к королеве Елизавете. Он был одним из самых ученых людей своей эпохи и по сей день считается могущественным защитником Церкви Англии и дела Реформации в Великобритании. Он был страшным врагом римско-католического суеверия. "Возможно, Вашей Светлости будет угодно, - говорит он, - понять, что за эти четыре последних года в королевстве Вашей Светлости чудесным образом увеличилось количество ведьм и колдунов; подданные Вашей Светлости чахнут до самой смерти; их цвет тускнеет, плоть гниет, речь ослабевает, чувства отнимаются. Я молю Бога, - продолжает придворный проповедник, - чтобы они никогда не практиковались дальше, чем на эту тему". Просьба вежливого прелата, похоже, была услышана. Королева-девственница упорно сопротивлялась искусству всех заклинателей, и считается, что за всю свою жизнь она ни разу не была околдована.

Вероятно, Спенсер в своей "Королеве фаэри" точно описал ведьму шестнадцатого века в следующих прекрасных строках: - "Там, в мрачном лесу, в мрачном лесу".

"Там, в мрачной лощине, она нашла
Маленький домик, построенный из палок и травинок,
В домашнем убранстве, с дерном вокруг,
В котором ведьма жила, гнушаясь сорняков
И умышленно, не заботясь о своих нуждах;
И решила уединиться
Вдали от всех соседей, чтоб дьявольские дела
И адские искусства от людей скрывать,
И вредить вдали неизвестно кому".

Некоторые были настолько склонны предаваться размышлениям о деятельности дьявола и его подручных, что напрягали, нарушали и извращали язык Писания, чтобы заставить его говорить о них. Так, они настаивали на том, что слово "филистимляне" означает сообщников и подданных дьявола, и, соответственно, толковали выражение "Я предам вас в руки филистимлян" так: "Я предам вас в руки демонов".

Я не могу описать степень распространенности рассматриваемого нами суеверия в конце XVI века более сильным языком, чем следующий, взятый у откровенного и ученого французского римского католического историка: "Столь великая глупость, - говорит он, - угнетала тогда этот несчастный мир, что христиане верили в большие нелепости, чем когда-либо могли навязать язычникам".

Мы подошли к началу семнадцатого века, в течение которого в Салеме проходили судебные процессы по обвинению в колдовстве. Чтобы показать мнение духовенства английской церкви в это время, я процитирую следующий любопытный канон, принятый собором 1603 года

"Чтобы ни один священник или священнослужители без лицензии и указания епископа, полученного за его руку и печать, не пытались под каким бы то ни было предлогом, будь то владение или одержимость, постом и молитвой изгнать любого дьявола или дьяволов, под

страхом обвинения в самозванстве или мошенничестве и лишения сана". В том же году епископ Честерский действительно выдал лицензии, как требовалось выше, и несколько священнослужителей получили от него разрешение изгонять дьяволов!

В течение всего этого столетия во всех цивилизованных странах проходили судебные процессы и казни за колдовство. Более двухсот человек были повешены в Англии, тысячи сожжены в Шотландии, и еще большее число - в разных частях Европы.

Эдвард Фэрфакс, поэт, был одним из самых выдающихся людей в Англии. Он прославился как переводчик "Освобожденного Иерусалима" Тассо, в связи с чем Коллинз так отзывался о нем: -...

"Как я сидел, пока дул задумчивый ветер,
Чтоб услышать арфу твою, британцем Фэрфаксом взведенную",
Поэта, чей несомненный ум
Верил волшебным чудесам, что он воспевал".

Этот же Фэрфакс преследовал шестерых своих соседей за околдовывание его детей. Судебные процессы проходили примерно в то время, когда в Америку прибыли первые пилигримы.

В 1634 году Урбен Грандье, очень ученый и выдающийся французский министр, стал одиозным для фанатичных монахинь из Лаудуна из-за своей умеренности по отношению к еретикам. Тайно подстрекаемые, как предполагают, кардиналом Ришелье, против которого он написал сатиру, они притворились, что околдованы им, и добились его преследования: его пытали на дыбе, пока он не потерял сознание, а затем сожгли на костре. В 1640 году доктор Лэмб из Лондона был убит на улицах этого города толпой по подозрению в колдовстве. Несколько человек были повешены в Англии, всего за несколько лет до того, как в Салеме начались судебные процессы. Некоторых судили на водном испытании и утопили в процессе в Саффолке, Эссексе, Кембриджшире и Нортгемптоншире в то самое время, когда здесь проходили казни; значительное число смертных приговоров было вынесено в различных частях Великобритании через несколько лет после того, как преследование прекратилось в Америке.

Судебные процессы и казни в Англии и Шотландии сопровождались обстоятельствами столь же болезненными, столь же варварскими и во всех отношениях столь же позорными, как и те, что происходили в Салеме. По всей видимости, прибегали ко всем видам пыток: принципы разума, справедливости и гуманности были пущены на самотек, а весь народ находился в состоянии самого яростного возбуждения против страдальцев. В самом деле, нет ничего более отвратительного в созерцании этих кровопролитных процессов, чем дух преднамеренной и неприкрытой жестокости, с которой они проводились. Ни судьи, ни общество не проявили ни малейших признаков жалости, сострадания или сочувствия. Следующий отчет о расходах, связанных с казнью двух человек, осужденных за колдовство в Шотландии, показывает, в каком холодном, деловом стиле велось это дело

"За десять кусков угля, чтобы сжечь их	£3	6	8
За бочку смолы	0	14	0
Для буксиров	0	6	0
Для прыжков на	3	10	0

хурден

Для их изготовления	0	8	0
За то, что один из них отправится в Финмут к лэрду, чтобы тот заседал в качестве судьи на присяге.	0	6	0
Палачу за его труды	8	14	0
На его расходы здесь	0	16	4"

В этих, как и во всех других случаях, отчетливо видно огрубляющее воздействие смертной казни. Они постепенно прививают всем, кто привыкает к этому зрелищу, чувство безразличия к ценности человеческой жизни или к мысли о том, что ее можно оборвать рукой насилия. Различными способами они оказывают влияние на тон и нрав общества, что не может не вызывать сожаления у граждан, законодателей, моралистов, филантропов и христиан.

Синклер в своей работе под названием "Невидимый мир Сатаны раскрыт" приводит следующее трогательное заявление, сделанное одной из признавшихся ведьм, когда она шла на костер: - "Теперь все, кто видит меня в этот момент, - это я.

"Все, кто видит меня сегодня, знают, что я должна умереть как ведьма по собственному признанию; и я освобождаю всех людей, особенно министров и магистратов, от вины за мою кровь; я беру ее полностью на себя, моя кровь будет на моей собственной голове: И, поскольку я должна дать ответ Богу небес, я заявляю, что я свободна от колдовства, как любой ребенок; но, будучи обольщенной злобной женщиной и посаженной в тюрьму под именем ведьмы, отрекаясь от своего мужа и друзей и не видя никаких оснований надеяться на то, что я выйду из тюрьмы или когда-либо снова окажусь в кредите, через искушение дьявола, я составила это признание с целью уничтожить свою собственную жизнь, будучи усталой от нее и предпочитая умереть, чем жить."

Сэр Джордж Маккензи рассказывает, что он ходил осматривать некоторых женщин, которые исповедовались, и одна из них, глупая, сказала ему "под секретом", "что она исповедовалась не потому, что была виновна, а потому, что была бедным существом, которая работала, чтобы прокормиться, а ее оклеветали ведьмой, она знала, что умрет с голоду, потому что ни один человек впоследствии не даст ей ни мяса, ни жилья, и что все люди будут бить ее и натравливать на нее собак, и поэтому она хотела бы уйти из мира." После этого она горько заплакала и, встав на колени, призвала Бога в свидетели своих слов.

Некий негодяй по имени Мэтью Хопкинс получил печальную известность в ходе судебного преследования за колдовство, которое происходило в графствах Эссекс, Сассекс, Норфолк и Хантингдон в Англии в 1645 и 1646 годах. Его титул указывает на роль, которую он играл: это был "генерал-ищейка ведьм". Он путешествовал из одного места в другое; его расходы оплачивались; кроме того, он требовал регулярную плату за обнаружение ведьмы. Помимо укалывания тела для поиска ведьминога знака, он заставлял несчастных и дряхлых жертв своей жестокой практики сидеть в мучительной позе, на возвышенном табурете, со скрещенными конечностями; если они упорно отказывались признаться, он продлевал их пытку, в некоторых случаях более чем на двадцать четыре часа. Он не давал им заснуть и таскал их босиком по неровной земле, доводя их до крайней степени изнеможения и боли;

но его любимым методом было привязать большой палец правой руки к большому пальцу левой ноги и протащить их через реку или пруд; если они плыли, что было вполне вероятно, пока их более тяжелые конечности поддерживались и поднимались на веревке, это считалось неоспоримым доказательством их вины. Это чудовище поощрялось и санкционировалось правительством; за один год и в одном округе от него умерло в три раза больше людей, чем пострадало в Салеме за все время заблуждения. О нем и его подвигах говорится в следующих строках из этого кладезя здравого смысла и остроумия, "Гудибраса" Батлера.

"Не этот ли парламент
Не послал ли этот парламент дьявола,
Полностью уполномоченный заниматься
Выискивать восставших ведьм?
И не он ли в течение года
Не повесил три десятка из них в одном графстве?"

Одержимые люди смотрели на этого Хопкинса с восхищением и изумлением и могли объяснить его успех только предположением, которое, как нам говорят, было общепринятым, что он украл записную книжку, в которой Сатана записал имена всех людей в Англии, которые были в союзе с ним!

Самое печальное обстоятельство, связанное с историей этого существа, заключается в том, что Ричард Бакстер и Эдмунд Калами - имена дорогие и почтенные в оценке всех добродетельных и благочестивых людей - были обмануты и введены им в заблуждение: они одобряли его поведение, следовали за ним в его движениях и помогали ему в его делах.

Однако в конце концов некоторые джентльмены, потрясенные жестокостью и сомневающиеся в честности Хопкинса, схватили его, связали ему большие пальцы рук и ног, бросили в пруд и таскали за собой, сколько душе угодно. Результат эксперимента их полностью удовлетворил. Было установлено, что он не утонул. Он был осужден на основании своих собственных принципов, и таким образом страна была спасена от власти злобного самозванца.

Среди тех, чьей смерти добился Хопкинс, был почтенный, седовласый священнослужитель по фамилии Льюис. Он принадлежал к Англиканской церкви, был священником общины более полувека, и ему было более восьмидесяти лет. Его немощный организм был подвергнут обычным испытаниям, вплоть до испытания водой: его заставляли почти непрерывно ходить в течение нескольких дней и ночей, пока, изнемогая, он не дал согласие на признание, которое было представлено против него в суде; однако он отрекся и отрицал его там и всегда, с момента освобождения от мучений, которыми оно было вырвано, и до последнего вздоха. Поскольку ему предстояло умереть смертью преступника, он знал, что в обрядах погребения, согласно формам его вероисповедания, его останкам будет отказано. По преданию, престарелый страдалец читал свою заупокойную службу, находясь на эшафоте. Как ни торжественны, возвышенны и трогательны отрывки этой части церковного ритуала, она, несомненно, никогда не исполнялась при обстоятельствах, столь хорошо подходящих для того, чтобы произвести впечатление благоговения и нежности, как в тот момент, когда ее произносил оклеветанный, угнетенный и умирающий старик. Бакстера судили за мятеж на том основании, что одна из его публикаций содержала рассуждения о епископате, и заключили в тюрьму на два года. Это поразительная и меланхоличная иллюстрация нравственной немощи человеческой природы, что автор "Вечного покоя

святых" и "Призыва к необращенным" позволил проникнуть в свою грудь такому мстительному чувству против истеблишмента, что получил удовольствие и почти ликовал, рассказывая о судьбе этого невинного и пожилого священнослужителя, которого он в насмешку называет "читающим парсоном".

Писания Бакстера пронизаны верой во всевозможные сверхъестественные вещи. В "Вечном покое святых" он заявляет о своей убежденности в реальности и подлинности историй о призраках, явлениях, домах с привидениями и т. д. Он полностью верит в бытовавшую среди людей его времени историю об "изгнании дьявола из многих людей, собравшихся в одной комнате в Ланкашире, по молитве некоторых благочестивых служителей". В своих "Предсмертных мыслях" он говорит: "У меня было много убедительных доказательств существования ведьм, договоров, которые они заключали с дьяволами, и силы, которую они получали от них"; и, похоже, он доверял самым абсурдным басням, когда-либо придуманным на эту тему по невежеству, глупости или мошенничеству.

Случай, на который он ссылается, как на один из случаев "лишения власти дьяволов", можно найти в трактате, опубликованном в Лондоне в 1697 году, под названием "Демониак Сури; или рассказ о странных и ужасных действиях Сатаны в теле и вокруг тела Ричарда Дагдейла из Сури, близ Уолли, в Ланкашире. И как он был изгнан с Божьего благословения благодаря постам и молитвам различных служителей и людей. Факт подтвержден клятвами нескольких достойных доверия лиц перед некоторыми из мировых судей Его Величества в указанном графстве". В "Лондонском ежемесячном репозитории" (том v., 1810) это дело описывается следующим образом: "Эти ужасные действия сатаны продолжались более года; в течение этого времени шла отчаянная борьба между ним и девятью служителями Евангелия, которые взялись изгнать его и с этой целью последовательно помогали друг другу в ежедневных схватках с ним: В то время как сатана пытался всеми своими способами помешать их попыткам, оскорбляя их насмешками и язвительностью, ставя их в тупик греческим и латинским языками и угрожая им последствиями своей мести, пока, наконец, не был побежден и обращен в бегство настойчивыми молитвами и постами упомянутых служителей."

Ни одно имя в английской истории не вызывает большего уважения и восхищения у мудрых и добродетельных людей, чем имя сэра Мэтью Хейла. Его личность была почти почитаема нашими предками; и считается, что именно влияние его авторитета, а не что-либо другое, заставило их придерживаться того курса, который они выбрали в ходе судебного преследования в Салеме. Этот великий и добрый человек председательствовал, как лорд-главный барон, на суде над двумя женщинами - Эми Данни и Роуз Каллендер - в Бери-Сент-Эдмундс, в Саффолке, в 1664 году. Они были осуждены и казнены.

Бакстер рассказывает о следующем обстоятельстве, произошедшем на этом суде: "Один благочестивый служитель, еще живой, сидя рядом и наблюдая за одной из девушек (которая выступала в качестве свидетеля против заключенных) в ее припадке, вдруг почувствовал, как какая-то сила выдернула один из крючков из его штанов; и пока он с удивлением смотрел на то, что из него получилось, измученную девушку вырвало изо рта".

Чтобы дать представление о характере показаний, на которых правительство делало основной упор, приведу следующие выдержки из протокола судебного заседания: "Роберт Шеррингем показал, что ось его телеги, проезжая мимо, сломала часть дома Роуз Каллендер, и в гневе на это она яростно пригрозила ему, что его лошади пострадают за это; и в течение короткого времени все его четыре лошади умерли; после этого он понес много других потерь, когда внезапно умер его скот. Кроме того, он страдал от хромоты в

конечностях и был настолько измучен вшами необычайного количества и размера, что никакое искусство не могло помешать их роению, пока он не сжег два костюма одежды" - "Маргарет Арнольд свидетельствовала, что Эми Данни страдала от ее детей: они (дети), по ее словам, видели мышей, бегущих по дому, и, когда они ловили их и бросали в огонь, они визжали, как крысы. "На лицо младшего ребенка налетело нечто, похожее на пчелу; ребенок впал в припадок, и наконец его вырвало гвоздем с широкой головкой в два пенни, утверждая, что пчела принесла этот гвоздь и затолкала его ей в рот". "Однажды она поймала невидимую мышь, и когда бросила ее в огонь, она вспыхнула, как порох. Никто, кроме ребенка, не видел мыши, но все видели вспышку!"

В этом случае мы видим влияние предрассудков на извращение доказательств. То обстоятельство, что мышь была невидима для всех глаз, кроме глаз ребенка, должно было убедить суд и присяжных в том, что она либо находилась под властью галлюцинаций, либо занималась самозванством. Но поскольку они были предрасположены к тому, чтобы найти что-то сверхъестественное в этой сделке, их разум ухватился за притворную невидимость мыши как за неопровержимое доказательство дьявольского воздействия.

Многие присутствовавшие выразили мнение, что исход процесса был бы благоприятным для заключенных, если бы не следующее обстоятельство: Сэр Томас Браун, врач, философ и ученый с непревзойденной известностью в то время, случайно оказался на месте, и было всеобщим желанием, чтобы его вызвали на трибуну и узнали его мнение по общему вопросу о колдовстве. Восторженный современный поклонник сэра Томаса Брауна так описывает его: "Горизонт его понимания был гораздо шире, чем полушарие мира: все, что было видно на небесах, он постиг так хорошо, что мало кто из тех, кто находится под ними, знал так много; а о земле он обладал такими точными географическими знаниями, как будто Божественное провидение назначило его генеральным землемером всего земного шара и его продуктов, минералов, растений и животных". Его память, как утверждается, уступала только памяти Сенеки или Скалигера, и он считался мастером семи языков. Доктор Джонсон, написавший его биографию, резюмирует его характер в следующих выражениях: "Но не от похвал других, а от своих собственных трудов он должен зависеть в почитании потомков, которого его нелегко будет лишить, пока образование будет иметь хоть какое-то почтение среди людей: ведь нет такой науки, в которой он не обнаружил бы некоторого мастерства; и почти нет такого знания, светского или священного, заумного или изящного, которое он не культивировал бы с успехом".

Представители своего поколения считали, что сэр Томас Браун добился больших успехов, чем мудрость его века. Он претендовал на роль реформатора и дал своей главной публикации название "Исследование вульгарных заблуждений". Его рассуждения были настолько смелыми и свободными, что многие смотрели на него как на дерзкого новатора, и он не избежал обличительного обвинения в ереси. Однако ничто не может быть более несправедливым, чем это последнее обвинение. Он был самым пылким и ревностным приверженцем доктрин Установленной церкви. Он заявляет, что "принимает почетное звание христианина" не потому, что "это религия его страны", а потому, что, "в свои зрелые годы и с устоявшимися взглядами повидав и изучив все, он считает себя обязанным, в силу принципов благодати и закона собственного разума, принять никакое другое имя, кроме этого". Он ликует и "благословляет себя, что жил не в дни чудес, когда вера была навязана ему, но наслаждается тем большим благословением, которое было объявлено всем, кто верил, но не видел": более того, он заходит так далеко, что говорит, что они имели преимущество "только благодаря смелой и благородной вере, которые жили до пришествия Спасителя и, основываясь на неясных пророчествах и мистических типах, могли поднять

веру". Тот факт, что такой человек был обвинен в неверности, служит убедительным доказательством несправедливости, которую иногда допускают суждения современников.

Этот вундеркинд от образования и философии пришел в суд, занял трибуну и заявил о своем мнении в пользу реальности колдовства, вступил в конкретную дискуссию по этому вопросу перед присяжными, бросил весь вес своего великого имени на колеблющиеся весы правосудия, и бедные женщины были осуждены. Авторитет сэра Томаса Брауна, дополненный другими доказательствами, привел сэра Мэтью Хейла в недоумение. Репортер судебного процесса говорит, "что это заставило этого великого и доброго человека сомневаться; но он был в таком страхе и действовал с такой осторожностью, что не стал даже подводить итог доказательствам, а предоставил это присяжным с молитвой, "чтобы великий Бог небесный направил их сердца в этом важном деле"".

Результат этого важного судебного разбирательства окончательно определил толкование английского права, а напечатанный отчет о нем использовался в качестве авторитетного учебника в суде Салема.

Во второй половине семнадцатого века процветал знаменитый Роберт Бойль. Все признают, что он много сделал для внедрения усовершенствованной философии и развития экспериментальной науки. Но он не смог полностью избавиться от суеверий своей эпохи.

Небольшой город в Бургундии, называемый Маскон, был известен в летописях колдовства. В работе под названием "Театр Божьих судов", опубликованной в Лондоне Томасом Бирдом в 1612 году, есть следующий отрывок: "Это было весьма прискорбное зрелище, случившееся с губернатором Маскона, магом, которого дьявол схватил во время обеда и поднял на крышу, трижды пронеся его по городу Маскону в присутствии многих зрителей, которым он кричал так: "Помогите, помогите, друзья мои!", что весь город замер от удивления; да, и воспоминание об этом странном происшествии по сей день крепко держится в памяти всех жителей этой страны". Злобный и фанатичный монах, исполнявший обязанности главного составителя легенд в бенедиктинском аббатстве в окрестностях Маскона, сфабриковал эту нелепую историю с целью поднять дурную славу губернатора. Рассказ о другом дьявольском посещении, навеянном, вероятно, только что описанным, вышел из печати под названием "Дьявол из Маскона" еще при жизни Бойля, который дал свое согласие на эту работу, способствовал ее переводу на английский язык и в 1678 году публично заявил о своей вере в сверхъестественную операцию, о которой в ней рассказывается.

Тема демонологии во всех ее формах и фазах, включая колдовство, занимала в литературе веков, непосредственно предшествовавших восемнадцатому, более почетное место во всей Европе, чем любая другая. По инициативе правительств и университетов издавались труды высочайшего уровня, тщательно проработанные, научные, объемные и исчерпывающие. Она считалась занимающей самый выдающийся отдел юриспруденции, а также науки и теологии.

Рафаэль де Ла Торре и Адам Таннер опубликовали трактаты, в которых утверждали право и обязанность церковных трибуналов наказывать всех, кто занимается демонологией или имеет с ней дело. В 1484 году Шпренгер выпустил свою знаменитую книгу "Malleus Maleficarum", или "Молот ведьм". Пол Лейман в 1629 году выпустил подробный труд "Судебные процессы против колдунов и ведьм". Название объемистого тома объемом около семисот страниц звучит следующим образом: "Демонология, или Естественная магия, или демоническая магия, законная и незаконная, также открытая или тайная, посредством вмешательства и вызова демона", опубликованная в 1612 году. Она состоит из четырех книг, в которых рассматривается преступление колдовства и наказание за него в обычных судах и

в инквизиторской канцелярии. Ее автором был дон Франсиско Торребланка Вильяльпандо из Кордовы, королевский адвокат в судах Гренады. Она была переиздана в 1623 году по повелению Филиппа III Испанского, по рекомендации генерального фискала и с санкции Королевского совета и Святой инквизиции. Этот труд можно рассматривать как установление и определение доктрин в отношении колдовства, преобладающих во всех католических странах. Он был одобрен королевской, судебной, академической и церковной властью, изобилует необычайной эрудицией, изложен в самой научной форме, скрепляя в методичной классификации все мельчайшие детали предмета и кодифицируя их в полную систему права. Во всех процессах и во всех доктринах, выдвинутых на суде в Салеме, не было ни одной, которая не нашла бы достаточного обоснования и поддержки в этом труде католического, имперского и европейского авторитета.

Но, пожалуй, автором, оказавшим наибольшее влияние на эту тему в Англии и Америке в течение всего семнадцатого века, был Уильям Перкинс, "ученый, благочестивый и болезненный проповедник Слова Божьего в церкви Святого Андрея в Кембридже", где он умер в 1602 году в возрасте сорока четырех лет. Он был довольно объемным автором, и многие его работы были переведены на французский, голландский, итальянский и испанский языки. Фуллер в "Священном государстве" выбирает его как олицетворение качеств, необходимых "верному министру". В своем хвалебном отзыве о его образованности и талантах он говорит: "Он мог бы произнести слово *dam*."

"Он произносил слово *damne* с таким акцентом, что оно еще долго оставалось печальным эхом в ушах слушателей. А когда он был катехизатором в колледже Христа, то, излагая заповеди, применял их так по-домашнему, что у слушателей едва не падали сердца, а волосы вставали дыбом. Но в более зрелом возрасте он изменил свой голос и в значительной степени утратил былую жесткость, часто заявляя, что проповедовать милосердие - это надлежащая должность служителей Евангелия." Наш Перкинс привел на кафедру школы и, выудив их споры из трудных школьных уроков, сделал из них простое и полезное мясо для своих слушателей; ведь у него была вместительная голова с извилистыми углами, достаточно просторная, чтобы вместить все спорные хитросплетения". "Он обладал редкой способностью быстро читать книги; так что, как бы проезжая почтой через автора, он строго отмечал все отрывки. Просматривая книги так быстро, можно было подумать, что он ничего не читал; так точно, что можно было подумать, что он прочитал все".

Том формата octavo, написанный этим великим ученым и провидцем, был опубликован в Кембридже в Англии под названием "Рассуждение о проклятом искусстве колдовства". Он выдержал несколько изданий и имел широкий и постоянный тираж.

Эта работа, характер которой достаточно ясно виден из ее выразительного названия, была большим авторитетом по этому вопросу у наших отцов; и мистер Пэррис имел ее копию в своем распоряжении, когда в деревне Салем началось разбирательство по поводу колдовства.

Джон Гоул опубликовал в Лондоне в 1646 году том формата октаво под названием "Избранные случаи совести, касающиеся ведьм и колдовства". Он является одним из самых точных авторов по этому вопросу и распределяет ведьм по следующим классам: "1. прорицательница, цыганка или гадальная ведьма; 2. астролог, звездочет, планетарная ведьма, предсказательница; 3. скандирующая, кантирующая или вычисляющая ведьма, которая работает по знакам и числам; 4. венефическая, или отравляющая ведьма; 5.

экзорцист, или колдующая ведьма; 6. гастрономическая ведьма; 7. магическая, спекулятивная, научная или искусная ведьма; 8. некромант".

Помимо бесчисленных писателей этого класса, которые распространили схоластические знания по теме, и представили их в логической и теологической форме, были и другие, которые рассматривали ее в более популярном стиле и наделяли ее очарованием элегантной литературы. Генри Халливелл опубликовал в Лондоне в 1681 году книгу октаво, в которой, хотя основные доктрины колдовства, принятые в то время почти повсеместно, навязываются, была сделана попытка избавиться от некоторых из его наиболее отталкивающих и ужасных черт. Он дает следующее описание средств, с помощью которых человек может поставить себя вне досягаемости колдовской силы

"Душа может подняться на такую высоту и стать настолько божественной, что никакое колдовство или злые демоны не смогут иметь никакой власти над телом. Когда телесная жизнь слишком оживляется и пробуждается и вовлекает в сговор с собой интеллект, цветок и вершину души, тогда мы подвергаемся магическим нападениям и становимся несносными. Ибо магия или колдовство, будучи основаны только на этом низшем или мирском духе, тот, кто делает своим делом освобождение и избавление от всех его прихотей и лстивых преданий, и старается полностью отстраниться от телесной любви и слишком близкого сочувствия к хрупкой плоти, тот этим разжигает в себе такой божественный принцип, который возвышает его над судьбой этого низкого мира, и украшает его разум таким ужасным величием, которое отбивает все чары и заставляет адских извергов трепетать перед его присутствием, ненавидя те энергичные лучи света, которые так противоречат и противны их темным натурам."

Ум этого прекрасного писателя находил ободрение и безопасность посреди дьявольского духа, которым, по его мнению, был заражен мир, в следующих взглядах и рассуждениях: - "Ибо цепь правительства

"Ибо существует цепь управления, нисходящая от Бога, верховного монарха, чьи яркие и пронзительные глаза смотрят на все, что он создал, до самой низшей степени творения; есть ангелы-президенты империй и королевств, и те, кто под их руководством опекает частные семьи; и, наконец, особый гений-хранитель каждого человека. Неодушевленный или материальный мир также не предоставлен слепой случайности или фортуне; но существуют могущественные и сильные духи, которым поручено руководство и забота о колебаниях и неопределенных движениях этого мира, и благодаря их служению огонь и пар, бури и штормы, снег и град, жара и холод удерживаются в таких пределах и границах, которые наиболее полезны для целей Провидения. Они заботятся о разнообразии времен года и следят за обработкой земли и плодами; по этой причине Ориген называет их *невидимыми* земледельцами. Таким образом, все дела и вещи находятся под наблюдением и управлением этих бесплотных существ, власть темного царства и его агентов строго ограничена и сдержана, и они не могут навлечь на мир общее несчастье без особого разрешения высшего Провидения".

У Спенсера те же образы и настроения: "Я не знаю, что делать.

"Как часто они покидают свои серебряные чаши,
Чтобы помочь нам, которые нуждаются в помощи?
Как часто они с золотыми шестеренками рассекают
По небу, как летучие преследователи,
Против злобных извергов, чтобы помочь нам в бою?
Они сражаются за нас, они следят и охраняют нас,

И их яркие эскадроны вокруг нас,
И все ради любви, и ничего ради награды:
О, почему небесный Бог к человеку так внимателен?"

Хотя нет никаких сомнений в том, что суеверные мнения, которые мы рассматривали, были распространены среди огромного количества людей всех сословий и положений, было бы несправедливо по отношению к истине не упомянуть, что были люди, которые смотрели на них как на пустые басни и тщетные фантазии. Заблуждение еще никогда не было полностью и повсеместно завоевано. В самые темные века и в самых заблудших регионах не удавалось полностью погасить свет разума. Всегда находились люди, в чьих душах факел истины горел с неусыпной бдительностью: мы можем различить его отблеск то тут, то там сквозь самую глубокую ночь, которая еще не опустилась на землю. Среди самых экстравагантных суеверий находились люди, которые отрекались от народной веры и считали признаком мудрости и истинной философии отбрасывать пустые фантазии и абсурдные схемы веры, владевшие умами огромной массы их современников. Так было и с Горацием, о чем свидетельствуют строки, переведенные довольно вольно, но эффектно: - "Эти сны и ужасы магические

"Эти сны и ужасы волшебные,
Эти чудеса и ведьмы,
Ночные спириты и фессалийские жуки,
Esteeme them not two rushes".

Интеллект Сенеки также возвышался над народным легковерием в отношении сверхъестественных существ и действенности таинственных чар.

Если бы мы только могли получить доступ к тайным мыслям мудрейших философов и гениальных людей древности, мы, вероятно, обнаружили бы, что многие из них превосходили суеверия своего времени. Даже в густой тьме темных веков существовали умы, слишком сильные, чтобы держать их в цепях ошибок и заблуждений.

Генрих Корнелий Агриппа, родившийся во второй половине пятнадцатого века, был, пожалуй, величайшим философом и ученым своего времени. В раннем возрасте он был очень предан науке магии и являлся ярким сторонником демонологии и колдовства. В ходе своих исследований и размышлений он изменил свои взгляды на эти предметы и сделал все возможное, чтобы предостеречь других от доверия к таким суетным, легкомысленным и абсурдным суевериям, которые в то время владели миром. Следствием этого стало то, что его осудили и преследовали как фокусника, а также обвинили в том, что он писал против магии и колдовства, чтобы надежнее укрыться от подозрений в том, что он их практикует. В качестве примера клеветы, которую на него обрушили, приведу утверждение Павла Иовия о том, что "Корнелий Агриппа всегда ходил в сопровождении злого духа в образе черной собаки" и что, когда приблизилось время его смерти, "он снял с шеи собаки заколдованный ошейник и отослал ее с такими словами: "Прочь, проклятое животное, которое меня погубило"; после этого собаку никогда не видели". Батлер в своем "Гудибрасе" не пренебрег лекцией, чтобы отметить эту замечательную связь между Сатаной и человеком, обладающим образованностью: - "Агриппа держал Стихию.

"Агриппа держал стигийского мопса.

В одежде и повадках собаки,
Это был его воспитатель; и тот
Читал оккультному философу".

Джон Виерус написал искусно написанную, ученую и благоразумную книгу, в которой подробно рассмотрел магию, колдовство и чародейство и сделал все, что могла сделать ученость, талант и философия, чтобы подорвать и ниспровергнуть всю систему преобладающего народного суеверия. Но он оказался не лучше своего предшественника, покровителя и учителя Агриппы, ибо, как и тот, был обвинен в попытке убедить мир, что в сверхъестественных чарах и дьявольских конфедерациях нет никакой реальности, чтобы посвятить себя им без подозрений и преследований, и был снесен фанатизмом и фанатизмом своего времени.

Король Яков лишь выразил общее настроение и озвучил вердикт народного мнения в следующем отрывке из предисловия к своей "Демонологии": "Виерус, немецкий врач, излагает публичную апологию всех этих ремесел, при этом, добиваясь для них безнаказанности, он явно выдает себя за представителя этой профессии".

В 1584 году в Лондоне был опубликован том в формате кварто, работа Реджинальда Скотта, ученого английского джентльмена, название которого достаточно точно указывает на его значение: "Разоблачение колдовства, в котором заметно обнаруживаются левые сделки ведьм и колдунов; нечистоплотность фокусников, нечестивость инхантеров, глупость прорицателей, наглая лживость мошенников, неверность атеистов, пагубные практики питонистов, курьезы фигурантов, тщеславие мечтателей, нищенское искусство алкумстрии, мерзость идолопоклонства, ужасное искусство отравления, добродетель и сила естественной магии, а также все удобства легердемайна и жонглирования, открыты ис."

В 1599 году Сэмюэл Харснетт, архиепископ Йоркский, написал работу, опубликованную в Лондоне, чтобы разоблачить некоторых людей, претендовавших на способность изгонять дьяволов, и выявить их "обманное ремесло". Этот писатель был одним из первых, кто использовал силу смелой сатиры и открытого обличения для борьбы с суевериями демонологии. Он так описывает мотивы и методы таких самозванцев: - "Из них, - говорит он, - есть только те, которые не могут быть в состоянии сделать это".

"Из них, - говорит он, - складывается наше истинное представление о ведьме: старая, побитая непогодой тётка, с подбородком и коленями, сросшимися от возраста, идущая как лук, опираясь на посох; пустоглазая, беззубая, с бороздами на лице, с дрожащими от паралича конечностями, идущая с бормотанием по улицам; та, что забыла свой Pater-noster, но имеет проницательный язык, чтобы назвать черноту чернотой. Если она выучила старую жену в дымоходе: "Рах, Мах, Фах", для заклинания, или может произнести проклятие сэра Джона Грэнтэма за угрей мельника: "Все, кто украл угрей мельника, Laudate dominum de coelis; и все, кто согласился на это, Benedicamus domino"; то берегитесь! посмотрите вокруг вас, мои соседи. Если у кого из вас овца больна, или свинья свинкой, или лошадь пошатывается, или мальчишка-бездельник в школе, или девица-бездельница в колесе, или молодая дрянь, и нет у него достаточно жира для каши, или масла на хлеб, и ей немного помогает эпилепсия или судороги, чтобы научить ее закатывать глаза, кривить рот, скрежетать зубами, вздрагивать всем телом, держать руки и кисти скованными и т.д.с.; а потом, когда старая матушка Нобс случайно назовет ее праздной молодой хозяйкой или попросит дьявола поцарапать ее, то, без сомнения, матушка Нобс - ведьма, а молодая

девушка - сова, и т. д. Всех, чьи мозги приманивают, а воображение расстраивают фантазии и страхи о ведьмах, колдунах, феях и прочей лимфатической химере, я отношу к одной из пяти категорий: дети, глупцы, женщины, трусы, больные или черные меланхолические расстроенные умы".

В 1669 году в Лондоне была опубликована работа под следующим названием: "Дискуссия о колдовстве; или Рассуждение против их мнений, утверждающих, что они ведьмы". Это труд большого достоинства, который сделал бы честь ученому и логике наших дней. Автором был Джон Вагстафф из Оксфордского университета: его описывают как кривого, сморщенного, маленького человечка самой презренной наружности. Это обстоятельство, а также его труды, направленные против популярной веры в колдовство, заставили его академических коллег обвинить его, некоторые из них в спорте, но другие с серьезными подозрениями, в том, что он волшебник. Вуд, историк Оксфорда, говорит, что "он умер в рассеянности, вызванной глубоким воображением о своих собственных качествах и постоянным слякучником крепких и высокопробных спиртных напитков". Но на бедного Вагстаффа обрушилось нечто большее, чем частные насмешки и клевета. Его еретические настроения подвергались нападкам со стороны множества писателей, которые всегда готовы выступить в защиту господствующего мнения. Но Вагстафф не остался в одиночестве, защищая дело разума и истины. У него был один самый ревностный защитник и горячий поклонник в лице автора работы "Учение о дьяволах", опубликованной в 1676 году. Этот писатель подводит итог панегирику в адрес работы Вагстаффа, называя ее "благоразумной книгой, содержащей больше здравого смысла, истинной религии и правильного христианства, чем все те куски и телеги багажа, который был нафарширован всеми педерастами демонологических зимних сказок и колдовских легенд, с тех пор как они впервые начали пачкать чистую бумагу".

Доктор Бальтасар Беккер из Амстердама, одинаково выдающийся в астрономии, философии и теологии, опубликовал в 1691 году эрудированный и сильный труд под названием "Околдованный мир", в котором он открыто выступил против доктрин колдовства и дьявола, предвосхитив многие взгляды и аргументы, представленные в превосходных публикациях Фармера. В награду за свои усилия по просвещению ближних он был отстранен от служения и подвергся нападкам со стороны почти всех писателей своей эпохи.

Доктор Беккер был одним из самых талантливых и смелых писателей своего времени и сделал многое для развития естественных наук, толкования Священного Писания и принципов просвещенного христианства. В 1680 году он опубликовал "Исследование о кометах", вызволив их из царства суеверий, поместив их в рамки естественных физических законов и взорвав бытовавшее тогда мнение, что они в любом случае являются предвестниками или предвестниками зла. Его "Изложение пророка Даниила" служит доказательством его образованности и рассудительности. Его великие заслуги признавали Джон Локк и Ричард Бентли. В предисловии к своей книге "Околдованный мир" он говорит, что его огорчает, когда он видит великие почести, силы и чудеса, которые приписываются дьяволу. "Дошло до того, - выражаясь его же языком, - что люди считают благочестием и богобоязненностью приписывать дьяволу множество чудес, а также нечестием и ересью, если человек не верит, что дьявол может сделать то, о чем говорят тысячи людей. Теперь считается благочестием, если человек, боящийся Бога, боится и дьявола. Если же он не боится дьявола, то выдается за атеиста, который не верит в Бога, потому что не может думать, что есть два бога, один хороший, другой плохой. Но таких, я думаю, с гораздо большим основанием можно назвать дитеистами. Со своей стороны, если из-за моего мнения мне дадут новое имя, пусть называют меня монотеистом, верующим только в одного Бога". Эта работа разрушила всю систему демонологии и колдовства, доказав, что колдовства и

одержимости никогда не существовало, и что дьяволы не имеют никакого влияния на человеческие дела и личности людей. Неудивительно, что это вызвало большой резонанс. Удивительно, что это не стоило ему жизни. Вероятно, его защитой была уверенность людей в его характере и образованности. Были предприняты попытки ослабить это доверие и свергнуть его в одиоз, обрушив на него всевозможные оскорбления. Была отчеканена и широко распространена медаль, изображающая дьявола, одетого как священник или министр, верхом на осле. Устройство было устроено таким образом, чтобы возбудить в вульгарном сознании насмешки и отвращение к Беккеру. Но переломить народное чувство, настроенное в его пользу, оказалось невозможно, и его гонители и клеветники потерпели полное поражение. Вскоре за ним последовал ученый Томазиус, чьи труды против демонологии оказали решающее влияние на убеждения эпохи.

В то время как Беккер и другие писатели его класса стремились уничтожить суеверные обычаи и причуды, распространенные в то время в отношении демонологии и общения с духовными существами, они настолько присоединились к народному богословию, что поддерживали доктрину личности дьявола. Они верили в существование дьявола, но отрицали его вмешательство в дела людей. Они считали, что он заточен "в бездонную погибель, где будет обитать...

"В адамантиновых цепях и на каторжном огне".

Сэр Роберт Филмер в 1680 году опубликовал "Обращение к юристам Англии, касающееся ведьм", в котором он критиковал и осуждал многие мнения и методы, которые в то время допускались в этом вопросе.

Но Беккер, Томазиус и Филмер появились слишком поздно, чтобы повлиять на мнения, преобладавшие в Европе и Америке до колдовского бреда 1692 года. Труды других писателей того же направления, на которых я ссылаюсь, вероятно, имели очень ограниченный тираж и в то время не произвели особого впечатления. Заблуждение редко преодолевается простым рассуждением. Оно поддается только логике событий. Никакая сила образованности или остроумия не смогла бы искоренить колдовские суеверия в умах людей. Ничто, кроме демонстрации их уродств, глупостей и ужасов, подобной той, что была выставлена на всеобщее обозрение, не могло нанести им смертельный удар. Это стало окончательной причиной Салемского колдовства и делает его одной из величайших вех в мировой истории.

Полное и справедливое представление о положении и обязательствах лиц, участвовавших в сделках в Салеме, требует предварительного знания принципов и состояния закона, как он действовал в то время и как его понимали суды и все, кто имел отношение к судопроизводству. Хотя древние не считали притворное общение магов и чародеев с духовными существами обязательно или всегда преступным, мы видим, что они принимали законы против злоупотребления властью, которая, как предполагалось, возникала в результате такой связи. В старом римском кодексе Двенадцати таблиц содержался следующий запрет: "Пусть не околдовывают плоды земли и не используют никаких чар, чтобы привлечь зерно своего соседа на свои поля". За время существования Римского государства было издано несколько специальных эдиктов на эту тему. На раннехристианских соборах колдовство часто становилось объектом обличения. Например, в Лаодикии в 364 году было решено отлучать от церкви всех священнослужителей, которые были магами, чародеями, астрологами или математиками! Булла папы Иннокентия VIII, принятая в конце XV века, уже упоминалась.

Доктор Тернер в своей истории англосаксов говорит, что у них были законы против колдунов и ведьм, но они не наказывали их смертью. Английский статут против колдовства был принят в правление Генриха VIII, а другой - в правление Елизаветы.

Однако до этого времени законодательство парламента по данному вопросу было милосердным и разумным: оно не предусматривало за вину колдовства наказания в виде смерти, если только оно не использовалось для уничтожения жизни, то есть если оно не становилось убийством.

После смерти Елизаветы на престол взошел Яков Шотландский. Его педантичный и эксцентричный характер хорошо известен. Он рано проявил склонность к заумным и таинственным рассуждениям. Не дожив до двадцати лет, он взялся за то, на что отваживались только самые смелые и глубокие богословы: он изложил книгу Откровения. Когда ему было около двадцати пяти лет, он опубликовал работу "Учение о дьяволах и колдовстве". Вскоре после этого он стал наследником британской короны. Легко представить, что тема демонологии вскоре стала модной и преобладающей темой для разговоров в королевских салонах и по всей стране. Она служила средством, с помощью которого угодливые придворные могли донести свою лесть до ушей своего опытного и ученого государя. Книга Его Величества переиздавалась и широко распространялась. Разумеется, ее хвалили и рекомендовали во всех кругах.

Парламент, движимый низменным желанием сделать комплимент тщеславному и суеверному королю, в первый же год его правления принял новый, гораздо более суровый закон против колдовства. Именно по этому закону многие люди здесь и в Англии были лишены жизни. Кровь сотен невинных людей была пролита несправедливо. Это была страшная цена, которую эти подневольные законники заплатили за благосклонность своего принца.

Но это было не единственное зло, к которому привело придворное почтение к предрассудкам короля Якова. Именно под его руководством был сделан наш нынешний перевод Писания. Чтобы угодить Его Королевскому Величеству и укрепить аргументы в его работе по демонологии, слово "ведьма" использовалось для обозначения выражений в оригинале на иврите, которые передавали совершенно другую идею; и оно свободно вставлялось в заголовки глав. [В] Человек, имеющий "знакомо́го духа", был излюбленным описанием ведьмы в книге короля. Переводчики, забыв о своей высокой и торжественной функции, попытались утвердить это определение, включив его в свою версию. Соответственно, они ввели его в нескольких местах; например, в одиннадцатом стихе восемнадцатой главы Второзакония: "советник со знакомыми духами". В иврите нет слова, которое соответствовало бы слову "знакомый". А это важное, главное слово в определении. Оно передает идею союза, установленной связи, конфедерации или договора, что характерно и отличает ведьму. В оригинале это выражение означает "советник с духами", особенно, как это было в случае с "ведьмой из Эндора", советник с ушедшими духами. Это было шокирующее извращение Слова Божьего с целью польстить слабому и смертному государю! Король Яков дожил до того времени, когда увидел и признал ошибочность своих ранних взглядов, и он с радостью противодействовал бы их дурному влиянию; но легче принимать законы и переводы, чем изменять и исправлять их.

Если закон страны требовал смертной казни ведьм, не следует возлагать вину на судей и присяжных за выполнение ими своих обязанностей по приведению его в исполнение. Мы не станем утверждать, что они должны были отказаться, пусть последствия для них самих были бы такими, какими они были бы, санкционировать и приводить в исполнение такие

бесчеловечные и неразумные постановления. Мы не можем последовательно придерживаться этой точки зрения; ведь нет ничего более определенного, чем то, что при их представлениях наши предки имели по крайней мере столько же веских оснований для того, чтобы наказывать колдовство смертью, сколько мы имеем для того, чтобы наказывать любое преступление таким же ужасным и суммарным образом. В защиту наших смертных приговоров мы апеллируем к тексту Моисея: "Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется от человека". Апологет наших отцов, приводивший в исполнение закон, по которому колдовство считалось смертным преступлением, говорит нам в ответ, прежде всего, что этот отрывок носит характер не предписания, а всего лишь наставления; что он не предписывает какого-либо определенного метода действий, а просто описывает естественные последствия жестокого и спорного поведения; и что он сводится лишь к следующему: что ссорящиеся, жестокие и кровожадные люди будут склонны встретить ту же участь, которую они навлекают на других; что дуэлянт, скорее всего, падет в частном бою, честолюбивый завоеватель погибнет, а воинственный народ будет уничтожен на поле боя. Если мы не считаем это достаточным и удовлетворительным ответом, он переходит на нашу собственную почву, указывает на тот же текст, где мы приводим свои аргументы в защиту, и упирает свой палец в следующее простое и авторитетное предписание: "Не позволяй ведьме жить". Действительно, мы должны признать, что смертная казнь ведьм так же сильно поддерживается и укрепляется Писанием Ветхого Завета - по крайней мере, в том виде, в каком оно представлено в нашей современной версии, - как и смертная казнь за любое преступление.

Если мы примем другую линию аргументации и скажем, что необходимо наказывать некоторые конкретные преступления смертью, чтобы поддерживать безопасность общества или служить впечатляющим предупреждением для других, то и здесь мы обнаружим, что наш оппонент может предложить в защиту наших отцов столько же, сколько можно предложить в нашу собственную защиту. Он описывает нам огромную и infernalную силу, которой, по всеобщему мнению, обладала ведьма; силу, которая, поскольку она не происходила из естественного источника, не могла быть легко сдержана естественными ограничениями: ни цепи, ни темницы не могли связать или ограничить ее. Ведьму можно было заковать в кандалы, можно было похоронить ее в самой низкой камере феодальной тюрьмы, и все равно считалось, что она может послать своих импов или призраков, чтобы те опустошили поля, загубили луга, привели в смятение стихии, замучили тела и обезумели умы всех, кто мог стать объектом ее злобы.

Шекспир в описании сверхъестественной энергии колдовства, которое он вкладывает в уста Макбета, не превосходит, если не сказать справедливее, преобладающего мнения по этому вопросу: - "Я заклинаю тебя, чтобы ты не мог нести в себе силу.

"Я заклинаю тебя тем, что ты исповедуешь,
(как бы вы ни узнали об этом), ответьте мне.
Хоть развяжите вы ветры, и пусть они воют
Против церквей; пусть даже бурные волны
Сбивают с толку и поглощают навигацию;
Хоть кукуруза в ножи попадает и деревья валятся;
Хоть замки рушатся на головы стражников;
Хотя дворцы и пирамиды склоняют
Их головы на фундамент; хотя сокровища
Природных зародышей все вместе,
Даже до разрушения, - ответь мне

На то, о чем я тебя прошу".

В ней действительно была почти безграничная сила, способная причинить зло, и склонность к этому. Никакая человеческая сила не могла лишить ведьму этих могучих сил, пока она была жива; ничто, кроме смерти, не могло их уничтожить. Как считали наши предки, существовали неопровержимые доказательства того, что она использовала их для нанесения вреда, потери и, возможно, смерти других людей.

Можно ли удивляться, что при таких обстоятельствах к закону, связывающему смертную казнь с виной в колдовстве, прибегли как к единственному средству защитить общество и предостеречь других от вступления в темный, злой и пагубный договор?

Маловероятно, что даже парламент короля Якова был бы готов пойти на такое, как Селден в своей "Застольной беседе", который так отстаивает смертную казнь ведьм. "Закон против ведьм не доказывает, что они существуют, но наказывает злобу тех людей, которые используют такие средства, чтобы лишать людей жизни. Если кто-то будет утверждать, что, трижды повернув шляпу и воскликнув "Базз", он может лишить человека жизни (хотя на самом деле он ничего подобного сделать не может), все же это будет справедливый закон, принятый государством, согласно которому тот, кто трижды повернет шляпу и воскликнет "Базз" с намерением лишить человека жизни, должен быть предан смерти".

Есть и другие соображения, которые заслуживают того, чтобы их взвесить, прежде чем выносить окончательное решение относительно поведения наших отцов в колдовском заблуждении. Среди них - состояние физической науки в их время. Но знаний о законах природы было мало, и эти знания были доступны немногим. Для основной массы людей мир все еще оставался почти таким же полным тайн в своих физических отделах, каким он был для его первых обитателей. Политика, поэзия, риторика, этика и история в значительной степени культивировались в предыдущие века; но философия естественного и материального мира была почти неизвестна. Астрономия, химия, оптика, пневматика и даже география были вовлечены во всеобщую тьму и заблуждения. Некоторые из наиболее важных наук, такие как электричество, берут свое начало в более поздний период.

Это удивительное запоздание в развитии физической науки на некоторое время после эпохи возрождения обучения можно объяснить, сославшись на ошибочные методы рассуждения и наблюдения, распространенные в то время в мире. В учебных и философских заведениях была принята ложная логика. Великим инструментом для открытия и исследования истины стал силлогизм, самое абсурдное изобретение человеческого разума; аргументативный процесс, вывод которого содержится в предпосылках; метод доказательства, на первом этапе которого доказываемый вопрос принимается как должное. [C] Одним словом, вся система философии состояла из гипотез, и единственным фундаментом науки были предположения. Воображение, вынужденное в отсутствие научной достоверности прибегать к экстраординарным действиям, еще больше упражнялось в тщетных попытках открыть, без помощи наблюдения и эксперимента, элементы и первые принципы природы. К тому времени, о котором мы говорим, она достигла чудовищного роста. Действительно, можно сказать, что все интеллектуальные произведения современности, начиная с семнадцатого века и заканчивая темными веками, были произведениями воображения. Самые объемные и громоздкие труды, выходившие из монастырей и университетов, даже метафизические изыскания номиналистов и реалистов, безграничные тонкости спорящих школ "божественных докторов" Фомы Аквинского и Дунса Скота, попадают под это описание. Скучные, унылые, невразумительные и бесконечные, они все же в действительности

являются произведениями фантазии. Они - детище, почти исключительно, воображения. Не стоит удивляться тому, что эта способность преобладала в умах и характерах наших предков и развилась до масштабов, превосходящих наше представление, если мы подумаем, что она была почти единственной, которую использовали, и что она была ведущим элементом каждой отрасли литературы и философии.

Правда, в начале семнадцатого века лорд Бэкон сделал свои возвышенные открытия в области физических наук. Раскрывая истинный метод исследования и рассуждения на подобные темы, он, можно сказать, нашел или, скорее, изобрел ключ, отпирающий доселе нераскрытые залы природы. Он ввел человека в тайные покои Вселенной и вложил в его руки нить, по которой он был приведен к великолепным результатам современной науки и, несомненно, будет приведен к еще более великолепным результатам в грядущие времена. Но человеческой природе не суждено было в одно мгновение перейти от тьмы к свету. Переход был медленным и постепенным: прошли долгие сумерки, прежде чем солнце пролило на мир свое ясное и полное сияние.

Сам великий первооткрыватель отказался признать или не смог понять некоторые истины, которые открыла его система. Бэкон до самой смерти числился среди противников астрономической системы Коперника или истинной астрономии; таким же был и сэр Томас Браун, великий философ, уже описанный выше и процветавший во второй половине того же века. Действительно, можно сказать, что во времена колдовского заблуждения древняя империя тьмы, угнетавшая и сокрушавшая мир науки, едва ли была поколеблена. Великий и триумфальный прогресс современных открытий едва начался.

Теперь я проиллюстрирую эти взгляды на состояние науки в мире в то время, представив несколько примеров. Малейшее изучение сохранившихся рассказов о происшествиях, которые наши предки считали сверхъестественными, убедит любого, что они произошли по совершенно естественным, хотя и неизвестным им причинам. Например, преподобный Джеймс Пирпонт, пастор церкви в Нью-Хейвене, в письме к Коттону Мазеру, опубликованном им в "Magnalia", рассказывает о следующих обстоятельствах: [D] -.

В 1646 году в январе из Нью-Хейвена вышло в море новое судно с ценным грузом и несколькими знатными особами на борту в качестве пассажиров, направлявшееся в Англию. Суда, пришедшие весной следующего года, не принесли никаких вестей о его прибытии на родину. Благочестивые колонисты искренне и непрестанно молились о том, чтобы получить сведения о пропавшем судне. В июне 1648 года "с северо-запада разразилась сильная гроза; после чего (полушарие было безветренным), примерно за час до захода солнца, корабль таких же размеров, как вышеупомянутый, с парусиной и красками за бортом (хотя ветер был северным), появился в воздухе, выйдя из устья гавани, которая находится к югу от города, - похоже, с наполненными парусами под свежим ветром, держа курс на север, и продолжая наблюдение, плыл против ветра в течение получаса." Корабль-призрак несясь вперед, пока, по мнению зрителей, он не приблизился настолько, что в него можно было бросить камень. Затем исчезла грот-топмачта, затем миззен-топмачта; потом мачты были полностью унесены; и, наконец, корпус корабля отвалился и исчез из виду, оставив после себя тусклое и дымное облако, которое вскоре рассеялось, и вся атмосфера стала прозрачной. Все утверждали, что воздушное видение было точной копией и изображением пропавшего судна и что оно было послано, чтобы сообщить о его судьбе. Они сочли его призраком погибшего корабля, а преподобный мистер Дэвенпорт публично заявил, "что Бог

снизошел, чтобы успокоить их страждущие души, этим необыкновенным рассказом о своем суверенном распоряжении теми, за кого постоянно возносилось так много горячих молитв".

Результаты современной науки позволяют объяснить загадочное явление. Вероятно, какое-то голландское судно, медленно, спокойно и бессознательно совершавшее плавание из Амстердама в Новые Нидерланды, в тот момент проходило через Саунд. В тот момент, когда явление было замечено в небе, оно находилось так близко, что его отраженное изображение было нарисовано или очерчено, для глаз наблюдателей, на облаках, по законам оптики, которые сейчас хорошо известны, прежде чем его реальные очертания могли быть различимы ими на горизонте. Когда солнце скрылось за западными холмами, и его лучи постепенно угасли, корабль-видение постепенно исчез; а наступление ночи фактически скрыло судно, когда оно продолжило свой путь по Саунду.

Оптические иллюзии, возникающие на морском берегу, с помощью которых далекие объекты поднимаются на поверхность, противоположные мысы и острова вырисовываются, поднимаются над линией видимой окружности земли и приобретают всевозможные формы, какие только может представить воображение, относятся к самым красивым явлениям природы; они производят на ум впечатление очарования и тайны, пожалуй, больше, чем любые другие: но они получили полное решение благодаря современным открытиям.

Следует заметить, что оптические принципы, объясняющие эти явления, недавно послужили основой для науки или, скорее, искусства наускопии; в некоторых местах - на острове Франция, как мне рассказывали, - есть люди, призвание и профессия которых - определять и предсказывать приближение судов по их отражению в атмосфере и на облаках задолго до того, как они станут видны глазу или через стекло.

Во времена нашего повествования преобладало следующее мнение. Открытия в области электричества, которое само по себе является недавней наукой, сделали невозможным для нас созерцать его без насмешки. Но это было трезвое мнение эпохи. "Один великий человек заметил, - говорит один ученый писатель, - что громы обрушиваются на церкви чаще, чем на другие дома, потому что демоны питают особую злобу к домам, отведенным для особого служения Богу".

Все, что было странным или примечательным - все, что выбивалось из привычного хода вещей, все, что не было ясным и понятным, - приписывалось сверхъестественному вмешательству. Действительно, наши отцы жили, как им казалось, постоянно в окружении чудес; они чувствовали себя окруженными в любое время, во всех сценах, бесчисленными невидимыми существами. Прекрасный стих Мильтона описывает их веру: "Миллионы духовных существ ходят по земле".

"Миллионы духовных существ ходят по земле
Невидимых, когда мы бодрствуем и когда спим".

Однако то, что для него было мгновенным видением воображения, для них было вечным восприятием чувств: это была практическая вера, обычное повседневное чувство, всепроникающее ощущение. Но эти сверхъестественные существа, как считалось, очень часто становились видимыми для наших суеверных предков. Действительно, нередко были случаи, когда люди своими земными глазами видели самого дьявола. Их вполне можно привести в качестве иллюстрации идей, которые тогда преобладали и оказывали непосредственное практическое влияние на поведение людей в отношении силы, присутствия и действия дьявола в человеческих делах. Это, собственно, необходимо, чтобы

мы могли понять рассказ о сделках, основанных исключительно на этих идеях, который мы готовимся рассмотреть.

Следующий отрывок взят из письма, написанного преподобным Джоном Хиггинсоном Инкризу Мазеру: - "Благочестивый мистер Шарп

"Благочестивый мистер Шарп, который был правящим старейшиной церкви Салема почти тридцать лет спустя, рассказывал о себе, что, будучи воспитанным в учении до восемнадцати лет, а затем отнятым и отданным в подмастерья к драпировщику в Лондоне, он, несмотря на это, сохранил сильную склонность и привязанность к книгам, с любопытством прислушиваясь и читая самые странные и диковинные книги, которые мог достать, проводя таким образом большую часть своего времени, пренебрегая своими делами. Однажды в лавку вошел человек, принес с собой книгу и сказал: "Вот вам книга, держите, пока я не потребую ее снова", - и ушел. Мистер Шарп, в свойственной ему книжной манере, очень хотел заглянуть в эту книгу и прочитать ее, что он и сделал: но, когда он читал, его охватил странный ужас, как телесный, так и душевный, волосы на голове встали дыбом; и, обнаружив эти эффекты несколько раз, он ознакомил с ними своего хозяина, который, заметив те же эффекты, решил, что это книга для колдовства, и решил сжечь ее, что и сделал. Тот, кто принес ее в виде человека, так и не придя за ней, решил, что это дьявол. Он же, приняв это за торжественное предупреждение от Бога, чтобы он следил за тем, какие книги он читает, значительно отошел от своего прежнего книголюбия; ограничившись чтением Библии и других известных хороших книг по божественной тематике, которые были полезны для его души".

Кирхер рассказывает следующий анекдот, полностью веря в его истинность: у него был друг, который ревностно и настойчиво предавался изучению ал химии. Однажды, когда он был увлечен своей работой, в его лабораторию вошел джентльмен и любезно предложил свою помощь. Через несколько мгновений из тигля была извлечена большая масса чистейшего золота. Затем джентльмен взял свою шляпу и вышел: перед тем как покинуть квартиру, он написал рецепт изготовления драгоценного изделия. Благодарный и восхищенный смертный продолжил свои действия, следуя указаниям гостя, но очарование было утрачено: он не смог добиться успеха и в конце концов полностью разорился из-за своих дорогостоящих и бесплодных экспериментов. И он, и его друг Кирхер были полностью убеждены, что таинственный незнакомец - дьявол.

Бакстер записал любопытную беседу между сатаной и мистером Уайтом из Дорчестера, ассессором Вестминстерской ассамблеи: "Дьявол, в светлое время суток

"Дьявол в светлую ночь стоял у его постели. Оценщик некоторое время смотрел, не скажет ли он чего-нибудь, а потом сказал: "Если тебе нечего делать, то я сделаю"; и так уснул". Доктор Хибберт считает, что преподобный мистер Уайт отнесся к его сатанинскому величеству по этому случаю с "холодным презрением, к которому он не часто привыкал".

Действительно, в истории того периода нет ничего более любопытного и поучительного, чем свет, который она проливает на влияние веры в личное существование и деятельность дьявола, когда эта вера полностью реализуется на практике. Христианская доктрина превратилась в систему, почти идентичную манихейству. Виерус так описывает Сатану, каким он считался в распространенном богословии: "Он обладает великой храбростью, невероятным коварством, сверхчеловеческой мудростью, острейшей проницательностью, непревзойденным благоразумием, несравненным умением скрывать самые пагубные козни под благовидной маскировкой, а также злобной и безграничной ненавистью к роду человеческому, непримиримой и неизлечимой". Мильтон просто откликнулся на народные

настроения, сделав Сатану персонажем высокого достоинства и поставив его на высоту не "меньшую, чем архангел разрушенный". Хэллиуэлл в своей работе о колдовстве заявляет, что "этот могущественный ангел тьмы не глуп и не бездействует, чтобы над ним насмеялись или хулили его". На дьявола, - говорит он, - можно смотреть как на достоинство, хотя его слава бледна и увяла, а некогда яркие и восточные цвета поблекли и потемнели на его одеждах; и Писание представляет его как князя, хотя он и из дьяволов". Хотя наших отцов нельзя обвинить в том, что они рассматривали дьявола в таком почтительном и благоговейном свете, следует признать, что они отводили ему заметное и выдающееся - можно даже сказать, достойное - место в делах жизни и управления миром: они были склонны признавать, если не почитать, его присутствие на всех сценах и во все времена. Он занимал широкое место не только в их богословии и философии, но и в их повседневных и привычных мыслях. [E]

Коттон Мазер в одной из своих проповедей доносит эту особую веру до сознания своих слушателей таким образом, что это не могло не взбудоражить и не взволновать самых вялых и дремучих из них.

"Ни одно место, - говорит он, - которое я знаю, не имеет такого заклęcia, чтобы дьявол всегда был вне его. Дом собраний, где мы собираемся для поклонения Богу, постоянно наполнен многими святыми людьми и многими святыми заботами; но, если бы наши глаза были столь утонченными, как у слуги пророка в древности, я полагаю, мы бы сейчас увидели толпу дьяволов в этом самом месте". Апостол намекнул, что ангелы приходят к нам: кажется, есть ангелы, которые слушают, как я проповедую, и как вы слушаете в этот час. И нашего собственного печального опыта достаточно, чтобы понять, что дьяволы также собираются здесь. В книге Иова i. 5 говорится: "Когда пришли сыны Божии предстать пред Господа, пришел и сатана с ними". Когда мы находимся в наших церковных собраниях, о, сколько дьяволов, как вы думаете, толпится среди нас! Есть дьявол, который укачивает одного во сне. Есть дьявол, который заставляет другого думать о том, о чем он сам едва ли знает. И есть дьявол, который заставляет другого ублажать себя безрассудными и злыми рассуждениями. Возможно также, что наши шкафы или кабинеты ежедневно благоухают благочестием; но, увы, можем ли мы отгородиться от дьявола? Нет: куда бы мы ни пошли, мы все равно найдем дьявола рядом с собой. Только когда мы придем на небо, мы будем недостижимы для него навсегда".

Весьма примечательно, что подобный ход мыслей не навел доктора Мазера на мысль об истинном учении Библии о дьяволе. Можно было бы предположить, что, если бы он в такой степени использовал способ говорить о нем как о личности, ему бы пришло в голову, что, возможно, подобные выражения в Писании также являются простыми олицетворениями моральных и абстрактных идей. Описывая невнимательность, непочтительность и нечестивые размышления своих слушателей как действия дьявола, удивительно, что его глаза не открылись, чтобы понять значение толкования Спасителем притчи о плевелах, в которой он заявляет, что под дьяволом он понимает все, что препятствует росту добродетели и благочестия в душе, причины, которые заглушают добрые впечатления и дают неправильное направление мыслям и привязанностям, такие как "заботы мира сего" или "обманчивость богатства". Ими посеяны плевелы, и ими же они произрастают. "Враг, посеявший их, есть дьявол".

Сатана считался врагом и противником всякого совершенствования знаний и цивилизации. Тот же автор причудливо выражает это мнение: Он "на протяжении многих веков мешал человечеству сделать те полезные изобретения, которые, однако, были настолько очевидны и просты, что все удивляются, что они не были сделаны раньше". Обиженный мир должен был тысячелетиями бежать трусцой, не зная о грузном камне, пока один неаполитанец не наткнулся на него около трехсот лет назад. До середины пятнадцатого века мир также не имел возможности такой бесподобный двигатель образования и добродетели, как книгопечатание. Ни один старик на всей земле не мог воспользоваться такой маленькой, но очень нужной вещью, как пара очков, пока один голландец некоторое время назад не приспособил нас к этому. Воистину, как дьявол лишает нас всякого блага, так и он досаждают нам всяким горем". В одной из своих проповедей Коттон Мазер утверждал, что он и его собратья по духовенству имеют честь быть особенно несносными для злобы лукавого. "Служители Божьи, - говорит он, - преследуются дьяволом больше, чем другие люди".

Без понимания этого чувства невозможно понять колдовские заблуждения наших отцов. У них сложилось впечатление, что дьявол, не сумев помешать прогрессу знаний в Европе, отказался от попыток помешать ему там; он удалился в американскую глушь, намереваясь сделать здесь последний рывок, и решил сохранить за собой нерушимую империю над всем континентом и своими языческими союзниками, коренными жителями. Наши отцы объясняли необычайное появление и вторжение лукавого среди них в 1692 году тем, что это была отчаянная попытка помешать им принести цивилизацию и христианство в его излюбленное убежище; и их души горели славной мыслью, что, энергично ведя войну против него и его единомышленников, ведьм, они станут избранными и почетными орудиями в руке Божьей для разрушения и уничтожения последнего оплота на земле царства тьмы.

То, что это мнение было не просто тщеславием или завышенной оценкой своей значимости, а спокойным, осознанным убеждением, которое разделяли как другие, так и они сами, подтверждается многочисленными свидетельствами из литературы того периода. Я приведу лишь одну иллюстрацию того, в какой форме эта мысль занимала их умы. Эта тема достойна того, чтобы ее тщательно изучить, поскольку она дает ключ к разгадке мотивов и настроений, которые придали мощный импульс преследованию колдовства в Новой Англии.

Джозеф Меде, доктор философии, стипендиат колледжа Христа в Кембридже, Англия, умер в 1638 году в возрасте пятидесяти трех лет. Он был, пожалуй, самым глубоким ученым своего времени. Его труды свидетельствуют о блестящем гении и просвещенном духе. Его современники всех вероисповеданий и во всех частях Европы относились к нему с большим уважением. Он был приверженцем церкви, но в значительной степени пользовался доверием нонконформистов. Он придерживался, как будет видно из нижеследующего, в самой смелой форме распространенных в то время мнений относительно дьявольских сил и влияния, но в то же время был необычайно свободен от некоторых из худших черт суеверия и фанатизма. Его близость с ученым доктором Уильямом Эймсом, а также общий тон и направленность его трудов, естественно, сделали его авторитетом у протестантов, особенно у пилигримов и пуритан Новой Англии. Его посмертные труды, опубликованные в 1652 году, чрезвычайно интересны. Они содержат фрагменты, найденные среди его бумаг, краткие обсуждения вопросов критики, философии и теологии, а также разнообразную переписку на эти темы с выдающимися людьми своего времени. Среди его главных корреспондентов был доктор Уильям Твисс, человек, обладавший блестящими познаниями, которого Джон Нортон, по словам Коттона Мазера, "любил и восхищался" больше всех людей того времени. Следующие фрагменты их переписки иллюстрируют рассматриваемую нами тему.

В письме от 2 марта 1634 года Твисс пишет следующее

"Теперь, умоляю вас, дайте мне знать, каково ваше мнение о наших английских плантациях в Новом Свете. Прежде я удивлялся в своих мыслях Божьему провидению относительно того мира, который не был открыт до тех пор, пока этот наш Старый мир не подошел к концу, и тогда не было найдено никаких следов познания истинного Бога, а тем более Христа; и затем, учитывая наши английские плантации в последнее время и мнение многих серьезных богов относительно того, что Евангелие быстро движется на запад. Иногда мне приходили в голову такие мысли: "А не может ли *это* быть местом *Нового Иерусалима*? Но вы прекрасно и полностью избавили меня от таких странных мыслей. Но что, я прошу вас? Не выродились ли там наши англичане и не объединились ли они с Гогом и Магогом? В последнее время мы слышали разными путями, что наши люди там не надеются на обращение местных жителей. И на той же неделе после того, как я получил ваше последнее письмо, я видел письмо, написанное из Новой Англии, в котором говорилось о невозможности существования там; и, похоже, они предпочитают исповедовать истину Божью в любом состоянии здесь, в Старой Англии, чем бежать туда, чтобы наслаждаться свободой; да, и что Евангелие, похоже, будет более дорогим в Новой Англии, чем в Старой. И, наконец, если они не будут чрезвычайно осторожны, а Бог - удивительно милостив, они потеряют в Новой Англии ту жизнь и рвение к Богу и Его истине, которыми они наслаждались в Старой; в этом они уже имеют печальный опыт, и многие там чувствуют это на своем опыте".

Мистер Меде ответил следующим образом.

"Что касается наших плантаций в Америке, то я желаю им добра, как никто другой; хотя я сильно расхожусь с ними как в других вопросах, так и в том, на чем они основываются. И хотя надежды на общее обращение этих туземцев или значительной части того континента мало, я все же полагаю, что это будет делом, угодным Всемогущему Богу и нашему благословенному Спасителю, - оскорбить дьявола звуками Евангелия и креста Христова в тех местах, где он думал царствовать надежно и вне шума; и, хотя мы не создадим там христиан, все же привести туда некоторых, чтобы беспокоить и раздражать его там, где он царствует без помех.

"Ибо, чтобы я мог еще больше раскрыть свою мысль, хотя, возможно, и не смогу ее доказать, я думаю так: те страны были впервые заселены со времен нашего Спасителя и его апостолов, а не раньше; да, возможно, и несколько веков спустя, поскольку среди них не было обнаружено никаких признаков или следов, или каких-либо памятников более древнего обитания, как это происходит у нас.

"Что дьявол, будучи нетерпелив к звукам Евангелия и креста Христова во всех частях этого Старого Света, так, что он ни в одном месте не мог быть спокоен за это; и предвидя, что он потерять все здесь, он решил обеспечить себя семенем, над которым он мог бы царствовать надежно, и в месте, где *ubi nec Pelopidarum facta neque nomen audiret*. Поэтому он извлек колонию из некоторых варварских народов, живущих у Северного океана (куда еще не дошел звук Христа), и, пообещав им неким оракулом показать страну, гораздо лучшую, чем их собственная (что он вскоре мог сделать), приятную и большую, где еще не обитал человек; он провел их через те пустынные земли и острова (которых много в том море) северным путем в Америку, куда никто никогда бы не пошел, если бы их сначала не уверили, что есть проход этим путем в более желанную страну. А именно: как когда мир отступил от поклонения истинному Богу, Бог призвал Авраама из Халдеи в землю Ханаанскую, чтобы он произвел семя для сохранения света имени Своему, так и дьявол, видя, что мир отступает от него, заложил основы нового царства, выведя эту колонию с севера в Америку, где они с тех пор

увеличились до бесчисленного множества. И где же дьявол царствовал более абсолютно и бесконтрольно с тех пор, как человечество впервые попало в его лапы?

"И здесь следует отметить, что история Мексиканского королевства (которое было основано не более чем за четыреста лет до того, как туда пришли наши) гласит, исходя из их собственных воспоминаний и традиций, что они пришли в это место с севера, когда их бог, *Вицилипутцли*, привел их, идя в ковчеге перед ними: и, после долгих лет пути и множества станций (как достаточно после нескольких поколений), они пришли к месту, которое указал им знак, данный им на , где они должны были закончить свои странствия, построить себе *город*, а своему богу - *храм*, на месте которого и была построена Мексика. Итак, если дьявол был обезьяной Бога в *этом деле*, то почему бы ему не быть таким же в приведении первой колонии людей в тот мир из нашего? А именно, посредством прорицания, как Бог привел Авраама из Халдеи, на что я уже уподоблялся.

"Но посмотрите на руку Божественного Провидения. Когда потомство этих *рунагатов* от звука Евангелия Христова пополнило тот другой мир и начало процветать в двух королевствах - Перу и Мексике, Христос, Господь наш, посылает своих мастифов, испанцев, выследить их и потревожить; что они и сделали столь отвратительным образом, что подобного едва ли было со времен выхода сыновей Ноя из ковчега. Каково же было оскорбление дьявола там, где он, как считалось, царствовал надежно и был навсегда скрыт от глаз последователей Христа!

"И все же дьявол, возможно, *меньше скорбит* о потере своих слуг, *уничтожая* их, чем о потере их, *спасая* их; и вряд ли испанцы лишили его лишь немногих. Что же, если Христос, Господь наш, нанесет ему *второе оскорбление* с лучшими христианами, которое может оказаться для него более тяжким, чем первое? И если Христос таким образом поставит его светом, чтобы ослеплять и мучить дьявола в его собственном доме, я надеюсь, что они (то есть американцы) не настолько вырождаются (не все), чтобы прийти в армию Гога и Магога против Царства Христа, но будут переведены туда до того, как дьявол будет освобожден; если нет, то вскоре после его связывания".

Доктор Твисс в ответе на это письмо, датированном 6 апреля 1635 года, благодарит Меде за его письмо, которое, по его словам, он прочитал "с отдыхом и восторгом"; и, в частности, говоря о "заселении Нового Света", он утверждает, что в этом вашем письме "больше того, с чем я был знаком ранее. Ваши представления о нем, если я могу судить, серьезны и основательны".

Эта переписка, хотя и служит образцом стиля Меде, является замечательным примером способности пронизательного интеллекта проникать сквозь тьму теоретических и причудливых заблуждений и видеть истину, которая лежит за ними и за их пределами. Вся надстройка дьявола, его оракулы и его схемы политики и владычества охватывают в этом кратком знакомом послании то, что, как я полагаю, является наиболее аккредитованной на сегодняшний день теорией происхождения и происхождения аборигенных рас Америки, исходящих из ближайших частей древнего континента на севере и продвигающихся вниз через огромные пространства к Центральной и Южной Америке. Письмо также предвещает решающий конфликт, который здесь будет вестись между элементами свободы и рабства, между социальными и политическими системами, которые будут спасать и возвышать человечество, и теми, которые будут угнетать и унижать его. Выражаясь фразеологией той эпохи, предстояло решить, будет ли Старый Свет, выражаясь языком Твисса, "почти на

исходе" - "свет" должен быть "установлен" здесь, чтобы открыть "Царство Христа", или Америка также будет навечно отдана "армии Гога и Магога".

Наши отцы были оправданы, чувствуя, что таково было чувство их ответственности, присущее всем ученым людям и истинным христианам Старого Света; и они были готовы встретить и исполнить его честно и мужественно. Им говорили, и они верили, что им выпала участь быть защитниками креста Христова против власти дьявола. Они чувствовали, как я уже говорил, что сражаются с ним в его последней крепости, и были полны решимости "связать его" навеки.

Это истинное и справедливое объяснение их общей политики управления, как в других вопросах, так и в преследованиях за колдовство.

Обзор семнадцатого столетия вплоть до того периода, когда здесь происходили судебные преследования, приводит нас к выводу, что заблуждение о колдовстве пронизывало весь цивилизованный мир, все профессии и слои общества. Оно получило одобрение всех ученых и выдающихся английских судей, процветавших в течение столетия, от сэра Эдварда Коука до сэра Мэтью Хейла. Ее поддерживали величайшие философы и врачи, ее приняли люди высочайшего гения и достижений, даже сам лорд Бэкон. Она была установлена собором епископов и проповедовалась духовенством. Доктор Генри Мор из колледжа Христа в Кембридже, помимо своих замечательных поэтических и философских работ, написал тома в ее защиту. На сайте считалось, что наиболее культурные и либеральные умы должны изучать эту теорию, чтобы обнаружить и отличить "настоящую ведьму с помощью соответствующих испытаний и симптомов". Прекрасный доктор Калами уже упоминался в этой связи; а Ричард Бакстер написал свою работу под названием "Уверенность в мире духов" специально для подтверждения и распространения этой веры. Он поддерживал переписку с Коттоном Мазером и его отцом, Инкрезом Мазером, через посредство которой стимулировал и поощрял их в их процессах против предполагаемых ведьм в Бостоне и других местах. Похоже, что богословы того времени убедили себя в том, что доктрины демонологии являются неотъемлемой частью Евангелия и что их отрицание равносильно неверности. Автор одного из современных журналов, рассказывая о преследованиях за колдовство, с радостью и справедливостью замечает: "Противостоять этим судебным убийствам было поистине опасно. Если кто-то осмеливался это сделать, католики сжигали его как еретика, а протестанты страстно желали повесить его как атеиста". Труды доктора Мора, Бакстера, Гланвила, Перкинса и других уже давно циркулировали в Новой Англии до того, как в Салеме начались судебные процессы. Именно такой обзор истории мнений, как мы сейчас сделали, побудил доктора Бентли заявить, что "служение невидимых существ если и не является частью каждой религии, то не противоречит ни одной из них. Его можно обнаружить во все века и в самых отдаленных странах. Поэтому не стоит восхищаться тем, что вера, столь тревожная для наших страхов, столь естественная для наших предрассудков и столь легко злоупотребляемая суеверием, должна была получить распространение среди наших отцов, когда она не была отвергнута в эпоху философии, письма и даже откровения".

Труды по демонологии, судебные процессы и народная фразеология придали более или менее определенную форму некоторым важным моментам, которые можно кратко описать. Несколько терминов и выражений использовались для характеристики лиц, предположительно владеющих сверхъестественным и магическим искусством; например, прорицатель, чародей, заклинатель, некромант, гадатель, прорицатель, авгур и колдун. Эти слова иногда используются как более или менее синонимы, хотя, строго говоря, они имеют совершенно разные значения. Но ни одно из них не передает той идеи, которая связана с именем ведьмы. Иногда оно особенно часто использовалось для обозначения женщины, в

то время как волшебник относился исключительно к мужчине. Однако это различие не часто пытались провести; первое название преобладало по отношению к любому полу. Ведьмой считалась особа, заключившая фактический, преднамеренный, официальный договор с сатаной, по которому она должна была стать его верной подданной и делать все, что в ее силах, чтобы помочь ему в его восстании против Бога и войне против Евангелия и Церкви Христовой; А в обмен на такую преданность и служение сатана, со своей стороны, соглашался использовать свои сверхъестественные силы в ее пользу и передавать ей эти силы в большей или меньшей степени, по мере того как она проявляла себя как эффективный и преданный сторонник его дела. Таким образом, ведьмой считалась особа, передавшая верность и поклонение от Бога к Дьяволу.

Предполагалось, что существование этого договора наделяет дьявола, а также его новую жертву огромной дополнительной властью; поскольку, по всей видимости, преобладала доктрина, согласно которой для того, чтобы он мог эффективно воздействовать на людей, необходимо вмешательство, содействие и сотрудничество человеческих существ; а объединенным усилиям сатаны и тех, кто находится в союзе с ним, приписывалась почти неограниченная сила. Считалось, что ведьма, вступив в союз с дьяволом, способна причинять страдания, страдания и страдания всем, кому пожелает. Она могла заставить их чахнуть, ввергнуть в самые страшные конвульсии, задушить, уязвить, пронзить, уморить, подвергнуть любым видам боли, болезней и пыток и даже самой смерти. Считалось, что она обладает способностью присутствовать в своем облике или призраке в другом месте, на любом расстоянии, нежели то, которое занимало ее настоящее тело. Действительно, предполагалось, что в результате дьявольского договора у нее появляется неограниченное количество сверхъестественных способностей, а также безграничная свобода и разнообразие методов их применения. Считалось, что те, на кого она воздействовала своей злобной и таинственной энергией, были околдованы.

Помимо этих inferнальных способностей, союз с сатаной, как считалось, давал такие знания, какими не обладал ни один смертный. Ведьма могла творить те же чудеса, давая информацию о вещах, принадлежащих невидимому миру, которую в наши дни, как утверждают спириты, можно получить через медиумов. Она могла читать сокровенные мысли, внушать идеи умам отсутствующих, бросать соблазны на пути тех, кого она хотела ввести в заблуждение и погубить, вызывать духов усопших и выслушивать от них тайны их жизни и смерти, а также их переживания в тех сценах бытия, в которые они вступали после своего ухода из этого мира.

Если учесть, что эти мнения были не просто распространены среди простых людей, но и одобрены образованием и философией, наукой и юриспруденцией; что они обладали авторитетом, который мало кто осмеливался подвергать сомнению, и были прочно закреплены убеждениями веков, - никого не удивит тревога, которую вызвала вера в то, что в обществе и даже в церквях есть те, кто действительно вступил в этот темный конфедерат против Бога и небес, религии и добродетели; и что отдельные люди начинают страдать от их дьявольской силы. Нельзя считать странным, что люди смотрели с более чем обычным ужасом на людей, против которых, как считалось, имелись неопровержимые доказательства участия в этом заговоре со всем злом и измене всему добру.

В сложных трудах, научных, философских и судебных по своим претензиям и репутации, - на некоторые из которых мы уже ссылались, - были определены и конкретизированы различные формы доказательств, с помощью которых можно было доказать преступление сговора с сатаной.

Считалось, что дьявол ставит свою метку на теле тех, кто вступил с ним в союз, и что место, где была сделана эта метка, становилось черствым и мертвым. Закон предусматривал особые способы обнаружения и идентификации этого знака. Он требовал, чтобы заключенный был подвергнут тщательному осмотру со стороны присяжных того же пола, которые должны были произвести тщательный осмотр тела, обрить голову и обработать каждую часть. Они прокалывали его булавками; и если, как можно было ожидать, особенно у пожилых людей, обнаруживалось какое-либо место, невосприимчивое к пыткам, или какой-либо нарост, вмятина или фиксированное изменение цвета кожи, это рассматривалось как видимое доказательство и свидетельство вины. При осмотре должен был присутствовать врач или "хирург". При их проведении допускалась большая грубость и бесчувственное безрассудство; вся процедура была варварской и шокирующей для любого справедливого и тонкого чувства. Есть основания полагать, что в здешних процессах было больше внимательности, гуманности и чувства приличия, чем в аналогичных процессах в других странах, если говорить об этой области расследования.

Другая аккредитованная область доказательств, признанная в книгах и в судебных процессах, заключалась в следующем: Считалось, что, когда ведьмам по каким-либо причинам было неудобно исполнять свои inferнальные замыслы тех, кого они хотели поразить, приходя к ним в их естественном человеческом обличье, они превращались в подобие какого-нибудь животного - собаки, свиньи, кошки, крысы, мыши или жабы; птицы, особенно желтые, часто представлялись для выполнения этой услуги, как олицетворяющие ведьм или дьявола. Им также подчинялись импы. Обычно предполагалось, что эти импы имеют сходство с каким-нибудь мелким насекомым, например, мухой или пауком. Последнее животное считалось наиболее вероятным для такого образа действий. За обвиняемым внимательно следили, чтобы не пропустить паука, когда он приблизится, чтобы получить пищу, как считалось, из колдовского пятна на теле преступника. В тюремных камерах пауки, конечно же, встречались часто. Когда один из них появлялся, охранник нападал на него со всем рвением и яростью, с какими естественно и правильно нападать на агента Злого. Если паук погибал во время схватки, его считали невинным животным и снимали все подозрения относительно его характера как дьявольского сообщника заключенной; если же он убегал в щель или трещину квартиры, как это часто делают пауки, когда на них нападают, все сомнения в его виновной связи с обвиняемой в колдовстве снимались: он считался, вне всяких сомнений и сомнений, ее настоящим импом, и доказательства ее конфедерации с Сатаной считались с этого момента полными. Книги по праву и другие научные труды, а также практика судов в старых странах признавали эту доктрину превращения в формы животных и использования импов. Там, где судебные трибуналы потворствовали народному легковерию в поддержании этих идей, не было никакой гарантии невинности и никакого спасения от неправды. Какими бы ясными и определенными ни были доказательства того, что обвиняемый в указанное время отсутствовал в указанном месте; как бы далеко он ни находился, за двадцать или тысячу миль, это ничего ему не давало; ведь обвинялся тот, кто присутствовал, и действовал через своего агента или импа. Это понятие было еще более расширено установлением дополнительной доктрины, согласно которой ведьма может присутствовать и действовать с демонической силой на своих жертв в любом месте, в любое время и на любом расстоянии, без посредничества какого-либо другого животного или существа, в ее духе, призраке или явлении. Когда подсудимого обвиняли в том, что он пытал, душил, щипал или наносил синяки другому человеку, то не стоило приводить сотни свидетелей, чтобы доказать, что в это время он находился в другом отдаленном месте или стране; ведь утверждалось, что он присутствовал в призрачной форме, в которой сатана позволял его духу быть и действовать в любом месте и в любое время. Опровергнуть это обвинение было невозможно, и последняя защита невинности была сметена.

Если в личности, истории или поведении обвиняемых можно было обнаружить что-либо странное или примечательное, обычаи трибуналов и авторитетные книги по этому вопросу позволяли приводить это качестве доказательства против них. Если что-либо из того, что они предвидели или даже предполагали, сбывалось, неосторожное высказывание подтверждалось событиями, проявлялись необычные знания, демонстрировались чудесные подвиги силы или ловкости, они приводились в доказательство с решающим и роковым эффектом.

Считалось, что ведьма способна воздействовать на своих жертв на любом расстоянии с помощью марионеток. Она доставала или делала предмет, похожий на куклу или фигурку какого-нибудь животного, - для этой цели годился любой небольшой кусок ткани или связка тряпок. Она заставляла куклу изображать человека, которого хотела мучить или страшить; и тогда все, что она делала с куклой, испытывала та, кого она представляла, на любом расстоянии, каким бы отдаленным оно ни было. Булавка, воткнутая в куклу, пронзит плоть человека, которого она хочет поразить, и вызовет соответствующие болевые ощущения. Так же как и щипок, удар или любое насилие. Когда кого-либо арестовывали по обвинению в колдовстве, немедленно проводился обыск на предмет наличия кукол от чердака до подвала; и если находили какую-либо вещь, которая, как можно предположить, обладала таким характером, - любой остаток фланели или льна, завернутый в ткань, носок старого чулка или подушку любого вида, особенно если в ней были булавки, - это рассматривалось как весомая и весьма решительная улика против обвиняемого.

Один писатель в недавнем номере "North-American Review", посвященном суевериям американских индейцев, делает следующее заявление:-...

"Колдун с помощью чар, волшебных песен, магических подвигов и ударов в барабан имел власть над духами и теми оккультными влияниями, которые присущи животным и неодушевленным предметам. Он мог призывать к себе души своих врагов. Они появлялись перед ним в виде камней. Он рубил их своим топором, из них вытекали кровь и плоть, а намеченная жертва, пусть и на расстоянии, томилась и умирала. Подобно колдунам средневековья, он делал изображения тех, кого хотел уничтожить, и, бормоча заклинания, прокалывал их шилом, после чего представленные лица болели и чахли".

Было принято мнение, подтвержденное и принятое в судах, что человек, находящийся в сговоре со Злом, не может плакать. Обвиняемые в этом преступлении, как в Европе, так и в Америке, во многих случаях были в таком возрасте и состоянии, что, даже будучи невинными, они не могли избежать воздействия этого испытания. Дряхлую, истощенную особу, сморщенную и иссушенную возрастом, помещали за решетку: И если она не могла плакать на месте; если, вследствие ее увядания, ее изумления и негодования по поводу ложных и злобных обвинений, которыми ее обошли, ее истощенной чувствительности, ее угрюмого отчаяния, безнадежного ужаса ее положения или, что часто было следствием обращения, которому подвергались такие люди, высоко поднятого сознания невинности и смелого противостояния и сурового осуждения ее злопыхателей и преследователей; Если же по какой-либо причине фонтан слез был закрыт или иссяк, - их неявка по приказу клеветников считалась верным и неопровержимым доказательством ее вины.

Король Джеймс объясняет то обстоятельство, что ведьмы не могли плакать, довольно любопытным образом: "Ибо, поскольку в тайном обряде ведьма не может плакать.

"Ибо как при тайном убийстве, если мертвая carcassa в любое время после этого будет взята в руки убийцей, из нее хлынет кровь, как будто кровь вызывает к небесам об отмщении убийце, и Бог назначил этот тайный сверхъестественный знак для суда над этим тайным

неестественным преступлением; Так, оказывается, Бог назначил (в качестве сверхъестественного знака чудовищного нечестия ведьм), чтобы вода отказалась принимать в свое лоно тех, кто стряхнул с себя священную воду крещения и сознательно отказался от ее блага: Нет, не настолько, чтобы их глаза были способны проливать чай (угрожать и пытаться их, как вам угодно), пока они сначала раскаиваются (Бог не позволяет им скрывать свое упрямство в столь ужасном преступлении), хотя женский род особенно способен иначе проливать чай при каждом удобном случае, когда они захотят, - да, хотя бы он был бесстыдным, как крокодилы."

Реджинальд Скотт, вводя римскую форму адъюнкции, делает следующие замечательные замечания о суде слезами: - "Но увы, что чай должны проливаться.

"Но, увы, чтобы слезы считались достаточным основанием для оправдания или осуждения в столь великом деле и столь весомом испытании! Я уверен, что худший род сынов Израиля горько плакал; да, если в Израиле вообще были ведьмы, они плакали. Ибо написано, что все дети Израиля плакали. И если в аду есть ведьмы, я уверен, что они плачут, ибо там плач, и стенания, и скрежет зубов. Но Бог знает, что многие честные матроны не могут иногда в тяжести своего сердца проливать чай, который часто бывает более готов и распространен среди хитрых цариц и проказниц, чем среди трезвых женщин. Ибо мы читаем о двух видах чая в женском сердце: об истинной злобе и об обмане. И написано, что "Dediscere flere foeminam est mendacium"; это доказывает, что они лгут, утверждая, что злые женщины не могут плакать. Но пусть эти мучители позаботятся о том, чтобы не были услышаны вышеупомянутые чаи, которые текли по щекам вдовы с их воплями, о которых говорит Иисус Сирах. Но какие ученые, благочестивые и законные средства придумали эти папистские инквизиторы для испытания истинных или ложных чаяний!

"Я убеждаю тебя любовными слезами, которые Иисус Христос, наш Спаситель, пролил на кресте ради спасения мира; и самыми искренними и горячими чаями его матери, славной Девы Марии, окропленными на его раны поздно вечером; и всеми чаями, которые каждый святой и избранный сосуд Божий излил здесь, в мире, и из чьих уст он вытер все чаи, - чтобы, если ты без вины, ты мог обильно пить чай; а если ты виновен, чтобы ты ни в коем случае не плакал. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

"Чем больше колдуешь, тем меньше она плачет".

Различали черных и белых ведьм. К первым относились те, кто вступил в союз с сатаной с целью причинения вреда другим, а ко вторым - те, кто прибегал к гадательным и колдовским искусствам, чтобы защитить себя и других от дьявольского влияния. И те, и другие считались в высшей степени, если не в равной, преступными. Фуллер в своем "Профане" так отзывается о них: "Лучше лакать свою похлебку, как собака, чем есть ее благородно, ложкой, которую дал дьявол". Черные ведьмы вредят и творят зло; но в делах тьмы нет разницы между цветами. И белые, и черные одинаково виновны в сговоре с дьяволом". Белые ведьмы притворялись, что черпают свою силу из таинственных свойств определенных растений. При их срывании использовалась следующая форма зачарованных слов

"Приветствую тебя, святая трава,
Растущая в земле;
На горе Кальвари,
Впервые ты была найдена;
Ты от многих скорбей помогаешь,
И исцеляешь многие раны:
Во имя милого Иисуса,

Я поднимаю тебя с земли".

Затем было доказательство глазного очарования. Обвиняемого и обвинителей приводили в присутствие магистрата, и предполагаемой ведьме приказывали смотреть на страдальцев; как только они оказывались в поле зрения ее глаз, они тут же вскрикивали и падали, как в припадке. Считалось, что из глаза ведьмы вытекает невидимая и непроницаемая жидкость и проникает в мозг околдованного. Если приблизить ведьму настолько, чтобы она могла дотронуться до страдальцев рукой, злокачественная жидкость втягивалась обратно в руку, и страдальцы приходили в себя. Необычно заметить любопытное сходство между этим мнением - совместным продуктом суеверия и самозванства - и результатами, к которым привела нас современная наука, открыв гальванизм и животное электричество. Доктрина очарования долгое время удерживала доверие публики и дала повод для выражения, которое до сих пор используется в нашем обиходе, - "смотреть на человека дурным глазом". Ее сторонники утверждали в свою защиту авторитет картезианской философии, но в век науки и разума она не может считаться более обоснованной, чем сельское суеверие простого пастуха Вергилия, который так жалуется на состояние своего истощенного стада: "Они выглядят такими худыми..."

"Они выглядят такими худыми,
Их кости едва прикрыты кожей.
Что за магия околдовала шерстяные плотины?
И что за злые глаза видели нежных ягнят?"

Колдовство во все века и во всех странах признавалось реальностью, такой же, как и любые факты природы или происшествия, которым подвержено человечество. По законам всех народов, как католических, так и протестантских, как в старой, так и в новой стране, оно рассматривалось как смертное преступление и приравнивалось к убийству и другим высшим преступлениям, хотя и считалось более тяжким и черным, чем все они. Поэтому обвинительные акты и судебные процессы над лицами, обвиняемыми в этом преступлении, не рассматривались как представляющие какой-то особый интерес или отличающиеся в каких-либо существенных чертах от процессов над другими видами преступников. До 1692 года в американских колониях было много подобных процессов - возможно, больше, чем дошло до нас. Они не рассматривались как достаточно экстраординарные, чтобы перенести их из забвения, проносающегося, как вечный потоп, над огромным множеством человеческих переживаний, в ковчег истории, который спасает лишь избранных. Ниже перечислены основные факты этого класса, о которых мы располагаем информацией.

Уильям Пенн в качестве судьи председательствовал на суде над двумя шведскими женщинами, обвиненными в колдовстве; большое жюри, действовавшее по его указаниям, предъявило им обвинения. Они были спасены не из-за особого нежелания возбуждать против них дело, вытекающего из характера предполагаемого преступления, а лишь из-за некоторого технического дефекта в обвинительном заключении. Если бы не это случайное обстоятельство, как предполагает летописец Филадельфии, сцены, подобные тем, что произошли впоследствии в деревне Салем, могли бы омрачить историю квакеров, шведов, немцев и голландцев, живших в Городе братской любви и соседних колониях. В других частях Новой Англии уже проходили судебные процессы и казни за колдовство, и все большее или меньшее распространение получала информация о нападениях сил тьмы на человеческие дела. Эти происшествия подготовили почву для заблуждения в Салеме и стали элементами, сформировавшими его характер. Поэтому их нельзя полностью упускать из

виду. Но памятники для их разъяснения очень скудны. Книга Хатчинсона "История Массачусетса" является, пожалуй, самым ценным авторитетом в этом вопросе. Он имел преимущество перед любым другим писателем, до, после или после, в том, что касается процесса о колдовстве в 1692 году; ведь он имел доступ ко всем записям и документам, связанным с ним, большая часть которых впоследствии была утеряна или уничтожена. Его трактовка этой конкретной темы более удовлетворительна, чем можно найти в других источниках. Но о происшествиях такого рода, которые предшествовали этому, его информация, по-видимому, была очень скудной и ненадежной. Необычный факт заключается в том, что мы знаем больше об истории первого века Новой Англии, чем было известно самым просвещенным людям промежуточного столетия. Не было регулярной организованной газетной прессы, не началась эпоха памятных дат, и никто, похоже, не осознавал всей важности фиксации событий. Публикация всего за несколько лет колониальных журналов первой половины столетия существования Массачусетса; исследования, проведенные бесчисленными руками среди бумаг, хранящихся в государственных учреждениях; печать историй городов и коллекции, составленные историческими и генеалогическими обществами, - спасли от забвения и избавили от ошибок многие моменты, представляющие наибольший интерес и важность.

Уинтроп в своем "Журнале" рассказывает о казни Маргарет Джонс из Чарльзтауна, которую судил и осудил Суд помощников. Обвинения против нее заключались в том, что она обладала зловредным прикосновением, так что многие люди - "мужчины, женщины и дети" - при контакте с ней "глохли, их рвало, или они испытывали другие сильные боли или болезни"; что она занималась врачеванием, и ее лекарства, "будучи такими вещами, которые (по ее собственному признанию) были безвредны, как анис, ликеры и т.д., но оказывали необычайно сильное воздействие"; и что на ее теле "при принудительном обыске" нашли колдовские знаки, в частности "сосок, свежий, как будто его только что сосали". Против нее выдвигались и другие нелепые обвинения. Что касается последствий прикосновения, то очевидно, что они легко могут быть имитированы злобно настроенными людьми. Суть ее преступления, по-видимому, заключалась в том, что она весьма успешно использовала простые рецепты для лечения болезней. Ее практика была обвинена в том, что она "противоречит обычному порядку вещей и недоступна пониманию всех врачей и хирургов". Соответственно, против нее разгорелась ожесточенная вражда. Она относилась к своим обвинителям и клеветникам с негодованием. "Ее поведение на суде, - говорит Уинтроп, - было очень несдержанным: она беспардонно лгала, обрушивалась на присяжных, свидетелей и т. д.; и в таком же расстройстве она умерла". Мы увидим, что смелые утверждения о невинности и возмущенные обличения преследователей и клеветников, которые разрушили их репутацию и преследовали их до смерти, лицами, которых судили и казнили за колдовство в 1692 году, рассматривались некоторыми, как и Уинтропом, как доказательства плохого настроения и лживости. Губернатор завершает свое заявление о Маргарет Джонс рассказом о том, что он считает доказательством ее вины: "В тот же день и час, когда ее казнили, в Коннектикуте разыгралась сильная буря, которая повалила много деревьев и т. д.". В записях Генерального суда нет явного упоминания об этом деле. Возможно, оно упоминается в следующем параграфе, датированном 13 мая 1648 года

"Этот суд, желая, чтобы тот же способ, который был принят в Англии для обнаружения ведьм путем наблюдения, был принят и здесь, в отношении ведьмы, о которой сейчас идет речь, и поэтому приказывает, чтобы каждую ночь за ней строго следили, и чтобы ее муж был заключен в отдельную комнату и также наблюдал за ней".

Маргарет Джонс была казнена в Бостоне 15 июня. Хатчинсон ссылается на заявление Джонсона в "Чудотворном провидении", что "более одного или двух в Спрингфилде в 1645 году подозревались в колдовстве; что было приложено много усилий, как для того, чтобы их найти, так и для того, чтобы Господь помог им против их колдовства; однако они, как предполагается, околдовали не мало людей, среди которых двое детей преподобного старейшины". Бессвязное и неметодичное повествование Джонсона охватывает период с 1645 до конца 1651 года, и Хатчинсон, вероятно, был введен в заблуждение, полагая, что случаи в Спрингфилде произошли уже в 1645 году. В колониальных записях Массачусетса под датой 8 мая 1651 года есть такая запись: -

"Суд, понимая, что Мэри Парсонс, ныне находящаяся в тюрьме и обвиняемая в ведьмовстве, по слабости может умереть до суда, если он будет отложен, приказывает, чтобы наутро, к восьми часам утра, она предстала перед Генеральным судом и была им судима, тем более что мистер Пинчон может присутствовать, чтобы дать свои показания по этому делу".

Мистер Пинчон, вероятно, смог задержаться на несколько дней. Она предстала перед судом только 13-го числа, под которым стоит следующая дата

"Мэри Парсонс, жена Хью Парсонса из Спрингфилда, посаженная в тюрьму по подозрению в колдовстве, а также за убийство собственного ребенка, была вызвана в этот день и обвинена в колдовстве. Именем Мэри Парсонс, вы здесь, перед Генеральным судом, обвиняетесь от имени этого Содружества в том, что, не имея страха Божьего ни перед глазами, ни в сердце, будучи обольщенной дьяволом и поддавшись его злему уговору, примерно в конце февраля прошлого года в Спрингфилде, имели знакомство или советовались со знакомым духом, заключив с ним завет; и использовал различные дьявольские приемы колдовства, чтобы причинить вред личностям Марты и Ребекки Моксон, вопреки Слову Божьему и законам этой юрисдикции, давно принятым и опубликованным.' На это обвинение она ответила: "Не виновна". Все доказательства, выдвинутые против нее, были заслушаны и изучены, но суд счел их недостаточными, чтобы доказать, что она ведьма, и поэтому она была оправдана в этом отношении.

"В то же время ей было предъявлено обвинение в убийстве своего ребенка. 'По имени Мэри Парсонс, вы здесь, перед Генеральным судом, обвиняетесь от имени этого общего богатства, что, не имея страха Божьего ни перед глазами, ни в сердце, будучи обольщена дьяволом и поддавшись его внушениям и нечестию собственного сердца, примерно в начале марта прошлого года в Спрингфилде, в своем доме или рядом с ним, умышленно и самым злобным образом убила собственного ребенка, против слова Божьего и законов этой юрисдикции, давно принятых и опубликованных'. В этом она признала себя виновной.

"Суд, признав ее виновной в убийстве по ее собственному признанию и т.д., вынес приговор: "Ты должна быть отнесена с этого места в то место, откуда пришла, а оттуда - к месту казни, и там висеть, пока не умрешь"".

Под той же датой - 13 мая - находится распоряжение суда о назначении дня унижения "по всей нашей юрисдикции во всех церквях", учитывая, среди прочего, степень, до которой "сатана преобладает среди нас в отношении колдовства".

В колониальных записях под датой 31 мая 1652 года сообщается, что Хью Парсонс из Спрингфилда предстал перед Судом помощников, состоявшимся в Бостоне 12 мая 1652 года, за колдовство; дело было передано "суду присяжных", которые признали его виновным. Не согласившись с вердиктом присяжных, магистраты передали дело в Генеральный суд,

который постановил, что "по закону он не виновен в колдовстве и не должен умереть по закону".

Если сопоставить и изучить эти цитаты и вспомнить, что мистер Моксон был "преподобным старейшиной" церкви в Спрингфилде, то можно не сомневаться том, что случай с Парсонсом - это тот, о котором упоминает Джонсон в "Чудотворном провидении", и что Хатчинсон ошибся в дате. Мы остаемся в сомнении относительно судьбы Мэри Парсонс. В записях есть маргинальная запись о том, что она была освобождена до 29 мая. Ни Джонсон, ни Хатчинсон, похоже, не думали, что приговор когда-либо будет приведен в исполнение. Очевидно, что его и не должно было быть. Женщина находилась в слабом и предсмертном состоянии, ее разум, вероятно, был нарушен, - жертва того особого вида мании, носящей характер религиозного фанатизма и извращения идей, который часто приводит к детоубийству.

Эти случаи показывают, что в то время Генеральный суд проявлял осмотрительность и дискриминацию при рассмотрении вопросов такого рода, представленных на его рассмотрение.

Хатчинсон, опираясь на авторитет Хейла, утверждает, что недалеко от этого времени одна женщина в Дорчестере и другая в Кембридже были казнены за колдовство; и что они заявили о своей невинности при предсмертном вздохе. Он также утверждает, что в 1650 году "бедная несчастная Мэри Оливер, вероятно, уставшая от жизни из-за общей репутации ведьмы, после долгого допроса была приведена к признанию своей вины; но я не знаю, была ли она казнена".

В 1656 году произошел весьма примечательный случай. Уильям Хиббинс был купцом в Бостоне и одним из самых видных и уважаемых граждан Массачусетса. Он был принят во фримены в 1640 году; был депутатом в Генеральном суде в том и следующем году; избирался помощником в течение двенадцати последующих лет - с 1643 по 1654 год; некоторое время представлял колонию в качестве ее агента в Англии и получил благодарность Генерального суда за свою ценную службу там. Кажется, никто не имел большего влияния и не пользовался большим почетом во время его долгой законодательной карьеры. Он умер в 1654 году. В тексте первого и второго томов Хатчинсон утверждает, что его вдова была судима, осуждена и повешена как ведьма в 1655 году, хотя он исправляет ошибку в примечании к этому отрывку в первом томе. В колониальных записях Массачусетса под датой 14 мая 1656 года приводится следующее изложение дела

"Мировые судьи не приняли вердикт присяжных по делу миссис Хиббинс, которая была судима за колдовство, и оно, конечно же, попало в общий суд. Миссис Энн Хиббинс была вызвана, предстала перед судом, ей было зачитано обвинение, на что она ответила: "Не виновна" и желает быть судимой Богом и этим судом. Доказательства против нее были зачитаны, присутствовали стороны-свидетели, ее ответы были рассмотрены; и весь суд, собравшись вместе, своим голосованием постановил, что миссис Энн Хиббинс виновна в колдовстве, согласно обвинительному акту, выдвинутому против нее присяжными на жизнь и смерть. Губернатор в открытом суде вынес соответствующий приговор; объявив, что она должна отправиться с плахи туда, откуда пришла, а оттуда - к месту казни, и там висеть, пока не умрет.

"Приказывается выдать ордер секретарю генерал-маршалу на казнь миссис Хиббинс на пятый день следующей недели, сразу после лекции в Бостоне, то есть 19 июня следующего года; генерал-маршал берет с собой достаточную охрану".

Утверждается, что миссис Хиббинс была сестрой Ричарда Беллингема, в то время заместителя губернатора, и всегда считалась одним из главных людей в стране. Странно сказать, но об этом событии мало кто узнал за пределами ближайшего населенного пункта; но то немногое, что дошло до нас, говорит о том, что это был случай возмутительного безрассудства и варварства, справедливо наложивший позор на общество того времени. Хатчинсон, писавший через сто лет после этого события и, очевидно, не имевший никаких других оснований для своего мнения, кроме смутных предположительных традиций, дает следующее объяснение судебному процессу против нее: "Убытки, понесенные ее мужем во второй половине жизни, уменьшили его состояние и усилили естественную слабость нрава его жены, что сделало ее буйной и ссорящейся, подвергло ее церковному порицанию и в конце концов сделало ее настолько одиозной для соседей, что некоторые из них обвинили ее в колдовстве".

Вряд ли это можно считать достаточным объяснением, хотя и не верится, что даже в те времена человека могли осудить и казнить только из-за "вздорного нрава", но это не соответствует фактам, известным нам из архивов. Она не могла оказаться в столь стесненных обстоятельствах, чтобы произвести такое необычное воздействие на ее характер, ведь она оставила хорошее состояние. Правда в том, что язык клеветы был выпущен на волю, и клевета, распространяемая безрассудными сплетниками, настолько увеличилась, преувеличилась и приняла такие размеры, что позволила ее очернителям подвергнуть ее порицанию церкви, и это подбодрило их, чтобы кричать против нее как о ведьме. Хатчинсон высказывает мнение, что она стала жертвой народной молвы. Но само по себе это, без какой-либо претензии или доказательств, не могло заставить Генеральный суд, отменив решение магистратов, приговорить к смерти человека, занимающего столь высокое социальное положение.

Единственный ключ к разгадке того, какие улики лежат в основе обвинения в колдовстве, приведшего эту недавно понесшую утрату вдову к столь жестокой и позорной смерти, содержится в письме, написанном священнослужителем с Ямайки Инкризу Мэзеру в 1684 году, в котором он пишет: "Вы, наверное, помните, что я иногда рассказывал вам, что ваш знаменитый мистер Нортон однажды сказал за своим столом - перед мистером Уилсоном, пастором, пресвитером Пенном, мной и женой и т. д., которые имели честь быть его гостями, - что одна из жен вашего магистрата, насколько я помню, была повешена как ведьма только за то, что обладала большим умом, чем ее соседи. Это было его собственное выражение; она, как он объяснил, по несчастью догадалась, что двое ее преследователей, которых она видела беседующими на улице, говорили о ней, что, оказавшись правдой, стоило ей жизни, несмотря на все, что он мог сделать для обратного, как он сам нам сказал". Не было ничего более естественного, чем предположить, что, зная собеседников, видя их манеру поведения, учитывая их активное сотрудничество в разжигании против нее волнения, которое было тогда главной темой, они говорили о ней. Но в слепом увлечении того времени это считалось доказательством того, что она с помощью дьявола обладала сверхъестественной проницательностью, - точно так же, как сорок лет спустя подобные доказательства были приведены против Джорджа Берроуза. Тело этой несчастной дамы было обыскано на предмет колдовских следов, а ее сундуки и помещения - на предмет кукол.

Совершенно очевидно, что были использованы средства, чтобы поднять против нее сильное народное волнение, которое стало настолько грозным, что заставило замолчать каждый голос, осмелившийся заговорить в ее пользу. Джошуа Скоттоу, респектабельный гражданин и выборный, рискнул дать показания в ее пользу, противопоставив их некоторым

свидетельствам против нее; с ним обошлись очень сурово, и он был вынужден написать смиренное извинение суду, отречься от всякого дружеского интереса к миссис Хиббинс и молиться, "чтобы меч правосудия был обнажен против всякого нечестия". Он говорит: "Я сердечно сожалею, что хоть что-то от меня, будь то слово или письмо, могло оскорбить уважаемый суд, моих дорогих братьев по церкви или кого-либо еще".

Хатчинсон утверждает, что в то время в Бостоне было несколько человек, которые осудили процесс против миссис Хиббинс и считали ее не просто гонимой женщиной, но "святой"; что глубокое чувство обиды на ее гонителей долго оставалось в их умах; и что впоследствии они "наблюдали торжественные знаки Провидения, установленные на тех, кто очень стремился осудить ее". Очевидно, что магистратский суд был против ее осуждения, и мистер Нортон сделал все возможное, чтобы спасти ее. Он был одним из четырех "великих Джонов", которые были первыми служителями церкви в Бостоне; и примечательно, что даже его влияние оказалось бесполезным в ее пользу, поскольку показывает жестокость народа по отношению к ней. Но у нее были и другие друзья, как явствует из ее завещания, которое, в конце концов, является единственным источником достоверной информации о ее характере. Оно датировано 27 мая 1656 года, через несколько дней после вынесения ей смертного приговора. В нем она называет в качестве надзирателей и управляющих своим имуществом "капитана Томаса Кларка, лейтенанта Эдварда Хатчинсона, лейтенанта Уильяма Хадсона, прапорщика Джошуа Скоттоу и корнета Питера Оливера". В кодициле она говорит: "Я искренне желаю, чтобы мои любящие друзья, капитан Джонсон и мистер Эдвард Роусон, были добавлены к остальным упомянутым джентльменам в качестве блюстителей моего завещания". Вряд ли можно сомневаться, что эти люди - а все они были видными горожанами - были известны ей как ее друзья.

Весь тон и манера изложения свидетельствуют о том, что она обладала разумом, способным подняться над силой зла, страданий и самой смерти. Они свидетельствуют о спокойствии и безмятежности ее духа. Распоряжение ее имуществом свидетельствует о здравом смысле, добрых чувствах и деловых качествах, соответствующих случаю. В тексте завещания, размещенном на сайте, нет ни одного слова, ни одного слога, ни одного выражения, которые бы хоть в малейшей степени касались или были окрашены ее особым положением. В кодициле, датированном 16 июня, есть следующее предложение: "Я желаю, чтобы все мои надсмотрщики проявили такое уважение к моему мертвому телу, чтобы оно было достойно погребено, и, если это возможно, рядом с моим покойным мужем".

Когда она вышла замуж за мистера Хиббинса, она была вдовой по фамилии Мур. От последнего брака у нее не было детей, и уж точно никого не было в живых на момент ее смерти. От предыдущего брака у нее было три сына - Джон, Джозеф и Джонатан. Все они жили в Англии, но младший, узнав о ее положении, уехал в Америку. Когда она писала кодицил - за три дня до казни, - она добавила в конце, очевидно, только что узнав о его приезде: "Я даю моему сыну Джонатану двадцать фунтов, сверх того, что я уже дала ему, на оплату его трудов и расходов по приезду ко мне, которые будут сначала выплачены из моего имущества". Есть основания полагать, что он достиг ее в короткий промежуток времени между датой кодициля и ее смертью, судя по стилю следующего постскриптума, написанного и подписанного в утро ее исполнения: "По моему дальнейшему умыслу и волеизъявлению, из чувства более чем обычной привязанности и заботы моего сына Джонатана во времена моего бедственного положения, я даю ему в качестве дополнительного наследства десять фунтов". Завещание было доказано в суде 2 июля 1656 года. В завещании и кодициле говорится о ее "фермах на Мадди-Ривер", а также о сундуках и письменном столе, в которых находились ценности такой важности, что она с особым

старанием доверила ключи от них Эдварду Роусону, согласно положению кодицила. При инвентаризации имущества было обнаружено 344 фунта стерлингов. 14 с., что по тем временам было значительным имуществом, поскольку деньги тогда ценились.

Хатчинсон упоминает случай колдовства в Хартфорде в 1662 году, где обвинялись несколько женщин, и после того, как с ними разбирались, пока они не были сбиты с толку, одна из них сделала самые нелепые признания, которые должны были убедить всех, что ее разум был повержен; три из них были осуждены, и одна, безусловно, - вероятно, все, - казнена. В 1669 году, по его словам, Сюзанна Мартин из Солсбери, с которой мы еще встретимся, была доставлена в суд по тому же обвинению, "но в то время сбежала". Еще один случай упоминается им как произошедший в 1671 году в Гротоне, в котором сторона призналась и тем самым избежала осуждения. В 1673 году дело произошло в Хэмптоне; но присяжные, хотя, по их словам, имелись веские основания для подозрений, вынесли вердикт "невиновен"; улики не были сочтены достаточными. Было еще несколько случаев, когда некоторые люди подвергались жестокому обращению из-за того, что их считали ведьмами; а другие страдали, как они думали, "под злой рукой".

В этом ближайшем округе было несколько попыток, предшествовавших заблуждению в деревне Салем в 1692 году, начать судебное преследование за колдовство, но без особого успеха. Жители этого графства еще не настолько заразились фанатизмом того времени, чтобы доходить до крайностей.

В сентябре 1652 года большое жюри вынесло следующее обвинение: "Мы представляем Джона Брэдстрита.

"Мы представляем Джона Брэдстрита, из Роули, по подозрению в знакомстве с дьяволом. Он сказал, что читал в книге о магии и услышал голос, спросивший его, какую работу он хочет для него сделать. Он ответил: "Сделай мост из песка через море; сделай лестницу из песка до небес, иди к Богу и больше не спускайся".

"Свидетели этого - Фрэнсис Парат и его жена из Роули.
"Свидетель - Уильям Бартоломью из Ипсвича".

28 числа того же месяца присяжные в Ипсвиче, "рассмотрев дело, пришли к выводу, что он сказал ложь, и это уже вторая ложь, поскольку ранее он был осужден один раз. Суд назначил штраф в двадцать шиллингов, а в противном случае - порку".

Вероятно, Брэдстрит был в привычке к романтике, и было решено не рассматривать его проступки более серьезно.

В 1658 году в графстве Эссекс произошел необычный случай такого рода. Следующие документы, относящиеся к нему, иллюстрируют настроения и формы мышления, распространенные в то время, и дают представление о состоянии общества в некоторых аспектах:-...

"Достопочтенному суду, который состоится в Ипсвиче двенадцатого месяца 58-го или 59-го года.

"Достопочтенные господа, - поскольку многие уважаемые люди у нас, и как мы слышим в других местах также, в течение некоторого времени терпели убытки в своих имениях, и

некоторые болезни в их телах также, - которые, как они полагают, не происходят от какой-либо естественной причины, или любого пренебрежения в себе, но скорее от некоторых плохо расположенных людей, - что, по причине разногласий, возникших между ними и неким Джоном Годфри, проживающим в Андовере или в другом месте по его желанию, мы, чьи имена записаны под этим текстом, дерзаем обратиться с просьбой к этому уважаемому суду, чтобы вы, по вашей мудрости, сообразовали, если увидите для этого основания, вызвать его на допрос и выслушать, на нынешнем или на каком-нибудь последующем заседании, что можно сказать по этому поводу.

"Джеймс Дэвис, старший, от имени своего сына Эфраима Дэвиса.

Джон Хаселдин и Джейн, его жена.

Авраам Уитакер, за своего вола и другие вещи.

Эфраим Дэвис, от своего имени".

Просители вкратце упоминают некоторые случаи в подтверждение своей жалобы. Есть несколько показаний. В показаниях Чарльза Брауна и его жены говорится: "Примерно шесть или семь лет назад

"Примерно шесть или семь лет назад, в доме собраний Роули, находясь на галерее на первом месте, на втором месте был один человек, который, насколько он помнит, думает и считает, что это был Джон Годфри. Он видел, как тот, зевая, открыл рот, и, пока он зевал, он видел под языком маленький сосок. Кроме того, этот свидетель утверждает, что Джон Годфри был в доме этого свидетеля около трех лет назад. Говоря о силе ведьм, он, упомянутый Годфри, сказал, что если ведьмы не будут благосклонны к ним, то им явится дьявол и спросит их, не огорчены ли они кем-нибудь, и спросит, что он должен для них сделать; И, если они не дадут им пива или еды, они могут вылить все пиво из погреба; и, если они будут пристально смотреть на любое существо, оно умрет; и, если некоторым ведьмам трудно лишить жизни человека или зверя, но, когда они однажды начинают это делать, то им это легко."

Показания по этому делу представлены в том виде, в каком они имеются в подлинниках, за исключением тех слов или частей слов, которые были стерты. Они приводятся полностью.

"Показания Изабель Холдред, которая свидетельствует, что Джон Годфри пришел в дом Генри Блаздалла, где находились ее муж и она сама, и потребовал долг у ее мужа, и сказал, что выписан ордер, и Гудмен Лорд должен внезапно прийти. Джон Годфри спросил, не заплатим ли мы ему. Ответил: "Да, сегодня вечером или завтра, если бы у нас был долг; но я думаю, что не будет... мы у тебя в долгу". Джон Годфри ответил: "Это горькое слово"; ...сказал: "Я должен начать и должен послать Гудмана Лорда". Обвиняемый ответил: "...когда пожелаете. Я не боюсь ни тебя, ни всех чертей в аду! И далее эта свидетельница утверждает, что через два дня после этого с ней начались странные припадки, в которых она мучилась две недели подряд, днем и ночью. И несколько явлений явилось ей ночью. В первую ночь явилась пчела, на следующую - медведь, который оскалил зубы и потряс когтями: "Ты говоришь, что не боишься. Ты думаешь, что дом Гарри Блаздалла спасет тебя". Я надеюсь, что Господь Иисус Христос спасет меня". Тогда явление сказало: "Ты говоришь, что не боишься всех дьяволов в аду; но я кровь твоего сердца в течение нескольких часов! Следующим было явление огромной змеи, при виде которой свидетельница очень испугалась, подскочила к Натану Голду, который находился в противоположном углу дымохода, и вцепилась в волосы на его голове; на полчаса у нее пропала речь. На следующую ночь появилась большая лошадь, и, когда Томас Хейн был там, заявительница

рассказала ему о ней и показала, где она находится. Томас Хейн взял палку и ударил ею по лошади. Хейн взял палку и ударил по тому месту, где было явление; его удар прошелся по боку лошади, и она упала под стол. Он ударил еще раз; тогда явление отлетело к ..., заставило его пошатнуться и ушло. И вот, примерно через неделю после этого, свидетельница... сын были у двери Натана Голда и услышали, как в доме раздается стук... Подсудимая сказала сыну: "Вон там зверь". Он ответил: "Это один из черных волов Гудмена Кобби"; и он направился к ним и приблизился к ним на расстояние ... ярдов. У свидетельницы защемило сердце, потому что казалось, что у него огромные глаза; она сказала мальчику: "Давай зайдем". Но вдруг бык ударил ее о стену и повалил на землю, и она сильно ушиблась, не в силах подняться. Меня же другие несли в дом, и все лицо мое было в крови, так как я был сильно ушиблен. Мальчик долгое время после этого был сильно напуган; в течение двух часов он был в таком поту, что можно было бы вымыть руки о его волосы". Далее эта свидетельница утверждает, что ее часто беспокоила... черная кошка, которая иногда появлялась в доме, а иногда ночью... ложилась на кровать и лежала на ней, а иногда гладила ее по лицу. Кошка казалась... втрое больше обычной".

"Томас Хейн свидетельствует, что, будучи с доброй женой Холдриджа, она сказала мне, что видела большую лошадь, и показала мне, где она стояла. Тогда я взял палку и ударил по этому месту, но ничего не почувствовал; я услышал, как затряслась дверь, и добрая жена Холдриджа сказала, что он вышел на улицу. Х. сказала, что он вышел за дверь. Сразу же после этого ее охватили страх и боль, так что она вмиг покрылась испариной, и я подумал, что она упадет в обморок. Она дрожала и тряслась как лист.

"Томас Хейн".

"Однажды ночью Натан Гоулд был с доброй женой Холгрег, и тут появилась большая змея, как она сказала, с открытой пастью; она, будучи слабой и едва ли способной идти одна, подбежала и схватила Натана Гоулда за голову, и не могла говорить в течение получаса".

"Натан Гулд".

"Уильям Осгуд свидетельствует, что в 40-м году, в августе месяце, когда он строил коровник для мистера Спенсера, Джон Годфри, бывший в то время пастухом мистера Спенсера, вечером пришел к раме, где работали разные люди, и сказал, что у него появился новый хозяин за то время, что он держал коров. Уильям Осгуд спросил его, кто это. Тот ответил, что не знает. Он снова спросил его, где он живет. Тот ответил, что не знает. Он спросил его, как его зовут. Тот ответил, что не знает. Тогда он сказал ему: "Как же ты пойдешь к нему, когда кончится твой срок?" Он ответил: "Человек придет и заберет меня тогда". Я спросил его: "Заключил ли ты абсолютную сделку?" Он ответил, что договор был заключен, и он приложил к нему руку. Тогда он спросил его, нет ли у него встречного договора. Годфри ответил: "Нет". У. О. сказал: "Какой же ты безумец, что заключил договор таким образом! Он ответил: "Он честный человек". "Откуда ты знаешь?" - спросил У. О. Дж. Годфри ответил. "Он выглядит как честный". Тогда У. О. ответил: "Я убежден, что ты заключил договор с дьяволом". Затем он поскакал и сказал: "Я исповедую, я исповедую!"

Уильям Осгуд".

Процесс против Годфри был передан в другие суды, о чем свидетельствует запись окружного суда в Салеме от 28 июня 1659 года: - "Джон Годфри связан.

"Джон Годфри связан залогом в сто фунтов с казначеем этого графства для явки в Генеральный суд или суд помощников, когда он будет туда законно вызван".

Какие меры были приняты одним из этих высших судов, я не знаю. Но, должно быть, он остался невредим, потому что вскоре после этого он подал иск в окружной суд за клевету против своих обвинителей, что привело к следующим результатам: - "John Godfery plt.

"Джон Годфери против Уилла. Саймондса и Сэма^{ll}, его сына, в иске о клевете, что упомянутый Сэм^{ll}, сын Уилла. Саймондса, навел на него порчу от своего имени, обвинив его в том, что он ведьма, присяжные признали за истцом 2^d ущерба и судебные издержки 29^{sh.}, но, несмотря на это, они считают, что в результате проверки он становится подозрительным."

"Джон Годфери против Джонатана Синглтари, защищающегося по иску о клевете и оскорблении за то, что он назвал его ведьмой и сказал, что эта ведьма находится по эту сторону Бостонской виселицы, однако, приложение и другие доказательства были прочитаны, переданы присяжным и находятся в деле. Присяжные постановили, что в течение месяца он должен публично признать в Хаверхилле, что он причинил ему зло своими словами, или 10^{sh} убытков и судебные издержки в размере 2-16-0 фунтов стерлингов".

В ходе судебного разбирательства дела между Годфри и Синглтари последний попытался доказать истинность своих обвинений против первого, дав следующие показания, которые, хотя и не убедили присяжных, стоит сохранить из-за интереса, присущего некоторым их деталям: -

"Дата четырнадцатое двенадцатого месяца 62-го года.-Свидетельство Джонатана Синглтари, около 23 лет, который подтверждает, что я, находясь в тюрьме в Ипсвиче этой ночью между девятью и десятью часами вечера, после звона колокола, расположившись в углу тюрьмы, вдруг услышал сильный шум, как будто много кошек взбирались по стенам тюрьмы, и прыгали в дом через окна, и скакали по камере; и шум, как будто бросали концы досок или табуретки, и люди ходили по палатам, и треск и сотрясение, как будто дом должен был упасть на меня. Видя это и принимая во внимание то, что я знал от молодого человека, который жил в моем доме в прошлый Индийский урожай, и, по некоторой разнице с Джоном Годфре, он в настоящее время несколько ночей странным образом беспокоился и жаловался, как он делал, и, принимая во внимание это и другие вещи, которые я знал от него, я в настоящее время был немного напуган; однако, учитывая то, что я недавно услышал от мистера Митчела в Кембридже, что он сказал. Митчелом в Кембридже, что в Боге больше добра, чем зла в грехе, и что, хотя Бог - величайшее добро, а грех - величайшее зло, все же первое Существо зла не может перевесить чашу весов или одолеть первое Существо добра: так что, учитывая, что Автор добра обладает большей силой, чем Автор зла, Богу было угодно по своей благодати удержать меня от чрезмерного испуга. Итак, этот шум, о котором говорилось выше, продолжался, как я полагаю, около четверти часа, а затем прекратился: и вскоре я услышал, как засов двери отошел или откинулся, по моему разумению, так же совершенно, как и на следующее утро, когда сторож пришел отпереть ее; и я не видел, как открылась дверь, но увидел Джона Годфре, который стоял в дверях и говорил: "Джонатан, Джонатан". И я, взглянув на него, сказал: "Что тебе до меня?" Он ответил: "Я пришел повидаться с тобой: ты еще не устал от своего места?" Я ответил: "Мне не доставляет удовольствия находиться здесь, но я уйду, как только смогу". Он сказал: "Если ты заплатишь мне кукурузой, то выйдешь". Я ответил: "Нет, если бы это было моим намерением, я бы заплатил маршалу и никогда бы сюда не пришел". Он, стукнув по мне кулаком, как бы угрожая, сказал, что заставит меня устать от своей роли, и ушел, не знаю как и в какую сторону; а когда я шел по тюрьме, то споткнулся о камень каблуком и взял его в руку, думая, что если он снова придет,

то я ударю его. И вот, когда я шел, он позвал меня в окно: "Джонатан, - сказал он, - если ты заплатишь мне кукурузой, я дам тебе два года в день, и мы договоримся"; я ответил ему: "Зачем ты приходишь сюда, развратничая и играя роль дьявола? В твоей натуре только зависть и злоба, которые ты выпустишь, хотя и себе во вред; и ты не ищешь мира ни с кем". "Я не лукавлю, - сказал он, - я дам тебе свою руку, я говорю серьезно". Тогда он просунул руку в окно, и я ухватился за нее левой рукой и притянул его к себе; и с камнем в правой руке я подумал, что ударил его, и пошел вернуть руку, чтобы ударить снова, но его рука исчезла, и я бы ударил, но нечем было ударить; и как он ушел, я не знаю, потому что я не мог ни почувствовать, когда его рука вышла из моей, ни увидеть, в какую сторону он ушел".

Вряд ли можно сомневаться, что рассказ Синглтари был результатом работы возбужденного воображения, в диких и страшных снах под спазмами кошмара. Мы столкнемся с подобными явлениями, когда перейдем к показаниям на судебных процессах 1692 года.

Годфри был весьма эксцентричным персонажем. Он всячески поддерживал и оспаривал обвинения в колдовстве и с удовольствием играл на легковереи своих соседей, наслаждаясь демонстрацией их изумления, ужаса и оцепенения. Он пользовался большой известностью, имел больше судебных тяжб, чем любой другой человек в колонии, и в одном случае попал под уголовную юрисдикцию за знакомство с духами, не являющимися вещественными; из записи от 25 сентября 1666 года мы узнаем, что Джон Годфри был "оштрафован за то, что был пьян".

Я уделил так много места вышеприведенным документам, потому что они показывают фантазии, которые, бродившие в общественном сознании и разгоряченные распространенной литературой, теологией и философией, вырвались наружу через тридцать лет после этого; и потому что они доказывают, что в 1660 году в этом графстве нельзя было добиться осуждения за колдовство. Доказательства против ни одного из осужденных в 1692 году, отбросив заявления и действия "страдающих детей", не были и вполнину так сильны, как против Годфри. Тогда с ним можно было бы работать недолго.

В показаниях Сингла есть один особенно интересный момент. Он иллюстрирует ценность хорошей проповеди. Этот молодой человек, оказавшийся в мрачной тюрьме и подавленный ужасами суеверия, нашел утешение, мужество и силу в том, что ему запомнилось из проповеди, которую он случайно услышал, от "Бесподобного Митчела". Это была действительно хорошая доктрина; и приходится сожалеть, что она не была доведена до логического завершения и не стала постоянно применяться богословами того и последующих времен.

В ноябре 1669 года состоялось судебное преследование вдовы "Гуди Берт", о которой рассказывали самые чудесные истории. Главным свидетелем против нее был Филипп Рид, врач, который под присягой заявил, что "никакие естественные причины" не могли произвести таких эффектов, какие производила Гуди Берт на людей, которых она поражала. Сфера ее деятельности, по-видимому, ограничивалась Марблхедом, Линном, Салемом и окрестностями: поскольку больше об этом деле ничего не было слышно, приводится еще одно доказательство того, что присяжные Эссекса, несмотря на такое положительное мнение врача, не были готовы вынести обвинительный приговор по обвинению в колдовстве. Тот же Филип Рид через одиннадцать лет после этого очень старался возбудить дело против Маргарет Гиффорд как ведьмы. Но она не явилась, и нет никаких сведений о том, что ее пытались задержать.

В 1673 году Юнис Коул из Хэмптона предстала перед судом графства в Солсбери по обвинению в колдовстве; ее заключили в тюрьму в Бостоне, чтобы дальнейшее

разбирательство. Впоследствии она была обвинена Большим жури юрисдикции Массачусетса в "знакомстве с дьяволом". Суд помощников пришел к выводу, что существовали "справедливые основания для серьезных подозрений в том, что она была знакома с дьяволом", и прекратил дело, приказав ей "покинуть эту юрисдикцию и держаться за ее пределами".

В окружном суде, состоявшемся в Салеме 24 ноября 1674 года, было рассмотрено дело, о котором нам известно следующее.

"Кристофер Браун сообщил, что он общался или беседовал с тем, кого он считал дьяволом, который пришел как джентльмен, чтобы связать себя обязательствами быть его слугой, после его осмотра, его рассуждения показались не соответствующими истине и т.д., суд, дав ему добрый совет и предостережение, на данный момент увольняет его."

Было бы хорошо, если бы действия этого суда были приняты в качестве авторитетного прецедента.

В 1679 году дом Уильяма Морса из Ньюбери в течение более двух месяцев подвергался странному и досадному нашествию. Дело было передано в суд, где оно сыграло заметную роль и почти достигло трагической развязки. История разбирательства по этому делу очень любопытна.

Мистер Джон Вудбридж из Ньюбери некоторое время был помощником окружного судьи, и ему было поручено приносить присягу и соединять людей в браке. Ниже приводится запись того, что произошло с ним, когда он заседал в качестве мирового судьи и уполномоченного выносить решения по мелким, местным делам и проводить экзамены по делам, которые передавались в вышестоящие суды:...

"3 декабря 1679 г. Кaleb Пауэлл, на которого поступила жалоба по подозрению в соучастии с дьяволом в домогательствах к Уильяму Морсу и его семье, был по ордеру направлен к констеблю, который привел его. Обвинение и показания были зачитаны, а жалоба отложена до следующего понедельника.

"8 декабря 1679 года Кaleb Пауэлл явился в соответствии с приказом, и Уильям Морс представил против него дополнительные показания, которые были прочитаны и рассмотрены, и было решено, что упомянутый Уильям Морс должен вести дело против упомянутого Пауэлла в окружном суде, который состоится в Ипсвиче в последний вторник марта; и для этого Уильям Морс признает себя должником казначейства округа Эссекс на полную сумму в двадцать фунтов. Условием этого обязательства является то, что упомянутый Уильям Морс должен представить в этом суде свою жалобу на Калеба Пауэлла.

Кaleb Пауэлл был отдан под стражу констеблю до тех пор, пока он не найдет залог в двадцать фунтов для ответа на упомянутую жалобу, в противном случае он должен быть препровожден в тюрьму".

"Джо: Вудбридж, комиссар".

Соответственно, Пауэлл предстал перед судом в Ипсвиче 30 марта 1680 года по обвинению в колдовстве. Прежде чем изложить суть доказательств, приведенных по этому случаю, следует упомянуть о том, как он попал в дело принцепала. Он был помощником на судне. Находясь дома между рейсами, он случайно услышал о чудесных происшествиях в доме мистера Морзе. В нем проснулось любопытство, а также чувство сострадания к семье, испытывающей муки и ужасы, от которых она, по слухам, страдала. Решив выяснить, что все

это значит, и по возможности положить этому конец, он отправился в дом и вскоре убедился, что причиной всех бед является непутевый внук. Он убедил старых дедушку и бабушку позволить ему забрать мальчика. Сразу же после его ухода проблемы прекратились.

Новоанглийские мореплаватели в то время и долгое время после него плавали почти исключительно по звездам; и Пауэлл, вероятно, часто рассказывал о своем умении, которое он, будучи помощником капитана судна, должен был приобрести, рассчитывая свое положение, скорость плавания и расстояния в безбрежном и бескрайнем океане с помощью знаний и наблюдений за небесными телами. Возможно, он говорил, что, глядя на звезды, в любой час ночи, как бы долго и далеко его ни швыряло и ни гнало по океану, он мог точно определить, где находится его судно. Отсюда и обвинения в астрологии. Вероятно, как и другие моряки, Пауэлл мог предаваться "длинным рассказам" деревенским жителям о чудесах, которые он видел "то в одной стране, то в другой". Не исключено, что в иностранных портах он был свидетелем выставок некромантии и месмеризма, которые в разных формах и под разными названиями практиковались всегда. Возможно, он мог похвастаться тем, что сам был медиумом, ученым и адептом мистического искусства, способным читать и предсказывать "действия духов". Во всяком случае, когда стало известно, что он с первого взгляда приписал мальчику причину бед, и что они прекратились, когда он увел его из дома, утвердилось мнение, что он волшебник. Его тут же арестовали и привлекли к суду, как уже говорилось, за колдовство. Его астрономия, астрология и спиритизм подвергали его жизнь опасности.

"Свидетельство Уильяма Морса, который вместе со своей женой, которой было около шестидесяти пяти лет, утверждает, что в четверг вечером, в двадцать седьмой день ноября, мы слышали сильный шум без дома, вокруг дома, стук по доскам дома и, как нам показалось, бросание камней в дом. Тогда я и жена выглянули наружу и никого не увидели, и мальчик все это время был с нами; но в нас бросали камни и палки, так что мы были вынуждены снова уйти в дом. После этого мы легли спать, и мальчик с нами; и тут на крыше дома раздался такой же шум.

"2. В ту же ночь около полуночи, когда мы легли спать, дверь была заперта, мы слышали, как большой боров в доме хрюкает и шумит, как нам показалось, желая выйти; и, чтобы не мешать нам спать, я встал, чтобы выпустить его, и нашел борова в доме и незапертую дверь: дверь была крепко заперта, когда мы легли спать.

"3. На следующее утро в дымоходе висела палка со звеньями, они были сброшены со своего места, и мы снова повесили их, и они снова были сброшены вниз, а некоторые попали в огонь.

"4. На следующую ночь у меня в окне лежало большое шило, которое, как мы видели, упало из дымохода в пепел у огня.

"5. После этого я попросил мальчика положить то же шило в шкаф, что мы и сделали, а дверцу закрыли: это же шило снова спустилось в трубу на наших глазах, и я сам поднял его. В ту же ночь мы увидели, как маленькая индейская корзинка, которая раньше стояла на чердаке, снова спустилась в дымоход. Я взял ту же корзину и положил в нее кусок кирпича, и корзина с кирпичом исчезла, а в третий раз спустилась с кирпичом, в четвертый раз поднялась и снова спустилась без кирпича; а кирпич снова спустился через некоторое время.

"6. На следующий день, в субботу, посыпались камни, палки и куски кирпича, так что мы не могли спокойно позавтракать; в то же время посыпались и огненные палки.

"7. В тот день после полудня моя нить четыре раза уносилась и спускалась в дымоход; опять мое шило и шило, не имея, спускались в дымоход; опять моя кожа, унесенная, спускалась в дымоход; опять мои гвозди, находившиеся в крышке ели, унесенные, спускались в дымоход. В ту же ночь, когда дверь была заперта, немного раньше дня, услышав в доме свинью, я поднялся и увидел, что свинья моя: Я выпустил его.

"8. На следующий день, в день субботний, в дымоход попало много камней, палок и кусков кирпича: в понедельник, когда мистер Ричардсон и мой брат были там, они увидели, что рама моего коровника очень прочная. Я послал своего мальчика, чтобы он отпугнул птиц от мяса моих свиней: он подошел к коровнику, и тот упал, а мой мальчик заплакал от боли при падении. После обеда горшки, висевшие над огнем, так сильно бились один о другой, что мы опустили один, чтобы они не разлетелись на куски. Я видел, как андирон прыгнул в горшок, и танцевал, и выпрыгнул, и снова прыгнул, и снова танцевал, и снова выпрыгнул, и прыгнул на стол и там остался, и моя жена видела андирон на столе: также я видел, как горшок перевернулся и вылил всю воду. И снова мы видели, как поднос с шерстью прыгал вверх и вниз, и выбрасывал шерсть, и так много раз, и никто не вмешивался в это. Снова ванна с обручем слетела сама с себя, и ванна перевернулась, и никто к ней не подошел. Опять шерстяное колесо перевернулось, встало на конец, и на него положили лопату; Стеф. Гринлиф видел это, и я, и моя жена. Снова мои инструменты для веревки упали на землю, прежде чем мой мальчик успел их взять, когда за ними послали; и то же самое с гвоздями упало с чердака на землю, и никого рядом не было. Опять же, когда моя жена и мальчик застилали постель, сундук открывался и закрывался: постельное белье не могло лечь на кровать, но снова слетало.

"Опять пришел Кaleb Пауэлл и, видя нашу беду, пообещал мне и моей жене, что, если мы согласимся оставить мальчика у себя, мы должны позаботиться о том, чтобы нас никогда не беспокоили, пока он будет с ним: он взял мальчика, и с тех пор все было тихо.

"То. Роджерс и Джордж Харди, находясь в доме Уильяма Морса, утверждают, что земля в углу дымохода сдвинулась и рассыпалась на них; что То. Роджерс получил несколько ударов, а Харди - железный ковш, как предполагается. Уильям Морс получил сильный удар, но он был настолько стремительным, что они не могли точно сказать, что это было; но, посмотрев вниз после того, как они услышали шум, они увидели ботинок. Мальчик сначала был в углу, а потом оказался в доме.

"Мистер Ричардсон в субботу свидетельствовал, что на его стул упала доска, и он услышал шум в другой комнате, который по всем признакам был дьявольским".

"Джон Доул видел, как сосновая палка из свечного дерева упала вниз, камень, огненное пламя; и эти вещи он не видел, каким путем они пришли, пока они не упали рядом с ним".

То же самое подтверждает Джон Такер: в одном углу стоял мальчик, которого они видели и наблюдали все это время, и не заметили в нем никакого движения".

"Элизабет Титкомб утверждает, что Пауэлл сказал, что сможет найти ведьму по своим познаниям, если с ним будет еще один ученый: это, как она утверждает, были его выражения, насколько она помнит.

"Джо. Такер утверждает, что Пауэлл сказал ему, что видел, как мальчик бросил ботинок, когда он был на молитве".

"Джо. Эмерсон утверждает, что Пауэлл сказал, что он воспитывался под руководством Норвуда; и по мнению местных жителей, Норвуд изучал черное искусство.

"Еще одно свидетельство Уильяма Морса и его жены: мы видели, как кила хлеба перевернулась против меня и ударила меня, никого рядом не было, и так перевернулась. Я видел, как в доме стоял стул, и никого рядом не было: он часто наклонялся ко мне и поднимался. Жена моя также находилась в палате, и дверь палаты с силой разлетелась, никого не было рядом. Жена моя, собираясь стелить постель, двигала ее туда-сюда, никого не было рядом. Видел я также, что железный клин и лопата вылетали из палаты на жену мою, но не ударили ее. Когда жена моя пошла в погреб, барабан, стоявший в доме, перекатился через дверь погреба; и, будучи снова поднят, дверь с силой полетела вниз. Двери моего сарая четыре раза расшатывались, не знаю как. Я, собираясь закрыть дверь своего сарая, искал штырь, - мальчик был со мной, как я и предполагал, - штырь, вылетев из воздуха, упал рядом со мной. Снова вошел Калеб Пауэлл, как уже говорилось, и, видя, что мы очень пали духом от чувства великой беды, стал сетовать на наше положение, сказал, что он встревожен нашими несчастьями, и сказал, что он видел этого мальчика, и приблизился к нам с великим состраданием: "Бедный старик, бедная старуха! Этот мальчик - причина вашего горя, ибо он сделал эти вещи, и из-за него его старая добрая бабушка была сочтена ведьмой". "Тогда, - сказал я, - как же он мог совершить все это? Он сказал: "Пусть не все, но большинство из них; ведь этот мальчик - молодой негодяй, мерзкий негодяй: Я наблюдал за ним и видел, как он делает все, что нужно, - поднимается и опускается". Калеб Пауэлл также сказал, что разбирается в астрологии и астрономии и знает, как действуют духи, одни в одной стране, другие в другой; и, глядя на мальчика, сказал: "Ты, молодой негодяй, так рано начинаешь. Гудмен Морс, если вы согласитесь отдать мне этого мальчика, я обязуюсь, что вы будете избавлены от любых неприятностей такого рода, пока он будет со мной". Поначалу я и моя жена очень не хотели, но, часто уговаривая меня, пока он не сказал мне, куда, на какую работу и в какую компанию он должен пойти, я все же согласился, и это было еще до прихода Джо. Барсук приехал; и с тех пор, как мы дали обещание в понедельник вечером, и по сей день, то есть в пятницу после полудня, мы избавлены от всяких неприятностей такого рода. Затем мы услышали сильный шум в другой комнате, время от времени, но, приглядевшись, ничего не увидели; но, заглянув в комнату, увидели доску, подвешенную к прессу. Затем мы, находясь у огня, сидели в кресле, и мое кресло часто не стояло на месте, а готово было отбросить меня назад много раз. После этого с моей головы трижды чуть не сняли шапку. Снова сильный удар по голове, и моя кошка отпрыгнула от меня в угол дымохода. Вскоре после этого кошка бросилась на мою жену. Мы увидели, что кошка наша: мы вывели ее из дома и закрыли дверь. Вскоре кошка была брошена в дом. Мы легли спать. Вдруг, - жена была со мной в постели, лампа горела рядом, - кошка снова бросилась на нас пять раз, спрыгнув на пол; в один из этих раз на кровать бросили красный жилет, и кошка завернулась в него. Снова лампа, стоявшая возле нас на сундуке, мы сказали, что она должна стоять и догорать; но она была выбита, и все масло вытекло, и мы остались в темноте. Снова великий голос, долгое время, очень страшный. Опять, утром, большой камень, весом в шесть фунтов, переместился с места на место, - мы видели это, - две ложки сбросило со стола, а затем и стол упал. И, задумав писать, спрятали от меня мой инкхорн, который я нашел накрытым тряпкой, а перо мое совсем пропало. Я сделал новое перо; и, пока я писал, один колос кукурузы ударил меня по лицу, и в меня бросили огонь, палки и камни, и перо мое принесли мне. Пока я писал новым пером, у меня отобрали инкхорн, и, не зная, как писать дальше, мы заглянули под стол и там нашли его; так я снова смог писать. И снова моя жена, у которой с головы сняли шляпу, сидит у огня рядом со мной, стол чуть не свалился. Снова мои очки, сброшенные со стола и брошенные почти в огонь мной, моей женой и мальчиком. Снова моя книга со всеми моими счетами, брошенная в огонь, и сгорела бы сейчас же, если бы я ее не поднял. Опять же, доски, снятые с кадки и поставленные вертикально сами по себе; и моя бумага, что я мог, едва удержал ее, пока писал эту историю, и вещи, брошенные в меня во

время написания. Вскоре, не успев я высушить написанное, как по нему ткнулась мормовая шляпа; но я так держался, что она заляпала лишь часть текста. Мы с женой, опасаясь, как бы я не сохранил ее для общественного пользования, решили положить ее в Библию, и в ту ночь она лежала в целостности и сохранности. На следующий день я снова положил ее туда же, но утром ее там не оказалось - сумка висела пустой, а после ее нашли только в коробке. Опять же, пока я писал сегодня утром, я был вынужден больше не писать, настолько я был обеспокоен множеством вещей, постоянно бросаемых на меня".

"Эти сведения были получены 8 декабря.

"Я, Энтони Морзе, иногда бывая в доме моего брата Морзе, мой брат показал мне кусок кирпича, который несколько раз падал в дымоход. Я сел в углу и взял кусок кирпича в руку. Через некоторое время кусок кирпича исчез у меня из рук, я не знал, каким образом. Вскоре после этого кусок кирпича упал в дымоход. Кроме того, в углу дымохода я увидел молоток на земле: когда рядом с молотком не было человека, он внезапно исчез, каким образом, я не знаю. Но через некоторое время после этого молоток спустился в дымоход. Через некоторое время после этого в дымоход спустился кусок дерева длиной около фута, а еще через некоторое время после этого спустился огненный камень, и огонь погас. Это было около десяти дней назад.

"Джон Бэджер утверждает, что, будучи в доме Уильяма Морса, он слышал, как Кaleb Пауэлл сказал, что, по его мнению, с помощью астрологии и, думаю, астрономии тоже, он может выяснить, есть ли дьявольские средства, используемые в отношении проблем Морса, и что Кaleb сказал, что думает попытаться выяснить это.

"Показания Мэри Такер, около двадцати лет: она вспомнила, что Кaleb Пауэлл приходил к ней в дом и сказал следующее: что он, придя в дом Уильяма Морса, а старик был на молитве, не счел нужным войти, а заглянул в окно; и он сказал, что разрушил чары, ибо видел, как мальчик показывал фокусы, пока тот был на молитве, и упомянул некоторые, и, среди прочих, что видел, как он бросил туфлю в голову упомянутого Морса.

Принято под присягой 29 марта 1680 года в моем присутствии",

"Джо: Вудбридж, комиссар.

"Мэри Ричардсон подтвердила истинность вышеизложенных письменных показаний под присягой в то же время".

Судя по всему, перед комиссаром Вудбриджем прошло несколько слушаний. Мальчик вернулся к бабушке и дедушке еще до дачи последних показаний Уильямом Морсом, и его дерзкие действия продолжались до последнего. Окончательное решение суда было следующим

"Рассмотрев жалобу, поданную в этот суд на Калеба Пауэлла по подозрению в действиях дьявола, направленных против семьи Уильяма Морса из Ньюбери, хотя этот суд не может найти никаких очевидных оснований для дальнейшего разбирательства в отношении упомянутого Калеба Пауэлла, мы все же решили, что он дал такие основания для подозрений в его действиях, что мы не можем оправдать его, но что он справедливо заслуживает того, чтобы нести свою долю и расходы по рассмотрению жалобы.

"Передано мистеру Вудбриджу для рассмотрения и определения обвинения".

Запись этого приговора в протоколах окружного суда выглядит следующим образом; клерк странным образом перепутал имя стороны: - "Суд, состоявшийся в Ипсуине.

"Суд, состоявшийся в Ипсвиче 30 марта 1680 года.

"В деле Абелла Пауэлла, хотя суд и не видит достаточных оснований для дальнейшего обвинения, все же обнаружил такое подозрение, что он должен оплатить обвинение. Распоряжение об оплате оставлено на усмотрение мистера Джо: Вудбридж".

Если вопрос о связи Пауэлла с делом был таким образом решен, и никто, похоже, не поддержал его идею о виновности мальчика, следующим шагом стало возложение подозрений на старую добрую бабушку; против нее подняли всеобщий шум. Ее арестовали и осудили. Но результат суда над Пауэллом и всех предыдущих дел показал, что на эссекских присяжных нельзя полагаться в делах о колдовстве, и было решено начать разбирательство в более благоприятном квартале. Большое жюри направило обвинительный акт против нее в Суд помощников, заседавший в Бостоне. Это был высший трибунал страны, подчинявшийся только Генеральному суду и охватывавший своей юрисдикцией всю колонию. Ниже приводится содержание протокола этого дела.

На отложенном заседании суда помощников, состоявшемся в Бостоне 20 мая 1680 года.

Большое жюри представило Элизабет Морс, жену Уильяма Морса, и она была судима и осуждена за преступление колдовства. Губернатор, 27 мая года, "после лекции" в Первой церкви Бостона, вынес ей смертный приговор. 1 июня губернатор и помощники проголосовали за отсрочку ее освобождения "до следующей сессии суда в Бостоне". На следующей сессии отсрочка была продлена. Это, по-видимому, вызвало большое недовольство, о чем свидетельствует следующая выдержка из протоколов Палаты депутатов

"Депутаты, ознакомившись с актами достопочтенного суда помощников, касающимися женщины, осужденной за колдовство, не понимают причины, по которой приговор, вынесенный ей упомянутым судом, не приведен в исполнение; и вторая отсрочка кажется нам выходящей за рамки дозволенного законом, и поэтому мы считаем необходимым заявить о своем несогласии с ней, сославшись на согласие с этим достопочтенных магистратов.

Уильям Торри, клерк".

Действия магистратов по этой ссылке записаны следующим образом: - "3 ноября 1680 года.

"3 ноября 1680 г. Не согласовано с магистратами.

Эдвард Роусон, секретарь".

Доказательства против миссис Морс были легкомысленными до последней степени, без какой-либо силы и эффекта, которые поддерживали судебные преследования в Салеме, двенадцать лет спустя, благодаря поразительным признаниям обвиняемых и великолепной игре "страдающих детей"; тем не менее ее судили и осудили в Бостоне и приговорили к "Лекционному дню". Представители народа в Палате депутатов кричали против ее отсрочки. Ее спасли мужество и мудрость губернатора Брэдстрита, впоследствии жившего в Салеме, где покоится его прах. Он жил здесь в возрасте девяти лет во время преследований за колдовство в 1692 году, но, будучи уже старым, высказал свое полное неприятие этих преследований. Можно с уверенностью сказать, что, если бы его не сместили с поста губернатора по новой хартии сэра Уильяма Фиппса, они бы никогда не состоялись. Несмотря

на все это, несмотря на предостережения, сделанные в то время Брэттлом, а затем Хатчинсоном, Бостон и другие города (ранее, если не в равной степени, приверженные подобным процессам), в результате своего рода общего заговора присоединились к остальному миру в попытке свалить всю ответственность и позор преследования за колдовство на Салем.

Все продолжалось в том же виде, как было описано выше: миссис Морс находилась в тюрьме под страхом смертной казни; приговор время от времени отменялся губернатором до следующего года, когда ее муж от ее имени подал убедительное и трогательное прошение "почтенному губернатору, вице-губернатору, магистратам и депутатам, собравшимся в суде 18 мая 1681 года", чтобы ее дело было завершено тем или иным образом. Сославшись на свое осуждение и подтверждение невиновности, она говорит: "По милости Божьей и благодати достопочтенного губернатора я освобождена". Она умоляет суд "прислушаться к ее мольбам, бедной узницы". Она ставит себя у подножия трибунала Генерального суда: "Я смиренно молю вашу справедливость выслушать мое дело и вынести по нему решение, какое укажет Господь. Я не понимаю законов и не знаю, как изложить вам мое дело, как должно; за неимением этого я смиренно прошу вашу честь не отклонять мою просьбу". Палата депутатов 24 мая проголосовала за новый суд над ней. Но магистраты отказались согласиться с этим решением, и так дело и продолжалось, и сколько времени, я полагаю, неизвестно. Однако в конце концов ее выпустили из тюрьмы и позволили вернуться в свой дом. Об этом мы узнаем из публикации, сделанной мистером Хейлом из Беверли в 1697 году. Похоже, что после того, как она вышла из тюрьмы и вернулась в свой дом, по словам мистера Хейла, "ее муж, которого все, кто его знал, считали искренним и понимающим христианином, попросил нескольких соседей-служителей, среди которых был и я, поговорить с его женой, что мы и сделали; ее разговор был очень христианским, и она по-прежнему утверждала свою невиновность в том, что было поставлено ей в вину". Из слов мистера Хейла можно сделать вывод, что она не была помилована или освобождена, но все еще находилась под смертным приговором после того, как удалилась в свой дом: ведь он и его братья не "считали благоразумным выносить какой-либо определенный приговор человеку в ее обстоятельствах"; но они осмелились сказать, что "склоняются к более милосердной стороне". Мистер Хейл утверждает, что "во время последней болезни она находилась в тяжелом состоянии и мраке духа, что побудило одного рассудительного друга строго допросить ее, не была ли она виновна в колдовстве; но она сказала, что *нет*, а причиной ее беды были некоторые нетерпеливые и страстные речи и действия, которые она произнесла, находясь в тюрьме, по причине несправедливых страданий, и тем самым она прогневала Господа, презрев Его Слово. В итоге она искала прощения и утешения у Бога во Христе; и умерла, насколько я понимаю, молясь и полагаясь на Бога во Христе для спасения".

Случаи Маргарет Джонс, Энн Хиббинс и Элизабет Морс ярко и полно иллюстрируют историю и состояние общественного сознания в Новой Англии и во всем мире в отношении колдовства в семнадцатом веке. Они показывают, что в том, что я собираюсь рассказать о событиях, произошедших в Салеме в 1692 году, не было ничего беспрецедентного, необычного или шокирующего, в конце концов. Единственным реальным преступлением, доказанным против Маргарет Джонс, было то, что она успешно занималась медициной, используя только простые средства. Энн Хиббинс стала жертвой клеветнических сплетен предвзятых соседей; все, что мы знаем о ней, - это ее завещание, которое доказывает, что она была человеком гораздо более чем обычного душевного достоинства, сохранившим спокойствие и невозмутимость в самых горьких испытаниях и самых возмутительных обидах, которые только может навлечь на нас в этой жизни глупость и "бесчеловечность человека к человеку". Элизабет Морс, по-видимому, была одной из лучших христианских женщин.

Обвинения против них, в целом, охватывают почти всю почву, на которой основывались последующие судебные преследования в Салеме. Джон Уинтроп вынес приговор Маргарет Джонс, Джон Эндикотт - Энн Хиббинс, а Саймон Брэдстрит - Элизабет Морс. Последний из названных губернаторов исполнял свои обязанности как неизбежный акт служебного долга и предотвратил исполнение приговора, смело воспользовавшись своей прерогативой, наперекор общественному резонансу и гневу представителей всего народа колонии. Эти факты в достаточной степени свидетельствуют о том, что последующее разбирательство в Салеме соответствовало аналогичным делам того и предыдущих поколений и было одобрено практически всеобщими настроениями человечества и единой цепью прецедентов.

Процесс над Бриджет Бишоп, состоявшийся в 1680 году в окружном суде Салема по обвинению в колдовстве, и ее оправдание уже упоминались в рассказе о деревне Салем в [первой части](#).

В 1688 году в Бостоне была казнена ирландка по фамилии Гловер за околдовывание четырех детей, принадлежавших семье мистера Гудвина. Она была римской католичкой, представлялась довольно невежественным человеком и, кроме того, судя по рассказам о ней, была сумасшедшей. Старшему из детей было всего около тринадцати лет. Самые опытные врачи признали их околдованными. Их поведение, как рассказывает Коттон Мазер, действительно было очень необычным. В одно время они лаяли, как собаки, а потом мурлыкали, как кошки. "Да, - говорит он, - они летали, как гуси, и неслись с невероятной быстротой, лишь пальцами ног то и дело касаясь земли, иногда не более чем на двадцать футов, а их руки взмахивали, как крылья птицы".

Один из детей, похоже, обладал гением, едва ли уступающим гению самого мастера Берка: не было такой роли или страсти, которую она не могла бы исполнить. Она жаловалась, что старая ирландка завязала на ее шее невидимую петлю и душит ее; при этом цвет лица и черты мгновенно принимали различные оттенки и яростные искажения, естественные для человека, оказавшегося в таком затруднительном положении. Она заявила бы, что к одной из ее конечностей пристегнута невидимая цепь, и захромала бы, как будто так и было на самом деле. Она говорила, что находится в печи; пот капал с ее лица, и она всем своим видом показывала, что ее зажарили: потом она кричала, что на нее вылили холодную воду, и вся ее фигура дрожала и тряслась. Она притворялась, что злой дух явился к ней в виде невидимой лошади; она скакала галопом, рысью, обходила комнаты и подъезды с такой восхитительной имитацией, что наблюдатель едва ли мог поверить, что под ней не стоит лошадь и не несет ее на себе. Она поднималась по лестнице с такой прытью и прытью, какую демонстрирует человек верхом на лошади.

Через некоторое время Коттон Мазер взял ее в свою семью, чтобы посмотреть, не сможет ли он изгнать ее. Его рассказ о том, как она вела себя там, весьма забавен своей доверчивой простотой. Хитрый и изобретательный ребенок, похоже, получал огромное удовольствие от того, что ставил ученого человека в тупик и разыгрывал перед ним свои трюки. Однажды он захотел сказать что-то в ее присутствии третьему лицу, которое, как он предполагал, она не должна была понять. Соответственно, он говорил на латыни. Но она была достаточно проникновенна, чтобы догадаться, что он сказал: он был поражен. Затем он попробовал говорить по-гречески: она была столь же успешна. Затем он заговорил на иврите: она мгновенно уловила смысл. Наконец он прибег к индийскому языку, и она притворилась, что не знает его. Он пришел к выводу, что злое существо, с которым она общалась, было знакомо с латынью, греческим и ивритом, но не с индийским языком.

Любопытно заметить, как ловко она попала на удочку его предрассудков. Он протягивал ей книгу, написанную квакером, против которого, как известно, он яростно выступал: она читала ее с большой легкостью, быстротой и удовольствием. Книгу, написанную против квакеров, она вообще не могла читать. Она могла читать попские книги, но не могла расшифровать ни слога из Катехизиса Ассамблеи. Доктор Мазер был искренне против порядка и литургии Англиканской церкви. Хитрая девочка с большим успехом работала над этим предубеждением. Она притворялась, что очень любит "Книгу общей молитвы", и называла ее своей Библией. Взяв ее в руки, она вмиг избавилась бы от страданий. Хотя она не могла прочитать ни слова из Священного Писания в Библии, она легко читала его в Молитвеннике; но молитву "Отче наш" она не могла прочесть даже в этом любимом томе. Все это еще больше укрепило доктора Мазера в убеждении, что она в союзе с дьяволом; ведь только так можно было объяснить ее пристрастие к продукции квакеров, католиков и епископалов и ее отвращение к Библии и Катехизису.

Она проявила самую изысканную изобретательность, чтобы околдовать доктора Мазера силой обаяния, перед которым он не мог устоять ни минуты, - лестью. Он описывает, с самодовольством, но тонко скрытым под вуалью аффекированной скромности, роль, которую она сыграла, чтобы создать впечатление, которое было великой целью его стремления произвести на общественное мнение, что дьявол стоял в особом страхе перед его присутствием: - "Тогда стоял открытый кабинет.

"В это время стоял открытый кабинет одного из членов семьи, войдя в который, она сразу же встала на ноги и закричала: "Они ушли! Они ушли! Они говорят, что не могут, - Бог не позволяет им приходить сюда!", добавив к этому причину, которую хозяин кабинета счел скорее доброй, чем истинной; и она сразу же пришла в себя, так что все ее поведение и походка изменились в лучшую сторону и стали более трезвыми."

Как только она выходила из кабинета, "демоны" тут же снова овладевали ею. Мазер продолжает рассказ, утверждая, что некоторые люди, желая попробовать эксперимент, привели ее "наверх в кабинет"; но он говорит, что она сразу же стала...

"так странно исказилась, что тащить ее по лестнице было крайне трудно. Демоны вырывали ее из рук людей и делали ее тяжелее, чем, возможно, три человека. С невероятным трудом (хотя она все время кричала: "Они говорят, что я не должна входить") ее втащили внутрь; там она не сразу, но смогла встать на ноги и, изменив ноту, сказала: "Теперь я здорова". Сначала она была слаба и говорила, что "чувствует, как что-то выходит из нее" (иногда мы слышали звуки, похожие на мышинные), но через минуту-другую она могла предаваться преданности. Чтобы удовлетворить некоторых посторонних, эксперимент повторялся несколько раз, с тем же успехом, пока моя нежелательность любых действий по очарованию комнаты не заставила меня запретить его повторение".

Даже во время самых буйных действий она не спускала глаз со слабого места доктора. Когда он призывал семью к молитве, она свистела, пела и кричала, чтобы заглушить его голос, била его кулаком и пыталась пнуть. Но ее рука или нога всегда отшатывалась, когда она приближалась к его телу на дюйм или два; таким образом, создавалось впечатление, что вокруг его священной персоны находится некий невидимый почтовый плащ, обладающий небесным темпераментом и защищающий от нападок дьявола! Через некоторое время доктор Мазер решил подготовить рассказ об этих необычных обстоятельствах, чтобы развлечь своих прихожан проповедью. Она, казалось, была весьма недовольна мыслью о том, что он предаст огласке деяния своего хозяина, Злого, пыталась помешать ему написать

задуманную проповедь, всячески мешала и прерывала его. Например, однажды она постучала в дверь его кабинета и сказала, что "внизу на лестнице есть человек, который будет рад его видеть". Он бросил ручку и спустился вниз. Войдя в комнату, он не обнаружил там никого, кроме семьи. В следующий раз, когда он встретил ее, он решил укорить ее за то, что она сказала ему неправду. Она отрицала, что сказала неправду. "Разве вы не говорили, - сказал он, - что внизу на лестнице есть кто-то, кто будет рад меня видеть?" - "Ну, - ответила она с неподражаемым проворством, - разве миссис Мазер не всегда рада вас видеть?"

Она даже пошла гораздо дальше, преследуя доброго человека, пока он писал свою проповедь: она бросала ему в голову большие книги. Но он мужественно боролся с этими издевательствами сатаны, как он считал ее поведение, закончил проповедь, рассказал в ней все эти обстоятельства, проповедовал и опубликовал ее. Ричард Бакстер написал предисловие к изданию, напечатанному в Лондоне, в котором он заявляет, что тот, кто не будет убежден всеми доказательствами, представленными доктором Мазером, что ребенок был околдован, "должен быть очень упрямым саддукеем". Настолько очевидно, что во всем этом деле Коттон Мазер был грубо обманут и дерзко навязан самым искусным и хитроумным хитрецом, что это не нуждается в комментариях. Я привел это конкретное описание, поскольку есть основания полагать, что именно оно послужило причиной заблуждения в Салеме. Это произошло всего за четыре года до этого. Рассказ доктора Мазера об этой операции заполонил всю страну; и вполне вероятно, что дети в семье мистера Пэрриса взялись повторить ее.

В летописи театрального искусства нет ничего более иллюстрирующего бесконечную многогранность человеческих способностей, как физических, так и умственных, и удивительную степень, до которой хитрость, изобретательность, быстрота выдумки и присутствие ума могут быть культивированы даже в очень молодых людях, чем такие случаи, как этот, только что описанный. Поначалу кажется невероятным, что простой ребенок мог осуществить столь сложный обман и самозванство, как это сделала девочка, чьи достижения были увековечены знаменитым автором "Магналии". Однако в истории обсуждаемого нами заблуждения можно найти множество других примеров.

Внук Уильяма и Элизабет Морзе из Ньюбери был почти столь же чудесен и с большим успехом обманул всю страну, кроме Калеба Пауэлла; у него возникли большие проблемы из-за того, что он все понял. Рассказывают, что подобный случай самозванства среди подростков произошел в Амстердаме в 1560 году. Двадцать или тридцать мальчиков притворились, что их внезапно охватил приступ ярости и гнева, бросили на землю и стали мучить, испытывая сильные муки. Эти припадки были периодическими, и, когда они проходили, их подопечные, казалось, не осознавали, что произошло. Пока они продолжались, мальчиков вырвало, по-видимому, из желудка, большим количеством иголок, булавок, наперстков, кусков ткани, осколков кастрюль и чайников, кусочков стекла, локонов волос и множества других предметов. В то время не было сомнений, что они страдают под влиянием дьявола; толпы людей толпились вокруг них и смотрели на них с удивлением и ужасом.

Подробности случаев в Ньюбери и Чарльзтауне были облечены Коттоном Мазером и другими писателями в самые яркие краски, какие только могли использовать легковерное суеверие и своеобразные взгляды того времени на предмет демонологии. Они были почти повсеместно приняты как доказательство того, что сатана начал наступление, подобного которому еще не было, на Церковь и мир! Нам они кажутся просто абсурдными и результатом преждевременного безрассудства, но не таковы были люди того поколения. На них смотрели как на страшные демонстрации дьявольской силы и прелюдии к пришествию сатаны с его

адскими единомышленниками, чтобы овладеть землей. Воображение всех было возбуждено, а опасения болезненно возбуждены. Сам воздух был наполнен слухами, фантазиями и страхами. Священнослужители били тревогу со своих кафедр. Магистраты точили меч правосудия. Заместитель губернатора колонии, Данфорт, начал арестовывать подозреваемых за несколько месяцев до того, как в деревне Салем начались судебные разбирательства. Считалось, что злые духи были замечены телесными глазами людей в соседнем городе. Они скользили над полями, витали вокруг домов, появлялись, исчезали и снова появлялись на окраине леса в окрестностях Глостера. За их перемещениями наблюдали несколько жителей, и все население мыса в течение трех недель находилось в состоянии волнения и тревоги, вызванных загадочными явлениями. Жители ушли в гарнизон и встали на защиту от дьявольских осаждающих. Из Ипсвича было отправлено шестьдесят человек в военной форме, чтобы усилить гарнизон, и было сделано несколько отважных вылазок от его стен. Было израсходовано много пороха, но не было пролито ни одной живой или неживой крови. Преподобный Джон Эмерсон, бывший в то время священником первого прихода в Глостере, составил отчет об этих событиях, из которого были выбраны факты, упомянутые сейчас. Он очень подробен и конкретен. Описаны внешний вид и одежда сверхъестественных врагов. Они были одеты в белые жилеты, синие рубашки и белые бриджи, а на голове у них были кустистые черные волосы. В заключение своего рассказа мистер Эмерсон выражает надежду, что "все здравомыслящие люди убедятся, что прошлым летом Глостер не тревожили в течение двух недель настоящие французы и индейцы, но что дьявол и его агенты были причиной всех бед, которые в это время постигли город".

Эти удивительные события произошли на мысе Энн примерно в то время, когда великий конфликт между дьяволом и его единомышленниками, с одной стороны, и министрами и магистратами, с другой, в деревне Салем, достиг своего апогея. Говорят, что в то время самые благоразумные люди считали это искусной уловкой дьявола, чтобы отвлечь внимание благочестивых колонистов от его действий через ведьм в Салеме и, разделив и отвлекая их силы, получить преимущество над ними в войне, которую он вел против их церквей и их религии.

Теперь мы готовы приступить к рассказу о салемском колдовстве. Мы постарались познакомиться с людьми, игравшими заметные роли в этой драме, и понять их характер; мы попытались собрать и представить в выгодном свете мнения и теории, привычки мышления, ассоциации ума, страсти, импульсы и фантазии, которые направляли, формировали и контролировали их поведение. Перед нами предстали право, литература и теология той эпохи, как они влияли на этот вопрос. Теперь перед нами открывается последняя великая демонстрация последствий доктрин демонологии, веры в влияние невидимых, безответственных существ, будь то падшие ангелы или ушедшие духи, на действия людей и человеческие дела. Окончательные результаты суеверий, басен и фантазий, накапливавшихся веками, должны быть представлены в виде сделки, фактической демонстрации в реальной жизни. Они должны стать примером, который одновременно продемонстрирует их силу и нанесет им смертельный удар.

Без малейшей цели или желания скрыть или смягчить глупости, эксцессы или безобразия, которые я собираюсь описать, в которые общество ввергло себя во время разбирательства дела о колдовстве в 1692 году, - с желанием, напротив, сделать урок, который тогда был дан, о беде, возникающей из-за ошибочного энтузиазма, и которые всегда приводят к тому, что народному волнению позволяют овладеть организованной властью общества, настолько впечатляющим, насколько это оправдано фактами и правдой, - я считаю необходимым

заранее сказать, что есть некоторые соображения, которые мы должны держать перед собой, рассматривая происшествия этой сделки. Теологические, юридические и философские доктрины и народные верования, на которых оно было основано, как я уже показал, приводили в других странах и эпохах к подобным, а зачастую и гораздо более позорным, жестоким и разрушительным результатам. Но в этом деле, как оно развивалось здесь, было нечто такое, что привлекло внимание человечества и придало ему интерес, превосходящий все другие события подобного рода, которые когда-либо происходили или происходят.

Моральная сила, заложенная в цивилизации, насажденной на этих берегах, и пронизывающая все общество, придала движению народа, действующего в массе и как единое целое, более мощный импульс, чем это можно найти где-либо еще. Население, воодушевленное упорной предприимчивостью, постоянным использованием всех способностей к свободе и движимое индивидуальной энергией характера, должно быть могущественнее в движении, чем любой другой народ. Такое население в десять раз увеличивает свои физические силы, добавляя моральную и интеллектуальную энергию. Люди того времени и той сцены, которую мы сейчас рассматриваем, как бы они ни заблуждались, до каких бы крайностей ни доходили, управлялись фиксированными, абсолютными, четко определенными и, сами по себе, великими идеями. Они верили в Бога. Они также верили в дьявола. Они склонялись в обожании, проникавшем в самую душу, перед одним из них как перед существом безграничной святости: другого они считали существом, обладающим безграничной силой зла. Они боялись и поклонялись Богу. Они ненавидели дьявола и бросали ему вызов. Они верили, что сатана ведет войну против Иеговы, и этот конфликт происходит за господство в мире, за установление или свержение Церкви Христовой. Эта битва, по их глубокому убеждению, не могла иметь иного исхода, кроме спасения или гибели душ людей. Это не было для них просто техническим, словесным вероучением. Это было глубоко укоренившееся убеждение, которого искренне придерживался каждый отдельный разум, ясно и четко осознавая его значение. Для этой войны они облеклись во всеоружие веры, сплотились под знаменем Всевышнего и встретились с сатаной лицом к лицу. В этой великой идее сконцентрировалась сила сурового, решительного, непоколебимого, всепожертвовавшего народа. Неудивительно, что конфликт достиг такого размаха, который сделал его заметным для всей страны и всех стран того времени и запомнится на все времена. Те, кто участвовал в нем, с этим чувством, поглотившим их души, на время выходили из сферы всех других чувств и были нечувствительны ко всем другим соображениям. Чем ближе и роднее были родственники, чем выше и заметнее люди, которые, по их мнению, были в союзе с дьяволом, тем сильнее было отвращение к их преступлению и решимость отсечь и уничтожить их полностью. Они верили, что Сатана уже однажды "против престола и монархии Божьей поднял нечестивую войну и гордую битву" и что за это он был изгнан с "небес со всем сонмом мятежных ангелов"; что он со своей армией подчиненных ему злых духов предпринимает отчаянные попытки вернуть себе утраченное имущество путем нового восстания против Бога; и они были полны решимости навсегда изгнать его и всех его единомышленников с пределов земли. Скромная деревушка Салем Виллидж считалась местом великой и последней битвы. Какой бы дикой и абсурдной ни казалась эта идея сейчас, тогда она была искренней и основательной, и ее необходимо учитывать, чтобы дать справедливую оценку характеру сделки и тем, кто в ней участвовал.

Еще одна мысль, которую следует иметь в виду, когда мы будем проходить через сцены, которые предстанут перед нами. Теология христианства того времени, в той мере, в какой она относится к силе и деятельности сатаны и демонологии в целом, - и это единственная

точка зрения, по которой я ссылаюсь на теологию в этом обсуждении, - и вся ткань народных суеверий, основанных на ней, достигли своей кульминации. Начало, середина и конец семнадцатого века стали свидетелями величайшего проявления этих суеверий и подготовили почву для их окончательного взрыва. Поскольку час их распада был близок, и они были обречены исчезнуть перед светом науки и образования, перейти из царства предполагаемой реальности в царство признанного вымысла, кажется, было приказано оставить после себя памятники, по которым их характер, элементы и особенности, а также их ужасное влияние можно было бы читать и изучать во все последующие века.

Идеи о действиях и замыслах великого врага Бога и человека и всех его подчиненных, ведьм, фей, призраков, "горгон и гидр, и химер ужасных", "явлений, знамений и чудес", которыми так долго были наполнены умы людей, а их страшное воображение упражнялось, улетаая, запечатлелись для вечной памяти в произведениях, которые, более чем любые произведения простого человеческого гения, уверены, что будут жить вечно. Они оставили свои формы, кристаллизованные, с нетленными очертаниями, в величайших драмах и величайших эпосах. Пьесы Шекспира в начале века и стихотворения Мильтона в его центральный период - это их запись и их изображение.

Но была и другая форма и аспект, в которых было чрезвычайно важно сохранить память о них; это их применение к жизни, их влияние на поведение людей, действия судов и движения общества, и, в целом, их воздействие, когда им разрешено действовать в полной мере, на человеческое счастье и благополучие. Этот недостаток был восполнен, как столетие закончилось, трагедией в реальной жизни, сцены которой теперь будут представлены в "Колдовстве в деревне Салем".

Каким бы странным это ни казалось, стоит отметить, что действующие лица этой трагедии, "страдающие дети" и другие свидетели в своих различных высказываниях и действиях охватывали практически весь круг народного суеверия. Как эти юные деревенские девушки, некоторые из которых были еще детьми, а большинство и вовсе неграмотными, могли познакомиться с подобными причудами в такой степени, поистине удивительно. Они разыграли и с потрясающим эффектом воплотили в жизнь почти все, что можно найти в литературе того дня и предшествующего ему периода, относящейся к подобным темам. Образы и видения, которые были изображены в романтических сказках и придавали интерес страницам поэзии, будут, как мы увидим, созданы ими, чтобы бродить по лесу, порхать в воздухе и витать над головами перепуганного двора. Призраки убитых жен и детей сыграют свои роли с живостью изображения и художественным мастерством выражения, которые едва ли были превзойдены в сценических представлениях на сцене. В салемском колдовском процессе суеверие средневековья воплотилось в реальные действия. Все его экстравагантности, нелепости и чудовищности проявляются в применении к человеческому опыту. Мы видим, каковы были и должны быть последствия, когда жизненные дела в судах, отношения в обществе, поведение или чувства отдельных людей оказываются под контролем причудливых или мистических представлений. Когда целый народ отказывается от твердой почвы здравого смысла, переступает границы человеческого знания, предается диким мечтаниям и дает волю своим страстям, не сдерживая их, он представляет собой зрелище более ужасающее, и становится более разрушительным и катастрофическим, чем любые судороги материальной природы, чем торнадо, пожар или землетрясение.

КОНЕЦ ТОМА. I.

[Перейти к тому II](#)

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[A] Не только бури двухсот тридцати лет, но и небесные болты тщетно били по этому особняку. Вид на него, представленный [на фронтисписе](#), сделан с наброска, сделанного зимой. На нем изображены безлистные ветви высокого вяза в западной части особняка. В полдень в субботу, 28 июля 1866 года, во время сильной грозы электрический разряд, похоже, прошел по дереву, разорвав некоторые ветви и оставив следы на стволе. Он попал в дом. Он разорвал крышу, отбив один угол, сместил в куски раствор, покрывавший верх и бока старой дымовой трубы, взломал края кирпичной кладки, отколол бок пристройки к зданию с западной стороны, вошел в комнату, где у окна сидели двое детей, и бросил на пол, в двух-трех футах от них, значительную часть оштукатуренного потолка. Затем он разлетелся по всем квартирам. Во многих местах были обнаружены отверстия, похожие на пробоины, сделанные дробью или пистолетными шариками; но на противоположных сторонах стен или перегородок не было соответствующих следов. С вешалок были содраны части бумаги, а с полов вырваны мелкие клочки. Удар пришелся по оправам очков, отколол небольшие кусочки дерева, но только в одном случае разбил зеркало. Оно перерезало бархатную ленту, на которой висело одно из них; его нашли на полу, зеркалом вниз и без осколков, как будто его аккуратно положили туда. На чердаке на полу были разбросаны обломки старых сучковатых стропил разной длины - от четырех-пяти футов до щепок, - а вдоль столбов и хозяйственных принадлежностей были проделаны канавки. В деревянных наличниках некоторых дверей и окон были большие трещины. За обеденным столом сидела семья из восьми человек. Все они пострадали в большей или меньшей степени. Они были лишены на время возможности пользоваться ногами и мышцами, были оглушены, парализованы и лишены сознания на несколько мгновений от удара; последствия, некоторые из них, ощущались в течение дня или двух в нижних конечностях. Перед каждым человеком за столом стоял высокий кубок, только что наполненный водой. Как только они смогли обратить на это внимание, то обнаружили, что вода капает со всех сторон на пол, вся скатерть мокрая, семь кубков совершенно пустые, восьмой опустошен наполовину, и ни один из них не опрокинут и не сдвинут ни на йоту. Весь дом был наполнен тем, что на вид и запах казалось дымом; но ни на одном из предметов, подвергшихся удару, нельзя было обнаружить ни горения, ни ожогов, ни изменения цвета, ни малейших признаков жара. Здание, состоящее из тринадцати комнат, от мансарды до первого этажа, было залито молнией, но все его обитатели избежали значительных или постоянных повреждений.

[B] Подробное обсуждение нескольких древнееврейских слов, относящихся к гаданию и магии, см. в Wierus de Præstigiis, L. 2, c. 1.

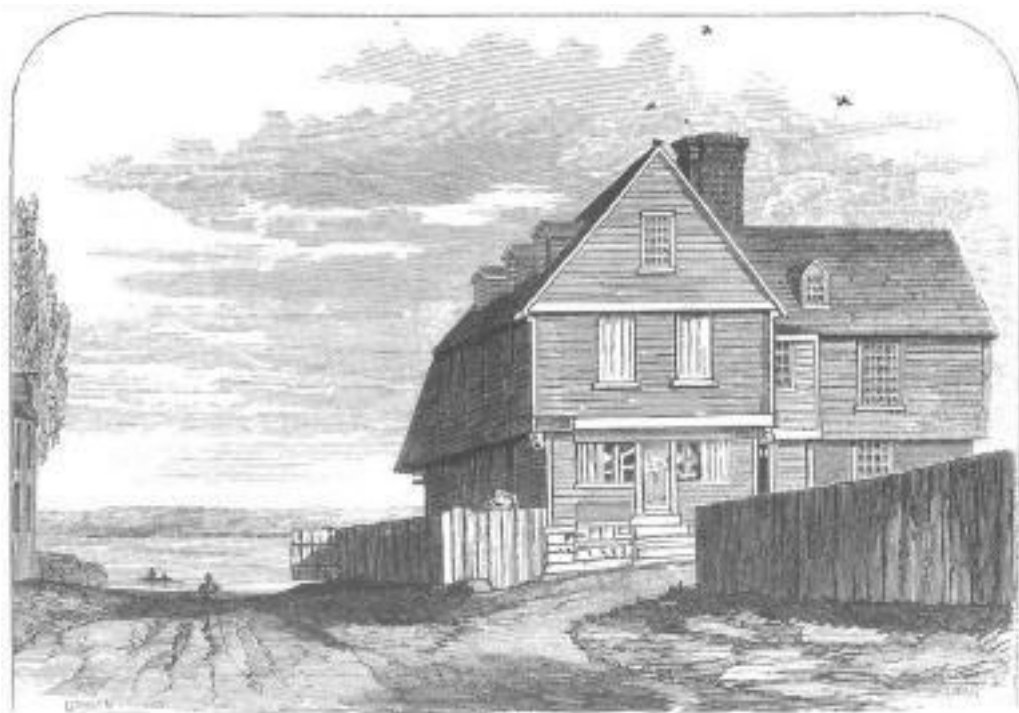
[C] Изначально силлогизм предназначался для того, чтобы служить *методом определения расположения и классификации уже показанных истин*; и, когда он использовался для этой цели, он имел большую ценность и превосходство. Именно его извращенное применение для *открытия* истины сделало совершенно бесполезной столь значительную часть образования и философии средних веков. Читатель поймет, что именно к силлогизму, неверно примененному и неправильно понятому школярами, а не к тому, что было задумано и использовано Аристотелем, относятся приведенные в тексте замечания.

[D] То, как доктор Мазер преподносит это дело, показывает, насколько вольным и неточным было его описание событий. Это также иллюстрирует тенденцию того времени преувеличивать или рисовать в самых высоких тонах все, что можно было представить как чудо. Однако нет причин сомневаться в том, что события происходили именно так, как

описано в тексте. По этому вопросу, как и по всем вопросам, связанным с нашей ранней историей, читатель может обратиться к поучительному, подробному и увлекательному изданию "Новой Англии" Уинтропа, написанному мистером Сэвиджем.

[Е] Приходится сожалеть, что Фармер, написав с таким восхитительным успехом об искушении, бесноватых, чудесах и поклонении человеческим духам, не дожил до осуществления своего первоначального замысла, дав миру полное обсуждение и разъяснение доктрины Писания о дьяволе.

ТОМ II.

ДОМ ФИЛИППА АНГЛИЙСКОГО. Том II., 142.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КОЛДОВСТВО В ДЕРЕВНЕ САЛЕМ.

Мы покинули мистера Пэрриса в начале ноября 1691 года, в самый разгар его полемики с жителями деревни Салем, при обстоятельствах, которые, казалось, свидетельствовали о том, что ее окончание уже близко. Оппозиция против него приняла форму, которая делала вполне вероятным, что ей удастся сместить его с занимаемой должности. Но конец еще не наступил. Назревали события, которые должны были придать ему новую страшную силу и открыть сцену, на которой ему предстояло сыграть роль, призванную привлечь внимание всего мира и стать неотъемлемой частью человеческой истории. Доктрины демонологии в полной мере воздействовали на умы людей, и все было готово к окончательному проявлению их силы. История о детях Гудвина, рассказанная Коттоном Мазером, была известна и прочитана во всех домах страны и наполнила воображение доверчивой эпохи. Заместитель губернатора Дэнфорт начал работу по арестам, и обвиненные в колдовстве жители соседних городов уже находились в тюрьме.

В семье мистера Пэрриса было несколько рабов, вероятно, привезенных им из Вест-Индии. Один из них, которого он называет в своей церковной книге "мой негр", умер за год или два до этого в возрасте девятнадцати лет. Двое из них были мужем и женой. Первого всегда знали под именем "Джон Индиан", вторую звали "Титуба". Эти два человека, возможно, и были инициаторами "салемского колдовства". О них говорят, что они прибыли из Новой Испании, как она тогда называлась, то есть из испанской Вест-Индии и прилегающих материков Центральной и Южной Америки, и, по всей вероятности, внесли свой вклад в дикие и странные суеверия, распространенные среди их родных племен, материалы, которые, добавленные к общепринятым представлениям на эту тему, усилили увлечение того времени и еще больше раздули воображение легковверных. Люди, знакомые с индейцами Мексики, причем по обе стороны перешейка, замечают много общего в их системах демонологии с идеями и практиками, развитыми здесь.

Бывшее место жительства мистера Пэрриса по соседству с Испанским Майном и активная роль его рабов-индейцев в зарождении процесса в деревне, возможно, объясняют некоторые особенности этой сделки.

Зимой 1691 и 1692 годов образовался кружок молодых девушек, которые имели привычку собираться в доме мистера Пэрриса с целью практиковать пальмиру и другие гадательные искусства, а также стать экспертами в чудесах некромантии, магии и спиритизма. Кроме индийских слуг, в нее входили следующие лица:.

Элизабет, дочери мистера Пэрриса, было девять лет. Она, по-видимому, играла ведущую роль на первых этапах этого дела и, должно быть, была ребенком удивительной расторопности. Примечательно, что отец рано удалил ее со сцены. Ее отправили в город, где она оставалась в семье Стивена Сьюолла до тех пор, пока разбирательство в деревне не было завершено. Эбигейл Уильямс, племяннице мистера Пэрриса и члену его семьи, было одиннадцать лет. Она принимала активное участие в преследовании ведьм от начала и до конца. Энн Патнэм, дочери сержанта Томаса Патнэма, приходского клерка или регистратора, было двенадцать лет. Характер и социальное положение ее родителей обеспечили ей выдающееся положение, которое необычайное развитие воображения и

умственных способностей в целом позволило ей удерживать на протяжении всего времени. Эта девушка, пожалуй, вправе считаться во многих отношениях главным виновником всех последующих бед. Мэри Уолкот было семнадцать лет. Ее отцом был Джонатан Уолкот ([vol. i. p. 225](#)). Его первая жена, Мэри Сибли, на которой он женился в 1664 году, умерла в 1683 году. Она была матерью Мэри. Необычным фактом, свидетельствующим о том, как высоко ценили капитана Уолкота, является то, что, не будучи прихожанином, он в течение нескольких лет до образования церкви занимал должность дьякона в приходе. Мерси Льюис тоже было семнадцать лет. Совсем юной она некоторое время жила в семье преподобного Джорджа Берроуза, а в 1692 году - в качестве служанки в семье Томаса Путнама; хотя иногда, похоже, она жила в том же качестве вместе с Джоном Путнамом-младшим, констеблем деревни. Он был сыном Натаниэля и жил по соседству с Томасом и дьяконом Эдвардом Путнамом. Мерси Льюис играла ведущую роль в судебных процессах, обладала большой энергией и способностью управлять, и стала ответственной за большую часть преступлений и ужасов, связанных с ними. Элизабет Хаббард, семнадцати лет от роду, которая также занимает не самое видное место в этой сцене, была племянницей миссис доктор Григгс и жила в ее семье. Элизабет Бут и Сюзанна Шелдон, каждой из которых было по восемнадцать лет, принадлежали к семьям, проживающим по соседству. Мэри Уоррен, двадцати лет, была служанкой в семье Джона Проктера, а Сара Черчилль, того же возраста, - служанкой в семье Джорджа Джейкобса-старшего. Эти две последние, как слишком очевидно, руководствовались злыми чувствами по отношению к семьям, в которых они жили, и в значительной степени способствовали ужасной трагедии. Приведенные факты позволяют каждому, кто внимательно изучит их, составить собственное мнение о характере и поведении этих молодых людей. Почти невозможно поверить в то, что они руководствовались сознательной и хладнокровной злобой. Их преступление, с этой точки зрения, не имело бы аналогов по чудовищности злобы и выходило бы за рамки того, что можно вообразить о самых виновных и развращенных натурах. Для себя я не могу определить, сколько можно отнести на счет легковерия, галлюцинаций и бреда возбуждения, а сколько - на счет преднамеренной злобы и лжи. Слишком много свидетельств коварства и заговора, чтобы приписать все их действия и заявления заблуждению; на их поведении во все времена лежала печать смелой уверенности и дерзости. За одним или двумя незначительными и кратковременными исключениями, в них полностью отсутствовало сострадание или сочувствие, и они безрассудно игнорировали муки и разрушения, которые они сеяли вокруг себя. Они представляют собой предмет, который справедливо требует и будет вечно требовать изучения теми, кто наиболее компетентен в том, чтобы проникнуть в тайны человеческой души, познать ее глубины и измерить степень, до которой она способна стать злой и дьявольской. Как видно, к действиям с этими "страдающими детьми", как их называли, были привлечены и другие люди, некоторые из них от заразного заблуждения, а некоторые, как было вполне доказано, от ложного, озорного и злобного духа.

Кроме вышеупомянутых лиц, со страдающими детьми занимались три замужние женщины, скорее среднего возраста: миссис Энн Путнэм, мать ребенка с таким именем; миссис Поуп; и женщина по имени Биббер, которая, кажется, жила в Уэнхеме. Еще одна замужняя женщина, о которой говорят как о "древней", по имени Гуделл, также имела привычку посещать их собрания; но она не названа ни в одном из документов, хранящихся в архиве, и, вероятно, в ранний период была отстранена от участия в сделке.

В течение зимы они стали довольно искусными и опытными в тех искусствах, которым обучались, и постепенно начали демонстрировать свои достижения, вызывая восхищение и удивление зрителей. Поначалу они не выдвигали никаких обвинений против кого-либо,

ограничиваясь странными действиями, восклицаниями и кривляниями. Они пролезали в норы и под скамейки и стулья, принимали странные и неестественные позы, делали дикие и странные жесты, произносили бессвязные и нечленораздельные звуки. Они бились в судорогах, падали бесчувственными на пол или корчились в агонии, испытывая страшные мучения и издавая громкие и пронзительные крики. Внимание семей, в которых они проводили свои собрания, было привлечено к их необычному состоянию и действиям; и вскоре весь район и окрестности были наполнены рассказами о странных и необъяснимых страданиях "страдающих девушек". Объяснения этому не находилось, а их состояние становилось все хуже и хуже. Вызвали деревенского врача, доктора Григгса, посоветовались с ним, и в итоге было вынесено серьезное заключение, что страдающие дети околдованы. В те времена это было довольно распространенным явлением, когда преподаватели решали сложные случаи таким образом. Когда их средства оказывались безрезультатными, а их мастерство - безрезультатным, о пациенте говорили, что он "под злой рукой". Во всех случаях мудрый вывод принимали медсестры и пожилые женщины, которых вызывали в таких случаях, если симптомы выходили за рамки обычного течения или не поддавались рецептам, которые эти люди имели привычку применять. Очень скоро все общество было взволновано и встревожено до предела. Все остальные темы были забыты. Говорили и думали только об ужасном состоянии страдающих детей в доме мистера Пэрриса или там, где время от времени собирались девочки. Они были объектом всеобщего сострадания и удивления. Люди стекались со всех концов, чтобы увидеть их страдания и с благоговением взирать на их конвульсии. Став объектом такого внимания, они побуждали себя разнообразить и расширять проявления необычайного влияния, которое на них оказывалось. Они выходили за пределы дома мистера Пэрриса и семей, к которым принадлежали, в общественные места; их припадки, восклицания и крики нарушали молитвенные собрания и обычные службы общины. Однажды, в День Господень, 20 марта, когда пение псалма, предшествующего проповеди, было закончено, и прежде чем проповедующий - мистер Лоусон - смог выйти вперед, Эбигейл Уильямс крикнула: "Теперь встаньте и назовите свой текст". Когда он прочитал его, она громким и дерзким голосом воскликнула: "Это длинный текст". В разгар дискуссии миссис Поуп вклинилась: "Ну, хватит уже". Во второй половине того же дня, возвращаясь к доктрине, которую он излагал на предыдущем служении, Эбигейл Уильямс грубо заявила: "Я не знаю никакой вашей доктрины. Если вы и называли какую-то доктрину, я ее забыла". Присутствовал пожилой член церкви, против которого накануне был получен ордер по обвинению в колдовстве. Узнав о происходящем, Эбигейл Уильямс во время службы произнесла вслух, называя по имени человека, которого собирались задержать: "Посмотрите, как она сидит на балке и сосет свою желтую птицу между пальцами". Энн Патнэм, присоединившись, воскликнула: "На шляпе священника, которая висит на булавке на кафедре, сидит желтая птица". Мистер Лоусон простодушно замечает, что эти вещи, происходящие "во время общественного богослужения, прервали меня в моей первой молитве, будучи столь необычными". Но он взял себя в руки и продолжил службу. Нет никаких намеков на то, что мистер Пэррис упрекнул свою племянницу за беспорядочное поведение. Как и в другие разы, людям, сидевшим рядом с Энн Патнэм, приходилось удерживать ее, чтобы она не перешла к еще большим крайностям и не сорвала собрание. Предполагалось, что девушки находятся под действием непреодолимого и сверхъестественного импульса; и вместо того, чтобы быть строго наказанными, на них смотрели со смешанной жалостью, ужасом и благоговением, и они стали объектами самого пристального внимания. Конечно, если члены семьи священника поощряли подобные действия во время общественных богослужений, в День Господень, в доме собраний, то не странно, что люди в целом поддались возбуждению. Но не все поддались. Несколько членов семьи Фрэнсиса Нерса, Питер Клойс с женой и Джозеф Путнэм выразили свое неодобрение

тем, что подобные действия допускаются, и покинули собрание. Возможно, и другие последовали тому же примеру; но все, кто так поступил, были отмечены, как покажет дальнейшее.

Тем временем волнение достигло наивысшего накала. Семьи, к которым принадлежали некоторые из "страдающих детей", были вынуждены прибегнуть к посту и молитве, и тогда соседи под руководством служителя собирались и объединялись в призывах к Божественному существу заступиться и избавить их от ловушек и власти сатаны. Больные дети", которые могли присутствовать, как правило, не прерывали молитвы, но в перерывах между службами раздражались дикими воплями и судорожными спазмами. В положенное время мистер Пэррис послал за соседними священниками, чтобы они собрались у него дома и вместе с ним посвятили день торжественным религиозным службам и искренним мольбам к престолу Милосердия о спасении от власти великого врага душ. Священнослужители провели день в доме мистера Парриса, и дети совершали свои подвиги у них на глазах. Преподобные джентльмены были поражены увиденным, полностью подтвердили мнение доктора Григгса и официально заявили, что лукавый начал свои операции с более смелым фронтом и в более широком масштабе, чем когда-либо прежде в этой или любой другой стране.

Это решение священнослужителей быстро стало известно повсюду; и если у кого-то оставались сомнения, они были подавлены непреодолимой силой всепоглощающего общественного убеждения. Отдельные люди терялись во всеобщем фанатизме. Общество растворилось в дикой и возбужденной толпе. Мужчины и женщины оставляли свои поля, дома, свои труды и занятия, чтобы стать свидетелями ужасного разоблачения демонической силы и увидеть, как сам сатана действует на жертв своего гнева.

Следует помнить, что в то время в богословии, философии и юриспруденции было принято считать, что дьявол не может воздействовать на смертных или смертные дела иначе, как через посредничество людей, состоящих с ним в сговоре, то есть ведьм или чародеев. Разумеется, во всех умах и на всех языках возник вопрос: "Кто же является агентами дьявола, причиняющими страдания этим девушкам? Должно быть, среди нас есть те, кто действует таким образом, и кто они?" Некоторое время девушки воздерживались от упоминания имен, а если и называли их, то не позволяли разглашать их общественности. Тем временем волнение ширилось и углублялось. В конце концов люди настолько основательно подготовились к работе, что было решено начать действовать всерьез. Постоянное давление на "страдающих детей", серьезный и настойчивый вопрос со всех сторон: "Кто это околдовал вас?" - раскрыли их уста в ответ, и начали выбирать и приводить своих жертв. Один за другим они выкрикивали: "Гуд", "Осберн", "Титуба". 29 февраля 1692 года были выданы ордера на арест этих людей. Примечательно, что заявителями, добившимися выдачи ордеров по этим делам, были Джозеф Хатчинсон, Эдвард Путнам, Томас Путнам и Томас Престон. Этот факт показывает, насколько единодушным в то время было убеждение, что страдания девушек были результатом колдовства. Джозеф Хатчинсон был человеком твердых взглядов, сильного здравого смысла и, судя по его общему характеру и образу мыслей и действий, одним из последних, кто мог увлечься народным энтузиазмом, и был найден среди первых спасшихся от него. Томас Престон был зятем Фрэнсиса Нерса.

Поскольку все уже созрело для развития заговора, были предприняты экстраординарные меры, чтобы придать огласку, известность и эффект первым экзаменам. 1 марта два ведущих мировых судьи района, люди известные и влиятельные, чьи отцы были одними из главных основателей поселения, и которые были ассистентами, то есть членами высшего законодательного и судебного органа колонии, сочетающего в себе функции сената и суда

последней инстанции с самой широкой юрисдикцией, - Джон Хаторн и Джонатан Корвин - въехали в деревню во внушительном сопровождении маршала, констеблей и их помощников, со всеми атрибутами своих должностей; Оседлали Натаниэля Ин Герсолла и разошлись по домам. Все население района, извещенное об этом событии, собралось на лужайке или стекалось по дорогам. Толпа была так велика, что пришлось переместиться в дом собраний, который сразу же заполнила толпа, возбужденная до предела негодованием и отвращением к заключенным, а также любопытством наблюдать за новым и впечатляющим зрелищем и процессом. Судьи заняли места перед кафедрой, лицом к собранию; перед ними поставили длинный стол или возвышенный помост, и было объявлено, что они готовы приступить к допросу. Приведя и передав обвиняемых, офицеры, исполнявшие ордера, заявили, что они "старательно искали изображения и тому подобное, но не смогли найти ни одного". После молитвы констебль Джордж Локер предъявил тело Сары Гуд, а констебль Джозеф Херрик - тела Сары Осберн и Титубы, индианки мистера Пэрриса. Свидетельства указывают на то, что в этих случаях заключенных помещали на платформу, чтобы они не находились в толпе и все могли их видеть.

Первой была допрошена Сара Гуд, двух других на время удалили из дома. Жалуясь на нее и выдвигая ее первой, обвинители показали, что они были хорошо продуманы. Все были готовы принять обвинение против нее, поскольку она, очевидно, была объектом многих предрассудков в округе. Ее муж, слабый, невежественный и зависимый человек, отдалился от нее. Семья была очень бедной, а она и ее дети иногда оставались без дома, чтобы приютить их, и были вынуждены скитаться от двери к двери в поисках помощи. Справедливо или нет, но она, похоже, подвергалась всеобщему осуждению. Вероятно, в стране не было человека, против которого с большей готовностью было бы направлено народное подозрение или в чью пользу и защиту можно было бы пробудить меньший интерес. Она была одиноким, бездомным и покинутым существом, сломленным жалким положением и дурной репутацией. Ниже приводится протокол ее допроса, найденный в архиве: - "Допрос Сары Гуд".

"Экзамен Сары Гуд перед благородными эсквайрами. Джоном Хаторном и Джонатаном Корвином.

"Сара Гуд, с каким злым духом вы знакомы? Ни с каким.

"Не заключала ли ты договоров с дьяволом? Нет.

"Почему вы обижаете этих детей? Я не обижаю их. Я презираю это.

"А кого вы нанимаете для этого?" - "Никого".

"Какое существо вы нанимаете?" - "Никакое: меня ложно обвиняют".

"Почему вы ушли, бормоча, из дома мистера Парриса?" - "Я не бормотал, а поблагодарил его за то, что он дал мне ребенка".

"Вы не заключали договора с дьяволом?" - "Нет".

"Хаторн попросил всех детей посмотреть на нее и узнать, не та ли это особа, которая причиняет им боль; и все они посмотрели на нее и сказали, что это одна из тех, кто их мучает. Вскоре все они были измучены.

"Сара Гуд, неужели ты не понимаешь, что ты наделала? Почему ты не говоришь нам правду? Зачем ты мучаешь этих бедных детей? Я не мучаю их.

"А кого же вы тогда нанимаете?" - Я никого не нанимаю. Я презираю это.

"Как они стали мучиться?" - "Откуда мне знать? Вы приводите сюда других, а теперь обвиняете в этом меня.

"Кто это был?" - "Я не знаю, но это был кто-то, кого вы привели с собой в дом собраний".

"Мы привели вас в дом собраний, но вы привели еще двоих.

"Кто же тогда мучил детей? Это был Осберн.

"Что вы говорите, когда уходите, бормоча, из чужих домов?" Если я должен рассказать, я расскажу.

"Тогда скажи нам. Если я должен сказать, я скажу: это заповеди. Я могу сказать свои заповеди, надеюсь.

"Какая это заповедь?" - Если я должен сказать вам, я скажу: это псалом.

"Какой псалом?

" (После долгого раздумья она пробормотала какую-то часть псалма).

"Кому вы служите?" - "Я служу Богу".

"Какому Богу ты служишь?" - "Богу, сотворившему небо и землю" (хотя она не желала упоминать слово "Бог"). Ее ответы были очень злыми, злобными, она отражала и опровергала авторитет низкими и оскорбительными словами, и много лжи было в ее словах. Здесь было сказано, что ее муж заявил, что боится, что она либо ведьма, либо очень скоро станет ею. Благочестивый мистер Хаторн спросил его, почему он так о ней говорит, видел ли он когда-нибудь что-нибудь от нее. Он ответил: "Нет, не в этом роде; но это было ее плохое поведение по отношению к нему: и действительно, - сказал он, - я могу сказать со слезами, что она - враг всему хорошему".

Вышеизложенное написано почерком Иезекииля Чивера. Следующая запись принадлежит Джону Хаторну.

"Деревня Салем, 1 марта 1692 г. Сара Гуд, будучи допрошена, отрицала факт (а именно), что она когда-либо использовала колдовство или причиняла вред вышеупомянутым детям или кому-либо из них.

"Вышеупомянутые дети, все присутствующие, положительно обвинили ее в том, что она причиняла им боль множество раз в течение этих двух месяцев, а также этим утром. Сара Гуд отрицала, что она была в их домах в указанное время или рядом с ними, или причинила им какую-либо боль. Все вышеупомянутые дети, присутствовавшие при этом, обвинили ее лицом к лицу; после чего все они подверглись ужасным пыткам и мучениям в течение короткого промежутка времени; и, когда страдания и мучения закончились, они снова обвинили Сару Гуд в том, что она так мучила их, пришла к ним и сделала это, хотя лично она находилась на значительном расстоянии от них.

"Сару Гуд спросили, не причинила ли она им тогда боль, кто это сделал; и когда детей снова стали мучить, она посмотрела на них и сказала, что это была одна из них, которую мы привели с собой в дом. Мы спросили ее, кто это был: она ответила, что это была Сара Осберн, а Сара Осберн тогда находилась под стражей и не была в доме; и дети, быстро придя в себя, сказали, что это была Сара Гуд, а также Сара Осберн, которые тогда причиняли

им боль и мучили или страдали, хотя обе они в то же время находились на расстоянии или удаленно от них лично. Кроме того, ей были заданы и другие вопросы, и она дала на них ответы, как указано в протоколе".

Следует отметить, что допрос проводился в форме вопросов, заданных мировым судьей Хаторном, основанных на предreshенном выводе о виновности заключенной и выражающих убежденность с его стороны в том, что показания "страдальцев" против нее равносильны и являются абсолютной демонстрацией. Следует также отметить, что, как ни сурово было мнение ее мужа относительно ее общего поведения, его нельзя было заставить сказать, что он когда-либо замечал в ней что-то колдовское. Мучения, которые испытывали девушки, глядя на нее, должно быть, произвели ошеломляющий эффект на толпу, как и на магистрат, и даже на само бедное, измученное создание. Казалось, она не сомневалась в реальности их страданий. В этом, да и во всех других случаях, следует помнить, что рассказ о допросе дошел до нас от тех, кто находился под диким возбуждением против заключенных; что им не был предоставлен адвокат; что если что-то и было сказано в их защиту другими, то это до нас не дошло; что обвиняемые были совершенно непривычны к подобным сценам и разоблачениям, не подозревали об опасностях перекрестного допроса или инквизиции, проводимой с целью заманить в ловушку; а то, что они говорили, могло быть неправильно понято, равно как и искажено. Мы не можем услышать их рассказ. Все, что мы знаем, получено от сторон, настроенных против них в высшей степени предвзято. Сара Гуд была несчастной и жалкой женщиной в своих обстоятельствах и положении: Но из всего, что видно в протоколе, с поправкой на легковерие, экстравагантность, предрассудки, глупость или злобу свидетелей; с учетом всего, что может претендовать на существенную силу, заявленную против нее, неоспоримо, что кроме пострадавших девушек не было ни одного доказательства, подтверждающего обвинение, по которому она была привлечена к ответственности; и что в худшем аспекте ее дела она была объектом скорее для сострадания, чем для наказания. В целом, процесс против нее, закончившийся ее казнью, был жестоким и позорным в высшей степени.

По окончании экзамена ее удалили из дома собраний и привели Сару Осберн. Ее выбор в качестве одной из тех, на кого в первую очередь должны были обрушиться крики, был разумным. Общественное мнение было готово поверить в выдвинутое против нее обвинение. Ее первоначальное имя было Сара Уоррен. Она вышла замуж 5 апреля 1662 года за Роберта Принса, который принадлежал к знатной семье и владел ценной фермой. Он умер рано, оставив ее с двумя маленькими детьми, Джеймсом и Джозефом.

В ранний колониальный период люди, желавшие приехать из старой страны в Америку, но не имевшие средств для покрытия расходов на проезд, сдавали или продавали себя на более или менее длительный срок лицам, проживающим здесь и нуждающимся в их услугах. Эта практика продолжалась вплоть до нынешнего века. Эмигрантов, которые таким образом продавали себя на несколько лет, называли "выкупщиками". Александр Осберн прибыл из Ирландии именно в таком качестве. Вдова Роберта Принса выкупила остаток его времени у человека, с которым он был связан контрактом, за пятнадцать фунтов и наняла его для ведения своей фермы. Через некоторое время она вышла за него замуж. Вероятно, это вызвало некоторую критику, и, по мере того как ее мальчики росли, она становилась все более неприятной для них. Брак, что вполне естественно, привел к несчастливym результатам. В 1720 году, после того как Осберн умер несколько лет назад, в суд поступило любопытное дело, в котором сыновья Роберта Принса свидетельствовали, что Осберн обращался с их матерью и с ними с большой жестокостью и варварством. Они достигли совершеннолетия еще до смерти матери и подписали свои имена под актом о передаче

земли, принадлежавшей их роду. Целью иска было признать сделку недействительной, доказав, что Осберн заставил их подписать документ, применяя в то время угрозы и насилие. В ходе судебного разбирательства возник необычайный конфликт показаний: некоторые свидетели решительно подтверждали обвинения князей, а некоторые столь же решительно защищали характер Осберна. Было показано, что, по мнению нескольких его соседей, он был трудолюбивым, уважаемым и достойным человеком. Трудно определить точное содержание дела. После смерти жены Осберн женился на Рут, дочери Уильяма Кентлбери и вдове Уильяма Сибли. Она была женщиной с безусловными достоинствами характера и большим земельным поместьем. Осберн был ее третьим мужем, первым был Томас Смолл. После брака с Осберном он и она присоединились к церкви и были авторитетными людьми во всех отношениях. Его хорошо знали как гражданина, и он часто входил в приходской комитет. Ни он, ни вдова Сибли, похоже, не были замешаны в колдовских делах, кроме того, что он свидетельствовал, что его тогдашняя жена Сара некоторое время не посещала собрания. Нет никаких указаний на то, что это было добровольным свидетельством. Он и его жена Рут были одними из самых решительных противников мистера Пэрриса. Нет никаких упоминаний о том, что у него были дети от одной из его американских жен. Его сын Джон, который, вероятно, приехал вместе с ним в эту страну, был жителем деревни; его имя в последний раз упоминается в тарифном списке в 1718 году, его отец умер за несколько лет до этого. Похоже, что род Осборнов в этой части страны произошел не из этого источника.

Не пытаясь решить, где и в каких пропорциях следует возлагать вину, очевидно, что брак вдовы Сары Принс с Александром Осберном был несчастлив. Ее ум стал подавленным, если не сказать рассеянным. В течение некоторого времени она была прикована к постели. Разумеется, поскольку она занимала достойное положение в обществе и была женщиной с собственностью, ее случай, естественно, вызвал скандал. О ней ходило много слухов и сплетен, и вполне естественно, что она стала для обвиняющих девушек. Ниже приводится отчет о ее допросе в магистрате, написанный рукой Джона Хаторна.

"Сара Осберн, после допроса, отрицала факт, а именно, что она когда-либо понимала или использовала какое-либо колдовство, или причинила вред кому-либо из вышеупомянутых детей.

"Вышеупомянутые дети, присутствуя лично, обвинили ее лицом к лицу; что и было сделано, им всем было больно, неприятно и очень мучительно; когда все закончилось, и они вышли из своих судорог, они сказали, что Сара Осберн пришла к ним и причинила им боль, причем Сара Осберн тогда держалась от них на расстоянии. Сару Осберн спросили, почему она их обидела. Она отрицала это. На вопрос, как она могла так уязвить и обидеть их, да еще находясь на таком расстоянии от них, она ответила, что не обижала их и никогда не обижала. Ее спросили, кто же тогда это сделал или кого она наняла для этого. Она ответила, что не знает, что дьявол ходит в ее облике и причиняет вред. Сара Осберн, когда ей сказали, что Сара Гуд, одна из ее компаньенок, при допросе обвинила ее, , несмотря на это, отрицала то же самое, согласно ее допросу, который приведен более подробно, как это будет видно".

Иезекииль Чивер написал следующее.

"Сара Осберн, ее допрос.

"С каким злым духом вы знакомы? Ни с каким.

"Не заключали ли вы договор с дьяволом? Нет: я никогда в жизни не видела дьявола.

"Почему вы обижаете этих детей?" - "Я не обижаю их".

"Кто же тогда нанимает вас, чтобы причинять им боль?" - "Я никого не нанимаю".

"Как вы знакомы с Сарой Гуд? - Никак: я не видел ее эти два года.

"Где вы ее видели? Однажды, когда ехали в город.

"Как вы с ней общались?" - Никак, только "Как поживаете?" или что-то в этом роде. Я не знаю ее по имени.

"Как же вы ее называли?

" (Осберн замялся; наконец, сказал, что она называла ее Сарой).

"Сара Гуд говорит, что это вы обидели детей. Я не знаю, чтобы дьявол ходил в моем облике и причинял вред".

"Мистер Хаторн попросил всех детей встать, посмотреть на нее и выяснить, знают ли они ее, что все и сделали; и каждый из них сказал, что это одна из тех женщин, которые причиняли им страдания, и что они постоянно видели ее в той самой привычке, в которой она была сейчас. Три свидетеля заявили, что сегодня утром она сказала, что ее скорее хотят околдовать, чем что она ведьма. Мистер Хаторн спросил ее, что заставило ее так сказать. Она ответила, что однажды испугалась во сне и то ли увидела, то ли ей приснилось, что она видела нечто похожее на индейца во всем черном, который ущипнул ее за шею и потянул за затылок к двери дома.

"Больше вы ничего не видели? Нет.

" (Некоторые в доме собраний говорили, что она сказала, что никогда больше не поверит этому лживому духу).

"Что это за лживый дух? Разве дьявол когда-нибудь обманывал вас и был лжив с вами?" - Я не знаю дьявола. Я никогда его не видел.

"Что же это был за лживый дух?" - "Это был голос, который, как мне показалось, я слышал".

"Что он вам говорил?" - "Чтобы я больше не ходил на собрания; но я сказал, что пойду, и пошел в следующий субботний день.

"Вас больше не искушали?" - "Нет".

"Почему вы так поддались дьяволу и с тех пор никогда не ходили на собрания?" - Увы! Я была больна и не могла ходить.

"Ее муж и другие сказали, что она не была на собрании три года и два месяца".

Вышеизложенное иллюстрирует несправедливость, проявленную следственным судьей. Он принял как должное, как мы увидим, во всех случаях, вину заключенной и попытался запутать ее наводящими вопросами, тем самым вовлекая ее в противоречие. Силой своих предположений он заставил Сару Гуд признать реальность страданий девочек и то, что они должны быть вызваны чьей-то виной. На что она ответила, что если причиной является кто-то из них, то "это должен быть Осберн", поскольку она была уверена в своей невинности. Это выражение, до которого она дошла в самоанализе, было извращено репортером Иезекилем Чивером и мировым судьей в косвенное признание и прямое обвинение Осберна. В отсутствие Гуда мировой судья сказал Осберну, что Гуд признался и обвинил ее. Это было введение в заблуждение одного и ложный и мошеннический трюк в отношении другого.

Учитывая слабое состояние Сары Осберн в целом, силки, в которые она попала, тревожные и обескураживающие обстоятельства, в которых она оказалась, и слабое состояние ее рассудка, о чем свидетельствует ее заявление о том, что она видела или ей снилось, что она видела и слышала, - не имея четкого представления, что именно, - ее ответы, как сообщают обвинители, показывают, что ее сломленный и расстроенный разум был по сути правдив и невиновен.

Сару Осберн удалили из дома собраний, а Титубу привели и допросили следующим образом.

"Титуба, с каким злым духом ты знакома? Ни с каким.

"Почему ты обижаешь этих детей?" - "Я не обижаю их".

"Кто же это тогда? Дьявол, насколько я знаю.

"Ты никогда не видел дьявола? - Дьявол приходил ко мне и просил служить ему.

"Кого ты видел?" - Четыре женщины иногда обижали детей.

"Кто они были? Гуди Осберн и Сара Гуд, а кто остальные, я не знаю. Сара Гуд и Осберн хотели, чтобы я обижала детей, но я этого не делала.

"Когда вы их видели?" - "Гуди Осберн и Сара Гуд хотели, чтобы я обидела детей, но я не стала этого делать" (далее она говорит, что видела высокого мужчину из Бостона).

"Когда вы их видели? Прошлой ночью, в Бостоне.

Что они вам сказали? Они сказали: "Обижайте детей".

"И вы их обидели?" - "Нет: там четыре женщины и один мужчина, они обидели детей, а потом навалились на меня; и сказали мне, что если я не обижу детей, то они обидят меня".

"Но разве ты не обидел их?" - "Да, но я больше не буду их обижать".

"Вы не жалеете, что обидели их?" - "Да".

"А почему же ты их обижаешь?" - "Они говорят: "Обижайте детей, а то мы сделаем с вами еще хуже".

"Что ты видел?" - "Пришел ко мне человек и говорит: "Служи мне".

"Какую службу?" - "Ранить детей"; а прошлой ночью было явление, которое говорило: "Убей детей"; и если я не буду продолжать ранить детей, они сделают со мной еще хуже.

"Что это за явление, которое вы видите? Иногда оно похоже на свинью, а иногда на большую собаку.

" (Это появление, по ее словам, она видела четыре раза).

"Что оно тебе сказало?" - "Черный пес сказал: "Служи мне"; но я сказала: "Я боюсь". Он сказал, что если я не сделаю этого, то он поступит со мной еще хуже.

"Что ты ему ответил? - Я больше не буду тебе служить. Тогда он сказал, что причинит мне боль; и вот он выглядит как мужчина и грозит причинить мне боль". (Она сказала, что у этого человека была желтая птица, которая жила с ним.) И он сказал мне, что у него есть еще красивые вещи, которые он даст мне, если я буду служить ему.

"Что это были за красивые вещи? Он не показал мне их.

"Что еще ты видел? Двух кошек: рыжую и черную.

Что они тебе сказали? Они сказали: "Служи мне".

Когда ты их видела? Прошлой ночью; и они сказали: "Служи мне"; но я сказала, что не буду.

"Какую службу?" - "Она сказала, что обидела детей".

"Не вы ли ущипнули Элизабет Хаббард сегодня утром?" - "Человек привел ее ко мне и заставил ущипнуть".

"Почему вы вчера вечером пошли к Томасу Патнэму и обидели его ребенка?" - "Они тянут и тащат меня, и заставляют идти".

"И что они хотели, чтобы вы сделали?" - "Убить ее ножом".

"(Лейтенант Фуллер и другие сказали, что в это время, когда ребенок увидел этих людей и подвергся их мучениям, она жаловалась на нож, что они хотели отрезать ей голову ножом).

"Как вы ехали?" - "Мы ехали на палках, и скоро были на месте".

"Вы едете по деревьям или через них?" - "Мы ничего не видим, но скоро будем на месте".

"Почему ты не сказал своему хозяину? - Я боялся: они сказали, что отрубят мне голову, если я расскажу.

"А ты бы не причинил вреда другим, если бы мог?" - "Они сказали, что причинят, но не могут".

"Какие помощники были у Сары Доброй?" - "Желтая птица, и она дала бы мне одну".

"Какое мясо она ей дала?" - "Она сосала ее между пальцами".

"Не обижали ли вы ребенка мистера Куррена?" - Гуди Гуд и Гуди Осберн сказали, что они обижали ребенка мистера Куррена, и хотели бы, чтобы я тоже его обидел; но я не стал этого делать.

"Что у Сары Осберн? Вчера у нее было существо с головой, как у женщины, с двумя ногами и крыльями.

Абигайль Уильямс, которая живет у своего дяди мистера Парриса, сказала, что видела такое же существо, и оно превратилось в Гуди Осберн".

"Что еще вы видели с Осберном? Еще одно существо, волосатое: оно идет прямо, как человек, у него только две ноги".

"Разве вы не видели, как Сара Гуд набросилась на Элизабет Хаббард в прошлую субботу? Я видел, как она натравила на нее волка, чтобы он ее мучил.

"Я видела, как она натравила на нее волка, чтобы он ее мучил" (Люди, которые были с этой служанкой, сказали, что она действительно жаловалась на волка. Она также сказала, что в другое время видела кошку с Гудом).

"В какой одежде ходит мужчина?" - "Он ходит в черной одежде; высокий мужчина, с белыми волосами, я думаю".

"В какой одежде идет женщина? В белом капюшоне и черном капюшоне с узлом на макушке.

"Видите ли вы, кто мучает этих детей?" - "Да, это Гуди Гуд; она причиняет им боль в своей собственной форме".

"Кто это мучает их теперь?" - "Я слеп: Я не могу видеть".

"Написано Иезекилем Чивером".

"Деревня Салем, 1 марта 1692 года".

Сохранился еще один отчет об осмотре Титубы, который можно найти во втором томе сборника под редакцией Сэмюэла Г. Дрейка, озаглавленного "Колдовские заблуждения в Новой Англии". Она написана почерком Джонатана Корвина, очень полная и подробная, и показывает, что индианка была знакома со всеми нелепыми и чудовищными фантазиями, распространенными в то время. Подробности ее рассказа охватывают почти всю их сферу. Указывая в большинстве случаев на ум, находящийся на самом низком уровне общего интеллекта, они в то же время свидетельствуют о хитрости и настороженности в высшей степени. Этот документ ценен еще и тем, что в нем можно найти информацию о случайно упомянутых и таким образом спасенных от забвения деталях, которые помогают оживить прошлое. Титуба описывает наряды некоторых ведьм: "Черный шелковый капюшон, а под ним белый шелковый капюшон с завязками". Одна из них была одета в "саржевый плащ с белым колпаком". Дьявол появлялся "иногда в черной одежде, иногда в саржевом плаще другого цвета". Она говорит о "приземистой каморке" в пасторате и описывает ночную поездку "наверх" к Томасу Путнаму. "Как вы ехали? На чем вы ехали?" - спросил удивленный судья. "Я ехала на палке или шесте, а Гуд и Осберн позади меня: мы ехали, держась друг за друга; не знаю, как мы ехали, потому что я не видела ни деревьев, ни тропинки, но вскоре оказалась там, когда мы поднялись". В обоих отчетах Титуба весьма наглядно описывает подобию, в которых дьявол являлся своим единомышленникам; но Корвин сообщает подробности более полно, чем Чивер. То, что последний сообщает о явлениях, в которых дьявол сопровождал Осберна, первый усиливает. "Существо с двумя ногами и крыльями, и лицом, как у женщины", "превращается" в полную женщину. Волосатая тварь" становится "тварью, которая вся волосатая, все лицо волосатое, длинный нос, и я не знаю, как сказать, как выглядит лицо; высотой около двух или трех футов, и ходит прямо, как человек; и прошлой ночью она стояла перед огнем в зале мистера Парриса".

Совершенно очевидно, что роль, которую сыграла индианка в этом случае, была заранее подготовлена. Она с самого начала была связана с кружком девушек в их некромантических операциях; и в ее рассказах видны материалы, из которых строились их нелепые и чудовищные истории. Она сказала, что их было четверо, которые "причиняли боль детям". Когда магистрат попросил ее назвать их, она назвала Осберна и Гуда, но "не знала, кто остальные". Двое других были опознаны, но их не сочли нужным выводить на чистую воду до тех пор, пока не будут проведены эти три допроса, чтобы они не повлияли на общественное мнение. Титуба была осведомлена о рассказе Элизабет Хаббард, что ее "ущипнули" тем утром, и, как и "лейтенант Фуллер и другие", слышала о бредовом восклицании больного ребенка Томаса Патнэма ночью. "Абигайль Уильямс, живущая у своего дяди Парриса, передала рабу-индейцу историю о "женщине с двумя ногами и крыльями". По сути, она была полностью допущена к их советам и ознакомлена со всеми историями, которые они должны были рассказать. Но когда возникла необходимость избежать уточнений, касающихся сторон, чьи имена было решено не разглашать на этом этапе дела, хитрая старая рабыня уклонилась от дальнейшего допроса: "Я теперь слепая: Я не вижу".

Процедуры, связанные с этими экспертизами, продолжались несколько дней. Результат, написанный рукой Джона Хаторна, выглядит следующим образом.

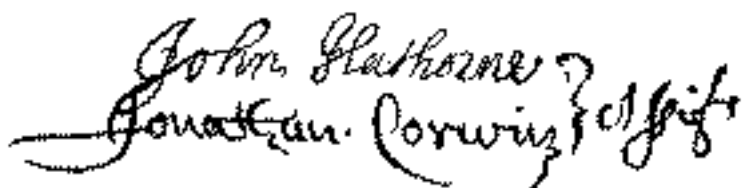
"Деревня Салем, 1 марта 1691/2.- Титуба, индианка, доставлена к нам констеблем Джосом Херриком из Салема по подозрению в колдовстве, совершенном ею, согласно жалобе Джоса Хатчинсона и Томаса Путнама и т.д. из деревни Салем, как следует из ордера, выданного в Салеме 29 февраля 1691/2. Титуба, будучи допрошена и после некоторого отрицания, признала факт, как, согласно ее допросу, приведенному в деле, более подробно будет показано, и которая также обвинила Сару Гуд и Сару Осберн в том же самом.

"Деревня Салем, 1 марта 1691/2.- Сара Гуд, Сара Осберн и Титуба, индианка, все из деревни Салем, были в этот день доставлены к нам по подозрению в колдовстве и т.д., совершенном ими и каждой из них; Титуба, индианка, признала факт, а Сара Осберн и Сара Гуд отрицали то же самое перед нами; но оказалось, что во всех их допросах было достаточно оснований, чтобы обеспечить их всех. И для дальнейшего изучения все они были *per mittimus* отправлены в тюрьмы графства Эссекс.

"Салем, 2 марта - Сару Осберн снова допросили, а также Титубу, как явствует из их допросов, приведенных здесь. Титуба вновь признала факт, а также обвинила двух других.

"Салем, 3 марта. Сара Осберн и Титуба, индианка, снова допрошены. Экзамен сдан. Титуба снова сказала то же самое.

"Салем, 5 марта - Сара Гуд и Титуба снова допрошены; в ходе допроса Титуба призналась в том же, что и раньше, и обвинила двух других, о которых говорилось выше.

A handwritten signature in cursive script, reading "Jonathan Corwin". The signature is written in dark ink on a light background.

"Салем, 7 марта 1691/2.- Сара Гуд, Сара Осберн и Титуба, индианка, все отправлены в тюрьму в Бостоне, согласно их *миттимусам*, затем отправлены к тюремщику Их Величеств".

Следует заметить, что мировые судьи не решились внести в этот окончательный протокол то, во что они несправедливо пытались заставить поверить Сару Осборн, - что Сара Гуд была свидетелем против нее. Тюрьма в Ипсвиче находилась на расстоянии не менее десяти миль от деревенского дома собраний по любой дороге, по которой в то время можно было проехать. Перемещение заключенных день за днем должно было быть очень утомительным для такой больной женщины, как Сара Осберн. Сара Гуд, похоже, смогла это вынести. Сэмюэл Брэйбрук, помощник констебля, опекавший ее, утверждает, что по дороге в Ипсвич она "трижды спрыгивала с лошади", что она "ругалась на магистратов и пыталась покончить с собой". Далее он засвидетельствовал, что в то самое время, когда она совершала эти подвиги, дочь Томаса Путнама "в доме своего отца заявила то же самое". Поскольку Брейбрук находился за много миль от дома Томаса Путнэма в тот момент, когда его чудесная дочь проявила эту чудесную способность видеть, было бы более удовлетворительно иметь другие свидетельства этого факта. Я упоминаю об этом, чтобы показать, из какого материала были сделаны доказательства в этих делах, и с какой доверчивостью все было проглочено. Каждый день заключенных подвергали допросу.

Осберн и Гуд упорно отстаивали свою невиновность. Титуба все время заявляла о своей виновности, а обвиняла двух других в том, что они были вместе с ней в сговоре с дьяволом.

Мистер Пэррис дал следующие показания в связи с этими допросами, которые он впоследствии подтвердил в суде на процессе над Сарой Гуд

"Показания Сэма: Пэррис, в возрасте около тридцати девяти лет, свидетельствует, что Элизабет Пэррис младшая, Эбигейл Уильямс, Энн Патнэм младшая и Элизабет Хаббард подвергались жесточайшим пыткам во время допроса Сары Гуд, Сары Осберн и Титубы, индианки, перед магистратом в деревне Салем, 1 марта 1692 года. И когда упомянутая Титуба была последней из вышеупомянутых, кого допрашивали, они, вышеупомянутые страдальцы, были сильно огорчены, пока упомянутая индианка не начала исповедоваться, и тогда они сразу же затихли до конца допроса упомянутой индианки. Также Томас Путнам, около сорока лет, и Иезекииль Чивер, около тридцати и шести лет, свидетельствуют обо всем вышесказанном; и все три вышеупомянутых заявителя далее свидетельствуют, что после того, как упомянутая индианка начала исповедоваться, она сама очень сильно страдала, и в то же время перед лицом власти открыто обвинила вышеупомянутых Гуда и Осберна как лиц, причинивших ей, упомянутой индианке, страдания".

Сравнив эти показания с другими документами, которые я представил, можно увидеть, как замечательно было организовано все дело, насколько это касалось роли, которую играла Титуба. В начале своих показаний она заявляет о своей невинности. Пострадавшие дети тут же впадают в мучения, которые, однако, утихают, как только она начинает исповедоваться. Сразу же после начала исповеди и по мере ее продолжения она сама становится мучимой "перед лицом власти", на глазах у магистрата и потрясенной толпы. Ее способность причинять страдания прекращается, когда она разрывает свой договор с дьяволом, который посылает некоего невидимого сообщника, который в то время еще не появился на свет, чтобы отомстить ей за исповедь. Титуба, как и девушки, показала себя искусной в искусствах, которым обучали в кружке.

Все, что мы знаем о Саре Осберн после этой даты, - это следующие пункты в счете бостонского тюремщика "против страны" от 29 мая 1692 года: "На цепи для Сары Гуд и Сары Осберн, 14 шиллингов". "За содержание Сары Осберн с 7 марта по 10 мая, когда она умерла, то есть девять недель и два дня, 1 фунт 3 шиллинга. 5d."

Единственная дополнительная информация о Титубе содержится у Калефа, который говорит: "С тех пор она рассказывает, что хозяин бил ее и применял другие меры, чтобы заставить признаться и обвинить (как он их называл) своих сестер-ведьм; и что все, что она говорила, признаваясь или обвиняя других, было следствием такого использования: хозяин отказался платить ей плату, если она не будет придерживаться того, что сказала". Далее Калеф утверждает, что она просидела в тюрьме до тех пор, пока ее не "продали за ее плату". Счет тюремщика за ее "диету в тюрьме в течение года и месяца" появляется в форме, подтверждающей показания Калефа, которые были подготовлены к публикации в 1697 году и напечатаны в Лондоне в 1700 году. Несмотря на то что Калеф ревностно посвятил себя работе по разоблачению жестокостей, связанных с преследованиями за колдовство, нет никаких оснований оспаривать его правдивость в вопросах фактов. То, что он говорит о заявлениях Титубы, сделанных после ее допроса, вполне согласуется с критическим анализом деталей протокола этого допроса. Вряд ли можно сомневаться, что, независимо от степени строгости, примененной для того, чтобы заставить ее действовать в отведенной ей роли, она была использована как инструмент для осуществления заблуждения.

Теперь давайте рассмотрим положение дел, сложившееся в деревне и в окрестностях к концу первой недели марта 1692 года. Ужасные страдания девушек из семьи мистера

Пэрриса и их приближенных в течение двух предыдущих месяцев стали известны многим. Всеобщее сочувствие пробудилось в их защиту, и чувство ужаса глубоко проникло во все сердца при страшном проявлении дьявольской ярости в их страдающих и истерзанных лицах. Немногие, очень немногие, не доверяли, но подавляющее большинство, девяносто девять человек из ста, были полностью поглощены потоком. Натаниэль Патнэм и Натаниэль Ингерсолл были в полном заблуждении и оставались таковыми до конца. Даже Джозеф Хатчинсон был на некоторое время увлечен. Все врачи высказали мнение, что девушки страдают от "злой руки". Соседние священнослужители после дневного поста и молитвы, а также тщательного осмотра состояния больных детей дали заключение, как результат их самого торжественного суда, что речь идет о колдовстве. Люди из соседних городов приезжали в это место и своими глазами видели тот же факт. Мистер Пэррис сделал это темой своих публичных молитв и проповедей. Девушки, воскресенье за воскресеньем, находились под злым влиянием, к возмущению и ужасу прихожан. Во всех компаниях, во всех семьях, в течение всего дня страдания и расстройств, происходящие в домах мистера Парриса, Томаса Путнама и других, а также в доме собраний, были темой возбужденных разговоров; и каждый голос громко требовал, каждый ум старался выяснить, кто эти люди, находящиеся в сговоре с дьяволом, которые мучают, щиплют, бьют в конвульсиях и доводят до последних пределов смертельной агонии этих страдающих девушек. Все чувствовали, что если не удастся обнаружить и убрать с дороги виновных в этом злодеянии, то никто не будет в безопасности ни на минуту. Наконец, когда девушки возопили к Гуду, Осберну и Титубе, наступило общее чувство удовлетворения и облегчения. Возникла мысль, что власть сатаны может быть ограничена. Выбор первых жертв был удачным. Это были именно те люди, которых общественные предрассудки и легкое верие готовы были заподозрить и осудить. Их допрос проходил с огромным интересом, и все стекались посмотреть на него.

Рассматривая душевное состояние людей, толпившихся в старом доме собраний и вокруг него, нам нетрудно осознать огромные последствия того, что там произошло. Чувствовалось, что тогда, на этом месте, наступил самый судьбоносный кризис в мировой истории. Преступление, по сравнению с которым все остальные преступления теряют свою значимость, было совершено в их среде, и совершено дерзко. Великий враг Бога и человека был выпущен на свободу среди них. Свершилось то, что веками наполняло ужасом сердца людей во всем мире; в этой деревне началась великая битва, от исхода которой зависело сохранение царства Господня на земле. Никакой язык, никакие образы, никакие наши представления не могут адекватно выразить то чувство ужасной и страшной торжественности, которым все были переполнены. Ни одно собрание людей никогда не собиралось в более сильном волнении, чем то, которое охватило это собрание, когда вошли магистраты во всей своей суровой власти, и сцена открылась 1 марта 1692 года. Служитель, вероятно, мистер Пэррис, начал, согласно обычаю того времени, с молитвы. Судя по тому, что мы знаем о его мастерстве и таланте в подобных случаях, можно предположить, что его язык и манера поведения еще больше накалили страсти того времени. Маршал, высокий и внушительный, в сопровождении своих констеблей привел заключенных. Сара Гуд, нищая, бродячая и несчастная жертва несчастья и жестокого обращения, предстала перед судом. Судья, проводивший допрос, при помощи назойливого вмешательства маршала или других заблуждающихся или злонамеренных лиц, которым, как и ему, было разрешено выступать с обвинениями или оскорбительными выражениями, приложил все усилия, чтобы ошеломить и запутать, вовлечь в противоречия, ввести в заблуждение бедняжку и заставить ее признать себя виновной и обвинить других. В положенное время "страдающие дети" были приведены, и произошла сцена, подобной которой не видел ни один человек в той толпе или в том поколении. Сразу же столкнувшись с заключенной и встретившись с ней взглядом, они падали на пол, словно пораженные насмерть; или кричали в агонии; или впадали в

страшные спазмы или судорожные припадки; или кричали, что их укололи булавками, ущипнули или задушили невидимые руки. Их по очереди подводили к пленнице, и, прикоснувшись к ее лицу, они мгновенно успокаивались, затихали и полностью приходили в себя. Все они в один голос заявили, что Сара Гуд мучила их своей силой ведьмы, находящейся в союзе с дьяволом. Истинность этого обвинения, как и эффект, произведенный исходящим от нее злым влиянием, была очевидна для всех. Все видели также, как мгновенно после прикосновения к ней дьявольский эффект прекращался; зловредная жидкость, подобно электрическому потоку, уходила обратно в тело ведьмы. Зрелище повторялось снова и снова, актерская игра была совершенной, а заблуждение - завершенным. Судьи и все присутствующие сочли вину осужденной доказанной и сочли ее упрямой и злобной в том, что она не призналась сразу в том, что видели ее глаза, как и их. Ее отказ признаться был расценен как высшее доказательство ее вины. Они вынесли над ней приговор, передали ее маршалу, который поспешил отправить ее в тюрьму, связал веревками и заковал в кандалы, так как считалось, что никакие обычные крепления не могут удержать ведьму. Аналогичные процедуры, с соответствующими изменениями, были проведены с Сарой Осберн и Титубой. Признание последней, немедленное облегчение страдающих детей и ужасные мучения, которые испытала сама Титуба, находясь на месте, от невидимой руки дьявола, мстившего ей, поставили точку в этом заблуждении. Волнение поддерживалось и распространялось далеко и широко: офицеры и магистраты день за днем ездили в кавалькадах в город и деревню, а констебли со своими помощниками перевозили закованных в кандалы заключенных из тюрьмы в тюрьму в Ипсвиче, Салеме и Бостоне.

Наступил момент, когда обвинители могли смело приступить к более серьезной игре. Но время было упущено. Было очень любопытно узнать, кто эти двое, которых Титуба видела вместе с Гудом и Осберном во время их адских операций. Девушки продолжали мучиться и падать в припадках, и множество людей, переходящих из дома в дом и наблюдающих за их страданиями, постоянно призывали их открыть, кто же эти ведьмы, которые все еще страдают от них. Когда все было готово, они начали кричать, с большей или меньшей отчетливостью; сначала в значительных, но общих описаниях, а под конец называя имена. Следующая жертва также была выбрана удачно. В [первой части](#) уже приводился рассказ о дурной славе, которую принесли Джайлсу Кори обстоятельства. В 1691 году он стал членом церкви, будучи на тот момент ([Vol. I. p. 182](#)) восьмидесяти лет от роду. Четыре дочери, вероятно, от его первой жены Маргарет, единственные дети, о которых сохранились упоминания, были замужем за Джоном Моултоном, Джоном Паркером и Генри Кросби из Салема и Уильямом Кливсом из Беверли. 11 апреля 1664 года Кори был женат на Мэри Бритт, которая умерла, как следует из надписи на ее надгробии в старом Салемском могильнике, 27 августа 1684 года. Марта была его третьей женой. Ее возраст неизвестен. Он был записан в записи деревенской церкви, когда она была принята в нее, 27 апреля 1690 года; но цифры стерлись с края страницы. Она была очень умным и набожным человеком.

Когда начались процессы, связанные с колдовством, она не одобрила их и выразила свое недоверие к "страдающим детям". Она не одобряла все это дело и не последовала за толпой на экзамен; но, как говорят, она свободно высказывалась о курсе магистратов, говоря, что их глаза ослеплены и что она может открыть их. Ей казалось очевидным, что они нарушают здравый смысл и Слово Божье, и она была уверена, что сможет убедить их в их ошибках. Вместо того чтобы впасть в заблуждение, она с новым усердием старалась держать свой разум под влиянием молитвы и проводила больше времени в преданности, чем когда-либо прежде. Ее муж, однако, был полностью увлечен распространенным фанатизмом, верил всему, что слышал, и часто посещал осмотры и выставки больных детей. Разногласия стали довольно серьезными. То, что она предпочитала оставаться дома, избегала посещений и

выражала свое неодобрение происходящему, привело к разрыву между ними. Ее своеобразный ход вызвал комментарии, в которых приняли участие он и два его зятя. Он использовал несколько крепких выражений, потому что она вела себя так странно, вразрез со всеми остальными. То, что она так много времени проводит на коленях в преданности, вызывало подозрения. Говорили, что она пыталась помешать ему продолжить осмотр и дошла до того, что сняла седло с лошади, которую привели, чтобы отвезти на какое-то собрание в деревне, связанное с колдовскими волнениями. Гневные слова, произнесенные им, были услышаны и повторены. Поскольку она была женщиной весьма благочестивой, профессором религии и членом церкви, было очевидно, что ее дело, если бы против нее возбудили дело, еще больше усилило бы панику и взбудоражило общественное сознание. Это дало бы почву для идеи, которую хотели распространить руководители дела, что дьяволу удалось проникнуть в самое сердце церкви и вовлечь в конфедерацию с ним пожилых и выдающихся членов церкви, которые, прикрываясь своей профессией, угрожают распространить свое влияние на ниспровержение всей религии. В народе было принято считать признаком прихода дьявола, что многие, исповедующие благочестие, присоединятся к его штандарту.

В течение дня или двух в народе шептались, что люди, пользующиеся большой репутацией за благочестие, находятся в дьявольской конфедерации и вот-вот будут разоблачены. Имя Марты Кори, чье открытое несогласие с происходящим стало известно, передавалось среди девушек с придыханием и переходило от одной к другой среди тех, кто занимался этим делом. 12 марта Эдвард Путнэм и Иезекииль Чивер, услышав от Энн Путнэм заявление о том, что Гуди Кори часто являлась к ней и мучила ее щипками и другими способами, сочли своим долгом отправиться к ней и узнать, что она ответит на эту жалобу; "она была в церковном согласии с нами". Около "середины дня" они сели на лошадей и сначала отправились в дом Томаса Путнама к его дочери Энн, чтобы узнать у нее, в какой одежде явилась к ней Гуди Кори, дабы судить, не ошиблась ли она в человеке. Девушка рассказала им, что Гуди Кори, зная, что они собираются нанести этот визит, только что явилась к ней в духе, но ослепила ее так, что она не может сказать, в какой одежде она была одета. Окрыленные необычным заявлением девушки, которое они восприняли с полным доверием, братья снова сели на коней и продолжили свой путь. Гуди Кори слышала, что ее имя было на слуху у обвиняющих девушек: она также знала, что одним из их искусств было притворяться, что они видят одежду, в которой были люди в то время, когда им являлись их призраки. Для этого, правда, не требовалось большой доли некромантии, так как вряд ли в то время было много разнообразия в костюмах фермерских жен, занимавшихся своими обычными домашними делами.

Они застали ее одну в доме. Как только они начали разговор, "она, улыбаясь, сказала: "Я знаю, зачем вы пришли; вы пришли поговорить со мной о том, что я ведьма, но я не ведьма: я не могу избавиться от того, что люди говорят обо мне"". Эдвард Путнам признал, что их визит был вызван жалобами на нее больных детей. Она поинтересовалась, брались ли они описать одежду, в которую она была одета. Они ответили, что нет, и повторили слова Энн Патнэм о том, что она ослепила ее, чтобы она не могла видеть свою одежду. На это она улыбнулась, несомненно, думая о том, что Энн хитроумно придумала, как избежать необходимости говорить, какое платье на ней тогда было. Она заявила двум братьям, что "не думает, что здесь есть ведьмы". После продолжительного разговора, в котором они не добились ничего путного, они разошлись. Рассказ об этой беседе, приведенный Патнэмом и Чивером, свидетельствует о том, что Марта Кори была здравомыслящей, просвещенной и энергичной женщиной, совершенно свободной от заблуждений того времени, обходительной в манерах и поведении, а также христианкой, хорошо основанной на Писании.

Братья сразу же вернулись в дом Томаса Путнама. Энн сказала им, что в их отсутствие Гуди Кори не беспокоила ее и ее призрак не появлялся. Она не захотела предоставить им возможность применить испытание платья. Обе женщины проявили большую резкость и осторожность. Поскольку Кори ожидала этого визита и слышала, что девушки претендуют на то, что могут сказать, какое платье на ком-то надето, она, вероятно, оделась необычным образом, чтобы поставить их в неловкое положение и разоблачить ложность их претензий на сверхъестественное знание; а Энн Путнэм - ее проницательность подсказывала, что она рискует в вопросе о платье Кори, - укрылась под предлогом слепоты. Братья находились в слишком сильном заблуждении, чтобы понять, как остроумно действуют оба, но сочли факт расспросов Кори о том, описала ли Энн ее платье, положительным доказательством против первого.

Желая удвоить уверенность и свалить обвинение на Марту Кори, руководители дела послали за ней, чтобы она пришла в дом Томаса Путнама через два дня после этого совещания. Эдвард Патнэм присутствовал при этом и засвидетельствовал, что его племянница Энн, сразу же после того как к ней вошла добрая жена Кори, испытала самые страшные конвульсии и мучения и отчетливо и решительно заявила, что Кори была автором ее страданий. Это было расценено как неопровержимое доказательство, и 19 марта был выдан ордер на ее арест. Ее привезли в дом Натаниэля Ингерсолла в понедельник 21-го числа; ниже приводится отчет о ее допросе, написанный рукой мистера Пэрриса. Процесс проходил в доме собраний в деревне. Они были начаты молитвой преподобного Николаса Нойеса. На некоторых из этих собраний выступал мистер Хейл и, возможно, другие, но обычно это делали мистер Нойес или мистер Пэррис. Исходя из того, что мы знаем об их общем поведении в связи с этими сценами, можно предположить, что их выступления под прикрытием благочестивых упражнений выражали и навязывали решительное предубеждение против заключенных и носили характер обвинительных заключений в той же степени, что и молитв.

"Допрос Марты Кори".

"Мистер Хаторн: Теперь вы находитесь в руках власти. Скажите мне, почему вы причинили вред этим людям. Я не причиняю.

"А кто причиняет?" - "Молитесь, дайте мне возможность пойти на молитву".

" (Эта просьба была высказана несколько раз).

"Мы не посылаем тебя на молитву; но скажи мне, почему ты их обидел. Я невинный человек. Я никогда не имела дела с колдовством с тех пор, как родилась. Я евангельская женщина.

"Разве вы не видите, что они жалуются на вас?" - Господь открыл глаза судьям и служителям: Господь показал Свою силу, чтобы обнаружить виновных.

"Скажи нам, кто обижает этих детей?" - "Я не знаю".

"Если вы виновны в этом, неужели вы думаете, что сможете скрыть это?" - Господь знает.

"Тогда скажите нам, что вы знаете об этом деле?" - "Я евангельская женщина, и неужели вы думаете, что я могу иметь отношение к колдовству?

"Как же вы узнали, что ребенку предложили, в какой одежде вы были, когда кто-то пришел поговорить с вами?

" (Чивер прервал ее и попросил не начинать со лжи; так Эдвард Патнэм изложил суть дела).

"Мистер Хаторн: Кто вам это сказал?" - "Он сказал, что ребенок".

"Чивер: Вы говорите неправду.

" (Затем Эдвард Путнам читает снова).

"Мистер Хаторн: Почему вы спросили, сказал ли ребенок, какую одежду вы носите? Мой муж сказал мне, что другие сказали.

"Кто сказал вам об одежде? Почему вы задали этот вопрос? Потому что я слышал, что дети говорили, какую одежду носят другие.

"Гудман Кори, вы сказали ей?

" (Старик отрицал, что говорил ей об этом).

"Разве вы не сказали, что ваш муж сказал вам это?

"(Нет ответа.)

"Кто обижает этих детей? Посмотри на них. Я ничего не могу поделать.

"Разве вы не сказали, что скажете правду, почему вы задали этот вопрос? Как вы до этого додумались? Я просто спросил.

"Вы осмеливаетесь лгать перед всем этим собранием. Сейчас вы находитесь перед властью. Я ожидаю правды: вы обещали ее. Говори сейчас же и скажи, кто сказал тебе, в какой одежде.

"Откуда вы узнали, что дети будут проверять, какую одежду вы носите?" - "Потому что я думала, что ребенок мудрее всех, если знает".

"Дайте ответ: вы сказали, что ваш муж сказал вам. Он сказал мне, что дети сказали, что я страдаю от них.

"Откуда ты знаешь, за чем они пришли? Ответь мне честно: скажешь ли ты, как ты узнала, за чем они пришли?" - Я слышала речь о том, что дети сказали, что я их беспокою, и подумала, что они могут прийти, чтобы проверить.

"Но откуда вы это знаете?" - "Я думал, что они знают".

"Разве вы не сказали, что скажете правду? Кто сказал вам, за чем они пришли?" - "Никто".

"Откуда вы знали?" - "Я так и думал".

"Но вы же сказали, что знали.

" (Дети: мужчина шепчет ей на ухо).

"Хаторн продолжал: Что он вам сказал? Мы не должны верить всему, что говорят эти рассеянные дети.

"Вы не можете сказать, что шептал этот человек? Я никого не видела.

"Но разве вы не слышали? Нет.

"(Тут все страдальцы испытали сильнейшую агонию).

"Если вы ожидаете милости от Бога, то должны искать ее Божьим путем, исповедью. Неужели вы думаете обрести милость, усугубляя свои грехи?"

"Тогда ищите ее на Божьем пути. Так я и делаю."

"Тогда воздай славу Богу и исповедуйся". Но я не могу исповедоваться.

"Разве ты не видишь, как эти страдальцы обвиняют тебя?" - Мы не должны верить рассеянными людям.

"Кого вы улучшаете, чтобы их обидеть?" - Я никого не улучшал.

"Разве вы не сказали, что наши глаза ослеплены, и вы откроете их? Да, чтобы обвинить невинного."

"(Затем Кросби дал показания)."

"Почему девушка не может предстать перед вами?" - "Я не знаю".

"Что вы имели в виду?" - "Я видел, как они упали".

"Кажется, это оскорбительная речь, как будто они не могут стоять перед вами. Они не могут стоять перед другими."

"Но вы сказали, что они не могут стоять перед вами. Скажите мне, что это было за превращение на вертеле? Вы верите детям, которые отвлекаются. Я не видел никакого вертела."

"Здесь больше двух, которые обвиняют тебя в колдовстве. Что вы скажете? Я невиновен."

"(Затем мистер Хаторн зачитал дальнейшие показания Кросби)."

"Что вы имели в виду, говоря, что дьявол не может предстать перед вами?"

"(Она отрицала это. Три или четыре трезвых свидетеля подтвердили это)."

"Что я могу сделать? Многие восстают против меня".

"Ну так признайтесь... Я бы призналась, если бы была виновна."

"Вот трезвые люди. Что вы им скажете? Ты - евангельская женщина; неужели ты солжешь?"

Абигайль закричала: "Следующая суббота - день причастия, но она туда не придет".

"Мне все равно."

"Вы обвиняете этих детей в рассеянности: рассеянность - это когда люди меняются в течение минуты; но эти зациклились на вас. Это не манера отвлекаться... Когда все против меня, что я могу поделать?"

"А теперь скажите мне правду? Почему вы сказали, что глаза магистратов и министров ослеплены и вы откроете их?"

"(Она рассмеялась и отрицала это)."

"А теперь скажи нам, как мы узнаем, кто их обижает, если ты этого не сделаешь? Может ли невинный быть виновным?"

"Ты отрицаешь эти слова? Да.

"Скажи нам, кто причиняет им вред. Мы пришли, чтобы быть ужасом для злодеев. Ты сказал, что откроешь нам глаза, но мы слепы. Если ты скажешь, что я ведьма.

"Ты сказала, что покажешь нам.

"(Она отрицала это.)

"Почему ты не покажешь? Я не могу сказать: Я не знаю.

"Чем вы ударили горничную мистера То. Патнэма? - Я никогда в жизни ее не бил.

"Есть двое, которые видели, как вы били ее железным прутом. Я к этому не причастен".

"Кто? Вы считаете, что эти дети околдованы? - Может быть, насколько я знаю: Но я к этому не причастен.

"Вы говорите, что вы не ведьма. Может быть, вы имеете в виду, что никогда не заключали завет с дьяволом? Вы никогда не имели дела со знакомыми? Нет, никогда.

"О какой птице говорили дети?

О какой птице говорили дети?" (Тогда свидетели сказали: "О какой птице?")

"Я не знаю никакой птицы.

"Может быть, у вас есть дело, в котором вы не признаетесь; но Бог знает, и он знает.

"Вы полагаете, что останетесь безнаказанной? Я не имею ничего общего с колдовством.

"Почему вы не хотели, чтобы ваш муж пришел на предыдущее заседание здесь?" - "Но он пришел, несмотря ни на что".

"Разве вы не сняли седло? Я не знала, для чего оно.

"Вы не знали, для чего это? Я не знала, что это принесет какую-то пользу.

"(Кто-то сказал, что она не хочет, чтобы они помогли ей искать ведьм).

"Разве вы не говорили, что откроете нам глаза? Почему бы и нет? Я никогда не думала о ведьме.

"Разве это смешно - видеть этих страдальцев?

"(Она отрицала это. Несколько доказательств).

"Вы все против меня, и я ничего не могу с этим поделать.

"Вы не верите, что в стране есть ведьмы? Я не знаю, что они есть.

"Разве вы не знаете, что Титуба призналась в этом? Я не слышал, чтобы она говорила.

"Я вижу, что вы ничего не признаете без нескольких свидетелей, и все же вы будете отрицать за всех.

"(Было замечено, что, когда она прикусила губу, несколько страдальцев были укушены. Когда ее стали убеждать, что она прикусила губу, она ответила: "Какой в этом вред?")

"(Мистер Нойес: Я считаю, что очевидно, что она занимается колдовством в общине: нет необходимости в изображениях).

"Что вы скажете на все эти очевидные вещи? Если вы все пойдете меня вешать, что я могу с этим поделаться?

"Ты должен был служить дьяволу десять лет? Скажи, сколько.

" (Она засмеялась. Дети плакали, что с ней была желтая птица. Когда мистер Хаторн спросил ее об этом, она рассмеялась. Когда ее руки были свободны, страдальцев щипали).

"Почему вы не рассказываете, как дьявол приходит в вашу форму и причиняет вред? Вы сказали, что расскажете. Как я могу узнать, как?

"Почему ты сказала, что покажешь нам?

" (Она снова засмеялась.)

"В какой книге вы хотите, чтобы эти дети писали? В какой книге? Где у меня должна быть книга? Я не показывал им ни одной, не имел ни одной, не приносил ни одной.

" (Страдалица закричала, что кто-то шепчет ей на ухо).

"Какую книгу вы несли Мэри Уолкот?" - "Никакой. Если дьявол явится в моем облике...

" (Затем Нидхэм сказал, что Паркер некоторое время назад считал эту женщину ведьмой).

"Кто ваш Бог? Бог, который создал меня.

"Как его зовут? Иегова.

"Знаешь ли ты какое-нибудь другое имя? - Бог Всемогущий.

"Говорит ли он тебе, которому ты молишься, что он Бог Всемогущий?" - "Кому я поклоняюсь, как не Богу, который создал меня?

"Сколько есть богов?" - "Один".

"Сколько людей? Три.

"Разве ты не можешь сказать: "Итак, есть один Бог в трех благословенных лицах?

[Ответ уничтожен, так как был написан на сгибе бумаги и полностью стерся].

"Разве вы не видите, что эти дети и женщины разумны и трезвы, как и их соседи, когда ваши руки закованы?

" (Тотчас же их охватили судороги, и прохожие сказали, что она сжимает пальцы, а руки ей разжимают те, кто держит их специально для суда.

"Вскоре после этого маршал сказал: "Она прикусила губу"; и тут же пострадавшие пришли в ярость").

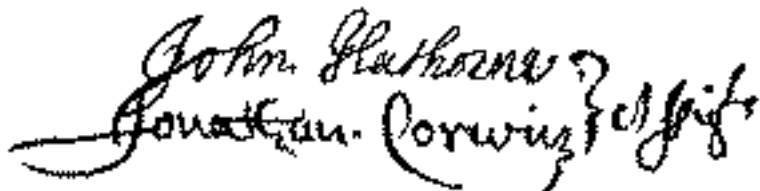
"[Скажи], за что ты их обижаешь, или кто это делает?

"(Она отрицает свою причастность к этому.)

"Почему ты сказала, что если бы ты была ведьмой, то не получила бы помилования?" -
"Потому что я... женщина".

"Деревня Салем, 21 марта 1692 г. Преподобный мистер Сэмюэл Пэррис, получив
письменное разрешение на допрос Марты Кори, вернул его, как было сказано выше.

"Выслушав вышеизложенное и ознакомившись с тем, что мы тогда видели, а также с
обвинениями тех, кто тогда присутствовал, мы препроводили Марту Кори, жену Джайлса
Кори из Салемской фермы, в тюрьму в Салеме, *согласно выданному тогда миттимусу*".

A handwritten signature in cursive script, reading "Jonathan Corwin". The ink is dark, and the handwriting is fluid and somewhat stylized, typical of 17th-century documents.

Вышеприведенное является полной копией оригинала документа. Одна из дочерей Джайлса Кори, Деливеранс, 5 июня 1683 года вышла замуж за Генри Кросби, который жил на земле, переданной ему ее отцом в ближайших окрестностях. Именно он был тем человеком, чье письменное свидетельство было зачитано мировым судьей. Судя по всему, его целью было доказать, что Марта Кори говорила, что обвиняющие ее девушки не могут предстать перед ней, и что дьявол не может предстать перед ней. Она, несомненно, была очень уверена в своей невинности и в силе правды и молитвы заставить замолчать лживых обвинителей и выразилась в убедительных выражениях, которые, как следует из отчета Пэрриса о допросе, она умела использовать. Почти забавно видеть, как была задета гордость магистратов и разожжен их гнев ее словами о том, что "глаза магистратов и служителей были ослеплены, и что она откроет их". Эти слова засели у Хаторна в груди: он возвращается к ним снова и снова и с каждым разом все больше возмущается. Гнев мистера Нойеса был разбужен, и он тоже нанес удар. Следует заметить, что она избегала противоречить мужу и не могла назвать имена людей, от которых получила информацию. "Если вы все пойдете меня вешать, что я могу поделаться?" "Вы все против меня". "Что я могу сделать, когда многие восстанут против меня?" "Когда все против меня, что я могу сказать, чтобы помочь?" В таком положении, в каком она находилась, все, что она могла сделать, - это не дать им ни преимущества, ни возможности заманить ее в ловушку и не скомпрометировать других; и надо признать, что она проявила большое присутствие и твердость духа. Ее просьба, высказанная в начале экзамена и в "разное время", "обратиться к молитве", несколько смутила их. Вероятно, ее побудило обратиться с этой просьбой то, как молился мистер Нойес на открытии экзамена. Она чувствовала, что было бы более чем справедливо, если бы молитва прозвучала как с ее стороны, так и с другой. Можно было опасаться, что, если позволить ей произнести молитву, исходящую от человека в ее положении, пожилого профессора, привыкшего выражать себя в набожных упражнениях, это может произвести глубокое впечатление на все собрание. Отказать в такой просьбе было трудно; но, как видели судьи, разрешить ее было бы невозможно. Это изменило бы положение всех заинтересованных сторон. Последняя часть допроса выглядит так, будто ее заподозрили в несостоятельности по какому-то пункту распространенного вероучения. К большому сожалению, потертость бумаги на странице уничтожила ее последний ответ на эту часть допроса. Необычно, что мистер Пэррис оставил пробел в ее последнем ответе. Вероятно, она использовала свое обычное выражение: "Я - евангельская женщина". В этом месте написано очень четко и ясно; оставлено свободное место, как и указано выше.

Тот факт, что Марта Кори была известна как исключительно религиозный человек, склонный к набожным поступкам, несомненно, стал серьезным препятствием на пути обвинителей. Запись допроса, сделанная Пэррисом, показывает, как им удалось преодолеть это препятствие. У них создалось впечатление, что ее частые и долгие молитвы были обращены к дьяволу.

Разногласия между ней и ее мужем, связанные с преследованием за колдовство, поставили его в очень неудобное положение. Со свойственной ему неосторожностью в высказываниях он, вероятно, резко высказался против ее неверия в страдания девушек и отказа присутствовать на показах их пыток или на допросах обвиняемых. Его, несомненно, сильно шокировало и возмутило ее открытое отрицание всей доктрины колдовства. Хотя в старости он стал профессором и горячо религиозным человеком, возможно, в своем негодовании по поводу ее курса он вернулся к своим грубым фразам, которыми пользовался всю жизнь, и сказал, что она вела себя так, словно в ней сидел дьявол. Он мог бы сказать, что она молится как ведьма. Увлечшись этим заблуждением, он стал рассказывать свои чудесные истории о том, что его скотина была околдована и т. д. Его рассказы, несомненно, дошли до слуха обвинителей, и они, похоже, предприняли шаги, чтобы склонить его выступить свидетелем против нее. Среди бумаг есть следующий документ

"Джайлс Кори свидетельствует и говорит, что в прошлую субботу, вечером, сидя у огня, моя жена попросила меня лечь спать. Я сказал ей, что пойду на молитву; и, когда я пошел на молитву, я не мог произнести свои желания ни толком, ни открыть рот, чтобы говорить.

"Моя жена поняла это, подошла ко мне и сказала, что идет ко мне.

"После этого, через некоторое время, я, в соответствии со своей мерой, стал посещать службу".

"На прошлой неделе около полудня я пригнал из леса вола, здорового, и, когда он лег во дворе, я поднял его, чтобы запрячь; но он не мог подняться, только волочил задние части, как будто его ранили в бедро. Но потом все-таки поднялся".

"На прошлой неделе у меня была кошка, с которой на прошлой неделе случился странный приступ, заставивший меня подумать, что она вот-вот умрет. Жена просила меня стукнуть ее по голове, но я этого не сделал, и с тех пор она здорова".

"В другой раз, отправляясь на службу, я был прерван на некоторое время; но потом мне помогли в соответствии с моей слабой мерой. Жена моя имела обыкновение вставать после того, как я ложился спать; и я видел, как она становилась на колени у очага, как будто молилась, но ничего не слышал".

"При осмотре Сары Гуд и других моя жена была готова

"24 марта 1692 года."

Вышеприведенный документ не выражает мысли о том, что он считал свою жену ведьмой. Он излагает то, что наблюдал, и то, что случилось с ним и его скотом. Очевидно, он предполагал, что они были заколдованы, и что ему мешали ходить на молитву странным образом; но он не обвиняет ее в этом. Эта история дает интересное представление о сокровенной домашней жизни того времени в фермерском доме и демонстрирует поразительные штрихи в характере и поведении этих двух стариков. Она иллюстрирует

состояние воображения, преобладающее среди тех, кто был увлечен заблуждением. Если у быка растягивалась мышца или у кошки случался приступ несварения желудка, считалось, что это дело рук зла. Бедный старый Джайлс поздно пришел к религиозной жизни и, надо полагать, был новичком в молитве. Неудивительно, что он не был адептом в "произнесении своих желаний" и время от времени испытывал некоторые трудности в оформлении и выражении своих благочестивых чувств.

Есть нечто очень необычное во внешнем виде вышеупомянутых показаний. Представляя собой свидетельские показания, они не были даны обычным и привычным способом. В нем не указано, перед кем оно было сделано. Оно не заверено обычным образом; очевидно, оно не было приведено к присяге в присутствии лиц, уполномоченных действовать в подобных случаях; оно никогда не предлагалось в суде или где-либо еще. Это отрывочная бумага, найденная среди остатков разнородной коллекции в офисе клерка, и, очевидно, незаконченный документ; слова, выделенные курсивом в конце, были стерты линией, проходящей через них.

Вероятно, стороны, пытавшиеся заставить старика свидетельствовать против его жены, поняли, что не могут вытянуть из него ничего, что отвечало бы их замыслам, но есть опасность, что его показания будут благоприятны для нее, и отказались от попытки использовать его в этом деле. Тот факт, что он не поддался на их уговоры, возможно, вызвал недовольство с их стороны, что может объяснить последующее разбирательство против него.

По своей хирографии документ наводит на мысль, что он был написан мистером Нойесом, что вполне вероятно, поскольку Кори был членом его общины и церкви. Нойес был глубоко вовлечен в судебные преследования и активно их вел. Почерк оригинальных бумаг свидетельствует о причастности тех, кто был наиболее занят добыванием улик против обвиняемых. Почерк Томаса Путнама встречается во многих случаях. Но мистер Пэррис был самым активным и деятельным обвинителем. Показания ребенка Абилай Уильямс, его племянницы и члена его семьи, были написаны им, как и многие другие. Он записывал большинство экспертиз, давал собственные показания, когда мог, и всегда был готов поддержать показания других.

Вспомним, что, когда Титубу допрашивали, она сказала, что "четыре женщины иногда обижали детей". Она назвала Гуд и Осберна, но притворилась, что была ослеплена в отношении остальных. В свое время, как мы уже видели, Марта Кори была выведена на чистую воду. Четвертая была почтенной главой большой и известной семьи и членом материнской церкви в Салеме. Она никогда не переносила свои отношения в деревенскую церковь, но, тем не менее, обычно поклонялась и, вероятно, причащалась. Будучи одной из главных матрон этого места, она сидела в доме собраний вместе с дамами схожего возраста и положения, занимая одну скамью или отделение с вдовой Томаса Путнама-старшего. Женщины сидели отдельно от мужчин, и единственным правилом, применяемым среди них, была солидность и респектабельность.

Всегда считалось странным и необъяснимым, что такая признанная личность, как Ребекка Нерс, имеющая слабое здоровье и преклонный возраст, была выбрана среди первых жертв преследований за колдовство. Зависть и предрассудки, часто присущие сельским районам, могли возникнуть в умах, открытых для такого влияния, из-за процветания и растущего влияния ее семьи. Возможно, в некоторых душах затаилась вражда, вызванная долгим и ожесточенным земельным спором, в котором многие стороны были случайно замешаны. Есть серьезные основания полагать, что страсти, пробужденные яростным противостоянием

между деревенскими и "топсфилдскими мужиками", которые полвека назад были обострены и ожесточены столкновениями, могли быть сконцентрированы против сестер. Айзек Исти, чья жена была сестрой Ребекки Нерс, и Тауны, которые были ее братьями или близкими родственниками, были лидерами топсфилдцев. В этой связи показательно, что к одной из самых резких резолюций, принятых на собраниях жителей деревни против притязаний Топсфилда, Сэмюэл Нерс, ее старший сын, и Томас Престон, ее старший зять, внесли свой протест в протокол; а в другом подобном случае ее муж Фрэнсис Нерс, ее сын Сэмюэл и два зятя, Престон и Тарбелл, заняли ту же позицию. Поскольку в этом споре семья встала на сторону Топсфилда, она, естественно, подверглась недоброжелательному отношению со стороны жителей деревни. Анализ имен и местожительства лиц, против которых велось судебное преследование, покажет, в какой степени враждебные мотивы исходили из этой среды. Семьи Уайлдов, Хау, Хоббсов, Таунов, Исти и других, на которых "кричали" пострадавшие дети, занимали земли, на которые претендовали враждебные деревне стороны. Что в большей степени, чем все эти причины, способствовало возникновению настроений против сестер, так это тот факт, что они выступали против партии, существовавшей с самого начала в приходе и состоявшей изначально из друзей Бейли. В довершение всего, когда началось волнение, вызванное необычными делами в семье мистера Пэрриса, и стало известно о "страдающих детях", члены этой семьи, за исключением, на некоторое время, Томаса Престона, отнеслись ко всему свысока. Они не посещали собрания из-за беспорядков и расстройств, которые девочкам позволялось устраивать во время богослужений в общине в День Господень. Недружелюбные замечания, по какой бы причине они ни были сделаны в присутствии девушек, послужили для них поводом к действию. Некоторые люди, стоявшие за их спиной и называвшие имена таким образом, по неосторожности или со злым умыслом, были виновны во всех бедах, которые были созданы, и в крови, которая была пролита.

Поползли слухи о том, что Ребекку Нерс скоро выведут в свет. Слух об этом дошел до ее друзей, и в этот момент появился следующий документ

"Нам, чьи имена записаны под этим текстом, было предложено пойти к Гудману Нурсу в его дом, чтобы поговорить с его женой и сказать ей, что несколько страждущих упоминали о ней; и мы пошли, и нашли ее в слабом и низком состоянии тела, как она нам сказала, и она была больна почти неделю. Мы спросили, как у нее обстоят дела, и она сказала, что благословляет Бога за это, что в этой болезни она ощущала больше Его присутствия, чем когда-либо, но не так много, как ей хотелось бы; но она, вместе с апостолом, будет стремиться вперед к цели; и многие другие места Писания говорят о том же. А затем, по собственной воле, она начала говорить о несчастье, которое было среди них, и в особенности о мистере Пэррисе, его семье, и о том, как она скорбит о них, хотя и не видела их из-за припадков, которые у нее раньше случались; ибо люди говорили, что это ужасно видеть; но она жалела их всем сердцем и обращалась к Богу за них. Но она сказала, что слышала, как говорили о людях, которые были так же невинны, как и она, она верила; и, после долгих разговоров на эту тему, мы сказали ей, что слышали, что о ней тоже говорили. "Что ж, - сказала она, - если так, то да будет воля Господня"; она посидела немного, как бы изумляясь; а потом сказала: "Ну, что касается этого, то я невинна, как нерожденный ребенок; но, конечно, - сказала она, - какой грех обнаружил во мне Бог, в котором я не раскаялась, чтобы возложить на меня такое несчастье в старости?" И, насколько мы могли судить, мы не могли понять, что она знала, за чем мы пришли, прежде чем мы сказали ей".

Израиль Портер,
Элизабет Портер.

"По существу вышеизложенного мы, если нас к этому призовут, готовы дать показания под присягой.

Дэниел Эндрю,
Питер Клойс".

Элизабет Портер, которая вместе с мужем сделала это заявление, была сестрой Джона Хаторна, судьи, проводившего допрос, и свекровью Джозефа Патнэма, который был среди тех немногих, кто с самого начала осудил процесс. Таким образом, она стояла между двумя сторонами. Характер каждого из подписавших и подписавшихся под этой интересной статьей является достаточным доказательством правдивости ее изложения. Она не может не вызывать самых трогательных чувств в каждой груди. Эта почтенная дама, чей разговор и поведение так похожи на святых, была инвалидом крайне хрупкого состояния и внешности, матерью большого семейства, включавшего сыновей, дочерей, внуков и одного или нескольких правнуков. Она была благочестивой и простой женщиной. По всей вероятности, она разделяла народные поверья о колдовстве и утверждала, что страдания детей были реальными и что они пострадали от "злой руки". В то самое время, когда она с горечью сочувствовала им и семье мистера Пэрриса и молилась за них, против нее распространяли подозрения и разрабатывали планы ее уничтожения.

Ребекка Нерс была дочерью Уильяма Тауна из Ярмута, графство Норфолк, Англия, где ее крестили 21 февраля 1621 года. Ее сестра Мэри, вышедшая замуж за Исаака Исти, была крещена там же, 24 августа 1634 года. В записях Первой церкви в Салеме от 3 сентября 1648 года говорится о крещении "Джозефа и Сары, детей сестры Таун". Саре в то время было семь лет. Она стала женой Эдмунда Бриджеса, а затем Питера Клойса.

23 марта по жалобе Эдварда Путнама и Джонатана, сына Джона Путнама, был выдан ордер на арест "Ребекки, жены Фрэнсиса Нерса"; на следующее утро, в восемь часов, ее привезли в дом Натаниэля Ингерсолла, под стражу Джорджа Херрика, маршала Эссекса. Было составлено несколько отдельных обвинений, четыре из которых, обвиняющие Энн Путнам, Мэри Уолкот, Элизабет Хаббард и Эбигейл Уильямс в "некоторых отвратительных искусстваах, называемых колдовством", сохранились. Экзамен состоялся сразу же в доме собраний. Возраст, характер, связи и внешность заключенной вызвали живейший интерес. Хаторн, мировой судья, начал заседание, обратившись к одному из страдальцев: "Что вы скажете? Видели ли вы, как эта женщина причиняет вам боль?" Ответ был таков: "Да, она избивала меня сегодня утром". Хаторн, обращаясь к другой пострадавшей, сказал: "Абигайль, тебя обидела эта женщина?" Эбигейл ответила: "Да". В этот момент Энн Патнэм впала в страшный припадок и, бьющаяся в судорогах, закричала, что это Ребекка Нерс причиняет ей страдания. Как только припадок Энн закончился и порядок был восстановлен, Хаторн сказал: "Добрая сестра, вот двое, ребенок Энн Патнэм и Эбигейл Уильямс, жалуются, что вы их обижаете. Что вы на это скажете?" Заключенная ответила: "Я могу сказать перед моим вечным Отцом, что я невиновна, и Бог подтвердит мою невинность". Хаторн, видимо, тронутый на мгновение ее словами и поведением, сказал: "В этом собрании нет ни одного человека, который бы не желал этого; но если вы виновны, молитесь, чтобы Бог открыл вас". Генри Кенни поднялся из зала, чтобы выступить. Хаторн разрешил прервать его и сказал: "Гудмен Кенни, что вы говорите?" Затем Кенни пожаловался на заключенного, "и далее сказал, что с тех пор, как эта сестра пришла в дом, он дважды был поражен". Хаторн, обращаясь к заключенному, сказал: "Не только это, но и жена мистера Томаса Патнэма обвиняет вас по достоверным сведениям, и в том, что вы склонили ее к беззаконию и сильно обидели ее". Заключенная снова подтвердила свою невинность и сказала, отвечая на обвинение в нанесении вреда этим людям, что "она не могла выйти из дома восемь или

девять дней". Затем Хаторн обратился к Эдварду Путнаму, который, как сказано в протоколе, "рассказал о себе", что, несомненно, было заявлением о том, что он видел страждущих в их страданиях и слышал, как они обвиняли Ребекку Нерс в том, что она их мучительница. Хаторн спросил: "Это правда, добрая сестра?". Она отрицала, что когда-либо в жизни обижала их или кого-либо еще. Хаторн повторил: "Вы видите, что они обвиняют вас: это правда?" Она ответила: "Нет". Он снова задал вопрос: "Вы невиновны в этом колдовстве?" Судя по его манере, он начал сомневаться в том, что она может быть невиновна; и, возможно, чувства толпы склонялись в ее пользу.

Тут жена Томаса Патнэма воскликнула: "Разве не ты привел с собой чернокожего человека? Не ты ли предлагал мне искушать Бога и умереть? Сколько раз ты ел и пил свое собственное проклятие?" Эта внезапная вспышка из такого источника, сопровождаемая дикой и, по-видимому, сверхъестественной энергией и неконтролируемой яростью, с которой произносились слова, привела толпу в ужас; и заключенный, похоже, был потрясен страшным проявлением безумия в женщине и в собрании. Освободив руки, она протянула их к небу и воскликнула: "Господи, помоги мне!" Мгновенно вся компания пострадавших детей "сильно разгневалась". Через некоторое время шум утих, и Хаторн снова обратился к ней: "Разве вы не видите, в каком торжественном состоянии находятся эти дети? Когда ваши руки развязаны, люди страдают". Тогда Мэри Уолкот и Элизабет Хаббард вышли вперед и обвинили ее. Хаторн снова обратился к ней: "Вот эти две взрослые особы, которых вы сейчас обвиняете. Что скажете вы? Разве вы не видите этих страдальцев и не слышите, как они обвиняют вас?" Она ответила: "Господь знает, что я не причинила им вреда. Я невинный человек". Хаторн продолжал: "Всем ужасно видеть эти агонии, а вас, старого профессора, обвиняют в том, что вы вступили в связь с дьяволом, и при этом вы стоите с сухими глазами там, где так много мокрых". Она ответила: "Вы не знаете моего сердца". Хаторн: "Если вы виновны, вам лучше признаться и воздать славу Богу". "Я чиста, как нерожденный ребенок". Хаторн продолжал: "Какая неопределенность может быть в явлениях, я не знаю: но это, как мне кажется, сильно поражает вас, что вы, в данный момент, обвиняетесь знакомыми духами, - это ваша телесная личность, с которой они говорят; они говорят, что теперь они видят, как эти знакомые духи приходят к вашей телесной личности. Что вы на это скажете?" - "Ничего, сэр." - "Если скажете, признайтесь и воздайте славу Богу. Я молю Бога очистить вас, если вы невиновны, а если виновны, то открыть вас; и поэтому дайте мне честный ответ. Имеете ли вы какое-нибудь знакомство с этими духами?" - "Нет, только с Богом". Похоже, что магистрат снова начал открывать свой разум для справедливого взгляда на дело. Похоже, он хотел получить удовлетворение по всем обвинениям, которые были выдвинуты против нее. Она страдала от телесных недугов - результат не только возраста, но и тягот жизни, которые часто давят на физический каркас, особенно у тех, кто вынашивает много детей. Судья услышал несколько злобных сплетен такого рода и спросил: "Как ты заболела? Ведь об этом многие говорят". Она ответила, что страдает от слабости желудка. Тогда он спросил более конкретно: "Нет ли у тебя ран?". Она ответила, что ее недуги и слабости, все ее телесные немощи - это естественные последствия того, что она пережила за долгую жизнь. "У меня их нет, кроме старости". "Вы знаете, что вы виновны и знакомы с дьяволом; и теперь, когда вы присутствуете здесь, чтобы увидеть такое, о чем свидетельствуют эти люди, - черный человек, шепчущий вам на ухо, и птицы вокруг вас, - что вы скажете на это?" - "Это все ложь: Я чиста. Возможно, вы считаете, что вы не ведьма; но разве вас не сбивали с пути искушения?" - "Нет". В этот момент, кажется, Хаторн уступил моральному воздействию доказательств, которые она несла в своей манере поведения и речи, впечатку сознательной невинности на ее лице и проявлению истинной христианской чистоты и честности во всем ее облике и поведении. Вместо того чтобы продолжить допрос, он высказался в форме солилоквиума или эякуляции: "Как печально, что прихожанка здешней церкви, а теперь еще и

другой из Салема, , подвергается такому обвинению!" Услышав это довольно двусмысленное выражение магистрата, миссис Поуп впала в тяжкий припадок.

Миссис Поуп была женой Джозефа Поупа и жила с его матерью, вдовой Гертрудой Поуп, на ферме, изображенной на [карте](#). Она следила за собраниями кружка, постоянно наблюдала за страданиями "страдающих детей" и присутствовала на всех публичных экзаменах, пока ее нервная система не возбудилась до предела, и на некоторое время у нее начались припадки, а воображение помутилось. Она выступала вместе с обвинителями и участвовала в их страданиях. В некоторых случаях ее поведение было диким и экстравагантным в высшей степени. На допросе Марты Кори она отличилась жестокостью своих действий. В самый разгар процесса, в присутствии магистрата и сотен людей, она швырнула в заключенную свою муфту, а та, не выдержав, сдернула с нее туфлю и, на этот раз более удачно, ударила ее прямо по голове. Однако, похоже, это был случай простого заблуждения, равносильного временному помешательству. То, что это не было преднамеренным и хладнокровным самозванством, подтверждается тем фактом, что она была спасена от галлюцинаций и вместе с мужем одной из первых выразила сожаление и осудила все случившееся. Но когда женщина ее положения ведет себя подобным образом, да еще по такому случаю, а затем впадает в конвульсии, и вся компания страдальцев присоединяется к ней, смятение, суматоху и ужас сцены трудно себе представить, а уж описать словами и вовсе невозможно.

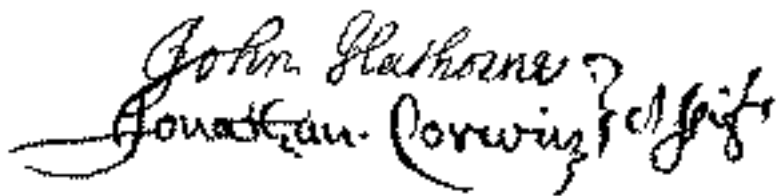
Восстановив спокойствие, Хаторн продолжил: "Скажите, не было ли у вас видимых явлений, более обычных в природе?" - "Нет, и никогда в жизни не было." - "Как вы думаете, эти страдания вольные или невольные?" - "Не могу сказать." - "Это странно: каждый может судить." - "Я должен молчать." - "Они обвиняют вас в том, что вы их обидели; и, если вы думаете, что это не вольно, а по умыслу, вы должны смотреть на них как на убийц." - "Я не могу сказать, что думать об этом." Этот ответ был расценен как очень язвительный по отношению к свидетелям, и ее обвинили в том, что она назвала их убийцами. Будучи плохо слышащей, она не всегда понимала весь смысл заданных ей вопросов. Она отрицала, что сказала, будто считает их убийцами; все, что она сказала, и этого она придерживалась до последнего, было то, что она не может сказать, как расценивать их поведение. Наконец, Хаторн задал вопрос, требующий ответа: "Как вы думаете, они страдают против своей воли или нет?" Она ответила: "Я не думаю, что они страдают против своей воли". Она не побоялась или не захотела дойти до этой точки, высказывая свое мнение о поведении обвиняемых девушек. Ее, немощную, полуглухую, с перекрестными вопросами, обойденную, окруженную глупостью, шумом и возмущением, не могли запугать, чтобы она сказала меньше, или заманить в ловушку, чтобы она сказала больше.

Тогда магистрат начал очередную череду обвинительных вопросов: "Почему вы никогда не посещали этих страдальцев?" - "Потому что я боялась, что у меня тоже начнутся припадки". При каждом движении ее тела "припадки следовали за заявителями, обильно и очень часто". Как только порядок был восстановлен, Хаторн, будучи, как и всегда, полностью убежденным в реальности страданий "страдающих детей", обратился к ней со следующими словами: "Не является ли это необъяснимым случаем, что, когда вас осматривают, эти люди страдают?" Видя, что он и все собрание верит обвинителям, она ответила только одно: "Мне не на кого надеяться, кроме Бога". Произнеся эти слова, она, естественно, попыталась поднять руки, после чего "страдальцев охватили жестокие приступы пытки". После того как тишина вновь восстановилась, магистрат стал задавать вопросы еще настойчивее. "Верите ли вы, что эти страдальцы околдованы?" Она ответила: "Думаю, что да". Следует заметить, что между Ребеккой Нерс и Мартой Кори было такое различие: последняя была абсолютной еретичкой в вопросах народной веры в колдовство; она не верила, что ведьмы существуют, и считала

заявления и действия "страдающих детей" бредом "отвлеченных людей". Первая, похоже, придерживалась тогдашних взглядов и не верила в колдовство: она готова была признать, что дети околдованы, но она знала свою собственную невиновность, и ничто не могло отвлечь ее от сознания этого. Мистер Хаторн продолжал: "Когда это колдовство появилось на сцене, не было никаких подозрений отношении Титубы, индианки мистера Пэрриса. Она признавалась в большой любви к этому ребенку, Бетти Пэррис; но именно ее видение причинило зло; и почему бы и вам не быть виновной, ведь ваше видение тоже причиняет зло?" Она ответила: "Вы хотите, чтобы я обманывала себя?" Утомленная, вероятно, затянувшимся процессом, она склонила голову на одну сторону; и тут же шеи пострадавших детей склонились таким же образом. Эта новая демонстрация дьявольской силы, исходившей от нее, наполнила дом еще большим благоговением и посеяла во всех умах ужасное убеждение в ее виновности. Шея Элизабет Хаббард была зафиксирована в этом направлении, и ее невозможно было сдвинуть с места. Эбигейл Уильямс закричала: "Поднимите голову доброй медсестры, и шея служанки будет сломана". После этого несколько человек подняли голову пленницы, и "Аарон Вэй заметил, что голова Бетти Хаббард сразу же встала на место". Чтобы довершить эффект от всего этого действия, мистер Пэррис, по указанию магистрата, "прочитал то, что у него было в символах, взятых у жены мистера Томаса Путнама в ее припадке". К вопросу о том, как мистер Пэррис ввел его в курс дела, мы вернемся на следующем этапе повествования. Здесь же достаточно сказать, что в нем содержались самые позитивные и подробные заявления о том, что явление Ребекки Нерс являлось ей несколько раз и ужасно мучило ее. Выслушав показания Пэррис, Хаторн спросил заключенную: "Что вы думаете об этом?". Она ответила: "Ничего не могу поделать: дьявол может явиться в моем облике". Следует упомянуть, что миссис Энн Путнам присутствовала при этом допросе и в ходе него впала в самую ужасную телесную агонию, обвинив в этом Ребекку Нерс. Ее страдания были настолько сильными и длились так долго, что судьи разрешили ее мужу вынести ее из дома собраний, чтобы избавить от злобного присутствия заключенной. Протокол допроса заканчивается так: "Деревня Салем 24 марта

"Деревня Салем, 24 марта 1691/2.г. Преподобный мистер Сэмюэл Пэррис, получив просьбу записать показания Ребекки Нерс, вернул их, как указано выше.

"Выслушав вышеизложенное и увидев то, что мы увидели, вместе с обвинениями присутствующих, мы препроводили Ребекку Нёрс, жену Фрэнсиса Нёрса из Салемской деревни, в тюрьму Её Величества в Салеме, согласно выданному тогда миттимусу, для дальнейшего обследования".

The image shows two handwritten signatures in dark ink. The top signature is "John Hathorne" and the bottom signature is "Jonathan Corwin". Both are written in a cursive, historical style.

Присутствие матери Энн Патнэм на этом мероприятии, ее показания, зачитанные мистером Пэррисом, и ужасные страдания, которые она демонстрировала, несомненно, произвели глубокий эффект на магистратов и всех присутствующих. Ее социальное положение и внешний вид, несомненно, способствовали усилению этого эффекта. В течение двух месяцев ее дом был постоянной сценой необычных действий кружка девушек, в котором ее дочь и служанка были главными духами. Ее ум был поглощен тайнами спиритизма. Чудеса

некромантии и магии постоянно стояли перед ней. Она жила в невидимом мире, ее постоянно окружало ощущение сверхъестественного. Возможно, неосознанно страсти, предрассудки, раздражение и враждебность, которым она была подвержена, смешались с капризами возбужденного воображения; и, открытая для вторжения заблуждений, какими долгое время был ее разум в результате постоянных манипуляций с духовными идеями и фантомами, она могла потерять равновесие разума и здравомыслия. Это, в сочетании с болезненной чувствительностью, вероятно, придавало глубокую напряженность ее голосу, действиям и лицу. Эффект, произведенный на возбужденную толпу, должен был быть очень сильным. Хотя она дожила до осознания полной фальшивости всех своих заявлений, в то время ее чудовищные выдумки казались ей реальностью".

Завершая свой отчет об этом обследовании, мистер Пэррис говорит: "Из-за сильного шума со стороны страдальцев и множества ораторов многое было упущено". Вероятно, он хотел избежать рассказа о позорных и шокирующих сценах, разыгравшихся в доме собраний в тот день. Деодат Лоусон присутствовал при начале заседания. Он говорит, что мистер Хейл начал с молитвы; что заключенная "убедительно отстаивала свою невиновность"; что при вступлении некоторые девушки, в том числе Мэри Уолкот, заявили, что заключенная никогда не причиняла им вреда. Однако вскоре Мэри Уолкот закричала, что ее укусили, и обвинила этом Ребекку Нерс. На ее запястье были видны следы зубов. Лоусон говорит: "Все было так расположено, что у меня не было времени присутствовать все время осмотра". Я полагаю, это означает, что он хотел удалиться в соседние поля, чтобы поработать над своей рукописью и подготовиться к роли, которую ему предстояло сыграть в тот день. "Однажды, - говорит он, - раздался такой жуткий визг и шум (который я услышал, когда шел на небольшом расстоянии от дома собраний), что я был поражен; и некоторые, кто был внутри, сказали мне, что все собрание было охвачено ужасом, и они боялись, что те, кто сидел рядом с ними, находились под влиянием колдовства". Вся община была в смятении, каждый страдал и пугал каждого, среди всеобщего крика ужаса и страха.

Поскольку политика руководителей предприятия заключалась в том, чтобы полностью подавить влияние всех естественных чувств в обществе, к этому процессу против почтенной и немощной прабабушки они присовокупили еще один, аналогичный, против маленького ребенка. Сразу же после завершения допроса Ребекки Нерс перед судьями предстала Доркас, дочь Сары Гуд. Ей было от четырех до пяти лет. Лоусон говорит: "Ребенок выглядел здоровым, как и другие дети". Ордер на ее задержание был выдан накануне по жалобе Эдварда и Джонатана Путнэм. Маршалу Херрику, который был человеком, превозносящим свою должность и испытывающим большую личную гордость, , возможно, не понравилась мысль о доставке такой маленькой пленницы; он поручил эту операцию Сэмюэлю Брейбуру, который на следующее утро в надлежащей форме сообщил, что "взял тело Доркас Гуд", и отправил ее в дом Натаниэля Ингерсолла, где она и находилась под стражей. Похоже, что Брейбуру не понравилась эта работа, и он передал заботу о ребенке другому. Тот, кто выполнял эту работу, вероятно, принес ее на руках или на подушке. Малышка не смогла бы пройти пешком расстояние от фермы Бенджамина Патнэма. Когда ее привели на допрос, Энн Патнэм, Мэри Уолкот и Мерси Льюис обвинили ее в том, что она кусала, щипала и чуть не задушила их. В присутствии судей и толпы, охваченной ужасом и трепетом, две первые прошли через свои обычные процедуры. Они показали следы ее маленьких зубов на своих руках; булавки, которыми она их колола, были найдены на их телах, именно там, где, как они утверждали в своих криках, она их прокалывала. Доказательства были признаны неопровержимыми, и Доркас, *согласно mittimus*, отправили в тюрьму, где она присоединилась к своей матери. Из счета бостонского тюремщика следует, что они обе были заключены в тюрьму: поскольку они были слишком бедны, чтобы обеспечить себя,

"страна" получила десять шиллингов за "два одеяла для ребенка Сары Гуд". Мать, как мы знаем, держали в цепях; ребенок, вероятно, тоже был закован. Необычные крепления, как уже говорилось, считались необходимыми для удержания ведьмы.

В обществе уже не было никаких сомнений в том, что дьявол поселился в деревне Салем. Прихожане церкви, люди всех социальных положений, высочайшей репутации и благочестия, выдающиеся по видимым проявлениям преданности и любого возраста, присоединились к его штандарту и стали его активными союзниками и единомышленниками.

Эффект от этих двух экзаменов был, несомненно, очень велик, поскольку они посеяли оцепенение и недоумение далеко и широко; но они были лишь прелюдией к работе, с этой целью запланированной на этот день. Общественное сознание было раскалено докрасна, и теперь настал момент нанести удар, который произведет на него глубокое и неизгладимое впечатление. Был четверг, день лекций, и в доме собраний должны были состояться обычные по такому случаю общественные службы.

Деодат Лоусон прибыл в деревню 19 марта и поселился у дьякона Ингерсолла. Этот факт сразу же стал известен, и Мэри Уолкот немедленно отправилась к дьякону, чтобы увидеть его. На месте с ней случился припадок, который привел Лоусона в изумление и ужас. По складу своего ума он не мог не интересоваться подобными волнениями; к тому же он пришел в особое возбуждение, узнав, что пострадавшие намекали на то, что смерть его жены и дочери, случившаяся во время его служения в деревне, была вызвана дьявольскими происками тех, кого тогда начали разоблачать и привлекать к ответственности. Он был готов прислушаться к намекам, которые ему делали, и готов был судебное преследование с той серьезностью, в которой обида и ярость смешивались со слепым легковерием. После того как Мэри Уолкот показала ему, как страдают девушки, он рано вечером отправился в дом мистера Пэрриса; там Эбигейл Уильямс впала в безумие: в присутствии дяди она разбрасывала по дому огненные шары, бросалась к дымоходу, словно хотела взлететь через широкую трубу, и совершала множество чудесных действий. На следующий день, в воскресенье, он проповедовал; службы прерывались, как уже было описано, вспышками страдания под дьявольским влиянием. На следующий день он присутствовал на экзамене Марты Кори. В среду, 23-го числа, он отправился к Томасу Путнэму, как он говорит, "с целью увидеть его жену". Он "нашел ее лежащей на кровати, у которой за некоторое время до этого был приступ болезни: ее муж и она оба просили меня помолиться с ней, пока она в здравом уме, что я и сделал, хотя видение говорило, что я не должен приступать к молитве. Вначале она присутствовала, но через некоторое время с ней случился приступ, однако она продолжала молчать и, казалось, спала". Она представила себя в конфликте с обликом или призраком ведьмы, которая, по ее словам, сказала Лоусону, что он не должен молиться по этому случаю. Но он мужественно решился на это дело. По окончании молитвы "ее муж, подойдя к ней, обнаружил, что она в припадке. Он снял ее с кровати, чтобы посадить к себе на колени; но сначала она была такой жесткой, что не могла разогнуться, но после подопечной удалось сесть". Затем она вошла в то состояние сверхъестественного видения и экзальтации, в котором она привыкла произносить самые дикие, пылкие, экстравагантные, но торжественные и меланхоличные рапсодии: она спорила с призраком о тексте Писания, а затем изливала на него самые ужасные обличения за то, что он мучает и искушает ее. Очевидно, она была очень умной и изобретательной женщиной и прекрасно разбиралась во всех образных и возвышенных выражениях, которыми наполнены пророческие и поэтические части Писания. И снова ее охватил страшный припадок, который продолжался "около получаса". Временами ее рот перетягивался на одну сторону, а тело напрягалось.

Наконец она вырвалась и после долгих ожесточенных схваток с призраком и многочисленных конвульсий смогла сказать, какую часть Библии Лоусон должен был прочитать вслух, чтобы облегчить ее состояние. "Это", - сказала она, - "третья глава Откровения". "Я, - говорит Лоусон, - кое-что усомнился в том, что буду ее читать". Ему не хотелось ввязываться в такое дело, в котором дьявол был актером. В конце концов он преодолел свои угрызения, и эффект оказался решающим. "Не успел я дочитать до конца первый стих, как она открыла глаза и поправилась". Ошеломленный и пораженный, он вернулся в дом Пэрриса, и они еще долго обсуждали ужасные проявления силы сатаны. На следующее утро он присутствовал на осмотре Ребекки Нерс, но рано утром ушел с него, чтобы завершить подготовку к служению, которое было назначено для него на вторую половину дня.

Я говорю "назначенному", потому что факты в этом деле доказывают, что все было давно обговорено. В тот день он должен был произнести проповедь. Сообщение об этом, должно быть, было послано ему за несколько недель до этого. После прибытия в деревню каждый час был занят захватывающими зрелищами и увлекательными переживаниями, наполнявшими его разум фанатичным энтузиазмом, необходимым для того, чтобы придать силу и огонь проповеди. Он не мог написать ее после приезда в это место. Он должен был взять ее с собой в кармане. Это тщательно продуманное и тщательно выстроенное выступление, требующее долгого и терпеливого труда по его составлению и исчерпывающее все ресурсы теологических исследований и ссылок, а также художественного мастерства и отделки. Оно адаптировано к деталям случая, который был подготовлен к нему. Не только проповедь, но и аудитория были результатом тщательной организации этапов подготовки и входящих в нее элементов. Все предшествующие шаги были предприняты своевременно и правильно, так что, когда наступит обычный день лекций, у Лоусона будет готова его объемная речь, и прихожане будут в ожидании, чтобы услышать ее, с умами, соответствующим образом одухотворенными предшествующими событиями дня, чтобы быть под глубоким и постоянным впечатлением от нее. Это событие было предрешено целым рядом обстоятельств, привлечших всех на место. Мировые судьи уже были там, некоторые из них - в силу необходимости официального присутствия в начале дня, а другие приехали из окрестностей; служители собрались из близлежащих городов; мужчины и женщины приехали со всех концов, стекаясь по шоссе и объездным дорогам, в большом количестве на лошадях и толпами пешком. Вероятно, деревенский дом собраний и прилегающая к нему территория представляли собой зрелище, подобного которому не было нигде. Благоговение, ужас, серьезность, суровый, но дикий фанатизм были запечатлены на всех лицах и будоражили толпу до глубины души, во всех ее движениях и высказываниях. Невозможно представить себе сочетание обстоятельств, которое могло бы дать большее преимущество и силу оратору, и Лоусон оказался на высоте положения. Ни одно выступление не было более равным или лучше приспособленным к случаю. Она была неотразима по своей силе и захватила общественное сознание, как шторм.

Текст - Захария, iii. 2: "И сказал Господь сатане: "Господь обличает тебя, сатана! даже Господь, избравший Иерусалим, обличает тебя: не есть ли это клеймо, вырванное из огня?"". После упоминания о восстании сатаны и его падении с небес вместе с его "проклятыми легионами" и представления их как исполненных "зависти и злобы ко всему человечеству", стремящихся "всеми путями и средствами произвести их гибель и уничтожение навеки, до крайности противостоя всем лицам и вещам, назначенным Господом Иисусом Христом в качестве средств или орудий их утешения здесь или спасения в будущем,", он, в манере тех дней, открывает свой текст и раскрывает свою тему, все время проявляя большие способности, мастерство и силу, демонстрируя образованность в своих иллюстрациях,

метко и обильно черпая из Писания и, в нужных местах, поднимаясь до высокого уровня красноречия в словах и образах.

Он подробно и с большим количеством примеров, искусно подобранных из священной и светской литературы, описывает чудесную силу, с которой сатана может воздействовать на человечество. Он говорит: "...

"Он - дух, и поэтому наносит удары по духовной части, самой прекрасной (составной) части человека. В первую очередь беспокоя и прерывая животный и жизненный дух, он злобно воздействует на более обычные силы души странными и страшными представлениями для фантазии или воображения; а также жестокими мучениями тела, часто угрожая угасить жизнь, как это наблюдается у тех, кто страдает среди нас. И не только это, но он изливает свою злобу в дьявольских операциях на более возвышенные и отличительные способности разумной души, поднимая туман тьмы и невежества в понимании..... Иногда он навлекает беду на тела людей, производя злобные действия в них и дьявольские воздействия на духовный принцип или средство жизни и движения..... Есть, конечно, и более низкие действия сатаны (чему есть множество примеров среди нас), которым подвержены тела и души мужчин и женщин. И тот, кто внимательно наблюдал за этими вещами, должен быть убежден, что движения страдающих людей, как в отношении способа, так и в отношении жестокости, являются лишь следствием дьявольской злобы и действий, и что нельзя рационально представить, что они происходят от какой-либо другой причины Сатана осуществляет свою злобу опосредованно, используя некоторых людей и других существ, и он часто использует других людей или вещи, чтобы его замыслы были более неразличимы. Так он использовал змея при первом искушении (Быт. iii. 1). Поэтому он заключает договоры и соглашения с колдунами и чародеями, чтобы они были орудиями, с помощью которых он мог бы более тайно воздействовать на тела и умы других людей; и если он может одержать верх над теми, кто делает видимую профессию, это может быть лучшим прикрытием для его дьявольского предприятия, и может более легко извратить других, чтобы они согласились на его подчинение. Насколько мы можем заглянуть в эти адские тайны и догадаться об управлении этим царством тьмы, мы можем узнать, что ведьмы делают ведьм, уговаривая друг друга подписаться на книгу или статьи и т. д.; и дьявол, имея их в своем подчинении, с их согласия, он будет использовать их тела и умы, формы и представления, чтобы пугать и страшать других в свое удовольствие, для распространения своего адского царства, и совершения своих придуманных бед для душ, тел и жизней детей человеческих, да, и детей Божьих тоже, насколько это разрешено и возможно..... Он проникает в общество усыновленных детей Божьих, во время их самых торжественных приближений к Нему, в священных таинствах, стараясь выглядеть так, как истинные святые и служители Христа, что, если бы это было возможно, он обманул бы самих избранных (Матф. xxiv. 24) своей хитростью: ибо несомненно, что он никогда не действует более как князь тьмы, чем когда выглядит как ангел света; и, когда он больше всего претендует на святость, он тогда наиболее тайно и, как следствие, наиболее уверенно подрывает ее и тех, кто наиболее преуспевает в ее исполнении".

Ниже приводится пример стиля, в котором он возбуждал народ: -.

"Теперь остается рассмотреть применение этой доктрины к нам самим. Пусть оно послужит торжественным предупреждением и пробуждением для всех нас, находящихся сейчас перед Господом, и для всех остальных из этого народа, кто придет к пониманию этих ужасных действий сатаны, которые святой Бог допустил среди нас.

"Господь совершает среди нас ужасные вещи, необычайно удлиняя цепь рыкающего льва, так что дьявол спускается в великом гневе (Откр. xii. 12), пытаясь установить свое царство и, подвергая мучениям тела и устрашающим представлениям умы многих среди нас, заставить и запугать их, чтобы они стали его подданными. Тогда я могу сказать словами пророка (Мих. vi. 9): "Глас Господень вопиет в городе и в стране с необычной и удивительной громкостью". Конечно, это предупреждает нас, чтобы мы пробудились от всякого сна, от безопасности или глупости, встали, взяли свои Библии, обратились к ним и выучили этот урок не только наизусть, но и наизусть. 1 Пет. ст. 8: "Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого из вас смутить, ввести в заблуждение и пожрать"... Проснитесь же, проснитесь, умоляю вас, и не оставайтесь более под властью этого князя жестокости и злобы, чью тираническую ярость мы видим, как она направлена на тела и умы этих страдальцев!... Это предостережение обращено ко всем людям, в зависимости от их состояния жизни, как в гражданском, так и в священном порядке; к высоким и низким, богатым и бедным, старым и молодым, связанным и свободным. Пусть наблюдение за этими удивительными проявлениями необычного и странного Божьего Провидения побудит нас к исполнению нашего долга в такое время, как сейчас, в наших соответствующих местах и положениях, отношениях и возможностях! Великий Бог совершил среди нас такие дела, от которых трепещут уши слышащих (Иер. xix. 3); и серьезные души в растерянности, к чему эти дела могут привести и каков будет конец этого ужасного посещения, в разрешении которого Бог-provokator, как лев, рычит, кто может не бояться? Господь говорит, кто может не пророчествовать? (Амос iii. 8). Громкая труба Божья в этом громовом провидении раздастся в городе, и эхо ее слышно по всей стране, конечно, тогда люди должны и обязаны бояться (Амос iii. 6)..... Поэтому вы должны глубоко смириться и сидеть в пыли, размышляя о том, как Бог избрал это место, эту бедную деревню, для первого очага тирании сатаны и сделал ее (как бы) местом встречи дьяволов, где они собирают свои адские силы; представляясь страдающим как вооруженные, чтобы осуществить свои злые замыслы против тел и, если Бог в милосердии не помешает, против душ многих в этом месте..... Смиритесь также, что так много членов этой церкви Господа Иисуса Христа должны быть под влиянием сатанинской злобы в этих его действиях; некоторые как объекты его тирании на их телах до такой степени бедствия, которое никто не может ощутить, кроме тех, кто видит и чувствует это, которые в то же время также сильно страдают в своих умах от страшных представлений, сделанных дьяволами им. Другие профессора и видимые члены этой церкви подвергаются ужасным обвинениям и обвинениям в том, что они являются орудиями сатаны в его злодейских действиях. Для тех, кто невиновен, не может не быть предметом глубокого унижения, что праведный и святой Бог допускает, чтобы их называли в столь пагубной и неслыханной практике, и не только это, но и то, что Тот, Кто не может не поступать правильно, должен терпеть, чтобы пятно подозреваемой вины было как бы натерто и впитано многими болезненными и удивительными обстоятельствами. И для всех, кто находится в узах святого завета Божьего в этом месте, является предметом душевного унижения, что место сатаны должно находиться среди них, где он пытается установить свое царство в противовес царству Христа и взять некоторых из видимых подданных нашего Господа Иисуса и использовать, по крайней мере, их формы и внешность, чтобы страдать и мучить других видимых подданных того же царства. Несомненно, его замысел состоит в том, чтобы разделить Царство Христа против него самого, чтобы, ослабнув таким образом, он мог тем лучше воспользоваться возможностью установить свои собственные проклятые власти и господства. Тогда он взывает ко всем здесь присутствующим во имя благословенного Иисуса и словами святого апостола (1 Петра, ст. 6): "Смиритесь под могучую руку Божию".

"Это предмет ужаса, изумления и удивления для всех таких несчастных душ (если таковые есть здесь в общине; и дай Бог, по Своей бесконечной милости, чтобы никто из вас никогда

не оказался таковым!), которые отдали свои имена и души дьяволу; которые по завету, явному или неявному, связали себя обязательствами быть его рабами и рабынями, соглашаясь быть орудиями, в которых он может мучить и причинять страдания их собратьям (даже из их собственного рода) к изумлению и удивлению присутствующих. Я надеялся бы, что избавлю себя от этого, но я хочу (с Божьей помощью) объявить весь совет Божий; и если он не станет убеждением там, где это так, то послужит предупреждением, чтобы так никогда не было. Ибо ужаснее всего представить, что кто-то может сменить служение Богу на служение дьяволу, поклонение благословенному Богу на поклонение проклятому врагу Бога и человека. Но, о! (что еще в тысячу раз хуже), как я назову это, если кто-то из тех, кто находится в видимом завете Божьем, нарушит этот завет и заключит союз с сатаной; если кто-то из тех, кто сидел и ел за столом Христа, поднимет на него свою пятую, чтобы общаться за столом дьяволов и (как это было представлено некоторым из страждущих) есть хлеб и пить вино, смешанное сатаной. Конечно, если это так, то поэт прав: "Audax omnia perpeti. Gens humana ruit per vetitum nefas:" дерзкие смертные выросли до страшной высоты нечестия; и мы должны воскликнуть на языке Писания и в эмфатическом апострофе пророка Иеремии (глава ii. 12): "Удивитесь, о небеса, этому и ужаснитесь: будьте очень пустынно, говорит Господь...". Если вы в завете с дьяволом, то ходатайство благословенного Иисуса направлено против вас. Его молитва направлена на покорение власти и царства сатаны и полное поражение всех его орудий. Если это так, то великий Бог настроен против вас. Всемогущий Иегова, единый Бог в трех лицах: Отец, Сын и Святой Дух, в их нескольких различных действиях и всех их божественных атрибутах, - задействован против вас. Поэтому знайте, виновные в таком чудовищном беззаконии, что Тот, Кто создал вас, не спасет вас, и Тот, Кто образовал вас, не окажет вам никакой милости (Ис. xxvii. 11). Будьте уверены, что, хотя сейчас вы должны уклониться от осуждения человеческого суда и избежать насильственной смерти от руки правосудия, но, если Бог не даст вам покаяния (о чем мы сердечно молимся), наступит день, когда тайны всех сердец будут открыты Иисусом Христом (Рим. ii. 16). Тогда-то ваш грех и обнаружит вас, и вы будете наказаны вечной гибелью от присутствия Господа и обречены на бесконечные, легкие и безвозвратные муки, уготованные дьяволу и ангелам его (Мф. xxv. 41)..... Если вы были виновны в таком нечестии, то молитвы народа Божьего направлены против вас. Их долг - ежедневно молиться о том, чтобы царство сатаны было подавлено, ослаблено, низвергнуто и, наконец, полностью уничтожено; а значит, чтобы все пособники, подданные, защитники и пропагандисты этого царства были полностью сокрушены и посрамлены. Они вынуждены подавить ту доброту и сострадание, которые в своих священных обращениях они некогда проявляли к вам (как к людям своего рода и созданным из той же формы), молясь с единым согласием, как это делал царственный пророк против своих злобных врагов, орудий сатаны (Ps. 6): "Поставь над ним злого человека, и пусть сатана стоит по правую руку его" (т. е.), чтобы противостоять всему, что ему во благо, и способствовать всему, что ему во вред; и (стих 7) "Когда его будут судить, пусть он будет осужден, и пусть его молитва станет грехом".

"Пусть нас увещевают и наставляют проявлять истинное духовное сочувствие и сострадание к тем бедным, страдающим людям, которые по Божьему соизволению находятся под пагубным влиянием сатанинской злобы". Существует Божественное предписание, предписывающее выполнять этот долг: Евр. xiii. 3: "Поминайте терпящих бедствие, как и сами находящиеся в теле". Итак, давайте глубоко задумаемся и, как избранные Божьи, облечемся в милосердие к тем, кто находится в несчастье (Кол. iii. 12). О, пожалейте, пожалейте их, ибо рука Господня коснулась их, и злоба дьяволов обрушилась на них.

"Будем же непременно брать с собою и облекаться во всеоружие Божие и во все части его; да не будет в них недостатка. Давайте трудиться, чтобы быть в упражнении и практике всей

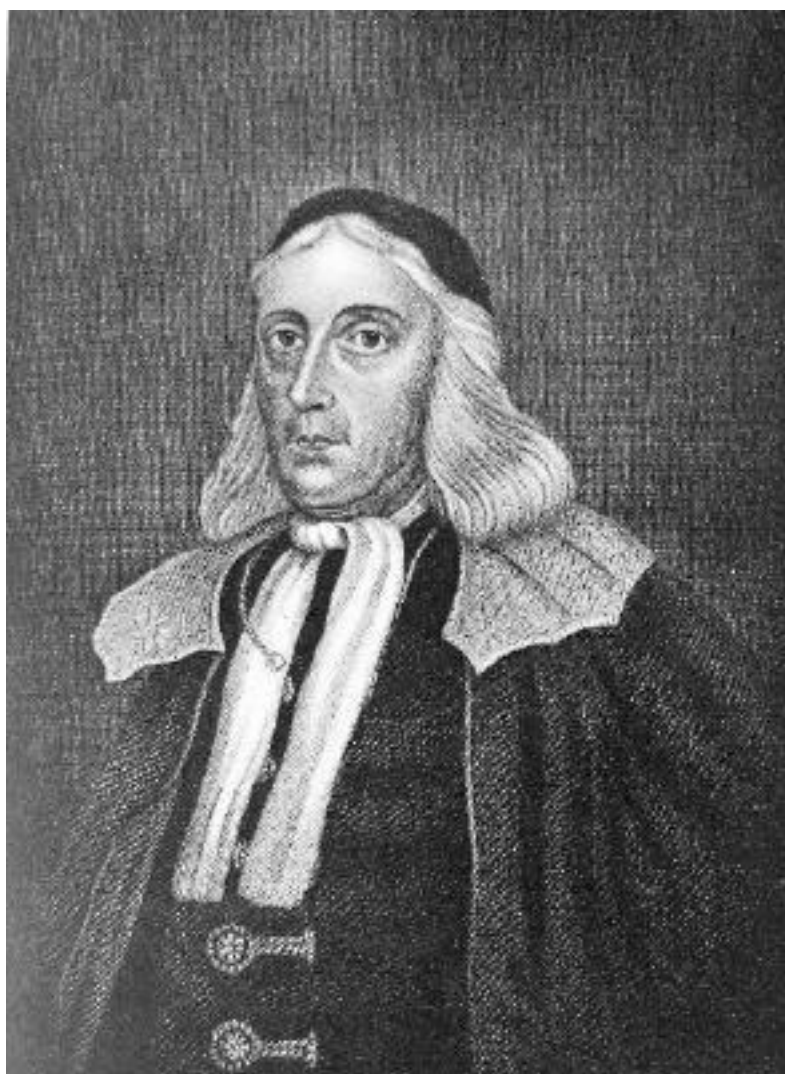
компании освящающих благодатей и религиозных обязанностей". Об этой важной обязанности говорится в Еф. vi. 11 и 13-18, а также о конкретных частях этого доспеха. Сатана представляет свои адские силы; и дьяволы, похоже, приходят вооруженные, собираясь среди нас. В этот день мне велено воззвать к вам и объявить тревогу: Вооружитесь, вооружитесь, вооружитесь! Возьмитесь за оружие, смотрите, чтобы вы были в готовности, как верные воины под началом Капитана нашего спасения, чтобы щитом веры вы и все мы могли противостоять огненным дротикам нечестивых и быть верными до смерти в нашей духовной войне; так мы гарантированно получим венец жизни (Откр. ii. 10). Давайте не будем принимать никаких переговоров, не будем давать никаких шансов: пусть ни одна из сатанинских сил или фурий не будет более бдительной, чтобы причинить нам вред, чем мы, чтобы противостоять и отражать их, во имя и духом, благодатью и силой нашего Господа Иисуса Христа. Давайте припадать к престолу благодати во имя и заслуги нашего Благословенного Посредника, используя все возможные возможности, публичные, частные и тайные, чтобы излить свои мольбы Богу нашего спасения. Молитва - самое верное и действенное противоядие против ядовитых действий старого змея. Когда на нас обрушиваются легионы дьяволов, к Богу должны возноситься многочисленные молитвы. Сатана, самый страшный из всех наших врагов, назван в Писании драконом, чтобы отметить его злобу; змеем, чтобы отметить его хитрость; львом, чтобы отметить его силу. Но ни один из них не может устоять перед молитвой. Самая закоренелая злоба (как у Хамана) падает под молитвой Есфири (гл. IV, 16). Самая глубокая политика (совет Ахитофела) увядает перед молитвой Давида (2 Цар. xv. 31); и самая огромная армия (тысяча тысяч эфиопов) бежит, как трус, перед молитвой Асы (2 Хрон. xiv. 9-15).

"Итак, что я говорю одному, то говорю и всем, в этом важном деле: молитесь, молитесь, молитесь".

"Нашим почтенным судьям, присутствующим здесь в этот день, чтобы исследовать эти вещи, позвольте мне, многоуважаемый, предложить одно слово на ваше рассмотрение. Сделайте все, что в ваших силах, чтобы остановить и обличить сатану; попытайтесь всеми способами и средствами, которые соответствуют правилу Божьему, обнаружить его орудия в этих ужасных операциях. Вы причастны к гражданскому правительству этого народа, будучи наделены властью их Священными Величествами, под началом этого славного Иисуса (Царя и Правителя Его Церкви), для поддержки Царства Христа против всех противодействий царства сатаны и его орудий. Будучи рукоположены Богом на такую должность (Рим. xiii. 1), мы умоляем вас: не носите меч напрасно, как сказано в ст. 4; но утверждайте себя ужасом и наказанием для злодеев и похвалой для тех, кто поступает хорошо (1 Пет. ii. 14); всегда помните, что вы судите не для людей, а для Господа (2 Хрон. xix. 6); и, как Он обещает, так и наша молитва будет за вас непрестанной, чтобы Он был с вами на суде, как Тот, Кто может и будет направлять, помогать и награждать вас. Следуйте примеру праведного Иова (гл. xxix. 16): Будь отцом для бедных; для этих несчастных страдальцев, в жалких и болезненных попытках помочь им; и причина, которая кажется настолько темной, что ты не знаешь, как ее определить, сделай все возможное, используя все обычные средства, чтобы выяснить ее.

"Утешением может служить тот факт, что Господь Иисус, Начальник нашего спасения, уже победил дьявола. Христос, это благословенное семя женщины, нанес этому проклятому старому змею, называемому дьяволом и сатаной, смертельное и неизлечимое рассечение на голове (Быт. III. 15). Он был слишком велик для него в одном столкновении (Матф. iv). Он противостоял его власти и царству в одержимых. Он не позволил бесам говорить, потому что они знали Его (Мк. i. 34). Он одержал победу Своей смертью на кресте и разрушил его владычество (Евр. ii. 14), чтобы через смерть уничтожить смерть и того, кто имеет силы

смерти, то есть дьявола; и через воскресение Он открыто показал миру, что Он разрушил княжества и силы, одержав над ними победу (Кол. ii. 15). Поэтому, если мы верой соединены с Ним, Его победа является предзнаменованием и предвестием нашей победы в конце концов. Вся борьба сатаны теперь - это борьба побежденного врага. Не малое утешение в том, что терпение Иова началось от дьявола, а закончилось от Господа (Иакова, ст. 11). Чтобы и мы на собственном опыте могли найти такой же благословенный исход из наших нынешних бедствий, вызванных сатанинской злобой, давайте каяться в каждом совершенном грехе и стараться исполнять каждый долг, которым пренебрегали. Тогда мы с уверенностью и быстро обнаружим, что царская власть нашего Господа и Спасителя превозносится, избавляя Его бедных овец и агнцев из пасти и лап рыкающего льва".

УИЛЬЯМ СТОУТОН.

Перевод с английского Р. Бэбсона в издательстве Дж. Эндрюса.

Эти обширные выдержки из речи Лоусона приведены отчасти для того, чтобы каждый мог оценить эффект, который она должна была произвести в обстоятельствах того случая, но главным образом потому, что они дают живое представление о настроениях, представлениях, способах мышления, рассуждениях и убеждениях, распространенных в то время. Ни одно описание, сделанное человеком, смотрящим назад с нашей точки зрения, не испытавшим на себе заблуждений той эпохи, кто бы ни пытался выполнить эту задачу, не

сможет адекватно обрисовать сцену. Вышеприведенные отрывки, как мне кажется, лучше, чем любые дошедшие до нас документы, показывают, как эта тема лежала в умах людей того времени. Они представляют нам непосредственно, без вмешательства каких-либо второстепенных агентств, мысли, ассоциации, настроения того поколения в дышащей реальности. Они возвращают нас к тому времени и к тому месту. Деодат Лоусон восстает из своей безвестной могилы, выходит из непроницаемого облака, окутавшего заключительные сцены его земной карьеры, и мы слушаем его голос, как он говорил с толпой, собравшейся в доме собраний в деревне Салем в день лекций, 24 марта 1692 года. Он обнажает весь свой разум для нашего непосредственного изучения. В нем и через него мы видим ум и сердце, формы языка и мышления, чувства и страсти людей того времени. Мы смешиваемся с толпой, которая повисла на его устах; мы видим их лица, различаем страсти, пылающие в их чертах, и входим в то волнение, которое двигало и подбрасывало их, как буря. Таким образом, мы подготовлены, как никак иначе, к восприятию нашей истории.

Проповедь выполнила свою задачу. Она укрепила силы, которые начали свою работу. Она изложила всю доктрину колдовства в методичной, продуманной и наиболее впечатляющей форме. Она оправдывала и одобряла все, что было сделано, и все, что еще предстояло сделать; каждый шаг в судебном разбирательстве; каждый процесс проверки; все виды обвинений и доказательств, которые были представлены; каждую фазу народной веры, какой бы дикой и чудовищной она ни была; Все притязания пострадавших детей на сверхъестественные переживания и связи, все рассказы о явлениях ушедших духов и призраков убитых мужчин, женщин и детей, которые, порожденные болезненным и маньячным воображением, были использованы, чтобы наполнить его и других ужасом, вдохновить на месть и привести в действие общий бред. И каждый пункт он подкреплял законом и свидетельствами, отрывками и обрывками Писания, тщательно и умело выхваченными и изобретательно примененными. Он придал форму тому, что было смутным, и авторитет тому, что плавало в слепых и беспочвенных мечтах фантазии. Она кристаллизовала беспорядочные капризы, которые бурлили в буйном смятении в общественном сознании, в фиксированную, организованную и постоянную форму.

Сразу же возникла необходимость в ее публикации. Рукопись была передана северянам Инкрейзу и Коттону Мазеру, первым Джеймсу Аллену и Джону Бейли, старому южанину Сэмюэлу Уилларду, церкви в Бостоне и Чарльзу Мортону из церкви в Чарльзтауне. Она была напечатана с решительным, безоговорочным одобрением, подписанным по очереди именами этих самых выдающихся богословов страны. Сочинение было посвящено "боготворимым и достойно чтимым Бартоломью Гедни, Джону Хаторну, Джонатану Корвину, эсквайрам, вместе с преподобным мистером Джоном Хиггинсоном, пастором, и мистером Николасом Нойесом, учителем, церкви Христа в Салеме", с предисловием, адресованным всем его "христианским друзьям и знакомым, жителям деревни Салем". Книга была переиздана в Лондоне в 1704 году под непосредственным руководством ее автора. Тема книги - "Верность Христа, единственный щит против злобы сатаны", а титульная страница подкреплена отрывками из Писания (Откр. xii. 12 и Рим. xvi. 20). Интерес к книге усиливается благодаря приложению, в котором содержатся записи, сделанные Лоусоном на месте, во время экзаменов и судебных разбирательств. Они бесценны, поскольку исходят от главного участника событий, который был полностью увлечен заблуждением. В них в чудесных красках описываются удивительные проявления дьявольского воздействия на страдающих детей, на них самих и через них; во многом они напоминают сообщения о спиритических сеансах, распространенных в наши дни, хотя и не дотягивают до них. Эти заявления и предисловие к беседе приведены в [Приложении](#) к данному тому. В гораздо более краткой

форме она была напечатана Бенджамином Харрисом в Бостоне в 1692 году, а вскоре после этого - Джоном Дантоном в Лондоне.

Прежде чем оставить знаменитую проповедь мистера Лоусона, мы должны обратить внимание на один примечательный пункт в ней. Его сильные способности не могли быть полностью лишены разума; и у него оставалось достаточно здравого смысла, чтобы увидеть то, что, похоже, не приходило в голову другим, - что может произойти повторная реакция народных страстей и что некоторые могут быть призваны к ответу возмущенной общественностью, если не перед суровым трибуналом правосудия, за жестокость и бесчинства, которые они с таким остервенением совершали в отношении обвиняемых лиц. Он не был полностью уверен в том, что призыв, который он сделал в своей речи, чтобы народ подавил и уничтожил все остатки человеческого чувства, подавил сострадание и жалость в своей груди, одержит верх. Он предвидел, что друзья и семьи невинных и убитых жертв могут однажды потребовать отмщения; и он пытается заранее обеспечить защиту, которая поистине гениальна: - "Не давайте места дьяволу".

"Не давайте места дьяволу, поспешно порицая других без достаточных оснований или ложно обвиняя кого-либо по доброй воле. Это действительно похоже на дьявола, который в греческом языке носит название Διάβολος, потому что он клеветник или ложный обвинитель. Поэтому, когда мы читаем о таких обвинителях в последних днях, они в оригинале называются Διάβολοι, *calumniatores* (2 Тим. iii. 3). Сейчас среди вас такое время искушений, какого никогда не было: позвольте мне умолять вас не быть щедрыми или суровыми в размышлениях о злобе или зависти ваших ближних, которыми кто-либо из вас был обвинен, чтобы, пока вы ложно обвиняете друг друга, то есть родственников пострадавшего и родственников обвиняемого, великий обвинитель (который любит ловить рыбу в мутной воде) не воспользовался вами. Посмотрите на грех как на причину, Бог в правосудии как на суверенное средство, а сатана, враг, как на главное орудие, как в страдании одних, так и в обвинении других. И если подозреваются невинные, то это следует приписать Божьему благоволению, в высшей степени разрешающему, и сатанинской злобе, в подчиненной степени беспокоящей, путем представления таких людей к страданию других, даже таких, которые все это время, как мы имеем основания полагать (особенно некоторые из них), не имели никакой злобы или неуважения к тем, на кого они жаловались. Не давайте места дьяволу, ибо это окажет неудобное и пагубное влияние на дела этого места, нарушив мир и внеся смятение и всякое злое дело, которое мы от всего сердца молим Бога в милосердии предотвратить".

Эта хитроумная формулировка, прикрытая уловкой, - хотя она возмущает все чувства естественной справедливости и разрывает все узы социальной ответственности, - при ближайшем рассмотрении оказывается шокирующим обвинением в адрес божественной администрации. Она представляет Божество под фразами "суверенный действенный" и "верховный разрешающий" в таком виде, который дает равное убежище любому другому классу преступников, даже самого глубокого пошиба, а также тем, кто готов и жаждет навлечь на своих соседей обвинение в конфедерации с сатаной.

Следующее воскресенье - 27 марта - было обычным днем причастия в деревенской церкви; и мистер Пэррис должным образом подготовился к тому, чтобы использовать этот случай для развития движения, которое тогда так сильно разгоралось, и еще больше углубить впечатление, произведенное событиями недели, особенно проповедью мистера Лоусона. В соответствии с этим он сочинил собственную сложную и эффективную речь, а после обычной службы была устроена сцена, которая не могла не привести к важным результатам. Произошло неожиданное событие - роль, не предусмотренная программой, - которое

произвело сенсацию, но в целом усилило волнение публики и, не сильно нарушив порядок, лишь немного ускорило ход событий.

Можно предположить, что прихожане собрались в тот день с ужасно торжественными мыслями и в целом в состоянии, позволяющем глубоко переживать богослужение. Одна почтенная особа, всегда отличавшаяся благочестивым участием в богослужениях в святилище и являвшаяся членом церкви, в понедельник, после публичного допроса, была отправлена в тюрьму и находилась там в кандалах, ожидая суда за самое черное из преступлений - союз с врагом душ человеческих, архипредателем и мятежником против престола Божьего. В четверг другая почтенная и прежде считавшаяся благочестивой матрона из большой и влиятельной семьи, участница богослужений и член материнской церкви, была обречена на ту же участь, чтобы предстать перед судом за то же ужасное преступление. Было доказано, что маленький ребенок также присоединился к адской лиге. Никто не мог сказать, до какой степени сатана удлинил свою цепь, и кто, будь то стар или млад, был в союзе с ним. В каждой душе еще жило впечатление, произведенное великой речью мистера Лоусона и толпами возбужденных людей, включая судей и священников, которые собрались в деревне.

О характере и духе проповеди мистера Пэрриса говорится в предисловии к рукописи: "Поводом послужило ужасное колдовство, вспыхнувшее здесь несколько недель назад; и один член этой церкви, и другой из Салема, после публичного осмотра гражданскими властями, были яростно заподозрены в колдовстве". Текущий заголовок звучит так: "Христос знает, сколько дьяволов в Его церкви и кто они", а текст - Иоанн vi. 70, 71: "Иисус сказал им в ответ: не двенадцать ли Я избрал вас, и один из вас дьявол? Он говорил об Иуде Искарите, сыне Симона, потому что именно он должен был предать Его, будучи одним из двенадцати".

Питер Клойс родился 27 мая 1639 года. Он приехал в Салем из Йорка, штат Мэн, и был одним из первых прихожан деревенской церкви. Судя по всему, он был человеком весьма респектабельным и сильным. Он женился на Саре, сестре Ребекки Нерс и вдове Эдмунда Бриджеса. Она была принята в сельскую церковь 12 января 1690 года, и ей было тогда около сорока восьми лет. Можно предположить, что она и ее семья были охвачены горем и ужасом из-за судебного процесса против ее сестры. Но поскольку и она, и ее муж были прихожанами, а это был день причастия, было решено, что они примут решение посетить службу. После долгих уговоров ее уговорили пойти. Она была очень чувствительным человеком, и это, должно быть, потребовало от нее огромного напряжения сил. Ее ум, несомненно, был сильно измучен упоминаниями о событиях недели; и когда мистер Пэррис объявил свой текст и начал свою речь в том духе, о котором говорит его язык, она не могла больше этого выносить, встала и покинула собрание. В это время подул свежий ветер, и дверь захлопнулась за ней. Прихожане, вероятно, были напуганы; но Пэррис недолго смущался из-за этого, и в нужное время ей оказали помощь. В конце службы произошла следующая сцена. Я привожу ее в том виде, в каком она описана Пэррисом в его книге церковных записей: "После того как общая аудиенция была отслужена, Пэррис сказал.

"После того как общий слух был прекращен, и перед тем, как церковь причащалась за столом Господним, пастор зачитал следующее свидетельство против ошибки нашей сестры Мэри Сибли, которая необоснованно дала указание моему индейцу выискивать ведьм: "Совершенно неопровержимо, что это не так.

"Совершенно неоспоримо, что наш великий и благословенный Бог, преследуя мудрые и святые цели, допустил, чтобы многие люди в нескольких семьях этой маленькой деревни подвергались тяжким телесным мучениям и искушениям, вплоть до угрозы гибели их душ; и

все эти удивительные подвиги (хорошо известные многим из нас) были совершены с помощью колдовства и дьявольских операций. Также хорошо известно, что, когда эти бедствия впервые начались, а это было в моей собственной семье, недуг прошел за несколько недель до того, как заподозрили такие адские операции, как колдовство. Но оно не выходило на свет до тех пор, пока дьявольские средства не были использованы при изготовлении пирога моим индейцем, который получил указания от этой нашей сестры, Мэри Сибли; с тех пор явлений было много, и за ними последовало очень много бед. Но этими средствами (похоже) дьявол был поднят среди нас, и ярость его яростна и ужасна; и когда он умолкнет, одному Господу известно. Но то, что эта наша сестра попала в такую беду, очень огорчает и меня, и наших благочестивых соседей, которые знали об этом. Тем не менее, я искренне надеюсь и верю, что эта наша сестра действительно боится Господа; и я вполне уверен в ней, что то, что она сделала, она сделала по невежеству, из того, что она слышала о подобном от других невежественных или худших людей. Однако мы по долгу службы обязаны протестовать против таких действий, поскольку они действительно являются обращением к дьяволу за помощью против дьявола: у нас нет таких указаний от природы или Слова Божьего, поэтому благочестивые протестанты должны считать и считают тех, кто пишет или говорит о таких вещах, дьявольскими; и поэтому мы призываем эту нашу сестру к глубокому унижению за то, что она сделала, а всех нас - быть бдительными против козней и уловок сатаны.

"Поэтому, поскольку мы, как Церковь Христова, по долгу службы обязаны глубоко протестовать против этого, как прямо противоречащего Евангелию, тем не менее, поскольку эта наша сестра сделала это в неведении, как она исповедует, и мы верим, мы можем оставить ее в нашем святом общении, после ее серьезного обещания в будущем быть более благоразумной и осторожной, и признавая, что она действительно сожалеет о своей опрометчивости в этом деле.

"Братья, если вы так считаете, что это беззаконие должно быть засвидетельствовано таким образом, покажите это вашим обычным знаком поднятия рук". Братья проголосовали в целом, или универсально: никто не сделал исключений.

"Сестра Сибли, если вы убеждены, что поступили грешно, и сожалеете об этом, позвольте нам услышать это из ваших собственных уст". Она удовлетворенно продемонстрировала свою ошибку и скорбь по этому поводу.

"Братья, если вы получили удовлетворение, засвидетельствуйте это, подняв руки". Общее голосование прошло; исключений не было.

"Примечание: - 25 марта 1692 года. Я поговорил с упомянутой сестрой в моем кабинете о ее великой ошибке, о которой говорилось выше, а также прочитал ей то, что я написал выше для чтения в церкви; и упомянутая сестра Сибли согласилась с этим со слезами и горестным признанием".

Эта процедура имела большее значение, чем может показаться на первый взгляд. Это был один из самых искусных ходов мистера Пэрриса. Курс, которого придерживались "пострадавшие", до сих пор, по отношению к тем, кто участвовал в судебном преследовании, был в правильном направлении. Но после проведенных ими показательных выступлений стало ясно, что они обладают страшной силой, слишком страшной, чтобы ее можно было не контролировать. Они могли кричать на кого угодно; и против их обвинений, вооруженных возможностью свалить вину на любого человека, наглядно продемонстрировав, что он или она - автор их страданий, не могло быть никакой защиты. В любой момент они могли обратиться и возопить на Пэрриса или Лоусона, или одного или обоих дьяконов. Ничто не

могло противостоять свидетельствам их судорог, конвульсий и пыток. Необходимо было держать их под надежным контролем, а для этого не допускать к ним посторонних, недобросовестных или вмешивающихся людей. Пэррис видел это и, со свойственной ему смелостью действий и богатством ресурсов, сразу же положил конец всем неприятностям и закрыл дверь от опасности, исходящей из этой четверти.

Сэмюэл Сибли был членом церкви и ближайшим соседом мистера Пэрриса. Ему было около тридцати шести лет. Его жене Мэри было тридцать два года, и она также была членом церкви. Они были людьми уважаемыми и с хорошей репутацией. Неизвестно ничего, что могло бы повредить ей, кроме ее глупой связи с мистическими операциями, происходившими в семье мистера Пэрриса; и этого она от всей души стыдилась. Ее раскаяние трогательно описано мистером Паррисом. Правда, то, что она сделала, было пустяком по сравнению с тем, что происходило каждый день в семьях мистера Пэрриса и Томаса Путнама: но она действовала "опрометчиво", без "совета" со стороны, под руководством "невежественных людей"; поэтому необходимо было поднять шум и выставить ее в качестве предупреждения, чтобы другие люди не лезли в такие дела. Ее муж был дядей Мэри Уолкот, одной из пострадавших детей; и было особенно важно, чтобы их родственники и члены их ближайших семей не принимали никакого участия и не предпринимали никаких действий в связи с ними, кроме как под должным "советом" и руководством людей, сведущих в таких глубоких вопросах. Семейные связи Сибли были обширны, и удар, нанесенный по этому пункту, был бы ощутим повсюду. Процедура, несомненно, оказалась действенной. После того как Мэри Сибли подверглась ужасному обличению за связь с "Джоном Индейцем", вряд ли кто-либо еще осмелился вмешаться в дела "страдальцев" или иметь какое-либо отношение к чудесным явлениям "дьявольских операций", кроме как в качестве сторонних зрителей. Следует заметить, что, пока мистер Пэррис размахивал мечом дисциплинарной мести против любого, кто осмелится вторгнуться на запретную территорию, он сам, не скрываясь, занимал ее и удерживал за собой. Он утверждает реальность "удивительных подвигов", совершаемых дьявольской силой в их среде, и самым решительным образом отстаивает преобладающие в то время взгляды и предстоящие действия.

Все события недели, включая торжественное порицание Мэри Сибли, благоприятно сказались на обвинителях и руководителях дела. Судьи, министры и весь народ стали приверженцами этого дела; обвинительницы доказали, что они умеют и компетентны в своем деле; общественный разум был подавлен, а природная чувствительность оглушена. Все силы сопротивления были бессильны, все сопутствующие опасности были предотвращены и предусмотрены. Движение было полностью в руках. Следующий шаг был тщательно продуман и, как мы увидим, умело сделан.

Следует отметить, что в это время в регулярном правительстве Массачусетса произошел перелом. Весной 1689 года народ восстал, захватил королевского губернатора, сэра Эдмунда Андроса, и посадил его в тюрьму. Они призвали своего старого губернатора Саймона Брэдстрита, жившего тогда в Салеме, восьмидесяти семи лет от роду, на государственный пост; призвали на свои места помощников 1686 года, которые обеспечили выборы представителей жителями городов; и созданное таким образом правительство вело дела до прибытия сэра Уильяма Фиппса в мае 1692 года, когда Массачусетс перестал быть колонией и с тех пор, до 1774 года, был королевской провинцией. В течение этих трех лет, с мая 1689 года по май 1692 года, правительство опиралось на восстание народа. Это был период чистой и абсолютной независимости от короны или парламента Англии. Хотя способности Брэдстрита не пострадали, а его дух был верен и тверд, возраст не позволил

ему сделать гораздо больше, чем дать свое любимое и почитаемое имя смелому движению и официальной службе народа. Исполнительные функции по большей части выполнял заместитель губернатора Томас Данфорт, человек больших способностей и общественного духа. К сожалению, в это время он рьяно выступал за преследование колдовства. Брэдстрит был категорически против них. Если бы время не подвело его, а физические силы не были ослаблены, он, несомненно, воспротивился бы и предотвратил их. Дэнфорт, как утверждает Брэттл, окончательно их не одобрял: но он начал их проводить путем арестов в других городах, за несколько месяцев до того, как о подобном задумывались в Салемской деревне; и он внес значительный вклад в то, чтобы придать разрушительную и широко распространенную силу, на ранней стадии своего развития, заблуждению о колдовстве здесь.

По прошествии недели подготовка к новым операциям была завершена, и они приобрели более высокий и властный характер. В понедельник, 4 апреля, капитан Джонатан Уолкот и лейтенант Натаниэль Ингерсолл отправились в город и "от себя и нескольких своих соседей" предъявили проживающим там помощникам Джону Хаторну и Джонатану Корвину жалобы на "Сару Клойс, жену Питера Клойса из деревни Салем, и Элизабет Проктер из Салемских ферм, по большому подозрению в различных колдовских действиях". Там был согласован план действий в отношении вышеупомянутых сторон. Это был результат консультаций; вероятно, переговоры велись с вице-губернатором в Бостоне или в его резиденции в Кембридже. 8 апреля были выданы ордера, предписывающие маршалу привести заключенных "в следующий понедельник утром, то есть одиннадцатого числа сего апреля, около одиннадцати часов, в здание общественного собрания в городе". Было решено, что рассмотрение дела будет проходить не как раньше, в обычном порядке, перед двумя местными магистратами, а в чрезвычайном порядке, перед высшим судом колонии или его представительством. Для предварительного слушания с целью передачи дела в суд это, безусловно, можно назвать экстраординарной, совершенно нерегулярной и, со всех точек зрения, достойной порицания процедурой. Когда наступил день заседания, дом собраний, который был гораздо вместительнее деревенского, был переполнен, а старый город заполнен возбужденной толпой. При открытии собрания вместо двух магистратов присутствовало правительство колонии в том самом высоком качестве, которое оно тогда имело - "совет"! В протоколе говорится

"Салем, 11 апреля 1692 г. На совете, состоявшемся в Салеме, присутствовали Томас Данфорт, эсквайр, заместитель губернатора; Джеймс Рассел, Джон Хаторн, Исаак Аддингтон, майор Сэмюэл Эпплтон, капитан Сэмюэл Сьюолл, Джонатан Корвин, эсквайры".

Рассел был родом из Чарльзтауна, Аддингтон и Сьюолл - из Бостона, а Эпплтон - из Ипсвича. Мистер Пэррис, "будучи приглашенным и назначенным написать экзамен, написал его, а также прочитал его перед советом публично". Этот документ до нас не дошел, но Хатчинсон имел к нему доступ, и его содержание сохранилось в его "Истории Массачусетса".

Маршал (Херрик) привел Сару Клойс и Элизабет Проктер и представил их "перед достопочтенным советом", после чего началось рассмотрение дела.

Заместитель губернатора сначала вызвал на трибуну Джона Индиана и задал ему, как это было принято во всех подобных случаях, наводящие вопросы: - "Джон, кто тебя обидел?

"Джон, кто тебя обидел? Сначала Гуди Проктер, а потом Гуди Клойс.

"Что она тебе сделала?" - "Она принесла мне книгу".

"Джон, скажи правду: кто тебя обидел? Тебя обижали?" Первой была джентльменка, которую я видел.

"Кто следующий?" - Гуди Клойс.

"А кто обидел тебя потом?" - Гуди Проктер.

"Что она с вами сделала?" - "Она задушила меня и принесла книгу".

"Как часто она приходила мучить вас?" - "Много раз, она и Гуди Клойс".

"Они приходят к вам ночью и днем?" - "Чаще всего они приходят днем".

"Кто? Гуди Клойс и Гуди Проктер.

"Где она вас схватила?" - "За горло, чтобы остановить дыхание".

"Вы знаете Гуди Клойса и Гуди Проктера?" - "Да, вот Гуди Клойс".

Можно предположить, что эти две уважаемые женщины были полны негодования, шокированы и поражены заявлениями индейца, сделанными после наводящих вопросов суда. Сара Клойс вспыхнула: "Когда я причинял тебе боль?". Он ответил: "Очень много раз". Она воскликнула: "О, ты ужасный лжец!" Суд продолжил задавать вопросы.

"Что сделала с вами эта милашка Клойс? Она щипала и кусала меня до крови.

"Как давно эта женщина приходила и обижала вас?" - "Вчера, на встрече".

"Когда-нибудь раньше?" - "Да, много раз".

Вытащив Джона Индейца, суд обратился к другим пострадавшим: - "Мэри Уолкот, кто причиняет вам боль?

"Мэри Уолкот, кто причинил вам боль? Гуди Клойс.

"Что она вам сделала?" - "Она меня обидела".

"Она принесла книгу? Да.

"Что вы должны были с ней сделать? Прикоснуться к ней, и все будет хорошо.

"(Затем она упала в припадке)".

Это на некоторое время приостановило допрос; но, как правило, свидетелей было довольно легко вывести из припадка и вернуть им полное душевное спокойствие. Достаточно было поднять их и поднести к обвиняемому, прикосновение к любой части тела которого мгновенно облегчало состояние страдальца. Как только это было сделано, начался допрос: - "Она приходит одна?

"Приходит ли она одна? Иногда одна, а иногда в компании с доброй няней, доброй Кори и многими другими, кого я не знаю.

"(Затем она снова впала в припадок)".

Вероятно, она была восстановлена таким же образом, как и раньше; но, когда ее роль была закончена на этом этапе разбирательства, слово взяла другая из пострадавших детей: - Эбигейл Уильямс.

"Эбигейл Уильямс, вы видели, как компания в доме мистера Пэрриса ела и пила? Да, сэр: это было во время причастия".

Я бы обратил внимание на форму вышеприведенных вопросов. Хатчинсон говорит, что "мистер Пэррис был слишком требователен: большинство допросов, хотя и в присутствии одного или нескольких магистратов, проводил он сам". Вопросы задавал он. В данном случае они свидетельствуют о том, что свидетели заранее знали, что им предстоит сказать, чего нельзя предположить, чтобы Данфорт, Рассел, Аддингтон, Эпплтон и Сьюолл, незнакомые с местом и деталями дела, могли иметь. Далее последовал допрос: "Сколько их было?"

"Сколько их было? Около сорока, а Гуди Клойс и Гуди Гуд были их дьяконами.

"Что это было?" - "Они сказали, что это была наша кровь, и они пили ее дважды в тот день".

Дознаватель снова обратился к Мэри Уолкот и спросил.

"Видели ли вы белого человека?" - "Да, сэр, и очень много раз".

"Каким он был?" - "Прекрасным могильным человеком; и когда он приходил, то заставлял трепетать всех ведьм".

" (Эбигейл Уильямс подтвердила то же самое, и что они видели такое зрелище у дьякона Ингерсолла).

"Кто был тогда у дьякона Ингерсолла? Гуди Клойс, Гуди Нестер, Гуди Кори и Гуди Гуд.

"Тогда Сара Клойс попросила воды и села, как человек, охваченный предсмертным обмороком; и несколько страдальцев впали в припадок, а некоторые из них воскликнули: "О! Ее дух отправился в тюрьму к ее сестре"".

Наглая ложь свидетелей, чудовищная чудовищность их обвинений против Сары Клойс в том, что она укусила плоть индейского животного, выпила сама и раздала другим, как дьякон, во время адского таинства, кровь нечестивых существ, сделавших эти грязные и дьявольские заявления, которые, как она знала, были абсолютно и злобно ложными; и то, что им поверили депутат, совет и собрание, - это было выше ее сил. Ее душа болела от такой невообразимой развращенности и несправедливости; нервная система сдала, она потеряла сознание и опустилась на пол. То, как девушки обернули случившееся против нее, показывает, насколько они ожесточились против всех человеческих чувств, и хитроумное искусство, которое во всех случаях характеризует их действия. То, что такое наглое прерывание и нарушение порядка с их стороны было допущено без упреков со стороны суда, является вечным позором для каждого его члена. Сцена, разыгравшаяся в этот момент в доме собраний, достойна того, чтобы попытаться ее представить. Самые ужасные ощущения были вызваны обмороком пленницы, громкими и дикими насмешками девушек, которые одновременно впадали в припадки, кричали во весь голос, извивались во всех возможных позах, застывали, как при смерти, или задыхались в судорожных спазмах агонии и периодически кричали: "Вот черный человек шепчет на ухо Клойсу", "Вот желтая птица летает вокруг ее головы". Джон Индиан в таких случаях ограничивался тем, что кувыркался и

катал свое уродливое тело по полу. Все испытывали глубочайшее сочувствие к "пострадавшим", и мужчины и женщины бросались обнимать и успокаивать их. В толпе, несомненно, раздался громкий визг и несколько беспорядочных обмороков. В конце концов, благодаря контакту страдальцев с Гуди Клойс, дьявольская жидкость перешла обратно в нее, всем стало легче, и осмотр был возобновлен. Теперь вперед была выведена Элизабет Проктер.

В описании населения деревни Салем и прилегающих ферм, приведенном в [первой части](#), нам был представлен ее муж, Джон Проктер. Судя по тому, что мы тогда видели, мы уверены, что он не отказался бы от охраны и защиты своей жены. Он сопровождал ее с момента ареста до предъявления обвинения и стоял рядом с ней, сильный, храбрый и решительный опекун, стараясь поддержать ее в страшных испытаниях ее положения и готовый утешить и помочь ей в меру своих сил, не обращая внимания на все последствия для себя. Допрос продолжался следующим образом.

"Элизабет Проктер, вы понимаете, в чем вас обвиняют, а именно: в том, что вы виновны в различных актах колдовства. Что вы на это скажете? Говорите правду; и вы, страдающие, должны говорить правду, так как в другой день вы ответите за это перед Богом. Мэри Уолкот, эта женщина причиняет вам боль? Я никогда не видела ее такой, чтобы она причинила мне боль.

"Мерси Льюис, она причиняет вам боль?

"(Ее рот был остановлен.)

"Энн Путнам, она причиняет вам боль?

"(Она не могла говорить.)

"Эбигейл Уильямс, она причиняет вам боль?

"(Ее рука была засунута в рот).

"Джон, тебе больно? Это та женщина, которая пришла в своей смене и задушила меня".

"Она приносила книгу?" - "Да, сэр".

"Что делать?" - "Писать".

"Что? Эта женщина?" - "Да, сэр".

"Вы уверены в этом? Да, сэр.

"(Суд снова обратился к Эбигейл Уильямс и Энн Путнам, но ни одна из них не смогла ничего ответить из-за немоты или других припадков).

"Что вы скажете, добрый Проктер, на это?" - "Беру Бога на небесах в свидетели, что я ничего не знаю об этом, не больше, чем нерожденный ребенок".

"Энн Путнам, эта женщина причиняет вам боль?" - "Да, сэр, много раз".

"(Затем обвиняемый посмотрел на них, и они упали в судорогах).

"Она не приносит вам книгу?" - "Да, сэр, часто; и говорит, что заставляла свою служанку прикладывать к ней руку".

"Эбигейл Уильямс, эта женщина обижает вас? Да, сэр, часто.

"Приносит ли она вам книгу? Да.

"Что она хочет, чтобы вы с ней делали? - Писать в ней, и я буду здорова".

Повернувшись к обвиняемой, Абигаиль спросила: "Разве не вы сказали мне, что ваша служанка написала?" Гуди Проктер, похоже, была совершенно поражена поведением и обвинениями девочек. Она, конечно, знала, что все сказанное ими было ложью; но, возможно, она считала их сумасшедшими, а потому объектами жалости и сострадания, и была склонна относиться к ним по-доброму и посмотреть, нельзя ли привести их в чувство и вернуть к лучшей природе: ведь Пэррис в своем рассказе говорит, что в этот момент она ответила на вопрос, заданный ей Абигаиль, следующим образом: "Дорогое дитя, это не так. Есть другой суд, милое дитя". Но доброта была отброшена; Пэррис говорит, что сразу же "у Абигаиль и Энн начались припадки". Выйдя из них, "они закричали: "Смотрите! На балке сидит Гуди Проктер"". Мгновенно, как мы можем предположить, все зрители посмотрели туда, куда они указывали. По их манере поведения можно было судить, что они видели ее "на балке", среди стропил дома собраний; но для всех остальных глаз она была невидима. Люди, несомненно, были полны изумления от такого сверхъестественного явления. Но Джон Проктер, ее муж, не поверил ни единому слову: не приходится сомневаться, что он выразил свое негодование по поводу глупости и возмущения в своих обычных смелых, сильных и несдержанных выражениях, которые сразу же обрушили месть девушек на его собственную голову; ибо Пэррис в своем отчете продолжает: "...

"(Вскоре обе они закричали на самого Гудмена Проктера и сказали, что он волшебник. Сразу же у многих, если не у всех, околдованных начались сильные припадки).

"Энн Путнам, кто тебя обидел? Гудмен Проктер, и его жена тоже.

" (После этого некоторые из страждущих воскликнули: "Вот Проктер собирается поднять ноги миссис Поуп!" - и ее ноги тут же поднялись).

"Что вы скажете, Гудмен Проктер, на это? Я не знаю. Я невиновен.

" (Абигаиль Уильямс закричала: "Вот Гудмен Проктер идет к миссис Поуп!", и тут же Поуп впал в припадок)".

В этот момент вмешался помощник шерифа или кто-то из членов суда, если я правильно истолковал отчет Пэрриса, который здесь выражен неясно, поскольку он не говорит, кто говорил; но смысл слов указывает на то, что они исходили от какого-то члена суда, который был совершенно обманут: - "Видите ли, дьявол говорит о том, что вы не знаете, что делать.

"Видите ли, дьявол обманет вас: дети могли видеть, что вы собираетесь сделать, прежде чем женщина была ранена. Я бы посоветовал вам покаяться, ибо дьявол выводит вас на чистую воду".

Абигаиль Уильямс снова закричала: "Гудмен Проктер собирается причинить вред Гуди Биббер!", и тут же Гуди Биббер впала в припадок. Там же была Мэри Уолкот и многие другие. Бенджамин Гулд в своих показаниях заявил, что видел Гудмена Кори с женой, Проктера с женой, Гуди Клойса, Гуди Нестер и Гуди Григгса в своей комнате в прошлый четверг вечером. Элизабет Хаббард находилась в трансе на протяжении всего допроса. Во время допроса Элизабет Проктер Эбигейл Уильямс и Энн Путнам предложили ударить Проктер; но когда рука Эбигейл приблизилась, она раскрылась, - как прежде была сжата в кулак, - и опустилась очень легко, приближаясь к Проктер, и в конце концов, раскрытыми и вытянутыми пальцами,

очень легко коснулась капюшона Проктер. Тут же Эбигейл вскрикнула, ее пальцы, ее пальцы, ее пальцы горели; а Энн Патнэм схватилась за голову и опустилась)".

Хатчинсон, приведя рассказ Пэрриса об этом допросе, выражается следующим образом: "Неудивительно, что вся страна была в смятении, когда людей с трезвой жизнью и безупречным характером отправляли в тюрьму на основании такого рода доказательств. Никто не был в безопасности". Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что, как бы ни были полны глупости и безобразия процессы о колдовстве, не было ничего хуже этого допроса, проведенного заместителем губернатора и советом 11 апреля 1692 года в большом доме собраний Первой церкви в Салеме. Должно быть, это была сцена дичайшего беспорядка, особенно во второй его части. Неудивительно, что народ в целом был введен в заблуждение, когда самые ученые советники колонии одобряли, участвовали и приводили в действие такие беспорядочные процедуры в молитвенном доме, в присутствии высокого судебного трибунала и верховного правительства колонии!

Бенджамин Гулд дал свои добровольные показания без "совета" и совершенно бессодержательно. Он вывел Гудмана Кори на чистую воду еще до того, как управляющие были готовы обрушиться на него; и он опередил на значительное время любое подобное обвинение в адрес Гуди Григгса. Хорошо, что Элизабет Хаббард была в трансе и не слышала упоминания имени своей тети. Совет, похоже, прервался на следующий день в том же месте, когда мистер Пэррис "дал дополнительную информацию против Джона Проктера", которая, к сожалению, до нас не дошла. В результате Сара Клойс, Джон Проктер и Элизабет, его жена, были преданы суду, а Ребекка Нерс, Марта Кори и Доркас Гуд были отправлены в тюрьму в Бостоне, под стражу маршала Херрика.

Судебные заседания 11 и 12 апреля произвели большой эффект, вызвав всеобщее увлечение. Судья Сьюолл, присутствовавший в качестве одного из членов совета, в своем дневнике за эту дату пишет: "Поехал в Салем, где в доме собраний проходил суд над лицами, обвиненными в колдовстве; было очень большое собрание; ужасно было видеть, как взволнованы были страдальцы ". На полях написано, очевидно, некоторое время спустя, междометие "Væ!", трижды повторенное, - "Увы, увy, увy!". Что совершенно обмануло его, Дэнфорта и всех остальных, так это выставки, устроенные "пострадавшими детьми". Это - главный феномен колдовского процесса в 1692 году. Оно, и только оно, довело их до конца. Эти девочки, долго практикуясь в "кругу", день за днем выступая перед изумленными и удивленными соседями, собравшимися посмотреть на их страдания, и особенно на публичных экзаменах, приобрели непревзойденную смелость и такт. В симуляции страстей, страданий и физических привязанностей, в ловкости рук, в управлении голосом, чертами лица и поведением - никто из некромантов не превзошел их. В театре редко можно было увидеть лучшую актерскую игру, чем та, которую они демонстрировали в присутствии изумленных и охваченных ужасом правителей, магистратов, министров, судей, присяжных, зрителей и заключенных. Похоже, никому и в голову не приходило, что их действия и страдания могли быть результатом хитрости или самозванства. Деодат Лоусон был человеком талантливым, много повидавшим на своем веку, отнюдь не простаком, затворником или новичком, но он был полностью введен ими в заблуждение. Пленники, хотя и сознавали свою невиновность, были совершенно сбиты с толку действиями девушек. Строгие принципы того поколения запрещали с особой строгостью любые театральные представления и спектакли. Но в деревне Салем и в старом городе, в соответствующих домах собраний, а также у дьякона Натаниэля Ингерсолла, практиковались одни из лучших спектаклей, когда-либо созданных в этой стране; и они поддерживались неделями и месяцами, в самом центре и сердце пуританства, "самой строгой сектой" этого

торжественного ордена людей. Пасторы, дьяконы, прихожане, доктора богословия, профессора колледжей, государственные чиновники толпились день за днем, чтобы посмотреть на подвиги, которые никогда не были превзойдены на сценах любого театра; которые соперничали с самыми запоминающимися достижениями пантомимистов, тауматургов и артистов на сцене; и значительно приблизились к лучшим представлениям древних колдунов и магов, или современных жонглеров и месмеризаторов.

Заседание совета в Салеме 11 апреля 1692 года в некотором смысле изменило весь характер сделки. До этого это было дело Салема. После этого оно стало делом Массачусетса. Колониальное правительство в Бостоне вторглось на эту территорию и по собственной воле и желанию, незаконно, без спроса и обоснования, передало все дела из рук местных властей в свое управление. Ни город, ни деревня Салем не несут ответственности за то, что произошло впоследствии, в качестве главного действующего лица. Последовавшие за этим бедствия, бесчинства и позор должны быть справедливо приписаны той встрече вице-губернатора и его приближенных в колониальной администрации, состоявшейся на раннем этапе сделки. Если бы этого не произошло, заблуждение, как в прежних случаях и в других местах здесь и на родине, осталось бы в своих первоначальных местных пределах и вскоре исчезло. Эта встреча и последующие действия придали фанатизму импульс, который побудил его двигаться дальше и распространить свое разрушительное влияние далеко и широко.

Следующий шаг в разбирательстве - одна из самых примечательных особенностей этого дела. С некоторых точек зрения он больше наводит на подозрения, что за всем этим стояло умелое и хитрое руководство, изобретательно придумывающее схемы для введения в заблуждение общественного мнения, чем почти любая другая часть сделки. Мэри Уоррен, как уже говорилось, была служанкой в семье Джона Проктера (). Она была членом "кружка", который так долго собирался в доме мистера Пэрриса или Томаса Путнама. Она постоянно присутствовала на его собраниях и была ведущей среди девушек. Она не стала открыто выступать против своего хозяина или хозяйки на их допросе, хотя два месяца спустя с жадностью и злобой выступала против них в качестве обвинительного свидетеля на суде. Следует отметить, что Энн Путнам и Эбигейл Уильямс на допросе Элизабет Проктер 11 апреля обвинили ее в том, что она побудила или заставила "свою служанку приложить руку к книге".

18 апреля были выданы ордера на арест Джайлса Кори и Мэри Уоррен из Салем-Фармс, Эбигейл Хоббс, дочери Уильяма Хоббса из Топсфилда, и Бриджет Бишоп, жены Эдварда Бишопа из Салема, - чтобы они были доставлены на следующий день, около восьми часов утра, в дом лейтенанта Натаниэля Ингерсолла из Салем-Виллидж. Как Мэри Уоррен превратилась из обвинителя в обвиняемую, из страдальца в страдальца - вот в чем вопрос. Нелегко понять поведение этих девушек. Похоже, что они действовали по заранее разработанному плану, и у них было взаимопонимание друг с другом. В то же время периодически они ссорились или делали вид, что ссорятся, и вступали в противоречия. Возможно, это был просто слепой маневр, чтобы избежать подозрений в сговоре. Рассказы о Мэри Уоррен позволяют с полной уверенностью утверждать, что она действовала с преднамеренной хитростью и вместе с другими обвинителями была виновницей заговора с самого начала. Несомненно, участникам заговора часто приходило в голову, что могут возникнуть подозрения, что они действуют заодно. Необходимо было во что бы то ни стало оградить себя от такой мысли. Возможно, это ключ к интерпретации ареста и судебного разбирательства в отношении Мэри Уоррен. Если это так, то дело, надо признать, было провернуто с большой проницательностью и мастерством. Она провела эту интригу очень

ловко. В один момент она отстранилась от круга и начала говорить против "страдающих детей", причем дошла до того, что заявила, будто они "просто лукавят". На нее тут же набросились, обвинили в колдовстве и схватили. После того как ее отвезли в тюрьму, она в резких выражениях выступила против происходящего. Четыре человека, обладающие несомненной правдивостью, сидевшие с ней в тюрьме по тому же обвинению, составили показания следующего содержания: "Мы слышали, как Мэри Уоррен несколько раз говорила, что магистраты могли бы с таким же успехом допросить дочь Кейсара, которая много лет была в смятении, и принять к сведению ее слова, как и любого из страдающих людей. "Ибо, - сказала Мэри Уоррен, - когда я была больна, мне казалось, что я вижу явление ста человек", - так как, по ее словам, голова ее была расстроена, и она не могла передать, что говорит. И упомянутая Мэри сказала нам, что, когда она снова поправилась, она не могла сказать, что видела какое-либо из явлений в вышеупомянутое время". Теперь я расскажу о сути ее допроса, который начался 19 апреля. Мистера Парриса, как обычно, попросили вести протокол, который сохранился: "Допрос Мэри Уоррен".

"Допрос Мэри Уоррен на суде, состоявшемся в деревне Салем, Джоном Хаторном и Джонатаном Корвином, эсквайрами.

"(Как только она подошла к стойке, с больной начались судороги).

"Мэри Уоррен, вы стоите здесь и обвиняетесь в различных актах колдовства. Что вы скажете в свое оправдание? Виновна ты или нет? Я невиновна.

"Она причинила вам вред? (Обращаясь к страдальцам.)

"(Некоторые были немые. Бетти Хаббард свидетельствовала против нее, а затем сказала, что Хаббард впал в припадок ярости.)

"Некоторое время назад вы были страдальцем, а теперь вы страдаете. Как это случилось?" - "Я взираю на Бога и считаю это великой милостью Божьей".

"Что! Вы считаете великой милостью страдать от других?

" (Теперь они все, кроме Джона Индиана, были сильно поражены, и миссис Поуп, которая до этого дня не страдала; и через несколько минут Джон Индиан тоже впал в жестокий припадок)."

"Ну, вот", - продолжает репортер мистер Пэррис, - "та, которая только что была мучительницей в своем явлении, и она признается, что заключила союз с дьяволом". Удивительно, что, будучи до этого страдальцей, одной из обвинителей, она в тот момент предстала в противоположном образе и призналась, что стала сообщницей лукавого. Укрепив это убеждение в сознании судей и зрителей, она завершила заблуждение, показав, что вырвалась из рабства у сатаны, приняла на себя функции исповедующейся и отрекающейся ведьмы и вновь заняла свое место, с удешевленным эффектом, среди обвиняющих свидетелей. То, как она спаслась от власти сатаны, являет собой образец редкостного актерского мастерства. Рассказ об этом выглядит следующим образом.

"Мэри Уоррен впала в припадок, и некоторые из страждущих закричали, что она собирается исповедаться; но пришли Гуди Кори, Проктер и его жена в *своем явлении*, сбили ее с ног и сказали, что она ничего не должна рассказывать".

То, что здесь выделено *курсивом* как "*явление*", конечно же, было основано на заявлениях свидетелей обвинения. Они часто прибегали к этому искусству, давая свои показания. Они

кричали, что дьявол, обычно в облике черного человека, являлся им в это время, шепча на ухо обвиняемому или сидя на балках дома собраний, в котором обычно проводились экзамены. В данном случае они заявили, что трое из этих людей, находившихся в то время в тюрьме в другом месте, пришли в своем явлении, запретили Мэри Уоррен исповедоваться и ударили ее. Чтобы полностью подтвердить их заявление, она сама упала. Хотя никто из присутствующих ничего не видел, обман был совершенным. Преподобный мистер Пэррис записал все, как было на самом деле. Его запись об этой операции выглядит следующим образом

"Мэри Уоррен долгое время находилась в припадке, не видя, не слыша и не говоря.

Потом она встала и сказала: "Я буду говорить", и воскликнула: "О, я сожалею об этом, я сожалею об этом!", и сжала руки, и снова впала в припадок, а потом заговорила, но тут же закричала зубами; затем она впала в жестокий припадок и воскликнула: "О Господи, помоги мне! О добрый Господь, спаси меня!

"И после этого снова закричала: "Я скажу, я скажу!", и снова впала в мертвый припадок.

"И после этого кричала: "Я скажу, они сделали, они сделали, они сделали"; и снова впала в жестокий припадок".

"Немного придя в себя, она закричала: "Я расскажу, я расскажу. Они довели меня до этого", а затем снова впала в припадок, который продолжался, и ее приказали вывести, а следующей привели Бриджет Бишоп.

"Через некоторое время ее снова позвали, но тут же на некоторое время с ней случился припадок.

"Ты подписала книгу дьявола? Нет".

"Вы не прикасались к ней?" - "Нет".

"Затем у нее снова начались судороги, и ее отправили на воздух.

"Через некоторое время ее снова привели, но она не могла рассказать о случившемся из-за судорог, и ее отправили восвояси.

"После этого Мэри Уоррен была вызвана в частном порядке, перед судьями и министрами.

Она сказала: "Я не скажу ни слова, но я буду говорить, я буду говорить, сатана! Она говорит, что убьет меня. О! Она говорит, что обязана мне злобой, и будет когтить меня. Избегай сатаны, во имя Господа, избегай!" - и снова впадал в припадки, и кричал: "Ты сделаешь это? Я помешаю вам, во имя Господа".

Магистрат серьезно спросил.

"Скажи нам, насколько ты уступила?

"Припадок снова прервал ее.

"Что, по их словам, ты должна сделать, и ты будешь здорова?

"Тогда она закусила губы, так что не могла говорить, и ее отослали".

Мистер Пэррис, автор отчета об этом деле, добавляет: "Обратите внимание, что ни один из страдальцев не говорил.

"Обратите внимание, что ни один из страдальцев не страдал во время ее осмотра, после того как она начала исповедоваться, хотя до этого они мучились".

Впоследствии ее несколько раз осматривали в тюрьме, время от времени она впадала в припадки и демонстрировала видимость длительной борьбы с сатаной, который, как предполагалось, сопротивлялся ее желанию исповедаться и удерживал ее с помощью насилия договору, который она заключила с ним. Судьи и служители с изумлением и трепетом наблюдали за тем, что, по их мнению, было в точности похоже на сцену, описанную евангелистами, когда дьявол боролся с силой Спасителя и его учеников, не желая оставить свою власть над молодым человеком, но "бросил его вниз и растерзал его". В конце концов, как и в том случае, сатана был побежден. После продолжительной, жестокой и страшной борьбы Мэри Уоррен освободилась из его лап и сделала полное и убедительное признание.

Тот, кто внимательно изучит историю последовательных допросов Мэри Уоррен, вряд ли сможет усомниться в том, что она играла свою роль, и играла ее с удивительной хитростью, мастерством и эффектом.

Этот экзамен, начавшийся во вторник, 19 апреля, продолжался после того, как она была заключена в тюрьму в Салеме, в тамошней тюрьме, в течение нескольких дней, и периодически возобновлялся до середины мая. После того как она окончательно порвала с сатаной, она рассказала обо всем, что видела и слышала, общаясь с ним и его единомышленниками: ее свидетельство было безоговорочно принято, и оно несло смерть и разрушение во всех направлениях. Обстоятельством, убедительно подтверждающим эту точку зрения, является то, что Мэри Уоррен вскоре была освобождена из заточения. Это была общая практика - держать в тюрьме тех, кто признался, чтобы таким образом сохранить над ними власть и не дать им отказаться от своих признаний. Согласно имеющимся документам, впоследствии она выступала в качестве свидетеля смертной казни: против десяти человек, все из которых были осуждены, а семеро казнены. Кроме того, она с видом вражды и мстительности давала показания против своего хозяина Джона Проктера и его жены-любовницы, что способствовало осуждению обоих и смерти первого. В скольких еще случаях она выступала в том же образе и с тем же эффектом, неизвестно, поскольку до нас дошли документы, касающиеся лишь очень небольшой их части. Толкование, которое я даю действиям Мэри Уоррен, выставляет ее вину и вину тех, кто участвовал в этой интриге, как самую глубокую и черную. Но это, похоже, единственное, что позволяет нам принять тщательное изучение деталей ее допросов и фактов дела. Эффект был самым решительным. То, как обвиняемые дети накричали на одного из своих сородичей, убедило общественность и еще больше магистратов в том, что они были правдивы, честны и порядочны. Ранее они уже давали показания, что не обращают внимания на влияние семьи или известность. Теперь они доказали, что не имеют пристрастий и фаворитизма, но в равной степени готовы вывести на чистую воду и предать суду любого из своего окружения, кто может попасться в ловушку лукавого и стать его сообщником. Ни один драматический артист, ни один хитрый самозванец никогда не придумывал более хитроумного заговора, и ни один актер не осуществлял его лучше, чем Мэри Уоррен и пострадавшие дети.

Джайлс Кори вызвал враждебность, возможно, потому, что его показания на сайте, касающиеся его жены, не соответствовали требуемому уровню. Весьма вероятно также, что, хотя в то время он был разгневан ее поведением, размышления привели его в чувство, а обстоятельства ее допроса и заключения в тюрьму вызвали в его сознании новую реакцию. Если бы это было так, он был бы склонен выражать свои мысли очень свободно. Его допрос состоялся 19 апреля в доме собраний в деревне. Девушки выступили в своей обычной роли: одна за другой они обвиняли его в том, что он их огорчил, и доказывали это на месте,

применяя пытки и страдания. После того как каждый из них закончил, все сразу же присоединились к демонстрации. В отчете, составленном Пэррисом, говорится: "Все страдающие были охвачены судорогами и мучились от щипков". Тогда суд приказал связать ему руки". Судьи потеряли контроль над собой и впали в ярость, восклицая: "Что! Разве недостаточно колдовать в другое время, но вы должны делать это сейчас, перед лицом власти?" Похоже, он был глубоко уязвлен диковинностью обвинений и демонстрацией необъяснимых для него страданий девушек; и все, что он мог сказать, это "Я бедное создание и ничего не могу с этим поделать" - "При повторном движении его головы у них заболели головы и шеи". Судьи, не приходя в себя, продолжали изливать на него свой гнев: "Зачем ты говоришь такую злую ложь против свидетелей?" - "Одна из его рук была отпущена, и несколько пострадали. Он держал свою голову на одной стороне, а затем головы нескольких страдальцев держали на одной стороне. Он втянул свои щеки, и щеки некоторых страдальцев были втянуты". Гуди Биббер была под рукой и играла под аккомпанемент. Она также произнесла злобные обвинения в его адрес и "внезапно была охвачена жестоким припадком". Одним из заявлений Биббер было то, что он назвал ее мужа "проклятым дьявольским негодяем". Во время всего этого безобразия Кори твердо отстаивал свою невиновность. Его речь и манера поведения были серьезными и торжественными из-за ощущения беспомощности его ситуации и злобной лжи, которую на него обрушили. О его разногласиях с женой по поводу колдовских дел было хорошо известно, и обвинители пытались представить дело так, будто они часто ссорились. Но он настаивал на том, что единственное разногласие, которое существовало между ними прежде, заключалось в расхождении мнений по одному вопросу. В своих семейных молитвах он использовал такое выражение: "Жить для Бога и умереть для греха". Она "нашла ошибку" в этом выражении и раскритиковала его. Он же считал, что все в порядке! Характерный дух старика наиболее ярко проявился в одном из обвинений. Биббер и другие свидетельствовали, что Кори сказал, что видел дьявола в облике черного борова, и очень испугался. Он не мог смириться с обвинением в трусости и потерял из виду все остальные элементы обвинения, кроме этого. Судья спросил: "Что вы видели в коровнике? Почему вы это отрицаете?" - "Я не видел ничего, кроме своего скота". "Диверсанты засвидетельствовали, что он сказал, что испугался". - "Ну, что вы скажете этим свидетелям? Что вас напугало?" - "Я не знаю, что я когда-либо в жизни произносил это слово".

Но хотя его характер сохранил мужественность, а душа была поистине невосприимчива к страху, он был очень подавлен и огорчен своим положением. То, что он вместе с двумя зятьями довел свою жену до ужасного состояния и подтолкнул общественное восхищение в самом начале, было выше его сил, и его обвинили в том, что он помышлял о самоубийстве. Возможно, у него уже сформировалась цель, которую он впоследствии осуществил, и под влиянием этой мысли он мог обронить выражения, которые другим могли бы показаться указанием на намерение самоуничтожиться. Его обвиняли в том, что он сказал, что "покончит с собой и свалит свою смерть на сына". Его зятья, Кросби и Паркер, действовали вместе с толпой, преследовавшей его до смерти. Мало кому тогда пришло в голову, что существует способ, с помощью которого он может "покончить с собой", возложив всю вину за гибель своей жизни на своих преследователей, а грех будет распределен между ним и ими Всемудрым и Справедливым.

Эбигейл Хоббс была безрассудной бродяжкой, бродившей по ночам по лесу, как полубезумная; но у нее хватило ума понять, что исповедь может быть безопасной. Она притворялась, что совершила с помощью колдовства преступления, достаточные для того, чтобы повесить ее дюжину раз. Если бы она осталась при своем признании, мы бы больше о ней не слышали.

Экзамен Бриджет Бишоп заполнил промежутки времени, пока Мэри Уоррен выносили из дома собраний, чтобы она пришла в себя. И Пэррис, и Иезекииль Чивер вели протокол, суть которого сводится к следующему

Когда она вошла в дом, страдальцы в тот же миг по очереди впали в припадки и страшно мучились. Хаторн обратился к ней, призвав ее рассказать о колдовстве, в котором она "замешана". Она ответила: "Я беру всех этих людей в свидетели, что я чиста". Тогда он спросил детей: "Причинила ли вам эта женщина вред?" Все они ответили, что да. Судья продолжал: "Тебя обвиняют четверо или пятеро: что ты на это скажешь?" - "Я никогда не видела этих людей раньше, и никогда [A] не была в этом месте раньше. Я никогда в жизни не причинял им вреда".

На собрании пострадавших детей и других людей кто-то из них заявил, что Бриджет Бишоп присутствует здесь "в своем облике" или явлении, и, указывая на определенное место, сказал: "Вот, вот она!" Юный Джонатан Уолкот, разгневанный страданиями сестры, ударил по этому месту мечом, после чего Мэри воскликнула: "Ты ударил ее, ты разорвал ее плащ, и я слышала, как он порвался". Эта история дошла до ушей Хаторна, и он резко, как бы желая сбить ее с толку, спросил: "Не порезано ли твое пальто?". Она ответила: "Нет". Тогда они осмотрели пальто и обнаружили то, что, по их мнению, было "разрезано или разорвано на две части". Вероятно, это была мода, по которой была сшита одежда; ведь она имела привычку одеваться более артистично, чем женщины в деревне. Во всяком случае, это не было похоже на прямой удар мечом; но Джонатан преодолел это затруднение, сказав, что "меч, которым он ударил Гуди Бишоп, не был обнажен, а находился в ножнах". Это объяснило все дело, так что Чивер в своем отчете утверждает, что "арендная плата, вполне возможно, была той самой, о которой Мэри Уолкот сказала, что она была в своем плаще, когда Джонатан ударил ее по ее внешности"! Пэррис говорит с большей осторожностью, чем обычно: "После некоторых поисков в суде была найдена рента, которая, похоже, соответствует тому, что утверждалось".

Хаторн, услышав, какие скандалы раздували против нее, продолжил: "Говорят, что вы околдовали до смерти своего первого мужа". "Если угодно вашей светлости, я ничего об этом не знаю". "Что вы скажете об убийствах, в которых вас обвиняют?" - "Надеюсь, я не виновна в убийстве". Говоря это, она подняла глаза, вероятно, чтобы придать торжественность своему заявлению. В начале допроса она обвела взглядом присутствующих и призвала их в свидетели своей невиновности. К этому времени она уже поняла, что от них нельзя ожидать справедливости, и, чувствуя, как Ребекка Нерс в недавнем подобном случае: "Мне не на кого надеяться, кроме Бога", она обратила свой взор к небу. Мгновенно глазные яблоки всех девушек закатились в свои впадины и застыли. Эффект был ужасен и еще более усилился, когда через минуту-другую они погрузились в страшные муки. Не в силах больше сдерживаться, Хаторн разразился словами: "Вы что, не видите, как они мучаются? Вы творите перед нами колдовство! Что вы на это скажете? Почему у вас нет сердца, чтобы признать правду?" Она спокойно ответила: "Я невиновна. Я ничего не знаю об этом. Я не ведьма. Я не знаю, что такое ведьма". Страдающие дети обвинили ее в том, что она пыталась убедить их подписать книгу дьявола. Поскольку она никогда прежде не видела ни одного из них, она была возмущена этой наглой ложью и, как говорит Чивер, "покачала головой" в негодовании; это, как он говорит далее, причинило им всем большие мучения. Пэррис утверждает, что при каждом движении ее головы они испытывали мучения. Маршал Херрик, как обычно, приложился к веслу и выдвинул против нее обвинения. Она стойко перенесла эту шокирующую сцену, а по ее окончании не постеснялась выразить свое неверие во все происходящее: "Я не знаю, есть ли ведьмы или нет". Когда ее увели с места

допроса, у всех обвинителей начались судороги, и они разразились криками агонии. После того как ее вывели, один из констеблей, отвечавших за нее, спросил ее, не тревожит ли ее вид этих страдальцев; она ответила: "Нет". На дальнейшие вопросы она ответила, что не может сказать, что о них думать, и вообще не беспокоится о них.

Джайлс Кори, Бриджет Бишоп, Эбигейл Хоббс, а также Мэри Уоррен были должным образом помещены в тюрьму.

Через два дня после этого, 21 апреля, были выданы ордера "на Уильяма Хоббса, мужа, и Деливеранс, его жену; Нехемию Эббота-младшего, ткача; Мэри Исти, ткачиху; Уильяма Хоббса и его жену", ткача; Мэри Исти, жены Исаака Исти; и Сары Уайлдс, жены Джона Уайлдса, - все из города Топсфилд, или Ипсвич; и Эдварда Бишопа, мужа, и Сары, его жены, из деревни Салем; и Мэри Блэк, негритянки лейтенанта Натаниэля Путнама, тоже из деревни Салем; и Мэри Инглиш, жены Филипа Инглиша, купца в Салеме". Все они должны были быть доставлены к мировым судьям для допроса в дом лейтенанта Натаниэля Ингерсолла, около десяти часов следующего утра, в деревне Салем; и были доставлены соответствующим образом.

Из документов, хранящихся в архиве, мы можем узнать об этих девяти людях следующее: Уильяму Хоббсу было около пятидесяти лет, и он был одним из самых ранних поселенцев деревни, хотя жил он на территории, которая впоследствии вошла в состав Топсфилда. Его дочь Эбигейл, о которой я только что говорил, судя по всем свидетельствам, на этом этапе сделки играла самую злую роль, готовая сделать все, что в ее силах, и позволяющая использовать себя в любых целях, чтобы навесить на других обвинение в колдовстве. Несколько человек свидетельствовали, что задолго до этого она хвасталась, что ничего не боится, "потому что продала свое тело и душу Старик"; один свидетель показал, что "прошлой зимой я разговаривал с Эбигейл Хоббс о ее злых походах и непослушании отцу и матери, и она сказала мне, что ей все равно, что ей скажут, потому что она видела дьявола и заключила с ним договор или сделку"; Другая, Маргарет Найт, свидетельствовала, что примерно за год до этого "Эбигейл Хоббс и ее мать были в доме моего отца, и Эбигейл Хоббс сказала мне: "Маргарет, ты крещеная?" И я ответила: "Да". Тогда она сказала: "Моя мать не крещена, но я крещу ее"; и тут же взяла воду, окропила лицо своей матери и сказала, что крестит ее "во имя Отца, Сына и Святого Духа"".

Ее арестовали и привезли в деревню 19 апреля. На следующий день она начала свои действия, заявив, что "Джуда Уайт, служанка из Джерси", которая жила с Джозефом Ингерсоллом в Каско, "но теперь живет в Бостоне", явилась ей "в явлении" накануне и посоветовала "лететь и не ходить на осмотр", а если пойдет, то "не признаваться ни в чем": она описала одежду этого "явления": "Она пришла к ней в прекрасной одежде, в шелковой мантии печального цвета, с узлом на макушке и капюшоном." Далее она признается, что к ней пришел дьявол в облике человека и поручил ей стращать девочек; она принесла деревянные образы по их подобию с шипами, чтобы она уколола их, что она и сделала, после чего девочки закричали, что им больно от нее. Далее она призналась, что "была на большом собрании на пастбище мистера Пэрриса, когда там совершалось таинство, и ела красный хлеб и пила красное вино, одновременно". Это признание сразу же укрепило доверие к ней, и на следующий день были выданы ордера на арест девяти вышеупомянутых лиц, против которых она была эффективным свидетелем. Некоторое время она жила в заливе Каско, и вскоре мы увидим, как через несколько дней все стало развиваться в этом направлении. Против этой Эбигейл Хоббс было выдвинуто два обвинения: одно обвиняло ее в том, что она заключила договор со "злым духом, дьяволом" в Каско-Бей в 1688 году; другое -

в том, что она использовала колдовские искусства в отношении страдающих девочек в деревне Салем в 1692 году.

Когда ее несчастного отца привели на допрос, он обнаружил, что его дочь играет на руку обвинителям; а его жена, потрясенная ужасами ситуации, хотя некоторое время протестовала против своей невиновности и сетовала, что стала матерью такой дочери, сломалась и призналась, говоря все, что ей могли вложить в рот судьи, девушки или толпа. При таких обстоятельствах его привели на допрос. Пэррис вел протокол. К сожалению, бумага сильно обветшала, и часть строк полностью утрачена. То, что осталось, показывает, что разум Уильяма Хоббса превзошел все ужасы и силы, направленные против него. Судья начал разбирательство с вопроса к девушкам, указывая на заключенного: "Этот человек причинил вам вред?". Несколько из них ответили "Да". Гуди Биббер, которая, как правило, очень рьяно поддерживала девочек, в этот раз, к своему удивлению, ответила "нет". Судья, обращаясь к заключенному: "Что вы скажете? Вы виновны или нет?" Ответ: "Я могу с уверенностью сказать перед Богом, поскольку мне предстоит дать отчет в другой день, что я чиста, как новорожденный младенец". "В чем чиста?" - "В колдовстве". "Вы никогда не причиняли им вреда?" - "Нет". Эбигейл Уильямс закричала, что он "собирался к Мерси Льюис!". После этого с Мерси случился припадок. Тогда Эбигейл снова закричала: "Он идет к Мэри Уолкот!", и у Мэри начался припадок. Магистрат в смятении обратился к нему: "Как вы можете быть чисты, когда на наших глазах ваше появление производит такие последствия? Тогда дети все вместе впали в припадок, "закричали" во весь голос и "сильно закричали". Затем магистрат выдвинул против него признание его жены и стал убеждать его в том, что он не признается; страдальцы тем временем обрушили на него весь механизм своих конвульсий, криков и воплей, но он спокойно и в кратких выражениях все отрицал.

Круг обвиняющих девушек, похоже, был вместилищем, куда стекались все скандалы, сплетни и клеветы из окружающей страны. Кто-то рассказал им, что Уильям Хоббс не регулярно посещает собрания. Они передали это магистрату, и тот задал обвиняемому такой вопрос: "Когда вы были на общественном религиозном собрании?". Он ответил: "Не очень давно". "Почему?" - "Потому что я был нездоров: У меня был недуг, о котором никто не знает". Судья сказал: "Можешь ли ты здесь колдовать и, бросая взгляд, превращать людей в судороги?" - "Можешь судить по своему усмотрению. Моя душа чиста. "Разве ты не видишь, что причиняешь им боль своим взглядом?" - "Нет, я этого не знаю". После очередной демонстрации ужасных страданий, вызванных, как они утверждали, одним лишь взглядом Хоббса, судья с торжествующей уверенностью вновь поставил перед ним вопрос: "Можете ли вы теперь отрицать это?" Он ответил: "Я могу отрицать это до самой смерти". Судья поинтересовался у него, по какой причине он удаляется из комнаты, когда в его семье читают Священное Писание. Он категорически отрицал это. Натаниэль Ингерсолл и Томас Хейнс засвидетельствовали, что его дочь сказала им об этом. Признания его жены и дочери снова и снова приводились против него, но безрезультатно. "Кому вы поклоняетесь?" - спросил судья. "Надеюсь, я поклоняюсь только Богу". "Где?" - "В своем сердце". Допрос ничуть не смутил и не привел его в замешательство. Он не смог выказать ни одного из чувств, которые должно было вызвать поведение его бездарной и развратной дочери или слабой и несчастной жены. Он спокойно заявил, что ничего не знает о колдовстве, а под конец с торжественной серьезностью заявил, что его невиновность известна "великому Богу на небесах".

Он был предан суду. Все, что нам сообщают сохранившиеся документы относительно Уильяма Хоббса, это то, что он оставался в тюрьме до 14 декабря следующего года, когда двое его соседей, Джон Николс и Джозеф Таун, каким-то образом добились его

освобождения под залог; они дали облигации на сумму в двести фунтов за его явку на заседания суда в следующем месяце. Но даже тогда его появление не считалось полностью безопасным, и штраф был наложен. Он явился на заседание в мае, штраф был отменен, а сам он освобожден от должности прокламацией. 26 марта 1714 года он давал показания по делу о правах на общее имущество. Ему было тогда семьдесят два года. О его жене и дочери у меня еще будет повод рассказать.

За все, что известно о деле Нехемии Аббота, мы обязаны Хатчинсону, который имел перед собой протокол допроса Пэрриса. Хатчинсон утверждает, что из "почти сотни" тех, чьи экзамены он видел, он был единственным, кто, представ перед магистратом, был окончательно уволен им. Возможно, и этот случай не был исключением: ведь из документа, хранящегося в деле, следует, что человек по имени Аббат из той же местности был впоследствии арестован и заключен в тюрьму; но, к сожалению, имя христианина было стерто или по какой-то причине отсутствует. Из протоколов Хатчинсона явствует, что он протестовал против своей невиновности в мужественных и твердых заявлениях. Мэри Уолкот свидетельствовала, что видела его фигуру. Энн Патнэм кричала, что видела его "на балке". Судьи сказали ему, что его вина безусловно доказана и что, если он хочет найти милость у Бога, он должен признаться. "Я говорю перед Богом, - ответил он, - что я чист от этого обвинения". "Что, во всех отношениях?" - "Да, во всех отношениях". Девушки были поражены немотой; а Энн Патнэм, подтвердив, что он был тем человеком, который ее обидел, "была схвачена припадком". Мэри Уолкот начала колебаться в своей уверенности, а Мерси Льюис сказала: "Это не тот человек". Это беспрецедентное расхождение в показаниях девушек поставило дело на паузу, и его на время отправили в отставку, пока допрашивали других: - "Когда его снова привели в зал.

"Когда его снова привели, то из-за большого количества людей и окон, так что обвинители не могли его хорошо рассмотреть, ему приказали выйти за дверь, а обвинителям - подойти к нему и рассмотреть его при свете, что они и сделали в присутствии магистратов и многих других, спокойно поговорили с ним, один за другим оправдывая его; но все же сказали, что он похож на того человека, но у него нет того лица, которое они видели в его явлении. Заметьте, он был человеком с холмистым лицом и стоял в тени из-за своих волос, так что на какое-то время некоторым прохожим и наблюдателям он показался очень похожим на человека, которого описывали страдальцы".

Таково заявление Пэрриса, процитированное Хатчинсоном. Какова была истинная причина или мотив этого расхождения между свидетелями, неизвестно. Факты, что вначале они впадали в припадки при виде его, все были поражены немотой на некоторое время, а Энн Патнэм видела его на балке, могли оказать неблагоприятное воздействие на умы людей и грозили взорвать заблуждение. Но Энн, с быстротой остроумия, которая никогда не подводила в критических ситуациях, когда Мерси Льюис сказала, что это не тот человек, вскричала в припадке: "Вы напустили туман на мои глаза?". Она выразила мысль, что сила сатаны ослепила ее и заставила перепутать мужчину. Это оправдало ее; и хотя аббат, по крайней мере на время, остался чист, все как никогда были уверены, что лукавый, введя Энн в заблуждение, показал свою руку в этом деле.

Допрос Сары Уайлдс не имел никаких особенностей. Пострадавшие дети и Гуди Биббер видели ее призрака, сидящего на балке, в то время как она телесно присутствовала в баре, и пережили свои обычные припадки и превращения. Она с достоинством и твердостью

отстаивала свою невиновность, а мировой судья, предрешив дело против нее, в своей привычной манере упрекнул ее в упрямстве не признаваться.

Не сохранилось никаких сведений о том, как проходили экзамены Эдварда Бишопа или Сары, его жены. Он был третьим представителем этой фамилии, вероятно, сыном "Сойера". Его жена Сара была дочерью Уильяма Уайлдса из Ипсвича и, судя по всему, сестрой Джона Уайлдса, обследование жены которого только что упоминалось. Некоторые свидетельства указывают на то, что она была племянницей Ребекки Нерс. Все они принадлежали к той категории людей, которые под общим названием "люди из Топсфилда" так часто сталкивались с жителями деревни. Эдварду Бишопу было сорок четыре года, а его жене - сорок один. На момент заключения в тюрьму у них была семья из двенадцати детей. Сара Бишоп была отстранена от церкви в деревне и рекомендована церкви в Топсфилде 25 мая 1690 года. У них была земля в Топсфилде, а также в Виллидже, и они были более тесно связаны в социальных отношениях с первым, чем со вторым местом. Им удалось бежать из тюрьмы и пережить бурю. Мэри, жена Филипа Инглиша, была помещена в тюрьму. У нас нет записей о ее допросе.

Мэри Блэк, негритянка, принадлежала Натаниэлю Путнаму, но жила в семье его сына Бенджамина. Ее осмотр показал, что она была невежественным, но невиновным человеком. Она ничего не знала об этом деле и понятия не имела, что все это значит. На вопросы, которые задавал ей судья, она отвечала: "Я не знаю", "Я не могу сказать". Единственным фактом, который был выдвинут против нее, помимо действий девушек, было следующее: "Ее хозяин говорит, что около двенадцати месяцев назад какой-то мужчина сел с ней на форму". Паррис в своих протоколах приводит это свидетельство, но не разъясняет его значение. Судья спросил ее: "Что сказал вам этот человек?". Ее ответ был: "Он ничего не сказал". Это все, чего от нее добились; и это весь свет, который мы имеем на загадочный факт, что мужчина однажды, в течение двенадцати месяцев, сидел на одной скамье с бедной Мэри Блэк. Судья спросил девушек: "Этот негр причиняет вам боль?" Они ответили: "Да". "Почему вы их обижаете?" - "Я их не обижала". На этот вопрос ей ответили: "Ты укалываешь палками?" Возможно, имелось в виду: "Укалываешь ли ты палками страдающих детей? Простодушное создание, очевидно, не понимало, к чему они клонят, и ответило: "Нет: я прикалываю себе шейный платок". Экзаменатор спросил ее: "Не могли бы вы вынуть булавку и снова приколоть ее?" Она сделала это, и несколько пострадавших закричали, что их укололи. Мэри Уолкот укололи в руку до крови, Эбигейл Уильямс укололи в живот, а Мерси Льюис - в ногу. Вполне вероятно, что в этом случае девушки, как это часто бывает, заранее договорились о булавках, которые должны были воткнуть в нужные части тела, и сумели добиться того, чтобы им задали странный и необычный вопрос. Все это выглядело так, словно было заранее подготовлено; и это отвечало цели, наполняя толпу изумлением и исключая все возможные сомнения у судей. Мэри посадили в тюрьму, где она оставалась до освобождения в мае 1693 года по указу губернатора.

Мэри Исти, жена Исаака Исти и сестра Ребекки Нерс и Сары Клойс, была примерно пятидесяти восьми лет от роду и матерью семерых детей. Ее муж владел и жил на большой и ценной ферме, которая несколько лет назад была собственностью и загородной резиденцией покойного достопочтенного Б.У. Крауниншильда, а теперь находится во владении Томаса Пирса, эсквайра. Ее осмотр сопровождался обычными обстоятельствами. У девушки начались припадки, и временами она теряла дар речи: судья выговаривал ей за то, что она не признает свою вину, которая, по его мнению, несомненно доказывается страданиями страдальцев. "Вы хотите, чтобы я обвинила себя?" - "Насколько, - продолжал он, - вы подчинились сатане?" - "Сэр, я никогда не подчинялась, но молилась против него все

свои дни. Что вы хотите, чтобы я сделал?" - "Признайтесь, если вы виновны." - "Я скажу, что если это был мой последний раз, то я чист от этого греха". Магистрат, видимо, пораженный ее манерами и поведением, спросил у девушек: "Вы уверены, что это та самая женщина?" Все они впали в ступор; и вскоре Энн Путнэм, придя в себя, сказала: "Это была та самая женщина, она была похожа на нее, и она сказала мне свое имя". Обвиняемая сцепила руки, и руки Мерси Льюис сжались; она разняла руки, и руки Мерси освободились; она наклонила голову, и девушки закричали: "Поднимите ее голову, потому что, пока она склоняет голову, шеи этих людей сломаны". Судья снова спросил: "Это та самая женщина?" Они сделали знак, что не могут говорить, но затем Энн Путнэм и другие закричали: "О Гуди Исти, Гуди Исти, ты женщина, ты женщина!" - "Что вы на это скажете?" - "Бог узнает". - "Нет, Бог уже знает". - "Я знаю, что знает". - "Что вы думаете о действиях других до того, как ваши сестры вышли? Думаете ли вы, что это колдовство?" - "Я не могу сказать". - "Почему вы не думаете, что это колдовство?" - "Это злой дух; но колдовство ли это, я не знаю". Ее посадили в тюрьму.

Следует заметить, что семь из девяти обследованных в это время либо жили в Топсфилде, либо были тесно связаны с церковью и людьми там. Обвинительницы слышали, как о них гневно отзывались окружающие, и, как всегда, воспользовались существующими предрассудками, чтобы сориентироваться в выборе жертвы.

Бегство Аббота и колебания в его деле и в деле Эсти, на которые указали судьи, встревожили обвинителей; они почувствовали, что нужно что-то предпринять, чтобы заставить Хаторна и Корвина отказаться от прежнего жесткого метода ведения дела. Поэтому в тот же день, сразу после окончания экзаменов, им было написано следующее письмо

"Сие достойным Джону Хаторну и Джонатану Корвину, эсквайрам, проживающим в Салеме, при сем представляю.

"Деревня Салем, 21 апреля 1692 года.

"Многоуважаемые, - после смиренной и сердечной благодарности, принесенной вашим почестям за великую заботу и труды, которые вы уже предприняли для нас, - за которые, как вы знаете, мы никогда не сможем воздать вам, и мы верим, что вы не ожидаете этого от нас; поэтому полная награда будет дана вам Господом Богом Израиля, чье дело и интересы вы отстаивали (и мы верим, что это добавит к вашему венцу славы в день Господа Иисуса): И мы, постоянно наблюдая за грандиозными делами Божественного Провидения, не только каждый день, но и каждый час, считаем своим долгом сообщить Вашим Честьям о том, что, как мы полагаем, Вы не слышали, что является высоким и ужасным, - о колесе внутри колеса, от которого у нас дрожат уши. Смиренно прося постоянно ваших молитв и помощи в этом бедственном деле, - а также постоянно моля Всемогущего Бога подготовить вас, чтобы вы были ужасом для злодеев и похвалой для тех, кто поступает хорошо, - мы остаемся вашими, чтобы служить, чем можем,

"Томас Патнэм".

Что означало "колесо в колесе", "высокие и страшные" вещи, которые заставляли их уши трепетать, но еще не были раскрыты магистратам, мы сейчас увидим. 30 апреля капитан Джонатан Уолкот и сержант Томас Путнэм (автор предыдущего письма) получили ордер на арест Филипа Инглиша, купца из Салема, Сары Моррел из Беверли и вдовы Доркас Хоар из того же места. Моррел и Хоар были доставлены маршалом Херриком, согласно условиям ордера, в 11 часов утра 2 мая в дом лейтенанта Натаниэля Ингерсолла в деревне Салем. В ордере есть приписка в таких словах: "Мистера Филипа Инглиша не найти. Г.Х.". Поскольку протоколы допросов Филипа Инглиша и его жены не сохранились, и можно найти лишь

несколько фрагментов показаний, относящихся к их делу, все, что можно сказать, это то, что девушки и их сообщники выдвинули против них свои обычные обвинения. Однако существуют два показания, которые дают некоторое объяснение причин, вызвавших враждебное отношение к мистеру Инглишу, и указывают на тип улик, которые были выдвинуты против него. Имея множество земельных владений в разных местах и ведя обширные деловые операции, он был подвержен частым судебным разбирательствам. Однажды он был вовлечен в судебную тяжбу по поводу границ участка земли в Марблхеде. Некий Уильям Бил, житель этого города, проявил большой интерес к этому участку земли вопреки притязаниям англичан, и между ними произошел ряд резких высказываний. Через год или два после этого случая Бил утверждает, что, "когда я лежал в своей постели утром, вскоре после того, как в комнате стало светло", "я увидел темную тень" и т. д. Вскоре она приняла облик Филипа Английского. В предыдущий раз, когда он ехал через Линн, чтобы получить показания против Инглиша по вышеупомянутому межевому делу, он говорит: "Из моего носа хлынула кровь самым необычным образом, так что окровавила платок значительного размера, а также стекала на мою одежду и на гриву моей лошади". Он обвинил в этом англичан. Эти показания были даны под присягой в суде в августе 1692 года и в январе 1693 года. Как они попали в суд, неизвестно, поскольку Инглиш так и не был привлечен к суду. На этом можно закончить все, что касается мистера Инглиша и его жены. 6 мая в Бостоне был получен ордер "Генеральному маршалу или его законному заместителю" на задержание Филипа Инглиша, где бы он ни находился в пределах юрисдикции, и передачу его "под стражу маршалу Эссекса". Джейкоб Мэннинг, заместитель маршала, доставил его маршалу Эссекса 30 мая; на следующий день он предстал перед магистратом и, после допроса, был заключен в тюрьму. Ему и его жене удалось бежать из тюрьмы, и они нашли убежище в Нью-Йорке до окончания судебного разбирательства, после чего вернулись в Салем и продолжали жить здесь. Она пережила шок, вызванный обвинением, опасность, которой она подвергалась, и страдания от тюремного заключения, но ненадолго. Они занимали самое высокое положение в обществе. Он был купцом, занимался обширным бизнесом и имел большое состояние; ему принадлежало четырнадцать зданий в городе, пристань и двадцать одно судно. Его жилой дом, изображенный [на фронтисписе](#) этого тома, простоял до недавнего времени и запомнился многим из нас. Он находился на южной стороне Эссекс-стрит, недалеко от ее окончания, и занимал территорию между улицами Инглиш и Вебб. Должно быть, это было прекрасное место; в то время с него открывался полный и беспрепятственный вид на берега Беверли и Марблхеда, а также на все воды и участки суши между ними. Особняк был просторным по своим размерам и носил следы того, что был построен в лучшем стиле элегантности, прочности и отделки. Это был действительно любопытный и почтенный образец домашней архитектуры своего времени. Тогда это был первоклассный дом; по своим пропорциям, расположению и оснащению он вполне мог бы сравниться с первоклассными домами сейчас. Миссис Инглиш была дамой с выдающимся характером и культурой. Предания об этом с необыкновенным постоянством передавались из поколения в поколение во всех старинных семьях этого места. Она была единственным ребенком Ричарда Холлингсворта и унаследовала его большое имущество. Преподобный Уильям Бентли, доктор философии, в своем "Описании Салема", чья повседневная жизнь позволила ему узнать все, что касается места, где жила миссис Инглиш, рассказывает, что офицер пришел задержать ее вечером, после того как она улеглась отдохнуть. Его впустили слуги, и он зачитал свой ордер в ее спальне. Вокруг дома была расставлена охрана. Быть обвиненным больными детьми тогда считалось верной смертью. "Утром, - говорит Бентли, - она посетила богослужения своей семьи, с большим спокойствием поцеловала своих детей, предложила свой план их воспитания, ушла от них, а затем сказала офицеру, что готова умереть". Доктор Бентли предполагает, что недоброжелательные чувства могли возникнуть к

мистеру Инглишу из-за некоторых споров, которые он вел с городом по поводу прав собственности на земли; что превосходный стиль, в котором жила его семья, подверг их вульгарным предрассудкам; что существование этого чувства стало известно "страдающим девочкам", и они стали кричать против него и его жены. Возможно, так оно и есть. Они пользовались любым подобным преимуществом; особенно им нравилось наносить удары, чтобы тем сильнее поразить и потрясти общественное мнение.

Больше я не нашел никаких упоминаний о Саре Моррель. Несомненно, она разделила судьбу тех, кто избежал смерти, - долгое заключение. Когда привезли Доркас Хоар, среди страдальцев начался всеобщий переполох: все вокруг впали в припадки. Выйдя из них, они наперебой набрасывались на заключенную со всевозможными обвинениями: Эбигейл Уильямс и Энн Патнэм обвиняли ее в том, что она задушила женщину в Бостоне; Элизабет Хаббард кричала, что она ее щипала, "и показывала следы стоящим рядом". Маршал сказал, что в тот момент она ущипнула себя за пальцы". Мировой судья, возмущенно поверив всему этому, сказал: "Доркас Хоар, зачем вы их обижаете?" - "Я никогда в жизни не обижала детей". Затем девушки обвинили ее в убийстве мужа и других преступлениях. Мэри Уолкот, Сюзанна Шелдон и Эбигейл Уильямс сказали, что видели чернокожего мужчину, который шептал ей на ухо. Дух заключенной воспрянул, и она сказала: "О, вы лжецы, и Бог пресечет уста лжецов!" Гнев магистрата был вызван этим смелым выступлением. "Вы не должны так говорить в суде". "Я буду говорить правду, пока жива", - бесстрашно ответила она. В конце своего рассказа Пэррис говорит: "Страдальцы были сильно огорчены во время ее допроса". Конечно же, ее отправили в тюрьму.

Сюзанна Мартин из Эймсбери, вдова, была арестована по ордеру от 30 апреля и освидетельствована в деревенской церкви 2 мая. Ее описывают как невысокую активную женщину, носящую капюшон и шарф, с плотной и хорошо развитой фигурой, отличающуюся удивительной аккуратностью. Одним из пунктов улики против нее было то, что "в необычайно грязное время года, когда ни один человек не мог передвигаться, она пришла пешком" в дом в Ньюбери. Хозяйка дома, чьи показания я привожу, спросив, "пришла ли она из Эймсбери пешком", выразила удивление тем, что она отважилась выйти за границу в такую плохую погоду, и попросила своих детей уступить ей место у огня, чтобы обсохнуть. Она ответила: "Она была такой же сухой, как и я", - и откинула пальто в сторону; "Я не заметила, что подошвы ее туфель были мокрыми. Я был поражен, что она пришла такая сухая, и сказал ей, что я должен был быть мокрым до колен, если бы зашел так далеко пешком". Она ответила, что "не желает иметь драный хвост". У доброй женщины, которая так радушно приняла Сюзанну Мартин, сложилось впечатление, как следует из ее показаний, что, поскольку Мартин пришла в дом такой замечательно сухой, она, следовательно, была ведьмой. Единственный вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что она была особенно аккуратным человеком, тщательно убирала и не носила юбок таких размеров, как в наше время.

Язык, который, по словам этого свидетеля, использовала Сюзанна Мартин, вызвал у нее в то время как видимую досаду, так и негодование. Один из писателей того времени, отнюдь не склонный к благоприятному для заключенных представлению, так передает ее слова: "Она презирала, когда ее драпировали". Она, несомненно, была женщиной, которая свободно высказывала свои мысли, причем с силой, как установили судьи. Возможно, по этой причине она шокировала предрассудки и нарушила общепринятые в то время правила, чем вызвала множество замечаний, если не скандал. О ней ходило много сплетен, а некоторое время назад против нее было возбуждено дело как против ведьмы. Но серьезных обвинений в адрес ее характера не было. Как и в случае с миссис Энн Хиббенс, возможно, главной

причиной ее обид было то, что она обладала большим умом, чем ее соседи. Она, безусловно, была сильной духом женщиной, о чем свидетельствует ее осмотр. До нас дошли два отчета о ней, каждый из которых написан рукой Пэрриса. Они почти идентичны и по существу таковы: "При появлении обвиняемой многие из ее соседей были вынуждены обратиться к ней.

При появлении обвиняемой многие свидетели против нее мгновенно впали в ступор. Судья спросил их.

"Причинила ли вам эта женщина вред?"

"(Эбигейл Уильямс заявила, что она часто обижала ее. Энн Путнэм в припадке швырнула в нее перчаткой, а остальные были поражены ее присутствием).

"Что! Вы смеетесь над этим? сказал судья. - Ну, я могу смеяться над такой глупостью".

"Разве это глупость - видеть, как их обижают? Я никогда не обижал ни мужчин, ни женщин, ни детей".

Мерси Льюис воскликнула: "Она много раз обижала меня, и я не могу сдержаться". Затем Мартин снова рассмеялся. Несколько человек закричали на нее, и судья снова обратился к ней.)

"Что ты на это скажешь? Я не причастна к колдовству.

"Что ты сделала? Ты дала согласие на то, чтобы им причинили вред? Нет, никогда в жизни.

"Что с этими людьми?" - "Я не знаю".

"А как вы думаете, что с ними? Я не хочу тратить на это свое мнение.

"Вы думаете, они околдованы? Нет, я так не думаю.

"Что ж, расскажите нам, что вы думаете о них. Когда они внутри, я думаю о них сам; но когда они снаружи, они принадлежат другому".

"Кто, по-вашему, их хозяин?" - Если они занимаются черным искусством, то вы знаете об этом не хуже меня.

"Что вы сделали для того, чтобы причинить им вред?" - "Ничего".

"Почему, это вы или ваша внешность? Я ничего не могу с этим поделать.

"Каким образом ваше появление только что причинило им боль? Откуда мне знать?"

"Ты не хочешь сказать правду? Я не могу сказать. Тот, кто явился в облике Самуила, может явиться в любом облике.

"Ты веришь, что эти страдальцы не говорят правды?" - "Они могут лгать, насколько я знаю".

"А вы не лжете?" - "Я не смею лгать, если это спасет мне жизнь".

В этот момент маршал объявил, что "она уцепилась за руки, и Элизабет Хаббард немедленно заболела. Несколько пострадавших закричали, что видели ее на балке" дома собраний над своими головами; несомненно, произошла сцена страшного волнения. Магистрат, в глубине своего ужаса и страдания, искренне обратился к обвиняемой: "Молите Бога обнаружить вас, если вы виновны". Ничуть не смутившись, она ответила: "Аминь, аминь. Лживый язык никогда не сделает виновным человека". Тогда поднялся большой шум.

Обвинители забились в страшных конвульсиях, среди них Джон Индиан, который кричал: "Она кусается, она кусается!" Судья, пораженный видом этих страданий, снова обратился к ней: "Разве вы не сострадаете этим страдальцам?" Она спокойно и твердо ответила: "Нет, у меня его нет". Шум поднялся еще выше. Все обвинители заявили, что видели "черного человека", самого сатану, стоящего рядом с ней. Они сделали вид, что пытаются подойти к ней, но внезапно лишились возможности передвигаться. Джон Индиан попытался броситься на нее, но упал, растянувшись на полу. Судья снова обратился к ней: "По какой причине они не могут подойти к вам?" - "Не могу сказать. Может быть, дьявол питает ко мне большую злобу, чем к другим. "Неужели вы не видите, что Бог явно обнаруживает вас?" - "Нет, ничуть." - "Да и все прихожане так думают." - "Пусть думают, что хотят." По какой причине они не могут прийти к вам?" - "Я не знаю, но они могут, если захотят; или, если хотите, я приду к ним". "Что вам шепнул чернокожий?" - "Мне ничего не шептали". Ее отправили в тюрьму.

Тем временем шли приготовления к тому, чтобы вывести на сцену более яркий персонаж и вызвать у взволнованной публики более сильное потрясение, чем то, которое она еще не испытывала. Высказывались предположения, что в запасе находятся более серьезные преступники, чем те, которые до сих пор были на виду, и в свое время они будут разоблачены. Намекали, что один из министров присоединился к штандарту архиврага и возглавляет дьявольскую конфедерацию. В рассказах о дьявольских таинствах был описан человек в черном, но имя его пока не называлось. Как Карл Второй во время Реставрации искал проповедника, которого можно было бы повесить, и использовал для этого Хью Питерса; так и "страдающие дети", или те, кто действовал за их спиной, нуждались в священнике, чтобы завершить *драматическую личность* своей трагедии. Его связь с обществом и его противоречиями, а также враждебность, которая таким образом привязалась к нему, естественно, предложили мистера Берроуза. В то время он, как обычно, нес трудоемкое, скромное, самоотверженное служение, среди опасностей и лишений, вдали пограничных поселений на побережье штата Мэн и даже не подозревал о том, что готовится к его разорению и гибели в его бывшем приходе в деревне. Именно это имел в виду Томас Патнэм, когда говорил о "колесе в колесе" и "высоких и страшных" вещах, которые тогда еще не были раскрыты и должны были заставить "уши трепетать".

Необходимо было быть одновременно осторожными и быстрыми в своих передвижениях, чтобы не дать публике получить информацию, которая, дойдя до ушей Берроуза, могла бы заставить его насторожиться. Охранять его на большом расстоянии от места жительства было непросто. Если бы он узнал о происходящем, его побег в более отдаленные и труднодоступные поселения сорвал бы всю затею. Поэтому в деревне ничего не предпринималось, а меры по его аресту были приняты в Бостоне. Элиша Хатчинсон, тамошний магистрат, издал соответствующий приказ, адресованный Джону Партриджу из Портсмута, фельдмаршалу провинций Нью-Гэмпшир и Мэн, от 30 апреля 1692 года, об аресте Джорджа Берроуза, "проповедника в Уэллсе"; он "подозревался в сговоре с дьяволом". Партриджу предписывалось передать его под стражу маршалу Эссекса, а если тот не встретит его, то попросить привезти его в Салем и передать тамошним магистратам. Незадолго до этого "страдающие дети" начали использовать его имя. Эбигейл Хоббс несколько лет назад жила в Каско; от нее они узнали обо всех скандалах, которые она там услышала или решила сфабриковать, чтобы удовлетворить цели обвинителей. О том, каким образом умы заблуждающихся людей были настроены против мистера Берроуза, свидетельствует следующее показание, сделанное впоследствии:

Бенджамин Хатчинсон свидетельствовал, что 21 апреля 1692 года, около одиннадцати часов утра, Эбигейл Уильямс сказала ему, что видела человека, которого она описала как мистера

Джорджа Берроуза, "маленького черного священника, который жил в Каско-Бей". Мистер Барроуз был небольшого роста и смуглый. Она рассказала о его удивительных силовых подвигах, сказала, что он был волшебником, и что он "убил трех жен, двух для себя и одну для мистера Лоусона". Она утверждала, что видела его тогда. Мистер Берроуз, как следует помнить, находился в это время в сотне миль от нее, в своем доме в штате Мэн. Хатчинсон спросил ее, где она его видела. Она ответила: "Там", указав на колею на дороге, проделанную колесом телеги. В руке у него была железная вилка, и он бросил ее туда, где, по ее словам, стоял Берроуз. Мгновенно она впала в припадок, а когда вышла из него, сказала: "Вы порвали его пальто, я слышала, как оно рвется". "Где?" - спросил я. "С одной стороны", - сказала она. Потом мы пришли в дом лейтенанта Ингерсолла; я вошел в большую комнату, а Эбигейл вошла и сказала: "Вот он стоит". Я сказал: "Где? Где?" - и тут же выхватил свою рапиру". Тогда Абилай сказала, что он ушел, но "там серый кот". Тогда я спросил: "Где?" - "Там!" - сказала она, - "Там! Тогда я ударил ее рапирой, и она забилась в конвульсиях; а когда все закончилось, она сказала: "Ты убил ее"". Бедный Хатчинсон видел убитую им кошку не больше, чем разорванное пальто Берроуза. Эбигейл объяснила ему эту загадку, сказав, что в этот момент явился призрак Сары Гуд и унес мертвую кошку. Все это произошло среди бела дня; по свидетельству Хатчинсона, было "около двенадцати часов". В тот же день, "после лекции, в комнате Ингерсолла" присутствовали Эбигейл Уильямс и Мэри Уолкот. Они рассказали, что "Гуди Хоббс из Топсфилда укусил Мэри Уолкот за ногу". Затем обе впали в припадок; выйдя, "они увидели, как Уильям Хоббс и его жена идут оба вдоль стола". Хатчинсон тут же заколол своей рапирой "Гуди Хоббс в бок", как заявили обе девушки. Далее они сказали, что комната была "полна ими", то есть ведьмами, в их явлениях; затем Хатчинсон и Элеазер Путнэм "закололи своими рапирами одну авантюристку". Девушки закричали, что они "убили большую черную женщину из Стонингтона и индейца, который пришел с ней": "Пол весь в крови"; и, бросившись к окну, заявили, что видят большую компанию ведьм на холме и что трое из них "лежат мертвые": "черная женщина, индеец и еще один, которого они не знают". Это было около четырех часов дня. Эти показания были даны и приняты в суде. Оно показывает, с какой дерзостью девушки навязывали свое доверие людям, доведенным их искусствами до наивысшей степени вменяемого увлечения; и иллюстрирует состояние дел в то время и в том месте, которое поистине поразительно.

В тот вечер, когда Абилай Уильямс и Мэри Уолкот навязались Хатчинсону, как только что было описано, Энн Патнэм сделала самые удивительные разоблачения в доме своего отца, в его присутствии и в присутствии Питера Прескотта, Роберта Моррела и Иезекииля Чивера. Отец составил отчет о случившемся и присягнул ей в следующих словах

"Показания Энн Путнам, которая свидетельствует, что 20 апреля 1692 года, вечером, она увидела явление священника, от которого сильно испугалась и воскликнула: "О, ужас, ужас! Вот пришел священник! Что! Разве священники тоже ведьмы? Откуда ты пришел и как тебя зовут? Ибо я буду жаловаться на тебя, хотя ты и священник, если ты колдун". И тут же он стал меня мучить, избивая и чуть не задушив. Он уговаривал меня написать в его книге, на что я с громким криком отказался и сказал, что не напишу в его книге, хотя он разорвет меня на куски, но сказал ему, что это ужасно, что он, будучи священником, который должен учить детей бояться Бога, приходит уговаривать бедных существ отдать свои души дьяволу. О, ужас, ужас! Скажи мне свое имя, чтобы я знал, кто ты такой". Затем он снова стал пытаться меня, уговаривая написать в его книге, от чего я отказался. И тогда, вскоре, он рассказал мне, что его зовут Джордж Берроуз, и что у него было три жены, и что двух первых из них он околдовал до смерти; и что он убил миссис Лоусон, потому что она так не хотела уезжать из Деревни, а также убил ребенка мистера Лоусона, потому что тот ушел. Лоусона за то, что он отправился на восток с сэрмом Эдмоном и так проповедовал солдатам; и что он околдовал до

смерти множество солдат на востоке, когда там был сэр Эдмон; и что он сделал ведьмой Эбигейл Хоббс и еще нескольких ведьм. И с тех пор он не переставал, время от времени искушая меня писать в его книге, и жестоко мучил меня, избивая, щипая и чуть не задушив по несколько раз в день. Он также сказал мне, что он не ведьма. Он был колдуном".

Ее отец и другие присутствующие поклялись, что видели и слышали все это в то время; что "они видели ее мучения и понимали ее адские искушения по ее громким крикам: "Я не буду, я не буду писать, хотя вы мучаете меня все дни моей жизни"". Следует заметить, что это произошло вечером накануне того дня, когда Томас Патнэм написал свое письмо магистратам, готовя их к чему-то "высокому и ужасному", что вскоре должно было стать явным.

Похожая сцена произошла вскоре после этого в присутствии ее отца и дяди Эдварда, о чем они также свидетельствуют. Она описала ее под присягой следующим образом.

"Показания Энн Путнэм, которая свидетельствует и говорит, что 8 мая, вечером, я видела явление мистера Джорджа Берроуза, который жестоко мучил меня и убеждал написать в его книге, от чего я отказалась. Затем он сказал мне, что сейчас ко мне явятся две его первые жены и расскажут мне много лжи, но я не должен им верить. Затем мне сразу же явились две женщины в накинутых на голову простынях и салфетках, от чего я сильно испугался; они повернули свои лица к мистеру Берроузу, выглядели очень красными и злыми и сказали ему, что он был жестоким человеком по отношению к ним, и что их кровь вызывает к отмщению за него; а также сказали ему, что они будут одеты в белые одежды на небесах, когда он будет брошен в ад; и тут же он исчез. И как только он ушел, две женщины повернули ко мне свои лица и выглядели бледными, как белая стена; и сказали мне, что они были двумя первыми женами мистера Берроуза и что он убил их. Одна из них сказала мне, что она была его первой женой, и он ударил ее ножом под левую руку и приложил к ране кусочек сургуча. Она откинула простыню и показала мне это место; и еще она сказала мне, что была в доме, где сейчас живет мистер Пэррис, когда это было сделано. А другая сказала мне, что мистер Барроуз и та жена, которая у него сейчас, убили ее на судне, когда она шла к своим друзьям, потому что они хотели иметь друг друга. И они оба поручили мне, чтобы я рассказал все это магистратам перед лицом мистера Берроуза, а если он не согласится, то они не знают, как им не явиться туда. Сегодня утром ко мне явились также миссис Лоусон и ее дочь Энн, которых я знал, и сказали, что мистер Берроуз убил их. Сегодня утром мне также явилась еще одна женщина в накидке и сказала, что она была первой женой Гудмена Фуллера, а мистер Берроуз убил ее, потому что между ее мужем и им была какая-то разница".

Это был действительно очень необычный язык и образность, которые мог использовать ребенок двенадцати лет. Неудивительно, что на общество, чьи капризы и страхи так долго вынашивались, придерживаясь своих взглядов, это произвело ужасающе большой эффект. Сам факт того, что говорил ребенок, заставлял ее заявления казаться сверхъестественными. Кроме того, они сопровождались такой наглядной демонстрацией ее ужасных телесных страданий, что ни у кого не оставалось сомнений в правдивости и реальности того, что они слушали и видели. Им ни на секунду не приходило в голову, что с ее стороны был какой-то обман, самозванство или даже заблуждение. Ее случай - поистине проблема, которую нелегко решить даже сейчас. И хотя нас охватывает ужас и негодование при мысли о том, что она выступает в качестве главного и рокового свидетеля во всех судебных процессах, невозможно не почувствовать, что необходима мудрость, превосходящая нашу, чтобы разгадать мрачную тайну явлений, представленных ею, ее матерью и другими обвинителями в этом чудовищном и ужасном деле.

Эти происшествия, случившиеся незадолго до того, как мистера Берроуза привезли в деревню в качестве заключенного, передавались из дома в дом, из уст в уста и привели людей в состояние ужаса перед ним; и он был встречен с презрением, когда 4 мая фельдмаршал Партридж явился с ним в Салем и доставил его к тамошнему тюремщику. Если учесть расстояние и обстоятельства путешествия в то время, очевидно, что офицеры, которым была поручена эта служба, действовали с величайшей оперативностью, быстротой и энергией. По преданию, они застали мистера Берроуза в его скромном доме за скромной трапезой; его выхватили из-за стола, не дав ни минуты на то, чтобы позаботиться о своей семье или подготовиться к путешествию, и грубо, без малейших объяснений, что все это значит, поспешили в путь. Как только стало известно, что он находится в тюрьме в Салеме, начались приготовления к его допросу. Общественное мнение было крайне возбуждено, и было решено сделать это событие как можно более впечатляющим, эффективным и внушающим благоговение. Предстояло провести еще один "полевой день". 9 мая состоялось специальное заседание магистратуры, на которое прибыли Уильям [Стоутон](#) из Дорчестера и Сэмюэл Сьюолл из Бостона, чтобы вместе с Хаторном и Корвином придать заседанию большую торжественность и строгость. Председательствовал Стоутон. Первым шагом в разбирательстве было частное слушание в присутствии только магистрата и священников; отчет о том, что там происходило, доказывает то, что более или менее ясно указано в нескольких отрывках дошедших до нас рассказов о мистере Берроузе, - что его считали не вполне здравым в учении по вопросам, не связанным с колдовством, относились к нему с особой строгостью и сделали жертвой фанатичных предрассудков среди его братьев и в церквях. В ходе этой тайной инквизиции его призвали к ответу за то, что он не посещал службу причастия в одном или двух случаях; он был членом церкви в Роксбери. Против него также выдвинули обвинение, что никто из его детей, кроме старшего, не был крещен. Каковы были факты в этом отношении, сказать невозможно, поскольку мы знаем о них только из обвинений его врагов. После этого его понесли к месту публичного собрания; и когда он вошел в зал, "многие, если не все, околдованные были жестоко замучены". После того как смятение улеглось, Сюзанна Шелдон показала, что две жены Берроуза явились ей "в своих накидках" и сказали: "Этот человек убил их". Ему приказали посмотреть на свидетеля; и когда он повернулся, чтобы сделать это, он "сбил с ног", как утверждает репортер, "всех (или большинство) страдальцев, которые стояли позади него". Энн Патнэм и несколько других "страдающих детей" давали показания против него в таком же напряжении, перемежая их различными конвульсиями, криками и кувырканиями. У Мерси Льюис был "ужасный и утомительный припадок". Уолкот, Хаббард и Шелдон подвергались мучениям одновременно. В конце концов они были "настолько измучены", что "власти приказали их удалить". Их страдания были сильнее, чем могли вынести магистраты и люди. Берроузу был задан вопрос, "что он думает об этих вещах". Он ответил: "Это было удивительное и унижительное провидение, но он ничего в нем не понимал". Если отбросить все глупые и нелепые сплетни и чудовищные небылицы, связанные с обвинениями в его адрес, и обратиться к единственным известным фактам его истории, то окажется, что мистер Берроуз был человеком бесхитростной натуры, свободным от коварства, не подозревающим о коварстве в других; бескорыстным, скромным, терпеливым и великодушным человеком. Он пережил много несправедливостей и перенес большие лишения в жизни, но они не ослабили его готовности трудиться и страдать ради других. В его характере не было боевитости или злопамятности. Даже посреди невыразимых оскорблений, которые он пережил в этот раз, он не выглядит разгневанным или раздраженным, а просто "изумленным". То, что на него возложили такие ужасные преступления, вместо того чтобы пробудить в нем буйный дух, произвело на него впечатление смиренного чувства непостижимого Провидения. Есть удивительное сходство в том, как Ребекка Нерс и Джордж Берроуз восприняли ужасные обвинения, выдвинутые

против них. "Конечно, - сказала она, - какой грех обнаружил во мне Бог, в котором я не раскаялась, чтобы возложить на меня такое несчастье в старости?" Его слова: "Это унижительное Божье провидение". Чем больше мы размышляем над этими словами и вникаем в глубины духа, который их предложил, тем больше понимаем, что в каждом случае они исходят из освященного христианского сердца и являются свидетельством в защиту и честь страдальцев, из уст которых они исходят, которое перевешивает все страсти и предрассудки, отменяет все приговоры и требует осуждения всех честных и справедливых умов.

После того как "страдальцев" выгнали из комнаты, были даны показания, свидетельствующие о том, что мистер Берроуз продемонстрировал физическую силу, которая для человека его маленького роста была несомненным доказательством того, что он находится в союзе с дьяволом. На этот счет было сделано множество чудесных заявлений, некоторые из самых экстравагантных он отрицал. Он, несомненно, был очень сильным человеком. Во время учебы в Кембридже он занимался упражнениями для развития мускулатуры и рано прославился как гимнаст. Через некоторое время снова появились обвинители и страдальцы. Эбигейл Хоббс показала, что присутствовала на "собрании ведьм в поле возле дома мистера Пэрриса", в котором мистер Берроуз принимал самое активное участие. Мэри Уоррен поклялась, что "у мистера Берроуза была труба, в которую он дул, чтобы созывать ведьм на их пиры" и другие собрания "возле дома мистера Пэрриса". Звук этой трубы разносился по всей стране, доносясь до Андовера и пробуждая эхо вдоль Мерримак, до мыса Энн и самых отдаленных поселений; так что ведьмы, услышав его, садились на свои метлы и в мгновение ока оказывались во фруктовом саду мистера Парриса, расположенном к северу и западу от пастората; но его звук не был слышен никаким другим ушам, кроме тех, что были у сообщников Сатаны. Пока девушки давали свои показания, время от времени они страшно задыхались, казалось, на последних стадиях удушья; приходя в себя, они обвиняли в этом Берроуза или других ведьм, называя их по именам; обычно, однако, они ограничивались тем, что выбирали уже задержанных, и не приводили других, пока не созреют меры. Мистер Берроуз был отдан под суд.

Допрос мистера Берроуза представил собой зрелище, в котором он не мог устоять. Берроуз представлял собой зрелище, во всех отношениях на редкость интересное и любопытное: серьезное достоинство судей; простая, мрачная фигура заключенного; полубезумный, полудемонический вид девушек; дикая, возбужденная толпа; ужас, ярость и бледное отчаяние Лоусона, Гудмена Фуллера и других, а также родственников и друзей двух бывших жен Берроуза, когда раскрывались тайны их кровавых могил; ребенок на трибуне, рассказывающий свою ужасную историю о призраках в накинутах на плечи простынях, с салфетками вокруг головы, указывающий на их смертельные раны и говорящий, что "их кровь вызывает об отмщении" к их убийце. Заключенный стоит один: все вокруг него беснуются, а он поражен; поражен такой глупостью и неправотой других и смиренно осознает свою собственную недостойность; склонен перед таинственным Провидением, допустившим подобное на время, но силен и непоколебим в сознании своей невинности и правоты.

Чтобы завершить процесс против Берроуза в это время и довести до высшей точки отвращение к нему в обществе, была эффективно использована Деливеранс Хоббс, жена Уильяма Хоббса, о котором я уже говорил. Впервые она была допрошена 22 апреля. В ходе предыдущей части разбирательства она сохраняла честность и заявляла о своей невинности в манере, которая показывает, что ее самообладание было на высоте. Но

допрос затянулся; ее силы были исчерпаны; заявления обвинителей, их ужасные страдания, предрешенность дела против нее судьями и совокупное влияние всех окружающих ее обстоятельств сломили ее. Ее твердость, мужество и правда улетучились, и она начала признаваться во всем, в чем ее обвиняли. Запись интересна тем, что показывает, как постепенно она была ошеломлена и побеждена. Но, называя имена других людей, с которыми, как она утверждала, были связаны ведьмы, она не говорила о Берроузе. Она говорила о тех, кто был выведен на чистую воду до этой даты, но не о нем. Тогда еще не было разглашено, что против него собираются предпринять. 3 мая, за день до его приезда, после того как стало известно, что офицеры посланы арестовать его, ее снова допросили. На этом допросе она обвинила Берроуза в том, что он присутствовал и принимал главное участие в собраниях ведьм, которые она подробно описала на первом допросе, не упоминая о нем ни слова. Это доказывает, что признавшиеся заключенные были осведомлены о том, что именно они должны были сказать, и что их показания были подготовлены для них руководителями дела. Ниже приводится одно из признаний, сделанных этой женщиной после ее публичного допроса. Я привожу его отчасти для того, чтобы показать, какой поток лжи вылился на Берроуза, а отчасти потому, что оно послужит образцом того, из чего состояли признания: -...

"Первый допрос Деливеранс Хоббс в тюрьме: она продолжала свободно признавать себя ведьмой по завету; и далее признается, что вчера утром ее предупредили о собрании, и там присутствовали Проктер и его жена, Гуди Нерс, Джайлс Кори и его жена, Гуди Бишоп по прозвищу Оливер; и мистер Берроуз был их проповедником, и заставлял их околдовать всех в деревне, говоря им, что они должны делать это постепенно, а не все сразу, уверяя их, что они одержат верх. В то же время он совершил над ними таинство, взяв красный хлеб и красное вино, похожее на кровь. Она утверждает, что видела Осберна, Сару Гуд, Гуди Уайлдса, Гуди Нестер: Гуди Уайлдс раздавал хлеб и вино; рядом со священником сидел человек в белой шляпе с длинным венцом, и они сидели, кажется, за столом, и разливали вино по бокалам. Уведомление об этом собрании ей передал Гуди Уайлдс. Сама она, как утверждает, не ела и не пила, но все остальные, кто там присутствовал, ели и пили; поэтому они пригрозили ей мучениями. Собрание происходило на пастбище у дома мистера Парриса, и она видела, как Абигайль Уильямс выбежала поговорить с ними; но когда Абигайль отошла на некоторое расстояние от дома, эта испытываемая ослепла, так что не видела, с кем говорила Абигайль. Далее она утверждает, что Гуди Уайлдс, чтобы убедить ее подписаться, сказала ей, что, если она приложит руку к книге, она даст ей одежду и больше не будет ее мучить. Ее дочь, Эбигейл Хоббс, которую привели в то же время, пока присутствовала ее мать, сразу же схватил страшный припадок; и ее мать, когда ее спросили, кто причинил боль ее дочери, ответила, что это был Гудмен Кори, и она видела, как он и джентльмен из Бостона пытались сломать шею ее дочери".

На следующий день были получены ордера на арест Джорджа Джейкобса-старшего и его внуки Маргарет Джейкобс. Они были немедленно схвачены и доставлены констеблем Джозефом Нилом из Салема, чье донесение гласит следующее: "10 мая 1692 года. Я задержал тела Джорджа Джейкобса-старшего и Маргарет, дочери Джорджа Джейкобса-младшего, в соответствии с положениями вышеупомянутого ордера". Экзамены по этому случаю проводились в доме Томаса Бидла в городе Салем (). Все предварительные экзамены, насколько можно судить по существующим документам, проводились либо в доме собраний в деревне или городе; либо в доме Натаниэля Ингерсолла в деревне, либо Томаса Бидла в городе, - оба были трактирами или местами общественных развлечений. Дом Бидла

находился на южной стороне Эссекс-стрит, на участке, который сейчас занимают дома № 63 и 65. Восточная граница участка находилась в сорока девяти футах от Ингерсоллс-лейн, ныне Дэниелс-стрит. Его фасад на Эссекс-стрит составлял около шестидесяти футов, а глубина - около ста сорока пяти футов. Дом под номером 65 находится на том самом месте, где стояла таверна Бидла, и, за исключением шести футов, пристроенных с восточной стороны в 1733 году, вероятно, является тем же самым домом. На месте, которое сейчас занимает дом № 63, тогда было открытое пространство. Судя по счетам за расходы "против страны", трактир Сэмюэля Бидла, брата Томаса, также иногда использовался для целей, связанных с судебным преследованием. Счет Томаса Бидла составил 58 фунтов 11 шиллингов. 5d.; счет Сэмюэля - 21 фунт стерлингов. Последний, находясь рядом с тюрьмой, вероятно, использовался для развлечения констеблей и содержания их лошадей, а также для других сопутствующих целей, связанных с перевозкой заключенных.

Долгое время существовала традиция, согласно которой для проведения экзаменов использовался дом судьи Джонатана Корвина, до сих пор стоящий на западном углу улиц Норт и Эссекс. Одна из форм, в которой эта традиция дошла до нас, вероятно, верна. Большое жюри часто заседало в то время, когда присяжные рассматривали дела в здании суда. Возможно, в этом здании не было подходящих помещений для обоих. Беспорядочные звуки и суматоха, возникающие во время судебных заседаний, могли раздражать большое жюри. По преданию, для этого органа было выделено место в доме Корвина, где, как предполагается, находилась просторная комната в юго-восточном углу. Поскольку расследования Большого жюри не были открыты для публики, его периодические заседания не были бы серьезно несовместимы с удобством семьи, не нанесли бы ущерба территории или апартаментам красивого частного дома. Действительно, вряд ли было бы допустимо или целесообразно проводить экзамены перед мировыми судьями в каком-либо другом месте, кроме публичного дома. Их всегда посещала распутная публика, и, как правило, там происходили массовые беспорядки.

Джордж Джейкобс-старший был пожилым человеком. В показаниях он представлен как "очень седой"; должно быть, он был совсем немощным, поскольку ходил с двумя посохами. Его волосы были длинными, тонкими, белыми локонами, и, поскольку он был необычайно высок ростом, он, должно быть, имел почтенный вид. Возможно, это был "человек в белой шляпе с длинным венцом", о котором говорил Деливеранс Хоббс. Экспертиза показала, что он был энергичен, держался бесстрашно, а высказывания его были твердыми и решительными. Судьи начали: "Вот те, кто обвиняет вас в колдовстве". "Что ж, давайте послушаем, кто они и что они". Когда Эбигейл Уильямс дала против него показания, несомненно, проделав все свои обычные действия, он не смог удержаться от того, чтобы не выразить свое презрение ко всему этому смехом; объяснив это словами: "Потому что меня ложно обвиняют - все вы, ваше преклонение, думаете ли вы, что это правда?" Они ответили: "Нет: что вы думаете?" "Я никогда этого не делал." - "А кто делал?" - "Не спрашивайте меня." Судьи всегда принимали как должное, что притязания и страдания девушек были реальными, и возлагали на обвиняемых ответственность за их объяснение. Они продолжали: "Почему мы не должны спрашивать вас? Сара Черчилль обвиняет вас. Вот она". Джейкобс считал, что не он должен объяснять действия девочек, а сторона обвинения должна доказать его вину. "Если вы сможете доказать мою вину, я лягу под нее". Затем Сара Черчилль, которая была служанкой в его семье, сказала: "Прошлой ночью я страдала у дьякона Ингерсолла; и Мэри Уолкот сказала, что это был человек с двумя шестью: это был мой хозяин". Похоже, что после окончания процесса против Берроуза вечером у дьякона Ингерсолла состоялось собрание "кружка", на котором повторились действия девушек; и Мэри Уолкот предложила Черчиллю обвинить своего хозяина. Это показывает, каким

образом поддерживалось заблуждение. Вероятно, подобные собрания проходили то в одном, то в другом доме деревни, и на них постоянно выдвигались новые обвинения. Джейкобс обратился к судьям, пытаясь пробудить в них чувство справедливости. "Не обвиняйте меня: Я так же чист, как и ваши поклоны. Вы должны судить правильно". Сара Черчилль обвинила его в том, что он причинил ей боль; и мировые судьи, подталкивая ее к дальнейшим обвинениям, сказали ей: "Разве он не появился на другом берегу реки и не причинил вам боль? Разве вы не видели его?" Она ответила: "Да, видел". Тогда, повернувшись к нему, судьи сказали: "Вот, она обвиняет тебя в лицо: она обвиняет тебя в том, что ты дважды ранил ее" - "Это неправда. Что вы хотите, чтобы я сказал? Я не обижал никого ни словом, ни делом". "Разве не вредно причинять им боль?" - "Я никогда этого не делал". "Но как это получилось, что вы так выглядите?" - "Дьявол может принять любое обличье". "Не без их согласия". Джейкобс отверг это обвинение. "Вы принимаете меня за волшебника: с таким же успехом вы можете принять меня за канюка. Я не причинил никакого вреда". Черчилль сказал: "Я знаю, что вы прожили нечестивую жизнь". Джейкобс, обратившись к мировым судьям, сказал: "Пусть она все расскажет". Судьи спросили ее: "Молится ли он когда-нибудь в своей семье?" Она ответила: "Только в одиночестве". Судьи, обращаясь к нему: "Почему вы не молитесь в своей семье?" - "Я не умею читать". - "Что ж, но вы можете молиться. Можешь ли ты произнести молитву "Отче наш"? Давайте послушаем вас". Журналист, мистер Паррис, говорит: "Он пропустил несколько частей молитвы и не смог повторить ее правильно после многих попыток". Судьи, обращаясь к ней, спросили: "Вы не испугались, Сара Черчилль, когда к вам пришли представители вашего хозяина?" - "Да". Джейкобс воскликнула: "Что ж, сожгите меня или повесьте, я буду стоять в истине Христовой: Я ничего об этом не знаю". В ответ на вопрос магистрата он отрицал, что делал что-либо, чтобы заставить своего сына Джорджа или внучку Маргарет "подписать книгу".

Внешний вид старика, его бесстрашная осанка и печать сознательной невинности на всем, что он говорил, видимо, произвели определенное впечатление на магистратов, так как они не приняли никакого решения, а отложили допрос на следующий день. Тогда девушки спустились из деревни в полном составе, решив довести его до конца. Когда его привели, они, соответственно, все разом "впали в самые страшные припадки и визг". Когда они достаточно пришли в себя, судьи обратились к девушкам: "Это тот человек, который причиняет вам боль?". Они по очереди ответили: Эбигейл Уильямс: "Это тот самый человек", и впали в жестокий припадок. Энн Патнэм: "Это тот самый мужчина. Он обижает меня и приносит мне книгу, и хочет, чтобы я писала в ней, и говорит, что если я буду писать в ней, то стану такой же хорошей, как его внучка". Мерси Льюис, после долгих перебиваний приступами: "Это тот самый человек: он чуть не убил меня". Элизабет Хаббард: "Он никогда не причинял мне вреда до сегодняшнего дня, когда налетел на стол". Мэри Уолкот, после долгих перерывов, вызванных припадками: "Это тот самый человек: он приходил с двумя шестами и бил меня одним из них". После всего этого магистраты, решив, что он больше не может отрицать, обращаются к нему: "Что ты говоришь? Не ведьма ли ты?" "Нет: я не знаю этого, если бы я сейчас умер". Мерси Льюис направилась к нему, но, как только приблизилась, "впала в сильные судороги". "Что вы на это скажете?" - вскричали судьи. "Что ж, это ложь. Я знаю о ней не больше, чем о ребенке, который родился сегодня ночью". Репортер сообщает: "Энн Патнэм и Эбигейл Уильямс воткнули каждой из них в руку булавку и сказали, что это был этот старый Джейкобс". Он был помещен в тюрьму.

Среди свободных бумаг, хранящихся в канцелярии клерка, есть следующее свидетельство.

"Показания Сары Ингерсолл, в возрасте около тридцати лет": "Я сказал, что, увидев Сару Черчилль после ее осмотра, она подошла ко мне, плача и разминая руки, и, похоже, была сильно расстроена. Я спросил ее, что с ней. Она ответила, что сама себя расстроила. Я спросил ее, в чем. Она сказала, что в том, что обманывала себя и других, говоря, что приложила руку к книге дьявола, хотя, по ее словам, она никогда этого не делала. Я сказал ей, что верю, что она приложила руку к книге. Она ответила, плача, и сказала: "Нет, нет, нет: я никогда, никогда этого не делала". Тогда я спросил ее, что заставило ее сказать, что она это сделала. Она ответила, что потому, что они угрожали ей и сказали, что посадят ее в темницу вместе с мистером Берроузом; и так несколько раз она ходила за мной взад и вперед, говоря мне, что она сама себя обманула, обманывая себя и других. Я спросил ее, почему она не отрицает, что написала это. Она ответила, что потому, что она так долго в нем выпячивалась, что теперь не может. Она также сказала, что, если она скажет мистеру Нойесу, что только один раз приложила руку к книге, он ей поверит; но если она скажет правду и скажет, что не прикладывала руку к книге сто раз, он ей не поверит.

"Сара Ингерсолл".

На этой бумаге также стоит подпись "Энн Эндрюс".

Этот инцидент, вероятно, произошел во время допроса Джорджа Джейкобса; горькое сожаление Черчилль было вызвано тем, что она вела лживую и злобную политику против своего прежнего хозяина. Мы с облегчением думаем, что это так. Как бы плохо она ни вела себя в качестве одной из обвинительниц, в других случаях, после, как мне жаль говорить, так же как и до этого, это показывает, что она не была полностью мертва для человечества, но осознавала беззаконие, в котором была виновна по отношению к нему. Это единственный случай, о котором мы знаем, что в то время среди этих извращенных и развращенных молодых людей проявились остатки совести. Причина, по которой можно предположить, что эта демонстрация покаянных слез и мук раскаяния Черчилля произошла сразу после первого дня экзамена Джейкобса, заключается в следующем. Это было одно из первых, если не первое, мероприятие, проведенное в доме Томаса Бидла. Сара Ингерсолл вряд ли могла бы влюбиться в нее в другом месте. Из содержания и смысла документа очевидно, что депонент не была полностью увлечена распространенным заблуждением и, вероятно, не следила за ходом событий в целом. Но вполне естественно, что ее внимание было привлечено к интересующим ее событиям в доме Бидла, особенно в тот первый раз. Она жила в непосредственной близости от дома. Подпись Энн Эндрюс, дочери Джейкобса, увеличивает вероятность того, что это происходило при его осмотре.

Представители семьи Джона Ингерсолла, брата дьякона Натаниэля Ингерсолла, в 1692 году занимали ряд домов на западной стороне Дэниелс-стрит, ведущей от Эссекс-стрит к гавани. Вдова сына Джона, Натаниэля, жила на углу улиц Эссекс и Дэниелс; следующей по порядку была вдова его сына Джона; следующей - его дочь Рут, жена Ричарда Роуза; следующей - вдова его сына Ричарда; последним - его сын Сэмюэл, чей участок простирался до самой воды. Сара, свидетельница по этому делу, была женой Сэмюэля, а затем стала второй женой Филипа Инглиша. Одна из ее детей, судя по всему, вышла замуж за сына Бидла. Их непосредственная близость к дому Бидла и, как следствие, близость с его семьей привели к тому, что они стали в курсе того, что там происходило; таким образом, Сара Ингерсолл могла встретить Черчилль и иметь с ней разговор, о котором она дает показания.

Эти краткие показания Сары Ингерсолл во многих отношениях являются важным и поучительным документом. В нем вскользь показаны средства, использовавшиеся для того, чтобы удержать обвиняющих девушек и признавшихся свидетелей от отступления и, запугав

их, не дать им признать ложность своих показаний. Здесь показано, как трудно было добиться слушания, если они были настроены отказаться от своих показаний. В ней показано, как мистер Нойес, - и все эти свидетельства заставляют нас признать это, - играл такую же плохую роль, как и Пэррис; и раскрыт тот факт, что мистер Барроуз, хотя еще не был привлечен к суду, был заключен в темницу.

Никаких документов, касающихся допроса Маргарет Джейкобс, который проходил в то же время и в том же месте, что и допрос ее деда, не сохранилось. О ней мы узнаем на последующих этапах этой операции.

В тот же день - 10 мая - когда Джордж и Маргарет Джейкобс были задержаны и допрошены, был выдан ордер на арест Джона Уилларда, "мужа", который должен быть доставлен в дом Томаса Бидла в Салеме. 12-го числа Джон Путнэм-младший, констебль, сообщил, что он был в "доме, где обычно живет Джон Уиллард, и искал его, а также в нескольких других домах и местах, но не смог его найти"; и что "его родственники и друзья" сказали, "что, насколько им известно, он скрылся". 15-го числа был выдан ордер маршалу Эссекса и констеблям Салема, "или любому другому маршалу, или констеблю маршала, или констеблям в пределах этой колонии Их Величества или территории Массачусетса, в Новой Англии", требующий, чтобы они задержали указанного Уилларда, "если он может быть найден в вашем округе, который обвиняется в различных актах колдовства, совершенных им над телами Брея Уилкинса и Сэмюэля Уилкинса, сына Генри Уилкинса" и других, по жалобе, поданной "Томасом Фуллером, младшим", и Бенджамина Уилкинса, старшего, которые, будучи обнаружены, должны быть переправлены из города в город, от констебля к констеблю, ... чтобы быть преследуемыми согласно указанию констебля Джона Путнама, из деревни Салем, который идет с ними". 18 мая констебль Путнэм привез Уилларда и доставил его в магистрат. Он был схвачен в Гротоне. Протокола его допроса не сохранилось, но из имеющихся документов мы узнали следующие факты, связанные с этим интересным делом.

Уиллард был призван помочь в аресте, содержании под стражей и доставке обвиняемых, выступая в качестве заместителя констебля; и, наблюдая за поведением заключенных, а также за всем, что он слышал и видел, он проникся симпатией к ним и в более или менее нескромных выражениях выразил свое неодобрение происходящим. Похоже, он считал всех участников этого дела - обвинителей, подсудимых, магистратов и народ - одинаково околдованными. Один из свидетелей против него утверждал, что во время "беседы" в доме своего родственника он сказал: "Повесьте их: они все ведьмы". Вследствие подобных разговоров, которым он предавался еще в апреле, он навлек на себя недоброжелательность участников прозаических куций; шептались, что он сам состоит в дьявольской конфедерации. Он был внуком Брея Уилкинса, и старик стал относиться к нему с предубеждением, а большинство его родственников и соседей разделяли это мнение. Когда Уиллард обнаружил, что против него ходят подобные слухи, он обратился к деду за советом и молитвенной помощью. Он встретил холодный прием, о чем свидетельствуют следующие показания старика

"Когда на Джона Уилларда впервые пожаловались страдальцы за то, что он их обижает, он пришел ко мне домой, сильно обеспокоенный, и просил меня вместе с другими соседями помолиться за него. Я сказал ему, что ухожу из дома и не могу остаться, но если смогу прийти домой до ночи, то не откажусь. Но уже близилась ночь, когда я вернулся домой, и поэтому я не ответил на его желание; но больше я ничего не слышал о нем по этому поводу. Не обидело ли его то, что я не ответила на его желание, я не могу сказать; но впоследствии я ревновала, что это так".

Вскоре после этого Уиллард договорился о поездке в Бостон на неделю выборов с Генри Уилкинсом-младшим. Сын Генри Уилкинса по имени Дэниел, юноша семнадцати лет, наслушавшийся рассказов об Уилларде и поверивший им, стал убеждать отца не ехать с Уиллардом в Бостон и, похоже, сильно огорчился, сказав, в частности: "Было бы хорошо, если бы Уилларда повесили".

Старый Брэй Уилкинс тоже должен идти на выборы, и отправился в путь верхом на лошади - единственное средство передвижения от Уиллс-Хилла до Уиннесимит-Ферри, - с женой на подводе позади него. Ему было восемьдесят два года, а ей, вероятно, не намного меньше, ведь она была женой его молодости. Пожилая пара, несомненно, активно провела ту неделю в Бостоне. Это было большое событие, и вся страна съехалась, чтобы принять участие в церемониях и службах годовщины. В день выборов вместе с женой он поехал в Дорчестер, чтобы пообедать в доме своего "брата, лейтенанта Ричарда Вэя". Деодат Лоусон со своей новой женой и еще несколько человек присоединились к ним за столом. Прежде чем сесть за стол, вошли Генри Уилкинс и Джон Уиллард. Уиллард, видимо, не очень хорошо относился к своему деду за то, что тот проявил нежелание молиться вместе с ним. Старик то ли увидел, то ли ему показалось, что увидел, очень неприятное выражение на лице Уилларда. "По моим ощущениям, он смотрел на меня так, как я никогда не видел ни в ком". Долгое и трудное путешествие, усталость и волнения, связанные с выборами, оказались слишком тяжелыми для старика, такого крепкого и грубого, каким он был; и начался сильный приступ болезни, которой часто подвержены люди его возраста. Он испытывал огромные страдания и, по его словам, "был как человек на дыбе".

"Я сразу же сказал жене, что боюсь, что Уиллард поступил со мной дурно; боль не прекращалась, и, не находя облегчения, моя ревность продолжалась. Мистер Лоусон и другие присутствующие были поражены и не знали, чем мне помочь. Тут пришла одна опытная женщина, надеясь помочь мне, и после того, как она использовала все средства, она спросила меня, не причинил ли мне вреда кто-нибудь из этих злых людей. Я ответила, что не могу утверждать, но очень боюсь, что они это сделали. Она ответила, что тоже этого опасается..... Насколько я помню. Я пролежал в таком положении три или четыре дня в Бостоне, а затем, под угрозой жизни (как я думал), вернулся домой".

Вернувшись, он застал своего внука, того самого Дэниела, который предостерегал Генри Уилкинса от поездки в Бостон с Джоном Уиллардом, на смертном одре, в страшных мучениях. Наступил очередной приступ его собственной болезни. В окрестностях и во всей деревне царил большое смятение. Считалось, что дьявол и его единомышленники готовят ужасное нападение на жителей Уиллс-Хилла. Пэррис и другие поспешили на место происшествия. Мерси Льюис и Мэри Уолкот понеслись наверх, чтобы рассказать, кто околдовал старого Брея, юного Дэниела и других Уилкинсов, которые подхватили заразу и испытывали или воображали всевозможные телесные недуги. Их отвели в комнату, где Дэниел приближался к своим смертным агониям, и они обе утверждали, что видели призраки старой миссис Бакли и Джона Уилларда "на его горле и на его груди, и давили его, и душили его"; и эта жестокая операция, как они настаивали, продолжалась до тех пор, пока мальчик не умер. Девочек отнесли в спальню старика, который очень страдал; когда они вошли туда, встревоженные и взволнованные друзья задали Мерси Льюис вопрос, видела ли она что-нибудь. Она ответила: "Да: они ищут Джона Уилларда". Вскоре она притворилась, что увидела его явление, и воскликнула: "Вот он на животе у своего деда". Это показалось ей удивительным, поскольку, как говорит старик в своих показаниях, которые он дал впоследствии, "в то время я испытывал сильную боль в области живота".

У миссис Энн Патнэм была своя история о Джоне Уилларде. Ее суть прослеживается в показаниях, составленных примерно в то время, и они выдержаны в том же ключе, что и ее показания по другим делам; они представляют собой проблему, которую предстоит решить тем, кто сможет провести грань между полубезумной галлюцинацией и откровенной выдумкой. Ее показания выглядят следующим образом

"В этот день Сэмюэл Фуллер и Лидия Уилкинс в образе Сэмюэля Фуллера и Лидии Уилкинс сказали мне в моем собственном доме у кровати, явившись в накинутых на плечи простынях, что, если я не пойду и не скажу мистеру Хаторну, что Джон Уиллард убил их, они разорвут меня на куски. Я знал их при жизни, и это было именно их сходство и облик. И в то же время явление Джона Уилларда сказало мне, что он убил Сэмюэля Фуллера, Лидию Уилкинс, Гуди Шоу и вторую жену Фуллера, и ребенка Аарона Уэя, и ребенка Бена Фуллера; и ребенка этого депонента, Сару, шести недель от роду; и ребенок Филипа Найта с помощью Уильяма Хоббса; и ребенок Джонатана Найта и двое детей Иезекииля Чивера с помощью Уильяма Хоббса; Энн Элиот и Айзек Николс с помощью Уильяма Хоббса; и что если мистер Хэтхорн не поверит им. Хаторн не поверит им, то есть Сэмюэлю Фуллеру и Лидии Уилкинс, то, возможно, они явятся мировым судьям. В тот же день ко мне явился призрак Джозефа Фуллера и сказал, что Гуди Кори убил его. Вышеупомянутый призрак сказал мне, что месть, месть, месть, - кричал Фуллер. Эта история правдива.

"Энн Путнам".

Из найденных документов, относящихся к делу Уилларда, следует, что над телом Дэниела Уилкинса работал суд присяжных, старшиной которого был Натаниэль Путнэм. Очень жаль, что заключение этого жюри утеряно. Это был бы настоящий курьез. То, что оно было очень решающим для утверждения Мерси Льюис и Мэри Уолкот, что Дэниел был задушен призраками Джона Уилларда и Гуди Бакли, видно из того, как об этом говорит Брэй Уилкинс. В споре между ним и некоторыми людьми, выражавшими уверенность в невиновности Джона Уилларда, он попытался снять с себя ответственность за осуждение Уилларда, заявив: "Не я, не мой сын Бенджамин Уилкинс, а показания страдальцев и присяжных об убийстве моего внука Дэниела Уилкинса лишат его жизни, если что". Мистер Пэррис, конечно же, был в гуще этих событий на Уиллс-Хилле; присутствовал при визитах страдающих девушек, когда они отправились выяснять, кто были ведьмы, убившие юного Дэниела и мучившие старика; присутствовал, без сомнения, при торжественных осмотрах и расследованиях мудрецов, заседавших в качестве жюри дознания над первым, и, по всей вероятности, составил, как обычно, письменный отчет о том же. Как только он вернулся к себе домой, он разрядил свой ум и поддержал вердикт присяжных коронера этой характерной записью в своих церковных записях: "Дэн: Уилкинс. Околдован до смерти". Следующая запись относится к случаю, о котором эта строка некролога в церковной книге мистера Парриса - единственное дошедшее до нас упоминание: "Дочь Энн Дуглас. От колдовства, я не сомневаюсь". Экзамен Уилларда состоялся в Бидле 18-го числа. С таким шквалом обвинений и бурей негодования, обрушившейся на него, у него было мало шансов, и он был предан суду.

Пока маршалы и констебли преследовали Уилларда, прокуроры коротали время. 12 мая были выданы ордера на задержание и доставку "немедленно" к судьям, заседающим в Бидлсе, "Алисы Паркер, жены Джона Паркера из Салема, и Энн Пудеатор из Салема, вдовы". Элис, которую обычно называли Элси, была женой моряка. Мы знаем о ней очень мало. У нас есть показания одной женщины, Марты Датч, которые выглядят следующим образом

"Эта свидетельница показала и заявила, что около двух лет назад Джон Джарман из Салема пришел с моря, и я (эта свидетельница и Элис Паркер из Салема, обе мы стояли вместе) сказала ей: "Какое это великое милосердие - видеть, как они хорошо возвращаются домой; и благодаря милосердию, - сказала я, - мой муж много раз уходил и хорошо возвращался домой". И я, этот подсудимый, сказал Паркеру, что "я надеялся, что и в этом плавании он вернется домой хорошо". А Паркер ответила мне и сказала: "Нет, никогда больше в этом мире". Так и случилось, как она мне тогда сказала; ибо он умер за границей, как я точно слышал".

Возможно, Паркер обладала информацией, которая не дошла до ушей Датча, или же она была склонна к меланхоличным взглядам на опасности, которым подвергаются мореплаватели. Это была странная улика, которую можно было принять против человека в суде по делу о колдовстве.

Сэмюэл Шаттак, который упоминался (vol. i. p. 193) в связи с Бриджет Бишоп, имел длинную историю об Алисе Паркер. Похоже, он очень активно выдвигал обвинения в колдовстве против людей, живших по соседству, причем на самых абсурдных и несерьезных основаниях. Паркер по-дружески навестил его жену; вскоре после этого один из его детей заболел, и он заподозрил, что это "под злой рукой". При схожих обстоятельствах он затаил такую же злобу на Бриджет Бишоп. Элис Паркер, узнав, что он распространяет против нее подобные подозрения, пришла к нему домой, чтобы высказать свое мнение; между ними произошла гневная ссора, и он изложил свою версию происшедшего в качестве доказательства. Некому было представить другую сторону. Но вся эта история носит не только односторонний, но и неуместный характер, никак не связанный с вопросом о колдовстве. Все сплетни, скандалы и разговоры соседей за двадцать лет назад, как в этом деле, так и в других, были подняты и разрешены к приобщению, хотя и совершенно далеки от вопросов, относящихся к судебному разбирательству.

Можно упомянуть следующее необычное свидетельство против Элис Паркер. Однажды вечером Джон Уэстгейт был в таверне Сэмюэля Бидла в компании приятных собеседников, среди которых был и Джон Паркер, муж Элис. Она не одобряла, что ее муж проводит вечера в такой компании, да еще и в баре, и посчитала необходимым положить этому конец, если сможет. Уэстгейт рассказывает, что она "вошла в компанию, обругала и обозвала своего мужа никчемным; тогда я, упомянутый депонент, встал на сторону ее мужа, сказав ей, что с ее стороны недостойно приходить за ним в таверну и ругаться по такому поводу. После этого она подошла ко мне, назвала меня негодяем, попросила не лезть не в свое дело и сказала, что лучше бы я ничего не говорил". Далее он рассказывает, что, возвращаясь однажды ночью домой, через некоторое время после этого он испытал ужасный испуг. "Идя из дома мистера Дэниела Кинга, когда я подошел к дому Джона Робинсона, я услышал сильный шум; ...и тут появился черный боров, бегущий ко мне с открытой пастью, как будто он мог сожрать меня в тот же миг". В крайнем ужасе он попытался убежать от страшного чудовища, но, как и следовало ожидать в сложившихся обстоятельствах, упал на землю. "Я упал на бедро, и мой нож вошел в бедро по самую рукоятку. Когда я вернулся домой, мой нож был в ножнах. Когда я вытащил его из ножен, ножны тут же разлетелись куски". Далее этот свидетель утверждает, что после того, как он встал после падения, его чулок и ботинок были полны крови, и что он был вынужден ползти вдоль забора всю дорогу до дома; боров следовал за ним и не покидал его, пока он не вернулся домой. Далее он заявил, что всю дорогу его сопровождала его "крепкая собака", которая обычно была склонна нападать на свиней и "беспокоить их", но в данном случае "убежала от него, перепрыгнув через забор и сильно плача". Учитывая все это, Вестгейт завершает свое свидетельство следующим образом: "Какого борова я тогда

принял за дьявола или какую-то злую тварь, а не за настоящего борова; и тогда я действительно решил или определил в своем уме, что это была либо Гуди Паркер, либо она сама, боясь, что она ведьма". Факты, вероятно, были таковы: Ножны были сломаны при падении, на коже остались синяки, и немного крови попало в чулок и ботинок. Нож не вынимался из ножен, пока он его не вытащил; в этом не было никакой тайны или колдовства. Ничто не было более естественным, чем поведение собаки. Когда он увидел, что Уэстгейт, перепуганный до полусмерти, пытается бежать, не видя преследователя, шатаясь и шатаясь по зигзагообразному направлению с весьма эксцентричными движениями, падая пятками на голову, а затем ползет, держась за изгородь, и все время с ужасом оглядывается и, возможно, пытается выразить свое замешательство, пес не мог понять, что из этого следует; и убежала, как и подобает собаке, перепрыгивая через заборы, лая, и произнося обычные собачьи восклицания. Собаки сочувствуют своим хозяевам и, если в доме происходят какие-то забавы или другие действия, охотно присоединяются к ним. Все это произошло из-за того, что Уэстгейт не извлек пользы из упреков Элис Паркер и прекратил свои ночные визиты в бар Бидла. Единственная причина, по которой он увидел "черного борова с открытой пастью", а собака его не заметила и не пришла на защиту, заключалась в том, что он был пьян, а собака - нет.

Мы находим среди документов, касающихся этих сделок, множество других примеров подобного рода свидетельств; звуки, услышанные и увиденные людьми, идущими домой ночью через лес, после того как они провели вечер под ошеломляющим влиянием разговоров о ведьмах, Сатане, призраках и приведениях; иногда, как в этом случае, под влиянием других причин, вызывающих волнение.

Возможно, кому-то будет интересно узнать, каким путем Вестгейт добрался до своего дома, преследуемый ужасами полуночных переживаний. Похоже, он часто посещал бар Сэмюэля Бидла. Этот старый наггансеттский солдат владел участком на западной стороне улицы Святого Петра, занимавшим южный угол нынешней Церковной улицы, которая была открыта через десять лет после этого, то есть в 1702 году, под названием Эппсов переулок. На этом участке стояла его таверна. Ему также принадлежала треть акра на нынешнем углу Браун-стрит и Сент-Питерс-стрит, где у него были конюшня и сарай; таким образом, его земли находились по обе стороны Сент-Питерс-стрит, - один участок на западе, почти напротив нынешнего фасада церкви; другой - на восточной стороне Сент-Питерс-стрит, напротив южной стороны церкви. Из этого места Вестгейт и отправился в путь. Вероятно, он не пошел по Браун-стрит, поскольку в то время это был темный и безлюдный переулок, а счел наиболее безопасным выйти на Эссекс-стрит. Он направился по этой улице, миновав Общину, южная сторона которой в то время, за исключением некоторых участков, примыкающих к зданию Франклина, граничила с Эссекс-стрит. Случайное падение, катастрофа бедра, чулка и ботинка, а также колдовство над ножом и его ножнами произошли "напротив дома Джона Робинсона", который находился на восточном углу улиц Плезант и Эссекс. Дом Кристофера Бэббиджа, из которого, по его мнению, доносился "сильный шум", находился дальше за домом Робинсона. Он полз вдоль заборов и боковых сторон домов, пока не добрался до прохода на западной стороне дома Томаса Бидла, и через него смог добраться до своего собственного дома, который находился прямо к югу от участка Бидла, между ним и гаванью.

Есть одно упоминание об Алисе Паркер, которое указывает на то, что рвение обвинителей в ее деле, как и в деле мистера Берроуза и, возможно, других, было усугублено подозрением, что она была еретичкой по некоторым пунктам распространенного в то время вероучения. Пэррис рассказывает, что "мистер Нойес во время ее допроса сказал ей в лицо, что, когда он

был с ней во время болезни и обсуждал с ней колдовство, не виновна ли она, она ответила, что "если бы она была свободна от других грехов так же, как от колдовства, она бы не просила у Господа милости". Манера выражения в этом отрывке показывает, что в ее ответе было что-то очень шокирующее. Мистер Нойес "подтвердил это перед ее лицом". Несомненно, считалось, что она отрицает доктрину первородного и переданного, или вмененного, греха.

Энн Пудеатор (произносится как Пуд-и-тор) была вдовой Джейкоба Пудеатора, и ей, вероятно, было около семидесяти лет. Это имя пишется по-разному, и первоначально, как иногда встречается, оно было Poindexter. Она была женщиной состоятельной, владела двумя поместьями на северной линии Коммон; то, где она жила, занимало участок между улицами Оливер и Винтер. Она была арестована и доставлена на допрос 12 мая. Из содержания документов можно сделать вывод, что после этого она была освобождена. Некоторые жители города, желая сорвать на ней злость, добились ее повторного ареста. Экзамен состоялся 2 июля, и тогда она была арестована. Улики были, если можно так выразиться, более легкомысленными и нелепыми, чем в других случаях. Девушки играли свои обычные роли, в данном случае особенно ярко продемонстрировав передачу дьявольского вируса из себя обратно в ведьму через прикосновение к ее телу. "Энн Путнэм упала в припадке, и Пудеатор велела взять ее за запястье, что она и сделала; вскоре Путнэм поправилась. Мэри Уоррен быстро впала в два припадка, после одного другого; и оба раза ей помогло то, что Пудетор взял ее за запястье".

При хорошей игре это, должно быть, один из самых впечатляющих и эффективных приемов, используемых в подобных представлениях. Увидеть, как молодая женщина или девушка внезапно лишается чувств, теряет дар речи, бледнеет, как при смерти; мышцы напряжены, глазные яблоки неподвижны или закатились обратно в глазницы; окоченевший каркас либо полностью распростерт, либо вытянут в искаженные позы и формы, либо бьется в конвульсиях от рвущих болей, либо падает с расслабленными мышцами в безжизненный комок; услышать ужасные крики и бредовые бредни - это должно было произвести поистине жуткий эффект на возбужденное и обманутое собрание. Констебли и их помощники приходили на помощь, поднимали тело страдальца и несли его на руках к заключенному. Судьи и толпа, погрузившись в глубочайшую тишину, затаив дыхание, следили за результатом эксперимента, а офицеры медленно приближались к обвиняемому, который, приблизившись, повинувшись приказу судей, протягивал руку и касался плоти страдальца. Мгновенно спазмы прекращаются, глаза открываются, к лицу возвращается цвет, конечности восстанавливают свое положение и функции, а жизнь и разум полностью восстанавливаются. Страдалица приходит в себя, отходит назад и садится на свое место, как ни в чем не бывало. Эффект, произведенный на обвиняемого, должен был быть ошеломляющим. Удивительно, что оно не сломило их еще больше. Иногда это происходило. Бедняжка Деливеранс Хоббс, когда на ней опробовали процесс, была полностью побеждена и перешла от осознания и спокойного утверждения своей невиновности к беспомощному отказу от разума, совести и самой себя, восклицая: "Я поражена! Я поражена!" и впоследствии согласилась со всеми выдвинутыми против нее обвинениями и говорила все, что ей говорили или предполагали, что она хотела сказать.

14 мая были выданы ордера на арест Дэниела Эндрю, Джорджа Джейкобса-младшего, его жены Ребекки Джейкобс, Сары Бакли, жены Уильяма Бакли, и Мэри Уиттредж, дочери этого Бакли, - всех из деревни Салем; Элизабет Харт, жены Исаака Харта из Линна; Томаса Фаррара-старшего, также из Линна; Элизабет Колсон из Рединга; и Бетии Картер из Вобурна. Среди немногочисленных документов, относящихся к Харту, Колсону или Картеру,

нет ничего особо интересного. Констебль сообщил, что обыскал дома Дэниела Эндрю и Джорджа Джейкобса-младшего, но не смог их найти. Он сразу же принес тела Сары Бакли, Мэри Уиттредж и Ребекки Джейкобс. Фаррар и остальные были доставлены вскоре после этого.

Дэниел Эндрю был одним из ведущих людей в деревне, и ордер против него был доказательством того, что скоро ни один человек не будет слишком высок, чтобы до него могли добраться обвинители. Он почувствовал, что бесполезно пытаться сопротивляться их разрушительной силе; и, каким-то образом получив уведомление о приближении констебля, вместе со своим ближайшим соседом, другом и связным Джорджем Джейкобсом, младшим, совершил побег и нашел убежище в другой стране.

Ребекка, жена Джорджа Джейкобса-младшего, стала жертвой частичного помешательства. Ее дочь Маргарет уже находилась в тюрьме. Ее мужу удалось спастись поспешным бегством, а его отец находился в тюрьме в ожидании суда. Она осталась в одиночестве и беззащитности, в малонаселенной стране, посреди леса. Пришел констебль с ордером на ее арест. Она была доведена до отчаяния и готова была сопротивляться, но он уговорил ее пойти с ним, заверив, что скоро ей разрешат вернуться. Четверо маленьких детей, один из которых был младенцем, остались в доме, а те, кто был достаточно взрослым, чтобы ходить, пошли следом, плача и пытаясь догнать ее. Некоторые соседи забрали их в свои дома. Заключение в тюрьму женщины в ее положении и психическом состоянии было возмутительным; но ее держали в кандалах, как и всех остальных, в течение восьми месяцев. Ее мать направила скромное, но искреннее и трогательное прошение главному судье суда в Салеме, в котором изложила состояние своей дочери; но это было безрезультатно. После этого она направила аналогичный мемориал "Его превосходительству сэру Уильяму Фипсу, рыцарю, губернатору, и достопочтенному совету, заседающему в Бостоне", в следующих выражениях: - "Смиренное прошение Реи".

"Смиренное прошение Ребекки Фокс из Кембриджа показывает, что, поскольку Ребекка Джейкобс (дочь вашей покорной просительницы) уже долгое время, даже много месяцев, сидит в тюрьме за колдовство, и хорошо известно, что она сумасшедшая, рассеянная и сокрушенная, ваша покорная просительница самым смиренным и искренним образом обращается к вашему превосходительству и к вашим почестям за облегчением в этом деле.

"Ваша просительница, которая хорошо знает состояние своей бедной дочери, вместе с несколькими другими людьми с хорошей репутацией и заслугами, готовы принести свои клятвы, что упомянутая Джейкобс - женщина сумасшедшая, рассеянная и сломленная умом; и что она была такой все эти двенадцать лет и выше.

"Однако уже (я думаю) более полугода, как упомянутая Джейкобс находится в тюрьме, и все еще остается там, сопровождаемая многими болезненными трудностями.

"Христианство и природа обязывают вашу просительницу быть очень заботливой в этом вопросе; и, хотя многие важные дела занимают ваши мысли, все же ваша просительница не может иметь покоя в своем уме до тех пор, пока она не подаст это обращение от имени своей дочери".

"Некоторые уже умерли в тюрьме, другие были опасно больны; и как скоро другие, и среди них мое бедное дитя, из-за трудностей этого заключения могут заболеть и умереть, одному Богу известно".

"Она не в состоянии сделать для себя ту смену, которую могут сделать другие; и таковы ее обстоятельства, по другим причинам, что ваша просительница, которая является ее нежной матерью, имеет много больших печалей и почти непреодолимых тягот на уме из-за нее; но, посреди всех ее недоумений и бед (помимо мольбы к доброму и милосердному Богу), ваша просительница не имеет другого пути для помощи, кроме как сделать это ее страдальческое состояние известным вам. Поэтому, не сомневаясь, что Ваше Превосходительство и Ваши Честь с готовностью услышат вопли и стоны бедной страдающей женщины и окажут посильную помощь и поддержку, Ваша просительница сердечно просит милостивого Божьего присутствия с Вами; и подписывается, со всем смирением, Вашей скорбной и страдающей просительницей,

Ребекка Фокс".

На это прошение никто не обратил внимания, и несчастная женщина оставалась в тюрьме до тех пор, пока - после того, как заблуждение покинуло умы людей - большое жюри не составило против нее обвинительный акт, по которому она была привлечена к суду 3 января 1693 года и оправдана. Нет более позорной черты во всем этом разбирательстве, чем долгое заключение этой женщины, ее привлечение к суду и упрямая глухота к гуманности и разуму главного судьи, губернатора и совета.

Никаких документов, касающихся допроса Томаса Фаррара, не найдено, но следующие показания показывают, каким образом было организовано судебное преследование:...

"Показания Энн Путнам, которая свидетельствует и говорит, что 8 мая 1692 года мне явилось явление старого седобородого человека с большим носом, который мучил меня и почти душил, и убеждал написать в его книге; И я спросил его, как его зовут и откуда он пришел, ибо я хотел пожаловаться на него; и он сказал мне, что он пришел из Линна, и люди называют его "старый отец Фараон"; и он сказал, что он мой дед, ибо мой отец называл его отцом: Но я сказал ему, что не буду называть его дедом, ибо он волшебник, и я буду на него жаловаться. И с тех пор он не раз причинял мне страдания, бил меня, щипал и чуть не задушил, и постоянно заставлял писать в его книге".

"Мы, чьи имена указаны ниже, общались с Энн Патнэм, слышали, как она рассказывала то, что написано выше, - что, по ее словам, она видела и слышала в явлении старого фараона, - а также видели ее мучения и воспринимали ее адские искушения по ее громким крикам: "Я не буду писать, старый фараон, я не буду писать в твоей книге".

Томас Патнэм,
Роберт Моррелл".

Она слышала, как об этом человеке говорили как о "старом фараоне" с его "большим носом", и из чистого духа озорства, ради забавы, накричала на него. Многие документы свидетельствуют о легкомыслии этих девушек, которое показывает, насколько ожесточенными и безрассудными они стали. Следующие показания наглядно демонстрируют такое состояние их души:...

"Показания Клемента Колдума, шестидесяти лет или около того... Я утверждаю, что 29 мая 1692 года, находясь в Салемской деревне и везя домой Элизабет Хаббард с собрания, она попросила меня ехать быстрее. Я спросил ее, почему. Она сказала, что в лесу полно дьяволов, и говорила: "Там!" и "Там они!", но я не видел ни одного. Тогда я сел на коня, и, проехав немного, она сказала, что я могу ехать потише, потому что мы их обогнали. Я спросил ее, не боится ли она дьявола. Она ответила мне: "Нет: она может говорить с дьяволом так же,

как и со мной", и далее не говорит. Это я готов засвидетельствовать под присягой, если меня к этому призовут, о чем свидетельствует моя рука.

"Клемент Колдум".

"Свидетельство Дэниела Эллиота, двадцати семи лет или около того, который подтверждает и говорит, что я, будучи в доме лейтенанта Ингерсолла 28 марта в 1692 году, присутствовал там с одним из страдальцев, который вскрикнул и сказал: "Вот Гуди Проктер". Уильям Реймонд-младший, присутствовавший при этом, сказал девушке, что, по его мнению, она лжет, так как он ничего не видел. Тогда Гуди Ингерсолл сказал девушке, что она солгала, потому что ничего не было. Тогда девушка сказала, что сделала это ради спорта, - у них должен быть спорт".

Сару Бакли осматривали 18 мая, а ее дочь Мэри Уиттредж, вероятно, в тот же день. У нас есть отчет Пэрриса о ходе процесса в отношении первой. Единственными свидетелями против нее были пострадавшие дети. Они разыграли грандиозную сцену: у них начались припадки, их поднесли к обвиняемой и подвергли ее прикосновениям; Энн Путнам, Сюзанна Шелдон и Мэри Уоррен последовательно исполнили эту роль. Шелдон закричала: "Вот чернокожий мужчина шепчет ей на ухо!" Судьи и все зрители были убеждены. Ее посадили в тюрьму, и она пробыла в кандалах восемь месяцев до суда, в результате которого ее оправдали. Характер доброй жены Бакли был настолько замечательным, что ее арест и заключение в тюрьму привели к высказываниям в ее пользу, столь же почетным для тех, кто имел смелость их произнести, как и для нее самой. Перед судом над ней служители окрестных церквей выдали следующие свидетельства

"Настоящим удостоверяю, кого это может или должно касаться, что я знаю Сару, жену Уильяма Бакли из деревни Салем, более или менее с тех пор, как она была вывезена из Англии, а это более пятидесяти лет назад; и за все это время я никогда не знал и не слышал о каком-либо пороке в ее поведении или разговоре, неподобающем христианке; кроме того, она была воспитана христианскими родителями все время, пока жила здесь, в Ипсвиче. Я также свидетельствую, что упомянутая Сара была принята в церковь Ипсвича более сорока лет назад; и что я никогда не слышал от других и не замечал сам ничего такого, что противоречило бы ее профессии или не подходило бы христианству ни словом, ни делом, ни разговором, и меня удивляет, что кто-то может говорить или думать о ней как о человеке, достойном быть заподозренным в таком преступлении, в котором она сейчас обвиняется. В подтверждение этого я поставил свою руку 20 июня 1692 года.

Уильям Хаббард".

"Получив от Гудмена Бакли просьбу дать мое свидетельство о разговоре его жены до того, как с ней случилось это великое несчастье, я не могу отказаться засвидетельствовать истину, а именно, что за то время, что она жила в Салеме в течение многих лет в общении с этой церковью, время от времени часто общаясь и беседуя с ней, я никогда не замечал сам и не слышал от других ничего, что было бы неподобающим для разговора, ведущего к Евангелию, и всегда считал ее серьезной, благочестивой женщиной.

"Джон Хиггинсон".

"Марблхед, 2 января 1692/3 г. - По той же просьбе, имея такую же возможность, прожив много лет в Марблхед, я не могу не дать аналогичного свидетельства о ее благочестивой беседе во время ее пребывания в этом месте и общения с нами.

Сэмюэл Чивер".

Уильям Хаббард был почтенным священником Ипсвича, описанным Хатчинсоном как "человек образованный, с честным и благожелательным умом, сопровождаемым хорошей степенью католицизма". Другой автор описывает его как "человека необыкновенной скромности, ученого без показной наглости". Его с честью запомнят за долгое и преданное служение в христианском сане, а также как историка Новой Англии и индейских войн.

Джон Хиггинсон был достоин звания "Нестора новоанглийского духовенства". В то время ему было семьдесят шесть лет, и он был проповедником Евангелия пятьдесят пять лет. Тридцать три года он был пастором Первой церкви в Салеме, первым проповедником которой был его отец. Во всех наших летописях нет персонажа, сияющего более чистым блеском. Джон Дантон посетил его в 1686 году и так отзывался о нем: "Все люди смотрят на него, как на общего отца; и старость ради него - дело благоговейное. Он обладает всеми достоинствами, которые украшают священнослужителя. Само его присутствие отбрасывает порок с лица земли; его беседа - это взгляд на небо". Тот факт, что, в то время как его коллега Николас Нойес принимал столь активное и пагубное участие в судебных преследованиях, он на ранней стадии отказался от них, показывает, что он был человеком разборчивым и честным. О том, что он не скрывал своего неприятия этих процессов, свидетельствует не только характер его свидетельства в пользу доброй жены Бакли, но и то решающее обстоятельство, что "страдающие дети" выступили против его дочери Анны, жены капитана Уильяма Долливера из Глостера; получили ордер на ее задержание; и привели ее в Салемскую тюрьму и предали суду как ведьму. Они никогда не нападали на друзей, но непременно наказывали всех, кто был заподозрен в несогласии с их действиями. Как долго миссис Долливер оставалась в тюрьме, нам не известно. Но сломить влияние или независимость мистера Хиггинсона было невозможно. Не исключено, что он верил в колдовство, как и все другие богословы его времени; но он не боялся свидетельствовать о своих личных достоинствах, и его нельзя было заставить сотрудничать с насилием или присоединиться к духу преследования. Весомость его характера заставляла почтительно относиться к нему самых горячих фанатиков, и даже сам Коттон Мазер стремился воздать ему почести. Четыре года спустя он так пишет о нем: "Этот добрый старик еще жив; и тот, кто с детства знал Священное Писание, в те годы, когда люди становятся дважды детьми, продолжает проповедовать его с такой мужественной, уместной и рассудительной энергией и с таким незначительным упадком своих интеллектуальных способностей, что это действительно вызывает справедливое восхищение".

Сэмюэл Чивер был священнослужителем высочайшего уровня и пользовался всеобщим уважением на протяжении всей своей долгой жизни.

Из приведенных отрывков следует, что в те времена было весьма распространено приписывать несчастные случаи, травмы, боли и болезни всех видов "злой руке". Это не ограничивалось только этой местностью. Однако когда общественное мнение было возбуждено до такой степени обстоятельствами, связанными с судебным преследованием в 1692 году, эта тенденция народного легковерия очень усилилась. Полагая, что страдалец или пациент стал жертвой злобы сатаны, а также исходя из устоявшейся доктрины, что он не может действовать на людей или дела иначе, как через посредничество других людей, состоящих с ним в конфедерации, в каждом конкретном случае естественно возникал вопрос: кто входит в эту дьявольскую лигу и исполняет волю дьявола в данном случае? Кто же эта ведьма? Можно предположить, что страдающий человек и все окружающие его друзья с особой тщательностью и тревогой задавали этот вопрос и искали его решение. Считалось, что обвиняющие девушки в деревне обладают силой, способной ответить на него. Это придавало им большое значение, удовлетворяло их тщеславие и гордость и возвышало их до

уровня пророчиц. Они были готовы ответить на призывы, обращенные к ним в этом качестве; их несли в комнату больного, и, войдя туда, они восклицали при первом же появлении боли, затруднении дыхания или беспокойном движении пациента: "Вот она!" Вот она, задыхающаяся или иным образом мучающая его или ее. Если бы умы обвиняющих девушек были направлены на новую жертву, было бы названо ее имя и выдан ордер на ее задержание. Если же нет, то в этом случае использовалось имя того, кто уже находился в заключении. Также было принято считать, что, хотя обычные крепления не помешают ведьме отправиться "в своем явлении" на любое расстояние, чтобы причинять страдания людям, их можно удвоить. Как только одна из обвинительниц притворялась, что видит призраки людей, уже находящихся в тюрьме, которые причиняют кому-либо страдания, немедленно отдавался приказ заковать их в более крепкие цепи. Время от времени на несчастного узника, и без того страдающего от уз и наручников, накладывали дополнительные кандалы и цепи. Это была одна из самых жестоких черт в этих процессах. Об этом свидетельствует следующий документ

"Показания Бенджамина Хатчинсона, который свидетельствует и говорит, что вскоре после последней казни моя жена сильно страдала от сильных болей в голове, зубах и во всех частях тела, а в день субботний, две недели назад, она была в таком сильном страдании, что сказала, что верит, будто на нее наложена злая рука: Тогда я пошел к Мэри Уолкот, одной из наших соседок, чтобы она пришла и посмотрела, не видит ли она кого-нибудь на ней; и, как только она вошла в дом, она сказала, что две наши соседки, Сара Бакли и Мэри Уиттредж, были на моей жене. И сразу же моей жене стало легче, а Мэри Уолкот стала мучиться. Тогда я спустился к шерифу и попросил его принять меры к этим женщинам, чтобы они не имели такой силы мучить: и вскоре он приказал заковать их в цепи, и с тех пор моя жена была вполне здорова; и я верю, в глубине души, что Сара Бакли и Мэри Уиттредж причинили вред моей жене и нескольким другим людям колдовством".

"Бенджамин Хатчинсон признал вышеприведенные доказательства истинными под присягой перед большим дознанием 15-7 1692 года".

Из соображений, вытекающих из вышеупомянутого документа, и указаний, разбросанных в бумагах в целом, можно сделать вывод, что все лица, обвиненные в колдовстве, содержались в строго выглаженном и крепко застегнутом состоянии. Сохранилось лишь несколько счетов за понесенные расходы. Среди них мы находим следующие: За починку и надевание оков Рейчел Клентон; одна пара оков для Джона Говарда; по паре оков для Джона Джексона-старшего и Джона Джексона-младшего, и Джона Джексона-младшего; восемнадцать фунтов железа для кандалов; за изготовление четырех пар железных кандалов и двух пар наручников и надевание их на ноги и руки доброй жены Клойса, Исти, Бромиджа и Грина; цепей для Сары Гуд и Сары Осберн; кандалов для десяти заключенных; и одной пары утюгов для Мэри Кокс. Если вспомнить характер заключенных в целом - многие из них были немощны и слабы, некоторые почтенны как своими достоинствами, так и годами, - и то, что они находились в этом жестоко болезненном состоянии с ранней весны до середины января следующего года, а большая часть - до мая 1693 года, в экстремальных условиях жары и холода, подвергаясь самым мучительным воздействиям того и другого, теснясь в узких, темных и шумных тюрьмах под натиском всех неудобств, ограничений, лишений, облучений и мерзостей, мы удивляемся не тому, что многие из них умерли, а тому, что все не сломались телом и духом.

Сара Бакли и ее дочь предстали перед судом только после того, как обвинение перестало преследовать их до смерти. Они были оправданы в январе 1692 года. Все их вещи и имущество были конфискованы полицейскими, как это обычно делалось, во время ареста.

При прежних скромных обстоятельствах им потребовался последний шиллинг, чтобы покрыть расходы на содержание в тюрьме. Они, как и все остальные, должны были сами обеспечивать свое содержание в тюрьме; и после суда и оправдания их не освобождали, пока не были оплачены все расходы. Для удовлетворения требований служащих суда и тюрьмы пришлось собрать по пять фунтов на каждого из них. В результате семья совершенно обнищала. Бедная старушка и ее престарелый муж страдали от абсолютной нужды до конца своих дней. Их истинно христианские добродетели скрашивали их бедность и обеспечивали уважение и почтение всех добрых людей. Преподобный Джозеф Грин сделал такую запись в своем дневнике: "2 января 1702 г. Старый Уильям Бакли умер сегодня вечером. Он был на собрании в прошлую субботу и умер от простуды, боюсь, из-за недостатка удобств и хорошего ухода. Господи, прости! Ему было около восьмидесяти лет. Я навещал его и молился с ним в понедельник, а также вечером накануне его смерти. Он был очень беден, но, я надеюсь, не имел своей доли в этой жизни". Слова "Господи, прости!" выражают глубокое чувство, которое испытывал мистер Грин и о котором свидетельствовало все его служение, о невыразимых страданиях и несчастьях, причиненных семьям преследованиями за колдовство. Случай с Сарой Бакли, ее мужем и семьей был лишь одним из многих. Скромные, безобидные, невинные люди, пережившие это страшное и безжалостное преследование, должны были испытать из такой горькой чаши, какую непостижимое Провидение когда-либо позволяло поднести к человеческим устам. По отношению к ним мы чувствуем уверенность в том, на что смиренно надеялся добрый мистер Грин, что "они не имели своей доли в этой жизни". Те, кто стойко, терпеливо и спокойно прошел через это великое испытание, не утратив ни любви, ни веры, увенчаны славой и честью.

Обследование и посвящение Мэри Исти 21 апреля уже были описаны. По какой-то причине, о которой у нас нет сведений, 18 мая она была выписана из тюрьмы и полностью освобождена. Это, по-видимому, очень не понравилось обвиняющим девушкам. Они были полны решимости не оставлять ее в покое и приложили все усилия, чтобы вернуть ее в тюрьму. 20 мая Мерси Льюис, находившаяся в доме Джона Путнама-младшего, была схвачена припадками и подверглась пыткам невиданной жестокости. Конкретные обстоятельства этого случая, собранные из различных показаний, наглядно демонстрируют, как умело девушкам удалось произвести желаемый эффект на общественное мнение.

Сэмюэл Эбби, сосед, за которым послали или нет, нам не известно, отправился в дом Джона Патнэма тем утром, около девяти часов. Он обнаружил Мерси в ужасном состоянии, взывающую к нему с жалобными нотками страдания: "Господи, прими мою душу!" - "Господи, пусть они не убьют меня совсем!" - "Молись о спасении моей души, ибо они убьют меня на месте". Его попросили пойти в дом Томаса Путнэма и привести его дочь Энн, "чтобы она посмотрела, кто обидел Мерси Льюис". Он нашел Эбигейл Уильямс с Энн, и они пошли с ним обратно к Джону Путнэму. По дороге они обе закричали, что видят явление Гуди Исти, поразившего Мерси Льюис. Когда они дошли до места происшествия, то воскликнули: "Вот Гуди Исти, Джон Уиллард и Мэри Уиттредж поражают тело Мерси Льюис". Мерси в это время пыталась отдышаться и выглядела задушенной, билась в конвульсиях и, очевидно, находилась на последнем издыхании. "Так, - говорит Аббатство, - она пролежала большую часть дня, испытывая такие мучения, которые не может выразить ни один язык". За Мэри Уолкот послали. Войдя в дом, она воскликнула: "Вот явление Гуди Эсти, которая душит Мерси Льюис, давит обеими руками ей на грудь и надевает цепь на шею". Затем было послано сообщение для Элизабет Хаббард. Она тоже увидела фигуру Гуди Исти, "той самой женщины, которую на днях отправили домой", которой помогали в ее дьявольских операциях Уиллард и Уиттредж, "истязая Мерси самым ужасным образом". Известие о шокирующих страданиях Мерси распространилось далеко и широко, и люди спешили к месту

происшествия со всех сторон. Джонатан Путнэм, Джеймс Дарлинг, Бенья мин Хатчинсон и Сэмюэл Брейбрук добрались до дома вечером и нашли Мерси "в таком состоянии, как будто смерть должна была быстро последовать". Время от времени Мерси делала передышку, и в такие промежутки Элизабет Хаббард восполняла пробел. "Эти двое поочередно впадали в припадки; один был здоров, а другой болен". Каждая из них все это время продолжала кричать на Гуди Эсти, произнося в трансе горячие слова протеста против ее жестоких действий, представляя, как она приносит им простыни и гробы и угрожает убить их, "если они не подпишутся под ее книгой". Их актерская игра была настолько полной, что зрители, похоже, думали, что слышали слова Исти, а также ответы девушек; и что они видели "простыню, гроб" и "книгу". В общей суматохе за маршалом Херриком послали. О том, что он видел, слышал, думал и делал, можно судить по следующим записям: - "20 мая 1692 года.

"20 мая 1692 г. Свидетельство Джорджа Херрика, тридцати четырех лет или около того, и Джона Путнама-младшего из деревни Салем, тридцати лет, из деревни Салем, в возрасте тридцати пяти лет или около того.-Свидетельствует и говорит, что, находясь в доме вышеупомянутого Джона Путнама, мы оба видели Мерси Льюис в очень ужасном и торжественном состоянии, так что, по нашему мнению, она не сможет долго оставаться в этом мире без смягчения тех мучений, в которых мы ее видели, что заставило нас поспешно послать за Мэри Исти, в надежде, если это возможно, спасти ей жизнь; И, вернувшись в ту же ночь в дом Джона Путнама около полуночи, мы нашли упомянутую Мерси Льюис в страшном припадке, но к ней вернулся рассудок. Она снова сказала: "Что! Вы принесли мне намотанную простыню, добрая жена Исти? Да я лучше в простыню полезу, чем за книгу возьмусь!" Но после этого припадки становились все слабее и слабее, но она все равно жаловалась, что у нее очень болит живот. Около полудня она заснула, но все еще продолжала сильно болеть, и с ней случился ужасный приступ, как раз когда мы ее оставили; так что мы почувствовали в ней жизнь, и это было все".

Эдвард Путнэм, заявив, что тяжкие страдания и мучения Мерси Льюис были возложены ею и другими четырьмя девушками на Мэри Исти, утверждает следующее

"Я сам, присутствуя там вместе с несколькими другими, почти два дня и одну ночь не ожидал ничего другого, кроме настоящей смерти. Она была задушена почти до смерти, так что мы иногда думали, что она уже умерла; ее рот и зубы были закрыты; и все это происходило очень часто, пока мы не поняли, что Мэри Исти была заключена в кандалы".

Припадки Мерси прекратились не сразу после задержания Исти, а после того, как магистрат в Салеме заключил ее в тюрьму и заковал в цепи.

Изучение расстояний с помощью [карты, лежащей](#) перед нами, покажет, с какой быстротой были отправлены дела по этому случаю. Эбби отправился в дом Джона Путнама-младшего в девять часов утра 20 мая. Его послали в дом Томаса Путнама за Энн, и он привез ее и Эбигейл Уильямс. За Мэри Уолкот послали в дом ее отца, капитана Джонатана Уолкота, и она поднялась в один час, "около часа по солнцу". Затем Элизабет Хаббард, жившая в доме доктора Григгса, "была доставлена в дом констебля Джона Путнама": Джонатан Путнам, Джеймс Дарлинг, Бенджамин Хатчинсон и Сэмюэл Брейбрук добрались туда вечером, как говорится, "между восемью и одиннадцатью часами". Тем временем прибыл маршал Херрик. Были предприняты шаги для получения ордера. Джон Патнэм и Бенджамин Хатчинсон отправились в Салем к Хаторну с этой целью. Должно быть, они отправились вскоре после восьми. Хаторн сразу же выдал ордер. Он датирован 20 мая. Херрик отправился с ним в дом Айзека Исти, произвел арест, отправил заключенного в тюрьму в Салеме, а сам вернулся в

дом Джона Путнама "около полуночи"; оставался свидетелем явно смертельных страданий Мерси до "рассвета"; вернулся в Салем; провел допрос перед Хаторном, у Томаса Бидла: Все было закончено, Мэри Исти заковали в кандалы, информацию о результатах передали Джону Путнаму, и агония Мерси прекратилась в тот же день, как свидетельствует Эдвард Путнам.

Я привел этот конкретный рассказ об обстоятельствах, которые привели ко второму аресту Мэри Исти и сопровождали его, потому что бумаги, относящиеся к этому делу, в некоторых отношениях позволяют лучше понять положение вещей, чем другие, и потому что они дают нам возможность осознать власть, которой пользовались обвиняющие девушки.

Продолжение их конвульсий и спазмов в течение такого длительного времени, большое количество людей, которые были свидетелями и наблюдали за ними среди бела дня, и полный успех их операций, показывают, насколько тщательно они обучились своему искусству. Я представил эти случаи в порядке убывания времени, чтобы, оценив пройденные расстояния и период, в течение которого они происходили, можно было составить представление о том, с какой серьезностью действовали люди в "торопливой суете удивительных бедствий" и непреодолимых ужасов. Этот случай также дает нам представление об ужасном положении вещей, когда любой человек, каким бы респектабельным и достойным он ни был, в любой момент мог быть схвачен, оскорблен и уничтожен.

Мэри Исти уже испытала на себе злобу преследователей. Два месяца она терпела страдания от тюремного заключения, только что была освобождена и два дня наслаждалась восстановлением свободы, домашним уютом и воссоединением с семьей. Она и они, без сомнения, считали себя защищенными от дальнейших злодеяний. После полуночи ее разбудил ото сна бесчувственный маршал, оторвал от мужа и детей, отвез в тюрьму, заковал в цепи и, наконец, предал страшной и жестокой смерти. Она была прекрасной и благочестивой матроной. Ее муж, вспоминая об этом событии спустя почти двадцать лет, справедливо заметил, что все должны чувствовать, что это было "адское издевательство".

Одним из самых злобных свидетелей против Мэри Исти была "добрая жена Биббер". Она вмешивалась во многие дела, выступая в роли стороннего члена "обвинительного круга", добровольно помогая вести преследования. Для магистратов и судей было возмутительно потворствовать такой лживой клевете. Среди бумаг есть документы, которые показывают, что ее следовало бы наказать как клеветницу, а не вызывать под присягой произносить ложь против уважаемых людей. В суде под присягой были даны следующие показания:

"Свидетельство Джозефа Фаулера, который подтверждает, что Гудмен Биббер и его жена жили в моем доме; и я заметил и принял к сведению, что Гудмен Биббер был женщиной, очень праздною в своем деле, и очень любил болтать и разносить небылицы, делая пакости среди своих соседей, и очень любил говорить плохие слова, и обзывал своего мужа, и был женщиной очень буйной, неуправляемой".

Джозеф Фаулер жил в Уэнхеме и был человеком респектабельным и влиятельным. Его брат Филипп также был известным человеком; он работал адвокатом сельского прихода в его тягбе с мистером Пэррисом; он женился на сестре Джозефа Херрика. Они были внуками первого Филиппа, который был ранним эмигрантом из Уэльса и поселился в Ипсвиче, где у него были большие земельные владения. Генри Фаулер и два его брата, ныне живущие в Дэнверсе, являются потомками этой семьи: один из них, Августус, отличился как натуралист, особенно в области орнитологии; другой, Сэмюэл Пейдж Фаулер, - как исследователь наших ранних летописей и местных древностей. В 1692 году один из Фаулеров вел процесс в суде против главы и фронта обвинения в колдовстве, а другой имел мужество в самый страшный

час этого заблуждения дать открытые показания в защиту его жертв. Интересно, что человек того же имени и происхождения, перепечатавая бумаги Калефа и публикуя их в других изданиях, сделал столько же, сколько любой другой человек в наше время, чтобы вывести всю эту сделку на свет истины и справедливости.

Джон Портер, внук первого Джона Портера и первого Уильяма Доджа, человек с имуществом и семьей, со своей женой Лидией; Томас Джейкобс и Мэри, его жена; и Ричард Уокер, - все из Уэнхема и долгое время соседи этой Биббер, - подтверждают показания Фаулера, что она была женщиной необузданной, буйной, с двойным языком, много болтала и разносила небылицы, делала пакости своим соседям, очень любила говорить плохие слова, часто наговаривала то на одного, то на другого, говорила неправду и высказывала злые пожелания против людей. Было убедительно доказано, что она уже давно была известна тем, что в любой момент могла впасть в припадок. Один свидетель сказал, что "она часто впадала в странные припадки, когда была не в духе", а другой - "что она могла впадать в припадки так часто, как ей вздумается".

21 мая были выданы ордера на арест жены Уильяма Бассета из Линна, Сюзанны Рутс из Беверли и Сары, дочери Джона Проктера с фермы Салем; через несколько дней после этого - Бенджамина, сына упомянутого Джона Проктера; Мэри Дерич, жены Майкла Дерича и дочери Уильяма Бассета из Линна, и жены Роберта Пиза из Салема. Документы, относящиеся к этим лицам, ничем не отличаются от уже представленных.

28 мая были выданы ордера на арест Марты Кэрриер из Андовера, Элизабет Фосдик из Малдена, Уилмота Рида из Марблхеда, Сары Райс из Рединга, Элизабет Хау из Топсфилда, капитана Джона Алдена из Бостона, Уильяма Проктера из Салем Фармс, капитана Джона Флуда из Румни Марш, -- Тотакера и ее дочери из Биллерики и ---- Аббота между Топсфилдом и Уэнхемом. 30-го числа был выдан ордер на Элизабет, жену Стивена Пейна из Чарльзтауна; 4 июня - на Мэри, жену Бенджамина Ирсона из Линна. Кроме того, есть уведомления о поданных жалобах и выданных ордерах на большое количество людей во всех частях страны: Мэри Брэдбери из Солсбери; Лидии и Сары Дастин из Рединга; Энн Сирс из Вобурна; Джоба Туки из Беверли; Эбигейл Сомс из Глостера; Элизабет Кэри из Чарльзтауна; Кэнди, негритянки, и многих других. Некоторые из них представляют интерес и требуют особого внимания.

Дело Марты Кэрриер имеет ряд примечательных особенностей. Из уже приведенных отрывков видно, что каждый досужий слух, все, что могли породить сплетни легковверных или плодовитое воображение злонамеренных; все, что можно было почерпнуть из памяти или фантазии, что могло неблагоприятно отразиться на обвиняемом, каким бы чуждым или не имеющим отношения к обвинению оно ни было, разрешалось приводить в качестве доказательства перед магистратами и принимать на судебных заседаниях. Мы видели, что ребенка в возрасте до пяти лет арестовывали и сажали в тюрьму. Детям не только разрешалось, но и побуждалось становиться свидетелями против своих родителей, а родителям - против своих детей. Мужей и жен заставляли уличать друг друга в суде в качестве свидетелей. Когда Марта Кэрриер была арестована, четверо ее детей также были взяты под стражу. Обвинительный акт против одного из них находится среди бумаг. Под воздействием ужасов, обрушившихся на них, их убедили стать исповедниками. Ниже рассказывается о том, как этих детей готовили к рассказу: "Сара Кэрриер попросила Сару Кэрриер рассказать свою историю.

"Судьи спросили Сару Кэрриер.

"Как давно ты стала ведьмой?" - "С тех пор, как мне исполнилось шесть лет".

"Сколько тебе сейчас лет? - Почти восемь: брат Ричард говорит, что в ноябре следующего года мне исполнится восемь лет.

"Кто сделал тебя ведьмой? - Моя мать: она заставила меня взять в руки книгу.

"Как ты поднесла к ней руку?" - "Я коснулась ее пальцами, и книга была красной, а бумага - белой".

"Она сказала, что никогда не видела черного человека: место, где она это сделала, было на пастбище Эндрю Фостера, и там была Элизабет Джонсон-младшая. На вопрос, кто был там кроме нее, она ответила, что ее тетя Тутакер и ее двоюродный брат. На вопрос, когда это было, она ответила, что когда ее крестили.

"Что они обещали вам дать? Черную собаку.

"Приходила ли к вам собака? Нет.

"Но вы сказали, что однажды видели кошку: что она вам сказала?" - "Она сказала, что разорвет меня на куски, если я не поднесу руку к книге".

"Она сказала, что ее мать крестила ее, и дьявол, или черный человек, не был там, как она видела; и ее мать сказала, когда крестила ее: "Ты моя на веки вечные. Аминь".

"Как вы их мучили?" - "Я их щипал".

И она сказала, что у нее нет кукол, но она сама ходит к тем, кого страшает". Когда ее спросили, в теле она ходит или в духе, она ответила, что в духе. Она сказала, что мать понесла ее туда, чтобы она страдала.

"Как твоя мать несла тебя, когда была в тюрьме?" - "Она пришла, как черная кошка".

"Как ты узнала, что это твоя мать?" - "Кошка сказала мне, что она моя мать". Она сказала, что в прошлую субботу она поразила ребенка Фелпса, и Элизабет Джонсон присоединилась к ней, чтобы сделать это. У нее было деревянное копье длиной с палец Элизабет Джонсон, а у нее - дьявола. Она не призналась, что когда-либо была на собрании ведьм в деревне. Вот суть дела.

"Саймон Уиллард".

Среди бумаг есть признание еще одного из ее детей. Оно гласит: "Вы были на дьявольском собрании?

"Попадал ли ты в ловушку дьявола? Да.

"Попал ли твой брат Эндрю в ловушку дьявола?" - "Да".

"Как долго ваш брат был ведьмой? Около месяца.

"Как долго вы были ведьмой? Недолго.

"Участвовали ли вы в наведении порчи на страдальцев?" - "Да".

"Вы помогали ранить Тимоти Свона, не так ли? Да.

"Как долго вы были ведьмой? Около пяти недель.

"Кто был рядом, когда вы заключили договор с дьяволом? Миссис Брэдбери.

"Помогала ли она вам в вашем несчастье? Да.

"Кто был на деревенском собрании, когда вы там были? Гудвайф Хау, гудвайф Нерс, гудвайф Уайлдс, Проктер и его жена, миссис Брэдбери и жена Кори.

"Что они там делали?" - Ели и пили вино.

"Был ли там священник? Нет, насколько мне известно.

"Откуда у вас вино? Думаю, из Салема.

"Там была добрая жена Оливера? Да, я ее знал".

Завершая свой отчет о суде над этой несчастной женщиной, чьи дети стали орудием ее смерти, доктор Коттон Мазер выражается следующим образом.

"Эта буйная карга (Марта Кэрриер) была человеком, о котором признания ведьм, и ее собственных детей в том числе, сходились на том, что дьявол обещал ей стать королевой ада".

Совершенно очевидно, что эта "разбушевавшаяся карга" была не лучшего мнения о сановниках и прорицателях, управлявших делами в то время, чем они о ней. Запись ее допроса показывает, что она не боялась высказывать свое мнение, да еще и в откровенных выражениях. Когда она предстала перед магистратом, вопросы и ответы на них были следующими. Свидетели обвинения по отдельности выдвинули против нее свои обвинения, заявив, что она мучила их различными способами и угрожала перерезать им горло, если они не подпишут книгу дьявола, которую, по их словам, она им подарила, судьи обратились к ней со следующими словами: "Что вы скажете на это, в чем вас обвиняют?" Она ответила: "Я этого не делала". Одна из обвинительниц закричала, что в этот момент она втыкала в нее булавки. Другой заявил, что в этот момент она смотрела на "черного человека" - фигуру, в которой, по их мнению, появлялся дьявол. Судья спросил обвиняемую: "Что это за черный человек?". Она ответила: "Я не знаю такого". Обвинители закричали, что черный человек присутствует и виден им. Судья спросил ее: "Какого черного человека вы видели?" Она ответила: "Я не видела никакого черного человека, кроме вашего собственного присутствия". Всякий раз, когда она смотрела на обвинителей, они сбивались с ног. Судья, совершенно обманутый их практическим поведением, спросил ее: "Можете ли вы смотреть на них и не сбивать их с ног?" Она ответила: "Если я посмотрю на них, они раскаются". Он продолжил: "Видите, вы смотрите на них, и они падают". Она вспыхнула: "Это ложь: дьявол - лжец. С тех пор как я вошла в комнату, я ни на кого не смотрела, кроме вас". Сюзанна Шелдон, находясь в трансе, воскликнула: "Интересно, ради чего вы убили тринадцать человек?" При этом ее дух воспрял: обвинители впали в самые невыносимые вопли и агонию. Обвиняемая упрекала судью, обвиняя его в несправедливости, что он не обратил внимания на ее слова и принял все, что говорили обвинители. "Это позор, что вы должны обращать внимание на этих людей, которые не в своем уме"; и, обращаясь к тем, кто выдвигал против нее эти ложные и нелепые обвинения, она сказала: "Вы лжете: меня обижают". Энергия и мужество заключенной повергли обвинителей, магистратов и всю толпу в смятение и беспорядок. Запись завершает описание этой сцены такими словами: "Истязания страдальцы были столь велики, что не было сил терпеть, и тогда ее приказали увести и связать по рукам и ногам со всей решительностью; страдальцу тем временем чуть не убили, к великой беде всех зрителей, магистратов и прочих".

Пэррис заканчивает свой отчет об этом осмотре следующим образом: "Примечание.

"Примечание... Как только она была хорошо связана, все они почувствовали странную и внезапную легкость. Мэри Уолкот сказала судьям, что эта женщина сказала ей, что она была ведьмой сорок лет".

Это показывает, какого рода общение позволялось девушкам с магистратами, возбуждая их предубеждения против обвиняемых и наполняя их уши всевозможными преувеличенными и ложными историями. Как бы ни злословили ее соседи, некоторые из которых давно имели привычку распространять клевету против нее, весь тон бумаг, касающихся ее, показывает, что она всегда с негодованием отвергала обвинения в ведьмовстве и была последним человеком в мире, который добровольно сделал бы такое заявление, как сообщила Мэри Уолкот.

Допрос Марты Кэрриер, должно быть, стал одной из самых ярких сцен всей драмы, связанной с процессом о колдовстве. Деревенский дом собраний представлял собой поистине дикое и захватывающее зрелище. Страшное и ужасное суеверие, омрачавшее умы людей, проявлялось в их облике и движениях. Их вера в то, что именно здесь и сейчас они являются свидетелями великой борьбы между царствами Бога и лукавого, и что все поставлено на карту, придавала выражению их лиц благоговейный оттенок. Слепая, беспрекословная уверенность магистратов, духовенства и всех участников судебного процесса в показаниях обвинителей, громкие крики об их притворных страданиях, их конвульсии, обмороки и кувыркания вызывали у собравшихся обычное замешательство. К этому добавлялось более чем обычное смелое и вызывающее поведение заключенной, доведенной до отчаяния возмущением человеческой природы в результате издевательств над ее бедными детьми; ее твердое и непоколебимое мужество перед лицом бури, которая поднялась, чтобы захлестнуть ее, сурово упрекая магистратов: "Это позорно, что вы обращаетесь к этим людям, которые не в своем уме"; все ее поведение, провозглашающее ее сознательную невиновность и доказывающее, что она предпочла цепи, темницу и эшафот, чтобы не лгать себе. Редко какая сцена из реальной жизни или картина, созданная вдохновением гения и рукой художника, по своим отдельным персонажам или общей группировке превосходила ту, что была представлена в этом случае.

Хатчинсон сохранил запись другого осмотра иного характера. Перед судьями предстала невежественная негритянка-рабыня. Она оказалась достаточно хитрой, чтобы не только признаться, но и прикрыться плащом, будто ее ввела в затруднительное положение хозяйка.

"Кэнди, ты ведьма? Кэнди не ведьма в своей стране. Мать Кэнди не ведьма. Кэнди не ведьма на Барбадосе. В этой стране хозяйка сделала Кэнди ведьмой.

"Сделала ли твоя хозяйка тебя ведьмой в этой стране?" - "Да: в этой стране хозяйка дала Кэнди ведьму".

"Что сделала твоя хозяйка, чтобы сделать тебя ведьмой?" - "Хозяйка принесла книгу, перо и чернила; заставила Кэнди писать в ней".

Когда ее спросили, что она написала, она взяла перо и чернила и сделала пометку. Когда ее спросили, как она наводит на людей порчу и где куклы, с помощью которых она это делает, она ответила, что, если они позволят ей выйти на минутку, она покажет им, как это делается. Они позволили ей выйти, и вскоре она вернулась с двумя кусками ткани или льна - один с двумя узлами, другой с одним, завязанным на нем. Сразу же увидев эти предметы, "страдающие дети" "сильно испугались" и впали в жестокие припадки. Когда они пришли в себя, то заявили, что "черный человек", миссис Хокс и негр стояли возле кукол из тряпок и щипали их. После этого они снова впали в припадок. "Когда кусочек одной из тряпок

подожгли, все они закричали, что обожглись, и "страшно закричали". Когда некоторые куски окунули в воду, они стали биться в конвульсиях, как утопающие, а один из них выскочил из комнаты и помчался вниз к реке.

Кэнди и девочки так хорошо сыграли свои роли, что бедной миссис Хоукс не оставалось ничего другого, как признаться в содеянном, что она и сделала незамедлительно. Их обоих отправили в тюрьму. К счастью, суд над ними состоялся только в январе следующего года, и тогда, когда галлюцинация развеялась, их оправдали.

Кроме уже упомянутых, среди жертв этого заблуждения были и другие, чьи случаи возбуждают нашу нежнейшую чувствительность и усиливают ужас при созерцании этой сцены. Похоже, что за некоторое время до того, как в деревне Салем произошли эти события, между двумя семьями на границе Топсфилда и Ипсвича возникли разногласия, какие часто случаются между соседями, по какому-то незначительному поводу, связанному с имуществом, заборами или границами. Их звали Перли и Хау. Дочь Перли, примерно десяти лет от роду, услышав, вероятно, крепкие выражения своих родителей, возбудилась против Хау и обвинила жену Хау в том, что та ее околдовала. Она вела себя образом "страдающих девочек" в деревне Салем, которая находилась неподалеку от места ее проживания. Очень скоро распространилась идея, что миссис Хау - ведьма, и все, что случалось с кем-либо, возлагалось на ее дверь. Против нее кричали "страдающие дети" в деревне Салем, и 31 мая 1692 года ее привели на допрос к мировым судьям. Когда ее привели к ней, обвинители впали в свои обычные припадки и конвульсии и обвинили ее в том, что она их мучает. На вопрос магистрата: "Что вы скажете на это обвинение?" - она ответила: "Если это был последний момент моей жизни, то, видит Бог, я ни в чем таком не виновата". Бумаги, связанные с ее судебным процессом, свидетельствуют о прекрасном характере этой благочестивой и приятной женщины. Одна особа, прожившая рядом с ней двадцать четыре года, утверждает в своих показаниях, "что нашла ее добрососедкой, добросовестной в делах, верной своим обещаниям и христианской в общении". Еще несколько человек присоединяются к этому заявлению: "Со своей стороны, мы были хорошо знакомы с ней более двадцати лет. Мы никогда не видели, чтобы она очень хорошо несла ее, и что как ее слова, так и поступки всегда были такими, как и подобает хорошей христианке".

Следующие отрывки иллюстрируют нечестивые приемы, которые иногда используются для обвинения невинных людей, и служат убедительным доказательством совершенства характера и сердца Элизабет Хау: -

"Свидетельство Сэмюэля Филлипса, в возрасте около шестидесяти семи лет, служителя Слова Божьего в Роули, который говорит, что мистер Пейсон (служитель Слова Божьего также в Роули) и я пошли, по желанию, к Сэмюэлю Перли из Ипсвича, чтобы увидеть их маленькую дочь, которую посещали странные приступы; и в своих приступах (как утверждали ее отец и мать) она упоминала Гудвайф Хау, жену Джеймса Хау, младшего, из Ипсвича, как будто она была в доме, и мучила ее. Когда мы были в доме, у ребенка случился один из приступов, но он не упоминал о доброй жене Хау; а когда приступ закончился и она пришла в себя, добрая жена Хау подошла к ребенку, взяла ее за руку и спросила, не причиняла ли она ей зла; она ответила: "Нет, никогда; и если я жаловалась на тебя в своих приступах, то не знала, что делаю это". Далее я могу подтвердить под присягой, что юный Сэмюэль Перли, брат пострадавшей девочки, выглянул из окна комнаты (я и пострадавший ребенок были вместе без дверей) и сказал своей сестре: "Скажи, что добрая жена Хау - ведьма, скажи, что она ведьма"; и ребенок не проронил ни слова в ответ. Но я посмотрел на

окно, где стоял юноша, и упрекнул его за смелость подстрекать сестру к обвинению упомянутой Гудвайф Хау, тогда как она оправдала ее от причинения какого-либо вреда его сестре в обоих наших слушаниях; и я добавил: "Неудивительно, что ребенок в своих припадках упоминал Гудвайф Хау, когда ее ближайшие родственники так часто выражали свои подозрения в слух ребенка, когда она выходила из своих припадков, что упомянутая Гудвайф Хау была инструментом зла для ребенка"".

Мистер Пейсон, касаясь того же случая, дал следующие показания: -

"Когда я был в доме Перли за некоторое время до прихода упомянутой доброй жены Хау, их страдающая дочь, услышав что-то, что ее мать говорила ей с терпением, впала в один из своих обычных странных припадков, во время которого она не упоминала (как я заметил) ни имени упомянутой Хау, ни чего-либо, связанного с ней. Через некоторое время после этого вошел Хау, когда девочка пришла в себя и ее припадок закончился. Сказанная Хау взяла девочку за руку и спросила, не причиняла ли она ей когда-нибудь зла. Ребенок ответил: "Нет, никогда", и еще несколько выражений в том же духе".

Поведение Элизабет Хау, подвергшейся столь жестоким и постыдным обвинениям, сфабрикованным и распространенным против нее, являет собой одну из самых прекрасных картин истинно прощающего духа и хриstopодобной любви, которые только можно найти. Несколько свидетелей говорят: "Мы часто говорили с ней о некоторых вещах, которые о ней рассказывали и которые вызывали подозрение в том, в чем ее сейчас обвиняют; и она, всегда исповедуя свою невиновность, часто просила наших молитв к Богу за нее, чтобы Бог сохранил ее в своем страхе и поддержал ее в ее бремени. Мы часто слышали, как она рассказывала о тех людях, которые распространяли о ней эти сведения, и мы никогда не слышали, чтобы она плохо отзывалась о них за то же самое; но в нашем присутствии она часто говорила, что желает, чтобы Бог освятил это несчастье, как и другие, для ее духовного блага". Другие свидетельствовали о том же. Саймон Чепмен и Мэри, его жена, говорят, что "они были знакомы с женой Джеймса Хау-младшего как соседи в течение девяти или десяти лет"; что они жили с ней в одном доме "по две недели вместе"; что они никогда не знали ничего, кроме того, что было в ней хорошего. По ее разговорам они "всегда находили, что она была женщиной скорбящей и оплакивающей грехи в себе и других; и, когда она встречала какое-либо несчастье, она, казалось, оправдывала Бога и говорила, что все это было лучше, чем она заслуживала, хотя это было из-за ложных обвинений со стороны людей. Она благословляла Бога за то, что получила добро в результате несчастья, потому что это заставляло ее исследовать собственное сердце. Мы никогда не слышали, чтобы она порицала кого-либо, кто обвинял ее в колдовстве, но жалела их и говорила: "Я молю Бога простить их, потому что они вредят больше себе, чем мне. Хотя я и большая грешница, я чиста от этого; и такие страдания только заставляют меня исследовать свое собственное сердце, и я нахожу, что Бог чудесно поддерживает меня и утешает своим словом и обещаниями"".

Джозеф Ноултон и его жена Мэри, которые жили рядом с ней, а иногда и в одной семье с ней, свидетельствовали, что, услышав истории, рассказанные о ней, они были вынуждены

"с тех пор они особенно внимательно следят за ее жизнью и разговорами. И я спросил ее, может ли она свободно простить тех, кто создал о ней такие отзывы. Она ответила мне, что да, от всего сердца, желая, чтобы Бог дал ей сердце быть более смиренной при таком провидении; и, кроме того, она сказала, что готова сделать все возможное добро тем, кто поступил с ней недоброжелательно. И еще я заметил, что она готова отказать себе, чтобы сделать ближнему доброе дело".

Отец ее мужа, Джеймс Хоу, старший, в возрасте около девяти лет, в своем обращении к суду заявил, что...

"Он, прожив с ней около тридцати лет, заметил, что она хорошо выполняет свои обязанности, как дочь, как жена, во всех отношениях, отбросив человеческие немощи, как подобает христианке; по отношению ко мне, как к отцу, очень послушна; а как жена своему сыну, очень внимательна, любяща, послушна и добра, - принимая во внимание его слабое зрение, нежно водит его за руку. Желая, чтобы Бог руководил вашими заслугами, ... я остаюсь служить вам".

Единственным свидетельством против этой доброй женщины, помимо криков и припадков "страдающих детей", разыгранных в их обычном искусном стиле, были самые жалкие сплетни, которые когда-либо распространялись в невежественном и непросвещенном обществе. Она исходила от жителей задних поселений Ипсвича и Топсфилда и раскрывала глубину абсурдных и жестоких суеверий, в существование которых в Новой Англии трудно поверить. Что касается тех, кто жил в уединенных и отдаленных местах, то это был самый беспросветный период нашей истории. За исключением тех мест, где, как в деревне Салем, особые обстоятельства поддерживали общий интеллект, народные умы были погружены во тьму. Образование, пришедшее с первыми эмигрантами из родной страны, ушло с ними в могилу. Система общих школ еще не начала приносить свои плоды в малонаселенных внешних поселениях. В наших летописях нет более позорной страницы, чем та, что подробно описывает показания, данные на суде, приговор и казнь Элизабет Хоу.

Но мрачные тени того дня, наполненного глупостью, жестокостью и преступлениями, послужили тому, что добродетели, проявленные многими людьми, стали ярче и чище. Повсюду мы встречаем поразительные примеры семейной верности и истинной христианской доброжелательности. Джеймс Хоу, как уже говорилось, был поражен слепотой. У него было две дочери, Мэри и Эбигейл. Несмотря на то что их ферма находилась в стороне от государственных дорог и передвижение было очень затруднено, и они, должно быть, сталкивались со многими трудностями, раздражениями и, надо полагать, порой недоброжелательным отношением, одна из них дважды в неделю сопровождала отца, чтобы навестить мать в ее тюремных стенах. Они приезжали на лошадях; она управляла уздечкой и вела его за руку, когда он сходил с лошади. Их скромные средства были исчерпаны на эти услуги, выражавшие почтение и привязанность. Одна из благородных девушек добралась до Бостона, разыскала губернатора и стала просить об отсрочке для своей матери, но тщетно. Вид этих молодых женщин, ведущих своего слепого отца, чтобы утешить и обеспечить свою "почтенную мать", столь невинную, как они заявили, "в инкриминируемом преступлении, как ни один человек в мире", столь верную и постоянную в своей сыновней любви и долге, смягчил ужасы этой сцены; и это должно быть вечным воспоминанием. Позор того дня не забыт и не будет забыт, как и его красота и слава.

До замужества Элизабет Хау звали Джексон. Среди счетов, предъявленных стране за расходы, понесенные в ходе преследования за колдовство, есть такие два пункта: "Джону Джексону, старшему, одна пара оков, пять шиллингов; Джону Джексону, младшему, одна пара оков, пять шиллингов". Есть также статья за перевозку "двух Джексонов" из одной тюрьмы в другую и обратно. Других упоминаний о них в бумагах не обнаружено. Возможно, они были братом и племянником Элизабет Хау. Есть основания предполагать, что ее муж, Джеймс Хоу-младший, был племянником преподобного Фрэнсиса Дейна из Андовера.

Допрос Джоба Туки из Беверли содержит несколько моментов, заслуживающих внимания. Его описывают как "рабочего", но очевидно, что он был человеком, хотя, возможно, и невнимательным к речи, но более чем разборчивым, и не полностью заблуждался в фанатизме того времени. Его обвиняют в том, что он сказал, что "возьмет на себя роль мистера Берроуза"; "что не он слуга дьявола, а дьявол - его". Когда девушки свидетельствовали, что видели его облик, причиняющий людям страдания, он, как здравомыслящий человек, ответил, что если они действительно видели что-то подобное, то "это не он, а дьявол в его облике причиняет людям страдания". Сюзанна Шелдон, Мэри Уоррен и Энн Путнам заявили, что в тот самый момент, когда проходил осмотр, двое мужчин, две женщины и один ребенок "восстали из мертвых и закричали: "Мсть! Мсть!"". Больше никто ничего не видел и не слышал, но девушки внезапно онемели; их глаза были прикованы к месту, и все они смотрели в одну точку; весь их вид давал уверенность в правдивости сказанного. Через некоторое время Мэри Уоррен вновь обрела дар речи и воскликнула: "Здесь трое мужчин, три женщины и двое детей. Все они в накидках: на нас они смотрят бледно, а на Туки - красные, как кровь". И снова она воскликнула в испуге: "Под столом лежит маленький ребенок и вызывает к отмщению". Элизабет Бут, указав на то же место, потеряла дар речи. Таким образом, на Туки свалили убийство почти всех, кто умер в Ройал-Сайде за год или два до этого. Некоторых из них называли по именам; остальных девушки делали вид, что не узнают. Гнев и ужас всей общины были обращены против него, и по решению магистратов - Бартоломью Гедни, Джонатана Корвина и Джона Хаторна - он был заключен в тюрьму.

Ни один персонаж, будь то безупречная любовь или почтение, не был в безопасности. Злобные обвинители наносили удары по самым высоким отметкам, а всепожирающий огонь народного безумия разжигался и привлекался к самым выдающимся объектам. Мэри Брэдбери в обвинительном заключении против нее названа "женой капитана Томаса Брэдбери из Солсбери, графство Эссекс, джентльмена". Несколько сохранившихся документов, относящихся к ее делу, дадут некоторое представление о том, каким человеком она была: - "Ответ Мэри Брэдбери".

"Ответ Мэри Брэдбери на обвинение в колдовстве или знакомстве с дьяволом".

"Я заявляю "Не виновна". Я полностью невиновна ни в каком подобном зле, благодаря благодати Божьей, которая хранила меня до сих пор. Я раб Иисуса Христа и отдал себя Ему, как моему единственному Господу и Спасителю, и усердно посещаю Его во всех Его святых таинствах, полностью презирая и отвергая дьявола и все его дела, как ужасные и отвратительные, и, соответственно, старался строить свою жизнь и общение согласно правилам Его святого Слова; и в этой вере и практике я намерен, с помощью и содействием Бога, оставаться до конца моей жизни.

"За истинностью того, что я говорю, что касается практики, я смиренно обращаюсь к моим братьям и соседям, которые знают меня, и к Исследователю всех сердец, чтобы убедиться в истинности и прямоте моего сердца (за исключением человеческих слабостей и неизбежных недугов, на которые я горько жалуюсь каждый день).

Мэри Брэдбери".

"28 июля 1692 г. Что касается моей возлюбленной жены Мэри Брэдбери, то вот что я хочу сказать: Мы женаты уже пятьдесят пять лет, и она была мне любящей и верной женой. По сей день она была замечательно трудолюбива, прилежна и усердна на своем месте и в работе, в воспитании нашей семьи (а это одиннадцать наших детей и четверо внуков). Она была благоразумна и предусмотрительна, весела духом, либеральна и благотворительна. Сейчас

она очень стара, слаба и скорбит о своем недуге, но, возможно, не может много говорить за себя, не будучи столь свободной, как некоторые другие. Я надеюсь, что ее жизнь и общение среди соседей были такими, что дают лучшее и более реальное свидетельство о ней, чем можно выразить словами.

"Принадлежит мне,

То. Брэдбери".

Преподобный Джеймс Аллин присягнул перед Робертом Пайком, помощником и мировым судьей, следующим образом.

"Я, проживший девять лет в Солсбери в служении, а теперь четыре года в должности пастора, по моим лучшим наблюдениям и наблюдениям за миссис Брэдбери, она жила среди нас в соответствии с правилами Евангелия; постоянно посещала служение слова и все таинства Евангелия; была полна дел милосердия и благотворительности к больным и бедным; я не видел и не слышал от нее ничего, что не соответствовало бы исповеданию Евангелия".

Роберт Пайк также подтвердил истинность заявления мистера Аллина, основываясь на "более чем пятидесятилетнем опыте", как и Джон Пайк: они оба заявили, что готовы и желают дать свои показания перед судом.

Сто семнадцать ее соседей - большая часть из них главы семейств и самые уважаемые люди этого района - подписали свои имена под документом, копия которого приведена ниже.

"Что касается жизни и общения миссис Брэдбери, мы, подписчики, свидетельствуем, что оно было таким, как подобает Евангелию: она была любительницей служения, во всех отношениях, и прилежно посещала святыне таинства, имея вежливый и мирный нрав и повадки. Никто из нас (некоторые прожили с ней в городе более пятидесяти лет) никогда не слышал и не знал, что она когда-либо имела какие-либо разногласия или ссоры с кем-либо из своих соседей - мужчиной, женщиной или ребенком, - но всегда была готова и желала сделать для них все, что было в ее силах, днем и ночью, хотя и с риском для своего здоровья или другой опасностью. Можно было бы еще многое сказать в ее пользу, но сейчас речь пойдет об этом".

Хотя эта престарелая матрона и прекрасная христианка была осуждена и приговорена к смерти, очень приятно узнать, что ей удалось бежать из тюрьмы, и ее жизнь была спасена.

Следующие факты показывают, какое значение должны были иметь эти заявления. Положение, а также характер и возраст Мэри [Перкинс] Брэдбери давали ей право на высочайшее уважение в структуре общества того времени. Это подтверждается титулом "миссис", который ей повсеместно давали. Она всю жизнь отличалась деловыми способностями, энергией и влиянием; в 1692 году ей было, вероятно, семьдесят пять лет, и она была несколько слаба здоровьем. Ее муж, Томас Брэдбери, занимал видное место в колонии более пятидесяти лет. В 1641 году он был назначен Генеральным судом клерком судебного приказа в Солсбери с функциями магистрата, чтобы исполнять всевозможные судебные процессы в этом месте. Он был депутатом в 1651 году и в последующие годы; комиссаром Солсбери в 1657 году, уполномоченным вести все уголовные дела и передавать преступников, если это было необходимо, в вышестоящие суды, принимать показания под присягой и соединять людей в браке. Он был обязан вести учет всех своих дел. Если стороны договаривались об этом, он был уполномочен рассматривать и решать дела любого рода и степени без участия присяжных. Города, расположенные к северу от реки Мерримак и за ее

пределами, которые сейчас находятся в пределах Нью-Гэмпшира, составляли графство Норфолк, а Томас Брэдбери в течение долгих лет был одним из его комиссаров и помощников судьи. С самого начала он проявил себя в военных делах; в 1648 году Генеральный суд назначил его прапорщиком отряда в Солсбери. Он дослужился до командира, и в последнюю часть своей жизни о нем повсеместно говорили как о "капитане Брэдбери". Записи Генерального суда на протяжении полувека свидетельствуют о том, как высоко его ценили; ему время от времени поручались различные важные дела и особые услуги, требующие честности и способностей. Его семья была связана с влиятельными людьми. Его сын Уильям женился на вдове Сэмюэля Маверика-младшего, сына одного из уполномоченных короля в 1664 году: она была дочерью преподобного Джона Уилрайта, человека весьма известного, тесно связанного с прославленной Анной Хатчинсон и объединенного с ней симпатией в чувствах и участием в изгнании.

Роберт Пайк, родившийся в 1616 году, был мировым судьей в 1644 году. Он был депутатом от Солсбери в 1648 году и много раз после этого; помощником судьи в Норфолке в 1650 году; помощником в 1682 году, занимая этот высокий пост на ежегодных выборах до конца первой хартии и в течение всего периода промежуточного и нестабильного правительства. Он был назван одним из членов совета, сменившего Палату помощников, когда, согласно новой хартии, Массачусетс стал королевской провинцией. Он всегда занимался военными делами: в 1648 году Генеральный суд назначил его лейтенантом Солсберийского отряда, а в последние годы жизни он носил чин и звание майора. Джон Пайк, вероятно, его сын, проживал в Хэмптоне в 1691 году и был министром Дувра на момент своей смерти в 1710 году.

Безусловно, свидетельства таких людей, как Пайки, отец и сын, и преподобный Джеймс Аллин, о христианском совершенстве Мэри Брэдбери должны полностью подтверждать заявления ее соседей, мужа и ее самой.

Мотивы и влияние, которые привели к ее аресту и осуждению в 1692 году, требуют объяснения. Возникает вопрос, почему внимание обвиняющих девушек было привлечено к этой пожилой и весьма уважаемой женщине, живущей на таком расстоянии, за Мерримаком? Критическое изучение документов по этому делу дает ключ к истинному ответу.

Женой сержанта Томаса Путнама, как уже говорилось ([vol. i. p. 253](#)), была Энн Карр из Солсбери. Ее отец, Джордж Карр, был одним из первых поселенцев в этом месте и, судя по всему, был предприимчивым и преуспевающим человеком. Паром, на котором переправлялись через Мерримак жители страны, находился на принадлежавших ему участках земли, которые всегда были под его контролем. Он занимался строительством кораблей, нанимая и имея в своей семье молодых людей, среди которых был сын Зерубабеля Эндикотта, носивший то же имя.

Среди документов по делу есть следующие:.

"Показания Ричарда Карра, который свидетельствует и утверждает, что около тринадцати лет назад, вскоре после некоторой размолвки, случившейся между моим почтенным отцом, мистером Джорджем Карром, и миссис Брэдбери, заключенной в суде, в субботу в полдень, когда мы ехали домой, возле дома капитана То: Брэдбери, я увидел, как миссис Брэдбери вошла в свои ворота, свернула за угол, и тут же из ее ворот выскочил синий кабан и бросился под ноги лошади моего отца, отчего тот споткнулся; но больше я его не видел. И сказал мой отец: "Мальчики, что вы видите? Мы оба ответили: "Синего кабана".

"Зерубабл Эндикотт свидетельствует и говорит, что я жил у мистера Джорджа Карра, ныне покойного, в вышеупомянутое время и присутствовал вместе с мистером Джорджем Карром и мистером Ричардом Карром. И я также видел, как из ворот мистера Брэдбери на ноги лошади мистера Джорджа Карра бросился синий кабан, отчего она странным образом споткнулась. И еще я видел, как голубой кабан метнулся от ног лошади мистера Карра в окно миссис Брэдбери. И мистер Карр сразу же сказал: "Мальчики, что вы видели? И мы оба ответили: "Синего кабана". Тогда он спросил: "Откуда он взялся? Мы ответили: "Из ворот мистера Брэдбери". Тогда он сказал: "Я рад, что вы видите это так же хорошо, как и я".
Присяжные в Курии, 9 сентября 92 года".

Стивен Сьюолл, секретарь суда, со свойственным ему стремлением извлечь максимум пользы из показаний против обвиняемых, добавляет к показаниям следующее: -.

"И оба они далее говорят под присягой, что мистер Карр обсуждал с ними, когда они шли домой, случившееся, и все они пришли к выводу, что это миссис Брэдбери явилась в виде синего кабана".

На момент этого события Ричарду Карру было двадцать лет, а Зерубабелю Эндикотту - пятнадцать.

Не стоит удивляться тому, что между Джорджем Карром и миссис Брэдбери существовали "некоторые разногласия", если он имел привычку предаваться таким разговорам о ней, в которых принял главное участие по этому случаю. Он, очевидно, поощрял в своих "мальчиках" абсурдные фантазии, которые стимулировали их легкоеверие. Они были готовы к тому, что в доме миссис Брэдбери будет происходить нечто сверхъестественное, и в их желтушном представлении любое животное, входящее и выходящее из ворот, вполне могло принять облик "синего кабана". Подобные идеи, циркулировавшие в семье и среди учеников Карра, вскоре получили широкое распространение. Несомненно, Зерубабел, навещая свой дом, рассказывал чудесные истории о миссис Брэдбери. Его брат Сэмюэл, тогда восемнадцатилетний юноша, наплатил ими свое воображение, а спустя некоторое время, во время плавания на "Барбадос и Салтитудос", где были сильные штормы и различные бедствия, приписал все это миссис Брэдбери; и "в яркую лунную ночь, сидя на брашпилье, к которому он был послан вперед, чтобы высматривать землю", дикие фантазии его возбужденного воображения возымели действие. Он услышал "грохочущий шум" и подумал, что видит ноги какого-то человека. "Вскоре он пошатнулся и, оглянувшись через плечо, увидел женщину от середины и выше, на ней был белый чепец и белая шейная рубашка, что его очень испугало; а когда он поворачивал брашпиль, то увидел вышеупомянутые две ноги". Подобные суеверные фантазмы, по-видимому, естественны для моряцкой жизни и, возможно, до сих пор сохраняются на форпике и во время ночных вахт.

Привычка злословить миссис Брэдбери как ведьму появилась в семье Карров более тринадцати лет назад, о чем свидетельствует следующее показание. Я привожу его в точном соответствии с оригиналом. Как и в некоторых других случаях в этой работе, орфография и пунктуация сохранены как курьез. Как и все бумаги по этому делу, за одним исключением, представленные в суде против миссис Брэдбери, они написаны почерком сержанта Томаса Патнэма:...

[Примечание переводчика: орфография и пунктуация в приведенном ниже отрывке соответствуют оригиналу].

"Показания Джеймса Карра, который свидетельствует и говорит, что около 20 лет назад однажды, когда я случайно оказался в доме мистера Уилерайта и его дочери Уиддоу Мэверик, которая тогда жила там, она самым любопытным образом пригласила меня чаще приходить в дом и удивилась, что я стал таким незнакомцем. И через несколько дней после того, как однажды вечером я снова пошел к ней, и когда я пришел к ней снова: Уильям Брэдбери был у нее, который был в то время зятем упомянутой Виддоу, но я не знал этого и сказал ей: после того, как я вошел, Виддоу так грубо обошлась с господином Уильямом Брэдбери, что он ушел, думая, что он рассержен: Вскоре после этого меня охватило странное чувство, как будто живые существа бегали по всем частям моего тела, пытаюсь измотать меня до костей, и так продолжалось около 3 четвертей года, и я обратился к доктору Кросбу, который дал мне много вискаса, но не смог заставить меня работать, хотя он всыпал табак в бозисное питье и не смог заставить работать, тогда он сказал мне, что, по его мнению, я заблуждаюсь: и я сказала ему, что думала так долгое время: и он спросил меня по домашнему, я сказала ему, что не забочусь о шпионаже, так как считалась честной женщиной: но он расстроился, я сказала ему, и он сказал, что верит, что мистер Брэдбери был намного хуже, чем Гуди Мартин: Затем вскоре после этого однажды ночью я лежал в постели и проснулся, и тут ко мне пришло нечто, что я принял за кошку, и я пошел, чтобы сбить ее с кровати, и был пристегнут так, что не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Но, придя в себя, я услышал, что ко мне снова что-то приближается, и я приготовился уколоть его: и он упал на кровать, я ударил по нему и, как мне кажется, попал в него: и после этого висек подействовал на меня, и я верю сердцем, что заключенный в адвокатуру Брэдбери часто поражал меня колдовством.

"*Jurat in Curia Sep.*^(mr.) 9. 92." [B]

Но вся семья Джорджа Карра не сочувствовала этому болезненному состоянию предрассудков и не лелеяла таких глупых и злобных фантазий в отношении миссис Брэдбери. Один из сыновей, Уильям, женился 20 августа 1672 года на Элизабет, дочери Роберта Пайка. Из следующих показаний, написанных рукой майора Пайка, следует, что между этими семьями была еще одна любовная связь, приведшая к печальному результату и еще больше разжегшая болезненные и злобные предрассудки против миссис Брэдбери; но Уильям полностью отрекся от нее: - "Свидетельство Уильяма Карра.

"Свидетельство Уильяма Карра, сорока одного года или около того, состоит в том, что мой брат Джон Карр в молодости был человеком не менее способным, чем большинство мужчин его возраста; но влюбился в Джейн Тру (ныне жену капитана Джона Марча), и мой отец был убежден [--] из семьи (которую я не буду называть) не позволять ему жениться столь молодым, мой отец не дал ему доли, после чего пара прервалась, что мой брат так сильно принял к сердцу, что стал меланхоличным, и постепенно сильно помешался, не будучи тем человеком, которым он был раньше, до своего смертного дня.

"Я также свидетельствую, что мой брат болел около двух недель или трех недель, а затем умер; и я присутствовал при его смерти. И я подтверждаю, что он умер мирно и спокойно, никогда не проявляя ни малейшего беспокойства по поводу кого бы то ни было, и не говорил ничего о миссис Брэдбери или о ком-либо другом, кто причинил бы ему вред; и все же я был с ним, пока дыхание и жизнь не покинули его тело".

Обычная форма, *jurat in curia*, написана в конце этих показаний, но, очевидно, гораздо более поздней рукой; и это заставляет меня упомянуть о невероятности того, что какие-либо показания в пользу обвиняемых когда-либо доходили до суда во время судебных

разбирательств. У них не было адвокатов: генеральный прокурор предрешил все дела, и его разум и разум судей полностью отвергал что-либо похожее на расследование. Каждый дружеский голос был заглушен. Двери были закрыты против защиты. Роберт Пайк, помощник при старом и советник при новом правительстве, тщетно пытался войти в них.

Уильям Карр был человеком весьма респектабельным и получил от генерального суда назначение землеустроителя для городов в северной части нынешнего графства Эссекс.

Членом семьи, который, как сказано в вышеприведенных показаниях на сайте, предотвратил этот брак, была миссис Энн Патнэм. Возможно, она испытала на себе последствия слишком раннего брака, когда бремя жизни ложится на конституцию и характер еще до того, как они достаточно созрели, чтобы его выдержать. Возможно, она приписывала этой причине те беды и испытания, которыми так горько наполнилась ее чаша, и крушение счастья юности. Полубезумная, доведенная до постоянного возбуждения приходскими ссорами из-за мистера Бейли, она, возможно, стала болезненно противиться столь же раннему браку брата. К этому добавлялся тот факт, что Генри Тру женился на одной из дочерей миссис Брэдбери и что Джейн Тру была его сестрой. Можно не сомневаться, что она придерживалась тех же взглядов на миссис Брэдбери, что и ее отец и братья, Джеймс и Ричард, и по этой причине также противилась браку своего брата Джона. Желая избавиться от угрызений совести за то, что стала причиной его болезни и смерти, когда в Салемской деревне разразилось заблуждение о колдовстве и она оказалась полностью поглощена им, а все остальные смерти и несчастья приписывались ей, она заявила и поддерживала убеждение, как некоторые подозревали в то время, что счастье, здоровье, разум и жизнь ее брата были разрушены дьявольским воздействием, практикуемым миссис Брэдбери.

В положении вещей, долгое время существовавшем между семьями Брэдбери и Карр, мы находим объяснение движению, направленному против миссис Брэдбери. Юная Энн Патнэм, возможно, часто слышала, как неловко отзывалась о ней ее мать, и вполне естественно, что она должна была "кричать против нее".

Семья миссис Энн Патнэм, похоже, обладала конституциональными чертами, которые иллюстрируют и объясняют ее собственный характер и поведение. Они были возбудимы и чувствительны в необычайной степени. Их рассудок, разум и физическая система находились под властью их капризов и привязанностей. Один из ее братьев, после того как с ним неудачно пофлиртowała и отвергла его молодая вдова, был повергнут в ужасное состояние тела и ума "примерно на три четверти года". Разум, здоровье и сердце другого человека были подорваны, и он рано сгинул в могиле из-за того, что ему изменила любовь. Смерть ее сестры Бейли, возможно, была вызвана несчастливыми разногласиями в деревенском приходе. Мы уже видели и еще увидим, до какого состояния, почти маниакального, довели ее волнение ее собственный разум. Наконец, самый тяжелый удар, который может обрушиться на любящую жену, внезапно оборвал хрупкую нить ее жизни. Эти соображения следует иметь в виду, пытаясь объяснить ее поведение, и они должны бросить на чашу весов гирю жалости и милосердия, если смертный суд решится оценить ее вину. Они известны Бесконечному Разуму, и Божественное милосердие никогда не упустит их из виду.

Я ввел эти необычные частные подробности, чтобы проиллюстрировать то, что показывают документы, - что судебные процессы против лиц, обвиненных в ведьмовском ремесле в 1692 году, были спровоцированы всевозможными личными обидами и частными придирками, многие из которых были давними, разжигались и поддерживались несчастным потворством

недостойным чувствам, всегда готовым смешаться с народными волнениями и ведущим всех заинтересованных лиц к крайним бедам и несчастьям.

Случай Мэри Брэдбери занял так много места, потому что я хочу разубедить общественное мнение в большом заблуждении по этому вопросу. Слишком часто предполагалось, что страдающие от колдовских заблуждений были, как правило, представителями низших слоев общества, особенно невежественными и неимущими. Все было совсем наоборот. В основном они принадлежали к семьям, находящимся в лучших условиях жизни, а многие из них - к высшему социальному уровню. Все они были людьми высокой нравственной стойкости и прямоты, о чем свидетельствовала их стойкость перед гонениями и оскорблениями, а также перед ужасами смерти. Их имена не заслуживают порицания, а память о них следует чтить.

Следующий рассказ о допросе Элизабет Кэри из Чарльзтауна, сделанный ее мужем, капитаном Кэри, корабельным мастером, представляет наибольший интерес, поскольку написан в то время человеком, который был очевидцем и участвовал в страданиях по этому поводу: - "24 мая.

"24 мая я услышал, что мою жену обвинили в колдовстве; сильно встревоженный этим, я по совету отправился в деревню Салем, чтобы узнать, знают ли ее пострадавшие: мы прибыли туда 24 мая. Так случилось, что был днем, назначенным для обследования; соответственно, вскоре после нашего прибытия мистер Хаторн, мистер Корвин и т. д. отправились в дом собраний, который был местом, назначенным для этой работы. Служитель начал с молитвы; и, позаботившись о том, чтобы занять удобное место, я заметил, что страждущими были две девочки лет десяти и еще две или три человека лет восемнадцати: одна из девочек говорила больше всех и различала больше остальных.

"Заклученных вызывали по одному, и, когда они входили, на них кричали и т. д. Заклученных поставили на расстоянии семи или восьми футов от судей, а обвинителей - между ними и судьями. Заклученным было приказано стоять прямо перед судьями, причем каждому назначался офицер, который держал бы его за руку, чтобы он не причинял им боли; глаза заклученных должны были постоянно смотреть на судей, ибо, если бы они смотрели на страдальцев, то либо впадали бы в припадки, либо кричали бы от того, что им больно. После допроса заклученных, кто именно страдал от этих девушек и т. д., их заставили произнести молитву "Отче наш" в качестве доказательства их вины. После того как страдальцы, казалось, выходили из припадка, они пристально смотрели на кого-то одного и часто молчали; тогда судьи говорили, что они онемели, и через некоторое время снова начинали говорить: тогда судьи говорили обвинителям: "Кто из вас пойдет и прикоснется к заклученному у стойки?". Тогда самые смелые пустились в авантюру, но, не успев сделать и трех шагов, упали, как в припадке: судьи приказали поднять их и отнести к заклученной, чтобы она могла до них дотронуться; и как только обвиняемые до них дотронулись, судьи сказали: "Они здоровы", прежде чем я смог заметить какое-либо изменение, - по этому я заметил, что судьи поняли, как это делается. До сих пор я был только зрителем: моя жена также находилась там часть времени, но страдальцы не обращали на нее никакого внимания, разве что раз или два они подходили к ней и спрашивали ее имя. Но я, имея возможность поговорить с мистером Хейлом (с которым я был ранее знаком), послушал его совета, как мне лучше поступить, и попросил его, чтобы у меня была возможность поговорить с той, что обвиняла мою жену; он обещал, что так и будет, а я сообщил ему, что доверяю ему. Соответственно, он пришел ко мне после окончания допроса и сказал, что теперь у меня есть возможность поговорить с обвинительницей, Эбигейл Уильямс, девочкой одиннадцати или двенадцати лет, но что мы не можем остаться наедине в доме мистера Пэрриса, так как он не

имеет права на это. Пэрриса, как он мне обещал; поэтому мы пошли в пивную, где нас посетил индеец, который, похоже, был одним из пострадавших; ему мы дали немного сидра: он показал несколько шрамов, которые, казалось, были там давно, и показал, что они сделаны колдовством, и сообщил нам, что его жена, которая тоже была рабыней, была заключена в тюрьму за колдовство. И вот, вместо одного обвинителя, они все вошли и стали метаться, как свиньи, а потом позвали трех женщин, чтобы они присматривали за ними. Мы все в комнате замерли в ожидании, кого же они будут кричать; но через некоторое время они закричали "Кэри"; и сразу же после этого от судей был послан приказ привести мою жену к ним, которые сидели в камере неподалеку и ждали этого. Когда ее привели к судьям, главными обвинителями оказались две девушки. Моя жена заявила судьям, что никогда не знала их до этого дня. Ее заставили стоять с вытянутыми руками. Я попросил, чтобы мне дали поддержать одну из ее рук, но мне было отказано: тогда она попросила меня вытереть слезы с ее глаз и пот с ее лица, что я и сделал; затем она попросила прислонить себя ко мне, сказав, что потеряет сознание. Судья Хаторн ответил, что у нее достаточно сил, чтобы мучить этих людей, и у нее должно быть достаточно сил, чтобы стоять. Я сказал что-то против их жестоких действий, но они приказали мне молчать, иначе меня выведут из комнаты. Индейца, о котором уже говорилось, также привели, чтобы он был одним из ее обвинителей; когда его привели, он упал (когда предстал перед судьями) и зашатался, как боров, но ничего не сказал. Судьи спросили девушек, кто издевается над индейцем: те ответили, что она (то есть моя жена), и что она сейчас лежит на нем. Судьи приказали ей прикоснуться к нему, чтобы вылечить его, но голову она должна была повернуть в другую сторону, чтобы, вместо того чтобы лечить, она не сделала ему хуже, глядя на него; ее руку направили, чтобы она взялась за его руку; но индеец схватил ее за руку и варварски повалил ее на пол; затем его руку убрали, а ее руку положили на его, и лекарство быстро подействовало. Я, крайне обеспокоенный их бесчеловечным поведением, произнес поспешную речь: "Чтобы Бог отомстил им, и желал, чтобы Бог избавил нас от рук немилосердных людей". Затем был написан *миттимус*. Я с трудом и большими расходами добился освобождения комнаты, но в ней не было кроватей; если бы они были, я бы не смог отдохнуть в ту ночь. Ее поместили в бостонскую тюрьму, но я добился *хабеас корпус*, чтобы ее перевели в кембриджскую тюрьму, которая находится в нашем графстве Мидлсекс. Пробыв там одну ночь, на следующее утро тюремщик надел ей на ноги кандалы (получив такое распоряжение); вес их был около восьми фунтов: эти кандалы и другие ее недуги вскоре привели ее к судорогам, так что я думал, что она умрет этой ночью. Я послал просить, чтобы кандалы сняли; но все уговоры были тщетны, если бы это спасло ей жизнь, так что в таком состоянии она и должна оставаться. Когда в Салеме начался суд, я отправился туда, чтобы посмотреть, как идут дела, и, обнаружив, что там были получены призрачные доказательства, а также пустые, если не сказать злобные, рассказы против жизни людей, я легко понял, каким путем пойдут остальные; ведь те же самые доказательства, которые служили для одного, служили и для всех остальных. Я ознакомил ее с опасностью, которая ей грозит, и что, если ее повезут в Салем для суда, боюсь, она никогда не вернется. Я сделал все возможное, чтобы ее судили в нашем округе; вместе с несколькими другими я подал прошение судье и получил надежду на это: Но вскоре я увидел столько всего, что понял, что это не так; это заставило меня посоветоваться о средствах ее спасения, что, по благости Божьей, было сделано, и она добралась до Род-Айленда, но вскоре обнаружила, что там она не в безопасности, из-за погони за ней; оттуда она отправилась в Нью-Йорк, вместе с некоторыми другими, избежавшими их жестоких рук, где мы нашли его превосходительство Бенджамина Флетчера, эск., губернатора, который был очень вежлив с нами. После этого некоторые мои вещи были конфискованы у друга, у которого я их оставил, а сам я был заключен в тюрьму шерифом, пробыл под стражей полдня, а затем был освобожден; но говорить о том, как они

обращались с заключенными, и о бесчеловечности, проявленной к ним во время казни, не может ни один трезвый христианин. Они также подвергались жестоким издевательствам, и это тем более важно, если учесть, каким религиозным народом, то есть исповедующим религию, мы были; те, кто пострадал, многие из были членами церкви, и большинство из них были незапятнанными в своем общении, пока их противник дьявол не взял на вооружение этот способ обвинения.

Джонатан Кэри".

Единственный имеющийся у нас рассказ, написанный человеком, который на собственном опыте испытал, что такое попасть в руки тех, кто организовывал и проводил судебные преследования, заключается в следующем. Капитан Олден, вероятно, с самого начала их деятельности находился в поле зрения обвиняющих девушек. Возможно, его имели в виду, когда говорили о "высоком человеке из Бостона". Нам остается только догадываться, почему они выделили именно его, ведь ни одна из них, мы можем быть уверены, никогда его не видела. Возможно, кто-то из тех, кто испытал на себе дисциплинарное воздействие его приказов в качестве морского командира, затаил на него обиду и постарался подсказать девушкам его имя и обеспечить им грубый, вульгарный и нелепый скандал, который они так опрометчиво вылили на него: - "Рассказ о том, как Джон Олден

"Рассказ о том, как с Джоном Олденом-старшим обошлись в деревне Салем".

"Джон Олден-старший, из Бостона, в графстве Саффолк, мореплаватель, двадцать восьмого мая 1692 года был послан магистратом Салема, в графстве Эссекс, по обвинению в компании бедных растерянных или одержимых существ или ведьм; и, будучи послан мистером Стоутоном, прибыл туда 31 мая и предстал в деревне Салем перед мистером Гедни, мистером Хаторном и мистером Корвином.

"Присутствовавшие там девицы, которые разыгрывали свои фокусы с кувшинами, падали, кричали и смотрели людям в лицо, магистраты несколько раз требовали от них, кто именно из всех людей в комнате причинил им боль. Один из этих обвинителей несколько раз указал на присутствовавшего здесь капитана Хилла, но ничего не сказал. У той же обвинительницы сзади стоял человек, чтобы поддержать ее. Он наклонился к ее уху, и тогда она закричала: "Олден, Олден поразил ее". Один из судей спросил ее, видела ли она когда-нибудь Алдена. Она ответила: "Нет". Он спросил ее, откуда она знает, что это был Алден. Она ответила, что так ей сказал мужчина.

Тогда всем приказали спуститься на улицу, где было сделано кольцо; и тот же обвинитель закричал: "Вот стоит Олден, смелый парень, в шляпе перед судьями: он продает порох и дробь индейцам и французам, лежит с индейскими скво и имеет индейских папуасов". Тогда Олдена отдали под стражу маршалу и отобрали у него меч, так как, по их словам, он причинил им зло своим мечом. Через несколько часов Олдена отправили в дом собраний в деревне, к судьям, которые потребовали, чтобы Олден встал на стул, на виду у всех людей.

"Обвинители кричали, что Олден ущипнул их тогда, когда стоял на стуле, на виду у всех, на значительном расстоянии от них. Один из судей попросил маршала держать руки Олдена открытыми, чтобы он не ущипнул этих существ. Олден спросил их, почему они думают, что он должен прийти в эту деревню, чтобы причинить страдания тем людям, которых он никогда не знал и не видел. Мистер Гедни предложил Олдену исповедаться и воздать славу Богу. Олден сказал, что надеется воздать славу Богу и что он никогда не будет угождать дьяволу, но обратился ко всем, кто когда-либо знал его, если они когда-либо подозревали его в том, что он такой человек; и бросил вызов любому, кто мог бы привести что-либо из того, что ему

известно, что могло бы вызвать подозрение в том, что он такой человек. Мистер Гедни сказал, что знает Олдена много лет, был с ним в море и всегда считал его честным человеком; но теперь он видит причину изменить свое мнение. Олден ответил, что сожалеет об этом, но надеется, что Бог прояснит его невиновность, что он снова вспомнит об этом суждении; и добавил, что надеется, что он, как Иов, сохранит свою честность до самой смерти. Они предложили Олдону взглянуть на обвинителей, что он и сделал, после чего они упали. Олден спросил мистера Гедни, по какой причине взгляд Олдена на *него* не поразил и его самого; но никакой причины, насколько я слышал, названо не было. Но обвинителей привели к Олдону, чтобы он прикоснулся к ним; и от этого прикосновения, по их словам, они выздоровели. Олден начал говорить о Божьем провидении, по которому эти существа обвиняют невинных людей. Мистер Нойес спросил Олдена, почему он предлагает говорить о Божьем провидении: Бог своим провидением (сказал мистер Нойес) управляет миром и поддерживает в нем мир; и, продолжая рассуждать, он прервал речь Олдена на этом. Олден сказал мистеру Гедни, что он может заверить его, что в них есть дух лжи; ибо я могу заверить вас, что во всем, что они говорят обо мне, нет ни слова правды. Но Олден был снова передан маршалу, и ему написали *миттимус*.

"В Бостон Олдена доставил констебль: за него не взяли залога, а отдали смотрителю тюрьмы, где он пробыл пятнадцать недель; а затем, наблюдая за тем, как проходят судебные процессы и даются показания, его уговорили совершить побег".

"Пер Джон Олден".

Олден совершил побег примерно в середине сентября, в самый кровавый момент трагедии и незадолго до казни девяти жертв, включая Джайлса Кори. Предполагается, что он бежал в Даксбери, где его спрятали родственники. Он появился среди них поздно ночью и, когда они попросили объяснить причину его неожиданного визита в такой час, ответил, что бежит от дьявола, а дьявол гонится за ним. Через некоторое время, когда заблуждение ослабло, и люди пришли в себя, он сдался и был доставлен в Высший суд Бостона в последний вторник апреля 1693 года, когда никто не явился для судебного преследования, он и еще около ста пятидесяти человек были освобождены от наказания, и все судебные разбирательства были прекращены. Следует опасаться, что и впоследствии, вплоть до самой смерти, когда речь заходила о пережитом 31 мая 1692 года, старый матрос позволял себе довольно крепкие выражения, рассказывая о преподобном "мистере Николасе Нойесе", "мистере Бартоломью Гедни" и "девицах" из деревни Салем.

Капитан Джон Олден был сыном Джона Олдена, известного как один из первых основателей Плимутской колонии. Более тридцати лет он жил в Бостоне, был прихожанином церкви и во всех отношениях ведущим и выдающимся человеком. Некоторое время он командовал вооруженным судном, принадлежавшим колонии, и был храбрым и эффективным офицером, а также способным и опытным мари-нером. Он участвовал во французской и индейской войнах, за два года до этого, то есть в 1690 году, выступал в качестве комиссара на переговорах с туземными племенами, а в более поздний период ему были поручены важные дела в качестве командующего флотом. Он был человеком с большим состоянием и семидесяти лет от роду. Он, как и следовало ожидать, был совершенно сбит с толку и поражен, когда обнаружил, что его обвиняют как главного виновника салемского колдовства. Обвинительницы были явно рады заполучить в свои руки столь заметного и смелого персонажа, а их языки по такому случаю были освобождены от всех ограничений приличий и благопристойности. Когда вокруг него образовалось кольцо "на улице", перед

дверью дьякона Ингерсолла, когда у него отстегнули шпагу, а на его доброе имя обрушились такие грязные и вульгарные обвинения, он, без сомнения, почувствовал, что лучше бы попал в руки дикарей в пустыне или пиратов на море, чем в руки толпы дерзких девиц, которые преследовали его в Салем-Виллидж. Бегство от них в бостонскую тюрьму стало облегчением для его оскорбленной чести и дало повод для проявления его негодования. В его виновности был полностью убежден не только его старый товарищ по кораблю Бартоломео Гедни, но и, как мы увидим, ученый генеральный прокурор, который присутствовал при этом и был свидетелем всего происходящего.

Жена одного честного и достойного человека в Андовере заболела лихорадкой. После того как все обычные средства не помогли справиться с симптомами ее болезни, распространилась мысль, что она страдает от "злой руки". Муж, следуя совету друзей, отправился в деревню Салем, чтобы выяснить у страдающих девушек, кто околдовал его жену. Две из них вернулись с ним в Андовер. Никогда еще это место не принимало таких роковых гостей. Греческие кони не приводили в большее смятение древний Илиум. Сразу же после прибытия им удалось затащить в тюрьму более пятидесяти жителей, несколько из которых были повешены. Совершенная паника пронеслась над городом подобно урагану. Всеми умами овладела мысль, по выражению Хатчинсона, что единственный "способ предотвратить обвинение - это стать обвинителем": "Число страдальцев росло с каждым днем, а число обвиняемых - пропорционально". При таком положении вещей, когда ряды признавшихся ведьм пополнялись, власть заблуждения непреодолимо укреплялась. Мистер Дадли Брэдстрит, мировой судья этого места, посадив в тюрьму около сорока человек, решил, что с него хватит, и отказался арестовывать еще. В результате на него и его жену обрушились крики, и им пришлось спасать свои жизни. Они обвинили его брата, Джона Брэдстрита, в том, что он "натравил" на него собаку. Брэдстрит спасся бегством. Собака была казнена. Количество людей, публично признавшихся в том, что они вступили в союз с сатаной и использовали приобретенную таким образом дьявольскую силу для нанесения вреда, мучений и смерти невинных людей, произвело глубокий эффект на общественное сознание. В то же время число обвинителей повсеместно росло, что объяснялось воспаленным воображением, которое приписывало все недуги и болезни ведьмам, просто любовью к известности и страстью к всеобщему сочувствию, желанием обезопасить себя от обвинений в околдовывании других или злобным стремлением отомстить врагам. Тюрьмы в Салеме, Ипсвиче, Бостоне и Кембридже были переполнены. Все общественные устои были разрушены. Жизнь каждого человека находилась во власти каждого другого человека. Страх застыл на каждом лице, ужас и беда царили во всех сердцах, тишина царила на улицах; все, кто мог, покидали страну; дела стояли на месте; В умах людей поселилось убеждение, что темная и адская конфедерация закрепились в стране, угрожая свергнуть и уничтожить религию и нравственность и установить царство князя тьмы в стране, которая молитвами, слезами и страданиями своих благочестивых отцов была посвящена Церкви Христовой, служению и поклонению истинному Богу. Ощущение, поистине мрачное и ужасное, стало всеобщим, что Божье провидение удалено от них; что сатана отпущен на свободу, и он и его единомышленники имеют свободную и неограниченную власть ходить туда-сюда, мучить и уничтожать, кого пожелает. Мы не можем, ни по степени исследования, ни по силе воображения, полностью проникнуть в представления людей того времени; и здесь совершенно невозможно оценить ужасное состояние общины в тот момент, к которому привело нас наше повествование.

В разгар такого положения вещей старая колония Массачусетс была преобразована в королевскую провинцию, и было организовано новое правительство. Сэр Уильям Фипс, губернатор, прибыл в Бостон с новой хартией вечером 14 мая. Уильям Стоутон из Дорчестера

сменил Томаса Данфорта на посту вице-губернатора. В Совете, который занял место помощников, большинство членов прежнего состава были сохранены. Бартоломью Гедни за несколько лет до этого был исключен из совета помощников. Теперь его включили в Совет вместе с Джоном Хаторном, Джонатаном Корвином, Сэмюэлем Эпплтоном и Робертом Пайком из этого графства. В данный момент новое правительство не вмешивалось в процессы, связанные с преследованием ведьм. Экзамены и приговоры проходили, как и прежде; только к мировым судьям, действовавшим в этих случаях, был приставлен мистер Гедни, который председательствовал на их заседаниях. Дело стало настолько грозным, а общественное восхищение достигло такого накала, что трудно было определить, что следует предпринять. Сэр Уильям Фипс, несомненно, чувствовал, что это не в его силах, и уступил мнению ведущих людей своего совета. Стоутон был полностью солидарен с Коттоном Мазером, чьи интересы были использованы при назначении его вместо Данфорта. Через него Мазер приобрел и некоторое время пользовался большим авторитетом у губернатора. Было решено назначить специальный суд для рассмотрения дел о колдовстве. Стоутон, заместитель губернатора, был назначен главным судьей. Натаниэль Солтонстолл из Хаверхилла, майор Джон Ричардс из Бостона, майор Бартоломью Гедни из Салема, мистер Уэйт Уинтроп, капитан Сэмюэл Сьюолл и мистер Питер Сарджент, все трое из Бостона, были назначены помощниками судьи. Солтонстолл рано ушел со службы, и Джонатан Корвин из Салема занял его место на скамье специального суда. Большинство судей были жителями Бостона.

Джонатан Корвин участвовал вместе с Хаторном в проведении описанных выше экзаменов. Он был сыном Джорджа Корвина, который упоминался в рассказе о деревне Салем.

Оттенок незаконности лежит на самом существовании этого специального суда. Всегда возникал вопрос, дает ли новая хартия губернатору и совету право создавать его без согласия Палаты представителей. Считалось, что у такого суда не может быть иного законного основания, кроме акта Генерального суда. Хатчинсон, очевидно, придерживался этого мнения. Этот вопрос был очень серьезным; ведь, как говорит этот внимательный и способный историк и выдающийся судебный деятель, трибунал, вынесший приговор по делу о колдовстве, был "самым важным для жизни субъекта судом, который когда-либо проводился в провинции". Время, необходимое для созыва народной ветви власти, само по себе во всех случаях является элементом безопасности. В данном случае это позволило бы вывести страну за пределы периода заблуждений и спасти ее летопись от самой мрачной и кровавой страницы. Состояние дел на момент его прибытия, если бы его советники были мудрыми, заставило бы сэра Уильяма Фипса немедленно выдать предписания о выборах депутатов, прежде чем предпринимать какие-либо действия. В свободном республиканском правительстве исполнительная власть никогда не должна пытаться решать сложные вопросы жизненной важности без совместного обсуждения и ответственности представителей народа.

Что касается состава суда, то здесь не может быть никаких возражений. Все судьи были членами совета и принадлежали к высшему сословию не только магистратуры, но и общества в целом. Они представляли собой настолько респектабельное собрание джентльменов, насколько это вообще возможно. Томасу Ньютону из Бостона было поручено исполнять обязанности генерального прокурора. Официальное звание маршала прекратилось с приходом нового правительства, и Джордж Корвин был назначен шерифом графства Эссекс. Херрик, по-видимому, продолжал служить в качестве заместителя. Шерифу Корвину было двадцать шесть лет. Он был внуком Джорджа Корвина и сыном Джона. Его мать была внучкой губернатора Уинтропа из Массачусетса и дочерью губернатора Уинтропа

из Коннектикута. Его жена была дочерью Бартоломью Гедни; таким образом, получается, что двое из судей были его дядями, а один - тестем. Эти личные связи можно принять во внимание, поскольку они дают основания полагать, что, выполняя свои мучительные обязанности, он действовал не без советов и предложений из высших кругов.

Здание суда, в котором проходили судебные заседания, находилось в центре нынешней Вашингтон-стрит, недалеко от того места, где в нее вливаются улицы Линд и Черч, которых тогда еще не было, но теперь они выходят на Эссекс-стрит. Здание также использовалось в качестве городского дома; Вашингтон-стрит по этой причине тогда называли "переулком городских домов". Напротив здания суда, на западной стороне переулка, стоял дом преподобного Николаса Нойеса, на месте резиденции покойного Роберта Брукхауса. Напротив него находилось поместье Эдварда Бишоп, которое выходило на запад по "Таунхаус-лейн" на расстояние чуть более ста футов, включая нынешний Джеффри-корт и простираясь на несколько футов за угол дома доктора С.М. Кейта, на часть Черч-стрит. Глубина участка в направлении улицы Святого Петра составляла около трехсот сорока пяти футов. Эдвард Бишоп владел этим участком по праву своей жены Бриджет, вдовы Томаса Оливера, умершего около 1679 года. Вскоре после этого брака Бишоп переехал на свою ферму в Ройал-Сайд. В 1685 году "старый дом Оливера" был либо снесен, либо перестроен, и на том же месте был возведен новый, который арендаторы заняли в 1692 году. Эти сведения приведены потому, что они помогут проиллюстрировать повествование и позволят нам понять суть доказательств в предстоящем судебном процессе. Любопытно обстоятельство, что первая публичная жертва судебного преследования, Бриджет Бишоп, была ближайшей соседкой и жила прямо напротив человека, который больше, чем кто-либо другой из жителей города, был ответственен за пролитую кровь, - Николаса Нойеса. Тюрьма в то время находилась на западной стороне Тюремного переулка, ныне Сент-Питер-стрит, к северу от того места, где в него впадает Федеральная улица. Дом собраний стоял на том месте, где всегда находилась Первая церковь. Таверна "Корабль" находилась на месте, которое сейчас, , занимает "Блок Уэста", почти напротив центральной улицы. Долгое время она принадлежала Джону Гедни-старшему. Двое его сыновей, Джон и Бартоломью, женились на Сюзанне и Ханне Кларк. Джон умер в 1685 году. Его вдова переехала в семью своего свекра, а после его смерти в 1688 году продолжила содержать дом. В 1698 году она вышла замуж за Деливеранса Паркмана и умерла в 1728 году. В 1692 году таверна была известна как "У вдовы Гедни". На заднем дворе поместья был обширный фруктовый сад, примыкавший по северной границе к фруктовому саду Бриджет Бишоп, на месте которого сейчас стоит здание лицея, и еще один или два к востоку от него.

Суд был открыт в Салеме в первую неделю июня 1692 года. В это время в Салем прибыл генеральный прокурор, чтобы подготовиться к ведению дел. Он направил следующее письмо Исааку Аддингтону, секретарю провинции: -

"Салем, 31 мая 1692 года.

"Достопочтенный сэр, - я настоящим отправил вам имена заключенных, которые должны быть переданы по процедуре *хабеас корпус*; и предпочел отправить вам их копию, будучи, как я полагаю, более привычным к этой практике, чем вы, и прошу прощения, если я нарушил ваши права в этом. Боюсь, что на этой неделе мы не рассмотрим все, за чем послали; по той причине, что судебные разбирательства будут долгими, а страдальцы не смогут с готовностью дать свои показания, будучи на какое-то время поражены немотой и бесчувствием при имени обвиняемого. Весь этот день я вместе с джентльменами из совета был в деревне на допросе людей, где наблюдал странные вещи, неправдоподобные только для зрителей и слишком утомительные, чтобы рассказывать о них; и среди прочих капитан

Олден и мистер Инглиш получили свои *миттимусы*. Должен сказать, что, судя по нынешнему положению вещей, они так же сильно переживают, как и все остальные; ведь страдальцы не щадят ни одного человека, какого бы качества он ни был, и не скрывают своих преступлений, хотя никогда не бывают столь ужасными. Мы просим, чтобы индианка Титуба и служанка миссис Тачер были переданы в качестве доказательств, но желаем, чтобы они не находились среди заключенных, а были сами по себе; вместе с записями суда помощников 1679 года против Бриджет Оливер и записями, касающимися первых осужденных, оставленными в руках мистера Вебба по распоряжению совета. Прошу простить меня за то, что сейчас я не могу более подробно изложить суть дела; и, сердечно служа вам, добавлю лишь, что я, сэр, ваш покорнейший слуга",

Хатчинсон утверждает, что на момент начала процесса не действовал закон колонии или провинции против колдовства, и что судебное разбирательство велось на основании акта Якова Первого, принятого в 1603 году. Согласно этому акту, осужденные должны были быть приговорены к "мукам и смертной казни как преступники". Согласно колониальному законодательству, осуждение за преступления, караемые смертной казнью, не лишало пострадавшую сторону права распоряжаться имуществом. В этом и других отношениях существовали различия, которые создавали определенные неудобства при применении практики родной страны; и генеральному прокурору приходилось восполнять недостаток опыта у местных чиновников.

Следует отметить, что в настоящее время не сохранилось никаких записей о деятельности этого специального суда, и единственная информация о нем содержится в кратких и несовершенных изложениях писателей того времени. Возможно, Хатчинсон пользовался этими записями. Он приводит даты нескольких заседаний суда, а также приговоры и казни заключенных. Некоторые из показаний, данных под присягой в суде, находятся в архиве, но во многих случаях без указания даты, когда они были даны в ходе судебного разбирательства. В некоторых случаях в них указано, когда они были представлены большому жюри. Сохранилась лишь небольшая их часть. Содержащиеся в них материалы в значительной степени были представлены на предварительных слушаниях и уже приводились. В дальнейшем изложении судебного процесса эти показания будут использованы еще раз.

Бриджет Бишоп была единственной, кого судили на первом заседании суда. Ее привезли через тюремный переулочек, по Эссекс-стрит, мимо Первой церкви, в Таунхауз-лейн, к зданию суда. Коттон Мазер пишет: "Была одна странная вещь, с которой ее привезли.

"Была одна странная вещь, с которой суд столкнулся недавно. Когда эта женщина под охраной проходила мимо большого и просторного дома собраний, она бросила взгляд в сторону дома; и тут же демон, незаметно войдя в дом собраний, снес его часть, так что, хотя там не было видно ни одного человека, люди, прибежав на шум, обнаружили доску, которая была крепко скреплена несколькими гвоздями, перенесенную в другую часть дома".

Вероятно, на улицах толпились люди, жаждущие увидеть узника; были заняты двери, заборы и крыши домов. Некоторые, возможно, пробрались в дом собраний; и, забравшись на окна,

могли потребовать доску, а ее оставили на месте. Как это ни невероятно, но, судя по словам Мазера, "суд был в восторге", это обстоятельство было представлено в качестве доказательства на суде и рассматривалось как весомое и неопровержимое доказательство вины Бриджет.

Один или два момента в доказательствах, представленных против нее, в дополнение к тем, которые упоминались ранее, заслуживают внимания. Позиция, занятая на суде преподобным Джоном Хейлом из Беверли, требует критики. Обвинение в колдовстве уже не раз выдвигалось против нее, особенно в 1687 году, когда она жила недалеко от границ Беверли, в Ройал-Сайде. Женщина из соседнего дома, подверженная приступам безумия, во время одного из них выдвинула против нее это обвинение; но, вернувшись в себя, она торжественно отказалась от своих слов и глубоко сожалела об этом обвинении. При сильном рецидиве болезни эта женщина покончила с собой. Мистер Хейл в это время рассматривал дело и оправдал Бриджет Бишоп, которая была прихожанкой его церкви, от обвинения, выдвинутого против нее несчастной сумасшедшей. По его словам, он был уверен, что "сестра Бишоп" была невиновна и ничем не заслужила дурного мнения. Он надеялся, что "в то время о Гуди Бишоп думали лучше". Не претендуя на новые доказательства, касающиеся фактов дела, он явился в суд в 1692 году и рассказал о них с целью и намерением заставить их выступить против нее. Он описал внешний вид горла женщины после смерти следующим образом: - "Что касается ран, от которых она умерла.

"Что касается ран, от которых она умерла, то я заметил три смертельные раны: вырезанный кусок трахеи и еще одна рана выше, через трахею и пищевод, и вену, которую они называют яремной. Поэтому я считал и считаю, что она не могла, имея столь короткие ножницы, так изувечить себя без какого-то необыкновенного действия дьявола или колдовства".

Если таково было его впечатление в то время, странно, что он не сказал об этом. Но нет никаких свидетельств того, что по этому случаю против "сестры Бишоп" было возбуждено уголовное дело, большим жюри или иным образом. Напротив, мистер Хейл, похоже, согласился с мнением, что расстройство женщины было усугублено, если не вызвано, тем, что она слишком много размышляла над темными местами и загадочными образами пророчеств. Правда, по всей вероятности, заключается в том, что подозрения мистера Хейла возникли после. Эффект, произведенный на его психическое состояние заявлениями и действиями "страдающих детей" в 1692 году, был бессознательно перенесен на 1687 год. Бред, в котором он тогда полностью участвовал, заставил его по-другому интерпретировать самоубийственные раны и ужасный конец несчастного маньяка за пять или шесть лет до этого.

Достоин внимания свидетельство, иллюстрирующее состояние мнений того времени, касающееся нашей темы, приведенное в этом деле. Сэмюэль Шаттак был шляпником и красильщиком. Его дом находился на южной стороне Эссекс-стрит, напротив западного входа на территорию Северной церкви. До своего переезда в деревню Бриджет Бишоп имела привычку заходить к Шаттуку, чтобы покрасить одежду. Он утверждает, что она обращалась с ним и его семьей вежливо и любезно; или, как он охарактеризовал ее поведение после того, как его разум стал желтушным по отношению к ней, "гладко и льстиво". Он рассказывает свою историю в показаниях, написанных им самим, подписанных и приведенных к присяге в суде им и женой 2 июня 1692 года. В них говорится следующее:-

"Наш старший ребенок, который обещал столько же здоровья и понимания, как по лицу, так и по действиям, как и все другие дети его лет, был взят в очень вялом состоянии; и, поскольку она все чаще приходила в дом, ему становилось все хуже и хуже. Когда он стоял у двери, он

выпадал и ударялся лицом о большую ступеньку, как будто его выталкивала невидимая рука; часто он падал и ударялся лицом о стены дома, ушибая свое лицо очень жалким образом..... Ребенок был взят в страшном припадке, его рот и глаза были отведены в сторону, и он задыхался так, как будто был на грани смерти. После этого его приступы стали еще сильнее, и, выходя из них, он почти всегда плакал. В течение многих месяцев он плакал до тех пор, пока силы природы не истощались, а затем засыпал, просыпался и снова плакал и стонал; и сам его облик говорил о сострадании. И в конце концов мы заметили, что его разумение ослабло, так что мы опасались (как оказалось впоследствии), что он совсем лишится рассудка; ибо с тех пор он был одурманен и лишен разума, а его припадки все еще преследовали его. После того как он пробыл в таком состоянии некоторое время, он пошел в сад, сел на доску толщиной в дюйм, которая лежала плашмя на земле, и мы позвали его; он подошел к краю доски, протянул руку и сделал вид, будто хочет подойти, но не мог, пока ему не помогли сойти с доски..... Моя жена предложила ему пирог и деньги, чтобы он пришел к ней; и он протянул руку, и потянулся за ней, но не мог прийти, пока ему не помогли сойти с доски, и, как я полагаю, какие-то чары удерживали его на ней..... С тех пор с этим ребенком случаются тяжелые приступы, как будто он никогда больше не оправится; его голова и глаза отведены в сторону, как будто они никогда больше не вступят в права; он лежит так, как будто он, в некотором роде, мертв; падает куда угодно, либо в огонь, либо в воду, если за ним постоянно не присматривают; и вообще, находится в таком беспокойном состоянии, почти всегда бегают туда-сюда, ведет себя так странно, что я не могу судить иначе, как то, что он заколдован: и, исходя из этих обстоятельств, полагаю, что вышеупомянутая Бриджет Оливер - ныне называемая Бишоп - является причиной этого; и было суждение врачей, тех, кто жил здесь, и иностранцев, что он находится под злой рукой колдовства."

Средства, использованные для того, чтобы придать подозрениям Шаттака и его жены такое направление, описаны в рассказе о Бриджет Бишоп в [первой части](#) этой работы.

Шаттак был сыном крепкого квакера с таким именем, который за тридцать лет до этого доставил правительству колонии столько хлопот, и, похоже, унаследовал некоторые из его представлений. В своих показаниях он упоминает в качестве доказательства того, что Бриджет Бишоп была ведьмой, что она приносила в его красильню "разные куски кружев", формы и размеры которых совершенно не соответствовали его представлениям о том, что может быть необходимо в гардеробе или для туалета простой и честной женщины. Он, очевидно, считал модные и тщеславные наряды ловушкой и знаком дьявола.

Воображение нескольких человек из ближайшего окружения Шаттука, похоже, было доведено до предела в отношении Бриджет Бишоп. Джон Кук жил на южной стороне улицы, прямо напротив восточного входа на территорию Северной церкви на ее нынешнем месте. Дом Джона Блая находился на участке, примыкающем к задней части дома Кука и выходящем на Саммер-стрит. Один из сыновей Кука (Джон), восемнадцати лет, дал показания: - "Примерно пять или шесть лет назад.

"Лет пять-шесть назад, однажды утром, около восхода солнца, когда я лежал в постели, перед тем как встать, я увидел, как добрая жена Бишоп, *она же* Оливер, стояла в комнате у окна; она смотрела на меня и ухмылялась, и вскоре ударила меня по голове, что причинило мне сильную боль; затем я увидел, как она вышла под крайнее окно через маленькую щель, примерно такого размера, что я мог просунуть руку. В тот же день, в день субботний, около полудня я снова видел, как она прошла через комнату; и когда я держал в руке яблоко, оно вылетело из моей руки на колени моей матери, которая сидела на расстоянии шести или

восьми футов от меня, а затем она исчезла; и хотя моя мать и еще несколько человек были в той же комнате, они утверждали, что не видели ее".

У Блая и его жены Ребекки возникли сложности с Бишопом по поводу оплаты свиньи, которую они у нее купили. Ниже приведены их показания на суде. После того как они заявили, что она пришла к ним домой и поссорилась с ними из-за этого, они продолжают рассказывать, что животное...

"с ней случались странные припадки, она вскакивала и билась головой о забор, казалась слепой и глухой, не ела и не давала сосать своим свиньям, но пускала пену изо рта; на что Гуди Хендерсон, услышав об этом, сказала, что считает, что ее упустили, и что у них на Истворде, когда они там жили, скот болел подобным образом, и они лечили их, давая им красную охру и молоко, которое мы давали и свиноматке. Вскоре после еды ей стало лучше; а затем, в течение почти двух часов, она, выйдя на улицу, бегала и прыгала между домом указанных ответчиков и домом указанного епископа, как будто с ума сошла, и после этого снова поправилась; и мы тогда предположили или решили, и продолжаем считать, что указанный епископ околдовал указанную свиноматку".

Уильям Стейси свидетельствовал, что, когда он "шел на мельницу", встретив Бишоп на улице, между ними произошел какой-то разговор, и что

"проехав около шести футов от нее, упомянутый Бишоп с небольшим грузом в своей телеге внезапно провалился колесом в яму на ровном месте; что этот подсудимый был вынужден позвать кого-нибудь, чтобы помочь ему вытащить колесо. После этого он вернулся и стал искать яму, в которую провалилось колесо, но не нашел ее".

Далее Стейси заявил, что в другой раз он...

"встретил упомянутого епископа у кирпичной печи Айзека Стернса. После того как он проехал мимо нее, лошадь этого епископа с небольшим грузом остановилась, поднимаясь на холм; так что, когда лошадь попыталась тянуть, все ее снасти и упряжь разлетелись на куски, и телега упала".

Эти казусы и чудеса произошли на Саммер-стрит, у подножия Каштановой улицы, где земля тогда была гораздо ниже, чем сейчас. Стейси поднимался по этой улице, направляясь через Хай-стрит к мельнице своего отца на Саут-Ривер.

Стейси закончил свои показания следующим образом.

"Сей свидетель встречался с несколькими другими ее проделками в разное время, и рассказ о них занял бы много времени.

"Этот свидетель свято верит, что упомянутая Бриджет Бишоп способствовала смерти его дочери Присциллы. Около двух лет назад ребенок был вполне благополучным, процветающим ребенком; и вдруг он закричал, и так продолжалось в необычной манере около двух недель, и умер таким плачевным образом".

Многие из необычных "шалостей", в которых обвиняли Бриджет Бишоп, происходили неподалеку от ее дома. Джон Лаудер, слуга Джона Гедни-старшего, за несколько лет до этого поспорил с ней о ее птицах, "которые часто прилетали в наш сад или огород". Он поклялся следующим образом.

"Через некоторое время после этого я, ложась спать, около глубокой ночи почувствовал большую тяжесть на груди, и, проснувшись, посмотрел; при ярком лунном свете я отчетливо

увидел Бриджет Бишоп или ее подобие, сидящую на моем животе; и, опустив руки с кровати, чтобы освободиться от сильного гнета, она тут же вцепилась мне в горло и почти задушила меня, и у меня не было сил или власти в руках, чтобы сопротивляться или помочь себе; и в таком состоянии она держала меня почти до самого дня. Через некоторое время после этого моя госпожа (Сюзанна Гедни) была в нашем фруктовом саду, и я была тогда с ней; и сказала Бриджет Бишоп, будучи тогда в своем фруктовом саду, - который примыкал к нашему, - моя госпожа сказала Бриджет, что я сказала или утверждала, что она пришла однажды ночью и села мне на грудь, как было сказано выше, что она отрицала, а я подтвердила ей в лицо, что это правда, и что я ясно видела ее; после этого разговора с ней она стала угрожать мне. А через некоторое время после этого я, будучи не очень здоров, остался дома в один из Господних дней; и после полудня того дня, когда двери были закрыты, я увидел в комнате черную свинью, которая шла ко мне; я подошел к ней, чтобы пнуть ее, и она исчезла".

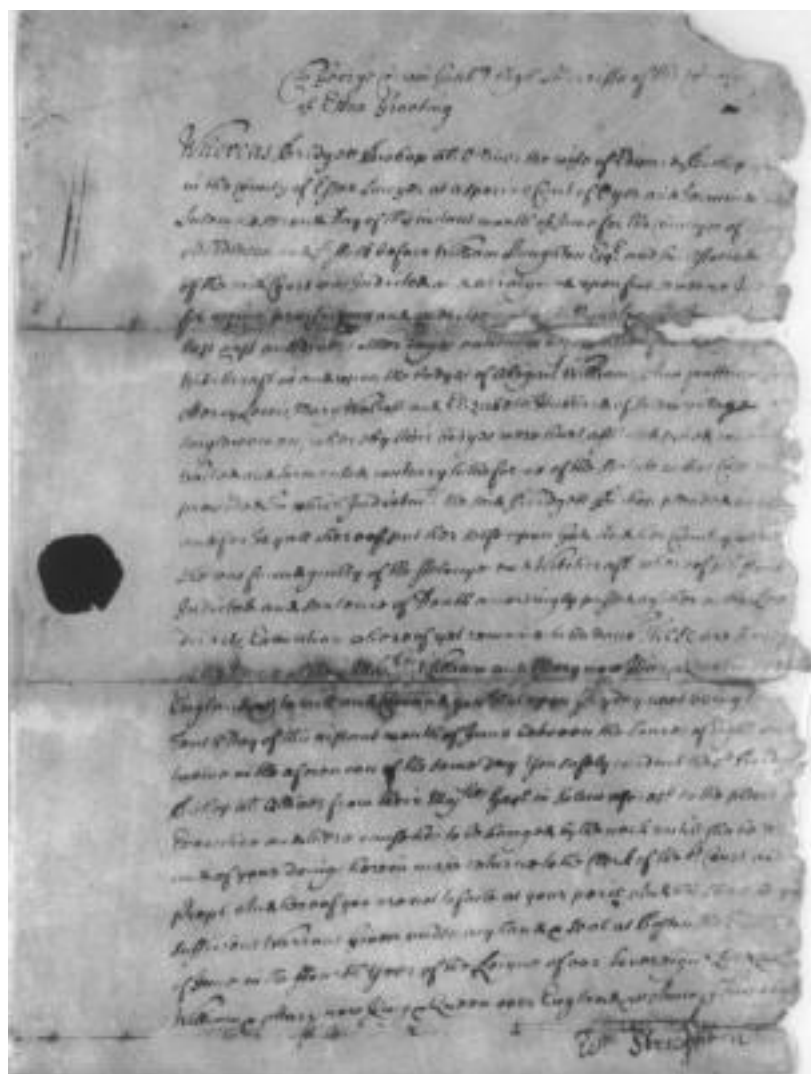
Далее Лаудер рассказывает, что сразу после этого, по тому же случаю, когда он оставался дома после собрания, он увидел, как черная тварь запрыгнула в окно, подошла и встала прямо перед его лицом "на перекадину". Телом оно напоминало обезьяну, только ноги были похожи на ноги петуха с когтями, а лицо больше походило на человеческое, чем на обезьянье. Он говорит, что был сильно напуган, "не имея возможности говорить или помочь себе из-за страха, я полагаю"; и что его таинственный посетитель произнес перед ним целую речь, представляя, что это посланник, посланный сказать, что, если он "будет управляться им, он не должен ничего хотеть в этом мире". Добродетельный и возмущенный Лаудер говорит, что он ответил: "Ах ты, дьявол, я тебя убью!" и нанес ему удар кулаком, но "не почувствовал никакой силы; и он снова выпрыгнул в окно". Оно тут же вошло через крыльцо, хотя двери были закрыты, и сказало: "Тебе лучше прислушаться к моему совету". После этого Лаудер ударил его палкой, попав в подоконник и сломав палку, но не почувствовал никакого вещества. Лаудер завершает свои показания следующим образом.

"Рука, которой я наносил удары, вскоре опустилась. Затем она исчезла, а я открыл заднюю дверь и вышел на улицу; идя к дому, я увидел во фруктовом саду Бриджет Бишоп, которая шла к своему дому, и, увидев ее, не смог ступить ни шагу вперед, а вернулся обратно; и, собираясь закрыть дверь, я снова увидел то или подобное существо, которое раньше видел в дверях, в такой позе, как будто оно собиралось лететь на меня; на что я воскликнул: "Все доспехи Божьи да будут между мной и тобой". Тогда оно отпрянуло назад и пролетело над яблоней, отбросив грязь своими ногами к моему животу, отчего я онемел, и так продолжалось около трех дней; кроме того, оно стряхнуло много яблок с дерева, над которым пролетело".

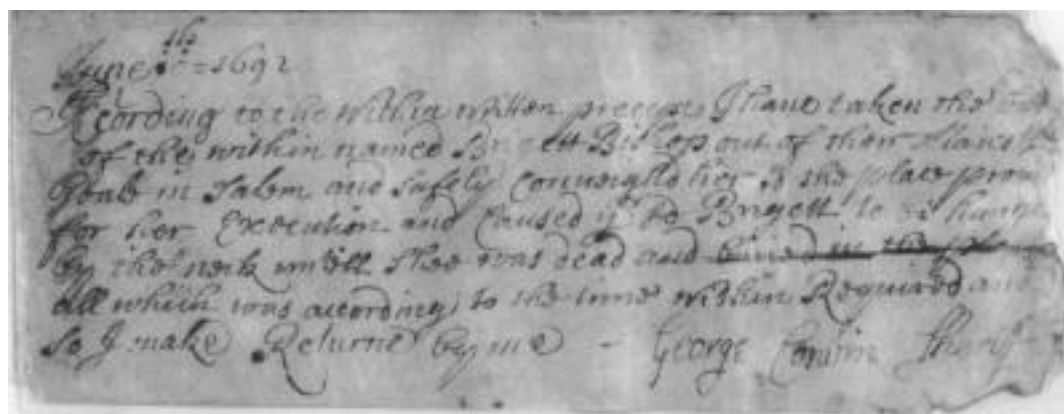
Перед тем как переехать на свою ферму, Эдвард и Бриджет Бишоп произвели упомянутые выше перестройки в своем городском поместье. Джон Блай-старший, пятидесяти семи лет, и Уильям Блай, пятнадцати лет, были заняты на демонтаже стены подвала "гнилого дома"; они показали, что нашли в отверстиях и щелях стены этого подвала "несколько кукол, сделанных из тряпок и свиной щетины, с безголовыми булавками, остриями наружу".

На основании этих доказательств Бриджет Бишоп была осуждена и казнена на следующей неделе. Смертные приговоры на этих процессах были собраны в один конверт и помечены как таковые. Конверт сохранился, но все его содержимое было изъято. [Ордер на смерть](#) Бриджет Бишоп, вероятно, не заметили, когда собирали остальные. В результате он сохранился и является единственным существующим.

Шериф, по-видимому, сразу после казни отправился в канцелярию и поставил свою [подпись](#) на ордере. Написав его, он добавил после слова "мертвой": "и похоронил ее на месте". Когда ему пришло в голову, что о захоронении тела в ордере ничего не сказано, он прочертил своей ручкой все слова, как видно на фотографии. Этот лишний пункт, таким образом частично стертый, является единственным положительным свидетельством того, как распорядились телами в то время. Несомненно, все они были брошены в ямы, вырытые среди скал, на месте, и поспешно прикрыты офицерами, отвечавшими за детали казни. Над их могилами не читалось никаких молитв, кроме тех, что произносили они сами в свои последние минуты.

[\[Посмотреть большее изображение \(383K\)\]](#)

[\[Просмотреть большее изображение \(327K\)\]](#)

Потомки Бриджет Бишоп очень многочисленны в Салеме; они принадлежат к самым старым и уважаемым семьям и широко разветвляются от них. Нет никаких свидетельств о потомстве от ее первого брака. Томас Оливер, ее второй муж, имел дочерей от предыдущей жены, которые были представлены в следующем поколении под фамилиями Хиллиард, Хупер и Джонс. От своей жены Бриджет у него был только один ребенок - дочь Кристиана, родившаяся 8 мая 1667 года. Она вышла замуж за Томаса Мейсона и умерла в 1693 году, оставив единственного ребенка, Сюзанну, родившуюся 23 августа 1687 года. Ее опекуном был Эдвард Бишоп. В 1711 году она вышла замуж за Джона Бекета, от которого у нее был сын Джон и шесть дочерей, а именно: Сюзанна - за Дэвидом Фелтом, Элизабет - за Уильямом Пилом, Сара - за Натаниэлем Силсби, Ребекка - за Уильямом Фэрфилдом, Юнис - за Торндайком Деландом, а Ханна - за Уильямом Клаутманом.

После вынесения приговора Бриджет Бишоп суд объявил перерыв и проконсультировался со священнослужителями Бостона и окрестностей по поводу судебного преследования. В своем ответе преподобные джентльмены, хотя и настоятельно в общих чертах о важности осторожности и осмотрительности в методах экспертизы, решительно и убедительно рекомендовали энергично продолжать судебное разбирательство; и оно действительно было энергично продолжено.

Хатчинсон говорит, что "во время первого суда не действовал ни один закон колонии или провинции против колдовства. Поэтому статут Якова Первого должен был считаться действующим в провинции, а колдовство не являлось преступлением по общему праву. Перед отсрочкой старый закон колонии, по которому колдовство считалось смертным преступлением, был возрожден вместе с другими местными законами, как их называли, и стал законом провинции". Общий суд, который таким образом возродил закон, делающий колдовство смертным преступлением, собрался 8 июня, за два дня до казни Бриджет Бишоп. Таким образом, разбирательство, произошедшее в Салеме, было воспринято как провинциальное дело, ответственность за которое несла не местная администрация, а законодательные органы, духовенство и население всей страны.

Суд вновь собрался в среду, 29 июня, и после разбирательства приговорил к смерти Сару Гуд, Сару Уайлдс, Элизабет Хау, Сюзанну Мартин и Ребекку Нерс, которые были казнены 19 июля.

Калеф пишет, что во время суда над Сарой Гуд

"Одна из страдалиц упала в припадке и, выйдя из него, стала кричать на заключенную за то, что та ударила ее ножом в грудь, и что она сломала нож, нанося ей удар. Соответственно, при ней был найден кусок лезвия ножа. Сразу же после этого в суд был вызван молодой человек, который предъявил рукоять и часть лезвия, которые суд, осмотрев и сравнив, увидел, что это одно и то же; в ответ на запрос молодой человек подтвердил, что вчера ему случилось сломать нож, а верхнюю часть он выбросил, - эта пострадавшая присутствовала при этом. Молодой человек был уволен, а ей суд запретил говорить неправду; после этого она была улучшена (как и раньше) для дачи показаний против заключенных".

Хатчинсон, рассказывая об этом обстоятельстве, ссылается на дело, рассмотренное сэром Мэтью Хейлом, когда аналогичная ложь была доказана против "больного" свидетеля; несмотря на это, по его словам, человек на суде был признан виновным, "и судья, и все члены суда были полностью удовлетворены приговором".

Сара Гуд, судя по всему, была несчастной женщиной, подверженной бедности и, как следствие, печали и меланхолии. Но она не была полностью сломлена духом. Мистер Нойес во время казни очень настойчиво убеждал ее признаться. Среди прочего, он сказал ей, что "она была ведьмой и что она знала, что она ведьма". Она сознавала свою невиновность и чувствовала, что ее притесняют, возмущают, топчут и собираются убить, причем в рамках закона; ее возмущение было направлено против ее преследователей. Она не могла молча вынести жестоких обвинений; и, хотя ей уже предстояло отправиться в вечность, поток ее чувств не мог быть сдержан и обрушился голову того, кто произнес ложное обвинение. "Ты лжец, - сказала она. "Я не больше ведьма, чем ты волшебник; и если ты лишишь меня жизни, Бог даст тебе крови, чтобы ты ее выпил". Хатчинсон говорит, что в его время среди жителей Салема существовала традиция, дошедшая до наших дней, что способ смерти мистера Нойеса странным образом подтвердил предсказание, вырвавшееся из разгоряченного духа умирающей женщины. Он был очень тучен, вел плеторический образ жизни и умер от внутреннего кровоизлияния, обильно истекая кровью изо рта.

У нас нет никаких сведений о казни Элизабет Хау. Ее мягкое, терпеливое, смиренное, благосклонное, набожное и нежное сердце, несомненно, пронесло ее через все страшные сцены в духе святой любви и веры. Мы не можем сомневаться, что в смерти, как и в жизни, она прощала, молилась и призывала благословение на своих гонителей. Не сохранилось никаких сведений и о поведении Сары Уайлдс или Сюзанны Мартин. Мы можем считать само собой разумеющимся, что первая была терпеливой и смиренной, но твердой и верной страдалицей, а вторая проявила огромную энергию духа и, вероятно, силу языка, которыми она отличалась. О случае с Ребеккой Нерс у нас больше информации.

Характер, возраст и положение этой почтенной матроны произвели впечатление, которому пришлось противостоять всеми силами и стараниями обвинения. Многие из тех, кто решительно и искренне поддерживал судебные процессы против других, приостановились и заколебались, когда речь зашла о ней; и многие из тех, кто до этого был подавлен молчанием, смело выступили в ее защиту. Характер Натаниэля Путнама уже был описан. Он был человеком необычайной силы и остроты ума и всю свою предыдущую жизнь стойко переносил народные волнения. Смерть его брата Томаса за семь лет до этого оставила его главой и патриархом большой семьи: в этом качестве он был известен как "лендлорд Путнэм". Все с полным доверием относились к его суждениям, и вполне заслуженно. Но он был убежденным религиоведом, пожизненным членом церкви, чрезвычайно энергичным и ревностным в церковных отношениях. Он был уже пожилым человеком, и мистеру Пэррису

удалось на время завладеть его чувствами, сочувствием и рвением в управлении церковью, а также добиться его полного сотрудничества в преследовании колдовства. Пэррис побудил его встать в первых рядах участников процесса. Но даже Натаниэль Патнэм не мог молча наблюдать за тем, как Ребекка Нерс приносится в жертву. Среди сохранившихся документов есть любопытная бумага, написанная им:.

"Натаниэль Патнэм-старший, по просьбе Фрэнсиса Нерса-старшего, просил меня сообщить, что я могу сказать о жизни и общении его жены, я, вышеупомянутый, знаю эту вышеупомянутую женщину сорок лет, и, что я наблюдал за ней, за исключением человеческих слабостей, ее жизнь и общение соответствовали ее профессии; она воспитала большую семью детей и дала им хорошее образование, так что в некоторых из них есть явный привкус благочестия. Я знал, что она расходится с соседями; но я никогда не знал и не слышал ни об одном, кто бы обвинил ее в том, в чем она сейчас обвиняется".

Аналогичную бумагу подписали еще тридцать девять человек из деревни и ближайших окрестностей, причем все они отличались высочайшей респектабельностью. Нельзя забывать о тех мужчинах и женщинах, которые осмелились совершить этот акт правосудия: "Мы, чьи имена здесь указаны.

"Мы, чьи имена здесь подписаны, по просьбе Гудмена Нерса заявить, что нам известно о разговорах его жены в течение последнего времени, - мы можем засвидетельствовать всем, кого это может касаться, что мы знали ее в течение многих лет; и, по нашим наблюдениям, ее жизнь и разговор соответствовали ее профессии, и у нас никогда не было причин или оснований подозревать ее в чем-либо таком, в чем она сейчас обвиняется".

"Израиль Портер.	Сэмюэл Эбби.
Элизабет Портер.	Хепзиба Ри.
Эдвард Бишоп, старший.	Дэниел Эндрю.
Ханна Бишоп.	Сара Эндрю.
Джошуа Ри.	Дэниел Ри.
Сара Ри.	Сара Путнам.
Сара Лич.	Джонатан Путнэм.
Джон Путнам.	Лидия Путнам.
Ребекка Путнам.	Уолтер Филлипс, старший.
Джозеф Хатчинсон, старший.	Натаниэль Фелтон, старший.
Лидия Хатчинсон.	Маргарет Филлипс.
Уильям Осберн.	Табита Филлипс.
Ханна Осберн.	Джозеф Холтон-младший.
Джозеф Холтон, старший.	Сэмюэл Эндикотт.
Сара Холтон.	Элизабет Бакстон.
Бенджамин Патнэм.	Сэмюэл Эборн, старший.
Сара Патнэм.	Исаак Кук.
Джоб Суиннертон.	Элизабет Кук.
Эстер Суиннертон.	Джозеф Патнэм".
Джозеф Херрик, старший.	

Изучение вышеперечисленных имен в связи с историей деревни убедительно доказывает, что, если бы дело было предоставлено самим жителям, оно никогда бы не достигло той точки, до которой дошло. Именно влияние магистратуры и правительства колонии, а также общественные настроения, преобладавшие в других местах, преобладали над настроениями непосредственной местности, что и послужило причиной бури.

Израэль Портер был главой большой и влиятельной семьи. Его жена Элизабет, как уже говорилось, была сестрой Хаторна, следственного судьи. Эдвард и Ханна Бишоп были почтенными главами и основателями большой семьи. Они жили в Беверли, и, должно быть, каждому из них было около девяноста лет. Список содержит имена глав основных семейств деревни, таких как Джон и Ребекка Путнам, Хатчинсоны, Реасы, Личи, Хоултоны и Херрики; а также соседних семей, таких как Фелтоны, Осборны и Сэмюэл Эндикотт. Самым примечательным фактом, который он раскрывает, является то, что в нем содержится имя одного из двух истцов, добившихся ордера на арест Ребекки Нерс, - Джонатана Путнама, старшего сына Джона; а также его жены Лидии. Последующие размышления и возвращение к здравому смыслу убедили его в том, что он совершил большую ошибку по отношению к невинному и достойному человеку; и у него хватило мужества выступить в ее пользу. Этот документ должен был спасти жизнь Ребекки Нерс. Он навсегда оправдывает ее характер и сделает честь каждому, кто под ним подписался.

Одной из самых жестоких особенностей судебного преследования на процессах над ведьмами, которая практиковалась во всех странах, где они проходили, был осмотр тел заключенных присяжными того же пола под руководством и в присутствии хирурга или врача. Лицо полностью обнажалось, и каждая его часть подвергалась самому тщательному осмотру. Этот процесс всегда возмущает человеческую природу, а в случае с жертвами этого случая, многие из которых были в почтенном возрасте и с нежными чувствами, он шокировал все естественные и инстинктивные чувства. Есть основания опасаться, что зачастую это происходило в грубой, грубой и жестокой манере. Маршал Херрик свидетельствует, что "по приказу судей Их Величеств" он, в сопровождении тюремного смотрителя Даунтона и констебля Джозефа Нила, произвел осмотр тела Джорджа Джейкобса. У людей его преклонного возраста, по всей вероятности, должны были быть сморщенные, высохшие и мозолистые места. Они обнаружили одно из них на теле старика, под правым плечом. Херрик поклялся, что это был настоящий ведьмин сосок, и в его показаниях он описывается следующим образом: "Около четверти дюйма в длину или лучше, с острием, опускающимся вниз, так что я взял булавку и провел ею по указанному соску; но там не было ни воды, ни крови, ни тлена, ни какой-либо другой материи". В качестве доказательства того, что это была "метка дьявола", Херрик и ключ свидетельствуют, что "упомянутый Джейкобс ничуть не почувствовал, что было сделано"!

Уму не постижимо, как можно обращаться таким образом с утонченными и чувствительными женщинами зрелого возраста или лицами любого пола с телесными немощами, ставшими священными с годами. Результаты обследования были сведены к письменным отчетам, подробно изложенным, и, наряду с другими доказательствами в процессе, распространены перед судом и присяжными. [C]

Доказательства по делу Ребекки Нерс состояли из обычных представлений и действий "страдающих детей". Мэри Уолкот и Эбигейл Уильямс обвинили ее в совершении нескольких убийств; особенно упоминались Бенджамин Хоултон, Джон Харвуд и Ребекка Шепард, и утверждалось, что в этом ей помогала ее сестра Клойс. Мистер Паррис также дал показания

против нее; из них следует, что, когда некий человек заболел, за ним послали Мерси Льюис. Войдя в палату, она оцепенела. Ее попросили поднять руку, если она увидит кого-нибудь из ведьм, поражающих больного. Она подняла руку, затем впала в транс, а через некоторое время, придя в себя, сказала, что видела призраки Гуди Нестер и Гуди Кэрриер, которые держали голову больного. Мистер Пэррис поклялся в этом, полностью доверяя заявлениям Мерси.

Свидетельства трех человек необходимо привести особо, поскольку они иллюстрируют необычайную степень увлеченности или галлюцинаций в сознании участников этого дела.

Миссис Энн Патнэм было около тридцати лет. В течение шести месяцев она постоянно увлекалась тем, что тогда, как и сейчас, считалось спиритизмом. В ее доме, расположенном на сайте, постоянно происходили чудеса, которые считались раскрытием и проявлением сверхъестественного. Явления, призрачные фигуры живых ведьм, призраки убитых ими жертв и демоны - все это происходило ежедневно и ежечасно. Страшные тайны неведомого мира открывались ей наяву и в ночных снах. Изначально чувствительная и склонная к фантазиям натура была доведена до такого состояния, когда ее умственные способности одновременно ослабевали и возвышались. Помимо всего прочего, ее тело подверглось испытаниям, связанным со столь ранним материнством, а на ее ум и сердце давили тревоги и заботы, связанные с большой семьей маленьких детей. Множество разочарований, огорчений и всепоглощающего горя, словно темная туча, нависли над ее жизнью: смерть ее собственных детей, сестры Бейли и ее детей, детей сестры Бейкер; и, наконец, непрекращающиеся и постоянно повторяющиеся страдания, мучения, конвульсии, припадки и трансы ее дочери Энн и ее служанки Мерси Льюис, под дьявольской рукой, как она полностью верила. - Все это, должно быть, придавало ее лицу и тону голоса удивительную впечатлительность для всех, кто смотрел на них или слушал их. Ее выдающееся положение в обществе, ее общая репутация, - ведь Лоусон, хорошо знавший ее, называет ее "очень трезвой и благочестивой женщиной", насколько он мог судить, - печать глубокой серьезности, наложенная на все ее речи, сияние, которое болезненное волнение, давно пережитое, придавало ее выражению, должны были в значительной степени приковать внимание собравшейся толпы. В ее показаниях присутствует атмосфера печали, навеянная диким бредом воображения. Я привожу ее показания полностью, как один из феноменов этой странной сделки:...

"Показания Энн Патнэм, жены Томаса Патнэма, в возрасте около тридцати лет, которая свидетельствует и говорит, что 18 марта 1692 года, когда я измучилась, помогая ухаживать за моим бедным страдающим ребенком и служанкой, примерно в середине дня я прилегла на кровать, чтобы немного отдохнуть; и тут же меня чуть не придавило и я не задохнулась, что, если бы не милость милостивого Бога и помощь тех, кто был со мной, я не смогла бы прожить много мгновений: и вскоре я увидел явление Марты Кори, которая мучила меня так, что я не могу выразить, готовая разорвать меня на куски, а затем отошла от меня на некоторое время; но не успел я восстановить силы или отдышаться, как явление Марты Кори снова обрушилось на меня со страшными пытками и адским искушением пойти вместе с ней. Она также принесла мне в руке маленькую красную книжечку и черное перо, настойчиво убеждая меня писать в ее книге; и несколько раз в тот день она жестоко пытала меня, почти готовая убить. А 19 марта мне снова явилась Марта Кори, а также Ребекка Нерс, жена Фрэнсиса Нерса, старшего: и обе они в этот день много раз пытали меня такими муками, какие не выразить никаким языком, потому что я не поддавался их адским искушениям, что, если бы меня не поддерживала всемогущая рука, я не смог бы прожить ночь. 20 марта, в день субботний, я имел большую передышку между припадками. 21 марта, в день осмотра Марты

Кори, у меня было не так много припадков, хотя я был очень слаб; силы мои, как мне казалось, почти иссякли: но 22 марта 1692 года явление Ребекки Сестры снова настигло меня самым ужасным образом, очень рано утром, как только стало светать. И теперь она явилась мне только в своей смене и принесла в руке маленькую красную книжку, настойчиво убеждая меня писать в ее книге; и, поскольку я не поддался ее адским искушениям, она угрожала вырвать мою душу из тела, богохульно отрицая благословенного Бога и силу Господа Иисуса Христа спасти мою душу, и отрицая несколько мест Писания, о которых я говорил ей, чтобы отвратить ее адские искушения. И в течение почти двух часов вместе, в это время, явление Ребекки Сестры искушало и мучило меня, а также большую часть этого дня, с очень небольшими перерывами. 23 марта, я снова страдаю от явлений Ребекки Сестры и Марты Кори, но в основном от Ребекки Сестры. 24 марта, в день экзамена Ребекки Сестры, утром я несколько раз страдала от явлений Ребекки Сестры, но наиболее ужасно она мучила меня во время экзамена, так что почтенные магистраты дали моему мужу разрешение вынести меня из дома собраний; И как только меня вынесли из дверей дома собраний, Всемогущему Богу было угодно, ради Его благодати и милосердия, избавить меня от лап этих рыкающих львов и челюстей этих раздирающих медведей, чтобы с тех пор они не имели власти так мучить меня до нынешнего 31 мая 1692 года. В тот самый момент, когда я слушала свои показания, зачитанные уважаемыми магистратами, и приносила клятву, на меня вновь напала и пытала моя вышеупомянутая мучительница, Ребекка Нерс".

"Показания Энн Путнэм-младшей, свидетельницы и утверждающей, что, находясь в комнате, где страдала ее мать, она видела Марту Кори, Сару Клойс и Ребекку Нерс, или их явление, на своей матери".

Миссис Энн Путнам дала еще одно показание под присягой на том же процессе, из которого видно, что она была намерена ошеломить заключенного множеством своих обвинений. Она говорит, что явление Ребекки Нерс объявило ей, что "она убила Бенджамина Хоултона, Джона Фуллера и Ребекку Шепард"; и что она, ее сестра Клойс и жена Эдварда Бишопа убили ребенка молодого Джона Путнама; и далее она заявила следующее.

"Тотчас же ко мне явились шестеро детей в накидках, которые назвали меня тетей, чем очень меня напугали; и они сказали мне, что это дети моей сестры Бейкер из Бостона; и что добрая сестра, и госпожа Кери из Чарльзтауна, и старая глухая женщина из Бостона убили их, и поручили мне пойти и рассказать все это магистратам, иначе они разорвут меня на куски, ибо их кровь взывает к отмщению. Также ко мне явилась моя родная сестра Бейли и трое ее детей в накидках, и сказала, что их убила Гуди Нерс".

В этих показаниях есть фрагмент, иллюстрирующий одну из доктрин, которых придерживались в то время по поводу колдовства. Миссис Энн Патнэм "свидетельствует и говорит, что в первый день июня 1692 года явление Ребекки Сестры снова обрушилось на меня и чуть не задушило; и она сказала мне, что теперь, когда она вышла из тюрьмы, у нее есть власть причинять мне страдания, и что теперь она будет причинять мне их весь этот день". Вероятно, здесь имеется в виду тот факт, что 1 июня ее вместе со многими другими заключенными перевели из тюрьмы в Бостоне в тюрьму в Салеме; и что, находясь вне тюремных стен, "весь этот день" она имела больше сил для страданий, чем когда была закована в цепи в камере. Это, несомненно, было общепринятым мнением, и оно любопытно проиллюстрировано в приведенном выше отрывке.

Единственное уничижительное высказывание о характере доброй жены Сестры, которое можно найти в документах, содержится в следующих показаниях

"Показания Сары Хоултон, вдовы Бенджамина Хоултона, покойного, которая свидетельствует и говорит, что примерно в это время, три года, мой дорогой и любящий муж, Бенджамин Хоултон, покойный, был так хорош, как я никогда не знала его в своей жизни, пока однажды утром в субботу Ребекка Нёрс, которая теперь обвиняется в колдовстве, не пришла в наш дом и не обрушила на него перила, потому что наши свиньи попали на ее поле. Хотя наши свиньи были достаточно привязаны, а их изгородь в нескольких местах повалена, все, что мы могли ей сказать, никак не могло ее успокоить; но она еще долго продолжала бить и ругаться, призывая своего сына Бенджа. Сестре, чтобы он пошел за ружьем и убил наших свиней, и пусть никто из них не выходит за пределы поля, хотя мой бедный муж не сказал ей ни одного грубого слова. А через некоторое время после этого мой бедный муж, выйдя очень рано утром, когда он снова входил в дом, был схвачен странным припадком в подъезде; он ослеп и упал два или три раза, так что, когда он пришел в себя, он сказал мне, что думал, что ему больше не следует входить в дом. И все лето после этого он пребывал в томительном состоянии, сильно болел живот и часто слеп: но примерно за две недели до смерти с ним начались странные и сильные приступы, очень похожие на те, что бывают у наших бедных заколдованных людей, когда мы думаем, что они уже умерли; и доктор, который был с ним, не мог определить, что у него за болезнь. За день до смерти он был очень весел, но около полуночи его снова охватили жесточайшие приступы, пока на следующую ночь, около полуночи, он не покинул эту жизнь жестокой смертью.

"Jurat in Curia".

Объясняя значение этого свидетельства, следует отметить, что поместье Бенджамина Хоултона примыкало к поместью Фрэнсиса Нерса. Они были разделены забором, который, как и в подобных случаях, на половину своей длины должен был содержаться в порядке одной стороной, а на оставшуюся половину - другой. Точные факты установить невозможно, поскольку мы располагаем историей только одной стороны. Вдова Хоултон, судя по всему, была нежной и, насколько нам известно, доброй женщиной. Через несколько лет после этого она стала второй женой Бенджамина Патнэма, очень уважаемого человека, а после смерти его отца Натаниэля - главы этой ветви семьи. В течение многих лет он был дьяконом церкви. Но она, надо признать, была предвзятым свидетелем, и ее суждения на тот момент были полностью затуманены распространенными суевериями. Со времен Таунсенда Бишопса сад был излюбленной частью поместья Нерс. Во всех фермерских хозяйствах он был наиболее важным и ценным объектом, и, как правило, находился под особым присмотром и управлением жены, дочерей и младших мальчиков хозяина. Ребекка Нерс была эффективной помощницей; она вносила свой вклад в успех великого предприятия по очистке поместья, а также в воспитание и образование большой семьи. Несомненно, ей, как и любому другому человеку, было очень неприятно, когда овощные и цветочные клумбы были опустошены бродячими свиньями соседа. До какой степени дошли ее "гнев и брань", ей не позволили высказаться, чтобы мы могли судить. Это дело, вероятно, вызвало много сплетен и, кажется, упоминается в свидетельстве Натаниэля Путнама от имени Ребекки Нерс. Есть основания полагать, что вдова Хоултон была одной из первых, кто осознал, какая большая несправедливость была допущена ею и другими по отношению к доброму имени Ребекки Нерс.

Несмотря на эти свидетельства, присяжные были настолько глубоко впечатлены выдающейся добродетелью и истинным христианским совершенством этой почтенной женщины, что, несмотря на шум толпы, чудовищные заявления свидетелей-обвинителей и сильное расположение суда к ней, присяжные вынесли вердикт "Не виновна". Калэф, а за ним и Хатчинсон описывают эффект и то, что за этим последовало: -.

"Тотчас же все обвинители в суде и, внезапно после этого, все страдальцы вне суда подняли страшный крик; к изумлению не только зрителей, но и суд казался странно удивленным. Один из судей выразил свое недовольство: другой, уходя со скамьи, сказал, что они хотят, чтобы ей предъявили новое обвинение. Главный судья сказал, что не будет навязывать присяжных, но намекнул, будто они не очень хорошо рассмотрели одно выражение заключенной, когда она была на суде; а именно, что когда некую Хоббс, признавшую себя ведьмой, привели в суд для свидетельства против нее, заключенная, повернув к ней голову, сказала: "Что! Вы привели ее? Она одна из нас", - или что-то в этом роде. Это, вместе с криками обвинителей, побудило присяжных выйти снова, после их вердикта: "Не виновна".

Старшина присяжных, Томас Фиск, сделал следующее заявление 4 июля, через несколько дней после суда

"После того как уважаемый суд выразил свое недовольство вердиктом, несколько присяжных заявили о своем желании выйти снова, и тогда суд дал разрешение; но, когда мы пришли к рассмотрению дела, я не мог сказать, как воспринимать ее слова в качестве доказательства против нее, пока у нее не было дополнительной возможности высказать свое мнение о них, если бы она согласилась на это. И тогда, войдя в суд, я упомянул вышеупомянутые слова, которые, как утверждал один из членов суда, были сказаны ею, а она в это время находилась в суде, но не дала ни ответа, ни толкования их; тогда эти слова стали для меня главной уликой против нее".

После того как ее проинформировали об использовании ее слов, заключенная сделала следующее заявление

"Настоящим я смиренно показываю уважаемому суду и присяжным, что, как мне сообщили, присяжные признали меня виновной, когда я сказала, что добрая жена Хоббс и ее дочь были из нашей компании; но я не имела в виду ничего иного, кроме того, что они были заключенными вместе с нами, и поэтому считала и считаю их не законным доказательством против своих товарищей по заключению. А я, будучи плохо слышащей и полной горя, не сообщила, как суд воспринял мои слова, и поэтому не имела возможности заявить, что я имела в виду, когда говорила, что они из нашей компании".

Для нее было совершенно естественно говорить о них как о "нашей компании", и не только потому, что они долгое время сидели вместе в одной тюрьме, но и потому, что время от времени сопровождали друг друга при переводе из одной тюрьмы в другую. За несколько дней до этого большая партия, в которую входила и она, была доставлена из Бостона и провела весь день вместе в пути. Среди них упоминаются Сара Гуд, Джон Проктер с женой, Сюзанна Мартин, Бриджет Бишоп и Элис Паркер. Далее Калеф пишет: "После осуждения

"После ее осуждения губернатор счел нужным предоставить отсрочку, о которой, когда стало известно (а некоторые говорят, что сразу после предоставления), обвинители возобновили свои ужасные крики против нее; так что некоторые салемские джентльмены убедили губернатора отозвать отсрочку, и она была казнена вместе с остальными.

"Свидетельства о ее христианском поведении, как во время жизни, так и после смерти, а также о ее необычайной заботе о воспитании своих детей и подаче им хорошего примера под руками столь многих, столь многочисленных, что для краткости они здесь опущены".

Необычное поведение "салемских джентльменов", препятствовавших предполагаемому проявлению благоразумия и милосердия в этом случае, объясняется, вероятно, тем фактом,

который приводит Нил в своей "Истории Новой Англии", что в Салеме во время действия иллюзии существовала организованная ассоциация частных лиц, комитет бдительности, который обязался выискивать и преследовать всех подозрительных лиц. Он говорит, что многие были арестованы и брошены в тюрьму благодаря их влиянию и вмешательству. Вряд ли стоит сомневаться в том, что люди, пытавшиеся помешать освобождению Ребекки Нерс, действовали под руководством и по указанию этого самозванного органа инквизиторов. Деятельность таких несанкционированных и безответственных групп всегда сомнительна по своей целесообразности. Действуя в одном строю с возбужденным населением, они чрезвычайно опасны.

В судебной летописи страны нет более позорной записи, чем та, что повествует о суде над этой замечательной женщиной. Волна народного гнева пробила себе дорогу к судейскому креслу. Громкие и злобные крики увлеченной толпы, как внутри, так и снаружи здания суда, вместо того чтобы быть услышанными, должны были быть не только сурово обличены, но и посещены быстрым и примерным наказанием. Судьи не только были подавлены и запуганы от добросовестного исполнения своего священного долга крикливой толпой, но и сами сыграли им на руку. Хатчинсон справедливо замечает, что их поведение было нарушением того правила исполнять "закон и справедливость в милосердии", которое всегда должно быть написано на их сердцах. "В делах о смертной казни суд часто отказывается от вердикта "виновен", но редко, если вообще когда-либо, отправляет присяжных на повторный суд с вердиктом "невиновен"". Заявление старшины присяжных и последующие объяснения заключенной, взятые в совокупности с основанием, по которому главный судья отправил присяжных на повторное заседание после вынесения ими вердикта "Не виновен", обязывают суд и исполнительную власть предоставить ей преимущество этого вердикта.

На суде над своей матерью Сара Нерс - в возрасте двадцати восьми лет или около того - дала такие показания: "Находясь в суде 29 июня 1692 года, я видела, как добрая жена Биббер вытащила булавки из своей одежды, зажала их между пальцами и обхватила руками колени; затем она закричала и сказала, что добрая сестра ущипнула ее". Во всех этих процессах Мерси Льюис была главным свидетелем и действующим лицом; однако среди документов мы находим свидетельства самых уважаемых и надежных людей о том, что ей нельзя доверять. Были также показания, которые должны были сломить силу показаний Энн Путнэм и ее матери. Через четыре дня после допроса и заключения Ребекки Нёрс Джон Тарбелл и Сэмюэл Нёрс отправились в дом Томаса Путнама, чтобы выяснить, каким образом их мать стала объектом столь шокирующих обвинений. Это были люди, чье доверие никогда не ставилось под сомнение. В данном случае их заявления не оспаривались, и, если бы они не были правдивы, их можно было бы опровергнуть, поскольку существовало множество свидетелей изложенных ими фактов. Тарбелл поклялся следующим образом: "Поговорив о многом, я спросил, говорила ли пострадавшая девушка сначала о Доброй Кормилице, прежде чем другие упомянули о ней. Они сказали, что она рассказала им, что видела явление бледнолицей женщины, которая сидела на месте ее бабушки, но не знала ее имени. Тогда я ответил и спросил: "А кто сказал ей, что это была Добрая Сестра? Мерси Льюис сказала, что это была Гуди Путнам, которая сказала, что это Гуди Нянька. Гуди Путнам сказала, что это Мерси Льюис сказала ей. Так они переводили разговор друг на друга, говоря: "Это была ты" и "Это ты ей сказала"". Сэмюэл Нерс свидетельствовал о том же.

Была еще одна улика, которая, хотя и была выдвинута против Ребекки Нерс, но, как мы теперь читаем, сильнее всего действует на Энн Патнэм, чем на кого-либо другого, и затрудняет оправдание ее поведения предположением о частичном помешательстве. Определить, в какой степени заблуждение могло сопровождаться обманом и

самозванством, - одна из неясных проблем нашего предмета. Эдвард Путнэм свидетельствовал, что "Энн Путнэм-младшая была укушена Ребеккой Ней, была укушена Ребеккой Сестрой, как она сказала, около двух часов дня" после того, как Ребекка Сестра была заключена в тюрьму и находилась в нескольких милях от нее, в Салеме; и упомянутая Сестра также ударила Энн Путнэм своей призрачной цепью, оставив след "в виде круглого кольца и трех полос через кольцо: у нее было шесть ударов цепью в течение получаса; и у нее был один замечательный удар, с шестью полосами через руку". Эдвард Путнам клянется: "Я видел следы и укусов, и цепей". Суд, несомненно, был торжественно впечатлен этими удивительными свидетельствами; но трудно избежать вывода, что Энн Путнэм была виновна в изощренной лжи и искусном обмане.

В ходе судебного разбирательства на этой сессии один из "страдающих детей" выступил против преподобного Сэмюэля Уилларда, служителя Старой Южной церкви в Бостоне. "Ее выслали из суда, и было сказано, что она ошиблась в человеке". Безусловно, было достаточно доказательств против честности и правдивости обвинителей, чтобы оставить судей без оправдания и справедливо заслужить вечное осуждение за то, что они не обратили на них внимания.

Дело Ребекки Нерс доказывает, что в этом графстве невозможно было бы добиться приговора против человека с таким характером, обвиненного в колдовстве, если бы не самые экстраординарные усилия обвинителя, которому помогало все влияние суда и провинциальных властей. Одиозность судебного разбирательства и казни не может быть справедливо возложена на Салем или жителей его окрестностей.

Но ничто не может смягчить позор, который навсегда должен лечь на имена некоторых участников процесса. Не пытаюсь оценивать вину свидетелей обвинения, можно упомянуть, что семья Ребекки Нерс была твердо убеждена в том, что мистер Пэррис, как никто другой, виновен в ее казни; была ли его деятельность по подталкиванию обвинения или по предотвращению ее отсрочки, неизвестно. В том, что мистер Нойес принимал самое активное участие в жестоком обращении с этой женщиной, сомневаться не приходится. Записи Первой церкви в Салеме омрачает следующая запись: - "1692 год, 3 июля.

"1692 год, 3 июля. После причастия старейшины предложили церкви, и единогласным голосованием было принято решение о том, что наша сестра Сестра, осужденная судом как ведьма и приговоренная к смерти, должна быть отлучена от церкви; что и было сделано после обеда, она присутствовала".

Сцена, разыгравшаяся по этому случаю, должно быть, была поистине впечатляющей в то время, как и шокирующей для нас в ретроспективе. Действия церкви по окончании утренней службы, конечно же, стали известны всем; и "большой и просторный дом собраний" заполнился толпой, которая заполнила каждый уголок его пола, галереи и окна. Шериф и его подчиненные ввели заключенную, закованную в кандалы, и цепи звенели на ее старческой фигуре. Ее поставили в широком проходе. Мистер Хиггинсон и мистер Нойес - старейшины, как тогда называли священнослужителей, - стояли на кафедре. Два правящих старейшины, которые были светскими должностными лицами, и два дьякона заняли свои места, прямо под кафедрой и перед ней. Мистер Нойес произнес страшный приговор, который за подобное преступление, как тогда считалось, означал не просто изгнание из церкви на земле, но и исключение из церкви на небесах. Его следовало понимать как вечную гибель. Поскольку, по его мнению, было неопровержимо доказано, что она отдала душу дьяволу, он отдал ее на растерзание великому противнику Бога и человека.

Из мрачной камеры, в которой еще несколько дней находилось ее тело, он провозгласил о переселении ее души.

"Темница, ужасная со всех сторон,
как одна большая печь, пылающая огнем; но от этого пламени
Нет света, а лишь тьма видна;
Регионы печали, мрачные тени, где мир и покой
И покоя нет; надежда не приходит
Которая приходит ко всем; но пыткам нет конца,
Так же далеки от Бога и света небесного,
Как от центра трижды до крайнего полюса".

Язык и образность, исчерпывающие ресурсы божественного гения величайшего из поэтов, не в состоянии выразить то, что чувствовалось в этом страшном предложении. Оно опускало его получательницу ниже уровня человеческого сочувствия. Ослепленная толпа смотрела на нее с ужасом, который отбрасывал жалость и был полон ненависти. Но на наш взгляд сейчас, и, как мы верим, на взгляд Бога и ангелов тогда, она занимала бескрайнюю высоту над своими гонителями. Ее ум был безмятежно устремлен к высшим сценам и наполнен покоем, который мир не мог отнять или нарушить своими жестокими обидами. Она вернулась в стены своей тюрьмы, а затем на эшафот с благочестивой и смиренной верой, которая не преминула быть записанной среди людей, как награда там, где нечестивые перестают беспокоиться, а измученные отдыхают.

Калеф, как уже цитировалось, рассказывает о впечатлении, произведенном ее поведением во время смерти. Хатчинсон в следующих словах выражает суждение истории и смысл всех грядущих времен

"Мистер Нойес, священник Салема, ревностный обвинитель, отлучил бедную старуху от церкви и предал ее сатане, которому, как он полагал, она официально отдалась много лет назад; но ее жизнь и общение были таковы, что воспоминание о них через некоторое время после смерти стерло все порицания, вызванные гражданским или церковным приговором против нее".

Невозможно завершить рассказ о жребии, уготованном этой доброй женщине непостижимым Провидением, не рассмотрев его еще раз в сжатом виде. В преклонном возрасте, испытывая полную долю всех деликатных недугов, к которым инстинкты человечности требуют относиться с осторожной и благоговейной нежностью, она была безжалостно вырвана из лона любящей семьи, воспитанной ее благочестивой верностью во всех христианских милостях, из рук преданного спутника ее долгой жизни, из дома, который был привязан всеми благодарными ассоциациями и удобствами; ее заточили в самые убогие и переполненные тюрьмы, месяцами держали под кандалами и связанной веревками, оскорбляли и поносили на предварительных экзаменах; оскорбляли ее личность грубым и бесчувственным обращением и досмотром, а ее права - самым вопиющим и отвратительным судебным притеснением, в результате которого у нее отняли преимущество вердикта, вынесенного в ее пользу; ее доставили в дом собраний для вынесения приговора об отлучении от церкви, придуманного таким образом, чтобы разрушить ее самые святые чувства; и, наконец, провезли по улицам города, каждый фут которого, должно быть, был мучителен для ее немощного и ослабленного организма; заставили подняться по неровной и каменистой тропинке к месту казни и там отдали палачу. Безусловно, более тяжелой судьбы не бывает.

Ее тело, вероятно, вместе с остальными бросили в яму в расщелине скалы, и палачи поспешно и тонко накрыли его. По неизменному преданию семьи, каким-то образом оно было найдено, и это место указано в усыпальнице, принадлежащей поместью, где ее прах покоится рядом с мужем и среди ее детей. Несомненно, что, по крайней мере, еще одно тело было эксгумировано таким образом и доставлено к месту своего погребения. Судя по характеру Фрэнсиса Нерса и его сыновей и зятьев, мы можем быть уверены, что то, что могли сделать другие, они не оставили без внимания. Остается только представить подробности этого печального и тайного предприятия. В полутьме полуночи они нашли и опознали тело, и нежно несли его на руках по тихим дорогам и обочинам, через поля и заборы, в старый дом, где оно было принято собравшейся семьей, оплакано и ухожено; и в течение этой или последующей ночи, со слезами и молитвами, было положено на освященное место. Ее потомки в последующих поколениях владели и благоговейно охраняли это место. Они владеют и охраняют его и по сей день. Мы уже упоминали об интересных воспоминаниях, связанных с ранней историей дома сестер. Он был свидетелем необычайного разнообразия условий семейной неустроенности. Сцены, встающие перед мысленным взором при созерцательной ретроспекции, представляют самые крайние контрасты человеческого опыта. Вечером 25 октября 1678 года состоялась свадьба Мэри и Элизабет Нерс. Это событие, несомненно, стало поводом для наивысшей радости и ликования в счастливом семействе. Старинный особняк сиял светом и перекликался с радостными голосами. Как изменился его облик! Какой мрак и тишина царили в нем, пока те же самые дочери ждали, наблюдали и слушали в торжественные часы той ночи горя и ужаса, когда их отец, мужа и братья принесут в дом, из которого она была так жестоко вырвана, останки их убитой матери!

Последующая история дома представляет собой обстоятельство, представляющее необычайный интерес в связи с нашего рассказа. Все члены трех ветвей семьи Путнэм, за исключением Джозефа, похоже, были увлечены заблуждением о колдовстве на его ранних стадиях и принимали более или менее активное участие в организации судебных преследований. Мы уже видели, с какой яростью миссис Энн Патнэм и ее дочь свидетельствовали против Ребекки Нерс. По прошествии времени Провидение, которое чудесным образом осуществляет свои цели, заделало бреши, образовавшиеся в результате глупости и ошибок. Потомки многочисленного семейства миссис Энн Патнэм исчезли со сцены: никого из них, носящих эту фамилию, в деревне нет. Потомки дьякона Эдварда Путнама также рассеялись в эмиграции по другим местам. Натаниэль и Джон, главы двух других ветвей семьи, хотя и были вовлечены в колдовское заблуждение, каждый из них подписал бумаги в пользу Ребекки Нёрс; их потомки, как и потомки Джозефа, по-прежнему многочисленны в деревне, занимают свое прежнее положение респектабельности и влияния, а многие из них занимают земли своих предков. Стивен, внук Натаниэля, женился на Мириам, внучке Джона. Их сын Финеас в 1784 году купил усадьбу Нерс у Бенджамина Нерса, правнука Ребекки. Орин Патнэм, праправнук Финехаса, к которому перешло поместье, женился в 1836 году на дочери Аллена Нерса, прямого потомка Ребекки, и поставил ее во главе старого родового поместья. Дети от этого брака, а также их отец и дед составляют семью, проживающую и владеющую почтенным особняком. Эта необычная реставрация, вызывающая столь приятные чувства, добавляет еще один интересный элемент к истории [дома Таунсенда-Бишопа](#).

Потомки Фрэнсиса и Ребекки Нерс многочисленны и с честью увековечили их имя. Среди них можно упомянуть преподобного Питера Нерса, выпускника Гарвардского колледжа 1802 года, в течение нескольких лет библиотекаря этого учебного заведения, прекрасного ученого и давно пользующегося всеобщим уважением священнослужителя; и Амоса Нерса, выпускника того же колледжа 1812 года, - выдающегося врача, связанного с медицинским

факультетом колледжа Боудуин, человека выдающегося таланта и влияния в общественных делах, сенатора в Конгрессе от штата Мэн.

Суд вновь собрался 5 августа и рассмотрел дела Джорджа Берроуза, Джона Проктера и Элизабет, его жены, Джорджа Джейкобса-старшего, Джона Уилларда и Марты Кэрриер. Все они были осуждены и, за исключением Элизабет Проктер, казнены 19 числа того же месяца.

Хатчинсон описывает суд над Берроузом. Рассказав о показаниях "страдальцев" и признавшихся ведьм, он упоминает и другие обстоятельства, которые, как считалось, подтверждали их: "Одно из них заключалось в том, что, будучи маленьким человеком, он совершал подвиги, превосходящие силу гиганта, а именно: одной рукой держал ружье с семифутовым стволом, а другой переносил с каноэ на берег бочку, полную сидра". Грубияны из Бур утверждают, что индеец, присутствовавший при этом, сделал то же самое. Обвинители тут же заявили, что это был "черный человек или дьявол, который, как они поклялись, "выглядит как индеец". Другим доказательством было то, что в определенный момент он перешел из одного места в другое за более короткое время, чем это было возможно, если бы ему не помог дьявол. В ответ он сказал, что его сопровождал другой человек. На это они ответили, что это был дьявол, принявший облик другого человека. Таким образом, все, что бы он ни сказал, было обращено против него. Хатчинсон говорит: "В общем, он был сбит с толку и использовал множество выкрутасов, чему, я думаю, мы не можем удивляться". Этот справедливый и рассудительный писатель, как и Брэттл, в вышеприведенном замечании, похоже, принял на веру обычный скандал, пущенный в оборот заинтересованными сторонами, чтобы опорочить мистера Берроуза. Бумаги по этому делу, дошедшие до нас, более многочисленны, чем в отношении многих других страдальцев; и они не производят такого впечатления. Мистер Берроуз был поражен чудовищной глупостью и фальшью, которыми его окружили. Он был человеком бесхитростным и неспособным оценить такое злодеяние. Он простодушно и бесхитростно пытался объяснить то, что против него выдвинули, и, вероятно, это было все, что он продемонстрировал, - "изворотливость".

Хатчинсон имел возможность ознакомиться со всеми документами, относящимися к этому и другим процессам, но ни он, ни Калеф, похоже, не заметили одного примечательного факта: многие показания, о количестве которых мы не можем сказать, были получены уже после окончания процесса и тайно подсунуты среди бумаг для подкрепления разбирательства. Например, мы находим следующие показания:.

"Томас Гринслитт, в возрасте около сорока лет, давая показания, утверждает, что примерно в начале последней индейской войны, находясь в доме капитана Джошуа Скотто в Блэк-Пойнте, он видел мистера Джорджа Берроуза, который недавно был убит. Джордж Берроуз, недавно казненный в Салеме, поднял ружье с шестифутовым стволом или около того, вставив указательный палец правой руки в дуло этого ружья, и что он держал его на расстоянии вытянутой руки, только этим пальцем: и далее этот депонент свидетельствует, что в то же самое время он видел, как упомянутый Берроуз взял полную бочку патоки двумя пальцами одной из своих рук в горлышко и пронес ее от головы сцены до двери в конце сцены, не спуская ее вниз; и что тогда присутствовали лейтенант Ричард Ханнивелл и Джон Гринслитт, а также некоторые другие, которые умерли. 15 сентября 92 года".

Не только дата дачи этих показаний, но и их четкая формулировка доказывают, что они не могли быть использованы на суде. Есть еще одно показание того же содержания и той же даты, то есть почти через месяц после того, как Берроуз был сброшен в могилу. Есть и другие подобные. Это ставит на руководство судебного преследования и на тех, кто занимался

передачей бумаг, клеймо нарушения самого грубого рода, которое сильно смахивает на мошенничество и фальшь.

Когда выяснилось, что в обществе начинает расти недоверие к "призрачным уликам" и показаниям пострадавших детей, те, кто был заинтересован в судебном преследовании, забеспокоились, опасаясь повторного подъема общественных настроений. Люди, которые довели мистера Берроуза до смерти, пришли к выводу, что лучшим спасением от общественного негодования будет накопление доказательств против него после того, как он окажется в могиле, особенно по поводу его сверхчеловеческой силы; они собрали эти показания и поместили их среди бумаг, находящихся в деле. Те, кто был заинтересован в том, чтобы испортить его характер и подавить сочувствие к его судьбе, придавали большое значение именно этому доказательству того, что он состоял в конфедерации с дьяволом. Увеличение Мазер сказал, что, по его мнению, это неопровержимое доказательство того, что он "имел дьявола своим знакомым", и что, если бы он был в составе присяжных, он не смог бы на этом основании согласиться с оправдательным вердиктом; и Коттон Мазер, чувствуя, как важно максимально использовать необычайную силу мистера Берроуза, уступает своей склонности предаваться чудесному следующим образом: - "Богу было угодно так оставить мистера Берроуза.

"Богу было угодно так оставить этого Джорджа Берроуза, что он заманил себя в ловушку несколькими примерами сверхъестественной силы, которые он приводил раньше и которые теперь были представлены против него. Он был очень щедедушным человеком, но часто совершал поступки, не под силу даже гиганту. Ружье с семифутовым стволом и такое тяжелое, что сильные люди не могли бы уверенно держать его обеими руками, - было приведено несколько свидетельств от людей заслуженных и почтенных, что он ничего не делал, как брал такое ружье за замок одной рукой и держал его, как пистолет, на расстоянии вытянутой руки. Да, есть два свидетельства, что Джордж Барроуз, приложив указательный палец правой руки к дулу тяжелого ружья, фаулинг-пистолета со стволом около шести или семи футов, поднял ружье и держал его на расстоянии вытянутой руки, - ружье, которое, по мнению свидетелей, сильные люди не могли бы поднять обеими руками и держать за конец приклада, как это обычно делается".

В связи с приведенными выше показаниями Гринслита следует отметить, что они были даны через шесть дней после осуждения его матери, Энн Пудеатор, и за неделю до ее казни. Коттон Мазер говорит, что за шесть недель до этого "другие уговаривали его не участвовать в суде над Джорджем Берроузом". Однако он не преминул приехать в Салем, чтобы быть рядом с матерью во время суда и до самой ее смерти, и, находясь здесь, был вынужден дать показания. Жизнь его матери зависела от милости обвинителей, и он, в тщетной надежде смягчить эту милость, поддался искушению и сделал заявление о Берроузе через месяц после его казни, которому оно не могло повредить. То, что он сказал, вероятно, было не более чем правдой. Оказалось, что сила человеческих мышц может быть доведена до удивительной степени; и подвиги, приписываемые Берроузу, без особого учета естественной степени преувеличения, были полностью превзойдены в наши дни.

Калеф приводит следующий рассказ о его казни: - "Мистер Берроуз был отнесен на руках.

"Мистера Берроуза везли в повозке вместе с остальными по улицам Салема на казнь. Когда он оказался на лестнице, то произнес речь в подтверждение своей невиновности, с такими торжественными и серьезными выражениями, которые привели в восхищение всех присутствующих. Его молитва (которую он завершил повторением молитвы Господней) была так хорошо сформулирована и произнесена с таким спокойствием и таким (по крайней мере,

кажущимся) пылом духа, что произвела большое впечатление и вызвала слезы у многих, так что некоторым показалось, что зрители будут препятствовать казни. По словам обвинителей, чернокожий стоял и диктовал ему. Как только его отпустили, мистер Коттон Мазер, сев на лошадь, обратился к народу, частично заявив, что он (мистер Берроуз) не был рукоположенным священником, а частично - чтобы убедить людей в его виновности, сказав, что дьявол часто превращался в ангела света; это несколько успокоило людей, и казнь продолжилась. Когда его зарубили, его потащили на веревке к яме, или могиле, между камнями, глубиной около двух футов; с него сняли рубашку и бриджи, а на нижние части надели старые штаны одного казненного: его так положили вместе с Уиллардом и Каррьером, что одна из его рук, подбородок и ступня одного из них остались непокрытыми".

Коттон Мазер, не удовлетворившись этим проявлением враждебности в момент, когда каждое человеческое сердце, как бы оно ни было уязвлено предрассудками, затихает на время в торжественной тишине, пытается в своем последующем отчете о суде над мистером Берроузом очернить его характер, тщательно приукрашивая нелепые истории, рассказанные обвинителями, и извращенно искажая поведение обвиняемого. Он с явным ликованием рассказывает о том, что считалось замечательным достижением ловкости главного судьи Стоутона в том, чтобы заманить мистера Берроуза в ловушку и рассмешить его в суде.

"Суду стоило большого труда выслушать показания страдальцев, ибо, когда они собирались давать показания, с ними подолгу случались припадки, из-за которых они были совершенно не в состоянии что-либо сказать. Главный судья спросил заключенного, кто, по его мнению, мешает этим свидетелям давать показания; тот ответил, что, по его мнению, это дьявол. Тогда почтенный человек ответил: "Как это дьявол так не хочет, чтобы против тебя давали показания? Это повергло его в величайшее смятение".

Из того, что он выпалил на предварительном допросе, очевидно, что ему и в голову не пришло, что человеческая природа способна на такую преднамеренную выдумку и самозванство со стороны "страдающих детей". Он видел их страдания и знал о своей собственной невиновности. Он чувствовал, каким бы ни было его богословское вероисповедание, что для объяснения этой тайны нужен дьявол. Очевидные страдания свидетелей обвинения убедили суд, присяжных и всех остальных в виновности обвиняемого. Логика главного судьи была совершенно абсурдной. Ведь если причиной страданий был дьявол, то он был противной стороной для заключенного. Это, впрочем, перечеркивает всю теорию обвинения, которая заключалась в том, что заключенный и дьявол были в сговоре друг с другом. Но судья, присяжные и народ, одинаково ослепленные и одурманенные заблуждением, не видели этого; они смеялись над предполагаемым замешательством заключенного. Все вдумчивые люди согласятся с мнением мистера Берроуза, что если когда-либо дьявольская сила и владела человеческими существами, то только в случае с теми жалкими созданиями, которые исполняли роли обвиняемых девушек в колдовских процессах. В своем рассказе о судебном процессе Мазер делает заявления, которые показывают, что он был посвящен в тот факт, что показания, снятые впоследствии, были приобщены к доказательствам, относящимся к делу. Документы доказывают, что это было сделано в большей степени, чем он признает.

Учитывая, что никто не осмеливался проявить ни малейшего сочувствия к подсудимым, что у них не было никого, кто мог бы посоветовать или поддержать их, что общественные страсти разгорелись против них так, как ни против одного другого человека, когда-либо обвиненного в преступлении, - это было гораздо более вопиющее преступление, чем любое другое, восстание против неба и земли, Бога и человека; умышленная продажа души архиврагу душ

на гибель всем остальным душам, - в свете всего этого поистине удивительно, что сами документы, исходящие, как почти во всех случаях, из враждебных и недоброжелательных источников, мы вынуждены признать, что в своих заключениях, судах и смертях жертвы этого дикого заблуждения проявляли - в большинстве случаев очень ярко, а во всех - в значительной степени признаки не только невинных, но и возвышенных и героических умов. Обзор того, что можно почерпнуть о мистере Берроузе в Каско-Бей и Салем-Виллидж, а также внимательное изучение и анализ всего, что дошло до нас со дня его ареста до момента смерти, позволяют сделать вывод, что он был способным, умным, искренне мыслящим человеком; бесхитростным, искренним, скромным в своем духе; верным и преданным служителем; активным, щедрым и бескорыстным гражданином. Его потомки, под его собственным именем, а также под именами Ньюман, Фаул, Холбрук, Фокс, Томас и другими, были многочисленны и уважаемы. Покойный Исая Томас, доктор права, был одним из них.

Из рассказа о Джоне Проктере, приведенного в [первой части](#), видно, что он был человеком с решительным характером и, хотя импульсивным и склонным к неосмотрительности, мужественным духом, честным, искренним и смелым в словах и делах. Он видел все насквозь и был убежден, что это результат заговора, преднамеренного и преступного, со стороны обвинителей. Он свободно выражал свое возмущение их поведением, и это стоило ему жизни.

За несколько дней до суда он составил свое завещание. В нем нет никаких ссылок на его конкретную ситуацию. Его подпись под документом точно соответствует автографам, приведенным в этой работе. Завещание было написано, когда на него были надеты кандалы. Несмотря на опасность, которой подвергался каждый, кто выражал симпатию к осужденным или обвиняемым или сомневался в их виновности, у многих хватило мужества попытаться спасти этого достойного и честного гражданина. Джон Уайз, один из священников Ипсвича, возглавляет список просителей из этого места. Документ написан его рукой. К нему присоединился еще тридцать один человек, многие из которых принадлежат к числу самых уважаемых граждан этого города. Мистер Уайз был ученым, способным и просвещенным человеком. Он обладал свободным духом и, возможно, был единственным священником в округе или стране, который был достаточно проникновен, чтобы с самого начала увидеть ошибочность происходящего. Петиция выглядит следующим образом

"Смирненное и искреннее заявление нас, подписчиков, жителей Ипсвича, от имени наших соседей, Джона Проктера и его жены, ныне находящихся в беде и под подозрением в колдовстве.

"ДОСТОПОЧТЕННОМУ СУДУ ПОМОЩНИКОВ, ЗАСЕДАЮЩЕМУ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В БОСТОНЕ.

"Достопочтенный и достопочтенный, - Вышеупомянутый Джон Проктер может иметь большие основания оправдать Божественный Суверенитет Бога в этих суровых замечаниях Провидения на его мир и честь, при должном размышлении о его прошлой жизни; так и лучшие из нас имеют основания преклоняться перед великой жалостью и снисходительностью Божьего Провидения, что мы не подвергаемся самому большому позору, какой только может придумать дьявол, под разрешениями суверенитета, хотя и не за этот грех, но за наши многочисленные проступки. Ибо в настоящее время мы допускаем, что это может быть методом в рамках более суровых, но справедливых сделок бесконечного Божьего величия, что он иногда может позволить Сатане олицетворять, смешивать и таким образом издеваться над невинными и теми, кто в страхе Божьем бросает вызов дьяволу и

всем его делам. В качестве аргументов можно привести великую ярость, с которой он покушается на святого Иова; оскорбление, которое он причиняет знаменитому Самуилу, когда тот тревожит его безмолвный прах, набрасывая тень на его почтенную персону в ответ на колдовские чары; и другие примеры из добрых рук. Кроме того, неисследимые следы Божьих судов, которые каждое утро выходят на свет, что тонизировать наши слабые причины; научить нас преклонению, трепету, зависимости и т. д. Но мы не должны беспокоить Вашу честь, будучи утомительными. Поэтому, будучи поражены известием о случившемся, мы считаем, что это входит в обязанности нашего милосердия, которое учит нас поступать так, как мы хотели бы, чтобы поступали с нами, предлагая столько для очищения невинности наших соседей; а именно, что мы никогда не имели ни малейшего представления о таком гнусном злодеянии в наших упомянутых соседях, с тех пор как они были с нами знакомы. Мы также не помним, чтобы у нас возникали какие-либо подобные мысли относительно них или какие-либо действия с их стороны или со стороны кого-либо из них, прямо направленные в эту сторону, не более чем это могло бы быть в жизни любых других людей с самой чистой репутацией в отношении каких-либо подобных зол. Что бы Бог ни оставил им, мы не можем войти в Божий шатер, одетые облаками тьмы вокруг; но что касается того, что мы когда-либо видели или слышали о них, то по совести мы считаем их невинными в преступлении, о котором идет речь. Его род был среди нас, он происходил от религиозных родителей в нашем местечке и, в силу своих связей и владений в нашем городе, постоянно общался с нами. Мы говорим на основании нашего личного знакомства и наблюдения, и поэтому оставляем наших соседей и это наше свидетельство от их имени на мудрое рассмотрение ваших почестей.

Джн ^o Уайз.	Натанилл Перкинс.	Бенджамин Маршалл.
Уильям Стори. Сен ^p .	Томас Ловкин.	Джон Эндрюс Джу ^(p.) .
Рейнальд Фостер.	Уильям Когсвелл.	Уильям Батлер.
Тос Чот.	Томас Варни.	Уильям Эндрюс.
Джон Бернум С ^(p.) .	Джон Феллоуз.	Джон Эндрюс.
Уильям Томсонн.	Вм. Когсвелл Джу ^p .	Джон Чот Се ^p .
То. Лоу Сен ^p .	Джонатан Когсвелл.	Джозеф Проктер.
Исаак Фостер.	Джон Когсвелл Джу.	Сэмюэл Гиддинг.
Джон Бернум младший.	Джон Когсвелл.	Джозеф Эвлет.
Уильям Гудхью.	Томас Эндрюс.	Джеймс Уайт.
Исаак Перкинс.	Джозеф Эндрюс".	

Я привел имена людей, подписавших эту бумагу, в том виде, в каком они были скопированы с оригинала. Это сделано в память о них, и их потомки могут быть вполне удовлетворены свидетельством их мужества и справедливости.

Их соседи, живущие у границ деревни, представили следующую бумагу, написанную почерком Фелтона, первого подписанта. По внешнему виду документа кажется, что часть его, вероятно, содержащая столько же имен, была вырезана ножницами.

"Мы, чьи имена записаны под текстом, несколько лет знавшие Джона Проктера и его жену, свидетельствуем, что никогда не слышали и не понимали, что их когда-либо подозревали в преступлении, в котором их сейчас обвиняют; и несколько из нас, будучи их ближайшими

соседями, свидетельствуют, что, по нашему разумению, они жили по-христиански в своей семье и всегда были готовы помочь тем, кто нуждался в их помощи.

"Натаниэль Фелтон, старший, и Мэри, его жена.

Сэмюэл Марш и Присцилла, его жена.

Джеймс Хоултон и Рут, его жена.

Джон Фелтон.

Натаниэль Фелтон-младший.

Сэмюэл Фрейл, и Эн, его жена.

Захария Марш и Мэри, жена его.

Сэмюэл Эндекотт и Хана, его жена.

Сэмюэл Стоун.

Джордж Локер.

Сэмюэл Гэскил и его жена.

Джордж Смит.

Эдвард Гаскил".

В дополнение к этим показаниям в их пользу на суде были представлены доказательства того, что одна из обвиняющих свидетелей отрицала во внесудебном порядке то, в чем она поклялась в суде; и заявила, что в то время она, должно быть, была "не в себе" и что она никогда не собиралась обвинять их. Далее было доказано, что другая свидетельница обвинения признала, что дала ложную клятву, и попыталась объяснить свои показания в суде, признав, что все сказанное девушками было "ради спорта. Они должны заниматься спортом". Но ни свидетельства в их пользу от тех, кто знал их всю жизнь, ни то, как убедительно и решительно были опровергнуты и разоблачены улики против них, не смогли открыть глаза очарованному суду и присяжным.

После вынесения приговора он тщетно просил дать ему достаточно времени, чтобы подготовиться к смерти и сделать необходимые распоряжения по поводу своего бизнеса и благополучия своей семьи; до нас дошло утверждение, что мистер Нойес отказался молиться с ним, если он не признает себя виновным. В следующем письме, адресованном им священнослужителям от имени себя и своих товарищей по заключению, приводится поистине шокирующий рассказ о бесчинствах, связанных с судебным преследованием. Оно иллюстрирует мужество писателя, разоблачившего их, и является разумным и мужественным призывом и обращением. Есть основания полагать, что священнослужители, к которым обращена эта статья, не были полностью увлечены заблуждением. Тот факт, что первым назван мистер Матер - разумеется, имея в виду Увеличение Матера, - подтверждает другие свидетельства того, что он начинал сомневаться в правильности этих действий. О преподобном Джеймсе Аллене уже много говорилось в связи с фермой Таунсенд-Бишоп. Он был священнослужителем в Англии, и в 1662 году его заставили замолчать из-за Акта о единообразии. Он приехал в Новую Англию и, прослужив шесть лет помощником преподобного мистера Дэвенпорта в Первой церкви в Бостоне, в 1668 году был рукоположен в проповедники. Он обладал независимым состоянием и впоследствии стал одним из лидеров тех, кто выступал против партии, поддерживавшей преследования за колдовство. Он, должно быть, был близко знаком с Ребеккой Нерс, и многое из того влияния, которое было использовано в ее пользу и едва не спасло ее, можно приписать ему; между ним и Инкресом Мазером существовала особая близость, и вместе они сдерживали Коттона Мазера, по крайней мере, иногда. Преподобный Джошуа Муди был принят на служение в Портсмуте, штат Нью-Гэмпшир. За отстаивание принципов религиозной свободы он перенес длительное тюремное заключение, а затем был изгнан по произволу властей. Затем его

пригласили в Первую церковь в Бостоне, где он проповедовал с 1684 по 1693 год, после чего вернулся в Портсмут. Он умер в 1697 году. Благодаря его активным действиям мистеру и миссис Инглиш удалось бежать из тюрьмы в Бостоне. Преподобный Сэмюэл Уиллард, пастор Старой Южной церкви в Бостоне, был одним из самых почитаемых и любимых священнослужителей в стране. Его публикации были многочисленными, научными и ценными; они состояли из лекций, трактатов и томов. Его "Свод божественности" - это тщательно продуманная и систематическая работа, состоящая из двухсот пятидесяти лекций по Катехизису Ассамблеи. О том, что Проктер не ошибался, полагая, что мистер Уиллард открыт для рассуждений на эту тему, свидетельствует тот факт, что "страдающие девушки" начали кричать против этого выдающегося божества. Преподобный Джон Бейли был одним из изгнанных священнослужителей, которые искали здесь убежища от притеснений на родине. Он был выдающимся человеком, вместе с мистером Алленом и мистером Муди служил в Первой церкви в Бостоне. Коттон Мазер посвятил ему самую сильную хвалебную речь в своей "Магналии". Проктер адресовал свое письмо этим людям, потому что считал их более мудрыми и откровенными по духу. Не приходится сомневаться, что эти добрые люди сделали все возможное в его пользу, но тщетно.

"Салемская тюрьма, 23 июля 1692 года.

"Мистер Мазер, мистер Аллен, мистер Муди, мистер Уиллард и мистер Бейли.

"Преподобные джентльмены, - Невинность нашего дела, враждебность наших обвинителей, наших судей и присяжных, которым не поможет ничто, кроме нашей невинной крови, осудивших нас еще до суда, будучи так сильно разъяренными и озлобленными против нас дьяволом, заставляет нас дерзко просить и умолять вас о благосклонном содействии этому нашему смиренному прошению к Его Превосходительству, дабы, если это возможно, была пощажена наша невинная кровь, которая, несомненно, в противном случае будет пролита, если Господь не вмешается милосердно; магистраты, министры, присяжные и весь народ в целом, будучи так сильно разгневаны и ожесточены против нас заблуждением дьявола, которое мы не можем назвать иначе, потому что мы знаем, по нашей собственной совести, что все мы невиновны. Вот пять человек, которые недавно признали себя ведьмами и обвиняют некоторых из нас в том, что мы были вместе с ними на причастии, с тех пор как нас посадили в тюрьму, что, как мы знаем, является ложью. Двое из пяти - (сыновья Карриера) молодые люди, которые не признавались ни в чем, пока им не связывали шею и пятки, пока кровь не готова была пойти из носа; и достоверно считается и сообщается, что это послужило поводом заставить их признаться в том, чего они никогда не делали, потому что они сказали, что один был ведьмой месяц, а другой пять недель, и что их заставила так поступить их мать, которая находится здесь в заключении уже девять недель. Моего сына, Уильяма Проктера, когда его допрашивали, потому что он не хотел признать себя виновным, хотя был невиновен, они связали ему шею и пятки, пока кровь не хлынула у него из носа, и держали бы его так двадцать четыре часа, если бы один, более милосердный, чем остальные, не сжалился над ним и не заставил его развязать.

"Эти действия очень похожи на жестокости папистов. Они уже погубили нас в наших владениях, и это не поможет им без нашей невинной крови. Если нам не дано провести суд в Бостоне, мы смиренно просим вас постараться, чтобы эти магистраты сменились, а другие заняли их место; просим также и умоляем вас, чтобы вам было угодно присутствовать здесь, если не всем, то некоторым из вас, на наших судах, надеясь, что таким образом вы сможете спасти от пролития нашей невинной крови. Желая, чтобы вы молились Господу за нас, мы остаемся, ваши бедные страдающие слуги,

"Джон Проктер [и другие]".

Ожесточение обвинителей против Проктера было настолько сильным, что они не только арестовали и попытались уничтожить его жену и всю его семью старше младенческого возраста в Салеме, но и всех ее родственников в Линне, многие из которых были брошены в тюрьму. Беспомощные дети остались без средств к существованию, а дом был очищен шерифом от провизии. Жена Проктера родила ребенка примерно через две недели после его казни. Это говорит о том, что только ей она была обязана своей жизнью.

Джон Проктер так смело выступал против судебного процесса и всех, кто принимал в нем участие, что было сочтено необходимым убрать его с дороги. Он осудил всю компанию обвинителей, и их месть требовала его жертвы. Они обрушили на него всю мощь своих коварных и дерзких искусств и преследовали его до смерти с жестокостью и яростью. Мужественная и благородная манера поведения, проявленная им в предсмертный час, похоже, произвела глубокое впечатление на умы некоторых людей и нанесла мощный удар по заблуждению. Потомки Джона Проктера всегда считали, что его останки были извлечены с того места, где палач положил их на землю, и помещены на его собственный участок, где они покоятся и по сей день.

Philip English

Mary English.

John Procter

anne Putnam.

Mrs. Linn

William Phillips -

Thos. Newton

John Hathorne &
Jonathan Corwin } Esq.

Br^o Wm. ae.

Nicholas Noyes

До нас не дошло никаких сведений о том, как вел себя Джордж Джейкобс-старший во время казни. Как при жизни он отличался твердостью духа, так, вероятно, был и в смерти. Он успел составить свое завещание до того, как у него начались галлюцинации. Оно датировано 29 января 1692 года и показывает, что он, как и Проктер, обладал значительным состоянием. Бартоломью Гедни - один из свидетелей, который, вероятно, написал документ. После своего осуждения, 12 августа, он заставил написать еще одно заявление, которое в своих положениях отражает душевное состояние, вызванное тем состоянием, в котором он оказался. В преклонном возрасте он был приговорен к смерти за преступление, в котором сам был невиновен и которое, как есть основания полагать, не считал способным совершить никто. Он считал все это злым заговором и нелепой выдумкой. Через неделю после этого дня он должен был закончить свою долгую жизнь на эшафоте. Его дом был опустошен, а имущество арестовано. Его единственный сын, обвиненный в том же преступлении, ускользнул от шерифа, оставив свою семью в спешке бегства без средств к существованию, и был изгнанником в чужих краях. Сумасшедшая жена этого сына сидела в тюрьме и в цепях, ожидая суда по тому же обвинению; ее маленькие дети, включая не вскормленного младенца, остались в лесу в заброшенном и нищем состоянии. Старшие дети были разбросаны неизвестно где, а одна из них довершила горечь своей участи, став исповедницей, после того как ее арестовали вместе с матерью как ведьму. Эта внучка, Маргарет, переполненная страхом и ужасом, сбита с толку заявлениями обвинителей и, вероятно, управляемая аргументами и произвольными методами обращения,

использованными ее служителем, мистером Нойесом, - чья особая функция в этих процессах, похоже, заключалась в том, чтобы заставить обвиняемых сделать признание, - была предана этой позиции, стала исповедницей и обвинительницей других. В этих обстоятельствах старик составил завещание, передав сыну Джорджу свои владения и обеспечив их наследование потомкам по мужской линии. Но тем временем, сама того не зная, Маргарет вспомнила о своем признании, как явствует из следующих документов, которые рассказывают свою собственную историю:

"Смиренная декларация Маргарет Джейкобс перед достопочтенным судом, заседающим ныне в Салеме, показывает, что, в то время как ваша бедная и смиренная декларантка, будучи тесно заточена в Салемской тюрьме за преступление колдовства, - а это преступление, слава Господу! о котором я совершенно ничего не знаю, что обнаружится в великий день суда, - да будет угодно почтенному суду, - на меня кричали некоторые из одержимых, что я причиняю им страдания, после чего меня привели на допрос, и эти люди при виде меня упали, что меня очень поразило и испугало. Господь свидетель, я ни в малейшей степени не знал, как и кто их поразил. Они сказали мне, что, несомненно, я это сделал, иначе они не упали бы при виде меня; они сказали мне, что если я не признаюсь, то меня опустят в темницу и повесят, но если я признаюсь, то получу жизнь: это так напугало меня, что мое собственное гнусное, нечестивое сердце, чтобы спасти свою жизнь, заставило меня сделать такое же признание, какое я сделал, и это признание, да будет угодно достопочтенному суду, совершенно ложно и неправдиво. В первую же ночь после признания меня охватил такой ужас совести, что я не мог уснуть, боясь, что дьявол унесет меня за то, что я говорил такую ужасную ложь. Я был, да будет угодно уважаемому суду, приведен к присяге в своем признании, как я понимаю с тех пор; но тогда, в то время, я не знал об этом, не понимая, что означает присяга. Господь, надеюсь, на которого я уповаю, по избытку своего милосердия простит мне мое ложное клятвopреступление. То, что я сказал, было совершенно ложным против моего деда и мистера Берроуза, что я сделал, чтобы спасти свою жизнь и получить свободу; но Господь, вменив это в вину моей совести, привел меня в такой ужас, что я не мог сдерживать себя, прежде чем отрекся от своего признания, что я и сделал, хотя не видел перед собой ничего, кроме смерти; предпочитая лучше умереть со спокойной совестью, чем жить в таком ужасе, который я не мог вынести. После того как я отрекся от исповеди, меня отправили в тюрьму, где я в тысячу раз больше наслаждался душевным счастьем, чем до того, как я расширился. А теперь, да будет угодно вашим почестям, ваш декларант, частично описав вашим почестям мое состояние, оставляет на благочестивое и разумное усмотрение ваших почестей сжалиться и сострадать моим юным и нежным годам, поступить и сделать со мной так, как Господь и ваши почести сочтут нужным, не имея иного друга, кроме Господа, который мог бы выступить за меня; не будучи виновным ни в малейшей степени в преступлении колдовства, ни в каком-либо другом грехе, заслуживающем смерти от человека. И ваша бедная и смиренная декларантка будет вечно молиться, как она обязана по долгу службы, о счастье вашей чести в этой жизни и о вечном благополучии в мире грядущем. Так молится декларант вашей чести,

Маргарет Джейкобс".

Следующее письмо эта же девушка написала своему отцу. Следует отметить, что ее дед был казнен за день до этого, отчасти по ее ложному свидетельству.

"Из подземелья Салемской тюрьмы.

"20 августа 1692 года.

"Достопочтенный отец, - после того как я смиренно вспомнил о своем долге перед вами, надеясь на Господа в вашем добром здравии, которым, да будет благословен Господь! я наслаждаюсь, хотя и претерпеваю множество страданий, будучи тесно заточён здесь, в отвратительной темнице: Господь взирает на меня с милостью, не зная, как скоро я буду предан смерти, посредством страдальцев; мой дед уже пострадал, и всё его имущество конфисковано для короля. Причина моего заточения такова: Я, под угрозами магистрата и по собственному гнусному и жалкому сердцу, признался в нескольких вещах, противоречащих моей совести и знаниям, хотя и ранящих мою собственную душу; (Господь простит меня за это!) но, о! ужасы уязвленной совести, кто может вынести? Но, благословен Господь! Он не позволил мне продолжать грешить, а по милости, надеюсь, к моей душе, не позволил мне дольше хранить ее: но я был вынужден признаться во всем перед магистратами, которые не поверили мне; но им угодно посадить меня сюда, и Бог знает, как скоро я буду предан смерти. Дорогой отец, позвольте мне просить ваших молитв перед Господом за меня, и пошлите нам радостную и счастливую встречу на небесах. Моя мать, бедная женщина, очень сумасшедшая, и помнит свою добрую любовь к вам и к дяде, то есть к Д.А. Итак, оставляя вас под защитой Господа, я отдыхаю, ваша послушная дочь,

Маргарет Джейкобс".

Из-за временного недомогания суд был отложен, а к следующему заседанию суда заблуждение прошло.

"Дядя Д.А.", о котором идет речь, - это Дэниел Эндрю, их ближайший сосед, сбежавший в одновременно с ее отцом. Она называет его "дядей". Вероятно, он был братом Джона Эндрю, который женился на Энн Джейкобс, сестре ее отца. Слова, обозначающие родство, тогда использовались в широком смысле.

Маргарет зачитала перед судом отказ от своего признания и, по ее словам, была немедленно отправлена в темницу. За день до казни она получила разрешение навестить мистера Берроуза, призналась, что обманула его, и попросила прощения. Он охотно простил ее и молился вместе с ней и за нее. Вероятно, в это же время она добилась беседы со своим дедом с той же целью. Во всяком случае, старик услышал о ее героическом поведении и тут же вписал в пространство между двумя параграфами своего завещания, написанными мелкими буквами (вероятно, тюремщик был помощником), пункт о наследстве в размере "десяти фунтов серебром" своей внучке, Маргарет Джейкобс. Как обычно, в документе указано, что он "был вставлен перед печатью и подписью". Это завещание, составленное после осуждения и вынесения смертного приговора, и имеющее всего двух свидетелей, одного помимо тюремщика, не было допущено к рассмотрению в суде, но остается в архивах этого суда. Как связующее звено в вышеизложенной истории, оно представляет собой интересную реликвию. Положение о наследстве, хотя и не вступившее в силу, несомненно, имело невыразимую ценность для чувств Маргарет: похоже, это обстоятельство тронуло сердце даже Главного суда, почти двадцать лет спустя; ведь они специально позаботились о том, чтобы выплатить Маргарет ту же сумму из казны провинции.

Ее не судили в назначенное время, как утверждает, из-за "самозванства в голове", и в итоге она избежала участи, на которую предпочла обречь себя, нежели оставаться под гнетом совести. Судя о ней, мы не можем не учитывать ее "юные и нежные годы" и не сочувствовать страданиям, через которые она прошла. Делая признание и обвиняя других, она совершала поступки, которые наполняли ее сердце ужасом, оглядываясь назад, пока она была жива. Отказавшись от него, отдав свое тело в темницу и отдав свою жизнь на эшафоте, она добилась прощения мистера Берроуза и своего престарелого деда и

заслуживает нашего прощения и восхищения. Каждое человеческое сердце должно радоваться тому, что эта девушка была спасена. Она стала достойной матроной и основательницей многочисленной и уважаемой семьи.

Джордж Джейкобс-старший - единственный из жертв преследований за колдовство, чье место захоронения абсолютно точно установлено.

ДОМ ДЖЕЙКОБСОВ.

В семье сохранилось предание, что тело, полученное на месте казни, было привязано молодым внуком к спине лошади, привезено домой на ферму и похоронено под сенью собственных деревьев. Место погребения обозначено двумя утопленными и износившимися от непогоды камнями. Там останки покоились до 1864 года, когда их эксгумировали. Их снова заключили в футляр и с благоговением поместили на прежнее место. Череп находился в состоянии значительной сохранности. Осмотр челюстных костей показал, что на момент смерти он был очень старым человеком, потерявшим до этого все зубы. Длина некоторых частей скелета показала, что он был очень высоким человеком. Эти обстоятельства соответствовали свидетельствам, согласно которым он был высокого роста, настолько немощный, что ходил с двумя посохами, с длинными, струящимися белыми волосами. Единственным найденным предметом, кроме костей, был металлический штырь, который, возможно, использовался в качестве нагрудного знака или для скрепления его состарившихся локонов. Заметно, что он до сих пор покоится в своей земле. Он долгое время жил на этом месте, и оно до сих пор остается в его семье и в его имени, переходя по

наследству. Это прекрасная местность: земля плавно и постепенно спускается к берегу реки. Он находится не более чем в миле от города Салем и хорошо виден с главной дороги.

Джон Уиллард, судя по всему, был честным и доброжелательным человеком, трудолюбивым фермером, имевшим уютное поместье, жену и троих маленьких детей. Он был внуком старого Брея Уилкинса; по крови или по браку, мне не удалось выяснить. Есть основания полагать, что он женился на дочери Томаса или Генри Уилкинса, скорее всего, первого, с обоими из которых он был совместным владельцем земель. Он был родом из Гротона; и местным антикварам предстоит выяснить, был ли он родственником преподобного Сэмюэля Уилларда из Бостона. Если да, то этот факт прольет свет на нашу историю. Среди документов, касающихся суда над ним, есть только одно свидетельство, которое заслуживает особого внимания. Оно показывает ужасный характер обвинений, выдвинутых девушками против заключенных в адвокатуру, которые по своей природе не могли быть опровергнуты и которые заключенные знали, что они лживы, но суд, присяжные и толпа безоговорочно поверили. Это также иллюстрирует полноту механизма, созданного "обвиняющими девушками" для приведения в действие своих доказательств. Помимо злых сплетен, которые можно было собрать по всей округе, призраков ведьм и призраков мертвых, они привлекли на сцену ангелов и божественных существ и свидетельствовали о том, что им было сказано ими. "Сияющий человек", или белый человек, в следующих показаниях подразумевался как дух такого рода: -

"Свидетельство Сюзанны Шелдон, восемнадцати лет или около того. Свидетельствует и утверждает, что в день, указанный в настоящем документе (9 мая 1692 года), я видела в доме Натаниэля Ингерсолла явление этих четырех человек: первой жены Уильяма Шоу, вдовы Кук, Гудмена Джонса и его ребенка; и среди них было явление Джона Уилларда, которому эти четверо сказали: "Ты убил нас". Сказав так Уилларду, эти четверо стали красными, как кровь. И, повернувшись, чтобы посмотреть на меня, они побледнели как смерть. Эти четверо просили меня рассказать все мистеру Хаторну. Уиллард, услышав их, достал нож и сказал, что если я это сделаю, то он перережет мне горло".

Далее свидетельница утверждает, что эти несколько явлений предстали перед ней в другой раз, и при этом имели место те же слова и действия, и добавляет: -

"Мне явился сияющий человек, который сказал, что я должна пойти и рассказать о том, что я слышала и видела, мистеру Хаторну. Этот Уиллард, присутствовавший там, сказал мне, что если я это сделаю, то он перережет мне горло. В это время и в этом месте этот сияющий человек сказал мне, что если я пойду и расскажу об этом мистеру Хаторну, то я буду здоров, уходя и приходя, но там меня постигнет несчастье. Тогда я сказал сияющему человеку: "Прогони Уилларда, и я поверю его словам, чтобы он не задушил меня". С этими словами сияющий человек поднял руку, и Уиллард исчез. Примерно через два часа после этого они снова явились мне, и с ними был тот самый Уиллард; я спросил их, где их раны, и они сказали, что придет ангел с неба и покажет их. И вот ангел явился. Я спросил, как зовут человека, который явился мне в последний раз, и ангел сказал, что его зовут Саутвик. И ангел поднял свою обмотку, и из левого бока вытащил зубья вил, и вставил их обратно, и так же он открыл все обмотки и показал все их раны. И белый человек велел мне рассказать об этом мистеру Хаторну, и я сказала ему, чтобы он прогнал Уилларда, и я это сделаю; и он поднял руку и исчез".

В тех же показаниях эта девушка утверждает, что "видела, как этот Уиллард сосал на своей груди явление двух черных свиней"; что Уиллард сказал ей, что он был ведьмой двадцать лет; что она видела, как Уиллард и другие волшебники преклонили колени в молитве "перед черным человеком в длиннополой шляпе, а потом они исчезли".

Таковы были показания, которые суд принял с благоговейным и недоуменным доверием, и которые лишили жизни ценных и непорочных людей. Все, что мы знаем о способе смерти Уилларда, - это отрывок из книги Брэттла, который утверждает, что глубокое впечатление произвело восхитительное поведение страдальцев во время ужасных сцен перед казнью и во время казни; приводятся все доказательства сознательной невинности и христианского характера и веры, особенно со стороны "Проктера и Уилларда, чье поведение от тюрьмы до виселицы и во время виселицы было очень трогательным и растопило сердца некоторых значительных зрителей, которых я мог бы вам упомянуть: но они казнены, и поэтому я их оставляю."

9 сентября суд собрался снова, и *Марта Кори, Мэри Исти, Элис Паркер, Энн Пудеатор, Доркас Хоар и Мэри Брэдбери* были судимы и осуждены; а 17-го числа *Маргарет Скотт, Уилмот Рид, Сэмюэл Уордвелл, Мэри Паркер, Абилай Фолкнер, Ребекка Имс, Мэри Лэйси, Энн Фостер и Абилай Хоббс* получили тот же приговор. Те, кто выделены курсивом, были казнены 22 сентября 1692 года. Об обстоятельствах, связанных с ними, в момент их смерти и казни до нас дошло очень мало информации. Следующая выдержка из церковных записей мистера Парриса представляет собой поразительную картину: - "11 сентября, день Господень.

"11 сентября, День Господень.-Сестра Марта Кори, принятая в церковь 27 апреля 1690 года, после допроса по подозрению в колдовстве 27 марта 1692 года была заключена в тюрьму за это, а вчера приговорена к виселице за то же самое; и в этот день публично, с общего согласия, была отлучена от церкви, а лейтенант Натаниэль Путнам и два дьякона были выбраны, чтобы вместе с пастором выразить ей мнение церкви по этому вопросу. Соответственно, 14 сентября 1692 года трое вышеупомянутых братьев вместе с пастором отправились к ней в Салемскую тюрьму; мы нашли ее очень упрямой, оправдывающей себя и осуждающей всех, кто сделал что-либо для ее справедливого разоблачения или осуждения. После этого, после небольшого разговора (ибо ее властолюбие не терпело многого) и после молитвы, - от которой она охотно отказалась, - против нее был вынесен страшный приговор об отлучении".

Калеф сообщает нам, что "Марта Кори, протестуя против своей невинности, завершила свою жизнь выдающейся молитвой на лестнице".

До нас не дошло ничего конкретного о том, как умерли Элис или Мэри Паркер, Энн Пудеатор, Маргарет Скотт или Уилмот Рид. Все они утверждали свою невинность, и их поведение не давало оснований для неблагоприятных комментариев со стороны их преследователей, которые были начеку, чтобы обратить каждый поступок, слово или взгляд страдальцев в свою пользу. Уилмот Рид, вероятно, придерживалась той непреклонной позиции, которая была характерна для ее допроса. Для нее все это было загадкой, и на каждый вопрос она отвечала: "Я ничего об этом не знаю". О Мэри Исти мы благодарны за то, что у нас есть хоть какие-то сведения. Ее собственные заявления в защиту своей невинности, к счастью, сохранились; а ее благородный послужной список завершен в нижеследующих документах. Первый из них, судя по всему, был адресован Специальному суду и представлен непосредственно перед судом над Мэри Исти. До нас не дошло

объяснений, почему Сара Клойс не была тогда же привлечена к суду. Обстоятельства, о которых мы ничего не знаем, спасли ее от участи сестер.

"Смиренная просьба Мэри Исти и Сары Клойс к достопочтенному суду смиренно показывает, что, поскольку мы, две сестры, Мэри Исти и Сара Клойс, стоим сейчас перед достопочтенным судом, обвиненные в подозрении в колдовстве, наша смиренная просьба заключается в следующем: во-первых, поскольку мы не в состоянии сами отстаивать свое дело, и адвокаты не предоставляются тем, кто находится в нашем положении, вы, кто является нашим судьей, соблаговолите быть нам адвокатом, чтобы направить нас, где мы можем оказаться в нужде. Во-вторых, поскольку мы не сознаем за собой ни малейшей вины в том преступлении, в котором нас сейчас обвиняют (мы говорим это перед лицом живого Бога, перед ужасным трибуналом которого, как мы знаем, нам предстоит вскоре предстать), ни какого-либо другого скандального зла или несчастья, несовместимого с христианством, тем, кто дольше и лучше всех нас знал, будучи людьми добропорядочными, может быть позволено под присягой засвидетельствовать, что им известно о каждом из нас; а именно, Мистеру Кейпену, пастору, и жителям города и церкви Топсфилда, которые готовы сказать нечто, что, как мы надеемся, может считаться весьма значительным в этом деле, о семерых детях одной из нас, а именно о Мэри Исти; и то же самое может быть сделано в отношении жены Питера Клойса, ее сестры. В-третьих, чтобы свидетельства ведьм или тех, кто страдает, как предполагается, от ведьм, не могли быть улучшены для осуждения нас без сопутствующих других юридических доказательств. Мы надеемся, что уважаемый суд и присяжные будут настолько нежны к жизни таких, как мы, которые много лет жили под безупречной репутацией христианства, чтобы не осудить их без справедливого и равного слушания того, что может быть сказано как за нас, так и против нас. И ваши бедные сторонники будут обязаны всегда молиться и т. д."

Следующее заявление Мэри Исти представила судьям после вынесения ей смертного приговора. Трудно найти во всей истории человеческих страданий и христианского поведения во время них более впечатляющее произведение. Это прекраснейший образец сильного здравого смысла, благочестивой стойкости и веры, подлинного достоинства души, благородной доброжелательности и истинного красноречия чистого сердца; очевидно, он был написан ее собственной рукой. О ней можно сказать - и нет более высокой похвалы, - что она переживала за других больше, чем за себя.

"Смиренное прошение Мэри Исти к его превосходительству сэру Уильяму Фипсу, а также к достопочтенному судье и коллегии, заседающим ныне в суде в Салеме, и преподобным служителям, смиренно показывает, что, поскольку ваша бедная и смиренная просительница, будучи осуждена на смерть, смиренно умоляет вас принять это к вашему разумному и благочестивому рассмотрению, что ваша бедная и смиренная просительница, зная мою собственную невиновность, да будет благословен Господь за это! и ясно видя коварство и хитрость моих обвинителей, не может не судить милосердно о других, которые идут тем же путем, что и я, если Господь не вмешается. Целый месяц я находился в заточении по тому же делу, за которое меня осудили сейчас, а затем был оправдан пострадавшими, как известно некоторым из ваших почетных гостей. А через два дня меня окликнули, и я был заключен в темницу, а теперь осужден на смерть. Господь свыше знает о моей невиновности тогда, знает и сейчас, как в великий день будет известно людям и ангелам. Я обращаюсь к вашим почестям не ради своей жизни, ибо знаю, что должен умереть, и назначенный мне срок уже настал; но Господь знает, что это нужно для того, чтобы, если возможно, больше не проливалась невинная кровь, чего, несомненно, нельзя избежать при том пути и курсе, которым вы идете. Я не сомневаюсь, что ваша честь делает все возможное для обнаружения

и выявления колдовства и ведьм, и не повинен в невинной крови ни за что на свете. Но, по своей собственной невинности, я знаю, что вы идете по ложному пути. Господь в своей бесконечной милости направит вас в этом великом деле, если на то будет Его благословенная воля, чтобы больше не проливалась невинная кровь! Я смиренно прошу вас, чтобы ваша честь сооблаговолила строго осмотреть этих страдальцев и некоторое время держать их отдельно, а также испытать некоторых из этих исповедующихся ведьм; я уверен, что среди них есть несколько человек, обманувших себя и других, что проявится если не в этом мире, то, я уверен, в мире грядущем, куда я сейчас направляюсь. Я не сомневаюсь, что вы увидите, как все это изменится. Говорят, что я и другие, заключив союз с дьяволом, не можем исповедоваться. Я знаю, и Господь знает, как... окажется, они верят мне, и поэтому я не сомневаюсь, а они - другим. Господь, Который есть Искушитель всех сердец, знает, как я отвечу на суде, что я не знаю ни малейшего колдовства; поэтому я не могу, не смею лгать своей собственной душе. Я умоляю ваших почетных гостей не отказывать в этом моем смиренном прощении бедного, умирающего, невинного человека. И я не сомневаюсь, что Господь благословит ваши начинания".

Прощание этой восхитительной женщины со своим мужем, детьми и друзьями, когда она собиралась отправиться на место казни, как говорят, было самой торжественной, трогательной и поистине возвышенной сценой. Калеф говорит, что ее прощальные слова по этому случаю, по отзывам слушавших их людей, были "настолько серьезными, религиозными, отчетливыми и нежными, насколько это вообще возможно выразить, и вызвали слезы на глазах почти всех присутствующих".

Энн Пудеатор ранее была женой человека по фамилии Гринслитт, который оставил ей пятерых детей. Ее последующий муж, Джейкоб Пудеатор, умер в 1682 году и по завещанию передал все свое имущество, после выплаты наследства по пять фунтов каждому, ее детям Гринслитта, которые, судя по всему, жили в 1692 году в заливе Каско. Эти положения, а также выражения, использованные Пудеатором, свидетельствуют о том, что он относился к ней с любовью и почтением. Следующий документ - это все, что мы знаем о ее характере, кроме того, что она была доброй соседкой и всегда была готова оказать милосердие и сочувствие.

"Смиренное прошение Энн Пудеатор к достопочтенному судье и коллегии, заседающим ныне в суде в Салеме, смиренно показывает, что, поскольку ваша бедная и смиренная просительница, будучи осуждена на смерть, и зная по своей совести, как я скоро отвечу на это перед великим Богом небесным, который есть Испытующий и Знающий все сердца, что свидетельства Джона Беста, старшего..., и Джоно Беста-младшего, и Сэмюэля Пикворта, которые были даны против меня в суде, все они были полностью ложными и неправдивыми, и, кроме того, вышеупомянутый Джоно Бест был ранее выпорот и также записан в лжецы. Я бы смиренно умолял Вашу честь принять это к Вашему благоразумному и благочестивому рассмотрению, чтобы моя жизнь не была отнята такими ложными доказательствами и свидетелями, как эти; кроме того, доказательства, данные против меня Сарой Черчилль и Мэри Уоррен, мне совершенно неизвестны, и я ничего не знаю ни в малейшей степени об этом, ни о чем другом относительно преступления колдовства, за которое я осужден на смерть, как будет известно людям и ангелам в великий день суда. Умоляю и прошу ваших молитв у Престола Милости за меня, и ваша бедная и смиренная просительница будет вечно молиться, как она обязана по долгу службы, за здоровье и счастье вашей чести в этой жизни и вечное благополучие в мире грядущем".

Эбигейл, жена Фрэнсиса Фолкнера и дочь преподобного Фрэнсиса Дейна из Андовера, которая была в числе приговоренных 17 сентября, была допрошена 11 августа Хаторном, Корвином и капитаном Джоном Хиггинсоном, заседавшими в качестве мировых судей. Когда заключенного привели, он, как обычно, упал и забился в судорогах. Судьи спросили заключенную, что она хочет сказать. Она ответила: "Я ничего об этом не знаю". Тогда девушки возобновили свои представления, заявив, что в этот момент их мучает ее фигура. Судьи спросили ее, не видит ли она их страданий. Она ответила: "Да, но это делает дьявол в моем облике". Энн Путнам рассказала, что призрак поразил ее за несколько дней до этого, ставив с лошади. При прикосновении к ее лицу страдания страдальца на время прекращались. Пленница держала в руке платок. Девушки вскрикивали, заявляя, что, когда она сжимала платок, их страшно сдавливало. Она бросила платок на стол, и они сказали: "На ее платке сидят фигуры Дэниела Имса и капитана Флойда [двух человек, находившихся тогда в тюрьме по обвинению в колдовстве]". Мэри Уоррен изобразила, как ее против воли затащили под стол невидимые руки, из хватки которых она тут же высвободилась, когда заключенный дотронулся до нее. Несмотря на все это, она заявила о своей невинности, и ее оставили в тюрьме. 30-го числа ее снова вывели на свободу. За это время было казнено шесть человек. Чтобы сломить ее, были использованы обычные средства; но все, чего удалось добиться, - это то, что она призналась, что выразила свое негодование поведением страдальцев и была сильно возбуждена против них "за то, что они вывели ее родственников, и она желала им зла; и, подняв дух, она сжала руки, не зная, что дьявол может воспользоваться этим; но это дьявол, а не она, причинил им зло". Это была единственная уступка, на которую она пошла; и они были озадачены, чтобы определить, было ли это признанием или нет, - скорее это выглядело так, что она очистила себя от всякой связи с дьяволом и оставила его на их руках - во всяком случае, они решили рассматривать это в последнем смысле; и она была должным образом осуждена и приговорена к смерти. Сэр Уильям Фипс распорядился дать ей отсрочку, а после того как она провела в тюрьме тринадцать недель, он приказал освободить ее от наказания за недостаточностью улик. Это, я думаю, единственный случай специального помилования, которое было дано во время судебного процесса.

Сэмюэл Уордвелл, как и большинство обвиняемых из Андовера, первоначально присоединился к толпе исповедников; но он был слишком мужественным человеком, чтобы оставаться в этой компании. Он забрал свое признание и встретил свою смерть. Когда он выступал перед народом у виселицы, заявляя о своей невинности, затяжка табачного дыма из трубки палача, как сообщает нам Калев, "попав ему в лицо, прервала его речь: обвинители сказали, что дьявол мешал ему дымом". Злобные существа до последнего преследовали свои жертвы своими злобными выходками. Повозка, которая везла узников в этот раз на холм, "некоторое время стояла на месте: страждущие и другие говорили, что дьявол мешал ей" и т. д.

Путь, по которому заключенных везли от тюрьмы, расположенной на северном углу Федеральной улицы и улицы Святого Петра, до виселицы, должен был быть жестоко болезненным и утомительным, особенно для немощных и хрупких людей, какими были многие из них. Он проходил через улицу Святого Петра, по всей длине Эссекса, а затем, вероятно, по Бостон-стрит, далеко в сторону Эборн-стрит, поскольку на холм можно было подняться только с этой стороны. Должно быть, это была грубая и тряская операция; и нет ничего странного в том, что телегу "занесло". Похоже, что заключенных везли в одной повозке. Она была большой, вероятно, специально для этого случая; и не исключено, что причиной того, что некоторые приговоренные не были казнены, было то, что телега не могла вместить их всех сразу. Их казнили: одного в июне, пятерых в июле, пятерых в августе и

восьмерых в сентябре, несомненно, намереваясь, принимая их по частям, продлить действие трагедии из месяца в месяц на неопределенное время.

Для безопасности обвинителей и прокуроров необходимо было не допустить возбуждения общественного мнения или хотя бы ослабления народного насилия против предполагаемых ведьм. Поскольку все они заявляли о своей невинности до самой смерти и демонстрировали удивительно христианское поведение на протяжении всех ужасных сцен, с которыми им пришлось столкнуться от ареста до казни, были основания предполагать, что народ постепенно проникнется к ним симпатией, а то и вовсе усомнится в их виновности. Чтобы предотвратить это и устранить благоприятное для них впечатление, которое могло произвести поведение и заявления осужденных, прокуроры были начеку. После того как 22 сентября заключенных сняли с крюков, "повернувшись к телам, мистер Нойес сказал: "Как печально видеть восемь адских огненных клейм, висящих здесь!"". Это был последний раз, когда его глазам предстало подобное зрелище. Больше казней на Ведьмином холме не было.

За три дня до этого служители закона лишили жизни человека столь необычным образом и с такими шокирующими чертами, что они не имеют аналогов в летописи Америки и будут вечно привлекать внимание человечества. История и характер старого Джайлса Кори были описаны в предыдущих частях этой работы. Единственными документами, касающимися его, в деле о том, что он был приведен к присяге перед Большим жури, являются несколько кратких показаний. Если бы он предстал перед судом, мы могли бы получить больше. Элизабет Вудвелл свидетельствует, что "она видела Джайлса Кори на собрании в Салеме в один из дней лекций, с тех пор как он сидит в тюрьме. Он или его видение вошел и сел на самое среднее место среди мужских кресел, возле столба. Это было в день лекции перед повешением Бриджет Бишоп. И я видела, как он вышел вместе с остальными". Мэри Уолкот, разумеется, поклялась в том же. А Мэри Уоррен поклялась, что Кори был враждебен к ней и причинял ей зло, потому что, по его мнению, она "заставила своего хозяина (Джона Проктера) попросить за кусок луга больше, чем он (Кори) был готов дать". Она также обвинила его в том, что он "причинил ей страдания" своим призраком, когда находился в тюрьме, и "описала его во всех его одеждах, как в шляпе, так и в пальто, и в цвете их, - со шнуром на талии и белым колпаком на голове, и в цепях". Есть основания полагать, что, находясь в тюрьме, он испытал сильное душевное потрясение. Хотя в прежней жизни он отличался грубым характером и давал повод для скандалов своим пренебрежением к общественному мнению, он всегда демонстрировал симпатии великодушной и чувствительной натуры. Его глупое поведение, когда он так страстно увлекся процессом колдовства на самой ранней его стадии, разгневался на свою жену за то, что она не одобряла его и не верила в него, что привело его к высказываниям и выражениям, которые были использованы против нее; И до такой степени уступил обвинителям, что позволил им получить от него показания, которые, хотя и не удовлетворили их требований, позорно для него было уговорить дать, - все это, о чем после собственного задержания и заключения в тюрьму он имел досуг поразмыслить, не давало ему покоя. Он видел ужасный характер заблуждения, которому он поддался; что оно привело его молитвенную и прекрасную жену к смертному приговору, который уже был приведен в исполнение над многими другими благочестивыми и достойными людьми. Он знал, что невиновен в преступлении колдовства, и теперь был уверен, что все остальные тоже. Помимо того, что он сам недружелюбно относился к жене, двое из четырех его зятьев ополчились против нее. Один из них (Кросби) дал показания, а другой (Паркер) позволил использовать свое имя в качестве свидетеля противной стороны. Учитывая все это, Кори принял решение, определил свой курс и остался верен ему. Он решил искупить свою глупость судьбой, которая удовлетворила бы требования самой строгой критики его поведения, заявить о своем отвращении к судебному

преследованию и подтвердить силу своих чувств к тем из его детей, кто был лжив, и к тем, кто был правдив, к его жене. Он составил документ, который называют завещанием, хотя на самом деле это акт, и он был должным образом зарегистрирован как таковой. Его фразеология очень тщательно продумана, чтобы придать ему ясность, полноту и определенность. Оно начинается следующим образом: "Знайте, и так далее, что я, Джайлс Кори, нахожусь в великой беде и несчастье, через которые я очень слаб телом, но в прекрасной памяти, - не зная, как скоро я могу покинуть эту жизнь; во внимание к этому, а также за отеческую любовь и привязанность, которую я питал и питаю к моему возлюбленному зятю Уильяму Кливзу из города Беверли и к моему зятю Джону Моултону из города Салем, а также по разным другим благим причинам и соображениям я в настоящее время особенно трогателен"; и далее передает и подтверждает все свое имущество - "земли, луг, жилье, скот, инвентарь, движимость и недвижимость, деньги, одежду, ... и все прочие вышеупомянутые помещения с их принадлежностями" - упомянутым Кливзу и Моултону "на вечные времена, свободно и спокойно, без какого-либо оспаривания, претензий или требований от меня, упомянутого Джайлза Кори, или от любого другого лица или лиц, что бы ни было за меня от моего имени, или по моей причине, средствами или с помощью;" и, используя все применимые для этого формулировки, он гарантирует и обязуется защищать вышеупомянутую передачу и предоставление Кливзу и Моултону, их наследникам, душеприказчикам, администраторам и правопреемникам на вечные времена. Документ был надлежащим образом подписан, скреплен печатью и передан в присутствии компетентных свидетелей, чьи подписи проставлены в подтверждение этого. Он был должным образом подтвержден перед "Томасом Уэйдом, мировым судьей в Эссексе", и немедленно зарегистрирован. Эта сделка состоялась в тюрьме в Ипсвиче.

Когда все его имущество было надежно передано верным зятьям и стало недостижимым для его слабости или изменения цели, Кори решился на поступок, который, несомненно, должен был испытать все силы человеческой выдержки и стойкости. Он знал, что, если его привлекут к суду, его ждет неминуемая смерть. Не знал он и того, что приговор и казнь, а также связанное с ними отлучение от правосудия могут лишить законной силы все его попытки передать свое имущество. Но он был уверен, что, если его не привлекут к суду и не осудят, его сделка останется в силе, и ничто не сможет ее нарушить или лишить силы. Поэтому он принял решение не представлять перед судом. Когда его вызвали в суд, чтобы он ответил на обвинение, выдвинутое Большим жюри, он не сказал ни "виновен", ни "невиновен", а стоял молча. Как часто его вызывали, нам не известно; но ничто не могло поколебать его. Никакая сила на земле не могла разжать его губы.

Он знал, что не может быть суда, который заслуживал бы этого имени. Если бы он сказал "Невиновен", то своим поступком стал бы участником процесса, а значит, косвенно согласился бы отдать свое дело на решение слепого, безумного и совершенно извращенного трибунала. Ни одним своим действием или высказыванием он не хотел оставить свое дело "стране", представленной присяжными, которые воплощали бы страсти заблуждающейся и одержимой толпы вокруг него. Он знал, что ворота правосудия закрыты, а истина скрылась со сцены. Он не желал принимать ни участия, ни участия в этом деле; он отказался признать суд, не отвечал на его вопросы и был немым в его присутствии. Он стоит один в, решительно бросая вызов своей позиции. Он знал, какое наказание - страдания и муки - ему придется понести, но он свободно и бесстрашно встретил его. Все, что было необходимо для того, чтобы донести свою точку зрения, - это непобедимая твердость, и он обладал ею. Он сделал невозможным привлечение его к суду и тем самым, несмотря на силу и гнев всей страны и ее властей, сохранил за собой право распоряжаться своей собственностью; он

свидетельствовал против злобы и глупости времени в тонах, которые донеслись до всего мира и будут звучать во все века.

Когда Кори занял эту позицию, суд оказался в затруднительном положении и, вероятно, был в растерянности, что делать. До нас не дошли сведения о деталях разбирательства. Если принять обычаи, принятые в Англии в таких случаях, то заключенный трижды представлял перед судом и вызывался для дачи показаний; каждый раз ему торжественно объявляли о последствиях упорного молчания. Если он оставался непреклонным, ему выносился приговор *peine forte et dure*, и, отведенный в тюрьму, он помещался в низкую и темную квартиру. Там его укладывали на спину на голый пол, по большей части голого. На него положили железный груз, но не настолько, чтобы раздавить его. У него не будет никакой пищи, кроме трех кусков самого плохого хлеба в первый день, а во второй день - трех глотков стоячей воды, которая должна быть ближе всего к двери тюрьмы, и в таком положении он будет питаться каждый день, пока не умрет или пока не ответит. Цель этого страшного наказания заключалась в том, чтобы побудить заключенного признать вину; после этого он представлял перед судом в обычном порядке. Мотивом, побуждавшим заключенных к немоте, в Англии, как утверждается, чаще всего было желание спасти свое имущество от конфискации. Практика наложения на них тяжестей и постепенного их увеличения была направлена на то, чтобы заставить их, путем медленно усиливающихся пыток, сдаться.

Насколько английская практика была имитирована в случае с Кори, навсегда останется в страшных тайнах его тюрьмы. По преданию, последний акт трагедии произошел в открытом поле неподалеку от тюрьмы, где-то между Говард-стрит и Браун-стрит. Говорят, что Кори убеждал палачей увеличить давящий на него груз, говорил, что бесполезно ждать от него сдачи, что есть только один способ покончить с этим делом, и что они могут с таким же успехом навалить на него камни. Калеф утверждает, что, когда его тело поддавалось давлению, язык высунулся изо рта, и чиновник тростью заставил его вернуться обратно. Некоторые ныне живущие люди помнят народное суеверие, сохранившееся в умах некоторых невежественных людей, что призрак Кори преследует места, где был совершен этот варварский поступок; и что мальчишки, занимаясь спортом в окрестностях, имели привычку петь частушки, начинающиеся так: - "Больше веса!

"Больше веса! Больше веса!
кричал Джайлс Кори".

Для человека в возрасте более восьмидесяти одного года это, надо признать, было удивительным проявлением доблести; оно иллюстрирует, как ничто другое в истории человечества, силу решительной воли над сильнейшей болью и агонией тела, и показывает, что Джайлс Кори был человеком героических нервов и духа, который нельзя было покорить.

Это произвело глубокий эффект, как и следовало ожидать. Поведение всех страдальцев на всех стадиях процесса и во время его исполнения говорило в их пользу; но ход дела Джайлса Кори глубоко поразил общественное мнение. Это, должно быть, заметили и руководители судебного процесса; они почувствовали, что необходима какая-то экстраординарная мера, чтобы возобновить и сделать более сильным, чем когда-либо, всеобщее увлечение. С самого начала было проявлено большое мастерство и ловкость в организации порядка инцидентов, в обеспечении необходимых возбуждений в нужные моменты и в нужных точках. Какие-то люди - можно только догадываться, кто именно, - все это время стояли за кулисами, давая указания и материалы открытым актерам. Эта невидимая сила находилась в деревне, и придуманные ею действия обычно исходили из дома Томаса Путнама или пасторали. Она

была готова к непредвиденным обстоятельствам, возникшим из-за того, что Кори до последнего выполнял свое решение встретить смерть в такой форме, которая, если бы могла, вызвала бы оживление в общественном сознании; и была придумана следующая хитрость, чтобы превратить способ его смерти в средство более чем когда-либо ослепить и одурманить людей. Это был последний и один из самых искусных политических ударов обвинителей. На следующий день после смерти Кори и за два дня до казни его жены, Мэри Исти, и шести остальных, судья Сьюолл, находившийся тогда в Салеме, получил от Томаса Путнама письмо следующего содержания: "Вчера вечером моя дочь Энн была убита.

"Прошлой ночью мою дочь Энн сильно мучили ведьмы, угрожая, что она будет зажата до смерти перед Джайлсом Кори; но, по благодати милостивого Бога, она наконец получила небольшую передышку. После этого ей явился (по ее словам) человек в накидке, который рассказал ей, что Джайлс Кори убил его, придавив до смерти ногами; но тут ему явился дьявол, заключил с ним завет и обещал, что его не повесят. Явление сказало, что Бог ожесточил его сердце, чтобы он не прислушался к совету суда и не умер легкой смертью, потому что, как оно сказало, с ним должно быть сделано то же, что он сделал со мной. Явление также сказало, что Джайлс Кори был доставлен в суд за это, и что присяжные признали убийство; и что ее отец знал этого человека, и все это было сделано еще до ее рождения".

Коттон Мазер представил это видение, сделанное Энн Путнам, как доказательство Божественного сообщения ей, потому что, по его словам, она не могла получить информацию из человеческого источника, так как все давно забыли об этом деле; и она никогда не могла слышать о нем, так как оно произошло до ее рождения. Поднять это старое дело, чтобы оправдать эффект, произведенный смертью Кори, было действительно искусным ходом; и, вероятно, в значительной степени он достиг своей цели. Человек, которого Кори обвинили в убийстве за семнадцать лет до этого, умер так, что это вызвало пересуды в то время; присяжные коронера установили, что он был "убит до смерти, со сгустками крови в области сердца". Привлечение внимания общественности к этому делу вместе с историей о видении Энн Патнэм было хорошо рассчитано на то, чтобы встретить и сдержать любые симпатии, которые могли бы возникнуть в пользу Кори. Но этот трюк, каким бы гениальным он ни был, не выдерживает проверки. Утверждение Мазера, что все забыли об этой сделке и что Энн могла узнать о ней только сверхъестественным образом, совершенно несостоятельно; ведь это была как раз одна из тех вещей, которые никогда не забываются в деревенской глуши: о ней всегда сплетничали в округе в связи с Кори; и ее собственный отец, как невольно признается, знал этого человека и все о нем. Разумеется, девушка слышала об этом и от него, и от других. Индустрия, перелопатившая традиции и собравшая скандал на всю страну, далеко и близко, для историй, которые приводились в качестве доказательств против всех заключенных, не преминула подобрать и этот отрывок против Кори. Единственная причина, по которой это не раньше, заключалась в том, что он не был под судом. Человек, который умер с "комьями крови в сердце" семнадцать лет назад, был несчастным и никчемным человеком, который понес наказание за свои проступки, будучи слугой на ферме Кори, а затем от рук своей собственной семьи: И, судя по всему, он не исправил свои нравы после перехода в духовный мир; ведь заявление его призрака Энн Патнэм о том, что присяжные признали Кори виновным в убийстве и что суду помешали какие-то чары выступить против него, опровергается данными, которые, как уже говорилось в [первой части](#), [vol. i. p. 185](#), - что мужчина был отнесен женой Кори в свой дом и умер там через некоторое время после этого; а суд сделал не более чем штраф Кори за наказание, которому он подверг его во время службы, и которое, как показывают доказательства, было повторено его родителями после его возвращения в свою собственную семью.

Письмо Томаса Патнэма и видение Энн были последними событиями такого рода. Заблуждение подходило к концу, и люди начали приходить в себя.

Когда стало известно, что Кори, скорее всего, устоит, и никакие мучения и жестокости не смогут покорить его твердый и непобедимый дух, мистер Нойес поспешил созвать специальное собрание своей церкви в будний день и с удовлетворением вынес ему такую же страшную гибель, как и Ребекке Нерс. Запись в протоколе Первой церкви выглядит следующим образом: -

"18 сентября Г. Кори был отлучен от церкви: причина в том, что, будучи обвиненным и обвиняемым в грехе колдовства, он отказался признать свою вину и тем самым понес приговор и наказание в виде *pain fort dure*; будучи несомненно либо виновным в грехе колдовства, либо ввергнувшим себя во внезапную и верную смерть, если бы он был невиновен в остальном".

Эта попытка ввести форму аргументации в церковный акт отлучения - небольшой, но значительный симптом того, что дыхание разума начало поднимать рябь на поверхности общественного сознания. Она медленно, но неуклонно нарастала, превращаясь в шторм, который сурово бил по мистеру Нойесу и всем его соратникам-гонителям до самого их последнего дня.

После казни, состоявшейся 22 сентября, суд объявил перерыв, чтобы собраться через несколько недель; несомненно, они рассчитывали и дальше из месяца в месяц проводить заседания и каждый раз поставлять палачу новые повозки с жертвами. Но в механизме произошел внезапный сбой, и они больше не встречались. Вмешалась исполнительная власть, и их функции прекратились. Занавес неожиданно опустился, и трагедия закончилась. Неизвестно, что именно послужило причиной столь внезапной перемены. Вероятно, в общественном сознании уже давно происходила революция, которая некоторое время оставалась незамеченной, но в конце концов стала слишком очевидной и серьезной, чтобы ее можно было игнорировать. Обычно это объясняют тем, что девушки стали слишком самоуверенными и забрались слишком высоко. Как мы уже видели, они осмелились выступить против преподобного Сэмюэля Уилларда, но суд их обличил и заставил замолчать. Тот, кто начинал колебаться в своей уверенности в правильности судопроизводства, подвергался опасности нападения с их стороны; и, как правило, когда на человека "кричали", это могло быть воспринято как доказательство того, что он говорил против них. Президент Гарвардского колледжа Инглиз Мазер, которого Элиот назвал "отцом новоанглийского духовенства", как было известно, не пошел так далеко, как его сын Коттон, поддерживая процедуру; и один из членов его семьи был обвинен. Жена сэра Уильяма Фипса сочувствовала тем, кто подвергся преследованию, и, как говорят, написала приказ об освобождении заключенного из тюрьмы. На нее обрушился крик. Можно заметить, что, хотя Джонатан Корвин сидел вместе с Хаторном в качестве судьи и помощника и подписывал обязательства заключенных, он никогда не принимал активного участия, а был молчаливым и пассивным участником событий. Впоследствии он был поднят на скамью подсудимых, но есть основания полагать, что его разум не был ясен в отношении правильности судопроизводства. Вероятно, это стало известно обвинительницам; ведь они неоднократно выкрикивали обвинения в адрес матери его жены, уважаемой и почтенной дамы в Бостоне. Обвинители, нацелившись на таких персонажей, переоценили свои силы, и ход событий стал поворачиваться против них. Но что окончательно разрушило чары, которыми они держали в рабстве умы всей колонии, так это обвинение, выдвинутое ими в октябре против миссис Хейл, жены служителя Первой церкви в Беверли. Ее подлинные и выдающиеся добродетели снискали ей репутацию и закрепили в сердцах людей доверие, которое само

суеверие не могло ни запятнать, ни поколебать. Мистер Хейл принимал активное участие во всех предыдущих процессах; но он знал о невинности и благочестии своей жены и встал между ней и бурей, которую он помог поднять: хотя он подгонял ее, пока другие были ее жертвами, он повернулся и сопротивлялся ей, когда она ворвалась в его собственное жилище. Все общество убедилось в том, что обвинители, накричав на миссис Хейл, лжесвидетельствовали, и с этого момента их власть была уничтожена; ужасное заблуждение рассеялось, и была поставлена точка в одной из самых грандиозных трагедий в истории реальной жизни. Самая дикая буря, возможно, когда-либо бушевавшая в нравственном мире, превратилась в штиль; прилив, грозивший в своей ярости захлестнуть все вокруг, опустил на свое мирное ложе. В истории найдется немного, если вообще найдется, примеров столь внезапного, столь стремительного и столь полного переворота мнений и чувств. Образы и видения, владевшие сбитым с толку воображением людей, улетучились, оставив их стоять под солнцем разума и чувств; и они могли бы воскликнуть, наблюдая за их уходом, на языке великого мастера драмы и человеческой природы, но их жесткие пуританские принципы, надо полагать, не позволили бы им, даже в этот момент спасения и избавления, процитировать Шекспира, ...

"Земля имеет пузырьки, как вода имеет пузырьки,
И эти из них. Куда они исчезли?
В воздух; и то, что казалось телесным, растаяло
Как дыхание в ветре".

Сэр Уильям Фипс прекрасно понимал, что общественные настроения требовали прекратить судебные преследования. Кроме того, что многие люди потеряли всякую веру в основания, на которых они проводились, стало ощущаться влияние высших слоев общества. Хатчинсон говорит: "Хотя многие из них пострадали, в тюрьме оставалось несколько женщин из таких же уважаемых семей, как и все в тех городах, где они жили, и несколько человек, еще более высокого ранга, на которых намекали притворно околдованные или признавшие ведьмы. Некоторые из них были названы публично. Дадли Брэдстрит, мировой судья, назначенный одним из членов совета при президенте Дадли и приходившийся сыном достойному старому губернатору, жившему в то время, счел необходимым скрыться. Некоторые пострадавшие обвинили его в пособничестве, поскольку он был не в состоянии вести судебное преследование. Его брат, Джон Брэдстрит, также был вынужден бежать".

Окончанию процесса, вероятно, способствовала энергичная позиция некоторых жителей Андовера, которые в первый же момент, когда стало ясно, что настроения в обществе меняются, начали подавать иски за клевету против обвинителей.

Результатом всего этого стало то, что, хотя некоторые судьи, магистраты и министры продолжали упорствовать в своем фанатичном рвении, большая часть народа, как высшего, так и низшего, была спасена от заблуждения.

Хотя в ходе нашего повествования мы стали свидетелями нескольких шокирующих случаев нарушения самых святых привязанностей и обязательств жизни, когда мужья и жены, родители и дети свидетельствовали друг против друга и прилагали усилия для взаимного уничтожения, мы не должны упускать из виду многочисленные случаи, когда сыновняя, родительская и братская верность и любовь ярко проявлялись. Дружить с обвиняемым было опасно. Проктер встал на защиту своей жены, чтобы защитить ее, и это стоило ему жизни. Дети протестовали против обращения с родителями, и все они были брошены в тюрьму. Дэниел Эндрю, гражданин с высоким положением, который был заместителем в

Генеральном суде, в самых смелых выражениях заявил о своей уверенности в невиновности Ребекки Нерс; ему пришлось бежать из страны, чтобы спасти свою жизнь. Многие преданные сыновья и дочери держались за своих родителей, навещали их в тюрьме наперекор кровавой толпе, держались рядом с ними по пути на казнь, выражали свою любовь, симпатию и почтение до последнего; и, путем смелых и опасных предприятий, овладевали их останками и несли их обратно под покровом полуночи к их собственным порогам и к могилам, освященным их молитвами и слезами. Говорят, что один благородный юноша совершил побег своей матери из тюрьмы, спрятал ее в лесу до тех пор, пока бред не прошел, обеспечил ее едой и одеждой, построил вигвам для ее убежища и окружил всеми удобствами, которые только могло позволить ее положение. Однако бедное создание, должно быть, перенесло немало страданий, ведь одна из ее крупных конечностей была сломана во время отчаянной попытки вызволить ее из тюремных стен.

Специальный суд больше не мог собираться, и был создан постоянный и регулярный трибунал, названный Высшим судом, состоящий из заместителя губернатора, Уильяма Стоутона, главного судьи, и Томаса Данфорта, Джона Ричардса, Уэйта Уинтропа и Сэмюэля Сьюолла, помощников судьи. Они провели суд в Салеме в январе 1693 года. Хатчинсон говорит, что по этому случаю Большое жюри обнаружило около пятидесяти обвинений. К суду были привлечены следующие лица: Ребекка Джейкобс, Маргарет Джейкобс, Сара Бакли, Джоб Туки, Ханна Тайлер, Кэнди, Мэри Марстон, Элизабет Джонсон, Эбигейл Баркер, Мэри Тайлер, Сара Хокс, Мэри Уордвелл, Мэри Бриджес, Ханна Пост, Сара Бриджес, Мэри Осгуд, Мэри Лэйси-младшая, Сара Уордвелл, Элизабет Джонсон-младшая и Мэри Пост. Трое последних были осуждены, но не казнены: все остальные были оправданы. Учитывая, что "призрачные улики" были полностью отброшены на этих процессах, тот факт, что большое жюри, по совету суда, выдвинуло столько обвинений и что трое были фактически осуждены, так же дискредитирует обычный суд, как и приговоры Специального суда. Говорят, что в составе Специального суда не было достаточного количества юристов, и результаты его работы приписывают этому обстоятельству. Его уничижительно сравнивали с обычным судом, который пришел ему на смену. Но на самом деле в состав регулярного суда входили все те, кто заседал в Специальном суде, за исключением Данфорта. Но его действия, когда он инициировал аресты за колдовство осенью 1691 года, и его действия, когда он председательствовал на предварительном допросе Джона Проктера, Элизабет Проктер и Сары Клойс в Салеме 11 апреля 1692 года, показывают, что, если говорить о допущении грубых нарушений и принятии абсурдных показаний, регулярный суд ничего не выиграл от того, что он заседал в нем, если только его взгляды не изменились за прошедшее время. Правда заключается в том, что судьи, магистраты и законодательные органы были виноваты во всем этом деле не меньше, чем министры, и гораздо медленнее приходили в себя и исправляли свои ошибки.

Все факты, известные нам, и все заявления, дошедшие до нас, заставляют нас поверить, что ни один из тех, кто признался и остался при своем мнении, не был привлечен к суду. Все осужденные либо с самого начала утверждали свою невиновность, либо, если их убеждали или склоняли к признанию, добровольно брали его обратно и отрекались от него до суда. Если это так, то имя каждого осужденного должно быть в неизменном почете, поскольку он предпочел умереть, чем солгать или устоять перед ложью. Требовалась огромная сила духа, чтобы взять назад признание, отказаться от жизни и свободы, спуститься в темницу, нагруженную кандалами, и оттуда подняться на виселицу. Облегчает душу мысль о том, что Эбигейл Хоббс, каким бы злым и шокирующим ни было ее поведение по отношению к мистеру Берроузу и другим людям, пришла в себя и предложила свою жизнь во искупление греха.

Суд продолжал разбирательство на нескольких сессиях в течение весны, и все они заканчивались оправдательными приговорами, пока в мае 1693 года сэр Уильям Фипс не освободил всех. Хатчинсон говорит: "Такого освобождения из тюрьмы еще не знали в Новой Англии". По данным, число освобожденных составляло сто пятьдесят человек. Сколько человек было задержано во время всего этого дела, мы не можем знать. Двадцать человек, считая Джайлса Кори, были казнены. По крайней мере, двое, Энн Фостер и Сара Осберн, умерли в тюрьме: не исключено, что и другие погибли от телесных и душевных страданий. Мы часто встречаем выражения, указывающие на то, что многие умерли в тюрьме. Значительное число детей и взрослых, чьи друзья были в состоянии дать требуемые тяжелые узы и обладали достаточным влиянием, чтобы добиться их расположения, некоторое время назад были переданы под частную опеку. Значительному числу удалось сбежать из тюрьмы и избежать ареста. В целом, должно быть, было совершено несколько сотен преступлений. Даже после оправдания присяжными и провозглашения губернатором приговора никто не выходил на свободу, пока не оплачивал все расходы, включая питание за все время заключения, плату тюремщикам и судебные издержки всех видов. Семьи многих совершенно обнищали.

Страдания заключенных, их родственников и близких, пожалуй, лучше всего проиллюстрировать, ознакомившись с содержанием нескольких петиций об их освобождении, найденных в архивах. Друзья заключенных в этих случаях были не в состоянии дать залог, и они, вероятно, оставались в тюрьме до общего освобождения; а сколько времени прошло после этого, прежде чем удалось собрать средства для уплаты всех долгов, мы не можем знать. [D].

Маргарет Джейкобс пришлось остаться в тюрьме после того, как губернатор издал указ об освобождении всех заключенных, потому что она не могла оплатить пошлины и сборы. Ее дед был казнен, а вся его мебель, акции и движимое имущество конфискованы маршалом или шерифом. Ее отец избежал ордера, внезапно сбежав из дома под покровом полуночи, и находился в изгнании "за морями"; ее мать и ее саму в это время забрали офицеры, вручавшие им ордера; младшие дети семьи, оставшись без защиты, разбежались и были брошены на милость соседей; дом был лишен содержимого, оставлен открытым и заброшенным. У нее не было ни шиллинга в мире, и она не знала, где искать помощи. Ее отвезли в тюрьму, и она оставалась там некоторое время, пока один человек по имени Гаммон, по-видимому, незнакомец, случайно не услышал о ее деле и, тронутый состраданием, собрал необходимые деньги и освободил ее. Прошло немало времени, прежде чем дела семьи Джейкобс были приведены в порядок настолько, что они смогли вернуть деньги благородному рыбаку. Сколько еще человек оставалось в тюрьме и как долго, мы не можем установить.

Анализируя ход допросов и судебных заседаний, невозможно не поразиться увлеченности магистратов и судей. Они действовали в характере и духе обвинителей, задавали заключенным наводящие и заманивающие вопросы, принимали по отношению к ним вызывающую манеру поведения и преследовали их с нескрываемой враждебностью. Они с самого начала принимали их вину на себя, и пытались заставить их признаться, считая их упрямыми преступниками, потому что они не хотели этого делать. Допускались всевозможные нарушения. Маршал постоянно вмешивался в дела подсудимых, следил за каждым движением их рук, головы или ног и вслух докладывал об этом суду. Другим лицам разрешалось говорить из толпы все, что они хотели сказать против заключенного. Обвинителям разрешалось обращаться к магистратам и судьям с частными сообщениями до

или во время слушаний. Председательствующие демонстрировали свою сообразительность, пытаясь выставить подсудимых в невыгодном свете. В некоторых случаях, как в случае с Сарой Гуд, судья пытался обмануть обвиняемого, ложно представляя показания другого человека. Людям в зале суда и вокруг него позволяли играть роль шумной толпы, шуметь и угрожающе кричать; а присяжным внушали, что они должны выносить обвинительные вердикты, и упрекали со скамьи подсудимых, если они осуществляли свою законную прерогативу, не считаясь с общественными страстями. Главный судья, в частности, похоже, руководствовался жестокими предубеждениями против заключенных и вел судебные процессы в духе, напоминающем враждебность.

С одной стороны, он должен нести ответственность за пролитую кровь и позор, который, как следствие, прилепился к этому процессу. Можно утверждать, что ни один приговор не был бы вынесен, если бы не его идея, которую он произвольно ввел в действие как норму закона. Теория колдовства гласила, что дьявол использует призраки, или явления, одних людей для того, чтобы причинять страдания другим. На основании этого постулата возникло разделение мнений. Одни утверждали, что дьявол может использовать только призраки людей, состоящих с ним в союзе; другие - что он может посылать по своим злым делам призраки невинных людей, без их согласия или ведома. Главный судья придерживался первого мнения, вопреки мнению многих других, произвольно установил его в качестве правила суда и императивно предписал присяжным считать его обязательным при вынесении вердикта. Как следствие, вердикт "Виновен" стал неизбежным. Но в то время мало кто сомневался в правдивости "страдальцев", считалось, что их припадки и страдания в присутствии суда, присяжных и всех зрителей доказывают истинность их чувств. Если они клялись, что видели фигуры Бриджет Бишоп, или Ребекки Нерс, или Джорджа Берроуза, душивших или иным образом пытавших человека, факт считался неоспоримым.

Заключенные утверждали, что показания свидетелей, даже если их признают, не являются доказательством против них; ведь дьявол мог использовать призраки невинных людей или кого угодно, без ведома тех, чьи фигуры он использовал. Когда миссис Энн Патнэм поклялась, что видела призрак Ребекки Сестры, причиняющей страдания разным людям; и что этот призрак признался ей, что "она убила Бенджамина Хоултона, и Джона Фуллера, и Ребекку Шепард", ответ заключенного был: "Я ничего не могу с этим поделать: дьявол может явиться в моем облике". Когда судья задал Сюзанне Мартин вопрос: "Как вы появились, чтобы причинить им вред?" Мартин ответила: "Не могу сказать. Тот, кто явился в облике Сэмюэля, прославленного святого, может явиться в облике любого человека". Преподобный Джон Уайз в своей благородной апелляции в пользу Джона Проктера приводил те же доводы. Но главный судья был неумолимо глух ко всем доводам; он заставил присяжных принять как непреложный закон, что дьявол не может использовать форму невинного человека; а поскольку "страдальцы" поклялись, что видели формы заключенных, действительно участвовавших в дьявольской работе, не оставалось места для сомнений, и они должны были вынести вердикт "Виновен".

Таким образом, невинные люди были убиты из-за догмы в голове упрямого судьи. Догмы извращали суды и правительства во все века. Выдумка фантазии, произвольное словесное утверждение возвышалось над разумом и уничтожало здравый смысл. Мир полон таких догм. Они вводят в заблуждение людей и путают страницы истории. "Король не может умереть" - одна из них. Она считается аксиомой политической и конституционной истины. Так целая династия, прожившая более славную жизнь, чем любая другая, вычеркивается из анналов империи. В государственных документах Англии существование Содружества игнорируется, а следы его великих событий стираются из архивов правительства, которое во

всех своих формулах и официальных бумагах провозглашает ложь. Загнанный беглец, скитающийся в маскировке по чужим землям, не имеющий ни пяди земли на земном шаре, которую он мог бы назвать своей, объявляется во всех государственных актах, парламентских и судебных, и даже теми, кто берется произносить голос истории, что он действительно царствовал все это время. В нашей стране и в наше время мы находимся в недоумении, а наши государственные деятели озадачены подобной догмой. Простейшая ткань человеческих измышлений, конкретная форма политического общества, нечестиво облачается в существенный атрибут одного лишь Бога; и эфемерные политики объявляют вечным законом Провидения, что "государство не может умереть". Беды, к которым приводит в управлении человеческими делами воцарение догм над разумом, истиной и фактами, как и прежде, неисчислимы.

Главный судья Стоутон, похоже, до последнего держался за свою догму. Это сделало его совершенно неспособным открыть глаза для света истины. Он держался за призрачные доказательства и вытекающие из них следствия, когда все остальные отказались от них. Он не хотел признавать, что он или кто-либо из заинтересованных лиц заблуждался. Ему было невыносимо слышать, как кто-то раскаивается или сожалеет о том, что принимал участие в этом деле. Когда общественное заблуждение настолько улеглось, что стало трудно добиться казни ведьмы, он был встревожен и разгневан до такой степени, что оставил свое место на скамье подсудимых. Во время заседания суда в Чарльзтауне в январе 1692-3 года "пришло известие, что в Салем была послана отсрочка, которая предотвратила казнь семи осужденных, и это так взволновало главного судью, что он сказал: "Мы должны были очистить от них землю; кто мешает делу правосудия, я не знаю: да будет милостив Господь к стране!" и ушел со скамьи и больше не появлялся в этом суде".

Я говорил о судьях как об одержимых, но не из-за мнений, которых они придерживались по вопросу о колдовстве, ибо это были мнения их эпохи; не из-за особой доктрины, которую навязывал им их начальник, ибо ее придерживались многие, и, будучи всего лишь теорией, она, возможно, так же логично вытекала из общепринятых доктрин, как и любая другая. Их увлечение заключалось в том, что они не видели и не слышали, что постоянно появлялись свидетельства неправдивых искусств и уловок страдающих детей, их хитроумных уловок, а в некоторых случаях и явной лжи. Кроме того, перед ними лежали убедительные и весомые доказательства, которые должны были заставить их задуматься, а то и усомниться и не поверить. Среди документов мы находим следующий документ

Свидетельство Джона Путнама-старшего и Ребекки, его жены, в котором говорится, что наш зять Джон Фуллер и наша дочь Ребекка Шепард умерли самой бурной смертью (и вели себя очень странно во время их смерти); далее говорится, что мы тогда решили, что они оба умерли от злокачественной лихорадки, и не подозревали ни в каком колдовстве, и не можем обвинить заключенного в суде ни в чем подобном".

Когда мы вспоминаем показания матери Энн Путнэм и видим, что больные в целом обвиняли в смерти вышеупомянутых лиц Ребекку Нерс, мы понимаем, насколько капитан Джон Путнэм и его жена полностью дискредитируют их показания. Мнение отца и матери Фуллера и Шепарда должно было иметь вес для суда. Они были людьми высокого положения, признанного ума и рассудительности. Они были старыми прихожанами церкви и придерживались ортодоксальных взглядов. Они были главами большой семьи. За год до этого он представлял город в Генеральном суде. Ни один человек в этой части страны не отличался таким сильным здравым смыслом, как капитан Джон Путнэм. Эти показания

делают честь их памяти и снимают с них всякую ответственность за то, что страдальцам было позволено повлиять на решение суда". Взятые вместе с бумагой, подписанной столь значительной частью лучших людей деревни в пользу Ребекки Нёрс, они доказывают, что вина за шокирующие процессы по делу о колдовстве не может быть возложена на местное население, а полностью лежит на суде и государственных властях.

Специальный суд, осудивший в 1692 году лиц, обвиненных в колдовстве, справедливо заслуживает порицания за отсутствие всякой дискриминации доказательств и за предвзятое отношение к делам, переданным на рассмотрение. Учитывая существовавший тогда закон и практику, принятую в стране-хозяйке в соответствии с ним, им следует признать, что в других отношениях, кроме упомянутых, они поступили не лучше и не хуже, чем можно было ожидать. И Коттон Мазер в "Магналии" оправдывает их на этом основании: - "Они проконсультировались с прецедентами, которые имели место, кроме упомянутых.

"Они обратились к прецедентам прежних времен и предписаниям, изложенным учеными писателями о колдовстве; как, например, Кибл об общем праве, гл. 'Conjuration' (автор, одобренный двенадцатью судьями нашей нации): также "Судебные процессы над ведьмами" сэра Мэтью Хейла, напечатанный в 1682 году; "Сборник различных судебных процессов в Англии и Ирландии в 1658, 61, 63, 64 и 81 годах" Гланвилла; "Руководство для присяжных" Бернарда; "Истории о ведьмах и их открытия" Бакстера и Р.Б.; "Памятные провидения, касающиеся колдовства" Коттона Мазера, напечатанный в 1685 году".

Что касается медиков того времени, то следует признать, что они несут полную долю ответственности за происходящее. Они поддерживали и поддерживают идею колдовства в общественном сознании и, как правило, имели привычку, когда пациент не справлялся с их рецептами, избавляться от трудностей, говоря, что на нем "злая рука". Их мнение на этот счет цитируется повсюду и фигурирует в большом количестве документов. В случаях, когда подозревалось, что человек умер от колдовства, существовали присяжные коронеры. К большому сожалению, ни один из их вердиктов не сохранился. Составленные лечащим врачом-хирургом, они иллюстрировали бы состояние профессиональной науки того времени, информируя нас о знаках, признаках и состояниях телесной организации, по которым, как считалось, можно было обнаружить следы руки дьявола. Мы знаем только, что в некоторых случаях, как, например, в случае с внуком Брея Уилкинса Дэниелом, присяжные находили решающие доказательства того, что он умер от "злой руки".

Нельзя отрицать или скрывать, что духовенство сыграло важную роль в нагнетании колдовского бреда в 1692 году. Поскольку предполагаемые виновники бед принадлежали к сверхъестественному и духовному миру, который всегда считался их уделом, считалось, что совет и сотрудничество священнослужителей были особенно уместны и необходимы. Противодействие господствующим порокам и попытки реформировать общество рассматривались в то время в свете конфликта с самим сатаной, и считалось, что именно священнослужитель обладает наибольшей властью над невидимым врагом и может наиболее легко и эффективно отражать его удары и противодействовать его пагубному влиянию. Таким образом, духовенство оказалось на переднем крае борьбы с воинством Белиала. Они гордились своим положением и были побуждены отличиться в этом конфликте. Коттон Мазер считает, что священнослужители были удостоены особой враждебности великого врага душ, "более преследуемые дьяволом, чем другие люди", так же как, согласно его философии, молнии чаще других зданий ударяли в шпили церквей, потому что князь воздушных сил особенно ненавидел места, где раздавался звук Евангелия. Кроме того, надо опасаться, что были и такие служители, у которых честолюбие, направленное на приобретение влияния и власти, стало господствующим принципом, и которые

поддерживали это заблуждение, потому что таким образом можно было наиболее надежно достичь своей цели, доведя людей до величайших крайностей легковерия, суеверия и фанатичной слепоты.

Но справедливость требует сказать, что министры, как правило, не брали на себя инициативу после того, как процесс принял самый бурный характер, а его катастрофические последствия стали полностью очевидны. Напротив, можно сказать, что они, как класс, взяли на себя инициативу по пресечению заблуждения и спасению общественного сознания от его контроля. До того момента, когда их призвали давать советы правительству, они, вероятно, следовали за Коттоном Мазером: после этого они, похоже, в целом освободились от его влияния. Имена Дейна и Барнарда из Андовера, Хиггинсона из Салема, Чивера из Марблхеда, Хаббарда и Уайза из Ипсвича, Пейсона и Филлипса из Роули, Аллина из Солсбери и Кейпена из Топсфилда выступают от имени обвиняемых. Выступление в их защиту свидетельствует о мужестве и доказывает, что их влияние было направлено в нужное русло, даже когда разбирательство достигло своего апогея. Мистер Хейл из Беверли отказался от судебного преследования и выразил свое неодобрение, прежде чем правительство или суд ослабили активность их действий, что достаточно доказано тем фактом, что "страдающие дети" кричали против его жены. Уиллард, Джеймс Аллен, Муди, Джон Бейли и даже Инкрес Мазер из Бостона открыто осуждали происходящее. Последний распространил письмо своего лондонского корреспондента, человека, чье мнение имело вес, в котором в самых резких выражениях осуждалась доктрина главного судьи, а именно: "Я с большим удивлением говорю о том, что любой человек, тем более человек таких способностей, образованности и опыта, как мистер Стоутон, должен придерживаться убеждения, что дьявол не может принимать облик невинного, чтобы причинять страдания другому человеку. На мой взгляд, это убеждение совершенно лишено каких-либо веских оснований, чтобы сделать его хоть сколько-нибудь вероятным". Возможно, священнослужители и были одними из первых, кто ввел в заблуждение; но вышеизложенные факты доказывают, что они, как профессия, первыми попытались сдержать и ослабить преследования. Хотя мы должны, по справедливости, отдать должное духовенству в целом, было бы ложью по отношению к обязательствам исторической правды и справедливости пытаться смягчить поведение некоторых из них. Тот, кто принимает во внимание все, что мистер Пэррис, согласно его собственному рассказу, сказал и сделал, не может не уклониться от необходимости выносить ему приговор и найти облегчение в том, чтобы предоставить его тому трибуналу, который один может измерить степень человеческой ответственности, и прочувствовать глубины сердца. Лоусон бросил в огонь все горючие материалы, которые могли внести его красноречие и таланты, подогретые, надо полагать, обидой. Доктор Бентли в своем "Описании и истории Салема" (Mass. Hist. Coll., 1st series, vol. vi.) говорит: "Мистер Нойес вышел и публично признал свою ошибку, никогда не скрывал никаких обстоятельств, никогда не оправдывался; посещал, любил, благословлял оставшихся в живых, которых он обидел; всегда просил прощения и посвятил остаток своей жизни благословению человечества". Остается надеяться, что это утверждение верно. Между Нойесом и Бентли было несколько точек соприкосновения. Оба были людьми способными и образованными. Как и Бентли, Нойес жил и умер холостяком; как и он, он был человеком живого и активного темперамента, а в целом его жизнь была благожелательной и бескорыстной. Возможно, сходство в этих вопросах заставило Бентли сделать только что процитированное утверждение слишком сильным. Он писал более чем через столетие после разбирательства дела о колдовстве; как раз в тот момент, когда традиция раздулась от всевозможных текущих разговоров, от басен, смешанных с фактами, прежде чем исправительная и изгоняющая рука суровой проверки записей и документов приступила к своей работе. Сетка времени утянула за собой все, что кто-либо сказал, но процесс

просеивания и отбора еще не начался. Его добродушная и бесхитростная натура заставляла его верить и записывать все, что было мило и приятно для такого ума, как его. Насколько нам позволяют судить записи и документы сайта, есть основания предполагать, что мистер Нойес, как и Стоутон, еще один старый холостяк, так и не оправился от того состояния чувств и убеждений, в котором он находился во время процесса. Его имя, как и имена других священнослужителей, не встречается ни в каких петициях, мемориалах или свидетельствах в пользу пострадавших во время испытаний, ни в качестве компенсации их памяти или чувствам их друзей. Похоже, он не принимал никакого участия в пресечении заблуждений или исправлении общественного мнения.

О Коттоне Мазере следует сказать больше. Он стремился к тому, чтобы его считали главным защитником Церкви и самым успешным борцом с сатанинскими силами. Похоже, он жаждал возможности заявить о себе в этом конкретном виде войны; хватался за любое происшествие, которое допускало такую окраску, чтобы представить его как результат дьявольского воздействия; распространял в своих многочисленных публикациях столько историй о колдовстве, сколько мог собрать по всей Новой и Старой Англии, и неоднократно пытался поднять подобные дела в Бостоне. Есть некоторые основания подозревать, что он способствовал зарождению фанатизма в Салеме; во всяком случае, он принимал ведущее участие в его разжигании. И хотя есть свидетельства, что после того, как заблуждение улеглось, он старался избежать позора за то, что одобрил эти действия, и делал вид, что в какой-то мере выступал против них, слишком ясно видно, что он тайно и хитроумно пытался возобновить их в течение следующего года в своем собственном приходе в Бостоне. [E]

Как слеп человек к будущему! Положение вещей, к которому стремился Коттон Мазер, чтобы усилить свое влияние на увлеченный народ, считаясь в нем могущественным изгонять и побеждать злых духов и способным своими молитвами и благочестием держать в оковах самого сатану, в конце концов привело его к такому позору, что его власть была сломлена, а сам он стал объектом публичных насмешек и открытых оскорблений. А волнение, вызванное с целью восстановления и усиления влияния духовных и церковных лидеров, привело к последствиям, которые снизили это влияние еще ниже. Тесная связь доктора Мэзера и других видных священнослужителей с заблуждением о колдовстве навлекла на духовенство позор, от которого оно до сих пор не оправилось.

В дополнение к целенаправленным усилиям амбициозных церковников, а также благожелательным и достойным похвалы усилиям тех, чьей единственной целью было содействие реальной и основательной реформации религии, все страсти нашей природы были готовы бросить свою концентрированную энергию в волнение (как они обязательно сделают, каким бы ни был его характер), как только оно станет достаточно сильным, чтобы побудить их к действию.

Вся сила народного суеверия, все фанатичные наклонности невежественной и заблуждающейся толпы объединились с лучшими чувствами нашей природы, чтобы усилить ярость бури. Благочестие возмущалось предполагаемым восстанием против суверенитета Божьего и было доведено до крайнего волнения и страха, наблюдая столь дерзкое и яростное нападение дьявола и его приверженцев на церкви и дело Евангелия. Добродетель была потрясена огромной виной тех, кто, как считалось, вступил в дьявольскую конфедерацию; а общественный порядок и безопасность стояли в ужасе перед невидимыми, сверхъестественными, inferнальными и, очевидно, непреодолимыми атаками, которые совершались на основы общества. В зловещем сочетании с принципами, хорошими сами по себе, побуждая страсти к необузданному действию, проявлялись все злые и жестокие привязанности, которым подвержено человечество. Теологическая горечь, личная

неприязнь, местные разногласия, частная вражда, давние обиды и профессиональная ревность рвались вперед и возвышали свои диссонирующие голоса, чтобы раздуть ужасный грохот; легкоеверие поднималось с его чудовищной и постоянно расширяющейся формой на руинах истины, разума и чувств; Злоба и жестокость триумфально пронеслись сквозь бурю, в ярости которой все мягкие и нежные чувства потерпели кораблекрушение; а месть, улыбаясь в разгар бури, приветствовала свой опустошающий гнев, выбрасывая на берег искореженные предметы своей ненависти.

Обращение с заключенными со стороны администрации и подчиненных офицеров, отвечавших за них, как можно предположить, было более чем обычно суровым и бесчувственным. Судьба Уилларда не позволяла проявлять к ним доброту. Преступление, в котором их обвиняли, выводило их за рамки человеческого милосердия. Все, кто считал их виновными, смотрели на них не только с ужасом, но и с ненавистью. Умышленный отказ от Бога и небес, от спасения Христа и братства людей считался отвратительным, позорным и проклятым навеки. Таково было всеобщее чувство в то время, когда фанатизм достиг своего апогея; а если и были несогласные, то они не смели себя проявить. Что испытали бедные невинные страдальцы от жестокости, несправедливости и возмущения по этой причине, невозможно передать словами. В тюрьме их оставляли на произвол судьбы, подвергали бесчестному обращению и оскорблениям со стороны прислуги; судебные процессы превращались в жестокое издевательство; путь к виселице - в череду оскорблений со стороны разъяренной толпы. Если близкие родственники или верные друзья оставались рядом с ними, они делали это под угрозой своей жизни, и им запрещалось высказывать чувства, от которых разрывались их сердца. Не было сочувствия ни к тем, кто умер, ни к тем, кто скорбит.

Нам может показаться странным, что на таком расстоянии и с учетом распространенного в наш век интеллекта люди с такой известной, признанной и выдающейся репутацией, как многие из тех, на чьи дела обращено особое внимание, могли считать себя виновными в преступлении, которое им вменялось. У каждого возникает вопрос: почему их характер не уберег их от осуждения и даже от подозрений? Ответ следует искать в своеобразных представлениях, бытовавших в то время о силе и действии сатаны. Считалось, что одним из признаков его пришествия для разрушения Церкви Христовой будет то, что некоторые из "избранных" будут совращены в его служение, - что он утащит в свои оковы и превратит в орудия своего нечестивого дела многих, кто стоял в самом высоком положении среди христиан. Эта вера заставляла их еще более ожесточенно преследовать служителей, членов церкви и людей с хорошей репутацией, которые, по неопровержимым свидетельствам "страдающих детей" и признавшихся ведьм, заключили договор с дьяволом. Есть основания опасаться, что мистер Берроуз и все обвиняемые, имевшие до этого высочайшую репутацию в области благочестия и достоинств, особенно все, кто был профессором религии и признанным членом церкви, пострадали больше других от суровости судей и служителей закона, а также от ярости и ненависти народа. Чтобы сохранить заблуждение и поддержать авторитет обвинения, необходимо было сломить влияние тех обвиняемых и страдальцев, которые лучше всех выдержали огненные испытания экзаменов, судов и казней.

Действительно, весьма примечательным фактом, который справедливо подчеркивали многие, кто обращал внимание на эту тему, является то, что из всего числа страдальцев ни один в финале ни на мгновение не утратил своей стойкости. Многие были в преклонном возрасте, большинство - женщины, некоторые из которых, воспитанные в деликатности, совершенно не привыкли к грубому обращению или физическим страданиям. Они должны были перенести самые ужасные лишения, будучи внезапно вырванными из своих семей и

домов; подвергнутые потоку ложных обвинений, приписывающих им самые отвратительные, позорные и дьявольские преступления; ставшие объектами отвращения своих соседей, а благодаря дурной славе этого дела - всего мира; перевозимые туда и сюда, по труднопроходимым дорогам, из тюрьмы в тюрьму, слишком часто недоброжелательными чиновниками; В переполненных, грязных и шумных тюрьмах; в темницах, обвешанных цепями; оставленные терпеть недостаточное внимание к необходимым личным нуждам, часто с недостаточным питанием и одеждой; все проявления сочувствия к ним сдерживаются и запрещаются, - те, кто должен был быть их утешителем, обличают их в самых ужасных выражениях и обрекают на отлучение от земной церкви и надежды на небеса. Безусловно, в мрачной и скорбной летописи человеческих страданий и несправедливостей, случаев "бесчеловечности человека по отношению к человеку" было немного, чтобы сравниться с тем, что пережили жертвы этой трагедии. Их поведение на протяжении всего времени, от ареста до эшафота, отражает доверие к нашей общей природе. Тот факт, что Уордвелл на время утратил свою стойкость, не должен исключать его имя из этого почетного списка. Его право быть занесенным в этот список было благородно восстановлено его отречением и мужественной смертью.

Есть одно соображение, которое придает поведению этих людей более высокий характер, чем почти все испытания, которым когда-либо подвергалась твердость человеческого разума. За пределами разума не было ничего, что могло бы его поддержать, но все, что было, могло бы его погубить. Все, что они имели в этом мире, все, на что они могли уповать в следующем, - это сознание своей невинности. Их верность этому чувству невинности - ведь ложь могла их спасти - их непоколебимая преданность этому сознанию; сохранение спокойного, непоколебимого, безмятежного разума; их вера и молитвы, возвышающиеся над криками толпы маньяков, в преданности Богу и прощении людей, и, как в случае Марты Кори и Джорджа Берроуза, в ясных и собранных выражениях, - вот что было поистине возвышенным. В то время его оценили многие сердца, вернувшиеся к своей человечности; и он проложил путь к избавлению мира, мы верим, навсегда, от всех подобных заблуждений, ужасов и зрелищ. Страдальцы 1692 года заслуживают благодарной памяти за то, что проиллюстрировали достоинство, на которое способна наша природа; за то, что показали, что честность совести - это броня, которая защищает мир души от всех сил, которые могут на него напасть; и за то, что дал пример, который будет виден всем и во все времена, мужества, постоянства и верности, на которые способны все, и которые могут дать победу над немощами возраста, слабостями и болями тела, и самым ужасающим сочетанием оскорблений для ума и сердца, которые могут быть накоплены насилием и гневом человека. Суеверие и невежество предали их имена поношению и окутали мраком. Но день настал, тени уходят, истина воскресла, господству суеверий пришел конец, и справедливость восторжествует над всеми, кто был верен себе и сохранил целостность своей души даже до смерти.

Место, выбранное для казни, заслуживает внимания. Оно находилось на значительном расстоянии от тюрьмы, и добраться до него можно было только по извилистому и трудному пути. Сейчас добраться до него - утомительное занятие, хотя многие проходы, ведущие к нему с некоторых сторон, с тех пор были открыты. Но это было место, откуда зрелище могли наблюдать все окрестные жители далеко и близко, ведь оно находилось на самом высоком возвышении в окрестностях города. Поскольку люди верили, что ведут великую битву с Сатаной, один из титулов которого - "Князь воздушных сил", возможно, они выбрали это место для казни его единомышленников, потому что, отправляясь на эту высокую точку, они бросали ему в лицо свой триумф над ним в его собственном царстве. Нет ни одной современной или последующей записи, которая бы свидетельствовала о казни на месте,

указанном традицией; но эта традиция была единообразной и непрерывной, и, похоже, она подтверждается одним необычным свидетельством, которое недавно стало известно. Письмо, написанное покойным почтенным доктором Холиоком своему далекому другу, датированное Салемом 25 ноября 1791 года, вновь попало в руки одной из его внучек и содержит следующий отрывок: "В прошлом месяце в этом городе умер человек по имени Джон Саймондс, в возрасте ста лет без малого шести месяцев, родившийся в знаменитом 92-м году. Он рассказал мне, что его кормилица часто говорила ему, что, когда она ухаживала за его матерью в то время, когда та лежала с ним, она видела из окон палаты тех несчастных, висевших на Виселице, которых казнили за ведьм по заблуждению того времени." Джон Саймондс жил и умер недалеко от южного конца Беверли-Бридж, на южной стороне нынешней Бридж-стрит. Он был похоронен у своего дома, и доктор Бентли произнес погребальную молитву, в которой, как говорят, он использовал такие слова: "О Боже! Человек, который своими руками срубил деревья, вытесал бревна и возвел дом, в котором мы сейчас собрались, был предком того, чьи останки мы собираемся захоронить". Из этого можно сделать вывод, что Саймондс родился в доме, в котором его похоронили. С этого места хорошо виден Гэллоуз-Хилл, ныне "Ведьмин холм", и он был бы виден из окон палаты этого дома в любое время, даже в сезон, когда соседние деревья были в своей самой полной листве, в то время как никакая другая точка в этом направлении не была бы различима. Из единственного в то время места проживания людей по фамилии Саймондс, расположенного на Норт-Филдс возле Северного моста, также виден Ведьмин холм, и это единственная точка в том направлении, которая тогда была бы видна.

"Ведьмин холм" - это часть возвышенного скального уступа на западной стороне города Салем, изломанного через определенные промежутки; начинается от холма Леггс и имеет северное направление. Поворотное шоссе из Бостона входит в Салем через одну из щелей в этом хребте, который был расширен, углублен и проложен. К северу от шоссе она круто поднимается на значительную высоту, называемую "Норманнские скалы". На расстоянии от трех до четырехсот футов он снова опускается, образуя широкую и глубокую ложину; затем, примерно в трети мили от поворота, он снова появляется, в виде обрывистого и, на своем краю, недоступного утеса, высотой пятьдесят или шестьдесят футов. Его южный и западный аспект, как он виден с неровной земли к северу от поворота, приведен в [заголовке третьей части](#), в начале этого тома. Его мрачный и пустынный вид не допускает особого разнообразия в описании. В основном это голый и неприкрытый уступ. На вершине этого утеса, на южном склоне возвышенности, предположительно происходили казни. Очертания немного поднимаются к северу, но вскоре начинают понижаться до общего уровня местности. Только с этого направления можно легко добраться до места. Трудно подняться на западную сторону, невозможно на южную. Поселение ползет вниз с севера, частично поднялось на восточный склон, но никогда не сможет достичь края. Разрозненные участки почвы слишком тонки, чтобы их можно было возделывать, а скала слишком скалиста и крута, чтобы на ней можно было поселиться. Активная и процветающая промышленность теснится у его основания, но значительная площадь на вершине навсегда останется открытым пространством. Это, так сказать, платформа, поднятая высоко в воздух.

С нее открывается великолепная панорама океана, островов, мысов, заливов, рек, городов, полей и лесов. В ясный летний день эту картину едва ли можно превзойти. Последний взгляд на землю, обращенный к солнцу и морю, и свидетельства любви и щедрости Провидения, сияющие над пейзажем, должно быть, навели страдальцев на мысль о широком контрасте между милостью Творца и гневом Его созданий. Они увидели лицо благословенного Бога, сияющее на них в Его творениях, и с обновленной и уверенной верой перешли в Его более непосредственное присутствие. Возвышенная скала, воздвигнутая Божественной рукой,

будет стоять, пока стоит мир, и никогда не будет заслонена посягательствами общества или произведениями искусства, - достойный памятник их постоянства.

Когда в какой-то грядущий день чувство справедливости, признание моральной стойкости, сочувствие к страдающей невинности, распространение утонченной чувствительности, разборчивое понимание того, что действительно достойно памяти среди людей, исправленный вкус, здоровый общественный дух и благодарность за свет, который окружает и защищает нас от ошибок, Если же в 1692 году, предпочтя смерть фальши, воздвигнут подходящий монумент в память о тех, кто предпочел смерть лжи, пьедестал для возвышенной колонны будет готов, воздвигнутый Создателем на фундаменте, который никогда не поколеблется, пока существует земной шар, и не будет истерт стихиями, людьми или временем - на брови Ведьминого холма. Ни на каком другом месте нельзя было бы более достойно воздать должное или более наглядно продемонстрировать такую дань.

Последствия этого заблуждения для страны в целом были весьма катастрофическими. Оно отбрасывало свои тени на широкую поверхность, и они омрачали состояние целых поколений. Материальные интересы людей долгое время ощущали на себе его урон. Появившись в начале сезона, она прервала посев и обработку земли. Оно вычеркивало целое лето из одного года и наступало в другой. Поля были заброшены; заборы, дороги, амбары и даже дом собраний пришли в упадок. На и без того перегруженные ресурсы людей ложилось непосильное бремя. Фактическая нехватка провизии, доходившая почти до голода, еще некоторое время давила на семьи. Фермы были заложены или принесены в жертву, а большое количество людей рассеялось. Один из районов деревни, который был местом дикого и трагического фанатизма, и по сей день несет на себе следы наведенной на него порчи. Хотя в центре города, превосходящего почти все другие по развитию сельского хозяйства и бережливости, - каждый акр в других местах демонстрирует прикосновение современного благоустройства и культуры, - "старая дорога собрания", от пересечения с Эссекской железной дорогой до места, где она встречается с дорогой, ведущей на север из Тапливилля, сегодня имеет необычный вид заброшенности. Инспектор по дорогам игнорирует ее. Старые, серые, покрытые мхом каменные стены обветшали и выбиваются из общего ряда. Ни на одной из его границ нет ни одного дома, ни одни ворота не открываются и ни одна тропинка не ведет к ним. На прилегающей территории царит запустение и запустение. Действительно, пока не дойдешь до места, где находилось старое здание собрания, прямо на обочине дороги стоит всего один дом, и тот принадлежит семье, носящей имя и являющейся прямыми потомками Ребекки Нерс. По обеим сторонам дороги сохранились остатки погребов, свидетельствующие о том, что когда-то здесь проживало значительное количество людей. В 1692 году в течение нескольких недель и месяцев вдоль этой дороги толпились люди, чтобы стать свидетелями экзаменов.

Разрушительные результаты не ограничились деревней, а распространились в большей или меньшей степени на всю страну. Волнение, доведенное до оцепенения, распространилось повсюду. Люди оставляли свои дела и семьи и приезжали из отдаленных мест, чтобы удовлетворить свое любопытство и составить мнение о характере явлений, которые здесь демонстрировались. Незнакомые люди со всех концов города, собравшиеся посмотреть на страдания "страдальцев", демонстрируемые на экзаменах, стекались на окружающие возвышенности и площадки непосредственно перед Ведьминым холмом, чтобы увидеть осужденных, когда они приближались к месту, выбранному для казни, произносили предсмертные молитвы и зависали в воздухе. Такие сцены всегда собирают множество людей. Ни одна из них не обладает более глубоким, сильным или странным притяжением; никогда еще это ужасное зрелище не было представлено на более обширной территории

или с такого заметного места. Собрание таких толп так часто, в течение такого длительного времени и из таких отдаленных мест должно было сопровождаться и сопровождалось расточительными и во всех отношениях пагубными последствиями. Непрерывные или часто повторяющиеся заседания магистрата, большого жюри и присяжных; присутствие свидетелей, вызванных из других городов или привезенных из-за пределов юрисдикции провинции, а также семей и сторон, специально заинтересованных в разбирательстве, - все это должно было вызвать обширный и длительный перерыв в необходимых промышленных занятиях общества и сильно увеличить общественное бремя.

Разрушения, понесенные отдельными семьями, распространились на столь многих, что в совокупности составили огромное, широкомасштабное бедствие. [F]

Факты, которые относятся к истории о колдовском заблуждении 1692 года или которые могут каким-либо образом объяснить или проиллюстрировать ее, насколько они могут быть собраны из несовершенных и разрозненных записей и документов, дошедших до нас, уже были изложены перед вами. Но есть один или два вопроса, которые сами собой напрашиваются на размышления и требуют рассмотрения, прежде чем мы закроем эту тему.

Что мы должны думать о тех, кто начал и продолжил обвинения, - о "страдающих детях" и их соратниках?

В некоторых случаях и в некоторой степени шаги, которые они предпринимали, и свидетельства, которые они давали, можно объяснить, ссылаясь на таинственную энергию воображения, силу энтузиазма, влияние симпатии и общую распространенность легковерия, невежества, суеверия и фанатизма в то время; и маловероятно, что, когда они начинали, они имели представление о том огромном масштабе, к которому они в конце концов были приведены.

Возможно, изначально они хотели удовлетворить свою любовь к дурной славе или озорству, произведя сенсацию и волнение в своем районе, или, на худой конец, отомстить одному или двум обидевшим их людям. Однако вскоре они опьянели от ужасного успеха своего самозванства, и их охватило безумие, которое они вызвали. Нам было бы гораздо приятнее верить, что эти заблуждающиеся и несчастные молодые люди в самом начале процесса сами стали жертвами заблуждения, в которое они ввергли всех остальных. Но нам запрещают выносить это милосердное суждение те проявления искусства и хитрости, умышленного коварства и холодной злобы, которые они демонстрировали до конца. Раз или два они попадались в свои собственные ловушки, и только слепота ошеломленного общества спасала их от позорного разоблачения и заслуженного наказания. Они выступали в роли обвинителей каждого бедняги, которого судили, и, казалось, готовы были свидетельствовать против любого, на кого падало подозрение. Страшно подумать о чудовищности их злодеяний, если они все время сознавали, что занимаются самозванством. Кажется, что это превосходит возможности человеческого преступления. Возможно, в сердце человека есть дремлющий элемент, который вечно спит в груди невинных и добрых людей, и для того, чтобы пробудить его к действию, требуется совершение большого греха, но который, будучи однажды пробужденным, заставляет нарушителя двигаться вперед с нарастающим импульсом, как ускоряется падающий шар в своем полете. Возможно, преступление порождает аппетит к преступлению, который, как и все другие аппетиты, не утихает, а разгорается от удовлетворения.

Точное моральное состояние преступников, степень их вины и приговор, который им следует вынести, могут быть определены только при внимательном рассмотрении всех обстоятельств и влияний, которые их окружают.

В течение примерно двух месяцев они имели привычку собираться вместе и проводить долгие зимние вечера в доме мистера Пэрриса, упражняясь в гадании, жонглировании и магии. То, что они слышали в преданиях и баснях доверчивого и суеверного века, - истории, передававшиеся во внутренних поселениях, распространявшиеся в компаниях, собиравшихся у очагов фермерских домов, потворствовавших возбужденному воображению; наполнявшие друг друга чудесными рассказами о втором зрении, призраках и духах из невидимого мира, а также о том, что могли добавить западноиндийские или южноамериканские рабы, - долгое время было пищей их фантазии. Они постоянно экспериментировали со спиритизмом своего времени, знакомились с образами и представлениями о чудесном. Распространенные представления о колдовстве и призрачных проявлениях полностью вошли в их жизнь. Живя в постоянном созерцании таких вещей, их умы воспалялись и сбивались с толку; в то же время они становились экспертами в практике и демонстрации форм притворного сверхъестественного, условий дьявольского отвлечения и ужасов демонологии. Перед ними возникали явления, открывавшие тайны прошлого и будущего. Они видели в настоящем призраки людей, тогда телесно далеких. На языке, в припадках, во сне или в трансе они объявляли, что дьявол действует на них непосредственно через посредство своих сообщников. Их страдания, когда они находились под "злой рукой", были ужасны на вид и вскоре собрали вокруг себя толпы удивленных и пораженных ужасом людей.

Если бы мистер Пэррис, служители и судьи выполнили свой долг, беду можно было бы остановить. Девушек следовало бы упрекнуть в опасных и запрещенных колдовствах и гаданиях, разогнать их собрания и пресечь все подобные попытки якобы сверхъестественного и спиритизма. Вместо этого окрестные священники были созваны в дом мистера Пэрриса, чтобы стать свидетелями необычных действий девушек, и все, что они сделали, - это одобрили их и помолились над ними. Таким образом, были подтверждены их притязания, а общественность уверилась в реальности их заявлений. Судьи города, прихожане церквей, ведущие люди и люди самых разных профессий стекались, чтобы увидеть ужасную силу сатаны, проявившуюся в мучениях и искажениях "страдающих детей"; они стали объектом удивления, поскольку их подвиги рассматривались, и жалости, учитывая их агонию и конвульсии.

Судя по свидетельствам, скорее можно предположить, что у девушек изначально не было намерения обвинять или причинять кому-либо вред. Но служители в доме Пэрриса, врачи и другие начали работу по уничтожению, объявив, что они околдованы. Согласно принятой доктрине, это сопровождалось убеждением в существовании ведьм; ведь дьявол не может действовать иначе, как через посредство существ, находящихся с ним в сговоре. Немедленно все набросились на девушек с требованием рассказать, кто их околдовал. Поддавшись этому нажиму, они сначала обратились к тем людям, которые могли бы показаться им наиболее естественными: Саре Гуд, очевидно, не имевшей постоянного дома и скитавшейся с детьми из дома в дом в поисках крова и помощи; Саре Осберн, меланхоличной, разбитой, прикованной к постели; и Титубе, рабыне, вероятно, смешанной африканской и индейской крови. На допросе этих людей девушки впервые предстали перед публикой, и перед ними открылась та страшная сила, которая была в их руках. Успех, с которым они сыграли свои роли, новизна сцены, торжественные церемонии, судьи с их

внушительным достоинством и властью, атрибуты маршала и его офицеров, формы проведения процедуры - все, что они никогда не видели раньше, внимание, которое на них обратили, важность, которую им придали, придало делу странное очарование в их глазах и пробудило в их умах новый класс чувств и идей. Любовь к отличию и известности, а также несколько страстей, которые удовлетворяются выражением симпатии, удивления и восхищения со стороны других, были приведены в действие. Тот факт, что все взоры были устремлены на них, особое внимание магистратов и полное доверие, с которым были приняты их заявления, льстили и соблазняли их. Страшная ответственность была взята на себя, и они безвозвратно заняли свое место. Пока они придерживались этой позиции, их власть была неодолимой, и они были уверены в симпатии общества и в том, что будут пользоваться его благосклонностью. Если бы они дрогнули, то стали бы объектом всеобщего порицания и самых суровых наказаний по закону за уже совершенные злодеяния и ложь, в которой они уже поклялись. Против них не попрешь, и единственная их безопасность заключалась в продолжении поднятого ими ажиотажа. Постоянно требовались новые жертвы, чтобы продлить заблуждение, новое топливо, чтобы поддерживать пожар; и они продолжали взывать к другим. За исключением двух человек из их числа, которые, похоже, питали злобу к семьям, в которых они служили, нет никаких доказательств того, что ими двигали частные обиды или личная вражда. Они были готовы и уверены, что отомстят любому, кто выразит сомнение в правдивости их показаний или в правильности судебного разбирательства; но, помимо этого, им было совершенно безразлично, кого обвинять. В этом вопросе они охотно следовали предложениям других и пользовались всеми сплетнями, клеветой и недружелюбными разговорами в своих семьях, которые доходили до их ушей. Оказалось, что для этой цели достаточно намек и небольшой информации о лицах, местах и обстоятельствах, переданной им теми, кто имел обиду и злобу, чтобы удовлетворить их. Есть основания опасаться, что за ними стояли те, кто давал указания обвинениям и управлял страшным механизмом на протяжении всего пути. Задержанные были в значительной степени несносны и подвержены предрассудкам в связи с ссорами и разногласиями, о [которых говорится в части I, том I](#). Они были "людьми Топсфилда", противниками Бейли или Пэрриса, или в большей или меньшей степени связаны с какими-то другими распрями. Еще одним доказательством того, что девушки находились под руководством старших, служит тот факт, что в порядке действий было искусно организовано время, последовательность и совпадения, которые не могут быть приписаны им самим. Ни один романист или драматург никогда не закладывал сюжет глубже, не распределял персонажей более артистично и не вел ход истории более методично.

При этом они с каждым днем становились все совершеннее в исполнении своих ролей; а их образные способности, нервная возбудимость, гибкость и быстрота мускульных действий находились постоянном стимулировании и достигали все большего развития. Влияние этих вещей, так долго продолжавшихся в связи с вечным притворством, ставшим более или менее проникнутым характером веры, их союза и общения с духовными существами и проявлениями, могло в некоторой степени расстроить их умы. К этому следует добавить, что ощущение ужасных последствий их действий, накапливающееся с каждым нанесенным ударом, невинной крови, которую они проливали, и глубины гибели, в которую они погружали себя и других, не только деморализовало, но и в какой-то степени, возможно, свело их с ума. Поистине удивительно, что их физическая конституция не разрушилась под воздействием изнурительных волнений, деформаций тела, силы, которой подвергались телесные функции в трансах и припадках, и напряжения всех жизненных сил, продолжавшегося в течение многих месяцев. Удивление, однако, было бы еще большим, если бы при этом не нарушалось душевное и нравственное равновесие.

Постоянное общение с идеями сверхъестественного; ежедневные и еженощные связи, будь то в форме сознательного самозванства или искреннего заблуждения, с духовным миром, продолжающиеся в течение длительного времени, - в той же мере, что и исключительное созерцание какой-либо одной идеи или класса идей, - должны быть признаны не полезными. То, что полностью отрывает мысли от объектов реальной и естественной жизни и поглощает их абстракциями, не может быть благоприятным для здоровья способностей или тонуса ума. Особенно это должно быть заметно, если предметы, которые таким образом монополизируют внимание, относятся к разряду чудесных и таинственных. Если принять во внимание все эти обстоятельства, а также внешние обстоятельства дела, дикое общественное волнение, оцепенение, смятение и ужас, которые толпились и нагромождались и без перерыва давили на душу в течение нескольких месяцев, то удивительно, что не только обвинители, обвиняемые и страдальцы, но и весь народ не лишился рассудка. Никогда еще великое благо жизни - здоровый ум в здоровом теле - не было так легко отнять у всех сторон. Показания Энн Патнэм-старшей имеют оттенок грусти; в них сквозит меланхолия, болезненная мания. Нечто подобное, возможно, в большей или меньшей степени прослеживается и в показаниях других людей.

Давайте же избавим нашу обычную природу от груза обвинений в том, что в нормальном состоянии она способна на такие немыслимые злодеяния, предоставив этим несчастным возможность предположить, что они были в большей или меньшей степени ненормальными. Такой взгляд делает представленный ими урок более впечатляющим и тревожным. Грех во всех случаях, если рассматривать его умом, который осматривает все поле, сам по себе является безумием. В случае с этими обвинителями он был настолько велик, что сам факт его чудовищности доказывал, что он действительно подорвал их природу и лишил разума. Они следовали за своими жертвами до виселицы, а в предсмертные часы насмехались, глумились, оскорбляли их. Сара Черчилль, по свидетельству Сары Ингер солл, однажды пришла в себя и проявила симптомы восстановленного нравственного сознания: но это был временный блеск, светлый промежуток; и она снова погрузилась во тьму, продолжая, как и прежде, упиваться ложью и разбрасывать вокруг себя разрушения. За этим единственным исключением среди них нет ни малейшего проявления сожаления или размышления. Напротив, кажется, что они были в легкомысленном, спортивном, веселом расположении духа. Возможно, в этом их поведении и поведении есть что-то, что оправдывает мнение о том, что они действительно были безумны. Тот факт, что они проявили большое количество искусного искусства и ловкой хитрости, не противоречит предположению о том, что они частично сошли с ума; ведь такие хитрость и искусство часто ассоциируются с безумием.

Быстрая сообразительность и готовые решения "страдающих детей" весьма примечательны. Они быстро давали ответы, если кто-то пытался подвергнуть их перекрестному допросу, изобретательно выкручивались, если попадали в затруднительное положение, и уклонялись от всех попыток заманить их в ловушку или разоблачить. Среди бумаг есть показания, использование которых на суде не очевидно. Они не имеют отношения к какому-либо конкретному делу. Джозеф Хатчинсон был человеком твердых взглядов и здравого смысла. Его нелегко было обмануть, и, хотя вначале он принимал участие в процессе, вскоре стал против него. Похоже, что, задавая вопросы ребенку Эбигейл Уильямс во время случайной встречи с ней, он пытался разоблачить ложность ее обвинений, и его заставили облечь этот разговор в форму показаний. Это выглядит следующим образом:-

"Показания Джозефа Хатчинсона, пятидесяти девяти лет, свидетельствуют о следующем:
"Эбигейл Уильямс, я слышал, как вы часто говорили о книге, которую вам предлагали. Она

сказала, что там было две книги: одна - короткая, толстая, а другая - длинная. Я спросил ее, какого цвета были книги. Она ответила, что книги красные, как кровь. Я спросил ее, видела ли она, как открывают книги. Она ответила, что видела это много раз. Я спросил ее, видела ли она какие-нибудь письма в книге. Она сказала, что там было написано много строк, а в конце каждой строки стояла печать. Я спросил ее, кто принес ей эту книгу. Она сказала, что это был черный человек. Я спросил ее, кто этот черный человек. Она ответила, что это дьявол. Я спросил ее, не боится ли она увидеть дьявола. Она сказала, что сначала боялась и уходила от него, а теперь не боится и может говорить с ним так же хорошо, как со мной".

В ответах Эбигейл чувствуется легкость и уверенность, что свидетельствует о быстроте выдумки и уверенности в своих доводах, которые девочки проявляли во всех случаях. Они никогда не были в растерянности и бросали тщательный вызов. Хатчинсон не получил никакого преимущества, и никто другой никогда не получал его в столкновении с ними.

Какое бы мнение ни сложилось о моральном или психическом состоянии "страдающих детей", об их вменяемости и ответственности, не может быть никаких сомнений в том, что они были великими актерами. В простом жонглировании и ловкости рук они не шли ни в какое сравнение с творцами чудес нашего времени. Длительная практика дала им полный контроль над лицом, интонациями голоса, всей мускульной и нервной организацией тела, так что они могли по желанию и в мгновение ока впадать в припадки и конвульсии, падать в обморок и на пол, приводить свои рамы в странные извращения, пускать кровь по лицу и возвращать ее обратно. В один момент они могут быть смертельно бледными, в другой - раскрасневшимися; их руки сжимаются и сжимаются, как в тисках; конечности становятся жесткими и твердыми или полностью расслабляются; зубы клацают; они переживают пароксизмы удушья и удушья, задыхаются, пуская изо рта пену и кровь; они произносят всевозможные крики в неземных тонах; Их глаза оставались неподвижными, иногда лишенными всякого света и выражения, холодными и каменными, а иногда разгорались в пламени страсти; они впадали в состояние сомнамбулизма, без цели или сознательного направления своих движений, глядя в какую-то точку, где не было видимого объекта видения, с диким, бессмысленным блеском. Есть некоторые свидетельства того, что они овладели искусством чрево вещания; или же они настолько поражали воображение зрителей, что считалось, что слышны звуки движений и голоса невидимых существ. Они вздрагивали, дрожали и бледнели перед явлениями, которые видели, конечно, только они сами, но их игра была настолько совершенной, что всем присутствующим казалось, что они тоже их видят. Они обращались и вели беседы с призраками и привидениями, и ответы невидимых существ были слышны для воображения ошеломленной толпы. Они следили глазами за воздушными видениями, так что другим казалось, что они тоже их видят. Это, несомненно, было высоким драматическим достижением. Их изображения боли, всех форм и всех признаков телесных страданий - как в случае с рукой Энн Путнам, и вмятин от зубов на плоти во многих случаях - совершенно обманули всех; и среди присутствующих были люди, на которых нелегко было наложить руки. Генеральный прокурор был барристером, только что пришедшим из лондонской судебной палаты. Деодат Лоусон повидал на своем веку немало; Джозеф Херрик тоже. Джозеф Хатчинсон был острым, суровым и скептическим наблюдателем. Джон Патнэм был человеком, обладавшим большой практической силой и проницательностью; его брат Натаниэль и другие жители деревни. Кроме того, было много людей из Бостона и других мест, способных распознать обман, но никто не смог обнаружить в девушках никакого самозванства. Сара Нерс поклялась, что видела, как Гуди Биббер обманула ее в вопросе о булавах; но Биббер не принадлежала к деревне и была заезжей пройдохой. Обвиняемые девочки проявили необычайное мастерство, изобретательность и фантазию, придумывая истории, о которых они свидетельствовали, и, похоже, были знакомы

с образами, которые принадлежат к литературе демонологии. Это заставило некоторых предположить, что они должны были иметь доступ к книгам на эту тему. Наши отцы с совершенной ненавистью относились ко всем театральным представлениям. Предложение сходить на спектакль привело бы их в ужас. Но невольно, неделя за неделей, месяц за месяцем, служители, дьяконы, братья и сестры церкви спешили к Натаниэлю Ингерсоллу, в деревенские и городские дома собраний, в таверну "Глобус" Томаса Бидла и с удивлением, благоговением и восхищением смотрели на такие представления, которые редко превзойдены на сцене любого театра, высокого или низкого, древнего или современного.

Есть еще один аспект, который озадачивает и ставит в тупик суждения всех, кто читает эту историю. Он заключается в следующем: Поскольку в настоящее время общепринято мнение, что вся эта операция с колдовством была заблуждением, не имеющим под собой никаких оснований, кроме воображения и страстей; и поскольку теперь уже точно известно, что все обвиняемые, как осужденные, так и помилованные, были совершенно невиновны, - как можно объяснить, что столь многие были вынуждены признать себя виновными? Ответ на этот вопрос следует искать в тех общих принципах, которые привели мудрейших законодателей и юристов к выводу, что, хотя на первый взгляд и кажется, что это самый лучший вид доказательств, все же, по зрелом размышлении, признания, сделанные в надежде на выгоду, а иногда даже без импульсов такой надежды, следует принимать с большой осторожностью и настороженностью. Здесь было пятьдесят пять человек, которые объявили себя виновными в смертельном, а то и дьявольском преступлении, в котором, как мы знаем, они были невиновны. Вероятно, большинством из них двигал мотив самосохранения. В ближайшей перспективе их ждала ужасная смерть. От козней обвинителей не было спасения. Заблуждение полностью овладело народом, присяжными и судом. Признав договор с сатаной, они могли в одно мгновение обеспечить себе жизнь и свободу. Это была позиция, которую могли безопасно занять только самые твердые умы. Принципы и доблесть обычных людей не могли противостоять искушению и давлению. Они уступили и были спасены от неминуемой и страшной смерти.

Поскольку эти признания оказали решающее влияние на общественное мнение, заставив его погрузиться в глубины заблуждения, придали роковую силу обвинителям и довели процесс до ужасных крайностей, которые привлекли к нему внимание всего мира, они имеют такое значение в истории этого дела, которое требует полного и тщательного изложения. На допросе Энн Фостер в деревне Салем 15 июля 1692 года от нее "через некоторое время" было получено следующее признание. Оно, несомненно, стало результатом подавляющего воздействия ужасов ее состояния на расстроенный и полубезумный разум. В нем показаны основные материалы, из которых делались признания, и формы абсурдных суеверий, которыми в то время было наполнено воображение людей: - Ей явился дьявол.

Дьявол несколько раз являлся ей в виде птицы - такой птицы она никогда прежде не видела; и с тех пор она обладала этим даром (то есть поражать страдальцев взглядом). Когда ее спросили, почему она решила, что эта птица - дьявол, она ответила, что потому, что он пришел белым и исчез черным; и что дьявол сказал ей, что у нее будет этот дар, и что она должна поверить ему, и сказал, что у нее будет процветание; и она сказала, что он являлся ей три раза, и всегда в виде птицы, а в последний раз около полугода назад, и сидел на столе, имел две ноги и большие глаза, и что это был второй раз его появления, когда он обещал ей процветание. Далее она заявила, что именно Гуди Кэрриер сделал ее ведьмой. Она сказала ей, что, если она не будет ведьмой, дьявол разорвет ее на куски и унесет, - и тогда она пообещала служить дьяволу; что она была на собрании ведьм в деревне Салем; что пришел Гуди Кэрриер, рассказал ей о собрании и хотел, чтобы она пошла; поэтому они сели на палки

и отправились в путь, и, оказавшись там, увидели мистера Берроуза, служителя церкви, который был на месте. Берроуза, священника, который говорил с ними со всеми; что тогда собралось двадцать пять человек; что она завязала узел на тряпке и бросила его в огонь, чтобы причинить боль Тимоти Свону, и что она причинила боль остальным, которые жаловались на нее, сжимая куклы, как они, и так почти задушила их; что она и Марта Кэрриер катались на палке или шесте, когда шли на собрание ведьм в Салемской деревне, и что палка сломалась, когда их несло по воздуху над верхушками деревьев, и они упали: Но она крепко держалась за шею Гуди Кэрриера, и вскоре они оказались в деревне; что она слышала, как некоторые ведьмы говорили, что их триста пять во всей стране, и что они погубят это место, деревню; что на том собрании присутствовали два человека, кроме мистера Берроуза, священника, и еще два человека. Берроуза, священника, и у одного из них были седые волосы; и что на собрании в деревне Салем ведьмы говорили, что они будут страдать там, чтобы установить дьявольское царство.

Признание, суть которого изложена выше, было сделано на четырех допросах в разные дни, во время которых под влиянием окружающих ее людей она давала все более экстравагантные показания на каждом последующем допросе. Ее дочь, Мэри Лэйси, по прозвищу Гуди Лэйси, была привлечена к обвинению в колдовстве в то же самое время; увидев, что мать признается, она поняла, что ее единственная безопасность заключается в том, чтобы признаться тоже. Оказавшись перед судом, дочь воскликнула, обращаясь к матери: "Мы оставили Иисуса Христа, и дьявол овладел нами. Как нам избавиться от этого лукавого?" Она рассказала, что сопровождала свою мать и Гуди Кэрриер - все трое ехали вместе на шесте - в деревню Салем. Затем она сделала следующее заявление: "Примерно три или четыре года назад она видела, как госпожа Брэдбери, Гуди Хоу и Гуди Нестер крестились у старого Змея в Ньюбери Фоллз; он окунул их головы в воду, а затем сказал, что они его, и он имеет над ними власть; что в то время крестилось шесть человек, которые были одними из главных или высших сил, и что в то время в компании могло быть около сотни человек". Когда ее спросили, "каким образом она отправилась в Ньюбери-Фоллс", она ответила: "Дьявол унес ее на руках". Она сказала, что "если она возьмет тряпку, свернет ее вместе и представит, что она изображает такого-то и такого-то человека, то, что бы она ни сделала с этой свернутой тряпкой, человек, представленный в ней, будет таким же образом страдать". Ее дочь, которую также звали Мэри Лэйси, последовала примеру своей матери и бабушки и сделала признание.

Изучение признаний показывает, что, когда обвиняемые решались на признание, они видели, что для обеспечения своей безопасности необходимо пойти на все народные суеверия и фанатизм. Во многих случаях они с большой изобретательностью и тактом фабриковали свои истории, приводя их в соответствие с заявлениями обвинителей, добавляя пункты и детали, придающие правдивость, и вписываясь в существующие представления и причуды. Они, несомненно, проходили обучение у девушек и были обеспечены материалами для своих показаний. Их показания ценны тем, что позволяют нам собрать воедино все распространенные в то время представления о предмете. Если при даче показаний им требовалась какая-то подсказка, обвинители были у них под локтем и помогали им в их рассказах. Если в чем-то они могли противоречить себе или другим, их останавливали или отвлекали. В одном случае признавшаяся ведьма портила свои показания, и тогда одна из пострадавших закричала, что видит фигуры или призраки других ведьм, мешающие ей говорить. Свидетельница поняла намек, притворилась, что потеряла способность выражать свои мысли, и была удалена с трибуны.

В некоторых случаях признавшиеся ведьмы проявили большую ловкость и знание человеческой природы. Когда один из ведущих священнослужителей навещал их в тюрьме, одна из них воскликнула, проходя мимо своей камеры и называя его по имени: "О! Я помню текст, который вы читали в Англии, двадцать лет назад, из этих слов: "Ваш грех обнаружит вас", и я убедилась в его истинности на собственном примере". Этот искусный комплимент, свидетельствующий о силе его проповеди, производящей впечатление, которое не может стереть время, несомненно, польстил доброму человеку и обеспечил ей его благосклонное влияние.

Справедливость требует, чтобы не было упущено их собственное объяснение тех влияний, которые побудили их к исповеди.

К следующему заявлению шести женщин из Андовера прилагается бумага, подписанная более чем пятьюдесятью самыми уважаемыми жителями этого города, свидетельствующая об их добром характере, в которой говорится, что "своим трезвым, благочестивым и образцовым общением они получили хорошую репутацию в этом месте, где их хорошо уважают и одобряют в церкви, членами которой они являются".

"Мы, чьи имена записаны под этим текстом, жители Андовера, когда в 1692 году в деревне Салем, где происходило то ужасное и страшное судилище, которое некоторые называли колдовством, впервые разразилось в доме мистера Пэрриса, несколько молодых людей, будучи как бы больными, обвинили нескольких человек в том, что они больны; и многие там поверили, что это так, нам сообщили, что, если человек болен, больной может сказать, что или кто является причиной этой болезни: Джон Баллард из Андовера, его жена заболела в то же самое время, и он, либо сам, либо по совету других, привел из деревни Салем в Андовер двух человек, называемых страждущими, что стало началом того ужасного бедствия, которое постигло нас в Андовере, и, поверив в правдивость сказанных обвинений, послал за упомянутыми людьми, чтобы они собрались в доме собраний в Андовере, где находились страждущие. После того как мистер Барнард прочитал молитву, нам завязали глаза, и мы возложили руки на страдальцев, которые были в припадке и впали в припадок, когда мы пришли в их присутствие, как они сказали: некоторые вели нас и возлагали на них руки, а потом сказали, что они здоровы и что мы виновны в том, что причинили им страдания. Тогда нас всех схватили как пленников по ордеру мирового судьи и немедленно доставили в Салем; и от этого внезапного удивления, зная, что мы совершенно невиновны в этом преступлении, мы все были чрезвычайно поражены и изумлены, и ошеломлены и напуганы, даже лишились рассудка; А наши близкие и родные, видя нас в таком ужасном состоянии и зная о нашей великой опасности, сочли, что нет иного способа спасти нашу жизнь, как только признать себя такими и такими, какими нас представляли страдальцы, и из нежности и жалости уговорили нас признаться в том, в чем мы признались. И действительно, то признание, которое, как говорят, мы сделали, было не чем иным, как тем, что нам внушили некоторые джентльмены, сказав, что мы ведьмы, и они это знали, и мы это знали, что заставило нас думать, что это так; и, поскольку наше понимание, наш разум, наши способности почти исчезли, мы не были способны судить о нашем состоянии; также и жесткие меры, которые они использовали с нами, сделали нас неспособными к защите, но говорили все, что угодно, и все, что они хотели, и большая часть того, что мы говорили, было в действительности согласием с тем, что они говорили. Через некоторое время, когда нам стало лучше, они рассказали нам, в чем мы признались, мы признались, что были невиновны и не знали о таких вещах; и мы услышали, что Сэмюэл Уордвелл отказался от своего признания и был быстро осужден и казнен, некоторым из нас сказали, что мы идем за Уордвеллом.

"Мэри Осгуд.
Мэри Тайлер.
Деливеранс Дейн.
Эбигейл Баркер.
Сара Уилсон.
Ханна Тайлер".

Применяемые средства и влияние, оказываемое на обвиняемых, во многих случаях были таковы, что полностью подавляли их и в значительной степени лишали их признания преступного характера. Они едва ли были ответственными моральными агентами. В октябре месяце в Салем прибыл Ингриз Мазер, чтобы побеседовать с признавшимися ведьмами в тюрьме. Результат его беседы сохранился в документе, автором которого, как предполагается, был он сам. Приведенные ниже выдержки дают некоторое объяснение всему этому вопросу:.

"Добрая жена Тайлер сказала, что, когда ее впервые задержали, она не испытывала никаких опасений и думала, что ничто не могло заставить ее признаться против себя. Но с тех пор, к своему великому огорчению, она обнаружила, что погрешила против истины и ложно обвинила себя. Она рассказала, что, когда ее привезли в Салем, с ней ехал ее брат Бриджес; и что на всем пути от Андовера до Салема ее брат твердил ей, что она должна быть ведьмой, поскольку больные обвиняли ее и при ее прикосновении выходили из своих припадков и убеждали ее признать себя ведьмой. Она же постоянно твердила ему, что она не ведьма, что ничего не знает о колдовстве, и умоляла его не побуждать ее к признанию. Однако, когда она приехала в Салем, ее привели в комнату, где ее брат, с одной стороны, и мистер Джон Эмерсон, с другой, сказали ей, что она, несомненно, ведьма, и что она видела дьявола перед своими глазами в то время (и, соответственно, упомянутый Эмерсон пытался рукой отбить его от ее глаз); и они так убеждали ее признаться, что она желала оказаться в любой темнице, чем подвергнуться такому обращению. Мистер Эмерсон снова и снова говорил ей: "Ну, я вижу, вы не признаетесь! Что ж, я покину вас, и тогда вы останетесь без души и тела навсегда". Брат убеждал ее исповедаться и говорил, что при этом она не может лгать, на что она отвечала: "Добрый брат, не говори так; ведь я солгу, если исповедуюсь, и кто тогда ответит перед Богом за мою ложь? Он по-прежнему утверждал это и говорил, что Бог не допустит, чтобы столько добрых людей так заблуждались на этот счет, и что ее повесят, если она не признается; И он так долго и так настойчиво убеждал и давил на нее, чтобы она призналась, что она подумала, что жизнь уйдет от нее, и так ужаснулась, что в конце концов согласилась почти на все, что они ей предлагали; что она поступила неправильно по отношению к своей совести; она виновна в большом грехе, лжесвидетельствуя о себе, и желает оплакивать это до тех пор, пока жива. Она сказала это и многое другое в том же духе; и все это с такой привязанностью, печалью, раскаянием, горем и скорбью, что никакое перо не в силах описать и выразить это".

"Добрая жена Уилсон сказала, что некоторые моменты в ее исповеди ей неизвестны. Однако она утверждала, что сознательно никогда не общалась с дьяволом; что сознательно никогда не давала согласия на причинение страданий какому-либо человеку и т. д. Однако она сказала, что действительно находится в неведении относительно того, что она ведьма. И когда ее спросили, как она оказалась в неведении, она ответила, что страдальцы, кричащие о том, что она их поразила, заставили ее испугаться за себя; и это все, что заставило ее сказать, что она в неведении".

"Добрая жена Бриджес заявила, что она призналась в том, что было совершенно ложным, и что к признанию ее подтолкнуло то, что ей сказали, что она точно ведьма, и заставили поверить в это, хотя у нее не было других оснований так считать".

Некоторое объяснение деталей, которые те, кого уговорили признаться, включили в свои показания и которые, как казалось в то время, подтверждали и демонстрировали истинность их заявлений, можно найти в том, что Мэри Осгуд, по словам Инклиз Мазера, сказала ему по этому поводу: - "Когда ее спросили, почему она приписала к своим показаниям слова "ведьма", она сказала.

"Когда ее спросили, почему она указала время и сказала, что крестилась и т.д. около двенадцати лет назад, она ответила и сказала, что, когда она рассказала об этом, они спросили о времени, на что она ответила, что не знает времени. Но когда ей сказали, что она знает время и должна его называть, и тому подобное, она решила, что примерно за двенадцать лет до этого (когда у нее родился последний ребенок) у нее был приступ болезни и меланхолии; и поэтому подумала, что это время может быть более подходящим для упоминания, чем любое другое, и, соответственно, указала указанное время. Когда ее спросили о кошке, в облике которой она призналась, что ей явился дьявол и т.д., она ответила, что, когда ей сказали, что дьявол явился ей и должен явиться и т.д. (она ведьма), она призналась, что дьявол явился ей; и когда ее заставили сказать, в облике какого существа он явился, она сказала, что в облике кошки. Вспомнив, что за некоторое время до того, как ее задержали, выходя из дома, она увидела кошку и т.д.; не то чтобы она хоть сколько-нибудь подозревала, что эта кошка - дьявол, но потому, что какое-то существо, о котором она должна упомянуть, пришло ей в голову в тот момент".

Эта бедная женщина, а также несколько других, помимо доброй жены Тайлер, которые отрицали и отказывались от своих признаний, как утверждает доктор Мазер, проявляли величайший ужас и страдание при мысли, что они могли быть настолько злыми, чтобы лгать самим себе и причинять этим вред другим. Они "сокрушались и сетовали, что обвиняли других, о которых никогда в жизни не знали ничего дурного". Они доказали искренность своего раскаяния, отказавшись от своих признаний и отрекшись от них, и таким образом принесли свою жизнь в жертву во искупление своей лживости. В то время они ожидали суда, и казалось, что им не избежать ужасной участи, которая постигла всех ранее привлеченных к суду людей, которые не признались или отказались от своих признаний. К счастью для них, в 1692 году суд больше не собирался, и они были оправданы на очередной сессии в январе следующего года.

В одном из трактатов Калеф излагает свои взгляды на тему признаний следующим образом.

"Помимо мощного аргумента в виде жизни (и свободы от лишений, не только обещанной, но и исполненной всем, кто признает свою вину), есть многочисленные примеры утомительных экзаменов перед частными лицами, по много часов вместе; все это время они побуждали их признаться (и по очереди убеждали их), пока обвиняемые не изнемогали от вынужденного долгого стояния, или от недостатка сна, и т.д., и так доводили до согласия с их словами; спрашивали их: "Были ли вы на таком-то собрании ведьм?" или: "Подписывали ли вы книгу дьявола?" и т.д. Когда они отвечали "да", все это оформлялось в виде их признания".

Этим объясняется сходство конструкции и содержания признаний в целом.

Калеф замечает: - "Но то, что сильно способствовало дальнейшему развитию исповедания.

"Но что еще больше способствовало таким признаниям, так это их ближайшие родственники, побуждавшие их к этому. Они, не видя другого пути к спасению, считали это лучшим советом, который можно было дать; так и случилось, что мужья некоторых, советуя, часто убеждая, с величайшей серьезностью, а дети на коленях умоляя, в конце концов убедили их признать свою вину".

Одним из самых болезненных моментов во всем этом деле было то, что абсолютная убежденность в виновности обвиняемых, охватившая общество, полностью завладела умами многих родственников и друзей. Они не допускали ни малейших сомнений. Поэтому они рассматривали это как злобное упрямство не признаваться, и в этом смысле это было дополнительным и самым убедительным доказательством того, что разум отчужден от истины и полностью отдан сатане. Это превращало естественную любовь и прежнюю дружбу в обиду, негодование и отвращение, которые оставляли несчастных узников в таком состоянии, когда только самая удивительная ясность убеждений и сила характера могли их удержать. И во многих случаях, когда они уступали, это происходило не из-за недостойного страха или самосохранения, а потому, что их рассудок был повержен, а разум находился в полном подчинении и прострации.

Действительно, вряд ли можно сомневаться в том, что в некоторых случаях исповедующиеся действительно считали себя виновными. Чтобы объяснить это, мы должны заглянуть в тайные покои человеческой души; мы должны прочитать историю воображения и рассмотреть его власть над пониманием. Мы должны перенестись в темницу и подумать о ее мрачных и ужасных стенах, тоскливых часах, утомительном одиночестве, тяжелых и унижительных оковах и цепях, скудном питании и всех ее мрачных и болезненных обстоятельствах. Мы должны задуматься об их влиянии на испуганный и взволнованный, израненный и сломленный дух. Мы должны подумать о положении бедного узника, лишенного надежды; слышащего со всех сторон и в любое время суток, утром, днем и ночью, что в его вине нет никаких сомнений; окруженный и ошеломленный обвинениями и доказательствами, постепенно, но неощутимо смешивающий и путающий видения и причуды своих беспокойных снов с грезами часов бодрствования, пока его разум не помутнеет, воспоминания не придут в расстройство, разум не потеряет способность различать то, что ему постоянно говорят другие, и то, что относится к предложениям его собственной памяти: Его воображение, наконец, полностью преобладает над другими способностями, и он верит и объявляет себя виновным в преступлениях, в которых он так же невиновен, как нерожденный ребенок. История рассматриваемой нами сделки служит наглядной иллюстрацией истинности и разумности этого объяснения.

Часто замечали, с какой легкостью можно убедить человека, постоянно выдвигая против него обвинения, которые на самом деле не соответствуют действительности, даже если они выдвинуты против него самого. Аддисон в одном из номеров своего "Зрителя" говорит об этом в связи с нашей темой: "Когда старая женщина, - говорит он, - начинает чахнуть и становится платной для прихода, ее обычно превращают в ведьму, и вся страна наполняется экстравагантными фантазиями, воображаемыми болезнями и страшными снами. В то же время бедняжка, ставшая невинной причиной стольких бед, начинает бояться самой себя и иногда признается в тайных связях и знакомствах, которые ее воображение создает в бреду на старости лет. Это часто отсекает милосердие от величайших объектов сострадания и внушает людям недоброжелательность к тем бедным, дряхлым представителям нашего вида, в которых человеческая природа обезображена немощью и дряхлостью".

Этот отрывок важен не только тем, что он имеет отношение к рассматриваемому нами вопросу, но и тем, что описывает состояние мнений и чувств в Англии через двадцать лет

после того, как здесь была вскрыта эта глупость. В другом номере той же серии эссе он приводит доказательства того, что суеверия, которые здесь дошли до крайности в 1692 году, уже давно были распространены в родной стране: "Наши предки смотрели на природу с большим благоговением и ужасом до того, как мир был просвещен образованием и философией, и любили удивлять себя опасениями колдовства, чудес, чар и чародейства. В Англии не было ни одной деревни, в которой не водилось бы призрака; все церковные дворы были усыпаны привидениями; в каждом крупном поселении обитал круг фей; и едва ли можно было встретить пастуха, который не видел бы духа". Эти фантазии до сих пор живут в умах некоторых людей как в Старом Свете, так и в Новом.

Если допустить, что суеверия были распространены до крайности, преувеличения, связанные с общим возбуждением, и плодovitые изобретательские способности обвиняющих девушек, в свидетельствах есть много такого, что нелегко объяснить. В других случаях, кроме случая с Уэстгейтом, мы находим симптомы того обескураженного состояния чувств и воображения, которое не является чем-то удивительным или необычным в опыте мужчин, возвращающихся домой в полночь из таверны. Нарушенные сновидения были, не исключено, плодотворным источником заблуждений. Значительная часть доказательств может быть объяснена предположением, что свидетели путали видения во сне с реальными наблюдениями и событиями в часы бодрствования. На суде над Сюзанной Мартин было доказано, что некий Джон Кембал согласился купить у заключенной щенка, но затем отказался от своей сделки и купил щенка у другого человека, и что Мартин сказал: "Если я буду жить, я дам ему достаточно щенков". Эти обстоятельства, как мне кажется, делают вероятным, что следующие показания Кембала, которым суд придал большое значение, были результатом ночного кошмара, вызванного его опасениями и страхом перед выполнением заявленной угрозы: - "Я, этот подсудимый, придя в дом, сказал.

"Я, этот подсудимый, шел из своего дома в лесу к дому Эдмунда Эллиота, где я жил, примерно на закате или вскоре после него; на северо-западе появилась небольшая черная туча и несколько капель дождя, а ветер дул довольно сильный. Когда он шел между домом Джона Уида и домом собраний, этот подзащитный подошел к нескольким пням деревьев на обочине дороги; и побуждение, которому он не может объяснить причину, заставило его переваливаться через пни один за другим, хотя он держал свой топор на плече, что подвергло его большой опасности и заставило его решиться избежать следующего, но он не смог.

"А когда он подошел к дому собраний, появилась маленькая тварь, похожая на щенка, темноватого цвета. Он стрелял между моих ног вперед и назад, как тот, кто танцует на сене. [G] И этот депонент, избавившись от всякого страха, приложил все возможные усилия, чтобы разрубить его своим топором, но не смог причинить ему вреда; и, пока он так трудился со своим топором, щенок слегка отпрыгнул от него и, казалось, ушел в землю.

"Пройдя еще немного, появился черный щенок, несколько крупнее первого, но, по его разумению, такой же черный, как уголь, который набросился на него с такой силой, что его быстрые движения превосходили движения его топора, и он сделал все, что мог. И летела она ему в живот, и в сторону, и в горло, и через плечо в одну сторону, и уходила, и снова поднималась в другую сторону; и с такой быстротой, скоростью и жестокостью нападала она на него, как будто хотела вырвать ему горло или живот. Некоторое время он не испытывал страха, но в конце концов я почувствовал, что мое сердце не выдерживает и опускается под ним, и мне показалось, что жизнь моя уходит. Но я опомнился, вскочил, побежал к ограде, воззвал к Богу и назвал имя Иисуса Христа, и тут оно незаметно ушло. Я имею в виду, что все

сразу же прекратилось, но этот респондент никому об этом не сказал, чтобы не беспокоить свою жену" [Н].

Мы все подвержены опасности спутать впечатления, оставляемые воображением, когда оно, освобожденное от всех ограничений, буйствует в снах, с реальными переживаниями бодрствующих способностей в реальной жизни. Это тема, достойная рассмотрения писателей, пишущих о доказательствах, и юридических трибуналов. Такое же влияние на личное сознание оказывает постоянное повторение одной и той же истории или слышание ее в исполнении других людей. В книгах приводятся примеры - возможно, их можно вспомнить из нашего собственного опыта или наблюдений, - когда то, что первоначально было бредом, выдумкой или фантазией, в конце концов стало восприниматься как истинная правда и реальное происшествие.

В свете этих соображений очень нужен основательный философский трактат о доказательствах. То, что все люди обязаны путать вымыслы своего воображения с реальностью фактического наблюдения, не осознается обществом с достаточной ясностью; и до тех пор, пока это не будет осознано и учтено, в периоды всеобщего возбуждения будут возникать серьезные ошибки и неудобства. Мы все еще склонны придавать сильным убеждениям большее значение, чем следовало бы, не задумываясь о том, не являются ли они на самом деле заблуждениями разума. Дело истины требует более тщательного изучения всего этого вопроса. Видения, явившиеся уму прославленного полковника Гардинера, до сих пор рассматриваются большинством благочестивых людей как свидетельство чудесного вмешательства, и, насколько они являются доказательством этого, настолько же низвергается авторитет христианства; ведь факт, что лорд Герберт из Чербери с такой же искренностью и уверенностью верил, что ему было дано подобное видение, оправдывающее его труды, когда собирался опубликовать то, что было названо одной из самых сильных атак, когда-либо сделанных на нашу религию. Опасно выдвигать аргументы в пользу какого-либо дела, которые могут быть основаны не на чем ином, как на грезах пылкого воображения!

Явления сновидений, упражнения и убеждения, которые занимают ум, когда пути чувств закрыты, а душа более или менее освобождена от связи с телом, особенно в особых условиях частичной дремоты, относятся к глубоким тайнам человеческого опыта. Писатели, занимающиеся философией психики, не уделили им должного внимания.

Свидетельства на этих процессах особенно ценны тем, что показывают способность воображения полностью обманывать и фальсифицировать чувства трезвых людей, когда они бодрствуют и находятся среди бела дня. Следующие показания были даны в суде под присягой. Стороны, дававшие показания, отличались безусловной респектабельностью. Этот человек, вероятно, был братом Джеймса Бейли, первого священника прихода в Салем-Виллидж.

"Показания Джозефа Бейли, сорока четырех лет.-Проверяю и заявляю, что двадцать пятого мая прошлого года я и моя жена ехали в Бостон по дороге, когда я подъехал к дому, где жил Джон Проктер, мне нанесли очень сильный удар в грудь, от которого у меня сильно заболел живот и голова пошла кругом от изумления, но я не видел рядом с собой никого, только моя жена ехала позади меня на той же лошади; и когда я подъехал к дому Проктера, я, по моему разумению, увидел Джона Проктера и его жену в этом доме. Сам Проктер выглядел из окна, а его жена стояла прямо перед дверью. Я рассказал об этом жене; она посмотрела в ту сторону и не увидела ничего, кроме маленькой служанки у двери. После этого, примерно в

полумиле от вышеупомянутого дома, я на некоторое время лишился дара речи. Моя жена задала мне несколько вопросов и попросила, чтобы, если я не могу говорить, я поднял руку; я так и сделал, и сразу же смог говорить как никогда хорошо. И когда мы подъехали к дороге, где Салемская дорога переходит в Ипсвичскую, я получил еще один удар в грудь, который причинил мне такую боль, что я не мог сидеть на лошади. И когда я сошел с лошади, то, насколько я понял, увидел женщину, идущую к нам примерно в шестнадцать или двадцати шагах от нас, но не знал, кто это: моя жена не могла ее видеть. Когда я снова сел на лошадь, то, насколько я понял, там, где я видел женщину, стояла корова. После этого мы поехали в Бостон без дальнейших приставаний; но после того, как я вернулся домой в Ньюбери, меня некоторое время щипало и укалывало что-то невидимое, но теперь, по благодати Божьей ко мне, я снова здоров" - Jurat *in curia* от обоих лиц.

Бейли и его жена собирались в Бостон на неделю выборов. Путь из Ньюбери занял добрых два дня, поскольку дороги в то время были очень хороши, и ехали они верхом. По обычаю того времени, она ехала на подушке позади него. Вероятно, они провели ночь в доме сержанта Томаса Путнама, с которым он был связан узами брака. Это было в самый разгар колдовского бреда. Дом Томаса Путнэма был его центром. Там они слушали высокохудожественные рассказы о его чудесах и ужасах, были свидетелями удивительных явлений, демонстрируемых Энн Путнам и Мерси Льюис, и в их сознании возникали образы призраков живых ведьм и призраков мертвых. Они своими глазами видели мучения девушек под жестоким дьявольским влиянием, о котором так много слышали, и осознавали, насколько страшное влияние сатана и его агенты оказывают на жизни и души людей.

На следующее утро они отправились в путь через мрачные леса и по одинокой дороге. Было известно, что им предстоит миновать дом Джона Проктера, считавшийся главным пристанищем дьявольских духов. Подавленный ужасом и трепетом, Бэйли был начеку, сердце его было на пределе. В тот момент, когда он оказался в поле зрения, его нервное возбуждение достигло апогея, и он испытал шок, который описывает. Когда он подошел к дому, к его ужасу, из окна на него смотрел Проктер, а за дверью стояла жена Проктера. Он знал, что в тот момент они оба были в своих лицах и телах и уже шесть недель находились в кандалах в одной из камер тюрьмы в Бостоне. Жена Бэйли, сидевшая на подушке позади него, смотрела на другую сторону дороги. Он рассказал ей о том, что видел. Она оглянулась на дом, но не увидела ничего, кроме маленькой служанки у двери. После еще одного или двух приступов испуга он добрался до дороги Линн, избежал адских ужасов зараженного региона, и его чувства вернулись к своим естественным функциям. Прошло несколько дней, прежде чем его нервное возбуждение прекратилось. В целом, это замечательный случай галлюцинации: показывает, что самые дикие фантазии, возникающие в сознании во сне, могут быть параллельны в часы бодрствования; и что душевное волнение может даже тогда закрыть проходы для органов чувств, исключить восприятие реальности и заменить беспредметные видения на место реальных и естественных объектов.

Возможно, некоторым интересно узнать, кем была "маленькая служанка у двери". Старшие дети Джона Проктера были либо выданы замуж, либо жили на его ферме в Ипсвиче, за исключением Бенджамина, его старшего сына, который остался с отцом на ферме в Салеме. Бенджамин был заключен в тюрьму за два дня до того, как Бэйли проехал мимо дома. За четыре дня до этого шестнадцатилетняя Сара также была арестована и отправлена в тюрьму. Оставались только Уильям, восемнадцати лет, который через три дня после этого сам был посажен в тюрьму; Сэмюэл, семи лет; Эбигейл, от трех до четырех лет, и еще одна младшая. В доме не было ни одной женщины старше Эбигейл. Этот бедный брошенный ребенок был

"маленькой служанкой". Любопытство увидеть проходящих незнакомцев, а может быть, надежда, что это ее отец и мать или брат и сестра, подтолкнули ее к двери.

Ужасные последствия, к которым привели озорные и, возможно, поначалу просто спортивные действия детей в семье мистера Пэрриса, служат яркой иллюстрацией принципа, согласно которому никто не может предсказать ни для себя, ни для других масштабы страданий и вреда, которые могут быть причинены малейшим отступлением от истины или обманом. В ужасной череде преступлений, через которые прошли эти молодые люди, в глубине разврата, в который они были ввергнуты, мы видим судьбу, которая грозит всем, кто вступает на путь порока.

Никто не может иметь адекватного представления о человеческом разуме, если не наблюдал за его развитием в сценах, подобных тем, о которых мы сейчас рассказали. О нашей духовной структуре можно сказать даже с большим акцентом, чем о нашей телесной природе, что мы созданы страшно и чудесно. В зрелости своей телесной и душевной организации, когда здоровье струится по его венам, сила и симметрия облекают его форму, интеллект светится с его лица, а бессмертие начертано на его челе, человек действительно является самым благородным творением Бога. В той степени деградации и разложения, до которой он может опуститься, он является самым одиозным и отвратительным объектом в творении. Человеческий разум, когда все его способности полностью развиты и находятся в надлежащих пропорциях, разум восседает на своем законном троне и проливает свет, память охватывает прошлое, надежда улыбается будущему, вера опирается на Небеса, а привязанности распространяют всю свою нежную теплоту, достоин своего источника, заслуживает своего первоначального названия "образ Божий" и является больше и лучше, чем вся материальная вселенная. Она благороднее всех творений Божьих, ибо является эманацией, частью Самого Бога, "лучом из источника света". Но где, спросите вы, можно найти более плачевный и жалкий объект, чем разум, лежащий в руинах, подтачиваемый своими собственными мятежными принципами и искаженный чудовищно неравномерным развитием своих способностей? Вы напрасно будете искать в землетрясении, вулкане или урагане те элементы ужасного и страшного, которые проявляются в сообществе людей, чьи страсти попирают их принципы, чье воображение низвергает власть разума, и которые несутся по течению, пока весь порядок и безопасность не будут поглощены и потеряны. Именно такое зрелище мы наблюдаем сейчас. Мы видели, как все население этого места и его окрестностей поддавалось порыву своих легковверных фантазий, позволило своим страстям разгореться до невероятного возбуждения и впало в безрассудство и насилие, которые оставили пятно в их памяти и будут пробуждать чувство стыда, жалости и изумления в умах их ближайших потомков.

Нет ничего более загадочного, чем самообманывающая сила разума, и никогда не было сцен, в которых она проявлялась бы более ярко, чем во время судебных преследований за колдовство. Честные люди с полной уверенностью и искренностью свидетельствовали о самых абсурдных невозможностях; в то время как те, кто считал себя жертвой дьявольского влияния, на самом деле демонстрировали в своем теле все соответствующие симптомы тех страданий, которые навлекло на них их воображение. Большое невежество преобладало в отношении влияния тела и разума друг на друга. Хотя воображение было призвано к более широкому и энергичному действию, чем в любой последующий или предыдущий период, его свойства и законы были мало изучены: степень связи воли и мускульной системы, взаимное влияние нервов и фантазии, а также сильная и универсально проникающая симпатия между нашими физическими и моральными конституциями, были почти полностью неизвестны. В

настоящее время эти важные вопросы, действительно, изучены лишь в недостаточной степени.

Можно утверждать, что отношения человеческого разума с духовным миром никогда не будут поняты, пока мы находимся на нынешней стадии существования и в нынешнем образе жизни. Ошибка наших предков - а это ошибка, в которую люди всегда были склонны впадать, и от которой наше время ни в коей мере не избавлено - заключалась в том, что они воображали, будто их знания простираются в этом направлении за пределы границ, непреложно установленных для наших исследований, пока мы находимся в этой телесной жизни.

Возникает много вопросов о том, сможет ли человеческая наука когда-либо обрести прочное основание в том, что относится к миру духов. Единственный инструмент познания, который мы можем здесь использовать, - это язык. Внимательные мыслители давно пришли к выводу, что невозможно создать язык, точно и исключительно приспособленный для передачи абстрактных и духовных идей, даже если возможно, как отрицают некоторые философы, чтобы разум, в его нынешнем состоянии, имел такие идеи. Все попытки создать такой язык, хотя и предпринимались самыми изобретательными людьми, потерпели неудачу. Язык основан на образах и ассоциациях, почерпнутых из той части мира, которую нам открывают органы чувств, то есть из материальных объектов и их отношений. Здесь мы заключены, так сказать, в узкие стены. Мы можем лишь мельком взглянуть на то, что находится над нами и вокруг нас, за пределами этих стен. Такие проблески могут время от времени спасать нас от погружения в материализм и поддерживать нашу веру в сцены существования, которые еще предстоит открыть, когда барьеры нашего заточения будут разрушены, и то, что мы называем смертью, поднимет нас к более ясному и широкому видению универсального бытия.

В реальности духовного мира нас убеждают сознание и вера; но наши знания об этом мире, насколько они могут быть конкретными, стать предметом определения или выражения, простираются не дальше, чем откровение открывает путь. Во все века люди пробуждались к "чудесам невидимого мира"; но они по-прежнему остаются "чудесами". В этой области никогда не было достигнуто ничего похожего на постоянную, стабильную или четкую науку. Человек и Бог - вот все, что находится в нашем поле зрения. Метафизика и теология - это названия наук, относящихся к ним. Чем больше книг написано человеческой ученостью и изобретательностью для их изложения, чем выше интеллект и благочестие человечества, тем меньше, по общему признанию, мы знаем о них в деталях, тем больше они возвышаются над нашим пониманием, тем непостижимее становятся их глубины. Опыт, история, прогресс света - все это усиливает наше ощущение невозможности оценить возможности человеческой души. Так и мы видим, что чем выше мы поднимаемся к Божеству, созерцая Его дела и слова, тем больше Он продолжает превосходить наши возможности описать или представить Его величие и славу. Откровение, которое Спаситель принес человечеству, - это все, что может пожелать человеческое сердце или постичь человеческий разум. Мы - дети Бога, а Он - наш Отец. Это все; и чем мудрее и лучше мы становимся, тем больше убеждаемся и убеждаемся, что этого достаточно.

В мире духов, несомненно, существует бесчисленное множество существ, помимо отлетевших душ, Искупителя и Отца. Но о таких существах мы, находясь здесь, не имеем абсолютного и конкретного знания. В каждую эпоху, как и в нашу, находились люди, которые считали себя способными общаться с невидимыми духами. Методы такого общения были бесконечно разнообразны - от заклинаний древнего колдовства до медиумов и рэппинга наших дней. В прежние времена, особенно там, где преобладала вера в колдовство, считалось, что такое общение возможно только со злыми духами, и, в основном, с вождем

злых духов. Соответственно, они рассматривались как преступные, и за них полагались самые суровые наказания, известные закону. В наши дни практика поиска духовной связи не влечет за собой таких наказаний. Тем, кто увлекается подобными экспериментами, разрешается развлекаться таким образом без упреков и нареканий. Им не вменяется в вину, что они имеют дело с Лукавым или кем-то из его подчиненных. Они и сами не представляют себе такого. Я ни в коем случае не собираюсь оспаривать реальность удивительных историй, рассказываемых в связи с подобными вопросами. Все, что меня побуждает когда-либо отметить, это то, что, если духи действительно приходят, как считается, на зов тех, кто стремится вступить с ними в общение, нет никаких доказательств, смею предположить, что это добрые духи. Я никогда не слышал, чтобы они принесли кому-то много пользы, причем существенной. Ни одна важная истина не была открыта ими, ни одно открытие не было сделано, ни одна наука не расширила свое поле; ни один отдел знаний не был представлен в более ясном свете; ни один большой интерес не был поощрен; ни одно движение человеческих дел, будь то действия наций или сделки людей, не было продвинуто или каким-либо образом облегчено; ни один импульс не был дан обществу, ни одно возвышение жизни и характера. Возможно, воздух полон духовных существ, витающих вокруг нас; но весь опыт показывает, что нет никакой пользы от их вмешательства, чтобы разделить с нами обязанности или бремя нашего нынешнего испытания. В ходе нашего повествования были проиллюстрированы беды, к которым приводит вера в то, что они могут влиять на человеческие дела, и попытки вступить с ними в отношения. При таком взгляде на предмет не нужен никакой закон, чтобы предотвратить реальное или притворное общение с невидимыми существами. Просвещенное размышление, здравый смысл, естественное благоразумие, казалось бы, вполне достаточны для того, чтобы удержать людей от вмешательства в практику или поощрения представлений, из которых, как свидетельствует вся история, никогда не проистекало ничего хорошего, но проистекало неисчислимо зло.

Для ведения жизни, пока мы находимся в этих телах, мы должны ограничить свое любопытство областями знаний, открытыми для наших естественных и обычных способностей и заключенными в рамки установленного положения вещей. Наши отцы наполняли свои фантазии визионерскими образами призраков, демонов, наваждений и всех прочих предполагаемых форм и теней невидимого мира; внимали чудесным историям общения с духами; с удивлением верили сверхъестественным рассказам о колдовстве и демонологии и позволяли им занимать их разговоры, рассуждения и грезы. Они перенесли веру в подобные вещи и склонность потакать им в свою повседневную жизнь, в литературу и в судебные процессы, церковные и гражданские. Страшные результаты окутали их летописи мраком и позором. Пусть эти результаты навсегда останутся заметными, маяками-памятниками, предостерегающими нас и грядущие поколения от суеверий в любой форме и от всех лежачих и тщетных попыток проникнуть за законные пределы человеческого знания.

Явления реального мира, насколько наука раскрывает их нашему созерцанию; записи реальной истории; уроки нашего собственного опыта; изречения внутреннего голоса, слышимые только нам самим; учения Божественного Слова - всего этого достаточно для развития наших способностей и воспитания наших душ в течение этого краткого периода нашего бытия, пока мы находимся в этих телах. В назначенное Богом время мы перейдем на более высокий уровень видения. Тогда, но не раньше, мы сможем надеяться на воссоединение с развоплощенными духами, на общение с ангелами и на более близкое и открытое общение со всеми божественными существами.

Главное различие в методах, с помощью которых, как считалось, осуществляется связь между смертными и духовными существами во времена колдовских заблуждений и сейчас, заключается в следующем. Тогда это происходило главным образом посредством глаза, а в настоящее время - посредством уха. Страдающие дети" утверждали, что видели и общались с призраками бывших жен Джорджа Берроуза и других людей. Они также утверждали, что видели формы или облики живых людей в развоплощенном виде или в облике какого-то животного или существа. Сейчас те, кто называет себя спиритуалистами, утверждают, что с помощью определенных заклинаний или рэппинга они могут вызывать духов усопших, проводить с ними конференции и получать от них информацию, которую невозможно получить ни из каких источников человеческого знания. Между старыми и новыми верованиями и практиками нет существенного различия. Последствия, к которым привела первая, могут привести и ко второй, если она получит всеобщее доверие, будет допущена к судебным разбирательствам или в какой-либо степени затронет права личности, собственности или характера.

Страдающие дети" в Салем-Виллидж в результате долгой практики стали прекрасными адептами искусства жонглирования и, вероятно, чревовещания. Они делали много необычных вещей, и считалось, что они постоянно общаются с призраками и привидениями; но они не достигли духовного рэппинга. Если бы они обладали этой силой, то легкое верие судей, министров, магистратов и народа было бы совершенно подавлено, и невозможно было бы ограничить разрушения, которые они могли бы причинить.

Если в колдовстве 1692 года и было что-то сверхъестественное, если в нем участвовали не человеческие духи, то одно не подлежит сомнению: это были потрясающе злые духи, которые привели тех, кто имел с ними дело, к крайнему заблуждению, преступлению и гибели; и этот пример учит всех, кто стремится консультироваться с духами, через медиума или любым другим способом, быть очень строгими и требовать заранее наиболее удовлетворительных и убедительных доказательств хорошего характера, прежде чем вступать с ними в общение. Духи, которые, как говорят, общаются с людьми, в наши дни не могут считаться обладателями хорошей репутации. Ни одно ценное открытие истины, ни одно важное руководство в поведении человека, ни одно полезное наставление никогда не было передано человечеству через них; и много бед, возможно, произошло от доверия к ним. Неразумно подвергать свой разум влиянию любого из наших собратьев в обычном человеческом обличье, если мы не знаем о них чего-то, дающего право на наше знакомство; и уж тем более не стоит принимать их в свою близость или доверие. Духов нельзя привести к присяге или подвергнуть проверке их достоверность. Невозможно узнать, являются ли они духами истины или лжи, и обычная осторожность, казалось бы, диктует избегать их общества. Поля знаний, открывающиеся перед нами в трудах смертных людей; хранилища человеческого образования и науки; страницы истории, священной или профанной; записи откровения; наставления и беседы мудрых и добрых наших собратьев, пока мы находимся в теле, - достаточно широки для нашего исследования и могут занять самую долгую жизнь.

В общих чертах и мельчайших деталях салемское колдовство является иллюстрацией фатальных последствий того, что воображение, воспламененное страстью, может занять место здравого смысла, а любопытство и доверчивость человеческого разума на данном этапе нашего бытия, в телесных воплощениях, выходят за рамки, которые должны ограничивать их проявление. Если мы пренебрежем этими границами и попытаемся их перешагнуть, нас ждут те же результаты. Этот урок должен быть в равной степени усвоен всеми поколениями и эпохами будущей истории мира. Были написаны эссе и опубликованы книги, доказывающие, что чувство чудесного обречено уменьшаться по мере того, как

человечество становится более просвещенным, и приписывающие большую или меньшую тенденцию к потаканию этому чувству определенным периодам церкви, или системам верований, или школам того, что называется философией. Утверждается, что в средневековье оно было более распространено, чем в современности. Некоторые утверждают, что она получила большее развитие в католических странах, чем в протестантских; а некоторые, возможно, настаивают на обратном. Некоторые пытаются показать, что он проявился в большей степени среди пуритан, чем в других классах протестантских христиан. Последняя и самая претенциозная форма этой догмы заключается в том, что чувство чудесного исчезает с развитием того, что присваивает себе название рационализма. Это один из обманчивых результатов введения обобщений в исторические исследования. История имеет дело с человеком. Человек всегда один и тот же. Раса состоит не из совокупности, а из индивидуумов, во все века, никогда не формировавшихся и не переплавлявшихся в классы. Каждый индивид всегда сохранял свою неповторимость. В каждый период, в каждой расе, в каждом народе существовало одно и то же бесконечное разнообразие. Общество, философия, обычаи не могут стереть эти различия, как не могут они привести лица и черты людей к единообразию. Везде преобладает разнообразие. Конкретные формы и очертания, в которых может выражаться чувство чудесного, прошли и пройдут с развитием цивилизации. Но само чувство остается; так же как уходят в прошлое отдельные костюмы и фасоны одежды, а человеческая форма, ее прямой фронт и устремленный к небесам взгляд, остается. Ощущение чудесного сохраняется у протестантов, как и у католиков, у церковников, как и у пуритан, у тех, кто отвергает все вероучения, и у тех, чьи вероучения самые длинные и самые древние. В наше время, должно быть, уже заметили, что чудеса того, что мнит себя спиритизмом, скорее больше доверяют людям, стремящимся к рационализму, чем тем, кто упорно держится за старые ориентиры православия.

Истина заключается в том, что чувство чудесного не ослабевает и никогда не ослабеет. Оно будет становиться все глубже и сильнее по мере развития истинного разума. Пока человек мыслит, он будет чувствовать, что сам является вечным чудом. Чем больше он думает, тем сильнее он это чувствует. Разум, который может заглянуть в самые глубины звездного неба и ощутить себя там; который, размышляя над печатной страницей, живет в самом далеком прошлом, общается с мудрецами древности, с пророками и апостолами, присоединяется к ученикам, идущим с воскресшим Господом в Эммаус, или смешивается с толпой, слушающей Павла на Марсовом поле, - знает, что находится вне власти пространства и времени и больше, чем материальные вещи. Он не знает, чем будет, но чувствует, что это нечто выше настоящего и видимого. Оно осознает духовный мир, и будет делать это все больше и больше, чем выше его культура, чем больше его свобода и чем шире его взгляд на материальную природу, которой оно окружено, находясь на этом переходном этапе своей истории.

Урок нашей истории не отбрасывает духовные вещи, но учит нас, пока мы во плоти, не пытаться прорваться сквозь нынешние ограничения, не стремиться узнать больше, чем уже известно о невидимом и неосознанном, но держать запросы нашего ума и действия общества в пределах достижимого сейчас знания и расширять наши любопытные исследования и догадки лишь настолько, насколько мы можем здесь иметь твердую почву для опоры.

Для объяснения суеверных мнений, которые нашли свое отражение в заблуждении о колдовстве, необходимо рассмотреть состояние библейской критики в тот период. Эта отрасль богословского образования тогда находилась в очень незрелом состоянии.

Авторитет Писания в том виде, в каком оно представлено в стандартной версии, казалось, требовал от них придерживаться выбранного курса; а те расширенные и справедливые

принципы толкования, которым нас сегодня учат следовать к Священному Писанию ученые всех деноминаций, тогда еще не были доведены до сведения народа или приняты духовенством.

Например, серьезно утверждалось, что нет ничего невероятного в идее, что ведьмы обладают способностью, в силу их договора с дьяволом, подниматься в воздух, поскольку в истории искушения нашего Господа говорится, что сатана перенес его подобным образом на вершину храма и на вершину очень высокой горы. А Коттон Мазер заявляет, что, по его мнению, разоблачения чудесных действий дьявола на своих подданных и через них, которые были сделаны в ходе преследований за колдовство, пролили удивительный свет на Священное Писание! Какое извращение Священного Писания - использовать его для одобрения экстравагантных и бредовых мечтаний человеческого воображения! Какое жалкое заблуждение - полагать, что Слово Божье может получить освещение от самого абсурдного и ужасного суеверия, которое когда-либо покрывало мраком разум человека!

Одним из источников заблуждения 1692 года было незнание многих естественных законов, открытых современной наукой. С тех пор было накоплено огромное количество знаний по этим вопросам. В наших учебных заведениях, в ассоциациях по распространению знаний, в разнообразной и всепроникающей популярной литературе то, что тогда было темной и непроницаемой тайной, было объяснено, объяснено и доведено до сведения всех умов. Созерцание бедствий, которые принесло нашим предшественникам незнание законов природы, не может не заставить нас более высоко оценить наши возможности получить знания в этой области. По мере того как мы продвигаемся вглубь физической системы, к которой принадлежим, нас последовательно ведут от одного откровения красоты и величия к другому, и область света и истины сменяется областью тьмы и тайн; В то время как страшные образы, тревожившие веру и смущавшие мысли наших отцов, растворяются и исчезают, исчезает весь сонм духов, призраков и демонов, а присутствие и провидение Бога одного заполняет все сцены и является причиной всех эффектов, - наши сердца должны возвыситься к Нему в более высоком поклонении и более святой преданности. Если в то время, как мы наслаждаемся более полным откровением Его бесконечных и всепрославляющих действий и замыслов, чем наши отцы, чувства благочестия, которые сияли в их сердцах, как уголь с алтаря Божьего, были допущены, чтобы потускнели в наших, то никакие упреки, которые могут быть сделаны за их ошибки и недостатки, не сравнятся с теми, которые справедливо падут на нас.

Другой причиной их заблуждений была слишком большая зависимость от воображения. Ни история, ни опыт, ни наблюдения не преподносят нам более ясного урока, чем тот, что человек никогда не бывает в безопасности, пока его фантазия или чувство являются руководящим принципом его натуры. Между его воображением и страстями существует сильное и постоянное притяжение; и если одному из них позволено неограниченно властвовать, то другой непременно будет привлечен к сотрудничеству с ним, а когда им позволено действовать без ограничений друг на друга и друг с другом, они приводят к расстройству и судорогам всей его системы. Они представляют собой горючие элементы нашего существа: один служит искрой для взрыва другого. Разум, просвещенный откровением и руководимый совестью, - великий охранительный принцип: пока он властвует над фантазией и страстями, мы в безопасности; если же он свергнут, то нет предела разрушениям, которые могут последовать. В сценах, свидетелями которых мы сейчас стали, мы увидели, до каких пределов глупости, жестокости и преступлений доходили даже хорошие люди, которые отказывались от помощи, отвергали советы и руководство своего разума.

Еще одним фактором, повлиявшим на катастрофу 1692 года, стала сила заразного сочувствия. Каждый мудрый человек и добропорядочный гражданин должен знать о существовании и действии этой силы. Похоже, что в нашей природе существует конституционная, изначальная симпатия. Когда люди действуют в толпе, их сердечные струны склонны вибрировать в унисон. Какой бы аккорд страсти ни зазвучал в одной груди, тот же самый аккорд прозвучит дикой нотой во всей массе. Этот принцип особенно ярко проявляется в периоды волнений, и его сила возрастает пропорционально пылкости и рвению тех, на кого он действует. Каждый, кто хочет уберечься от эксцессов народного чувства и не допустить, чтобы общество, к которому он принадлежит, погрузилось в беспорядочные и слепые волнения, должен максимально оградить свои собственные суждения и эмоции от силы, которая захватывает всех, до кого может дотянуться, втягивает их в свой поток и кружит по кругу, как метель, пока они не будут захлестнуты и погребены в ее пожирающем вихре. Когда другие разгорячены, единственная мудрость заключается в том, чтобы определить, как сохранить спокойствие; когда народ или отдельный человек мчится сломя голову, долг патриотизма и дружбы - остановить это движение.

В связи с этим можно заметить - и мне было бы жаль завершать эту тему, не обратив ваше внимание на эту мысль, - что простая сила симпатии, импульс, с которым люди действуют в толпе, сама по себе способна ввергнуть общество в конвульсии и ниспровергнуть все его гарантии, без помощи или предполагаемого вмешательства сверхъестественных существ. Ранняя история колонии Нью-Йорк представляет собой наглядный пример.

В 1741 году, спустя всего полвека после преследований за колдовство в Массачусетсе, в городе Нью-Йорке, насчитывавшем тогда около девяти тысяч жителей, произошла сцена, по ужасу и безрассудству вполне сравнимая с той, что представлена здесь. Кто-то запустил идею, что среди цветной части жителей существует заговор с целью убийства белых. Эта история передавалась от одного к другому. И хотя впоследствии выяснилось, что она совершенно беспочвенна, никто не остановился, чтобы выяснить ее истинность, и никому не хватило ни мудрости, ни смелости, чтобы пресечь ее распространение. Вскоре всеобщая паника, подобно пожару, охватила все общество, и результаты оказались самыми ужасными. Более ста человек были брошены в тюрьму. Четыре белых и восемнадцать негров были повешены. Одиннадцать негров были сожжены на костре, а пятьдесят - отправлены в рабство. Как и в случае с преследованиями за колдовство, среди жертв был священнослужитель, который погиб на виселице.

Нью-йоркский негритянский заговор", как его называли, действительно был отмечен всеми чертами абсурдности заблуждения, свирепости народного возбуждения и разрушения на пути его развития, которые присущи здешним колдовским процессам, и показывает, что любой народ, отданный во власть заразной страсти, может быть охвачен опустошением и ввергнут в гибель.

Один из практических уроков, который преподносит нам эта история, заключается в том, что нет более важной обязанности, чем свободное и бесстрашное выражение своего мнения всеми людьми и по любому поводу. Ни одному мудрому или философски мыслящему человеку не придет в голову жаловаться на разнообразие чувств, которое может развиваться. Такие различия - жизненный принцип свободных сообществ и единственный элемент народного разума. Если право на их высказывание отстаивается всеми и для всех, то терпимость обеспечена, и никаких неудобств не возникает. Вполне вероятно, что в 1692 году здесь было много людей, которые сомневались в правильности происходящего в самом начале, но впоследствии их убедили плыть по течению и раздувать прилив. Если бы все они выполнили свой долг перед страной и совестью, свободно и смело высказав свое

неодобрение и заявив о своем несогласии, кто может сказать, что вся трагедия могла бы быть предотвращена? А если и могла, то кровь невинных, можно сказать, в некотором смысле, была бы на их головах.

Ведущие черты и наиболее яркие аспекты заблуждения о колдовстве повторяются и там, где о ведьмах и вмешательстве сверхъестественных существ никогда не думают: всякий раз, когда общество поддается своим страстям, пренебрегает наставлениями и отбрасывает ограничения разума, возникает заблуждение, которое вряд ли можно описать каким-либо другим словом. Мы не можем окинуть взглядом лицо нашей страны, не увидев подобных сцен: и пока они демонстрируются; пока мы позволяем себе придавать объектам, не имеющим реального значения, такой неумеренный воображаемый интерес, что готовы пойти на любую крайность, лишь бы не отказываться от них; пока мы поддаемся импульсу страсти, погружаемся в волнение и руководствуемся скорее чувствами, чем рассудком, - мы идем по стопам наших фанатичных предков. Было бы мудрее направить наши насмешки и упреки на заблуждения нашего времени, чем на заблуждения предыдущей эпохи; и нам следует относиться с милосердием и милостью к недостаткам наших предшественников, по крайней мере до тех пор, пока мы не перестанем подражать и повторять их.

Моей целью было собрать и упорядочить все доступные материалы, необходимые для того, чтобы дать правильное и адекватное представление об истории, о которой идет речь в этой работе, и предложить соображения и выводы, которых требует истина и справедливость. Она достойна самого вдумчивого созерцания. Моралист, метафизик и политический философ найдет мало глав человеческого опыта, более чреватых поучениями, и может с полным основанием размышлять над уроками, которые она преподносит, тщательно изучать все ее периоды, фазы и ответвления, анализировать ее причины, устранять ее элементы и отмечать ее развитие. Законы, энергия, возможности и обязательства нашей природы, проявляющиеся в характере отдельных людей и в действиях общества, замечательно проиллюстрированы. Основные факты, относящиеся к этой операции, собранные из подлинных записей и достоверных свидетельств и традиций, были достоверно представлены. Заблуждение о колдовстве 1692 года, насколько мне удалось извлечь его из непонимания и забвения, предстало перед нами; и я верю, что этот предмет по достоинству оценит и вознаградит изучение каждый размышляющий ум.

Я не знаю, в каких лучших выражениях можно закончить обсуждение этого вопроса, чем в тех, которые выражают выводы, к которым пришел один из наших самых выдающихся граждан, изучив всю сделку с глазом юриста и духом судьи. Ниже приводится цитата из речи, произнесенной в Салеме 18 сентября 1828 года покойным достойным Джозефом Стори, членом Верховного суда Соединенных Штатов Америки: - "Мы можем сетовать на то, что в то время

"Мы можем сетовать на ошибки времени, которые привели к этим преследованиям, - говорит он. Но, конечно, у наших предков не было особых причин для стыда за веру, которая имела универсальную санкцию их собственной и всех предыдущих эпох; которая насчитывала в своем составе как философов, так и энтузиастов; которая была благодетельствована образованностью прелатов, а также ликом королей; которую закон поддерживал своими мандатами, а самые чистые судьи не испытывали никаких затруднений в обеспечении ее исполнения. Пусть Витч-Хилл навсегда останется в памяти этой печальной катастрофой, но не для того, чтобы увековечить наше бесчестие, а как впечатляющее, долговечное доказательство человеческой немощи; доказательство того, что совершенная справедливость принадлежит только одному судейскому месту - тому, что связано с престолом Бога".

В работе, которая сейчас подошла к концу, было показано множество странных проявлений человечности. Мы с изумлением и ужасом наблюдали, до какой степени оно способно быть агентом и жертвой заблуждений и гибели. Глупость, которую невозможно превзойти; несправедливость, возмущение и горе, растапливающие сердце, которое созерцает их; преступление, которое не в наших силах и не в нашей власти измерить, - прошли перед нами. Но не только темная сторона нашей природы была показана. Проявления невинности, героизма, непобедимой преданности истине, целостности души, торжествующей над всеми ужасами и страхами, которые можно накопить в жизни и в смерти, христианского благочестия в его самом небесном сиянии, смешались в драме, занавес которой теперь должен опуститься. Благородные образцы добродетели в мужчинах и женщинах, стариках и молодых, проливали свет, как свече, на мрачные и меланхолические сцены. Не только страдальцы, но и некоторые из тех, кто разделил страшную ответственность за кризис, требуют нашего сочувствия и сделали все возможное, чтобы искупить свою ошибку.

Поведение судьи Сьюолла заслуживает нашего особого восхищения. В течение всей оставшейся жизни он ежегодно в частном порядке проводил день унижения и молитвы, чтобы сохранить в памяти чувство раскаяния и скорби за ту роль, которую он сыграл в этих испытаниях. В день всеобщего поста он встал в том месте, где привык совершать богослужения, - на Старом Юге, в Бостоне, и в присутствии большого собрания передал на кафедру письменное признание, признавая ошибку, в которую он был введен, молясь о прощении Бога и своего народа и завершая просьбой ко всем прихожанам объединиться с ним в благочестивом прощении, чтобы не навлечь недовольство Всевышнего на свою страну, свою семью или себя. Во время публичного чтения газеты он оставался стоять. Это был поступок истинной мужественности и достоинства души.

Следующий отрывок мы находим в его дневнике под датой 23 апреля 1720 года, почти тридцать лет спустя. На мысль об этом натолкнуло прочтение "Истории Новой Англии" Нила.

В "Истории Новой Англии" д-ра Нила ее нагота открыта в делах квакеров, анабаптистов, колдовства. Имена судей упоминаются в стр. 502; моя исповедь, стр. 536, том II. Благому и милостивому Богу угодно спасти Новую Англию, меня и мою семью!"

Никогда еще не было более яркого и полного исполнения апостольского заверения, что молитва праведника приносит много пользы, чем в этом случае. Богу было угодно удивительным образом спасти и благословить Новую Англию. Благосклонность Небес была дарована судье Сьюоллу до конца его жизни. Он много лет председательствовал в суде, где совершил ошибку, о которой так искренне сожалел, и считался всеми благодетелем, украшением и благословением для общества: В то время как его семья с того дня и по сей день пользуется высоким покровительством Провидения; они украшают все профессии и все слои общества; с честью занимают самые высокие должности; в последующих поколениях занимают то же высокое место, что и их предок; и являются объектами доверия, уважения и любви своих сограждан.

Ваши мысли пронеслись через сцены самого ужасного и отвратительного характера. Я оставляю перед вашим воображением одну, сияющую всей красотой христианской добродетели, - ту, в которой судья Сьюолл предстает в доме своего Бога и в присутствии своих братьев по вере, публично заявляя о своей скорби и сожалении по поводу ошибочного приговора, который он вынес вместе с другими. Перед вами образ поистине великого и великодушного духа; духа, которому божественное влияние нашей религии придало размах и блеск, каких никогда не знала римская или греческая добродетель; духа,

одержавшего более великую победу, чем когда-либо одерживал воин, - победу над самим собой; духа столь благородного и столь чистого, что ему не было стыдно признать ошибку и публично попросить прощения у Бога и людей за великое зло, причиненное его сородичам.

Наш эссекский поэт, чей прекрасный гений сделал классическими берега родного Мерримака, пролил романтический свет на ранние дома и характеры Новой Англии, оживил дух, формы, сцены и людей прошлого, не преминул увековечить в своих стихах глубокое раскаяние заблудшего, но праведного судьи: - ...

"Трогательная и печальная история,
Как покаянный гимн псалмопевца старого,
О посте, который добрый человек соблюдал всю жизнь.
С преследующей печалью, которая никогда не спала,
Когда кружащий год приближал время
Ошибки, оставившей жало преступления,
Когда он сидел на скамье подсудимых по делам о колдовстве,
с законами Моисея и "Отчетами Хейла".
И произносил от имени обоих слово.
Которое приковывало шею ведьмы к шнуру,
И нагромоздил дубовые доски, что давили
слабую жизнь из груди колдуна!
Весь день, от зари до зари,
Его дверь была заперта, занавеска задернута;
Ни одна нога не ступала на его безмолвный порог,
Ни один глаз не смотрел на него, кроме Божьего,
Пока он отбивался от призраков мертвых чарами
Покаянных слез, молитв и псалмов,
И драгоценными доказательствами из священного Слова
О безграничной жалости и любви Господа,
Его вера подтвердилась, а доверие обновилось,
Чтобы грех его невежества, о котором он так сожалел,
Может быть смыт в смешанном потоке
Его человеческой скорби и дорогой крови Христа!"

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

[Тема салемского колдовства была прослежена до конца и рассмотрена в надлежащих рамках в предыдущей работе. Но тот, кто интересуется ею как исторической главой или проявлением человечности, может почувствовать любопытство по некоторым вопросам, которое вполне обоснованно требует удовлетворения. Естественно, возникнут вопросы: кто раньше всех избавил себя и общество от заблуждения? что известно, помимо фактов, упомянутых в ходе вышеизложенного обсуждения, о дальнейшей судьбе выдающихся деятелей? каков взгляд на ретроспективу отдельных лиц и общественных организаций, вовлеченных в сделку? и какие мнения по этому вопросу преобладали впоследствии? Ответить на эти вопросы и призвано данное Дополнение].

Вряд ли можно сказать, что в обществе существовала открытая и явная оппозиция процессу на начальном этапе его развития. Есть некоторая неопределенность и неясность в отношении того, в какой степени существовало невыраженное несогласие в умах отдельных частных лиц. По общему вопросу о существовании и силе дьявола и его возможностях, в большей или меньшей степени, влиять на человеческие и земные дела, будет трудно доказать, что существовало какое-либо значительное расхождение во мнениях.

Первым нескрываемым и недвусмысленным возражением против этих процедур стал примечательный документ, который недавно стал известен. Среди некоторых бумаг, попавших в хранилище Института Эссекса, есть письмо, датированное "Солсбери, 9 августа 1692 года" и адресованное "Светлейшему Джонатану Корвину, эсквайру, присутствующему в его доме в Салеме". К нему приписано: "Письмо моему дедушке по поводу осуждения ведьм". Судя по дате, оно было написано в то время, когда общественное восхищение и ярость были на пике, а суд приговаривал к смерти и отправлял на виселицу одну за другой телеги. Здесь нет ни запрета на секретность, ни уклонения от ответственности. Хотя имя писателя не указано полностью, он, очевидно, был хорошо знаком Корвину и уже писал ему по этому поводу. Посыльный, согласно надписи, несомненно, передал письмо в руки судьи в его резиденции на углу улиц Эссекс и Норт. Тот факт, что Джонатан Корвин сохранил этот документ и поместил его в постоянную картотеку своих семейных бумаг, служит веским доказательством того, что он оценил весомость приведенных в нем аргументов. Не исключено, что он говорил об этом своим коллегам по судейскому корпусу, а возможно, и другим людям. То, что он сказал, и тот факт, что он вел такую переписку, могли дойти до ушей обвинителей и побудить их начать движение против него, взывая к его теще.

В письме приводятся самые убедительные аргументы против того, как проходили судебные процессы, и с помощью неопровержимой логики перечеркиваются все доказательства, на основании которых суд выносил обвинительные приговоры и лишал жизни невинных людей. Подобные рассуждения не дошли до нас из той эпохи. Следует признать, что ее автор был знатоком диалектических тонкостей и чистым рассудителем непревзойденной пронизательности и силы. Она требует, но и вознаграждает самое пристальное внимание и концентрацию мысли при следовании за нитями аргументации. Она приходит к своим выводам по самому сложному вопросу с ясностью и определенностью. Она достигает и

реализует в простых умственных процессах, количествах и силах на тех точках, на которые она нацелена, то, что в математике и геометрии называется демонстрацией.

Писатель не дискредитирует, но, похоже, принял распространенные в то время доктрины, касающиеся личности, силы и атрибутов дьявола; и с этой точки зрения он оспаривает и разрушает принципы, на которых основывался суд, говоря о "спектральных доказательствах" и доверии к "пораженным детям" в целом. Письмо и приложенный к нему официальный аргумент заслуживают внимания в одном или двух общих аспектах. Создается впечатление, что они исходили от пожилого человека, причем не из-за каких-либо признаков слабости интеллекта, а скорее из-за мудрости и авторитетного тона, которые могут быть результатом только долгого опыта и наблюдения. То обстоятельство, что был нанят amanuensis, а автор пишет только инициалы своей подписи, усиливает это впечатление. В то же время в документе присутствуют признаки свободного и прогрессивного духа, который, скорее всего, имел силу в более ранний период жизни. В некоторых аспектах документ указывает на богословское образование и знакомство с вопросами, относящимися к занятиям священнослужителя; в других - на привычки ума и способы выражения и рассуждения, более естественные для человека, привыкшего к строгим юридическим выкладкам и умозаключениям. Если бы книга принадлежала профессиональному специалисту любого класса, она по праву считалась бы выдающейся. Если же ее автор не принадлежал ни к тому, ни к другому классу, а был просто местным судьей, фермером и офицером ополчения, она становится более чем примечательной. Должно быть, основатели наших деревень достигли высокого уровня развития, если миряне могли представить примеры такой способности постигать самые сложные темы и вести такие острые и заумные рассуждения". (См.

[Приложение.](#))

Вопрос об авторстве этой работы вполне может вызвать интерес, поскольку он связан с минутными критическими размышлениями. Элементы, которые участвуют в его решении, иллюстрируют трудности и недоумения, связанные с изучением местных древностей, попытками определить происхождение и связь старых документов или решить мелкие исторические вопросы. Все свидетельства указывают на то, что этот документ принадлежит майору Роберту Пайку из Солсбери. Кто бы ни был его автором, он благородно выполнил свой долг и стоит особняком среди всех ученых и образованных людей того времени, открыто и смело свидетельствуя в самых ушах суда против позорного и шокирующего курса, которым они следовали. [1]

Уильям Брэттл, видный гражданин и богатый купец Бостона, джентльмен с образованием и незаурядными способностями, в октябре 1692 года написал письмо неизвестному корреспонденту, принадлежащему к клерикальной профессии. В нем он подверг критике методы проведения судебных процессов, осудив их в самых резких выражениях; однако это было конфиденциальное сообщение, и оно не было опубликовано до многих лет спустя. Он говорит, что "соборы ведьм, дьявольские крещения и шуточные таинства, о которых часто говорят обвиняющие и признающиеся ведьмы, - не что иное, как плод их фантазии, развращенной и оболыщенной дьяволом, и не являются реальностью, на которую должен обращать внимание или обращать внимание любой мудрый человек". Он обвиняет судей в том, что они приняли показания от самого дьявола, через свидетелей, которые поклялись в том, что, по их словам, дьявол сообщил им, таким образом косвенно представив дьявола в качестве свидетеля; и он завершает обвинение, цитируя самих судей, которые, когда обвиняющие и признающиеся свидетели противоречили друг другу, преодолевали трудности, говоря, что дьявол в таких случаях лишал некоторых из них памяти на время,

затуманивая их мозг и вводя их в заблуждение. Эту часть своих рассуждений он подытоживает такими словами: "Если допустить, что дьявол способен внушать ложные идеи воображению исповедников, то какой здравомыслящий человек станет рассматривать признания или какие-либо слова этих исповедников?" Он говорит, что знает несколько человек "в окрестностях залива" - людей, по своему пониманию, рассудительности и благочестию уступающих немногим, если вообще есть, в Новой Англии, - которые полностью осуждают упомянутые процессы. Он отвергает мысль о том, что Салем в каком-либо смысле был исключительно ответственен за эту сделку; и утверждает, что "другие судьи в стране, помимо салемских *jus tices*, выдали свои ордера"; и заявляет, что из восьми "судей, назначенных для этого суда в Салеме, пять принадлежат графству Саффолк, четыре из которых принадлежат Бостону, и поэтому я не вижу причин, почему Бостон должен говорить о Салеме, как будто их собственные судьи не причастны к этим процессам в Салеме".

Есть одна точка зрения на этот вопрос, на которой Брэттл настаивает с большой силой и суровостью. Есть основания подозревать, что процесс был продолжен после того, как некоторые из тех, кто, казалось, поддерживал его, перестали верить обвинениям. Он прямо обвиняет высокопоставленных чиновников в соучастии в побеге миссис Кэри, миссис Инглиш, капитана Олдена, Хезекии Ашера и других; и говорит, что, хотя улики, на основании которых столько людей было заключено в тюрьму, осуждено и казнено, свидетельствовали против миссис Тачер из Бостона, против нее так и не было возбуждено дело. "На нее много жаловались пострадавшие, и все же судьи не выдали ордера на задержание" ее и некоторых других; в то же время они выдавали ордера на многих других, не имея на то ни лучших, ни иных оснований. Он обвиняет судей в этом преступном фаворитизме. Факты едва ли оправдывают такое обвинение судей. Вероятно, после начала судебных разбирательств они никогда не выдавали ордеров: это была функция магистратов. За исключением, пожалуй, Корвина, я считаю, что нет никаких доказательств того, что у судей были какие-либо сомнения или недоверие. Это слишком тяжелое обвинение, чтобы возлагать его на кого бы то ни было без веских доказательств. Утверждать, что чиновники или любые другие лица, не верившие в обвинения, потворствовали побегу своих друзей и родственников и в то же время поддерживали их, делали вид, что верят, и приводили их в исполнение, когда они были направлены против других, - значит предполагать преступность и подлость, которые слишком велики, чтобы их можно было легко признать. В том диком царствовании худших страстей это превзошло бы их все по своей незаконности. Единственными оправданными людьми в то время были те, кто искренне и без сомнений верил в виновность осужденных. Те, кто сомневался, но не высказал этого откровенно и бесстрашно, были виновны. На их руках лежит пятно невинно пролитой крови. Маловероятно, да и вряд ли возможно, чтобы сколь угодно значительное число людей могло быть одновременно и сомневающимися, и обвинителями". По этому пункту Брэттла следует понимать так: не судьи или другие лица, активно участвовавшие в судебном преследовании, препятствовали возбуждению дел против конкретных друзей или родственников из принципа сознательного фаворитизма, а третьи лица, движимые духом подхалимства, старались замять или перехватить жалобы, когда они были направлены слишком близко к высокопоставленным чиновникам, или думали добиться их благосклонности, помогая бежать лицам, в которых они были заинтересованы.

Брэттл использует то же оружие, которое впоследствии противники мистера Пэрриса в его церкви в Салем-Виллидж с таким решительным эффектом использовали против него и всех, кто ему пособничал. Приходится сожалеть, что вместо того, чтобы спрятать его под конфиденциальным письмом, он не привел его в действие в то время самым публичным и вызывающим образом. Один смелый, сильный голос, произнесенный перед лицом суда и в

народных собраниях, отраженный от углов улиц и достигший ушей губернатора и магистратов, обличающий все происходящее как проклятое преступление - знакомство со злыми духами и колдовство самого черного цвета, - возможно, привел бы судей, народ и правителей в чувство. Если бы дух древних пророков Божьих, квакеров предыдущего века или истинных реформаторов любой эпохи существовал в любой груди, эксперимент был бы опробован. Брэттл говорит

"Я не могу не восхищаться тем, что кто-то должен отправиться со своими расстроенными друзьями и родственниками к страдающим детям, чтобы узнать, чем больны их расстроенные друзья, не околдованы ли они, кто их мучает, и тому подобное. Правда, я не знаю причин, по которым с этими страдальцами нельзя было бы советоваться так же, как и с любыми другими, если бы речь шла только об их естественном и обычном знании, к которому прибегают: но к этим страдающим детям обращаются не по этому поводу, а потому, что они обладают сверхъестественным знанием; знанием, которое они получают, ведя переписку с призраками или злыми духами, как они сами утверждают. Эти консультации с больными детьми, как уже говорилось, кажутся мне очень грубым злом, настоящей мерзостью, не подобающей известности в Новой Англии; и тем не менее их практикуют не только *Том и Джон* - я имею в виду грубых и невежественных людей, - но и многие, кто исповедует высокое и выдает себя за кого-то из лучших. Это то, что усугубляет зло и делает его чудовищным и ужасным; и все же это не самое худшее, ибо, как уверен, как я вам сейчас пишу, даже некоторые из наших гражданских лидеров и духовных учителей, которые, я думаю, должны наказывать и проповедовать такое колдовство и нечестие, все же допускают, поощряют, да, и практикуют эту самую мерзость. Я знаю, что в Салеме есть несколько достойных джентльменов, которые считают эту практику мерзостью, с трепетом смотрят на методы такого рода, которые используют другие, и заявляют, что считают эту практику очень злой и порочной. Но все это мало помогает пособникам этой практики".

Если бы мистер Брэттл и "несколько достойных джентльменов", на которых он ссылается, вместо того чтобы сидеть в "трепетном" молчании, или шептаться наедине о своем неодобрении, или писать письма под грифом секретности, смело вышли бы и осудили все это в духе истинного мужества, идя навстречу риску и не поддаваясь ему, и обрушили бы войну на министров, магистратов и судей, они могли бы добиться успеха и разрушить заблуждение, прежде чем оно достигло своих фатальных результатов.

В ходе своего письма он упоминает среди известных ему лиц, не одобряющих эти действия, следующих.

"Достопочтенный Саймон Брэдстрит, эск. (наш покойный губернатор), достопочтенный Томас Дэнфорт, эск. (наш покойный заместитель губернатора), преподобный мистер Увеличение Мазер и преподобный мистер Сэмюэл Уиллард. Майор Н. Солтонстолл, эсквайр, который был одним из судей, покинул суд и очень недоволен его ходом. За исключением мистера Хейла, мистера Нойеса и мистера Пэрриса, преподобные старейшины почти по всей стране очень недовольны. Некоторые из покойных судей - Томас Грейвс, эсквайр; Н. Байфилд, эсквайр; Фрэнсис Фокскрофт, эсквайр - очень недовольны; также некоторые из нынешних судей, и в особенности некоторые из бостонских судей, решили скорее отказаться от своих комиссий, чем активно нарушать свободу подданных Их Величеств только по обвинению этих страдающих одержимых детей".

Следует отметить, что недовольство вызывали некоторые методы, использовавшиеся в ходе разбирательства, а не сами обвинения. Инкрез Мазер и Сэмюэл Уиллард подписали документ, одобряющий знаменитую проповедь Деодата Лоусона, которая, несомненно,

послужила толчком к судебному преследованию; а первый выразил в печати одобрение книге своего сына Коттона "Чудеса невидимого мира", в которой он старается защитить преследования за колдовство и утверждает, что пострадавшие были "злоумышленниками". Считается, что доктор Инкрез Мазер одобрил сожжение книги Калефа, несколько лет спустя, на площади Гарвардского колледжа, президентом которого он тогда был. Однако не приходится сомневаться, что и старший Мазер, и мистер Уиллард более или менее отчетливо выражали свое неодобрение некоторыми деталями этого действия. Это делает честь их памяти и показывает, что первый не был полностью ослеплен родительской слабостью, но был готов выразить свое несогласие в некоторых деталях с курсом своего выдающегося сына, и что второй обладал независимостью характера, которая позволила ему критиковать и порицать суд, в котором трое его прихожан были судьями.

Брэттл рассказывает историю, которая, похоже, свидетельствует о том, что Инглиз Мазер иногда был достаточно несдержан, чтобы сурово высказываться в адрес тех, кто давал отмашку на разбирательство. "Один человек из Бостона, не слишком известный, повез своего ребенка в Салем, что в двадцати милях, с целью посоветоваться с больным о своем ребенке, что он и сделал; и больной сказал ему, что его ребенок пострадал от миссис Кери и миссис Обинсон". В этом и некоторых других случаях "страдальцы" зашли слишком высоко. Судьи в Бостоне не захотели выдать ордер на арест миссис Обинсон, а миссис Кэри скрылась. Все, что получил мужчина за свои муки, понесшие его ребенка в Салем, - это крепкую брань от Инклиза Мазера, который спросил его, "нет ли в Бостоне Бога, чтобы он обращался за советом к дьяволу в Салеме".

Большой возраст Брэдстрита не позволил, надо полагать, ему публично выступить в этом деле; но его действия в деле, которое произошло за двенадцать лет до этого, полностью оправдывают доверие к заявлению Брэттла. Всегда преобладала традиция, что он с неодобрением смотрел на это дело от начала до конца. Поведение его сыновей и меры, принятые против них, являются решающими в этом вопросе.

Были приведены факты, свидетельствующие о том, что Томас Данфорт, если он не одобрял действия в Салеме в октябре, должен был быстро изменить свои взгляды. В ходе экзаменов и судебных разбирательств не было допущено ни одного нарушения, ни одной неуместной ошибки, ни одной экстравагантности или абсурда, за которые он был полностью ответственен в апреле. В то же время, будучи смещенным с должности, он имел досуг в отставке, чтобы обдумать весь вопрос; и удовлетворительно, что он увидел ошибочность путей, по которым он шел сам и вел других.

В результате расследования выяснилось, что, хотя некоторые люди за пределами деревни рано начали сомневаться в правильности действий в некоторых аспектах, они не смогли, за единственным исключением Роберта Пайка, оказать мужественное и своевременное сопротивление. Он выразил свое несогласие в письме, подписанном его собственными инициалами, во время казни. Он отправил его одному из судей и не уклонился от того, чтобы о его действиях стало известно. Больше никто не подавал голоса, никто не боролся с бурей, пока она продолжалась. Заблуждения, которые привели к заблуждению, не подверглись нападкам ни с какой стороны в течение того поколения, и до сих пор в большей или меньшей степени таятся во многих умах.

Однако в деревне Салем и ее ближайших окрестностях жили три человека, которые заслуживают того, чтобы их навсегда запомнили в этой связи. Они противостояли фанатизму с самого начала и бросили вызов его гневу. Джозефу Патнэму было чуть больше двадцати двух лет. Вероятно, он не вникал в вопрос о доктринах, которых тогда придерживались в

подобных вопросах, но его вела природная проницательность и независимый дух, и он выбрал тот путь, который выбрал. В противовес обоим братьям, обоим дядям и всем остальным членам своей влиятельной и обширной семьи он осудил все эти процессы до конца. В тот самый момент, когда волнение достигло самой ужасной стадии, и жизнь каждого была в руках мистера Пэрриса, Джозеф Патнэм выразил свое неодобрение его поведения, отнеся своего младенца в церковь в Салеме для крещения. Это был публичный и очень значимый поступок. В течение шести месяцев он держал одну из своих лошадей под седлом днем и ночью, ни на минуту не прекращая предосторожности; он и его семья были постоянно вооружены. Было件нятно, что если кто-то попытается его арестовать, то это будет связано с риском для жизни. Если же маршал приблизится с непреодолимой силой, он вскочит в седло и бросит вызов преследованию. Такой поступок, предпринятый одним человеком, противостоящим всей общине, к которой он принадлежал, показывает степень мужества, духа и решимости, что не может не вызывать уважения".

Марта Кори была пожилым профессором-христианином, с исключительно благочестивыми привычками и принципами. Действительно, странно, что в своем скромном доме, окруженном, как и тогда, дикой природой, жена этого мужа достигла высот, превосходящих ее возраст. Но показания, приведенные против нее, убедительно доказывают, что ее разум был полностью отстранен от заблуждений того времени. Она полностью отвергала доктрины колдовства и свободно и бесстрашно выступала против них. Молитва, которую эта женщина произнесла "на лестнице" и которая произвела такое впечатление на тех, кто ее услышал, несомненно, была выражением просвещенного благочестия, достойного того, чтобы быть названным "выдающимся" по своим чувствам и по демонстрации невинного сердца и жизни.

В судебных материалах хранится следующая бумага, написанная рукой мистера Пэрриса. Он не имеет обычной формы показаний, но так или иначе был приведен к присяге в суде

"На следующее утро после допроса медсестры Гуди Сэм. Сибли встретил Джона Проктера около дома мистера Филлипса, который обратился к Сибли, когда тот шел к Филлипсу, и спросил, как поживают люди в деревне. Тот ответил, что, по его сведениям, вчера вечером им было очень плохо, но сегодня утром он ничего не слышал. Проктер ответил, что идет за своей нефритом; он оставил ее там прошлой ночью и скорее отдал бы сорок шиллингов, чем позволил ей подняться. Сибли спросил, почему он так говорит. Проктер ответил, что если бы их так отпускали, то все мы быстро стали бы дьяволами и ведьмами; их скорее надо было бы отдать на поругание; но он принес бы свою нефриту домой и выпорол бы из нее дьявола, - и еще с той же целью, крича: "Повесить их! Повесить их!"".

В другом документе говорится, что Натаниэль Ингерсолл и другие слышали, как Джон Проктер сказал Джозефу Поупу, "что, если бы Джон Индиан был у него под стражей, он бы вскоре выбил из него дьявола".

Заявления, приписываемые Джону Проктеру, показывают, что его взгляды на этот вопрос были вполне правильными; и, вероятно, в целом можно согласиться с тем, что лечение, которое он предложил для Мэри Уоррен и "Джона Индейца", если бы оно было применено к "пострадавшим детям" в самом начале, предотвратило бы все беды. Вовремя примененная и крепкая порка, которая бы достигла корня дела, и история, которую сейчас принято считать салеми́ским колдовством, никогда бы не была рассказана.

Когда на Андовер обрушился торнадо колдовства, он смял все, что было перед ним. Обвинителей и обвиняемых считали по пальцам, и под влиянием паники обвиняемые обычно признавались. Но Андовер первым пришел в себя. 12 октября 1692 года семеро горожан обратились в Генеральный суд с меморандумом от имени своих жен и детей, моля отпустить

их под залог, "чтобы они оставались пленниками в своих собственных домах, где о них можно было бы позаботиться более нежно". Они говорят о своем "бедственном положении в тюрьме - компании бедных страдающих существ, полных внутреннего горя и проблем, которые они в состоянии вынести в жизни". Они ссылаются на отсутствие "удобной" для них пищи, на "холод наступающей зимы, который может сбить с пути тех, кто не привык к таким трудностям", и представляют губительные последствия их отсутствия их семей, которые в то же время должны были содержать их в тюрьме. 18 октября два священника из Андовера, Фрэнсис Дейн и Томас Барнард, вместе с двадцатью четырьмя другими жителями Андовера обратились с аналогичным мемориалом к губернатору и Генеральному суду, в котором мы находим первое публичное выражение осуждения судебного разбирательства. Они называют обвинителей "расстроенными людьми". Они выражают мнение, что их друзья и соседи были представлены в ложном свете. Они приводят самые сильные свидетельства в пользу обвиняемых, что некоторые из них являются членами церкви в полном общении, ведут безупречную беседу и "ходят, как подобает женщинам, исповедующим благочестие". Они рассказывают о методах, с помощью которых их ввели в заблуждение и запугали, заставив признаться, и показывают бесполезность этих признаний как доказательств против них. Они используют этот смелый и многозначительный язык: "Мы предвидим, что наши беды будут продолжаться и увеличиваться, если не будут приняты другие методы, чем те, которые были до сих пор; и мы не знаем, кто может считать себя в безопасности, если обвинения детей и других людей, находящихся под дьявольским влиянием, будут приниматься против людей с хорошей репутацией". 2 января 1693 года преподобный Фрэнсис Дейн обратился с письмом к брату-клирику, которое хранится в архиве и, вероятно, предназначалось для того, чтобы попасть в поле зрения суда, в котором он защищает Андовер от скандальных сообщений, поднятых обвинителями, и говорит, что сорок четыре года проживания там и близость с жителями позволяют ему заявить, что они не могут быть справедливо обвинены в колдовства, чар или чародейства любого рода. Он выражается резким языком: "Если бы благотворительность была организована, дьявол не имел бы такого преимущества против нас, и я верю, что многие невинные люди были обвинены и заключены в тюрьму". Он осуждает "тщеславие призрачных доказательств" и предостерегает от продолжения действий, которые приведут к "божественному неудовольствию". Суду в Салеме был представлен документ, подписанный Дадли Брэдстритом, Фрэнсисом Дейном, Томасом Барнардом и еще тридцатью восемью мужчинами и двенадцатью женщинами из Андовера, в котором говорилось о том же.

Никто из названных Брэттлом лиц не может так сильно претендовать на то, чтобы противостоять фанатизму ведьм до конца 1692 года, как Фрэнсис Дэйн, его коллега Барнард и жители Андовера, которые подписали меморандумы в Законодательное собрание 18 октября и в Судебный суд примерно в то же время. Есть, правда, одно неопровержимое доказательство того, что почтенный старший пастор церкви Андовера еще раньше заявил о своем неприятии колдовских процессов, по крайней мере, в своем ближайшем окружении. Гнев обвинителей был сосредоточен на нем в беспрецедентной степени с момента их появления в Андовере. Они не осмеливались нападать на него напрямую. Его почтенный возраст и видное положение делали это нецелесообразным; но они наносили удары так близко к нему и по стольким точкам, как только осмеливались. Они обвинили, заключили в тюрьму, осудили и приговорили к смерти одну из его дочерей, Эбигейл Фолкнер. Они обвинили, заключили в тюрьму и привлекли к суду другую, Элизабет Джонсон. Они заключили в тюрьму и приговорили к смерти его внучку, Элизабет Джонсон-младшую. Они осудили и заставили заключить в тюрьму еще нескольких его внуков. Они обвинили и посадили в тюрьму жену Деливеранс, а также "слугу-человека" его сына Натаниэля. Есть основания предполагать, как уже говорилось, что Элизабет Хау была женой его племянника.

Несомненно, никто так не проявил свою злобу и негодование, как Фрэнсис Дейн; он заслуживает признания как выдающийся, а некоторое время почти единственный, в смелом обличении и мужественном сопротивлении отвратительным действиям того мрачного дня.

Фрэнсис Дейн сделал следующее заявление, также предназначенное для обращения к властям, которое не может быть прочитано ни одним человеком, обладающим здравым смыслом, без того, чтобы не почувствовать его силу, хотя в то время оно не произвело никакого впечатления на суд: - "Относительно моей дочери Элизабет.

"Что касается моей дочери Элизабет Джонсон, то у меня никогда не было оснований подозревать ее, и я не слышал, чтобы кто-нибудь другой обвинял ее, пока ее не привели с помощью призрачных доказательств; но я должен сказать, что она была слаба, неспособна, боязлива, и в этом отношении я боюсь, что она ложно обвинила себя и других. Незадолго до того, как за ней послали, она сказала, что уверена в том, что она не ведьма. Что касается ее дочери Элизабет, то она в лучшем случае простодушна; и я боюсь, что расхожая фраза, которая часто распространялась среди нас, о том, что они свободны, если признаются, и подобные выражения, используемые некоторыми, завели многих в ловушку. Господь направляет и руководит теми, кто на месте, и дает нам всем покорные воли; и пусть Господь поступает со мной и моими, как Ему угодно в Его собственных глазах!"

Нет ничего более позорного в делах Специального суда, чем тот факт, что обычный суд высшей судебной инстанции на следующий год, после того как общественное мнение было избавлено от заблуждения, а призрачные доказательства опровергнуты, приступил к суду над этими и другими лицами и, перед лицом таких заявлений, как вышеприведенные, фактически приговорил к смерти Элизабет Джонсон-младшую.

Примечательно, что Брэттл не упоминает Калефа. Считается, что они действовали сообща и что Брэттл приложил руку к подготовке некоторых аргументов Калефа. Молчание Брэттла, в целом, не противоречит их совместным действиям и союзу. Поскольку Калеф был более незапятнанным, не имел личных связей с духовенством и другими высокопоставленными лицами и не боялся стоять в стороне, было решено позволить ему принять на себя огонь Коттона Мазера. Его имя не было связано с этим делом в общественном мнении. Он был бостонским купцом и сыном Роберта Калефа из Роксбери. Его внимание привлекли процессы, начавшиеся в деревне Салем; его сильные способности и нравственное мужество позволили ему стать самым эффективным в свое время противником системы ложных рассуждений, на которых основывалось обвинение. Он подготовил несколько статей в различных формах, в которых с большим умением обсуждал этот вопрос, а также рассматривал Коттона Мазера и всех других, кого он считал способными втянуть общество в роковую трагедию, с величайшей суровостью языка и силой логики, подвергая всю процедуру заслуженному осуждению. Впервые они были напечатаны в Лондоне в 1700 году в небольшом томе формата кварто под названием "Больше чудес невидимого мира". Эта публикация разорвалась, как разорвавшаяся бомба, на всех, кто был причастен к поддержке преследований за колдовство. Коттон Мазер был возмущен до предела. Он пишет в своем дневнике: "Он послал этот мерзкий том в Лондон, чтобы его напечатали, и книга напечатана, а оттиск на этой неделе прибыл сюда. Книги, которые я посылал в Англию с целью прославить Господа Иисуса Христа, не издаются, но странным образом задерживаются; а книги, которые посылаются с целью очернить меня и сделать меня неспособным прославлять Господа Иисуса Христа, - они издаются". Труды Калефа нанесли удар по влиянию Мазера, от которого он так и не смог оправиться.

С большим трудом удалось восстановить эту историю в ее истинной хронологической последовательности. Когда общественное сознание убедилось в ошибочности действий и пролитии невинной крови, это вызвало всеобщее желание похоронить воспоминания обо всей операции в тишине и, если возможно, в забвении. Это привело к подавлению и уничтожению обычных материалов для истории. Бумаги изымались из архивов, документы, находившиеся в частных руках, предавались огню, а в записях церквей и государственных органов оставалась пропасть. Журнал Специального суда ойеров и терминаторов нигде не обнаружен. Хатчинсон, судя по всему, имел к нему доступ. Невозможно предположить, что он был утерян в результате пожара или другой случайности, потому что записи обычного суда, вплоть до того момента, когда начал действовать Специальный суд, и с того момента, когда он прекратил свое существование, сохранились в порядке. Часть документов, связанных с судебными процессами, в беспорядочном, разрозненном и ветхом состоянии дошла до нас в офисах секретаря суда графства Эссекс и секретаря Содружества. Большая часть была вырезана, а некоторые из них были переданы на хранение в Историческое общество Массачусетса в Бостоне и Институт Эссекса в Салеме. Записи прихода деревни Салем, хотя и были очень хорошо сохранены до и после 1692 года Томасом Путнамом, сделаны другой рукой за этот год, очень кратки и не содержат никаких упоминаний о колдовских операциях. Это всеобщее стремление стереть память о бедствии почти уничтожило традицию. Они более скудны и менее достоверны, чем о любом другом событии, произошедшем на таком же расстоянии в прошлом. Предмет, о котором люди избегали говорить, вскоре исчезал из поля зрения. Местонахождение многих очень интересных происшествий невозможно установить. Это очень заметно и особенно примечательно в отношении мест в нынешнем городе Салем. Воспоминания, витающие в воздухе, туманны, противоречивы и немногочисленны. В сообществе, отличающемся необыкновенным интеллектом, состоящем, возможно, в большей степени, чем любое другое, из семей, которые жили здесь с самого начала, очень любознательных и всегда проникнутых историческим духом, поистине удивительно, как мало сохранилось в памяти и речи, в виде анекдотов, личных черт или местных происшествий, об этом необычайном и удивительном событии, имеющем такую мировую известность. Почти все, что мы знаем, почерпнуто из офисов Реестра дел и завещаний. [J]

Примечательно, что маршал и шериф, оба совсем молодые люди, так скоро последовали за своими жертвами в мир иной. Джонатан Уолкот, отец Мэри и ближайший сосед Пэрриса, уехал из деревни и умер в Салеме в 1699 году. Томас Патнэм и Энн, его жена, родители "страдающего ребенка", который сыграл столь необычную роль в процессе и о котором еще будет сказано, умерли в 1699 году - первый 24 мая, вторая 8 июня - в возрасте сорока семи и тридцати восьми лет. [K] Есть основания полагать, что они видели ошибки, в которые их ввели. Если у них открылись глаза на это, то как ужасна должна была быть мысль о жестоких злодеяниях и повсеместном разорении, причиной которых они были! Об обстоятельствах их смерти, их последних словах и чувствах мы ничего не знаем. Неудивительно, что в дополнение ко всем ее горестям смерть мужа оказалась для миссис Энн Патнэм чем-то большим, чем она могла вынести, и она так скоро последовала за ним в могилу. О других обвинителях у нас мало информации. Элизабет Бут была замужем за Израэлем Шоу около 1700 года. Мэри Уолкот была замужем где-то между 1692 и 1697 годами за человеком из Вобурна, чье имя вычеркнуто или стерлось из записей мистера Парриса. О других "пострадавших детях" ничего не известно, кроме того, что в Акте законодательного собрания провинции, отменяющем приговоры и снимающем вину с тех, кто был приговорен к смерти в 1692 году, есть такой пункт: "Некоторые из главных обвинителей и свидетелей тех мрачных и

суровых преследований впоследствии оказались людьми распутного и порочного поведения"; Калеф говорит о них как о "мерзких варлетах" и утверждает, что их репутация и раньше была небезупречной, а впоследствии они предались открытому и бесстыдному пороку.

Значительная часть жителей покинула это место. Джон Шепард и Сэмюэл Сибли продали свои земли и уехали в другие места, как и Питер Клойс, который после освобождения жены из тюрьмы так и не привез свою семью в деревню. Эдвард и Сара Бишоп продали свои поместья и поселились в Рехоботе. Некоторые из семьи Реймонд переехали в Миддлборо. Семья Хейнсов эмигрировала в Нью-Джерси. Упоминаний о других семьях в записных книжках впоследствии не обнаружено. Потомки Томаса и Эдварда Путнама в следующем поколении в основном разъехались по другим местам; но потомки Джозефа остались на его землях и занимают его усадьбу по сей день. Необычно то, что некоторые места, где, в частности, было совершено великое злодеяние, давно заброшены. Там, где стоял пасторский дом с амбаром, садом, колодцем и дорожками, теперь голое и пересеченное поле, без единого следа бывшего обитания, за исключением нескольких битых кирпичей, отмечающих место, где стоял дом. То же самое можно сказать и об усадьбе Джонатана Уолкота. Именно в этих двух семьях зародился и развился роман. Места, где жили другие фигуранты дела, перестали быть занятыми, и единственными признаками бывшего жилья являются впадины в земле, осколки керамики и груды камней, указывающие на расположение подвалов и стен. То тут, то там, где когда-то стояли дома и другие строения, до сих пор царит запустение.

Некоторые обстоятельства, связанные с личной историей тех, кто испытал наибольшие страдания во время господства ужасного фанатизма и остался оплакивать его жертв, случайно сохранились в записях и документах. 30 ноября 1699 года Маргарет Джейкобс вышла замуж за Джона Фостера. Она принадлежала к приходу мистера Нойеса, но воспоминания о том, что именно он подтолкнул к процессу, который повлек за собой казнь ее престарелого деда, изгнание отца, долгое заточение матери и ее самой, когда над ними ежечасно нависала перспектива насильственной и позорной смерти, а главное, ее собственный жалкий отказ от правды и совести на какое-то время, возможно, под его уговорами, не позволяли ей думать о замужестве с ним. Мистер Грин, как известно, сочувствовал тем, кто страдал, и пара отправилась в деревню, чтобы соединиться. Несколько лет спустя, когда была организована церковь Среднего участка, ныне Южный Дэнверс, Джон и Маргарет Фостер, одни из первых, отвели туда своих детей для крещения; их потомки многочисленны как в этом районе, так и в других местах. Маргарет, вдова Джона Уилларда, вышла замуж за Уильяма Тауна. Элизабет, вдова Джона Проктера, вышла замуж в 1696 году за человека по фамилии Ричардс. Эдвард Бишоп, муж Бриджет, через несколько лет после этого был назначен опекуном Сюзанны Мейсон, единственного ребенка Кристиана, который был единственным ребенком Бриджет от ее бывшего мужа Томаса Оливера. Бишоп, по-видимому, вложил деньги своей подопечной в участок в крайнем конце Форрестер-стрит, где она соединяется с Эссекс-стрит, ограниченной Форрестер-стрит с севера и востока и Эссекс-стрит с юга. Это была собственность Сюзанны, когда она вышла замуж за Джона Бекета-младшего. Бишоп, судя по всему, продолжал заниматься лесопилением до глубокой старости и умер в Салеме в 1705 году.

Сара Нерс, примерно через два года после смерти матери, вышла замуж за Майкла Боудена из Марблхеда; они заняли дом ее отца в городе Салем, которым он продолжал владеть. Таким образом, все члены его семьи были выданы замуж, и Фрэнсис Нерс передал свою усадьбу сыну Сэмюэлю, а оставшееся имущество разделил между четырьмя сыновьями и

четырьмя дочерьми. Он не составил официального документа или завещания, но составил бумагу, датированную 4 декабря 1694 года, в которой описал распределение имущества и то, что он ожидал от своих детей. Он сразу же предоставил им право на владение своими долями. Любопытны условия, которые старик предусмотрел для своего комфорта, и условия, которых требовал от своих детей. Они дают интересное представление о жизни сельского патриарха. Он оставил за собой "большое кресло и подушку", большой сундук, кровать и постельные принадлежности, гардероб, белье и шерсть, оловянный горшок, одну кобылу, уздечку, седло и достаточное количество корма; весь урожай кукурузы, как индийской, так и английской, который он собрал в том году. Дети должны были погасить все долги его поместья, выплачивать ему четырнадцать фунтов в год и вносить поровну столько, сколько потребуется для его комфортного содержания, а также для его "достойного погребения". Труды его жизни подошли к концу. Он нес самое тяжелое бремя, которое только может лечь на сердце доброго человека. Он нашел отдых, утешение и поддержку в обществе и любви своих детей и их семей, когда ездил от дома к дому по открытой им дороге, по которой все они общались друг с другом. Приходские записи свидетельствуют о том, что он продолжал интересоваться делами прихода. Он прожил достаточно долго, чтобы убедиться в том, что память пострадавших будет восстановлена, а авторы злодеяний будут преданы осуждению человечества. Волна, по которой мистер Пэррис плыл к гибели стольких людей, повернула; и всем становилось ясно, что скоро он будет вынужден покинуть свое служение в деревне перед пробуждающимся негодованием народа и священнослужителей. Фрэнсис Нерс умер 22 ноября 1695 года, в возрасте семидесяти семи лет. Его сыновья с женами и дочери с мужьями пришли в суд по завещанию с бумагой, о которой говорилось выше, и единодушно попросили судью разделить имущество в соответствии с ее условиями. Это убедительное доказательство того, что отец был справедлив и мудр в своих решениях и что истинная братская любовь и гармония пронизывали всю семью. Потомки под фамилиями Боуден, Тарбелл и Рассел рассеяны по разным уголкам страны: те, кто носил фамилию Престон, хотя некоторые и уехали в другие места, с тех пор были и остаются одними из самых уважаемых и почитаемых жителей деревни. Некоторые из фамилии Нурс также остались, достойно представляя и увековечивая ее.

Я уже говорил о том, что в 1695 году в деревне начался перелом. Уверенные признаки этого были тогда весьма заметны. В общественном сознании это началось еще до того, как прекратились судебные преследования; но прошло много времени, прежде чем перемены стали заметны на поверхности. Прошло много времени, прежде чем люди нашли слова для выражения своих чувств.

Люди, живущие на расстоянии, привыкли и по сей день относятся к салемскому колдовству в духе легкой насмешки, делая его предметом издевок и шуток. Но не таковы те, кто жил на месте или рядом с роковой сценой. Они всегда относились к ней с торжественным благоговением и глубокой скорбью и избегали упоминать и даже вспоминать ее подробности. Это препятствовало немедленному выражению чувств и задерживало движения на пути к исправлению нанесенных обид. Сердце болело, губы немели при одной только мысли об этих проступках. Возмещение было невозможно. Мертвые были недостижимы. Горе и страдания оставшихся в живых также были недоступны. Голос сочувствия считался недостойным того, чтобы вторгаться в чувства, которые были так оскорблены. Единственное убежище, оставшееся для людей, понесших утрату, и для всего народа, осознавшего, что на всех их руках кровь невинных, заключалось в смиренном и покоренном молчании и в молитвах о прощении перед Богом и друг перед другом.

Прошло немало времени, прежде чем общественное сознание оправилось от паралича. Никто не знал, что следует говорить или делать, настолько ужасной была трагедия. Действующие лица были так многочисленны и так авторитетны, включая почти всех самых выдающихся и уважаемых лидеров общества из числа представителей судей, адвокатов, магистратуры, кафедры, медицинского факультета, да и вообще всех классов и категорий людей; тайны, связанные с обвинителями и исповедниками; всеобщая распространенность юридических, теологических и философских теорий, которые привели к разбирательству; полная невозможность осознать или измерить масштабы бедствия; всеобщий стыд и ужас, связанные с этой темой во всех умах, препятствовали любому открытому движению. Кроме того, существовал страх вновь разжечь вражду, которую тихо умирало время, и ничто, кроме времени, не могло ее полностью погасить. Однако постепенно память об обидах стиралась. Соседские и деловые отношения постепенно примиряли разлученных. Возрождались вежливость, учтивость и доброжелательность; социальные и семейные связи и узы вступали в силу и возвращали общество в естественное и удовлетворительное состояние. С каждым днем в общественном сознании все глубже укоренялась мысль о том, что необходимо что-то предпринять, чтобы отвратить недовольство Небес от провинившейся страны. Но хотя некоторые были готовы простить, а некоторые имели благодать просить о прощении, любому общему движению в этом направлении мешали трудности, которые трудно было преодолеть.

Совершенные преступления были настолько неисправимы, посягательства на право, характер и жизнь были настолько шокирующими, что требовать всеобщего забвения было бы чересчур для обычного стандарта гуманности. С другой стороны, виновных в этом было так много, а их поборники составляли такое огромное большинство всех ведущих слоев общества, что призвать их к ответу было невозможно. Доктор Бентли описывает состояние общества в нескольких кратких и емких фразах, характерных для его особого стиля: "Как только судьи перестали осуждать, народ перестал обвинять. Ужас перед жестокостью и виновностью судебного разбирательства мгновенно сменился убеждением в слепом рвении; и то, что каждый человек поощрял, все исповедовали отвращение. Мало кто осмеливался обвинять других людей, потому что мало кто был невиновен. Вина и позор стали достоянием всей страны, а Салем позорно прославился как место проведения сделок..... После того как общественное мнение успокоилось, мало что делалось, чтобы его нарушить. Но уменьшение населения, ущерб, нанесенный религии, и бедствия пострадавших воспринимались и ощущались с величайшей скорбью..... О каждом месте рассказывали страшные истории. Страх преследовал каждую улицу. После захода солнца во всех местах воцарялась тихая меланхолия. Бизнес в течение некоторого времени не мог восстановить свои прежние русла, и невинные страдали вместе с виновными".

Хотя эта тема считалась слишком мрачной и ужасной, чтобы о ней говорить, и большинство людей хотели похоронить ее в тишине, время от времени дремлющий огонь разгорался вновь, и пламя вражды вырывалось наружу. Воспоминания о той роли, которую он сыграл, и чувства многих к нему, вызванные этим, делали положение шерифа зачастую весьма неприятным; и негодование некоторых вылилось в позорную демонстрацию после его смерти, которая произошла в начале 1697 года. Мистер Инглиш, представлявший тот класс, который пострадал от его чиновничьих рук в 1692 году, имея к нему деловое требование в виде долгового иска, был готов захватить его тело после того, как его подготовят к погребению, и помешал похоронам в это время. Тело было временно помещено на хранение в помещении шерифа. Вероятно, время от времени происходили и другие, менее заметные события, свидетельствующие о длительном существовании нерадостного состояния, возникшего в 1692 году. В обществе действительно существовали две партии, обычно обе

спокойные, но иногда вступавшие в открытое столкновение; одна из них была возмущена нанесенными им и их друзьям обидами, другая была полна решимости не допустить, чтобы те, кто вел судебное преследование, были призваны к ответу за содеянное. По прошествии тридцати лет, уже после смерти мистера Нойеса, мистер Инглиш был привлечен к ответственности за слова о том, что мистер Нойес убил Ребекку Нерс и Джона Проктера.

Было высказано предположение, что отношение служителей закона к заключенным часто было довольно суровым. Это было вызвано общим ощущением, что эти чиновники, скорее всего, сочувствуют им, особенно отвратительным характером преступления, в котором обвиняли их, и опасностью того, что может сопровождаться проявлением любого вида доброжелательного отношения к ним. Что касается конфискации товаров или взимания пошлин, то поведение чиновников соответствовало обычаям и инструкциям. Система отправления правосудия, по сравнению с нашим временем, была суровой, жесткой и варварской. Весь тон общества был более бесчувственным. Филантропия тогда еще не распространяла свою деятельность и не обращала внимания на тюрьмы. Шериф Корвин был довольно молодым человеком: на момент назначения ему было всего двадцать шесть лет. Вероятно, он действовал по совету своих родственников и связей в суде. Я думаю, что нет никаких доказательств особой жестокости, проявленной им. Аресты, допросы и тюремные заключения проводились при его предшественнике, маршале Херрике, который продолжал службу в качестве его заместителя.

Этот человек, действительно, справедливо вызывал негодование страдальцев и их друзей, проявляя рвение в возбуждении уголовных дел, постоянный официоз и необоснованное вмешательство в дела заключенных на предварительных экзаменах. Одиум, изначально приписываемый маршалу, похоже, перешел к его преемнику, а вся вина была возложена на шерифа. Маршал Херрик, похоже, не был связан с Джозефом Херриком, жившим на месте, которое сейчас называется Черри-Хилл, но был человеком совершенно иного склада. Ему было тридцать четыре года, и он не очень долго жил в деревне. Джон Дантон рассказывает о своей встрече с ним в Салеме в 1686 году и описывает его как "очень высокого, красивого мужчину, очень регулярного и набожного в посещении церкви, религиозного без фанатизма и имеющего доброе слово от каждого человека". Его нетерпеливая деятельность против жертв колдовского заблуждения привела к большим переменам в положении этого популярного и "красивого" человека, как видно из петиции, поданной им 8 декабря 1692 года "Его превосходительству сэру Уильяму Фипсу, рыцарю, генерал-капитану и губернатору территорий и владений Их Величеств Массачусетского залива в Новой Англии; и достопочтенному Уильяму Стоутону, вице-губернатору, и остальным членам достопочтенного совета". Начинается она следующим образом: "Прошение вашего бедного слуги, Джорджа Херрика, покорнейше излагаю". После рассказа о своих великих и разнообразных заслугах "в течение девяти месяцев" в качестве маршала или заместителя шерифа в задержании многих заключенных и доставке их "в тюрьму и из тюрьмы в тюрьму", он жалуется, что все его время было занято так, что он не мог получить ничего для содержания своей "бедной семьи"; далее он заявляет, что настолько обеднел, что необходимость вынудила его оставить свое место; и что он обязательно придет к нужде, если не будет в какой-то мере обеспечен. "Поэтому я смиренно умоляю Вашу честь принять во внимание мой случай и состояние, чтобы я мог иметь некоторое снабжение этой тяжелой зимой, чтобы я и мои бедные дети не остались без средств к существованию и не погибли так неизбежно; ибо я был воспитан джентльменом и не очень привык к работе, и стал презренным в эти тяжелые времена". В заключение он заявляет, что не "устал служить своему королю и стране" и не очень щепетилен в отношении рода службы; он обещает, что "если его жилище" может быть таким образом "украшено избытком в комнате скудости, то

не будет услуг слишком опасных и трудных, но ваш бедный проситель с радостью примет их и выполнит в меру своих сил. Я всецело положу себя к ногам Вашей чести, чтобы получить помощь". Маршал Херрик умер в 1695 году.

Но пока это чувство распространялось среди народа, правительство делало все возможное, чтобы его сдержать. Существовало большое опасение, что, если позволить ему набрать силу, оно прорвется через все преграды, что не будет предела его требованиям о возвращении имущества, конфискованного служителями закона, и что оно отомстит всем, кто участвовал в судебных преследованиях. Под влиянием этого страха была предпринята следующая попытка оградить шерифа графства от судебного преследования за ущерб со стороны тех, чьи родственники пострадали: - "В Высшем судебном суде

"На заседании Высшего судебного суда, суда ассизов и общего тюремного суда, состоявшемся в Ипсвиче пятнадцатого мая, anno Domini 1694 г., присутствовали: Уильям Стоутон, эсквайр, главный судья; Томас Данфорт, эсквайр; Сэмюэл Сьюолл, эсквайр.

"Настоящий суд, проверив счета Джорджа Корвина, эсквайра, верховного шерифа графства Эссекс, признает их справедливыми и верными; и что остается сумма, причитающаяся ему, упомянутому Корвину, в размере 67 фунтов 6 шиллингов. 4d., который также разрешается ему выплатить; и, в соответствии с законом, этот суд полностью, ясно и абсолютно оправдывает и освобождает его, упомянутого Джорджа Корвина, его наследников, душеприказчиков и администраторов, земли и владения, товары и движимое имущество, от всех видов денежных сумм, товаров и движимого имущества, взимаемых, получаемых или изымаемых, и всех долгов, пошлин и требований, которые числятся или могут быть отнесены на его, упомянутого Корвина, счета, или которые могут быть наложены по причине должности шерифа, или любых действий, совершенных им в силу этого или во исполнение этого, с момента его вступления в упомянутую должность до настоящего суда."

Эта необычная попытка суда заранее закрыть двери правосудия от исков о возмещении ущерба, похоже, не возымела никакого эффекта, поскольку мистер Инглиш заставил душеприказчиков шерифа выплатить ему 60 фунтов стерлингов. 3s.

В конце концов правительство вынуждено было пойти навстречу общественному чувству. Была издана прокламация "Достопочтенным вице-губернатором, советом и собранием провинции Его Величества Массачусетского залива, в общем суде, собравшемся на заседание". Она начинается следующим образом: "В то время как гнев Божий еще не отвратился, но рука его все еще простерта против его народа в многообразных судах"; и, после нескольких описаний бедствий, от которых они страдают, и ссылаясь на "многодневные публичные и торжественные" обращения к Богу, он продолжает: "Однако мы не можем не опасаться, что нашим мольбам еще чего-то не хватает; и, несомненно, есть какие-то особые грехи, за которые Бог гневается на наш Израиль, которые не были должным образом замечены и возмущены нами, и о которых Бог ожидает, что к нему обратятся, если он когда-нибудь снова обратит наш плен". Четверг, четырнадцатое января следующего года, был назначен днем молитвы и поста.

"Чтобы весь народ Божий возносил к Нему горячие мольбы, дабы отпали все беззакония, возбудившие святую ревность Бога против этой земли; дабы Он показал нам то, чего мы не знаем, и помог нам, где мы поступали неправильно, не поступать так более; И особенно, чтобы, в какие бы ошибки ни впадали с обеих сторон, как тело этого народа, так и какие-либо ордена людей, ссылаясь на недавнюю трагедию, поднятую среди нас сатаной и его

орудиями, через ужасный суд Божий, Он смирил бы нас за это и простил бы все ошибки Своих слуг и людей, желающих любить Его имя; чтобы Он удалил жезл нечестивых от жребия праведников; чтобы Он привел американских язычников и заставил их услышать и послушаться Его голоса.

"Дано в Бостоне, 17 декабря 1696 года, в восьмой год правления Его Величества.

Исаак Аддингтон, секретарь".

Вынося свой вердикт, присяжные действовали в соответствии со своими обязательствами и честными убеждениями долга. Они поклялись выносить решения в соответствии с законом и доказательствами. Закон, в соответствии с которым они должны были действовать, был изложен судом с абсолютной очевидностью. Они обязаны были принять его, а также принять и взвесить доказательства, которые были приняты; по их мнению, они были ясными, решающими и непреодолимыми, предложенными людьми с хорошим характером и подтвержденными большим количеством признаний. Если бы в их компетенцию входило, как это всегда объявляется, обсуждать общие принципы и выносить решения о конкретных наказаниях по закону, это не изменило бы дела; ведь в то время не только простые люди, но и самые мудрые философы поддерживали толкование закона, признававшего существование колдовства и его санкцию, карающую смертью.

Однако, несмотря на все это, совесть присяжных была столь нежна и чувствительна, что они подписали и распространили следующее скромное и торжественное заявление о сожалении по поводу своей роли в судебных процессах. Поскольку публикация этого документа была весьма почетной для тех, кто его подписал, и не может не вызывать удовлетворения у всех их потомков, я повторю их имена: - "Мы, чьи имена написаны под этим текстом.

"Мы, чьи имена записаны под этим документом, будучи в 1692 году призваны в качестве присяжных заседателей в суд в Салеме, на суд над многими, кого некоторые подозревали в совершении колдовских действий над телами разных людей, - признаемся, что мы сами не были способны ни понять, ни противостоять, таинственных заблуждений сил тьмы и князя воздуха, но, за неимением знаний у самих себя и лучшей информации от других, были вынуждены принять такие доказательства против обвиняемых, которые, по дальнейшему рассмотрению и лучшей информации, как мы справедливо опасались, были недостаточны для того, чтобы коснуться жизни кого-либо (Втор. xvii. 6), и мы опасаемся, что вместе с другими, хотя и по неведению и неосознанно, способствовали тому, чтобы навлечь на себя и на этот народ Господень вину за невинную кровь; а этот грех, как сказано в Писании, Господь не помилует (2 Царств xxiv. 4), - то есть, как мы полагаем, в отношении его временных судов. Поэтому мы настоящим выражаем всем в целом, а оставшимся в живых страдальцам в особенности, наше глубокое понимание и сожаление по поводу наших ошибок, когда мы действовали на основании таких доказательств, чтобы осудить кого-либо; и настоящим заявляем, что мы справедливо опасаемся, что мы сильно заблуждались и ошибались, - из-за чего мы сильно обеспокоены и огорчены в наших умах, и поэтому смиренно просим прощения, во-первых, у Бога, ради Христа, за эту нашу ошибку, и молимся, чтобы Бог не вменял вину за нее ни нам, ни другим: и мы также молимся, чтобы живые страдальцы искренне и справедливо считали нас, как находившихся тогда под властью сильного и всеобщего заблуждения, совершенно незнакомых и неопытных в делах такого рода.

"Мы сердечно просим прощения у всех вас, кого мы справедливо обидели; и заявляем, что, согласно нашему нынешнему умонастроению, никто из нас больше не будет совершать подобных поступков на таких основаниях во всем мире, - моля вас принять это в качестве

удовлетворения за наши обиды и благословить наследие Господа, чтобы его можно было просить о земле.

"Томас Фиск, *бригадир*. Томас Пирли, старший.

Уильям Фиск. Джон Пибоди.

Джон Бачелер. Томас Перкинс.

Томас Фиск, младший. Сэмюэл Сейер.

Джон Дейн. Эндрю Элиот.

Джозеф Эвелит. Генри Херрик-старший".

В 1697 году преподобный Джон Хейл из Беверли опубликовал работу на тему преследований за колдовство, в которой он приводит причины, приведшие его к выводу, что в основе этих процессов лежала ошибка. Следующая выдержка показывает, что он придерживался рационального взгляда на этот вопрос: "Можно задаться вопросом: "Что же это такое?

"Тогда можно спросить: "Как получилось, что в этом деле зашли слишком далеко?

"Ответ I. - По количеству обвиняемых. Невозможно представить, чтобы в месте, где так много знаний, так много людей на такой маленькой территории так отвратительно прыгнули на колени дьяволу, причем сразу.

"Ans. II.- Качество некоторых из обвиняемых было таким, что позволяло надеяться на лучшее, на то, что сопутствует спасению. Люди, чья безупречная и святая жизнь прежде свидетельствовала о них; люди, которые прилагали большие усилия, чтобы воспитывать *своих детей в воспитании и наставлении Господа*, такие, к которым мы питаем милосердие, как к собственным душам, - а милосердие - христианский долг, заповеданный нам в 1 Кор. xiii., Кол. iii. 14 и многих других местах.

"Ans. III.- Число страждущих от сатаны с каждым днем увеличивалось, пока дьявол не досадил около пятидесяти человек. Это дает основания подозревать какую-то ошибку.

"Ans. IV.- Это было значительно, поскольку девятнадцать человек были казнены, и все они до смерти отрицали свое преступление; некоторые из них были знающими людьми и до этого считались непорочными печенками. И нельзя не предположить, что, если бы все были виновны, некоторые из них проявили бы столько нежности, что искали бы милости для своих душ в исповеди и скорбели бы о таком грехе.

"Когда это преследование прекратилось, Господь так сковал сатану, что страдальцы вскоре выздоровели: обвиняемые в целом спокойны, и вот уже пять лет, как они нам не досаждают".

Подобные рассуждения проникли в сознание всей общины, и все честные и внимательные люди с горечью убедились, что пролилась невинная кровь. Стоя на своем месте, при свете окружающих нас фонарей, мы оглядываемся на всю эту сцену как на ужасное извращение справедливости, разума и истины.

13 июня 1700 года Эбигейл Фолкнер представила в Генеральный суд хорошо изложенный меморандум, в котором она заявила, что ее помилование "пока что возымело действие, так как я еще могу жить, но только как злодейка, осужденная за самые отвратительные преступления, в которых только может быть виновно человечество", и молилась об "уничтожении записи" против нее. Она утверждает, что это не более чем простой акт правосудия; заявляя, что доказательства против нее были полностью ограничены "страдальцами, которые притворялись, что видят меня своим призрачным зрением, а не

телесными глазами". Что "присяжные (основываясь только на их показаниях) признали меня виновной и вынесли мне смертный приговор", и что было решено, что такие показания не имеют никакой ценности. Палата представителей почувствовала силу ее обращения и проголосовала за то, чтобы "просьба просительницы была удовлетворена". Совет отказался согласиться, но обратился к "Его Превосходительству с просьбой даровать просительнице милостивое помилование Его Величества; и Его Превосходительство выразил готовность даровать его". Казалось, что какое-то неблагоприятное влияние возоблаго, чтобы помешать этому.

18 марта 1702 года на адрес Генерального суда поступило еще одно прошение от жителей Андовера, деревни Салем и Топсфилда, подвергшихся тюремному заключению и осуждению, а также от родственников тех, кто был осужден и казнен на основании показаний, как говорится, "одержимых", следующего содержания: "Ваши просители, будучи недовольны тем, что их осудили и казнили.

"Ваши просители недовольны и огорчены тем, что (помимо того, что осужденные пострадали в своих лицах и имениях) их имена подвергаются позору и поношению, в то время как их суд и осуждение находятся на публичном рассмотрении, поэтому мы смиренно молим этот уважаемый суд сделать что-нибудь публичное, чтобы снять позор с имен и памяти тех, кто пострадал, как указано выше, чтобы никто из их выживших родственников или их потомков не мог пострадать от поношения по этому поводу."

[Подписано Фрэнсисом Фолкнером, Исааком Исти, Торндайком Проктером и восемнадцатью другими].

20 июля, в ответ на вышеупомянутые петиции, Палата представителей распорядилась разработать законопроект, запрещающий в будущем подобные процедуры, как во время процессов над ведьмами в 1692 году; в нем говорилось, что "никакие призрачные доказательства не могут впредь считаться действительными или достаточными для лишения жизни или доброго имени любого человека или людей в этой провинции, и что бесчестье и позор, брошенные на имена и потомство обвиненных и осужденных, могут быть в какой-то мере сглажены". Совет согласился с дополнительным пунктом, чтобы оправдать всех осужденных "от наказаний, которым они подлежат по приговорам и решениям судов, и восстановить их справедливую репутацию и авторитет, как если бы такого решения не было".

Это прошение было подкреплено "обращением" к Генеральному суду от 8 июля 1703 года нескольких священнослужителей графства Эссекс. Они говорят об обвиняемых в процессах над ведьмами как о "молодых людях, подвергшихся дьявольским домогательствам", и выражают такие чувства: "Есть большие основания опасаться, что тогда пострадали невинные люди, и что Бог может вступить в спор с землей по этому поводу". Они убедительно просят, чтобы молитва просителей, недавно представленная, была удовлетворена". Это прошение подписали Томас Барнард из Андовера, Джозеф Грин из деревни Салем, Уильям Хаббард, Джон Уайз, Джон Роджерс и Джабез Фитч из Ипсвича, Бенджамин Рольф из Хаверхилла, Сэмюэл Чивер из Марблхеда, Джозеф Герриш из Уэнхема, Джозеф Кейпен из Топсфилда, Захария Симс из Брэдфорда и Томас Симс из Боксфорда. Фрэнсис Дейн из Андовера умер за шесть лет до этого. Джон Хейл из Беверли умер за три года до этого. Большой возраст Джона Хиггинсона из Салема - восемьдесят семь лет - вероятно, помешал передать ему бумаги. Примечательно, что Николас Нойес, его коллега, не входит в число подписантов.

Что помешало, мы не знаем; но ничего не было сделано. Шесть лет спустя, 25 мая 1709 года, "смиренное обращение" было представлено в Генеральный суд некоторыми жителями

провинции, некоторые из которых "имели своих близких родственников, родителей или других, которые пострадали от смерти в темные и мрачные времена, которые прошли над этой провинцией в 1692 году"; и другие "которые сами или некоторые из их родственников были заключены в тюрьму, пострадали и разрушили свою репутацию и имущества по причине того же самого". Они просят принять "подходящий акт", чтобы восстановить репутацию пострадавших и выплатить им определенное вознаграждение "за то, что они таким образом прокляли в своих имениях". Этот документ был подписан Филипом Инглишем и еще двадцатью одним человеком. Филипп Инглиш подробно описал, какие вещи были изъяты и унесены во время его ареста из четырех его складов, пристани и магазина, а также расходы, понесенные в тюрьме и при побеге из нее. Из этого заявления следует, что он и его жена провели девять недель в тюрьме в Салеме и Бостоне. На этой сессии ничего не было сделано. В следующем году, 12 сентября 1710 года, Айзек Исти представил Генеральному суду убедительный мемориал, касающийся его дела. Он требует некоторого вознаграждения. Рассказывая об аресте и казни своей "любимой жены", он говорит: "Моя печаль и душевная боль от того, что я лишился ее таким образом, и этот мир никогда не сможет дать мне никакой компенсации". В то же время дочери Элизабет Хау, сын Сары Уайлдс, наследники Мэри Брэдбери, Эдвард Бишоп и его жена Сара прислали несколько аналогичных прошений - все в серьезных и убедительных выражениях. Чарльз, один из сыновей Джорджа Берроуза, представил дело своего "дорогого и уважаемого отца", заявив, что его невиновность в преступлении, в котором его обвиняют, и превосходство его характера проявились в "тщательном воспитании детей и поддержании религии в семье, а также в его торжественных и пикантных письменных наставлениях из тюрьмы". Он с трогательными подробностями описывает, в каком состоянии осталась семья его отца с маленькими детьми после его смерти. Одна из дочерей мистера Берроуза, когда от нее потребовали подписать бумагу о компенсации, выразила свое душевное потрясение в таких словах: "Каждый разговор на эту меланхоличную тему лишь наносит новую рану моему кровоточащему сердцу. Я хочу сидеть в тишине". Джон Моултон от имени семьи Джайлса Кори говорит, что они "не могут в достаточной мере выразить свою скорбь" по поводу смерти таким образом "их почтенных отца и матери". Сэмюэл Нерс от имени своих братьев и сестер говорит, что их "почтенная и дорогая мать вела безупречную жизнь с юности до наших дней". Ее имя и имя ее потомков находится под позором, и устранение этого позора - главное, чего мы желаем возмещения. И, поскольку мы не знаем, как выразить потерю такой матери, мы не знаем, как исчислить наше обвинение, но оставляем это на суд других и не будем критиковать". Он недвусмысленно намекает, что они не хотят, чтобы им выплачивали деньги, пока "не будет снято обвинение". Семьями пострадавших было подано множество других петиций, все в том же духе; кроме того, несколько сестер настаивали главным образом на "снятии обвинения".

Генеральный суд 17 октября 1710 года принял акт, согласно которому "несколько приговоров, решений и оправдательных приговоров должны быть отменены и объявлены недействительными". По справедливости, они должны были распространить действие этого акта на всех пострадавших; но они ограничили его действие теми, в отношении кого были поданы петиции. Семьи некоторых из них исчезли или, возможно, не имели представления о происходящем, так что приговор, который правительство признало несправедливым, до сих пор не отменен в отношении имен и памяти Бриджет Бишоп, Сюзанны Мартин, Алисы Паркер, Энн Пудеатор, Уилмота Рида и Маргарет Скотт. Пятно на записях Содружества так и не было полностью стерто. Что послужило причиной такой медлительности и промедления со стороны правительства, и кто несет за это ответственность, выяснить невозможно. С момента подачи петиции Абигаиль Фолкнер в 1700 году законодательное собрание, по крайней мере, его народная ветвь, и губернатор, похоже, были склонны действовать в этом

направлении; но какая-то сила преградила им путь. Есть основания предполагать, что это было влияние правительства страны. Его согласие на приостановку судебного преследования в 1692 году было не очень сердечным, но, хотя оно и одобряло "осторожность и осмотрительность в этом деле", выражало нежелание допускать какие-либо "препятствия для обычного хода правосудия".

17 декабря 1711 года губернатор Дадли выдал ордер на выполнение решения "Генеральной ассамблеи", принятого "по совету и с согласия Совета Ее Величества", о выплате "суммы в 578 фунтов стерлингов. 12 с." "тем лицам, которые живы, и тем, кто законно представляет их, которые умерли"; эта сумма была разделена следующим образом

Джон Проктер с женой	£	150	0	0
Джордж Джейкобс		79	0	0
Джордж Барроуз		50	0	0
Сара Гуд		30	0	0
Джайлс Кори с женой		21	0	0
Доркас Хоар		21	17	0
Эбигейл Хоббс		10	0	0
Ребекка Имс		10	0	0
Мэри Пост		8	14	0
Мэри Лэйси		8	10	0
Энн Фостер		6	10	0
Сэмюэл Уордвелл и жена		36	15	0
Ребекка Нёрс		25	0	0
Мэри Исти		20	0	0
Мэри Брэдбери		20	0	0
Эбигейл Фолкнер		20	0	0
Джон Уиллард		20	0	0
Сара Уайлдс		14	0	0
Элизабет Хау		12	0	0
Мэри Паркер		8	0	0
Марта Кэрриер		7	6	0
	-	--	-	-
	£	578	12	0
	==	=====	==	==

Вышеуказанное распределение, согласно дошедшим до нас свидетельствам, столь же несправедливо и абсурдно, как и незначительная сумма , и долгая задержка до вынесения решения, дискредитирующая провинцию. Одна из крупных сумм была выдана Уильяму Гуду, хотя он явно ничего не заслуживал, так как был противным свидетелем на допросе своей

жены и делал все возможное, чтобы способствовать обвинению против нее. Правда, он не клялся, что считает ее ведьмой, но то, что он говорил, настраивало магистрат и общественность против нее. Бенджамин Путнэм выступил в качестве его адвоката и получил за него деньги. Гуд был доверенным лицом и иждивенцем этой ветви семьи Путнэм, и ее влияние дало ему столь большую сумму, а не разум или справедливость дела. Эбигейл Хоббс, очень злобной свидетельнице против заключенных, было выплачено больше, чем семьям нескольких казненных. Абигайль Фолкнер, которая была помилована, получила почти в два раза больше, чем Элизабет Хоу, которая была казнена. Суммы, назначенные по делам Паркера, Кэрриера и Фостера, были позорно малы. Общественное мнение, очевидно, не было удовлетворено, и законодательное собрание в течение полувека добивалось более адекватной компенсации, чтобы таким образом оправдать чувства справедливости и восстановить честь провинции.

8 декабря 1738 года майор Сэмюэл Сьюолл, сын судьи, внес в Палату представителей постановление о назначении комитета для получения информации об "обстоятельствах жизни людей и семей, пострадавших от бедствий того времени в 1692 году и около него". Майор Сьюолл с большим рвением взялся за дело. Палата единогласно приняла постановление. Он был председателем комитета, а 9 декабря написал своему двоюродному брату Митчелу Сьюоллу в Салеме, сыну Стивена, убедительно прося его и Джона Хиггинсона, эсквайра, помочь в достижении цели. Ниже приводится выдержка из речи, произнесенной губернатором Белчером в обеих палатах Законодательного собрания 22 ноября 1740 года. Она достойна его памяти.

"Законодательное собрание часто удостаивало себя доброй и щедрой памяти о таких семьях и потомках тех, кто пострадал от правительства или его имущества, о чем вам расскажут многочисленные свидетельства. Поэтому я был бы рад, если бы этот суд назначил комитет для расследования страданий людей, называемых квакерами, в первые дни существования этой страны, а также потомков таких семей, которые были в некотором роде разрушены в результате ошибочного управления ужасным делом, называемым колдовством. Я действительно думаю, что это правительство должно что-то сделать для облегчения состояния и репутации потомков несчастных семей, которые так пострадали; и выполнение этого, хотя и спустя столько времени, несомненно, будет угодно Всемогущему Богу и отразится на чести нынешнего законодательного органа".

31 мая 1749 года наследники Джорджа Берроуза направили губернатору Ширли и Генеральному суду петицию, в которой излагали "беспримерные преследования и страдания" своего предка и молили "возместить этим судом убытки, понесенные его семьей". Заявление было передано в комитет обеих палат. В следующем году просители направили меморандум губернатору Спенсеру Фипсу и Генеральному суду, в котором говорилось, что "выяснилось, что почтенный мистер Данфорт, председатель упомянутого комитета, до сих пор не собрал их вместе хотя бы раз, чтобы принять меры по этому вопросу, даже до сегодняшнего дня, о чем некоторые из почтенного комитета с искренним беспокойством сообщили вашим просителям". Палата немедленно приняла следующее постановление: "Поручить упомянутому комитету немедленно собраться, рассмотреть переданную им петицию и как можно скорее представить доклад".

Все, что мне удалось найти в результате этих долго откладываемых и долго тянувшихся движений, - это заявление доктора Бентли о том, что наследники Филипа Инглиша получили двести фунтов. Он не сообщает, когда был принят соответствующий акт. Возможно, была принята какая-то общая мера такого рода, записи о которой мне не удалось найти. Захватывающий интерес к продолжавшейся в то время французской войне и ожесточенные

разногласия, которые привели к Революции, вероятно, помешали уделить больше внимания этому вопросу после середины прошлого века.

Из вышеприведенных заявлений и записей следует, что, хотя многие люди, народ в целом и, наконец, губернатор Белчер и Палата представителей делали все, что могли, преобладало влияние, которое надолго, если не навсегда, предотвращало любые действия провинции, направленные на удовлетворение требований справедливости и чести страны в исправлении великих ошибок, совершенных законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в 1692 году. Единственными органами, которые полностью выполнили свой долг по этому случаю, были духовенство графства и, как выяснится, церковь в деревне Салем.

О том, что было сделано Первой церковью в Салеме, свидетельствует следующая выдержка из ее записей: - "2 марта 1712 года.

"2 марта 1712 года после причастия было назначено церковное собрание в доме учителя в два часа пополудни шестого числа месяца, то есть в четверг; в этот день они, соответственно, собрались, чтобы рассмотреть несколько следующих вопросов, предложенных им учителем; а именно.

"1. Не следует ли стереть и зачеркнуть запись об отлучении нашей сестры Сестры (с учетом всех обстоятельств)". В результате этого рассмотрения было принято следующее решение: в то время как 3 июля 1692 года старейшины предложили и единогласно проголосовали за то, чтобы наша сестра Нестер была отлучена от церкви, поскольку она была осуждена судом за колдовство, и, соответственно, была отлучена, после чего Генеральный суд снял с нее обвинение, а свидетельство, на основании которого она была осуждена, теперь не столь удовлетворительно для нас и других, как это было в тот час тьмы и искушения; и мы, будучи упрасываемы ее сыном, мистером Сэмюэлем Нерсом, стереть показания. Сэмюэл Нерс, стереть и вычеркнуть из церковных записей приговор о ее отлучении, - эта церковь, получив предложение учителя и серьезно рассмотрев этот вопрос, соглашается, чтобы запись об отлучении нашей сестры Нерс была соответствующим образом стерта и вычеркнута, чтобы она больше не была позором для ее памяти и причиной скорби для ее детей. Смирненно прося милосердного Бога простить все грехи, ошибки или заблуждения, которые были допущены при вынесении этого порицания и во всем этом деле, через нашего милосердного Первосвященника, который знает, как сострадать невеждам и тем, кто сбился с пути.

"2. Было предложено, не может ли приговор об отлучении нашего брата Джайлса Кори (с учетом всех обстоятельств) быть стертым и зачеркнутым. В результате было принято решение: "В то время как 18 сентября 1692 года церковь сочла, что наш брат Джайлс Кори был обвинен в колдовстве, и что он упорно отказывался признать свою вину, и таким образом подверг себя верной смерти. Голосованием церкви было решено отлучить его за это от церкви, и, соответственно, он был отлучен. Однако церковь, имея теперь свидетельство в его пользу, что перед смертью он горько раскаивался в своем упорном отказе выступить в защиту своей жизни, согласна, чтобы приговор о его отлучении был стерт и зачеркнут".

Следует заметить, что эти слушания проходили не на обычном публичном собрании, а на частном собрании церкви, в будний день, в доме учителя. Мотивами, которые привели к этому, были желание подчиниться акту Генерального суда и просьбам мистера Сэмюэля Нерса, а не глубокое чувство несправедливости по отношению к почтенному члену церкви, который претендовал на их защиту как таковую. Язык протокола не признает откровенно, что был грех, ошибка или заблуждение, но просит прощения за все, что могло быть. Характер Ребекки Нерс и возмутительное обращение, которому она подверглась со стороны этой

церкви, а также способ ее отлучения требовали чего-то большего, чем эти гипотетические высказывания с такой преамбулой.

Заявление, сделанное в голосовании по поводу Кори, на первый взгляд, является искажением. Судя по характеру процедуры, в ходе которой он был уничтожен, в его власти было в любой момент, если бы он "раскаялся в своем упрямом отказе признать вину", сказать об этом, мгновенно освободиться от давления, которое его раздавило. Единственная цель пытки заключалась в том, чтобы заставить его покончить с ней, "ответив" виновным или невиновным. Кто-то сфабриковал клевету о том, что решимость Кори сломалась под его муками и что он горько раскаялся; а мистер Нойес занес этот глупый скандал в записи церкви.

Дату этой сделки жители Салема считают неблагоприятной. Прошло двадцать лет, и великое возмущение осталось непризнанным и нераскатытым. Заслуга в совершении того, что было сделано в конце концов, вероятно, принадлежит преподобному Джорджу Корвину. Его призыв к служению, как коллеги мистера Нойеса, только что завершилось. Вступление в должность нового служителя предвещало новую политику, и все происходящее выглядело так, как будто оно было вызвано теми добрыми и благоприятными чувствами, которые обычно сопровождают и приветствуют такую эпоху.

Преподобный Джордж, сын Джонатана Корвина, родился 21 мая 1683 года и окончил Гарвардский колледж в 1701 году. Мистер Барнард из Марблхеда описывает его характер: "Дух ранней набожности, сопровождаемый естественной свободой мысли и легкой речью, быстрой выдумкой, твердым суждением и цепкой памятью, заложил основу хорошего проповедника; к этому добавилась приобретенная им литература, его большая начитанность, усердные занятия, глубокие размышления и близкое хождение с Богом, сделавшие его способным и верным служителем Нового Завета". В записях Первой церкви, где говорится о его смерти, о нем сказано следующее: "Его высоко ценили при жизни и очень заслуженно оплакивали после смерти; он был очень выдающимся благодаря своему раннему совершенствованию в учебе и благочестии, своим необычным способностям и великим трудам, своему замечательному рвению и верности. Он был великим благотворителем для наших бедных". Те, кто носит фамилию Курвен, являются его потомками. Он умер 23 ноября 1717 года.

Преподобный Николас Нойес умер 13 декабря 1717 года. Он был человеком с выдающимися талантами и образованностью. Он опубликовал вместе с проповедью, произнесенной Коттоном Мазером по этому случаю, поэму на смерть своего почтенного коллеги, мистера Хиггинсона, в 1708 году; а также поэму на смерть преподобного Джозефа Грина в 1715 году. Хотя в других отношениях он был приятным и доброжелательным человеком, нельзя отрицать, что в результате своих ошибок и темперамента он был введен в заблуждение, приняв самое жестокое участие в судебном преследовании за колдовство; и следует опасаться, что его чувства никогда не были полностью исправлены в связи с этим делом.

Джонатан, отец преподобного Джорджа Корвина, чья роль в качестве магистрата и судьи на экзаменах и процессах 1692 года уже была описана, умер 9 июля 1718 года в возрасте семидесяти восьми лет.

Остается только рассказать о том, как церковь и жители деревни отнеслись к событиям 1692 года. После того как шесть человек, включая Ребекку Нерс, приняли смерть, а пятеро других, Джордж Берроуз, Джон Проктер, Джон Уиллард, Джордж Джейкобс и Марта Кэрриер, ожидали казни, которая должна была состояться в ближайшую пятницу, 19 августа, произошли следующие события, описанные мистером Пэррисом в его книге записей:...

"День субботний, 14 августа 1692 года. Церковь стояла после того, как прихожане разошлись по домам, и пастор обратился к церкви со следующими словами

"Братья, вы все, наверное, заметили, что в последние несколько дней причастия наш брат Питер Клойс, Сэмюэл Нерс и его жена, и Джон Тарбелл и его жена отсутствовали от общения с нами за столом Господним, да, и очень редко, за исключением нашего брата Сэмюэла Нерса, были с нами на общем общественном богослужении: теперь необходимо, чтобы церковь послала к ним кого-нибудь, чтобы узнать причину их отсутствия. Поэтому, если вы так считаете, выразите свое мнение".

"Никто не возражал. Но общее или всеобщее голосование, после некоторого обсуждения, постановило, что брат Натаниэль Патнэм и два дьякона должны вместе с пастором поговорить об этом с упомянутыми отсутствующими.

"31 августа брат Тарбелл заболел и не пришел для беседы; брата Клойса трудно найти дома, он часто сидит с женой в тюрьме в Ипсвиче за колдовство; а брат Нерс, а иногда и его жена, посещают наше публичное собрание, и он принимает причастие, 11 сентября 1692 года: по поводу всего этого мы решили подождать дальше".

Если вспомнить, что все эти люди принадлежали к семье Ребекки Нерс, чья казнь состоялась за три недели до этого при обстоятельствах, к которым мистер Пэррис имел столь заметное и ответственное отношение, то каждый человек с обычными человеческими чувствами должен был счесть это действие жестоким, варварским и противоестественным. Пэррис сделал запись в своей книге, как он часто делал, через некоторое время после операции, как показывает вставленная дата 11 сентября. Какова была его цель, когда он начал дисциплинарное обращение с этой бедствующей семьей, точно не известно. Возможно, он готовился к тому, чтобы возбудить против них такое чувство, которое позволило бы "страждущим" взывать к некоторым из них. А может быть, он хотел вывести их из своей церкви, чтобы избежать возможности их действий против него церковными методами в будущем. Однако он не мог заставить свою церковь продолжать этот процесс. Это первый признак того, что он больше не рассчитывал на то, что братья пойдут на все, и что среди них еще сохранились остатки доброго чувства и здравого смысла.

Но мистер Пэррис был полон решимости не позволить общественному чувству против лиц, обвиненных в колдовстве, утихнуть, если бы он мог помочь этому; и он предпринял еще одну попытку возобновить ярость преследований. Он подготовил и прочитал две проповеди 11 сентября на основе текста Откр. xvii. 14: "Сии вступят в войну с Агнцем, и Агнец победит их, ибо Он Господь господствующих и Царь царей; и те, которые с Ним, суть званые и избранные и верные". Они озаглавлены: "Дьявол и его орудия будут воевать против Христа и Его последователей". К этому примечанию добавлено: "После осуждения шести ведьм на суде в Салеме, одна из них, Марта Кори, в полном общении с нашей церковью". Ниже приводится часть "улучшений", связанных с применением этих рассуждений:...

"Это может послужить обличением для тех, кто, кажется, настолько поражен войной, которую дьявол развязал среди нас с помощью колдунов и ведьм против Агнца и Его последователей, что полностью отрицает ее. Если когда-либо и были ведьмы, мужчины и женщины, вступившие в союз с дьяволом, то в Новой Англии их множество. Не так уж странно, что такие люди есть; нет, не так уж странно, что некоторые члены церкви являются таковыми. Благочестивый епископ Холл говорит: "Преобладание дьявола в наш век наиболее ясно видно по удивительному количеству ведьм, изобилующих во всех местах". Теперь сотни (говорит он) обнаружены в одном графстве; и, если слава не обманывает нас, в деревне из четырнадцати домов на севере найдено столько же этого проклятого выводка. Раньше они

водились только в варварских пустынях, а теперь часто донимают цивилизованные и религиозные районы. Раньше это были глупые, невежественные старухи и т.д.; но теперь мы знаем, что люди обоих полов, исповедующие много знаний, святости и набожности, вовлечены в эту проклятую практику".

Вышеприведенная выдержка важна тем, что показывает, что некоторые люди в деревне начали выражать свое недоверие к колдовской доктрине мистера Пэрриса, "полностью отрицая ее". Название и направленность проповедей в связи с датой, а также его действия за месяц до этого в отношении Сэмюэла Нерса, Тарбелла и Клойса, членов его церкви, дают основание полагать, что он намеревался "выступить" против них и таким образом избавиться от них. Примечательно, что примерно в это время Коттон Мазер также вынашивал планы возобновления или, скорее, продолжения преследований за колдовство. Через девять дней после того, как Пэррис прочитал эти проповеди, Мазер написал следующее письмо Стивену Сьюоллу из Салема:...

Бостон, 20 сентября 1692 года.

Мой дорогой и очень любезный Стивен, - Мне выпало счастье постоянно... сталкиваться со всевозможными возражениями и возражателями против... работы, которая сейчас ведется в Салеме; и мне также выпало счастье оказать небольшую услугу Богу и вам в моих встречах.

Но чтобы быть более способным помочь поднять штандарт против адского врага, я должен возобновить мою самую настоятельную просьбу, чтобы вы поскорее исполнили то, что вы любезно обещали, - дать мне описание доказательств, приведенных на суде над полудюжиной, или, если угодно, дюжиной, главных ведьм, которые были осуждены. Я знаю, что это потребует от вас некоторого времени; но, когда вы осознаете пользу, которая последует за этим, я знаю, что вы не будете думать об этой цене; и моя собственная готовность подвергнуть себя до крайности ради защиты моих друзей с вами заставляет меня осмелиться заявить, что я имею какие-то заслуги, которые должны быть рассмотрены.

Я буду доволен, если вы составите желаемое изложение в письме ко мне; или, по крайней мере, пусть оно не приходит без письма, в котором вы, если сможете, еще раз изложите то, что вы мне иногда говорили о трепете, который питают сердца ваших присяжных, в отношении... действительности призрачных доказательств.

Прошу также... изложить некоторые ваши соображения об исповедниках и достоверности того, что они утверждают, или о вещах, явно сверхъестественных в колдовстве, и все остальное, что вы можете счесть развлечением для любознательного человека, который всецело любит вас и Салем. Хотя я никогда не откажусь от характера, о котором говорил в последних словах, но я готов, чтобы, когда вы будете писать, вы представляли меня таким же упрямым саддукеем и защитником ведьм, как и все остальные среди нас: обращайтесь ко мне как к тому, кто не верит ничему разумному; и когда вы свалите меня в призрак, столь на меня не похожий, вы позволите мне разбрасывать его среди моих соседей, пока он не придет - не знаю, куда, наконец.

Но уверяю вас, что я ни за что не сделаю так, чтобы то, что вы пишете, повредило какому-либо достойному замыслу, который могут иметь в виду эти два превосходных человека, мистер Хейл и мистер Нойз; так что вы увидите, что я буду, сэр, вашим благодарным другом,

С. Мазер.

P.S.- Что очень усиливает очарование просьбы, с которой к вам обращается это письмо, так это то, что Его Превосходительство Губернатор положил на меня свое положительное

повеление желать этой услуги от вас; и правда, есть некоторые его обстоятельства в связи с этим делом, о которых мне нет нужды упоминать, которые требуют ускорения вашей доброты, - *доброты*, говорю я, ибо таковой она будет цениться как им, так и вашим слугой, С. Мазер.

Чтобы понять характер и цель этого письма, необходимо рассмотреть его дату. Оно было написано 20 сентября 1692 года. 19 августа, за месяц до этого, доктор Мазер играл заметную роль под виселицей в Витч-Хилл, на казни мистера Берроуза и еще четырех человек, усиливая силу ужасного заблуждения и разжигая страсти народа. 9 сентября смертный приговор был вынесен еще шести несчастным. 17 сентября еще девять человек были приговорены к смерти. 19 сентября Джайлс Кори был раздавлен насмерть. А 22 сентября были казнены восемь человек. Это были последние, кого постигла смерть. Таким образом, письмо было написано в то время, когда ужасы этой операции достигли своего апогея, и человеком, который сам был их свидетелем и которому "по счастливой случайности" довелось "оказать небольшую услугу" в их пропаганде. Цель писателя объявлена так: чтобы он был "более способен помочь поднять штандарт против адского врага". Буквальный смысл этого выражения заключается в том, что он мог бы получить возможность организовать еще одно колдовское заблуждение под своим особым руководством и контролем. Можно ли представить себе что-то более хитрое и бесчестное, чем план, который он придумал, чтобы не привлекать к себе внимания во время всех операций, необходимых для достижения его цели? "Хотя я никогда не откажусь от своего характера, о котором я говорил в последних словах, но я готов, чтобы, когда вы будете писать, вы представляли меня таким же упрямым саддукеем и защитником ведьм, как и любой другой из нас: обращайтесь ко мне как к тому, кто не верит ничему разумному; и когда вы свалите меня в призрак, столь непохожий на меня, вы позволите мне разбрасывать его среди моих соседей, пока он не придет - не знаю, куда, наконец".

Получив документ, необходимый для осуществления задуманного, он так эффективно "распространял его" среди своих соседей, что следующим летом ему удалось возбудить удивительное дело о колдовстве в отношении Маргарет Рул, прихожанки его общины в Бостоне. Доктор Мазер опубликовал рассказ о ее длительных постах, вплоть до девятого дня, и о невероятных страданиях, которые она перенесла от "адского врага". "Ее бросало, - говорит он, - в такие непомерные конвульсии, что это поражало всех зрителей. У тех, кто мог смотреть на плачевное состояние бедной семьи без здорового сострадания, могли быть, конечно, кишки, но я уверен, что в них не было ни одной настоящей кишки". Он настолько преуспел в распространении этого заблуждения, что уговорил шестерых мужчин дать показания о том, что они видели, как Маргарет Рул была поднята с кровати и поднята невидимой силой "так, что коснулась пола чердака"; что она была полностью отстранена от кровати или любой другой материальной опоры; что она оставалась в подвешенном состоянии в течение нескольких минут; и что сильный мужчина, которому помогали еще несколько человек, не смог эффективно противостоять таинственной силе, которая подняла ее и укрепила в воздухе! Жители Бостона были спасены от ужасов, которые должен был навлечь на них этот темный и глубоко задуманный заговор, благодаря активности, смелости и проницательности Калефа и других людей, которые не доверяли доктору Мазеру и, наблюдая за его передвижениями, разоблачили самозванство и разрушили весь замысел.

Похоже, что мистер Пэррис не произвел особого эффекта своими проповедями. Народ уже достаточно пострадал от "войны между дьяволом и Агнцем", которую вели он и Мазер, и возобновлять ее было нельзя.

Сразу же после окончания процесса о колдовстве возобновились разногласия между мистером Пэррисом и прихожанами, или, как их называли, жителями деревни, с искренним желанием избавиться от него. Приход пренебрегал и отказывался собирать средства на выплату его жалованья, а большинство избирателей на собраниях "жителей" решительно сопротивлялись всем попыткам в его пользу. Церковь все еще находилась под его влиянием; как уже говорилось в [первой части](#), он воспользовался этим органом, чтобы возбудить иск против народа. Суд и магистраты были полностью на его стороне и императивно приказали назначить новый комитет от народа. Жители выполнили приказ, избрав новый комитет, но позаботились о том, чтобы он состоял исключительно из людей, настроенных против мистера Пэрриса; и он оказался не в лучшем положении, чем раньше. Он решил больше не использовать свою церковь в качестве главного агента в своем судебном процессе против прихода, но использовал ее для другой цели.

После взрыва колдовского бреда отношения сторон полностью изменились. Обвинители на судебных процессах были поставлены в положение обороняющихся и чувствовали себя в опасности. Пэррис видел свою опасность и с характерным мужеством и богатством ресурсов готовился защищаться и вести войну с любой стороны, откуда можно было ожидать нападения. Он продолжал, под свою ответственность, вести в суде дело против прихода, причем в своем обычном язвительном стиле. По тогдашним законам, священник в споре с приходом имел надежное преимущество и абсолютно владел ситуацией, если его церковь была на его стороне. С момента своего поселения Пэррис строил свою политику на этой основе. Он стремился превратить свою церковь в неприступную крепость против своих оппонентов. Но чтобы она была неприступной, необходимо было, чтобы внутри нее не было врагов. Несколько недовольных братьев могли в любой момент потребовать и претендовать на взаимный совет; и мистер Пэррис знал, что перед расследованием такого совета его действия в преследовании за колдовство не устоят. Возможно, это и послужило причиной его выступлений в августе 1692 года против Сэмюэля Нерса, Джона Тарбелла и Питера Клойса. В то время ему не удалось избавиться от них, и они остались в церкви и, за исключением Клойса, в деревне. В любой момент они могли предпринять шаги, которые привели бы к взаимному совету, и мистер Пэррис был намерен во что бы то ни стало предотвратить это. Было очевидно, что члены этой семьи будут настаивать на том, чтобы в церкви и через нее они получили удовлетворение за те обиды, которые он им нанес. Хотя, в отсутствие Клойса, их было всего двое, существовала опасность, что сочувствие к ним может охватить и других братьев. К ним уже присоединился Томас Уилкинс, член церкви с хорошей репутацией, сын старого Брея Уилкинса и родственник Джона Уилларда, умный и решительный человек. Пэррис чувствовал, что за ними могут последовать и другие, и что все, что можно сделать для противодействия им, должно быть сделано быстро. Поэтому он инициировал в своей церкви процедуру избавления от них, если не путем отлучения, то хотя бы путем наложения на них дисциплинарного взыскания, чтобы исключить возможность того, что они будут иметь с ним дело.

Это привело к одному из самых примечательных случаев такого рода в летописи новоанглийских церквей. О нем подробно рассказывает мистер Пэррис в своей книге церковных записей. Нелегко найти где-либо пример большего мастерства, настороженности или умения в конфликте такого рода. С одной стороны - мистер Пэррис, поддерживаемый церковью и магистратами, а также, вероятно, мистером Нойесом; с другой - три мужа. У них

не было ни известных сторонников, ни советчиков, и на частых этапах фехтовального поединка им приходилось парировать или наносить удары, не имея времени посоветоваться с кем-нибудь. Мистер Пэррис был изобретателен, быстр, отличный стратег и не слишком щепетилен в использовании своего оружия. Сестра, Тарбелл и Уилкинс были осторожны, хладнокровны, устойчивы и настойчивы. Конечно, они были совершенно неопытны в таких делах и могли сделать неверные ходы, попасть впросак или оказаться на несостоятельной почве. Но, как мне кажется, они не сделали ни одного неверного шага от начала до конца. Их линия действий была чрезвычайно узкой. Необходимо было избегать любых личностей, любой видимости страсти или возбуждения; не выдвигать против мистера Пэрриса никаких обвинений, которые могли бы затронуть церковь как таковую или отразиться на судах, магистратах или других лицах, принимавших участие в судебном преследовании. Необходимо было не допустить, чтобы в письменном виде, с указанием их имен, было написано что-либо, что можно было бы превратить в клевету. Пэррис допускает выражения, которые показывают, что он был начеку, чтобы ухватиться за что-то подобное и перенести движение из церкви в суд. Совершенно непривычные к публичным выступлениям, эти три фермера должны были встречаться с собраниями, состоящими из их противников и настроенных против них; делать заявления, отвечать на вопросы и предложения, полное и окончательное значение которых не всегда было очевидно: любое неосторожное выражение могло оказаться роковым для их дела. Их безопасность зависела от того, чтобы в нужное время и в нужной манере употребить правильное слово и отложить изложение своих претензий в адекватной форме до тех пор, пока они не окажутся под защитой совета. Если бы во время затянувшихся конференций и общения они споткнулись в каком-нибудь месте, позволили бы проскользнуть фразе или слогу, которые могли бы стать основанием для дисциплины или порицания, все было бы потеряно; ведь до Пэрриса можно было добраться только через совет, а совета можно было попросить только у братьев, находящихся в полной и ясной позиции. Их часто пытались заманить в ловушку, чтобы выдвинуть обвинения против церкви; но они следили за Пэррисом, и, как они не раз говорили ему в присутствии всего народа, только за ним. Как ни ограничено было основание, на котором они могли стоять, они твердо держались за него и в конце концов изгнали его из своей крепости.

При первом же оскорбительном движении мистера Пэрриса в их сторону они начали свое движение на него. Метод, которым только они могли действовать, согласно церковному закону и платформе церквей, был именно таким, как он был изложен в Матф. xviii. 15-17. Следуя этим указаниям, Сэмюэл Нерс сначала один обратился к мистеру Пэррису и в частном порядке изложил свои претензии. Пэррис не дал ему никакого удовлетворения. Затем, после некоторого перерыва, Нерс, Тарбелл и Уилкинс призвали его вместе. Он отказался видеть их вместе, но по одному разрешил подняться в свой кабинет. Тарбелл и Нерс провели с ним по часу или больше, не оставив времени для Уилкинса. В ходе этих бесед он не только не получил удовлетворения, но, по его собственным словам, обращался с ними самым холодным и бесчувственным образом, не позволяя себе произнести ни одного успокаивающего слова, но фактически повторяя свою убежденность в виновности их матери; говоря им, по его словам, "что он не видел достаточных оснований для того, чтобы изменить свое мнение". Вскоре после этого в деревню приехал Клойс, с которым он беседовал с той же целью. Пэррис видел их только по одному, чтобы не дать им сделать второй шаг, требуемый евангельским правилом, то есть пригласить с собой брата церкви в качестве свидетеля. Он также утверждал, что они не могут быть свидетелями друг для друга, но что он должен рассматривать их всех как одного человека в сделке. Чувство несправедливости его поведения или какие-то другие соображения заставили Уильяма Вэя, еще одного брата, пойти с ними в качестве свидетеля. Сестра, Тарбелл, Уилкинс, Клойс и Уэй вместе отправились к нему домой. Он сказал, что четверо первых были одним человеком в

этом деле, но признал, что Уэй был отдельным человеком, братом с аккредитованным статусом и свидетелем. Однако он уклонился от ответа, сославшись на то, что евангельское правило требует "двух или *трех* свидетелей". Таким образом, дело продолжалось некоторое время; Пэррис утверждал, что они не выполнили условия Матф. xviii, а они утверждали, что выполнили.

Поведение Пэрриса быстро ослабляло его доверие к обществу. Было очевидно, что недовольные братья сделали все возможное, чтобы организованно добиться совета. В конце концов ведущие священнослужители здесь и в Бостоне, чьи умы были открыты для разума, сочли своим долгом выступить с советом. Они написали Пэррису, что он и его церковь должны согласиться на созыв совета. Во второй раз они написали в более резких выражениях. Не смея ссориться с такой большой частью духовенства, Пэррис сделал вид, что подчинился их совету, но потребовал, чтобы большинство членов совета было выбрано им и его церковью. Недовольные братья настаивали на справедливом, взаимном совете; каждая сторона должна была иметь в нем трех служителей со своими делегатами. В конце концов Пэррису пришлось согласиться на это. Недовольные братья назвали в качестве одной из своих трех церквей церковь в Ипсвиче. Пэррис возражал против церкви в Ипсвиче. Несогласные братья настаивали на том, что каждая сторона должна быть свободна в выборе трех своих церквей. Пэррис не хотел, чтобы Ипсвич был в составе совета. Другая сторона настаивала, и на этом дело зависло. Правда в том, что недовольные братья были полны решимости пригласить в совет преподобного Джона Уайза. Они знали, что Коттон Мазер будет там, на стороне Пэрриса; и они знали, что Джон Уайз - именно тот человек, который должен встретиться с ним. Общественное мнение сложилось в пользу недовольных братьев на том основании, что каждая сторона взаимного совета должна - а чтобы он был действительно взаимным - иметь свободную и полную власть назначать церкви, которые будут созданы советом. Пэррис, опасаясь проводить взаимный совет, особенно если в нем будет участвовать мистер Уайз, внезапно занял новую позицию. Он и его церковь созвали совет *ex parte*, на котором присутствовали следующие служители со своими делегатами: Сэмюэл Чекли из церкви Нового Юга, Джеймс Аллен из Первой церкви, Сэмюэл Уиллард из Старого Юга, Инкреш и Коттон Мазер из Северной церкви - все из Бостона; Сэмюэл Торри из Уэймута; Сэмюэл Филлипс из Роули и Эдвард Пэйсон, также из Роули. Среди делегатов было много ведущих общественных деятелей провинции. Результат оказался крайне неблагоприятным для мистера Пэрриса. Теперь все было направлено против него. Бостонские священники посоветовали ему выйти из борьбы. Они предложили ему поселиться в Коннектикуте и призвали его покинуть деревню и отправиться туда. Но он отказался и затянул борьбу. В ходе нее были составлены и подписаны документы, один из которых подписали его друзья, другой - его противники, в которых были почти все мужчины и женщины деревни. Те, кто не подписал ни одну из бумаг, были поняты как сочувствующие недовольным братьям. Многие из тех, кто подписал документ в его пользу, действовали, несомненно, по мотивам, указанным в заголовке, а именно: удаление мистера Пэрриса не принесет ничего хорошего, "поскольку у нас уже сместили трех служителей, и с каждым удалением наши разногласия только усугублялись". Еще одно удаление, по их мнению, окончательно погубит их. Они не выражают особого интереса к мистеру Пэррису, а просто боятся новых перемен. Они предпочитали терпеть те беды, которые у них были, а не бежать к другим, о которых они не знали. Очень важно, что ни миссис Энн Патнэм, ни вдова Сара Хоултон не подписали ни одну из бумаг (Сара Хоултон, чье имя встречается в тексте, была женой Джозефа Хоултона-старшего). Есть основания полагать, что они сожалели о своей роли, особенно в отношении Ребекки Нерс, и, вероятно, не слишком благосклонно относились к человеку, который привел их к страшной ответственности.

Тем временем в народе продолжали разгораться споры. Мистер Пэррис был полон решимости удержать свое место, а вместе с ним и пасторский дом и земли служения. Оппозиция была активной, непримиримой и эффективной. Следующая бумага, переданная по рукам, иллюстрирует методы, которыми они нападали на него

"Что касается спора между мистером Пэррисом и его слушателями и т. д., то он может быть завершен удовлетворительным ответом на Лев. хх. 6: "А душу, которая обратится к духам знакомым и к волшебникам, чтобы ходить за ними, Я обращаю против той души, и изглажу ее из среды народа своего". 1 Chron. x. 13, 14: "Так умер Саул за преступление свое, которое он сделал против Господа, - даже против слова Господня, которое он не соблюдал, - и за то, что спрашивал совета у того, кто имел знакомого, чтобы спросить его, и не спрашивал Господа; поэтому он убил его" и т. д.

Мистер Пэррис отражал, или, скорее, дагерротипировал, свои самые сокровенные мысли на странице церковной книги записей. Какие бы чувства ни обуревали его дух, они находили здесь свое выражение. Это придает ей поистине редкий и необычный интерес. Среди множества обрывков, пестрящих записью и вкрапленных в другие извещения о смерти, у него есть следующие: - "1694, Oct. 27.

"1694, 27 октября - Руфь, дочь Иова Суиннертона (умерла), похоронена 28-го числа, в День Господень; труп пронесли к дверям дома собраний во время пения перед полуденным собранием, и на похоронах было больше народу, чем на проповеди".

Это иллюстрирует положение вещей. Семья Суиннертон всегда была настроена против мистера Пэрриса и держалась в стороне от заблуждений о колдовстве. Изначально не было принято читать молитвы на похоронах. Во всяком случае, все, что пришлось сделать мистеру Пэррису по этому случаю, - это засвидетельствовать и зафиксировать факт, который он излагает в той язвительной манере, в которой он часто облегчает свои мысли, - что на дальнюю усыпальницу пришло больше людей, чем слушали его проповедь. Процессия состояла из его противников, а прихожане - из его друзей. Наконец капитан Джон Путнэм предложил, чтобы каждая сторона выбрала равное число представителей для решения спора, а майора Бартоломью Гедни из города пригласили выступить в качестве ведущего совместного собрания. Обе стороны согласились и назначили своих представителей. Майор Гедни согласился председательствовать. Но это движение ни к чему не привело, вероятно, из-за упорства мистера Пэрриса; ведь с этого момента у него не осталось сторонников. Церковь перестала действовать: ее члены влились в собрание жителей. Среди них больше не было никаких разногласий. Партия, выступавшая в качестве друзей мистера Парриса, в дальнейшем объединилась с его противниками, чтобы защищать приход по иску, который он подал против него в суд. Спор был весьма продолжительным. Суд был полон решимости поддержать его и выражал свое предубеждение против прихода, иногда со значительной суровостью в манерах и действиях. [L]

Приход не обращал внимания на упреки суда, но упорно продолжал добиваться своего - избавиться от мистера Пэрриса. После упорных споров он одержал верх. На последнем этапе спора он назначил своими агентами или поверенными четырех человек, чьи имена свидетельствуют о духе, в котором он действовал, - Джона Тарбелла, Сэмюэла Нерса, Дэниела Эндрю и Джозефа Путнама. Его бесстрашный сын не преследовал волка в глубоких и темных недрах его логова с большей решимостью, чем та, с которой Джозеф Патнэм

преследовал Сэмюэля Пэрриса по всем законам, пока не вывел его на чистую воду и не избавил от него деревню навсегда.

Наконец, нижестоящий суд общей юрисдикции, в котором мистер Пэррис вел дело, постановил, что спорные вопросы между ним и жителями деревни Салем должны быть переданы арбитрам для принятия решения. Лица, представляющие жителей, передали им следующее заявление

"Достопочтенным Уэйту Уинтропу, Элише Куку и Сэмюэлю Сьюоллу, эсквайрам, арбитрам, выбранным безразлично, между мистером Сэмюэлем Пэррисом и жителями деревни Салем.

"Прошения нескольких обиженных лиц в упомянутой деревне с дальнейшими доводами, почему они считают, что не должны слушать мистера Пэрриса, считать его служителем Евангелия и оказывать ему какую-либо поддержку в качестве такового в течение нескольких лет, смиренно предлагаются для рассмотрения.

"Мы смиренно полагаем, что, изложив в апреле 1693 года причины, по которым мы не можем присоединиться к мистеру Пэррису в молитве, проповеди или причастии, если эти причины будут признаны достаточными для нашего ухода (а мы пока не можем найти, но они есть), то мы считаем себя фактически освобожденными, не только по совести, но и по закону, который предписывает поддерживать тех, кто является ортодоксальным и непорочным; упомянутый мистер Пэррис учил таким опасным заблуждениям и проповедовал такие скандальные безнравственности, что должен был бы отстранить любого (хотя и столь одаренного в других отношениях) от работы служителя. Пэррис учил столь опасным заблуждениям и проповедовал столь скандальные безнравственные вещи, что должен был бы отстранить любого (пусть даже и столь одаренного в других отношениях) от служения, особенно в его клятве против жизни нескольких человек, где он клянется, что заключенные своим взглядом сбивают с ног тех притворных страдальцев. Мы смиренно полагаем, что тот, кто клянется в большем, чем уверен, одинаково виновен в лжесвидетельстве с тем, кто клянется в том, что ложно. И хотя они пали в такое время, но нельзя было знать, что они это сделали, тем более нельзя было быть уверенным в этом; однако он поклялся положительно жизнью таких людей, о которых он не мог знать ничего, кроме того, что они могут быть невиновны.

"То, что он верит обвинениям дьявола и с готовностью отказывается от всякого милосердия к людям, хотя и ведущим безупречную и благочестивую жизнь, на основании таких предположений; то, что он поощряет такие обвинения; а также его пристрастность в том, что он подавляет обвинения одних и в то же время энергично поощряет других, - как мы считаем, является справедливой причиной для нашего отказа и т. д.

"То, что мистер Пэррис идет к Мэри Уолкот или Эбигейл Уильямс и направляет к ним других, чтобы узнать, кто поразил людей в их болезнях, - мы понимаем это как общение с ними, имеющими знакомый дух, и недвусмысленное отрицание провидения Бога, который один, как мы верим, может посылать болезни или вызывать дьяволов, чтобы поразить кого-либо: это мы также считаем достаточным для оправдания такого отказа.

"Что мистер Пэррис, руководствуясь этими принципами и практикой, стал инициатором и поставщиком самых тяжелых бедствий не только для этой деревни, но и для всей страны, которые когда-либо постигали их".

"Мы, подписчики, от своего имени и от имени нескольких других единомышленников (касающихся этих вещей), имея некоторых из нас, лишившихся своих отношений из-за этих практик в результате преждевременной смерти; другие были заключены в тюрьму и пострадали наши лица, репутация и имения, - предоставляем все это на решение вашей чести, чтобы определить, обязаны ли мы каким-либо образом почитать, уважать и поддерживать такое орудие наших страданий; моля Бога направить вашу честь действовать так, как это может быть во славу Его и для будущего поселения нашей деревни в дружбе и единстве.

Джон Тарбелл",
Сэмюэл Нерс,
Джозеф Патнэм,
Дэниел Эндрю,

Адвокаты жителей деревни.

Бостон, 21 июля 1697 года".

Арбитры постановили, что жители должны выплатить мистеру Пэррису определенную сумму за просрочку, а также 79 фунтов 9 шиллингов. 6d. за все его права и интересы на дом и землю, и чтобы он был немедленно уволен, а его отношения с церковью и обществом в деревне Салем были расторгнуты. Приход собрал деньги с большой готовностью. Натаниэль Ингерсолл, который, как уже говорилось, подарил ему при поселении ценный участок земли, примыкающий к территории пастората, выкупил его, заплатив за него кругленькую сумму, полностью равную его стоимости; и он покинул это место, насколько можно судить, навсегда.

14 июля 1696 года, в разгар его разногласий с народом, умерла его жена. Она была прекрасной женщиной; все ее уважали и оплакивали. Он распорядился поставить у ее могилы каменную плиту с подходящей надписью, до сих пор хорошо читаемой, завершающейся четырьмя строками, к которым приписаны его инициалы, составленные им самим, среди которых есть и такая: "Прощай, лучшая жена, лучшая мать, соседка, друг". Ее прах покоится в так называемом могильнике Уодсворта.

Мистер Пэррис переехал в Ньютон, затем в Конкорд; а в ноябре 1697 года начал проповедовать в Стоу, получая жалованье в сорок фунтов, половину деньгами и половину провизией и т. д. Из года в год ему полагался грант от генерального суда, который помогал восполнить двадцать фунтов, выплачиваемых деньгами. После этого он проповедовал в Данстейбле, частично поддерживаемый грантом от общего суда, и, наконец, в Садбери, где и умер 27 февраля 1720 года. Его дочь Элизабет, которая, как помнится, принадлежала к кругу "страждущих детей" в 1692 году, будучи тогда девяти лет от роду, в 1710 году вышла замуж за Бенджамина Барнса из Конкорда. Две другие дочери вышли замуж в Садбери. Его сын Нойес, окончивший Гарвардский колледж в 1721 году, стал сумасшедшим, и его содержал город. Другой его сын Сэмюэл долгое время был дьяконом церкви в Садбери и умер 22 ноября 1792 года в возрасте девяноста одного года.

В "Бостонском информационном письме", № 1433 от 15 июля 1731 года, есть следующее объявление

"Любое лицо или лица, знающие мистера Сэмюэля Парриса, ранее жившего на Барбадосе, затем в Бостоне в Новой Англии, торговца, а после - священника деревни Салем и т.д.,

умершего, как сына Томаса Парриса с вышеуказанного острова, скончавшегося в 1673 году, или единственного наследника по завещанию всего его имущества на указанном острове, просим дать или послать уведомление об этом типографии этой газеты; и это будет им на пользу".

Была ли установлена идентичность мистера Парриса из деревни Салем с сыном Томаса Парриса с Барбадоса, у нас нет информации. Если это так, то, возможно, его потомки получили некоторое облегчение. Есть все основания полагать, что, покинув деревню, он и его семья страдали от крайне ограниченных средств, если не от абсолютной нищеты. Всеобщая дурная слава, навлеченная на него его поведением во время преследования за колдовство, преследовала его до последнего. Своим упорным отказом прислушаться к их советам он лишился симпатий собратьев по духовенству. Они убедительно, снова и снова, убеждали его не затягивать спор с жителями деревни Салем, просили отказаться от нее и обещали, если он согласится, предоставить ему подходящее поселение в другом месте. Они действительно предоставили такое место. Но он отверг их советы и уговоры, выражая неприкрытую горечь. Так что, когда его окончательно изгнали, они не чувствовали себя обязанными дружить с ним; и, обладая выдающимися способностями, он до конца своих дней добывал себе и семье скудное и недостаточное содержание в хилых поселениях в окраинных городах.

Трудно описать характер этого несчастного человека. Как и приговор, который история вынуждена вынести, я испытываю чувство облегчения при мысли, что перед судом, который он так давно прошел, милосердие, в котором мы все нуждаемся, которое охватывает все мотивы и допускает все немощи, было распространено на него, в своей бесконечной мудрости и благосклонности.

Он был человеком необыкновенных способностей, необыкновенной живости и активности ума. Не похоже, чтобы он был умышленно недоброжелательным; хотя он был несколько безрассуден в споре, он не был намеренно неправдивым; напротив, в его высказываниях есть необыкновенная бесхитрость и справедливость, которые редко можно найти в партизанах и еще реже в директорах. Хотя почти все, что мы знаем о допросах обвиняемых в колдовстве и о его долгих спорах с приходом, мы узнаем от него, вряд ли есть основания сожалеть о том, что у сторон не было друзей, чтобы рассказать свою историю. Прозрачность характера, своего рода инстинктивная несдержанность ума, заставлявшая его выкладывать все, что угодно, или слепота, не позволявшая ему видеть суть сказанного и сделанного, сделали его отчеты материалами для защиты тех самых людей, которых он преследовал. Я не знаю ни одного подобного случая. Его стиль - ясный, наглядный, живой, естественный в высшей степени; и что бы он ни описывал, мы видим все целиком и, как бы, со всех точек зрения. Язык струился из-под его пера с легкостью, простотой, выразительностью и точностью, не превзойденными и нередко равными. Он писал так, как говорят люди, используя разговорные выражения без удержу, но всегда в точку. Когда мы читаем, мы слышим его; сокращая имена и обрывая слова, как в самом привычном и непринужденном разговоре. Ему не мешала боязнь нарушить правила, которые некоторые считают необходимыми для достойного изложения. В его небрежных, свободных и легких, сплетничающих записях в церковной книге или в тщательно подготовленных произведениях, таких как "Размышления о мире", прочитанные перед церковью и недовольными братьями, мы имеем образцы простого хорошего английского языка в его наиболее прозрачных и эффективных формах. Учитывая, что его академическое образование было рано прервано, а многие промежуточные годы он провел в коммерческих делах, его образованность и достижения весьма примечательны. Различные беды и трагические злоключения его жизни,

ужасные обиды, которые он причинял другим, и возмездие, которое он навлекал на себя, объясняются двумя или тремя особенностями его умственной и нравственной организации.

У него была страсть к сцене, церемонии, волнению. Ему нравилось пользоваться властью, он радовался конфликтам и волнениям, потому что они вызывали возбуждение и давали возможность удовлетворить активность его натуры. Он с отчаянной настойчивостью стремился завладеть министерским домом и землей, но, как мне кажется, не из корыстных побуждений, а ради власти, которую это дало бы ему как значительному землевладельцу. Его любовь к форме и общественному возбуждению заставляла его действовать так же, как он действовал со своей церковью. В течение нескольких лет своего служения он постоянно поддерживал ее в рабочем состоянии. За шесть месяцев колдовского периода он провел не менее семидесяти пяти специальных собраний, не считая тех, которые, вероятно, происходили бесчисленно, но о которых нет никаких записей. Дважды братья выходили из строя, полностью истощенные; и полномочия церкви были переданы голосованием специальному комитету, который должен был действовать от ее имени, состоящему из людей, у которых хватало времени и сил. Но мистер Пэррис, никогда не устававший от волнений, был бы рад председательствовать на церковных собраниях и быть участником бурных разбирательств каждый день своей жизни. Чем шумнее и жарче были споры, тем больше он получал от них удовольствия. Во время всех процессов, связанных с преследованием колдовства, он присутствовал повсюду, всегда бодрствовал, был полон оживления, если не сказать бодрости, и готов был принять любое участие в их проведении. Эти склонности и предрасположенности были чреваты опасностью и способствовали распространению зла в его случае, вследствие того, что очень похоже на полное отсутствие у него самого многих естественных человеческих чувств и неспособность воспринимать их у других. Во всех ужасах преследований за колдовство он не проявлял ни малейшей чувствительности и, похоже, не знал, что она есть у кого-то еще. Это была не абсолютная жестокость, а отсутствие того, что можно считать естественным чувством. Это была не позитивная порочность, а негативный недостаток. Казалось, его удивляло, что у других людей есть чувства, и он не мог понять, почему Тарбелл и сестра так плохо относятся к казни своей матери. Он сказал им в лицо, не желая их обидеть, что, хотя они считают ее невиновной, а он - виновной и справедливо преданной смерти, это всего лишь разница во мнениях, как о безразличном вопросе. В своих "Размышлениях о мире", представленных этим недовольным братьям с целью и искренним желанием успокоить их, он говорит им, что потакание подобным чувствам - это поддаваться "искушению", находиться под "облаками человеческой слабости" и "озираться на оставшееся разложение". Действительно, богословие того времени, надо признать, очень сурово относилось даже к самым лучшим и святым привязанностям нашей природы. Собор в своем решении ссылается на чувства тех, чьи родители и другие самые любимые и почитаемые родственники и связи были так жестоко оторваны от них и преданы смерти, как на "немощи, обнаруженные ими в столь душераздирающий день", и просит отнестись к их горю и сетованиям с милосердием. Они просят церковь, чьи руки были красны от крови их невинных и самых дорогих друзей, не преследовать их "более критическим и энергичным разбирательством" из-за того, что они проявили эти естественные чувства по этому случаю, но "относиться к ним с большим состраданием". Эти взгляды полностью повлияли на мистера Пэрриса и вычеркнули из его памяти все подобные "немощи". Это единственное объяснение или извинение, которое можно ему дать.

Об истории Коттона Мазера, последовавшей за преследованиями за колдовство и в большей или меньшей степени обусловленной его участием в них, можно сказать, что остаток его жизни был обречен на разочарование, омрачен упреками и поражениями. Буря фанатичных

заблуждений, которая, как он не сомневался, вознесет его на вершины духовной и клерикальной власти, как в Америке, так и повсюду, превратила его в руины. Его политические устремления, всегда бывшие одной из самых сильных его страстей, были полностью разрушены; а великая цель и венец его амбиций, президентство Гарвардского колледжа, раз за разом и навсегда ускользала от его внимания. Я предоставляю ему самому рассказать свою историю и показать состояние его ума и сердца в его собственных наиболее свободных и полных выражениях из его личного дневника за 1724 год.

"1. Что милостивый Господь помог мне сделать для *мореходного племени*, молясь за них, читая им проповеди, даря им книги и предпринимая различные проекты и усилия, чтобы сделать моряков счастливым поколением? И все же нет в мире человека, которого бы так поносили, так оклеветали, так проклинали среди моряков.

"2. Что милостивый Господь помог мне сделать для обучения, спасения и утешения бедных негров? И все же некоторые, желая оскорбить меня, называют своих негров именем COTTON MATHER, чтобы таким образом с некоторой долей правды утверждать, что преступления совершил человек с таким именем, которого слушатели принимают *за меня*.

"3. Что милостивый Господь дал мне сделать для пользы и чести женского пола, особенно в публикации добродетельных и похвальных характеров святых женщин? И все же, где тот мужчина, на которого женский пол изрыгнул больше своего яда? У меня есть повод усомниться, что в городе найдется два десятка человек, которые в то или иное время говорили обо мне *гадости*.

"4. Что милостивый Господь поручил мне делать, чтобы я мог быть благословением для своих родственников? Я веду их каталог, и не проходит и недели без того, чтобы я не придумал какое-нибудь благо для того или иного из них, пока я не возьму всех их под свое наблюдение. И все же где тот, кто так мучился с такими *чудовищными* родственниками? Иов сказал: "*Я брат драконов*".

"5. Что милостивый Господь поручил мне сделать для защиты и репутации шотландской нации? И все же ни один англичанин не был так очернен языками и пером шотландцев, как я.

"6. Что милостивый Господь дал мне сделать для блага страны, в бесчисленных заявлениях в ее пользу во всех ее интересах, помимо публикаций полезных для нее и для нее вещей? И все же нет человека, которого бы страна так осыпала неуважением, клеветой и разнообразными выражениями неприязни.

"7. Что милостивый Господь дал мне сделать для поддержания правительства, его укрепления и выражения ему уважения? И все же я почти постоянно получал от правительства пренебрежительное отношение! Да, непристойности и оскорбления, которые оно умножило на меня, такие, с какими не обращался ни один человек".

"8. Что милостивый Господь дал мне сделать, чтобы Колледж был признан за то, что он выпустил таких людей, которые известны в мире, читают и пишут столько же, сколько многие в других местах? И все же Колледж вечно выставляет меня во всей возможной красе. Если бы я был самым большим тупицей, который когда-либо выходил из него, или самым большим пороком, который когда-либо появлялся в нем, они не могли бы с легкостью выказать мне большее презрение, чем они это делают".

"9. Что милостивый Господь дал мне для изучения *полезной беседы*? На протяжении почти пятидесяти лет я почти никогда не входил в какую-либо компанию или не подходил к ней, не имея явного намерения сказать что-то или что-то такое, от чего они могли бы стать мудрее

или лучше. И все же мою компанию так же мало ищут, и к ней так же мало прибегают, как и к любому другому знакомому мне служителю".

"10. Что дал мне милостивый Господь, чтобы я *оказывал добрые услуги*, где бы я ни находил возможности для их оказания? Я всегда принимал их с готовностью. Я предлагал денежное вознаграждение тем, кто советовал мне их. И все же я не вижу человека, для которого все были бы так ленивы в оказании добрых услуг. Конечно, я нахожу сердечных друзей, *но как их мало!* Часто я говорил: "Что бы я отдал, если бы хоть один человек в мире сделал для меня то, что я готов сделать для всех людей в мире!"

"11. Что милостивый Господь дал мне сделать, написав множество книг для развития благочестия и продвижения Его Царства? Их, я полагаю, более трехсот. И все же против меня написано больше книг, больше памфлетов с целью оболгать, упрекнуть и опорочить меня, чем против любого человека, которого я знаю в мире.

"12. Что милостивый Господь дал мне делать в различных *служениях*? На протяжении многих лет не проходило и дня, чтобы я не воспользовался какими-нибудь приспособлениями, даже письменными, чтобы быть полезным. И все же мои страдания! Кажется, что они (как и положено) больше, чем мои заслуги. Все показывают на меня и говорят, что я самый страдающий служитель во всей Новой Англии. И многие смотрят на меня как на величайшего грешника, потому что я больше всех страдаю; и весьма произвольны в своих предположениях относительно моих наказанных выкидышей."

"*Дневник, 7 мая 1724 г.* Внезапная смерть несчастного человека, занимавшего место президента в нашем колледже, откроет мне возможность оказать необычные услуги в лучших интересах. Я не знаю, будет ли теперь забота о Колледже возложена на меня, хотя мне говорят, что этого больше всего желают. Если это случится, я буду в изобилии переживать по этому поводу; если же нет, то я смогу сделать многое на благо Колледжа более спокойно и с большей надеждой, чем раньше".

"5 июня - Колледж находится в большой опасности рассеяния и серьезного разрушения и смятения. Мой совет некоторым, кто имеет влияние на общественность, может быть своевременным.

"1 июля 1724 г. В этот день, когда мы празднуем *несерьезный, плохо продуманный юбилей*, который мы называем *началом учебы*, я решил провести его дома в молитвах, отчасти от имени колледжа, чтобы он не был глупо выброшен на ветер, но чтобы Бог даровал ему такого президента, который окажется богатым благословением для него и для всех наших церквей".

18 ноября 1724 года корпорация Гарвардского колледжа избрала преподобного Бенджамина Колмана, пастора церкви на Брэттл-стрит в Бостоне, на вакантное президентское кресло. Он отказался от назначения. Вопрос оставался в подвешенном состоянии еще шесть месяцев. В июне 1725 года преподобный Бенджамин Уодсворт, пастор Первой церкви в Бостоне, был избран, принял должность и занимал ее до своей смерти, наступившей 16 марта 1737 года. Легко представить, как остро ощущал Коттон Мазер эти постоянные оскорбления. Он умер 13 февраля 1728 года.

С начала весны 1695 года, когда была предпринята неудачная попытка уладить разногласия между мистером Пэррисом и жителями деревни с помощью майора Гедни, ведущие люди с обеих сторон, очевидно, поставили перед собой цель восстановить гармонию в этом месте. Во всех комитетах объединялись люди, которые были видными противниками друг друга, чтобы, сотрудничая, примириться. Это ярко иллюстрирует "рассадка в доме собраний", как

ее называли. В 1699 году на месте, рассчитанном на трех человек, сидели Джон Путнэм, сын Натаниэля, и Джон Тарбелл, двое из трех. Еще одно место, рассчитанное на троих, занимали Джеймс и Джон Путнэм, сыновья Джона, и Томас Уилкинс. Томас Патнэм и Сэмюэл Нерс были размещены на одном месте; там же находились жены Томаса Патнэма и Сэмюэла Нерса, а также вдова Сара Хоултон. Вдова Престон, дочь Ребекки Нерс, сидела вместе с вдовой Уолкот, матерью Мэри, одной из обвиняемых девушек.

В этом мы видим последствия мудрого и решительного курса, принятого преемником мистера Пэрриса, преподобным Джозефом Грином. Сразу же после своего рукоположения, 10 ноября 1698 года, он всерьез занялся работой по примирению в этом отвлеченном приходе. С самого начала своего существования, почти тридцать лет назад, он был раздираем постоянными распрями. Он только что пережил сцены, которые привели все сердца в самое страшное отчуждение. Человек менее верующий не поверил бы, что ужасы и бесчинства тех сцен могут быть когда-либо забыты, прощены или искуплены теми, кто пострадал от них или совершил их. Но он знал о безграничной силе Божественной любви, которую, как служитель Христа, он должен был вдохновлять и распространять. Он знал, что с Божьего благословения люди, которые с самого начала пожирали друг друга и на чьих одеждах еще свежи были пятна крови братьев и сестер, могут стать "добрыми друг к другу, кроткими сердцем, прощающими друг друга, как и Бог ради Христа простил" их. С этой героической и хриstopодобной верой он приступил к своему божественному делу и неуклонно следовал ему. Он продолжал его с терпением, мудростью и мужественной энергией. Ни одно служение за всю историю новоанглийских церквей не имело более трудной задачи, и ни одно не преуспело в своих трудах более совершенно. Я опишу деятельность этого доброго человека как служителя примирения его собственными словами, выписанными из его церковных записей: - "25 ноября 1698 года.

"25 ноября 1698 года, проведенного в святых упражнениях (чтобы подготовиться к таинству Вечери Господней), у Джона Путнама-младшего, после упражнений я пожелал, чтобы церковь показала обычным знаком, что они так сердечно довольны своими братьями, Томасом Уилкинсом, Джоном Тарбеллом и Сэмюэлем Нерсом, что от всего сердца желают, чтобы они присоединились к нам во всех таинствах, чтобы мы могли жить вместе с любовью. На это они согласились, и никто не возражал, но проголосовали за это, подняв руки. И далее, что какие бы статьи они ни составляли против этих братьев раньше, теперь они смотрят на них как на ничто, но позволяют им упасть на землю, желая, чтобы они были похоронены навечно.

"5 февраля 1699 г. - В этот день также наш брат Джон Тарбелл с женой, Томас Уилкинс с женой и жена Сэмюэля Нерса присоединились к нам на Вечере Господней, что является предметом благодарности, поскольку долгое время они были так обижены, что не могли спокойно присоединиться к нам".

"1702 г. В декабре пастор обратился к церкви в субботу со следующей речью: "Братья, я нашел в вашей церковной книге запись о том, что Марта Кори была отлучена от церкви за колдовство; и, поскольку все жители страны знают о заблуждениях, которые преобладали в те времена, некоторые из ее друзей несколько раз побуждали меня предложить церкви, не является ли нашим долгом отозвать этот приговор, чтобы он не был направлен против нее во всех поколениях; И я сам, будучи чужим для нее и не зная, что было выдвинуто против нее, оставляю это на ваше рассмотрение и при ближайшем удобном случае решу этот вопрос голосованием."

"14 февраля 1702/3 г. Большая часть братьев согласилась на следующее: 'Принимая во внимание, что 11 сентября 1692 года эта церковь проголосовала за отлучение Марты Кори, и что приговор был произнесен над ней 14 сентября г-ном Сэмюэлем Пэррисом, бывшим в прошлом членом церкви. Сэмюэлем Пэррисом, бывшим пастором этой церкви; до отлучения она была осуждена, а затем казнена за предполагаемое колдовство; и об этом есть запись в нашей церковной книге, страница 12, мы, будучи тронуты этим, свободно соглашаемся и сердечно желаем, чтобы тот же приговор был отменен, и чтобы он больше не действовал против нее; ибо мы, по милости Божьей к нам, убеждены, что в тот мрачный день мы находились под властью тех заблуждений, которые тогда господствовали в стране; и мы понимаем, что у нас не было достаточных оснований считать ее виновной в том преступлении, за которое она была осуждена и казнена, и что ее отлучение не соответствовало разуму Божьему, и поэтому мы желаем, чтобы это было внесено в нашу церковную книгу, чтобы снять одиоз, наложенный на ее имя, и чтобы таким образом Бог мог простить наш грех и искупить его для земли; И мы смиренно молимся, чтобы Бог больше не оставлял нас в подобных заблуждениях и грехах, но научил и дал нам возможность всегда делать то, что правильно в Его глазах.'

"За это проголосовала большая часть, а шесть или семь человек выразили несогласие".

"Дж. Гр., пр."

Первая церковь в Салеме отменила свои голоса об отлучении Ребекки Нерс и Джайлса Кори в марте 1712 года. Церковь в деревне опередила ее почти на десять лет, совершив этот акт справедливости по отношению к себе и к памяти погибших. Мистер Грин не стал ждать, пока общественные настроения подтолкнули его к этому. Он считал своим долгом вести и поддерживать эти настроения в правильном направлении. Он не стал ждать, пока все потребуют, а сразу же начал готовить к этому своих людей. В нужное время он дал знать, что собирается вынести этот вопрос на их рассмотрение; и он, соответственно, так и сделал. У него и в мыслях не было позволить нескольким узколобым, упрямым личностям оставить это пятно на записях своей церкви. Его поведение достойно его имени и имени деревни. Мудрыми, благоразумными, но настойчивыми усилиями он постепенно исправил все нарушения, вывел свой приход из-под позора и привел их в порядок по отношению друг к другу, в соответствии с обязательствами справедливости и духом христианства. Трогательно читать его слова хвалы и благодарности Богу за каждый симптом преобладания гармонии и любви среди подопечных.

Человек, погасивший огонь страстей в общине, которая до этого была охвачена ими, заслуживает неизменной чести. История заблуждения о колдовстве в деревне Салем была бы, действительно, написана неполно, если бы в ней не была представлена личность того, кто залечил раны, уничтожил следы его пагубного влияния на сердца и жизни тех, кто действовал, и исправил обиды, нанесенные памяти тех, кто пострадал от него. Джозеф Грин обладал мужественным и приятным характером. Он был образованным ученым и способным проповедником. Он был предан своему служению и верно выполнял его обязанности. Он был лидером своего народа и разделял его занятия и переживания. Он принимал активное участие в обычной жизни и повседневных заботах общества. Обладая независимой собственностью, он был бережлив и прост в своих привычках и либерален в использовании своих средств. Пасторский дом, пока он в нем жил, был обителью гостеприимства и посещался лучшим обществом района. Сочетая твердость и доброту, он встречал и устранял трудности. Он обладал веселым нравом, его не раздражал ход событий, даже если они

носили неприятный характер. В то время как мистер Нойес был обеспокоен, даже возмущен, посягательствами на его приход, при создании новых обществ в среднем участке Салема, ныне Южный Дэнверс, и во втором участке Беверли, ныне Верхний Беверли, мистер Грин, хотя они оттягивали от него столько же, сколько и от мистера Нойеса, принимал участие в строительстве их домов собраний. Обладая добродушным нравом, он одобрял невинные развлечения. Ему нравились полевые виды спорта. Катамаунт был одним из трофеев его меткой стрельбы, а домой он возвращался с егерской сумкой, набитой дикими голубями. Он брал своих маленьких сыновей впереди и позади себя на лошади и проводил с ними день за рыбалкой и ловлей рыбы на пруду Уилкинса; а когда индейцы угрожали поселениям, он брал в руки мушкет, присоединялся к храбрым молодым людям своего прихода и первым вступал в схватку, а последним уходил от преследования дикого врага.

Он всегда и везде был миротворцем; своим дружелюбным поведением, подлинным достоинством и решительностью характера он устранял разногласия в своей церкви и окрестностях, обеспечивал уважение и завоевывал любовь всех. То, что такой человек был поднят и помещен туда, где он находился в то время, было поистине Божьим провидением.

Роль, которую сыграла в трагедии о колдовстве необыкновенный ребенок двенадцати лет, Энн Патнэм, уже полностью описана. Как уже говорилось, оба ее родителя (и никто не может измерить их долю ответственности за ее поведение, равно как и долю ответственности других людей за ними) умерли в течение двух недель друг от друга, в 1699 году. Ей было тогда девятнадцать лет; большая семья детей, все младше ее, осталась с ней в самом меланхоличном сиротском приюте. Сколько их было, мы точно не знаем: восемь пережили ее. Хотя их дяди, Эдвард и Джозеф, были рядом, были добры и могли позаботиться о них, бремя, возложенное на нее, должно быть, было огромным. С ужасными воспоминаниями о событиях 1692 года это было выше ее сил. Ее здоровье стало ухудшаться, и она долгое время была инвалидом. Под нежным и верным руководством мистера Грина она делала все возможное, чтобы добиться прощения у Бога и людей. После консультаций с ним, во время посещения его кабинета, было составлено признание, которое она хотела публично произнести. После беседы с Сэмюэлем Нерсом оно было признано удовлетворительным для него, как представителя тех, кто пострадал от ее свидетельства. Она хотела одновременно принести эту исповедь и исповедание религии. День был назначен, и о нем стало известно обществу. 25 августа 1706 года в доме собраний собралась огромная толпа. Большое количество людей прибыло из других мест, в частности из города Салем. Следующий документ, признанный достаточным и подходящим, был записан в церковной книге накануне вечером и подписан ею. Он был прочитан пастором перед прихожанами, которые сидели; она стояла на своем месте во время чтения и признала его своим, заявив об этом в конце, а также подтвердив подпись.

"Исповедь Анны Путнам, когда она была принята к причастию, 1706 год".

"Я желаю смириться перед Богом за то печальное и унижительное провидение, которое постигло семью моего отца в 92 году; что я, будучи тогда в детстве, по такому Божьему провидению стала орудием обвинения нескольких человек в тяжком преступлении, в результате которого у них отняли жизнь, в чем я теперь имею справедливые основания и веские причины верить, что они были невиновны; и что это было великое заблуждение сатаны, обманувшего меня в то печальное время, в результате чего, как я справедливо опасаюсь, я вместе с другими, хотя и по неведению и невольно, способствовал тому, чтобы навлечь на себя и на эту землю вину невинной крови; хотя то, что было сказано или сделано мною против кого-либо, я могу искренне и честно сказать перед Богом и людьми, что я сделал это не из гнева, злобы или недоброй воли к кому-либо, ибо я не имел ничего

подобного ни к одному из них; но то, что я сделал, было невежеством, будучи введенным в заблуждение сатаной. И в особенности, поскольку я был главным орудием обвинения доброй жены Сестры и двух ее сестер, я хочу лежать в пыли и быть смиренным за это, поскольку я был причиной, вместе с другими, столь печального бедствия для них и их семей; по этой причине я хочу лежать в пыли и искренне просить прощения у Бога и у всех тех, кому я дал справедливый повод для печали и обиды, чьи отношения были отняты или обвинены.

[Подпись].

анне Путнам.

"Это признание было прочитано перед общиной вместе с ее родственниками 25 августа 1706 года; и она признала его.

Дж. Грин, пастор".

Эта бумага показывает пагубное влияние доктрины Сатаны, которую тогда принимали. Оно давало убежище и спасение от угрызений совести. Груз греха легко перекладывался на спину сатаны. Эта молодая женщина, несомненно, искренне раскаивалась и была прощена, мы верим и надеемся; но она не видела глубины своего беззакония и тех, кто подстрекал и помогал ей в ее ложных обвинениях. Вина и поступок полностью принадлежали ей и им. Сатана не принимал в этом никакого участия. Человеческая ответственность не может быть избегнута.

Хотя в определенном смысле она возлагает вину на сатану, это заявление Энн Патнэм является убедительным доказательством того, что она и ее единомышленники-обвинители не верили ни в какие сообщения, сделанные им невидимыми духами. Те люди, которые в наше время воображают, что общаются с духовными существами с помощью рэпа или иным способом, иногда находят аргументы в пользу своей веры в феноменах колдовских процессов. Но признание Энн Патнэм решительно опровергает эту версию. Если бы она действительно получала от невидимых существ, подчиненных духов или духов умерших людей те вещи, о которых она свидетельствовала, или когда-либо верила, что получала, она бы так и сказала. Напротив, она заявляет, что не имела никаких оснований для своих слов ни из какого источника, а находилась под тонким и таинственным влиянием самого дьявола.

Она умерла в возрасте примерно тридцати шести лет. Ее завещание датировано 20 мая 1715 года и было представлено в завещание 29 июня 1716 года. Его преамбула выглядит следующим образом.

"Во имя Господа, аминь. Я, Анна Путнам, из города Салем, незамужняя женщина, часто болеющая и слабая телом, но обладающая здравым умом и памятью, благословен Бог! и помня о смертности моего тела и о том, что всем людям положено однажды умереть, составляю эту мою последнюю волю и завещание. Прежде всего, я отдаю свой дух в руки Бога, через Иисуса Христа, моего Искупителя, с Которым я надеюсь жить вечно; а что касается моего тела, я предаю его земле, чтобы оно было похоронено по-христиански и достойно, по усмотрению моего душеприказчика, названного в дальнейшем, не сомневаясь, что могущественной силой Бога я получу его снова при воскресении".

Свою землю она разделила между четырьмя братьями, а личное имущество - между четырьмя сестрами.

Похоже, что она часто болела, и ее телесные силы сильно ослабли. Вероятно, длительное напряжение, которое испытывали ее мышцы и нервная система во время колдовских сцен,

разрушило ее конституцию. Такое непрерывное и напряженное до предела упражнение воображения, интеллекта и физических сил в переполненных и отапливаемых помещениях, на глазах у публики, под лихорадочным и всепоглощающим влиянием ошеломляющего и почти бредового возбуждения, не могло не подорвать основы здоровья столь юного ребенка. По преданию, ее жизнь медленно и неуклонно ухудшалась. В завещании говорится о том, что через определенные промежутки времени ее болезнь явно приостанавливалась, а силы восстанавливались, - "часто болела и слабела телом". От матери она унаследовала чувствительную и хрупкую конституцию; но ее отец, хотя и сошел в могилу, вероятно, из-за ужасных обязанностей и испытаний, в которые он был вовлечен, в сравнительно раннем возрасте, принадлежал к долгоживущей расе и окружению. Противоположные элементы ее характера боролись в затяжном поединке: с одной стороны, природа, болезненно подверженная нервной возбудимости, тонущая под истощением переутомленной, перегруженной и разрушенной системы; с другой - жизненная стойкость. Конфликт продолжался с переменным успехом в течение многих лет, но в конце концов последняя сдалась. Ее история, во всех ее аспектах, достойна изучения психолога. Ее исповедь, профессия и смерть указывают на мораль.

Преподобный Джозеф Грин умер 26 ноября 1715 года. В записях церкви есть следующая дань его памяти. Она написана почерком и стилем мыслей и языка дьякона Эдварда Путнама.

"Тогда был срублен самый прекрасный цветок и самое зеленое оливковое дерево в саду нашего Бога в расцвете сил в возрасте сорока лет и двух дней, который был верным посланником от Бога к нам восемнадцать лет. Тогда зашла та яркая звезда и больше никогда не появлялась среди нас; тогда зашло наше солнце, и теперь какая тьма наступила на нас! Отбрось и прости наши беззакония, Господи, которые были причиной тяжкого недовольства Твоего, и вернись к нам снова в милости, и снова поставь для паствы Твоей пастыря по сердцу Твоему, как Ты обещал народу Твоему в Слове Твоем; на это обещание мы надеемся, ибо мы названы именем Твоим; и, о, не оставь нас!"

Преподобный Питер Кларк был рукоположен 5 июня 1717 года. Конец связи между церковью деревни Салем и заблуждением о колдовстве, а также всеми подобными видами нелепости и нечестия, ознаменован следующей записью, которая полностью и навсегда искупает ее характер. Если бы Сэмюэл Пэррис был таким же мудрым и смелым, как Питер Кларк, он бы таким же решительным образом пресек это дело в зародыше.

"Церковные записи деревни Салем".

"5 сентября 1746 г. На церковном собрании, назначенном на лекции накануне, по случаю сообщения о том, что несколько человек в этом приходе прибегли к услугам женщины с очень дурной репутацией, претендующей на искусство гадания, предсказания и т. д., чтобы провести расследование по этому вопросу и принять такие решения, которые могут быть сочтены уместными в связи с этим, братья церкви, присутствовавшие тогда, пришли к следующим голосам; а именно, Что для христиан, особенно членов церкви, искать и советоваться с известными ведьмами или гадалками, по мнению этой церкви и твердому убеждению, основанному на свидетельстве Слова Божьего, в высшей степени нечестиво и скандально, являясь нарушением христианского завета, запечатленного в крещении, что подвергает виновных в этом лиц справедливому порицанию со стороны церкви.

"Не найдя доказательств против кого-либо из членов этой церкви (некоторые из которых были сильно заподозрены в этом преступлении), чтобы убедить их в своей виновности, было далее решено, что пастор от имени церкви должен публично выразить свое неодобрение и отвращение к этой позорной и безбожной практике обращения к ведьмам или гадалкам, или к тем, кто считается таковыми; увещевая всех находящихся под их наблюдением, кто мог быть виновен в этом, к сердечному покаянию и возвращению к Богу, искренне прося прощения в Крови Христа, и предостерегая всех от подобной практики в грядущем времени.

"7 сентября - Это свидетельство, увещевание и предупреждение, принятое церковью, было публично произнесено пастором перед роспуском общины".

Приход деревни Салем, когда его нынешний пастор, преподобный Чарльз Б. Райс, занял свое место 2 сентября 1863 года, существовал уже сто девяносто один год. В течение первых двадцати пяти лет в нем служили четыре священника, общий срок служения которых составил восемнадцать лет. В течение последующих ста шестидесяти шести лет в ней служили четыре священника, чей общий срок служения составил сто пятьдесят восемь лет. Все они получили хорошее образование, некоторые были людьми необычных способностей, и все без исключения обладали качествами, подходящими для успеха и полезности в своем призвании.

Первый период был наполнен непрерывной чередой бед, ссор и вражды, кульминацией которых стало самое страшное и ужасное бедствие, когда-либо обрушивавшееся на народ. Второй период был непрерывным царствованием мира, гармонии и единства; ни одно религиозное общество никогда не наслаждалось большим комфортом в своих привилегиях и не показывало лучшего примера всего того, что должно характеризовать христианскую общину.

Контраст между жизнью служителей церкви в эти два периода столь же велик, как и между их пасторствами. Первые четверо страдали от недостатка средств к существованию, а из-за междоусобиц в общине, когда не собирались взносы, их едва обеспечивали предметами первой необходимости. В записях второго периода нет никаких признаков того, что когда-либо возникали какие-либо трудности на этот счет. Благодаря быстрому выполнению людьми своих контрактов и благосклонности Провидения служители оказались вне досягаемости или приближения к неудобствам или раздражению со стороны этой общины.

В истории новоанглийских церквей нет эпохи более меланхоличной, бедственной и бурной, чем первая, и нет более единой, процветающей и достойной похвалы, чем второй период в летописи церкви деревни Салем.

Контраст между судьбами и судьбами служителей этих двух периодов достоин того, чтобы на нем остановиться подробнее.

Джеймс Бейли начал проповедовать в Салем Виллидж с момента основания общества, когда он был еще совсем молодым человеком, не прошло и трех лет после получения диплома Гарвардского колледжа. Примерно через семь лет, в течение которых он похоронил жену и троих детей и столкнулся с ожесточенной и бурной оппозицией, - насколько мы можем судить, самой беспричинной и необоснованной, - он полностью отказался от служения и провел остаток жизни в другой профессии в другом месте.

Служение Джорджа Барроуза в Виллидже продолжалось около двух лет. На его невинную и незащищенную голову обрушилась вся жестокость обеих сторон в споре, в результате которого приход был взят в аренду. Он был арестован на публичном собрании людей в своем

собственном доме собраний и доставлен под стражу маршалом округа, как заключенный за долг, взятый для покрытия расходов на недавние похороны жены, на сумму, меньшую, чем причитавшееся ему жалование, которое, по сути, он выплатил в то время по приказу приходского казначея. От такого возмутительного обращения он спасся, отказавшись от сана. За ним последовали в его убежище в отдаленном поселке, и пока он там занимался, трудолюбивый, самоотверженный и преданный служитель, был, по злобе своих врагов в Виллидже, внезапно схвачен, совершенно не сознавая, что причинил вред человеческому существу, выхвачен из-за стола, где он принимал свою скромную пищу в своем скромном доме, оторван от своей беспомощной семьи, поспешно отправлен в Виллидж; его захлестнула буря лжи, ярости и глупости; его заковали в кандалы, заточили в темницу, доставили к месту казни, предали смерти преступника, а его неоплаканные останки бросили в расщелинах скал Ведьминого холма, оставив лишь наполовину погребенными, - за преступление, в котором он был так же невинен, как нерожденный ребенок.

Деодат Лоусон, великий ученый и великий проповедник, после двухлетнего испытания, похоронив жену и дочь в Деревне, оставил попытки утихомирить бушующие там страсти. Он нашел другое поселение на другом берегу Массачусетского залива, которое покинул, не взяв отпуск, и больше о нем люди не слышали. Через восемь лет после этого он вновь появился в переиздании в Лондоне своей знаменитой проповеди в деревне Салем, а затем навсегда исчез из виду. С тех пор его имя окутало непроницаемое облако тьмы. О его судьбе ничего не известно, кроме того, что она была "несчастливой".

Сэмюэл Пэррис, после семилетнего служения, с самого начала наполненного раздорами и враждой и завершившегося запустением, разорением и несказанными бедами, хаосом, разбросанным среди его людей и по всей стране, был изгнан из прихода, на его голову возложили кровь невинных, и до конца своих дней он был обречен на безвестность и нищету. На месте его обитания нет ни жилья, ни строений; единственные остатки его памяти - это записи о давней ссоре с прихожанами и надпись на надгробии, воздвигнутом им, когда он навсегда покидал деревню, над свежей могилой жены.

Конечно, в летописи ни одной церкви нет более мрачной, шокирующей или позорной истории, чем эта.

Джозеф Грин, 26 ноября 1715 года, завершил своей жизнью восемнадцатилетнее служение, столь же полезное, благотворное и почетное, сколь гармоничным и счастливым оно было. Питер Кларк умер 10 июня 1768 года, прослужив пятьдесят один год. Он был признан во всей стране как способный служитель и ученый бог. Мир и процветание царили, не прерываясь ни на минуту, среди людей, находившихся под его опекой. Бенджамин Уодсворт, доктор философии, также скончался на своем посту 18 января 1826 года, прослужив пятьдесят четыре года. На протяжении всей жизни он пользовался всеобщим уважением и любовью во всех церквях. Милтон П. Брамман, доктор философии, 1 апреля 1861 года завершил тридцатипятилетнее служение, уйдя в отставку. Он всегда пользовался всеобщим уважением и привязанностью, а приход, находившийся под его опекой, - непрерывным единством и процветанием. Он не покинул свой народ, но остается среди него, участвуя в пользовании его привилегиями и поддерживая руки своего преемника. Его выдающиеся таланты время от времени проявляются на соседних кафедрах и в других полезных для общества делах. Он живет в почетной отставке на земле, изначально принадлежавшей Натаниэлю Патнэму, удаленной всего лишь на несколько футов, немного к северо-востоку, от места, которым владел и занимал его первый предшественник, Джеймс Бэйли.

Об этой эпохе в истории церкви и общества Салем-Виллидж можно с уверенностью сказать, что она вряд ли может иметь аналог во всем, что свидетельствует о благополучии человека или благословениях Небес. Такого контраста, как эти два периода в летописи этого прихода, не найти нигде.

Судебные преследования за колдовство продолжались в старых странах и после того, как от них отказались здесь; хотя вскоре стало трудно добиться осуждения человека, обвиненного в колдовстве. В 1716 году миссис Хикс и ее дочь, последней было девять лет, были повешены в Хантингдоне, в Англии, за колдовство. В 1720 году в Литтлтоне (штат Массачусетс) была предпринята уже упоминавшаяся попытка возобновить салемские волнения, но она провалилась: люди научились мудрости слишком дорогой ценой, чтобы так скоро ее забыть. В письме к Коттону Мазеру, написанном 19 февраля 1720 года, превосходный доктор Уоттс, выразив свои сомнения в достаточности доказательств для осуждения, говорит по поводу салемского колдовства: "Я глубоко убежден, что в этих делах не обошлось без непосредственного вмешательства дьявола, и, возможно, там были и настоящие ведьмы". Недалеко от этого времени мы находим мнение самых либерально настроенных и культурных людей Англии, выраженное Аддисоном в следующих словах: "Если говорить свободно, то в целом я считаю, что существует и существовало такое явление, как колдовство, но в то же время не могу приписать ни одного конкретного случая его применения".

В 1722 году в Шотландии состоялась казнь за колдовство. До середины прошлого века в Хантингдоне во времена правления королевы Елизаветы ежегодно читались речи, посвященные казням, которые происходили в этом месте. Акт пресвитерианского синода в Шотландии, опубликованный в 1743 году и переизданный в Глазго в 1766 году, осуждал как национальный грех отмену уголовных законов против колдовства.

Блэкстоун, великий оракул британского права, процветавший во второй половине прошлого века, заявил о своей вере в колдовство в следующих решительных выражениях: "Отрицать возможность, более того, фактическое существование колдовства и чародейства - значит сразу же категорически противоречить Слову Божьему, открытому в различных отрывках как Ветхого, так и Нового Завета; и само это - истина, о которой каждый народ в мире в свою очередь свидетельствует либо примерами, казалось бы, хорошо подтвержденными, либо запретительными законами, которые, по крайней мере, предполагают возможность торговли со злыми духами".

В "Естественной истории Селборна" Уайта рассказывается, что в 1751 году жители Тринга, рыночного города в Хартфордшире, расположенного в тридцати милях от Лондона, "схватили двух престарелых несчастных, обезумевших от возраста и недугов, по подозрению в колдовстве". Их отнесли на край пруда для лошадей и там подвергли водному испытанию. Суд закончился оправданием заключенных, но они оба были утоплены в процессе.

Похоже, что в XVIII веке предпринимались систематические усилия, чтобы укрепить и возобновить власть суеверий. Встревоженные прогрессом неверности, многие выдающиеся и прекрасные люди воспользовались возможностями, которые давало им положение во главе преобладающей литературы, чтобы подтолкнуть веру людей как можно дальше к противоположной крайности - легковерию. Это была самая неразумная, а по своим последствиям - плачевная политика. Это было предательство дела истинной религии. Это было признание того, что она не может быть оправдана перед суровым трибуналом разума. Помимо всех бед, вызванных наполнением воображения нереальными объектами ужаса, восстановление влияния в течение последнего столетия басен и заблуждений невежественного века нанесло неисчислимый вред, препятствуя прогрессу христианской

истины и здоровой философии; тем самым способствуя распространению той самой неверности, которую оно должно было остановить. Идея уничтожить одно заблуждение, воздвигнув другое, не могла прийти в голову ни одному уму, который когда-либо был призван оценить ценность или силу истины. Но именно такой политики придерживались христианские писатели со времен Аддисона до Джонсона. Последний прямо признается, что необходимо было поддерживать доверие к вере в существование и деятельность призраков и других сверхъестественных существ, чтобы помочь аргументам в пользу будущего государства, основанным на Библии.

Доктор Хибберт в своей замечательной книге "Философия явлений" иллюстрирует некоторые замечания, схожие с теми, что были сделаны только что, следующей цитатой из мистера Уэсли

"Это правда, что англичане в целом, да и большинство людей в Европе, отказались от всех рассказов о ведьмах и явлениях, считая их просто баснями старых жен. Я сожалею об этом; и я охотно пользуюсь этой возможностью, чтобы выразить свой торжественный протест против этого жестокого комплимента, который так много тех, кто верит Библии, делают тем, кто не верит ей. Я не должен им ничего подобного. Мне известно, что именно они стоят у истоков возмущения, поднятого и с такой наглостью распространенного по всей стране, в прямом противоречии не только с Библией, но и с избирательным правом мудрейших и лучших людей всех веков и народов. Они прекрасно знают (независимо от того, знают это христиане или нет), что отказ от колдовства - это, по сути, отказ от Библии. С другой стороны, они знают, что, если признать только одно объяснение общения людей с отдельными духами, весь их воздушный замок (деизм, атеизм, материализм) рухнет на землю. Поэтому я не знаю причин, по которым мы должны терпеть, чтобы даже это оружие было вырвано из наших рук. Кроме того, существует множество аргументов, которые в изобилии опровергают их тщетные фантазии. Но нам не нужно вырывать у них ни одного: ни разум, ни религия этого не требуют".

Вера в колдовство продолжала занимать заметное место среди народных суеверий на протяжении всего прошлого века. Многие ныне живущие могут вспомнить то время, когда она была очень распространена. В каждом городе или деревне существовали свои традиционные предания, которые с удовольствием пересказывались стариками и накладывали глубокий отпечаток на молодых.

Легенда о "Визжащей женщине" из Марблхеда достойна того, чтобы стать общеизвестной. История гласит следующее: В семнадцатом веке пиратский крейсер, захватив испанское судно, привел его в гавань Марблхеда, где в то время находилось несколько скромных жилищ. Все жители мужского пола отсутствовали, отправившись на промысел. Пираты вытащили пленников на берег, ночью отвели их в укромное местечко и там убили. Среди пленников была и английская пассажирка. Женщины, жившие в этих местах, слышали ее предсмертные крики, которые поднимались в полуночный воздух и разносились далеко по безмолвным берегам. Было слышно, как она восклицала: "О милосердие, милосердие! Господи Иисусе Христе, спаси меня! Господи Иисусе Христе, спаси меня!" Ее тело пираты похоронили на месте. Считается, что тот же самый пронзительный голос можно услышать через определенные промежутки времени, более или менее часто, почти каждый год, в тишине спокойной звездной или ясной лунной ночи. Говорят, что в этом звуке есть что-то настолько дикое, таинственное и явно сверхчеловеческое, что он вселяет холодок страха в

сердца всех, кто его слушает. Автор статьи на эту тему в "Марблхед Реджистер" от 3 апреля 1830 года утверждает, что "в настоящее время не мало людей безупречной правдивости и известной респектабельности, которые все еще продолжают твердо верить преданию и утверждать, что они сами были слушателями описанных звуков, которые, по их словам, имели такую неземную природу, что исключают мысль о навязывании или обмане".

Когда "серебряная луна, не омраченная ничем, держит свой путь" или когда звезды сверкают на ясном, холодном небе, а темные формы пришвартованных судов покоятся на спящем лоне гавани; Когда от живого или неживого существа не исходит никаких звуков, кроме унылого и меланхолического рокота моря вдоль скалистого и извилистого берега, - как часто наблюдателя вырывают из задумчивости возбужденного воображения истошные, жуткие и страшные крики беззаконного призрака убитой дамы!

Пятьдесят лет назад в той части Дэнверса, которая первоначально называлась деревней Салем, умер негр в весьма преклонном возрасте. Предполагалось, что он достиг своего сотого года. Его так и не смогли убедить признать, что в событиях 1692 года было какое-то заблуждение или ошибка. По его мнению, все дело легко объяснялось. Он считал, что колдовство было вызвано тем обстоятельством, что дьявол похитил церковную книгу, и что оно утихло, как только книга была вырвана из его рук. Возможно, гипотеза почтенного африканца была свойственна только ему самому; но те люди, которые слабо знакомы с историей мнений в этой и других странах, не знают, что суеверие, на котором она основана, широко распространено среди людей всех цветов кожи, почти, если не совсем, до наших дней. Если доктрины демонологии были полностью низвергнуты и истреблены в наших деревнях и городах, то это произошло совсем недавно; боюсь, что во многих местах этому благоприятному событию еще предстоит произойти.

В 1808 году жители Грейт-Пакстона, деревни в Хантингдоншире, в Англии, в шестидесяти милях от Лондона, собравшись в кучу, напали на дом скромной и, насколько можно судить, незлобивой и добропорядочной женщины по имени Энн Изард, подозреваемой в околдовывании трех молодых женщин - Алисы Браун, Фанни Эйми и Мэри Фокс, - вытащили ее из постели в поле, пронзили руки и тело булавками и рвали плоть ногтями, пока она не покрылась кровью. Через некоторое время после этого они снова совершили над ней такое же варварское злодеяние и подвергли бы ее испытанию водой, если бы она не нашла возможность бежать из этой части страны.

Автор статьи "Колдовство" в "Циклопедии" Риса серьезно придерживается доктрины "глазного очарования".

Сообщается, что в первой половине нынешнего столетия в некоторых внутренних районах наших южных штатов проводились судебные преследования за колдовство. В цивилизованном мире до сих пор полно некромантов и тауматургов всех мастей. Наукой "пальмирования" до сих пор занимаются многие бродяги; и, возможно, некоторые в этом районе помнят, как в дни их юношеской фантазии они протягивали руки, чтобы их будущая судьба была прочитана в линиях их ладоней, а их дикое и головокружительное любопытство и беспокойные привязанности были удовлетворены информацией о дне свадьбы или отсутствующем любовнике.

Самая знаменитая гадалка, пожалуй, из всех когда-либо живших, жила в соседнем городе. Персонаж "Молл Питчер" хорошо известен во всех частях коммерческого мира. Она умерла в 1813 году. Ее жилище находилось под выступающей и возвышающейся вершиной Хай-Рок в Линне, откуда открывался вид на дикое и изрезанное побережье Марблхеда, на протяженные и гулкие пляжи Линна и Челси, на Нахант-Рокс, на суда и острова Бостонского

залива и на его далекий южный берег. Свои таинственные дары она получила по наследству: еще ее дед практиковал их в Марблхеде. Моряки, торговцы и искатели приключений всех мастей посещали ее резиденцию и доверяли ее предсказаниям. Люди приезжали издалека, чтобы узнать о судьбе пропавших друзей или вернуть утраченное имущество; а молодые люди обоих полов, нетерпеливые к медлительности времени и горящие любопытством разгадать секреты будущего, пользовались любой возможностью, чтобы посетить ее скромное жилище и услышать из ее пророческих уст откровения о самых нежных происшествиях и важных событиях их будущей жизни. Она читала будущее и прослеживала то, что для простых смертных было тайнами настоящего или прошлого, в расположении и аспектах оснований или осадков чашки чая или кофе. Ее имя повсеместно стало общим названием гадалок и заняло видное место в легендах и балладах народных суеверий. Слава о ней дошла до самых дальних краев, и память о ней будет увековечена в анналах легковерия и самозванства. Вокруг мест, где она практиковала свое мистическое искусство, витает атмосфера романтики, интерес и очарование которой будут возрастать по мере того, как время будет отодвигать ее историю во тьму далекого прошлого.

Элементы колдовских заблуждений 1692 года до сих пор дремлют в лоне общества. Мы периодически слышим о домах с привидениями, случаях второго зрения и сообщениях из духовного мира. Так будет всегда. Человеческий разум инстинктивно чувствует свою связь с высшей сферой. Некоторые из них всегда будут нетерпимы к ограничениям нашего нынешнего образа жизни и склонны вырваться из них; они жаждут проникнуть в тайны невидимого мира, готовы рискнуть выйти за пределы достоверного знания и в погоне за истиной устремиться туда, куда не могут пробиться законы доказательств. Любовь к чудесному присуща чувству ограниченности, пока мы находимся в этих земных телах; и многие всегда найдутся, не желающие ждать, пока эта скиния не будет разрушена и мы не облечемся в тело, которое будет небесным.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

- I. Предварительное обращение Лоусона.
- II. Краткий рассказ Лоусона.
- III. Письмо Джонатану Корвину.
- IV. Выдержки из церковных записей мистера Пэрриса.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

I.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

[Из издания проповеди Деодата Лоусона, напечатанного в Лондоне в 1704 году].

Всем моим христианским друзьям и знакомым, жителям деревни Салем.

Друзья-христиане, проповедь, представленная вашему вниманию, была произнесена в вашей аудитории тем недостойным орудием, которое ранее провело среди вас несколько лет в служении, хотя и с многочисленными греховными недостатками и немощами, за которые я молю о помиловании Божьей милостью в Иисусе Христе и прошу у вас покрова любви. Как это было подготовлено для того конкретного случая, когда оно было доставлено среди вас, так и публикация его должна быть особенно рекомендована к вашему служению.

Мое сердечное желание и постоянная молитва к Богу за всех вас - чтобы вы спаслись в день Господа Иисуса Христа; и, соответственно, чтобы все средства, которые Он использует с вами, милости и скорби, таинства и провидения, были освящены для созидания вас в благодати и святости и приготовления вас к Царству славы. Апостол говорит нам (Деян. xiv. 22), что через многие скорби мы должны войти в Царство Божье. Так вот, поскольку (помимо вашей доли в общих бедствиях, под бременем которых этот бедный народ стонет в настоящее время) праведный и святой Бог благоволил допустить, чтобы вас постигло тяжкое и тяжкое несчастье, о котором едва ли можно сказать, что оно обычное для людей; а именно: дал сатане свободу разгуливать и бесноваться среди вас, мучить тела и отвлекать умы некоторых из видимых овец и агнцев Господа Иисуса Христа. И (что еще более удивительно) тот, кто является обвинителем братьев, пытается представить в качестве преступников некоторых из видимых подданных Царства Христова, по трезвому и благочестивому разговору которых в прошлые времена мы не могли сделать иного вывода, кроме того, что они были настоящими членами Его мистического тела, представляя их как орудие его злобы против их друзей и соседей.

Таким образом, я счел нужным оказать вам посильную помощь, чтобы помочь вам выйти из затруднительного положения. И поскольку пути Господни, как в Его всеблагости, так и в действенном провидении, неисследимы, а дела Его непостижимы, и благочестивые души находятся в растерянности, каков будет исход этих событий, я склоняю свои колени перед Богом и Отцом Господа нашего Иисуса Христа, чтобы Он даровал вам и в вас всю благодать, чтобы ваше бедное место было избавлено от тех разрушительных и губительных бедствий, которые угрожают как пагубные последствия злонамеренных действий сатаны; и чтобы вы не остались кусать и пожирать друг друга в вашем священном или гражданском обществе, в ваших отношениях или семьях, уничтожая много добра и поощряя много зла среди вас, чтобы каким-либо образом ослабить руки или удручить сердце вашего преподобного и благочестивого пастора, чья семья также находится под влиянием этих бедствий, духовное сочувствие не может не возбудить вас, чтобы помочь ему как во все времена, так особенно в такое время, как сейчас; он, а также его соседи, находятся в таких ужасных обстоятельствах. Что касается этой речи, то мое скромное желание и стремление состоит в том, чтобы она выглядела в соответствии с формой здравых слов и в выражениях, понятных для самых

скромных способностей. Богу было угодно по Своей свободной милости дать ему некоторое одобрение среди тех, кто его слышал, а некоторые, кто слышал о нем, пожелали, чтобы я переписал его, а затем дал возможность напечатать его. Поэтому я представляю его вашему принятию и предаю его Божественному благословению; и да будет угодно Всемогущему Богу явить Свою силу в прекращении ваших печалей этого рода, сокрушив сатану под вашими ногами в ближайшее время, заставив эти и все другие ваши и наши беды работать вместе на наше благо сейчас и спасение в день Господень, - таково нелицемерное желание, и такова будет непрестанная молитва о...

Менее чем наименее, всех тех, кто служит,

В Евангелии Господа нашего Иисуса,

ДЕОДАТ ЛАВСОН.

II.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ДЕОДАТА ЛОУСОНА.

[Приложено к его проповеди, Лондонское издание, 1704 г.].

По просьбе нескольких достойных служителей и друзей-христиан я прилагаю к предыдущей проповеди краткий рассказ о тех удивительных вещах, которые послужили поводом для ее произнесения. Поэтому пусть читатель воспримет его в кратких примечаниях, которые следуют за ним, и рассудит, как Бог склонит его.

В год Господа нашего 1692 Богу было угодно посетить жителей местечка под названием Салем, что в Новой Англии, весьма тяжким и тяжким несчастьем, в котором они имели основания полагать, что суверенному и святому Богу было угодно позволить сатане и его орудиям страшить и мучить этих бедных смертных столь удивительным и необычным образом.

Так как я некоторое время до этого участвовал в служении в той деревне, сообщение об этих великих несчастьях быстро дошло до меня, и тем охотнее, что первый пострадавший был из семьи служителя, который сменил меня после моего ухода от них. Поэтому, жалея своих христианских друзей и прежних знакомых, я сильно беспокоился о них, часто советовался с ними и горячо, с Божьей помощью, молился за них; но особенно мое беспокойство усилилось, когда на допросе человека, подозреваемого в колдовстве, мне сообщили, что мои жена и дочь, умершие за три года до этого, были изгнаны из мира под злым воздействием адских сил, как это более подробно изложено в следующих замечаниях. Тогда я пожелал, а также некоторые заинтересованные лица в суде пожелали присутствовать при этом, чтобы я мог услышать, что утверждается в этом отношении; поэтому, когда я находился среди них, я заметил, что случай страдальцев был очень удивительным и плачевным, а обвинения, выдвинутые против обвиняемых, были такими, что давали основания для подозрений, но были очень запутанными, и трудно было сделать правильные выводы о них; Я счел нужным, для удовлетворения себя и тех моих друзей, которые могли бы проявить любопытство к исследованию этих тайн Божьего провидения и сатанинской злобы, составить и сохранить при себе краткий отчет о наиболее примечательных вещах, которые стали мне известны в этих делах; эти замечания были впоследствии (по моей просьбе)

пересмотрены и исправлены некоторыми, кто заседал в суде по этим делам, и теперь переписаны с той же бумаги, на которой они были тогда написаны. После этого, будучи провидением Божиим призван в Англию в 1696 году, я привез с собой ту бумагу с замечаниями о колдовстве; увидев ее, некоторые достойные служители и друзья-христиане здесь пожелали, чтобы я перепечатал проповедь и приложил к ней замечания в качестве приложения; но по некоторым причинам я тогда отказался от этого. Но теперь, поскольку я сам был глазом и ухом свидетелем большинства тех удивительных вещей, насколько они были доступны человеческим чувствам, и просьбы моих друзей возобновлялись с тех пор, как я поселился в Лондоне, я уступил их публикации, чтобы убедить тех, кто не настроен на обратное, что могут быть (и есть) такие действия сил тьмы на тела и умы человечества по божественному позволению, и чтобы те, кто заседал судьями по этим делам, могли, при серьезном рассмотрении грозного аспекта и сложных обстоятельств того бедственного провидения, могут быть в некоторой степени оправданы или, по крайней мере, подвергнуты меньшему порицанию за вынесение приговора нескольким лицам как орудиям сатаны в тех дьявольских операциях, когда они были вовлечены в столь мрачную и ужасную сцену провидения, в которой сатана, казалось, прял более тонкую нить духовного зла, чем в обычных методах колдовства: Поэтому судьи, желая должным образом свидетельствовать против таких дьявольских практик, были склонны признать достоверность такого рода доказательств, которые не были столь ясно и непосредственно доказуемы для человеческих чувств, как это требуется в других случаях, иначе они не смогли бы раскрыть тайны колдовства. Я не берусь навязывать моему христианскому или ученому читателю свое мнение о том, насколько сатана был орудием в руке Божьей в этих удивительных несчастьях, которые обрушились на многих людей в то время; но я определенно убежден, что великому Богу было угодно удлинить его цепь до очень большой степени, чтобы причинить боль одним и упрекнуть других, насколько ему было позволено это сделать. Чтобы не огорчать тех, чьи родственники были обвинены или пострадали в те времена бедствий и несчастий, я решил изложить все подробности в общих чертах, не называя ни имен, ни лиц (они здесь совершенно неизвестны); решив ограничиться той долей бумаги, которая отведена для этих замечаний в данном отрывке книги, я все же, чтобы не быть голословным, кратко расскажу об этом в трех разделах, а именно:...

1. Отношение к страждущим.
2. Отношение к обвиняемому. И,
3. Относящиеся к признавшимся ведьмам.

Начнем со страдальцев.

1. Один или два из первых пострадавших жаловались на необычную болезнь, и их родственники использовали лекарства для их лечения, но все было совершенно напрасно.
2. Они часто были очень глупы в своих припадках, не могли ни слышать, ни понимать, как казалось стоящим рядом; так что, когда с некоторыми из них молились так, что их можно было услышать в большом скоплении народа, они заявляли, что не слышат ни одного слова, когда припадок прекращался.
3. Несколько раз было замечено, что, когда с ними говорили о Боге, Христе или о спасении, они тут же ужасно страдали; и поэтому часто возмущались, если им разрешали находиться в общине во время общественного богослужения.
4. Иногда они рассказывали на значительном расстоянии, да, за несколько миль, что такие-то и такие-то люди страдают, что, как выяснилось, происходило в соответствии со временем

и способом, которым они это рассказывали; и они говорили, что призраки подозреваемых людей говорили им об этом.

5. Они утверждали, что видели призраки нескольких умерших людей, которые при их появлении подстрекали их обнаружить тех, кто (по их словам) был орудием ускорения их смерти, угрожая жестокими страданиями, если они не сообщат об этом магистратам. Они утверждали на допросе и на суде одного обвиняемого, что видели призраки двух его жен (которым он причинил много зла при жизни, что было доказано несколькими свидетельствами), а также видели призраки моей жены и дочери (умерших более трех лет назад); и они утверждали, что, когда эти призраки смотрели на заключенного за решеткой, они были красными, как будто кровь отхлынула от их лиц от негодования на него. Дело было так: несколько страдальцев, находившихся перед заключенным в суде, вдруг устремили все свои взоры на определенное место пола перед заключенным, не двигая ни глазами, ни телом в течение нескольких минут и не отвечая ни на один вопрос, который им задавали: как только этот транс закончился, некоторые были удалены из поля зрения и слуха, их всех, одного за другим, спросили, что они видели; и все они согласились, что видели тех призраков, о которых говорилось выше. Я присутствовал, слышал и видел все, что происходило по этому поводу, во время суда над тем человеком, которого обвиняли в том, что он был орудием сатанинской злобы в этом деле.

6. Во время этого (худшего, чем у Галлика) преследования адскими драгунами страдальцев с таким ужасом заставляли писать свои имена в дьявольской книге, которую им представлял призрак, и один из них, как я слышал, сказал: "Не буду, не буду писать! Это не Божья книга, это не Божья книга: это книга дьявола, насколько я знаю"; и когда они упорно отказывались подписать, им сказали, что если они только прикоснутся к книге или возьмут ее в руки, то так и будет; и, наконец, дьявольские предложения были настолько низкими и легкими, что если они только позволят своей одежде или любой вещи на них прикоснуться к книге, то они будут спокойны за свои мучения; именно их согласия добивается дьявол в этих представлениях и операциях.

7. Одна женщина, которую долгое время мучили с огромной скоростью два или три призрака, когда они (говоря по-человечески) устали мучить ее, чтобы заставить или запугать подписать договор с князем тьмы, они сказали ей, как в дьявольской и проклятой страсти: "Иди своей дорогой, и дьявол иди с тобой, ибо мы больше не будем досаждать и мучиться из-за тебя". И с тех пор она была здорова и больше не страдала, о чем я когда-либо слышал".

8. Многие булавки были вынуты из запястий и рук страждущих; а у одной, во время допроса подозреваемого, булавка прошла через верхнюю и нижнюю губу, когда ее вызвали говорить, но после того, как ее вынули, не последовало никакого нагноения.

9. Некоторым страдальцам, когда они бились в припадке в открытом суде, (невидимым способом) связывали запястья настоящим шнуром, так что его едва ли можно было снять, не порезавшись. Некоторых страдальцев находили со связанными руками, подвешенными на крюк, с которого их заставляли снимать, чтобы они не умерли в таком положении.

10. Некоторые страдальцы были затянuty под столы и кровати неосознанной силой, так что их с трудом удалось вытащить; а один был затянuty на полпути через край колодца и с большим трудом был возвращен обратно.

11. Когда они подвергались наиболее тяжким страданиям, если их подводили к обвиняемому и тот только клал на них руку, они немедленно избавлялись от мучений; но если обвиняемый только смотрел на них, их тут же снова били. Поэтому они закрывали лицо обвиняемого,

когда возлагали руки на страждущего, и тогда это приносило желаемый результат: Ибо на опыте (как на экзаменах, так и на судебных процессах) было замечено, что как только страдальцы попадали в поле зрения обвиняемого, с ними немедленно начинались припадки; да, хотя обвиняемый находился среди толпы людей, неизвестных страдальцам, но при первом же взгляде на него они падали, что было замечено на ребенке четырех или пяти лет, когда было установлено, что все, на кого она могла смотреть, либо прямо, либо повернув голову, немедленно впадали в припадок.

12. Железное веретено шерстяного колеса, очень странно вынесенное из дома в деревне Салем, было использовано призраком в качестве орудия пытки страдальца, не будучи замеченным присутствующими, пока оно не было выхвачено из рук призрака упомянутым страдальцем, и тогда присутствующим сразу же показалось, что это действительно то самое железное веретено.

13. Иногда во время припадков у них вытягивались изо рта языки на страшную длину, а головы сильно поворачивались к плечам; и когда они были так напряжены в припадках, а руки, ноги и т.д. были вывернуты, как будто они были совсем вывихнуты, изо рта у них обильно вытекала кровь в течение значительного времени, которую некоторые, чтобы убедиться, что это настоящая кровь, брали на палец и растирали на другой руке. Я видел, как несколько человек вместе с ними жестоко напрягались и истекали кровью в своих судорогах, к моему великому изумлению, что мои собратья по смерти должны так сильно страдать от невидимых сил тьмы. Ибо, конечно, все внимательные люди, которые видели эти вещи, должны быть убеждены, что их движения в припадках были сверхъестественными и произвольными, как в отношении способа, который был настолько странным, что здоровый человек не мог (по крайней мере, без сильной боли) вкрутить свое тело в , так и в отношении силы, также, это были сверхъестественные движения, будучи намного выше обычной силы тех же самых людей, когда они были в здравом уме; Так что, будучи столь тяжкими страдальцами, порицать их за согласие или добровольное общение с дьяволом было бы очень трудно и несправедливо.

14. В трансовых состояниях их глаза были большей частью закрыты, и когда им задавали вопрос, они не могли дать ответа; и я искренне верю, что в это время они не слышали; тем не менее они разговаривали с призраками как с реальными людьми, утверждая что-то и получая утвердительные или отрицательные ответы, в зависимости от обстоятельств. Например, один из них, как я слышал, так спорил с призраком и ругался на него: "Гудв..., уйди, уйди, уйди! Не стыдно ли тебе, женщине твоей профессии, так мучить бедное создание? Что плохого я вам сделала за всю свою жизнь? Вам осталось жить всего два года, а потом дьявол будет мучить вашу душу за это. Ваше имя вычеркнуто из Божьей книги и никогда больше не будет вписано в нее. Сгинь! За позор! Неужели вы не боитесь того, что вас ждет? Я знаю, я знаю, что заставит вас бояться, - гнев разгневанного Бога: Я уверен, что это заставит вас бояться. Уйди! Не мучьте меня. Я знаю, что бы вы хотели получить" (мы решили, что она имела в виду свою душу): "Но она недостижима для вас; она облечена в белые одежды праведности Христа". С этой страдальцей я был хорошо знаком и знал ее как очень трезвую и благочестивую женщину, насколько я мог судить; и, судя по всему, в тот припадок она добровольно не общалась с дьяволом, ибо тогда она могла бы лучше догадаться о той женщине, о которой говорилось выше, что она прожила всего два года, так как она прожила не так много месяцев после этого времени. Далее, эта женщина в том же припадке, казалось, спорила с призраком о тексте Писания: явление, казалось, отрицало его; она сказала, что уверена, что такой текст есть и она его расскажет; тогда она сказала призраку: "Я уверена, что ты уйдешь, потому что ты не можешь стоять перед этим текстом". Затем она сильно

страдала - рот ее был вытянут на одну сторону, а тело напряжено с силой в течение минуты; затем она сказала: "Это так, так, так", три или четыре раза, и затем ей мешали говорить; наконец, она вырвалась и сказала: "Это третья глава Откровений". Я немного побаивался читать ее, чтобы сатана не увлек кого-нибудь таким суеверным образом улучшить слово вечного Бога; но, решив, что могу сделать это однажды, ради эксперимента, я начал читать; и, не дочитав до первого стиха, она открыла глаза и поправилась. Ее муж и зрители сказали мне, что она часто получала облегчение, читая тексты, относящиеся к ее случаю, - например, Ис. 40, 1, гл. 49, 1, гл. 50, 1 и некоторые другие. Все это я видел и слышал от нее.

15. Они сильно страдали, не позволяя никому молиться с ними или вести с ними религиозные беседы. Женщине, упомянутой в предыдущем разделе, призрак сказал, что я не должна идти на молитву; но она сказала, что должна, и, когда я это сделала, возразила призраку: "Разве я не сказала, что он должен идти на молитву?" Я также отправился навестить одну больную в Бостоне; и, когда я вошел в дом, к которому она принадлежала, она была за границей и довольно хорошо себя чувствовала, когда ей сказали, что я там, она сказала: "Мне не хочется входить, потому что я знаю, что он впадет в какой-нибудь хороший разговор, и тогда я уверена, что у меня будет припадок". Поэтому, когда она вошла, я посоветовал ей использовать всю передышку, которая у нее есть, чтобы помириться с Богом, вымолить себе прощение через Иисуса Христа и просить припасов веры и всякой благодати, чтобы избавить ее от сил тьмы; и, прежде чем я произнес все это, она впадала в страшный припадок дьявольской пытки.

16. Некоторых из них спросили, как получилось, что они не испугались, когда увидели *черного человека*: они сказали, что сначала испугались, но потом уже не так сильно.

17. Некоторые из них утверждали, что видели, как *черный человек* сидел на виселице, и что он шептал на ухо некоторым приговоренным, когда те уже готовы были сверзиться с нее, даже когда они произносили свою последнюю речь.

18. Они объявили, что некоторые вещи были сделаны с помощью колдовства, которые произошли еще до рождения некоторых из них, - странные смерти людей, отбрасывание кораблей и т. д.; и они сказали, что призраки рассказали им об этом.

19. Некоторые из них много раз видели *белого человека*, появлявшегося среди призраков, и, как только он появлялся, *черные ведьмы* исчезали: они говорили, что этот белый человек часто предсказывал им, какую передышку они должны получить от своих припадков, иногда на день или два, или больше, что и происходило соответственно. Одна из страждущих сказала, что видела его во время припадка и была с ним в славном месте, где не было ни свечи, ни солнца, но было полно света и яркости, где было множество людей в белых, сверкающих одеждах, и они пели песню из Откр. 5, 9; Пс. 110, 149. Ей не хотелось покидать это место, и она сказала: "*Долго ли мне оставаться здесь? Позвольте мне быть с вами*". Она была опечалена, что не может больше оставаться в этом месте и в этой компании.

20. Одной молодой женщине, страдавшей страшным недугом, явился призрак с белой простыней, обернутой вокруг нее, не видимый для стоящих, пока эта страдальца (сильно пытаясь в своем припадке) не схватила, не ухватила и не оторвала угол этой простыни. Ее отец, находившийся рядом с ней, попытался ухватиться за него вместе с ней, чтобы она могла сохранить то, что получила; но, когда призрак ушел, он так сильно дернул рукой, как будто она должна была оторваться: сразу же после этого в руке страдальцы появился угол простыни - настоящей ткани, *видимой* зрителям, которую (как говорят) еще предстоит увидеть.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОБВИНЯЕМЫМ.

1. Одна женщина, которую привели на публичный допрос, пожелала пойти на молитву. Судьи сказали ей, что пришли не для того, чтобы слушать ее молитвы, а для того, чтобы допросить ее в связи с тем, что против нее выдвигались подозрения в колдовстве.
2. Было замечено, что как во время допроса, так и во время суда, обвиняемые казались мало затронутыми тем, чему подвергались страдальцы, или тем, в чем их обвиняли как орудие сатаны, так что зрители были огорчены их безразличием.
3. Они иногда являлись *в собственном образе*, и не всегда практиковали на маковках, сделанных из клубуков, воска или других материалов (согласно старым методам колдовства); ибо *естественные* действия в них, казалось, производили сверхъестественные впечатления на страдальцев, как, например, кусание губ во время осмотра и суда вызывало укусы страдальцев так, что они производили следы перед магистратами и зрителями: обвиняемые, сжимавшие руки, казалось, вызывали у страдальцев *щипки*; те, опять же, *били* ногами, и у них мучительно болели ноги и ступни, так что они *страшно били ногами*. После всего этого, если обвиняемые опирались на перекладину, у которой стояли, некоторые очень трезвые женщины из числа страдальцев жаловались, что у них болит грудь, как будто у них вырвали кишки; так, по признанию некоторых, они обычно мучили тех, кто был объектом их злобы.
4. Несколько человек были обвинены в том, что во время допроса и суда они имели близость с *черным человеком*, и что он шептал им на ухо, и поэтому они не могли слышать магистратов; и что одна женщина обвинялась в том, что она избавилась (в своем облике и призраке) от судебного места, позади черного человека, в то самое время, когда она была на допросе.
5. Когда подозреваемые стояли за решеткой, страдальцы утверждали, что видели их фигуры в других местах, сосущих желтую птицу; иногда в одном месте и в одной позе, иногда в другой. Они также предсказывали, что призрак заключенного собирается поразить такого-то или такого-то страдальца, что впоследствии и происходило.
6. Страдальцы обвиняли их в том, что они проводят дни адских постов и благодарений; и в один из постных дней они сказали одной страдальце, что она не должна есть, так как это был постный день. Она сказала, что будет есть: они сказали ей, что тогда они ее задушат, что и было сделано, когда она ела.
7. Их также обвинили в проведении и совершении дьявольских таинств, а именно: шуточного крещения и дьявольской вечери, на которых они, проклиная имитацию священных установлений нашего благословенного Господа, использовали такие формы слов, от которых можно было содрогнуться при самом повторении: о крещении я расскажу в другом месте. На их проклятом ужине, как говорят, был красный хлеб и красное питье; и когда они заставили одну страдальцу есть и пить его, она отвернула голову, плюнула на него и сказала: "Не буду есть, не буду пить: это кровь. Это не хлеб жизни, это не вода жизни; и я не буду пить ничего из вашего". Так ужасно старается сатана, чтобы его царство и управление походили на царство и управление нашего Господа Иисуса Христа.
8. Некоторые из самых *трезвых* страдальцев, когда выздоравливали, утверждали, что им являлись призраки тех, на кого они жаловались в своих припадках, и могли рассказать, что происходило между ними и этими явлениями, после того как припадки заканчивались, и дать отчет в том, как они им вредили.

9. Некоторые из обвиняемых ни во время допроса, ни во время суда не признавались ни в чем из того, в чем их обвиняли: одни не позволяли ни одному священнику молиться с ними, другие отказывались молиться за себя. Некоторые из признавшихся ведьм говорили, что те, кто принял таинство дьявола, никогда не могут исповедоваться: только одна осужденная женщина после подписания смертного приговора свободно призналась, что позволило ей на некоторое время отсрочить приговор; и было замечено, что у этой женщины был один локон волос очень большой длины, а именно четыре фута и семь дюймов в длину по мерке. Этот локон отличался по цвету от всех остальных, которые были короткими и седыми. Он рос на задней части ее головы и был сплетен вместе, как эльфийский замок. Суд приказал отрезать его, чего она очень не хотела, и сказала, что ей сказали, что если его отрезать, то она умрет или заболеет; тем не менее суд постановил, чтобы так и было.

10. Человек, которого дьяволы часто возили туда-сюда в течение почти двух лет, был поражен немотой примерно на девять месяцев из этого времени; однако после этого к нему вернулась речь, и он дал показания под присягой, что в то время, когда он был немым, его много раз телесно возили в места, где собирались ведьмы, и что он видел там пиршества и танцы; и, когда его ударяли по спине или плечу, его таким образом приковывали к месту, и он мог видеть и слышать только на расстоянии. Он присягнул, что своими телесными глазами несколько раз видел некоторых из обвиняемых на тех собраниях ведьм. Я присутствовал в суде, когда он давал свои показания. Он также доказал через разных людей, что в те времена, когда его перевозили, он телесно отсутствовал в своем жилище и нигде не мог его найти, но, встретившись с некоторыми на дороге, на расстоянии от своего дома, был внезапно увезен от них.

11. Пострадавшие рассказывали, что среди остальных были приведены призраки нескольких выдающихся людей; но, как говорили страдальцы, дьявол не мог причинить им вреда в их облике, а две ведьмы, казалось, брали их за руки и вели или заставляли войти.

12. Когда один благочестивый человек молился с одной страдающей женщиной, дочь этой женщины (страдавшая подобным образом) утверждала, что видела двух обвиняемых в молитве дьяволу.

13. Существенными доказательствами против одного обвиняемого было доказано, что он обладал такой необычной силой (хотя и был очень маленького роста), что мог одной рукой держать ружье за ствол, который был почти семь футов в стволе, то есть столько, сколько может взять обеими руками похотливый мужчина при обычном способе стрельбы. Было также доказано, что он в одиночку поднимал из каное бочки с мясом и бочки с патокой и, засунув пальцы в бочку с патокой (по обычаю, на расстоянии пальца), пронес ее несколько шагов; и что он засунул палец в дуло ружья, которое было более пяти футов в стволе, и поднял его, замок, ложе и все остальное, без какой-либо видимой помощи. Также было засвидетельствовано, что, находясь за границей со своей женой и братом жены, он иногда оставался позади, позволяя жене и ее брату идти вперед; но, внезапно подойдя к ним, он рассердился на свою жену за то, что разговор между ней и ее братом; они удивились, откуда он это знает, он сказал: "Я знаю ваши мысли"; на это выражение они, пораженные, спросили его, как он может это делать; он ответил: "Мой Бог, которому я служу, открывает мне ваши мысли".

Я присутствовал, когда против него свидетельствовали, и заметил, что он не мог выдвинуть в свою защиту (в этих делах) ни одного довода, который имел бы вес: он имел право отвода присяжных перед выбором, согласно уставу того дела, и воспользовался своей свободой, отведя многих; тем не менее присяжные признали его виновным.

14. Магистраты в частном порядке допросили ребенка четырех или пяти лет, о котором говорилось в замечаниях о страждущих, разд. 11: [п. 530] и ребенок сказал им, что у него была маленькая змея, которая присасывалась к самому нижнему суставу его указательного пальца; и когда они (спрашивая, где) указывали на другие места, он говорил им не *там*, а *здесь*, указывая на самый нижний сустав указательного пальца, где они заметили глубокое красное пятно величиной с блошинный укус. Они спросили его, кто дал ему эту змею, не чернокожий ли человек: ребенок ответил, что нет, его дала мать. Я слышал, как этого ребенка осматривали мировые судьи.

15. Различными свидетельствами против некоторых обвиняемых было доказано, что по их злобным наговорам, пожеланиям или угрозам произошло много заметных смертей и болезней, а также много других странных неудобств со скотом и другим имуществом тех, кому они угрожали, а также с лицами мужчин и женщин.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ВЕЩИ, В КОТОРЫХ ПРИЗНАВАЛИСЬ НЕКОТОРЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ В КОЛДОВСТВЕ.

1. Богу было угодно для более ясного раскрытия тайн царства тьмы так распорядиться, что несколько человек, мужчин, женщин и детей, признались в своих адских делах, как это следует из нижеследующего: - 2.
2. Они признались сами себе, что были ведьмами, рассказали, как долго они были таковыми, и как случилось, что дьявол явился им, а именно: иногда из-за недовольства своим низким положением в мире, иногда из-за красивой одежды, иногда для удовлетворения других плотских и чувственных похотей. Тогда сатана, явившись им, дал им честные (хотя и ложные) обещания, что, если они уступят ему и подпишут его книгу, их желания будут исполнены до конца, после чего они подписали ее; и таким образом проклятая конфедерация была утверждена между ними и князем тьмы.
3. Некоторые утверждали, что в обществе ведьм насчитывалось несколько сотен человек, значительные компании которых, как утверждалось, собирались в оружии под барабанный бой. Во время экзаменов и судебных разбирательств они заявляли, что такой человек имеет обыкновение созывать их со всех концов на собрания ведьм под звуки дьявольской трубы.
4. Когда их привели к заключенным на суд, они подтвердили в открытом суде (я тогда присутствовал), что часто видели их на собраниях ведьм, где были пиры, танцы и веселье, а также на дьявольских таинствах; в частности, они видели такого человека среди остальных проклятых, и утверждали, что он совершал над ними таинство сатаны, побуждая их продолжать свой путь, и они непременно должны были победить. Они также сказали, что такая женщина - дьякон, и служила при раздаче дьявольских элементов: они утверждали, что ведьм было великое множество.
5. Они утверждали, что многие из этих несчастных душ были крещены в Ньюбери Фоллз и в нескольких других реках и прудах; что же касается способа крещения, то великий служитель ада брал их за тело и, опустив их головы в воду, говорил над ними: "Ты мой, я имею над тобой полную власть:", после чего они поклялись отречься от Бога, Христа, своего священного крещения и всего евангельского пути спасения и приложить все усилия, чтобы противостоять царству Христа, установить и продвигать царство сатаны.
6. Некоторые, исповедавшись, очень раскаивались в содеянном, били себя по рукам и с ужасом осознавали, что они сделали, и по милости Божьей были вызволены из этих ловушек царства тьмы.

7. Несколько человек признались против своих матерей, что они были орудием, чтобы ввести их в завет дьявола, чтобы погубить их, тело и душу; а некоторые девочки восьми или девяти лет заявили, что после того, как их матери отдали их во власть сатаны, они видели, как дьявол в их собственном облике идет, чтобы причинять страдания другим.

8. Некоторые из тех, кто исповедовался, сразу же подвергались ужасным страданиям, как и другие страдальцы.

9. Некоторые из них признались, что они причиняли страдания страдальцам в то время и так, как их в этом обвиняли; и когда их спросили, что они делали, чтобы причинить им страдания, некоторые сказали, что втыкали булавки в маковки, сделанные из тряпок, воска и других материалов: одна, которая призналась после подписания смертного приговора, сказала, что она причиняла им страдания, сжимая и сжимая свои руки вместе, и желала, в какой части и каким образом она хотела бы их поранить, и это было сделано.

10. Они признались, что этим колдовством было задумано искоренить интерес Христа в Новой Англии, и что они начали в Виллидже, чтобы укоренить царство тьмы и его силы; объявив, что такой-то мужчина -- должен быть главным колдуном и за свою деятельность в этом деле должен быть коронован королем ада, а такая-то женщина -- должна быть королевой ада.

Таким образом, я дал моему читателю краткий и правдивый отчет об этих страшных и удивительных операциях и кознях Князя Тьмы: и я должен назвать их таковыми; ибо, пусть некоторые люди сколь угодно недоверчиво относятся к могущественному и злобному влиянию злых ангелов на умы и тела человечества, *уверен, что* никто из наблюдавших вышеописанные вещи не мог бы отнести их к чему-либо иному, кроме суверенного позволения святого Бога, и злобных операций его и нашего непримиримого врага. Я рассказал здесь только то, что было признано правдой судьями, заседавшими на скамье подсудимых, и другими заслуживающими доверия лицами, которых я представлял без предубеждения и пристрастия.

Поэтому я завершаю все моими непрестанными молитвами о том, чтобы великий и вечный Иегова ради своего благословенного Сына, нашего самого славного заступника, обличил сатану и так побеждал его время от времени, чтобы его власть с каждым днем все больше и больше подавлялась, его царство разрушалось; и чтобы все его злобные и проклятые орудия в этих духовных злодеяниях скрежетали зубами, таяли и стыдились в своих тайниках, пока не придут на суд и осуждение в место вечного горения, приготовленное для дьявола и ангелов его, чтобы там мучиться с ним во веки веков.

III.

ПИСЬМО Р.П. ДЖОНАТАНУ КОРВИНУ.

Солсбери, 9 августа 1692 года.

Достопочтенный сэр, - Как и в прежнем письме к вам, я намекнул, что считаю себя обязанным дать вам более подробный отчет о моих грубых, хотя и торжественных мыслях по поводу того великого дела, которое сейчас находится перед вами и счастливое управление которым так много способствует славе Божьей, безопасности и спокойствию страны, Кроме того, что я сказал в предыдущем и прилагаемом письме, я еще смиренно представляю на рассмотрение сомнительность и небезопасность принятия показаний призраков против

жизни тех, кто ведет безупречный образ жизни и признает себя невиновным, из-за их недостоверности и неправдоподобности; Ибо что касается дьявольских видений, явлений или представлений, то они чаще всего ложные и обманчивые, чем настоящие, и узнать, когда они настоящие, а когда притворные, можно только по сообщению дьявола, а ему верить нельзя, потому что он - отец лжи.

1. Либо злоупотребляют органом зрения и вводят чувства в заблуждение, чтобы они думали, что видят или слышат какую-то вещь или человека, хотя на самом деле это не так, и это часто случается с обычными жонглерами.

2. Сам дьявол предстает в облике и подобии человека или вещи, когда это не он сам; так он поступил в облике Самуила.

3. Иногда люди или вещи действительно появляются, но как может кто-либо дать правдивое свидетельство, что, возможно, он не видел ни фигуры, ни человека, но был в заблуждении; а если он и видел что-то, то не знает, был ли это человек или только его фигура. Все, что можно рационально и правдиво сказать в таком случае, - это то, что я действительно видел фигуру или подобие такого-то человека, если мои чувства или зрение не были обмануты: и они не могут честно сказать больше, потому что не знают больше (разве что дьявол скажет им больше); а если он скажет, они могут только сказать, что он сказал им это. Но дело все равно невероятное: во-первых, потому что они лишь говорят, что дьявол им это сказал; если он и сказал, то истинность этого остается недоказанной, потому что дьявол - лжец и человекоубийца (Ин. viii. 44) и может сказать эту ложь, чтобы убить невинного человека.

Но это дело, кажется, решается утверждением одних, которые утверждают, что дьявол не появляется или не может появиться в облике благочестивого человека, чтобы причинить вред: другие утверждают обратное и говорят, что он может и часто это делал, чего они приводят много примеров для доказательства того, что они говорят; что, если согласиться, дело остается еще не решенным, и все же это самый шарнир, от которого зависит это весомое дело. На что я смиренно отвечаю: Во-первых, я сожалею, что так необходимо определить такой вопрос, который, кажется, не может быть определен, если это возможно, к непогрешимому удовлетворению из-за отсутствия ясного Писания, чтобы решить его, хотя очень рационально, чтобы верить согласно правилам; как, например, если утверждаются различные примеры формы людей, которые были замечены, о которых есть достаточно свидетельств, что они жили и умерли в вере, однако, говорит возражающий, "возможно, они могут быть лицемерами, поэтому доказательство не непогрешимо: И как можно допустить такое возражение против доводов, приведенных в утвердительной части, тем более можно сделать такое же возражение против отрицательной части, для которой они не могут привести или не приводят вообще никаких доводов, и отрицательная часть не может быть доказана (поэтому трудно быть определенным, чтобы удовлетворить безошибочно); но, видя, что это должно быть обсуждено, я смиренно предлагаю эти несколько слов: Во-первых, я смиренно полагаю, что святые на земле не более привилегированы в этом случае, чем святые на небе; но дьявол может явиться в облике святого на небе, а именно в облике Самуила (1 Цар. xxviii. 13, 14); поэтому он может или может принять облик святого, находящегося на земле. Кроме того, могут быть невинные люди, которые не являются святыми, и их невинность должна быть их безопасностью, как и благочестивых людей; и я не слышу, чтобы кто-то сомневался, что дьявол может принять их облик.

Во-вторых, ни одному мужчине или женщине не повредит представить форму или подобие невинного человека, не больше, чем известицу или резчику нарисовать свою картину и показать ее, если он не сделает в этой форме какого-то зла (да и то не факт), если законы

человеческие не обяжут его страдать за то, что дьявол делает в своей форме, то законы Божьи - нет.

В-третьих, дьявол имел власть, с Божьего позволения, взять саму личность Господа нашего Иисуса Христа в день или время Его унижения и переносить Его с места на место, искушать Его ужасными богохульствами и при этом оставить Его невиновным. Почему бы нам не предположить, что то же самое можно сделать и с хорошим человеком? И почему бы не появиться в его облике (или заставить людей думать, что это его облик, когда на самом деле это не так), и при этом человек будет невиновен, находясь достаточно далеко и не зная об этом, да и не согласился бы, если бы знал, ведь его профессия и общение были иными?

В-четвертых, я полагаю, что все признают, что личность умершего не может появиться, потому что душа и тело разделены, и таким образом личность растворяется и перестает быть: И так же несомненно, что человек живой не может быть в двух местах в одно время, но тот, кто находится в Бостоне, не может быть в Салеме или Кембридже в одно и то же время; но как злоба и зависть в дьяволе делает его делом искать, кого он может поглотить, так несомненно, что он вводит то же качество в тех, кто оставляет Иисуса Христа, чтобы принять его, что они завидуют тем, кто невинен, и по этому поводу так же готовы сказать и поклясться, что они видели их, как дьявол представляет им их форму. Добавьте к этому еще и то, что, попав в его власть, он бросается на них с головой (они должны идти, кого дьявол гонит, гласит пословица), и причина ясна - они взяты им в плен, чтобы исполнять его волю. И мы видим на убедительном и неопровержимом опыте, как на страждущих, так и на исповедниках, некоторых из них, что он мучает их в свое удовольствие, чтобы заставить обвинять других. Некоторые склонны сомневаться, что они лишь подделываются; но, бедные души! Я совершенно другого мнения и всем сердцем сожалею о них; но, как ни относиться к этому, в главном дело обстоит одинаково. Ибо, если они подделывают, то зло больше на них, и меньше на дьяволе: если же их принуждает к этому дьявол, против их воли, то грех принадлежит дьяволу, а страдания - им; если же допустить, что их свидетельства делают людей виновными, то жизнь невинных людей в равной степени подвергается опасности из-за них, что является торжественным соображением, приводящим страну в смятение.

Итак, чтобы единственно мудрый Бог мог так направлять вас во всем, чтобы Он имел славу, страна - мир и безопасность, а ваши руки были укреплены в этом великом деле, - таково желание и постоянная молитва вашего покорного слуги, Р.П., который не должен более беспокоить вас в настоящее время.

Позиция. - Что предать ведьму смерти - это повеление Бога и, следовательно, непременная обязанность человека, а именно магистрата (Исх. xxii. 18); что, как я слышал, разрешает два вопроса, которые задают некоторые:.

Во-первых, существуют ли на свете такие существа, как ведьмы. Во-вторых, если есть, то могут ли люди знать, что они таковы: оба вопроса должны быть решены утвердительно, иначе эта заповедь была бы напрасной.

Позиция вторая: что смерти должны предаваться именно ведьмы, а не невинные люди: "Не осуждай ни невинного, ни праведного" (Исх. xxiii. 7).

Вопрос. - Исходя из этого, мы приходим к следующему вопросу, а именно: как можно узнать, что ведьма - это ведьма.

Ответ: во-первых, устами двух или трех свидетелей (Втор. xix. 15; Мф. xviii. 16; Втор. xvii. 6). Во-вторых, их можно узнать по их собственному признанию, когда они находятся в здравом уме и не подвержены ужасному искушению погубить себя (2 Цар. xvi.; Иис. vii. 16).

Второй вопрос: в чем должны поклясться эти два или три свидетеля? Должны ли они поклясться, что такой-то человек - ведьма? Будет ли это сделано, как принято считать?

Ответ: - Я думаю, что это слишком небезопасно, чтобы идти путем, а также трудно, чтобы это было сделано по совету: Во-первых, потому, что это подвергнет жизни всех одинаково удовольствию или страсти тех, кто задумал их отнять; во-вторых, потому, что при таком показании свидетели становятся не только доносчиками, но и единственными судьями преступления, что является надлежащей работой судей, а не свидетелей.

Вопрос третий. - Что должны засвидетельствовать свидетели, чтобы доказать, что человек является ведьмой?

Ответ: Они должны засвидетельствовать, что человек совершил некий поступок, который, если он верен, является актом колдовства или знакомства с дьяволом; свидетель должен подтвердить этот факт, что он ему точно известен, а судьи должны признать этот факт преступлением.

Вопрос четвертый: какие действия, совершенные человеком, должны быть доказаны, чтобы считаться законным доказательством колдовства или знакомства с дьяволом?

Ответ: - Я считаю, что это настолько трудный вопрос, что из-за отсутствия света из Слова Божьего и законов человеческих я не знаю, что на него ответить; и поэтому смиренно полагаю, что в таких затруднениях, возможно, будет более безопасно в настоящее время оставить виновного в живых до дальнейшего раскрытия, чем предать смерти невиновного человека.

Во-первых, потому что виновный может быть впоследствии обнаружен и предан смерти, а невиновный, который будет предан смерти, не может быть возвращен к жизни, если он уже умер.

Во-вторых, потому что тайное принадлежит только Богу, а явное - нам и нашим детям. И хотя иногда это так трудно, все же ведьмы существуют, и их можно узнать по некоторым действиям, которые они совершают, и которые могут сделать их таковыми; из примеров Писания я могу вспомнить лишь несколько в Ветхом Завете, кроме Валаама (Числ. xxii. 6, xxxi. 16).

Во-первых, колдуны Египта не могли сказать толкование сна фараона, хотя он и рассказал им свой сон (Быт. xli. 8): у его преемников после этого были колдуны, которые, во-первых, превращали свои жезлы в змей (Исх. vii. 11, 12); во-вторых, превращали воду в кровь; в-третьих, наводили лягушек на землю Египта (Исх. viii. 7).

В-третьих, чародеи Навуходоносора сказали, что скажут ему толкование, если он расскажет им свой сон (Дан. iv. 7); но царь не поверил им (ст. 8, 9).

В-четвертых, колдунья из Эндора воскресила дьявола в образе Самуила, чтобы он рассказал Саулу его судьбу; и Саул воспользовался им (1 Цар. xxviii. 8, 11-15); что касается Нового Завета, то я вижу очень мало подобного. Господь наш Иисус Христос изгонял многих бесов, как и Его ученики, как во время Его пребывания на земле, так и после, из которых некоторые были в ужасном положении (Марк ix. 18; Марк v. 2-5); но о ведьмах мы читаем только о

четырех, упомянутых во времена апостолов: во-первых, Симон Магус (Деян. viii. 9, 11); во-вторых, колдун Елима (Деян. xiii. 6, 8); в-третьих, семь сыновей Сцевы, еврея, которые были бродячими иудеями, - экзорцистами (Деян. xix. 13-16); в-четвертых, девушка, которая духом прорицания принесла своему господину большую прибыль (Деян. xvi. 16), гадала ли она или находила потерянные вещи, как это делают наши хитрые люди, не сказано; но что-то было сделано этим духом, который был в ней, и который, будучи изгнан, она не могла сделать. Итак, что бы ни было сделано кем-либо из них с помощью дьявола или в силу знакомства с ним, или что бы дьявол ни сделал с их согласия или по их наущению, именно это, как теперь доказано, было сделано другими, является законным обвинением в колдовстве или знакомстве с дьяволом.

Насколько я помню, мистер Перкинс полагает, что колдовство иногда может совершаться в силу неявного договора с дьяволом, хотя между ними нет явного договора; а именно, с помощью таких слов и жестов, с помощью которых они намекают дьяволу, что они хотели бы, чтобы он сделал, и он делает это.

3. Рассказывать об условных событиях или приводить что-либо в исполнение сверхъестественными средствами или без таковых.

Я слышал о некоторых, которые делают круг и бормочут какие-то нелепые слова; и о некоторых, которые были злобными и подозрительными людьми, которые посылали за горстью соломы из дома или сарая того, кому они были обязаны злобой, и дом сжигался, как сжигали солому, которую они принесли.

Когда много лет назад капитана Смита выбросило на корабль, построенный мистером Стивенсом в Глостере, говорили, что женщина, которую обвиняли в этом, поставила блюдо в кадку с водой и несколько раз посылала свою девушку посмотреть, как движется блюдо, пока наконец оно не перевернулось, и тогда женщина сказала: "Теперь Смита нет" или "его выбросило".

Мой сосед, житель Хэмпшира, рассказывал, что подозреваемая женщина хотела чего-то от кого-то из семьи, а когда ей отказали, она то ли зарычала, то ли пригрозила, и за этим внезапно последовало какое-то зло, и ее посадили в телегу, чтобы везти в Винчестер; а когда они проехали немного, упряжка не могла сдвинуть телегу с места, хотя ехали по ровной земле. Хозяин велел нести вязанку соломы и сжечь ее в телеге; чтобы избежать этого, она сказала, что они должны идти рядом, и они так и сделали. Так они делали несколько раз, пока не приехали в Винчестер, и тогда люди, которые шли с ней, дали клятву, и ее казнили.

Некоторые из них превращались в собак, кошек, зайцев, свиней и других существ; в этих обликах они иногда получали раны, которые делали их несомненно виновными, и так признавались. Иногда к ним присасываются их импы, или безошибочные признаки того, что они присосались, в поисках которых следует проявлять большую осторожность, из-за некоторых излишеств природы и болезней, которым подвержены люди, таких как кипа и т. д., Судьи должны по показаниям свидетелей определять, какое преступление доказывается тем или иным из этих обстоятельств, а также многими другими, в которых Богу угодно много раз какими-либо явными действиями вывести на свет тайное злодеяние для явного осуждения, иногда по их собственному необходимому признанию, благодаря чему те, кого Он повелел предать смерти, могут быть известны как таковые, что, когда известно, тогда долг предать их смерти, а не прежде, хотя они были так же виновны прежде, как и тогда.

Есть еще два вопроса относительно того, что нам подобает делать в это время, о которых у нас нет сведений, что они были обычными в другое время или в других местах; а именно, вот эти

Пятый вопрос: что мы должны думать о тех людях в Салеме или в деревне, к которым приводят людей, чтобы узнать о них, или иным образом быть с ними связанными, чтобы их задержали или оправдали.

Отвечаю: из всех людей я менее всего могу высказывать какие-либо предположения на этот счет, поскольку не знаю его, сам никогда не видел и не знаю о нем ничего, кроме сообщений, в которых, надо полагать, возможна некоторая ошибка, частичная или полная; но то, что я здесь слышал, сводится к следующему: Во-первых, они рассказывают, кто такие ведьмы, причем некоторых они знают, а некоторых - нет. Во-вторых, они рассказывают, кто мучил такого-то и такого-то человека, хотя они не знают этого человека. В-третьих, они сами мучаются от взглядов присутствующих, и снова выздоравливают от прикосновений к ним. В-четвертых, если они смотрят на них, то падают от мучений; если же обвиняемые смотрят от них, то выздоравливают или не впадают в эти мучения. В-пятых, они могут сказать, когда идет человек, прежде чем увидят его, и какая у него одежда, и что он сделал за несколько лет, в чем его никто никогда не обвинял и не считает виновным. В-шестых, что мертвые из своих могил являются им и говорят, что они были убиты, и требуют, чтобы они увидели их, чтобы отомстить убийцам, которых они им называют; некоторые из этих людей, как известно, умерли естественной смертью и были публично похоронены на виду у всех людей. Итак, если это так, то я утверждаю следующее.

Во-первых, что все, что делается ими сверхъестественного, является либо божественным, либо дьявольским.

Во-вторых, что ничто не является и не может быть божественным, кроме того, что имеет на себе печать Бога, на которую он ссылается для испытания (Ис. viii. 19, 20): "Если они говорят не по ним, то нет в них света".

В-третьих, по этому правилу ни одно из этих их действий не имеет никаких оснований в Слове Божьем, но полностью осуждается.

Во-первых, совершенно незаконно спрашивать мертвых или получать от них информацию (Ис. viii. 19). Колдунья Эндорская воскресила мертвого, а нечестивец Саул - его расспрашивал (1 Цар. xxviii. 8, 11-14; Втор. xviii. 11).

Во-вторых, подобное зло - обращаться к тем, кто имеет знакомых духов (Лев. xix. 31). Этим грешил Саул в вышеупомянутом месте (1 Цар. xxviii. 8); и нечестивый Манассия (2 Цар. xxi. 6).

В-третьих, не Бог и не добрые ангелы, а дьявол, чьей манерой всегда было так поступать. Посмотрите, как он поступил с бедным ребенком (Мк. ix. 17, 19, 20-22) и с человеком, который был одержим им (Мк. v. 2-5); кроме того, что он сделал с Иовом (Иов ii. 7), и всю ложь, которую он говорил против него перед лицом Бога.

В-четвертых, то же самое можно с полным основанием сказать и обо всех остальных. Кто должен говорить им о том, чего они не видят, как не дьявол; особенно если некоторые вещи, которые он говорит, ложны и ошибочны?

Вопрос шестой: "Исходя из этого, переходим к последнему и самому большому вопросу, а именно: как узнать, когда дьявол совершает любое из этих действий по своему собственному желанию, без участия человека, без его согласия или подстрекательства, и когда он делает

это по внушению или согласию кого-либо? Этот вопрос, если его хорошо разрешить, сделает наше дело.

Во-первых, следует признать, что дьявол может совершать сверхъестественные действия без содействия ему со стороны людей, но мужчины или женщины не могут совершать их без помощи дьявола. Из этого следует, что дьявол всегда является исполнителем, а вот содействует ли ему кто-либо в этом - неизвестно.

Во-вторых, достаточно ли будет самому дьяволу сказать, что такой-то мужчина или женщина задали ему работу, чтобы мучить такого-то человека, глядя на него? Является ли дьявол компетентным свидетелем в таком случае?

В-третьих, являются ли те, кого он мучает, законными свидетелями, говорящими, что дьявол делает это по наущению такого-то человека, тогда как они ничего не знают об этом, кроме того, что приходит к ним от дьявола (который их мучает)?

В-четвертых, можно ли верить ведьмам, которые обвиняют кого-либо, потому что они так говорят (может ли плод быть лучше дерева)? Если корень всех их знаний - дьявол, то каким должно быть их свидетельство?

В-пятых, их свидетельство может быть законным против них самих, потому что они знают, что делают сами, но не могут знать, что делает другой, кроме как через информацию от дьявола: Я имею в виду такие случаи, когда обвиняемый отрицает это, а его разговор безупречен (Пр. xviii. 5; Пр. xix. 5).

Во-первых, это прямо противоречит здравому смыслу, закону природы и принципам гуманности: отрицать и признавать себя невиновным, когда тебя обвиняют в колдовстве, и в то же время заниматься колдовством на глазах у всех людей, когда они знают, что их жизнь поставлена на карту, делая это. Собственный интерес учит каждого лучше.

Во-вторых, обвинять ведьм - это противоречит природе дьявола или его обычной практике. Они составляют значительную часть его царства, которое падет, если разделится само на себя (Матф. xii. 26); разве что мы подумаем, что говоривший эти слова не понимал того, что говорил (что было бы богохульством); или что эти общие принципы или максимы теперь изменились; или что дьявол изменил свою природу и теперь стал реформатором, чтобы очистить ведьм из мира, из страны и из церквей; и ему следует верить, хотя он лжец и душегуб с самого начала, а также хотя его дело - постоянно ходить и искать, кого погубить (1 Пет. ст. 8); и особым предметом его обвинений являются братья: он называется обвинителем братьев.

Возражение. - Иногда Бог своим провидением выводит вещи на свет необычным образом.

Ответ: - Разумеется, Бог так поступает и выводит на свет скрытые вещи, которые при рассмотрении оказываются доказанными или признанными, и таким образом путь для их исполнения становится свободным; но что это значит в данном случае, когда дьявол является обвинителем и свидетелем?

IV.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЦЕРКОВНЫХ ЗАПИСЕЙ МИСТЕРА ПАРРИСА ИЗ ЦЕРКОВНЫХ ЗАПИСЕЙ.

[Следующие отрывки взяты из записей церкви деревни Салем как образцы стиля повествования мистера Парриса в этом интересном документе и как проливающие свет на тему этих томов:]

Саб: 4 ноября [1694].- После проповеди во второй половине дня братьям было предложено, не следует ли церкви снова спросить у наших раскольников о причинах их раскола. Если никто не высказался против, было поставлено на голосование и принято положительное решение (всеми, насколько я знаю, кроме одного брата, Джоша Ри), что брат Джоно Тарбелл должен в следующий День Господень явиться и публично изложить свои причины; было предложено и обратное, если кто-то может что-то возразить против этого. Но никаких возражений не последовало; поэтому брату Натаниэлю Путнаму и дьякону Ингерсоллу было предложено передать это послание от церкви упомянутому брату Тарбеллу.

Саб: 11 ноября - Перед произнесением вечернего благословения брата Тарбелла открыто вызывали снова и снова; но, поскольку он не явился, за ответом обратились к посланникам вышеупомянутой церкви; после чего упомянутый брат Путнам сообщил, что упомянутый брат Тарбелл сказал ему, что не знает, как прийти к нам в День Господень, но желает, чтобы он явился в какой-нибудь будний день. После этого община была распущена с благословением, а церковь осталась и, проголосовав полным составом, вновь призвала упомянутого брата Тарбелла явиться в следующий День Господень для вышеуказанных целей; и дьякон Путнам и брат Джонатан Путнам были призваны быть посланниками к упомянутому брату-раскольнику.

Саб: 18 ноября - Упомянутый брат пришел после обеда; после проповеди его спросили о причинах его ухода; тогда он предъявил бумагу, которую ему настоятельно рекомендовали передать пастору, чтобы он сообщил о ней церкви; но он отказался, спросив, кто является глашатаем церкви. На что, когда ему ответили: "Пастор", он ответил: "Не в этом случае, потому что его обида была на него". Пастор спросил, есть ли у него обида на кого-нибудь из церкви, кроме пастора. Он ответил: "Нет". В конце концов мы позволили не члену церкви, мистеру Джозу Хатчинсону, прочитать это письмо: Хатчинсону, прочитать его. После пастор открыто прочитал перед всей общиной свои предложения о мире и примирении. После чего Тарбелл, похоже (по крайней мере) сильно задетый, сказал, что, если бы раньше было сказано вполтину меньше, до этого бы не дошло. Но он добавил, что, кроме него, недовольны и другие, и поэтому он хотел бы получить возможность, чтобы они тоже пришли, что и было немедленно предоставлено, а именно 26-го числа, в два часа.

26 ноября - На вышеупомянутом публичном собрании в доме собраний, после того как пастор сначала испросил у нас милости Божьей в молитве, он затем изложил церкви и общине (среди которых было несколько незнакомцев) причину нашего нынешнего собрания, как было указано на прошлом собрании. Затем, увидев вместе с братом Тарбеллом еще двух наших братьев-раскольников, а именно Сэма: Нерс и Томас Уилкинс (которые, в угоду своим замыслам, расположились на удобном месте), церковь немедленно, чтобы не посылать за ними, постановила, что указанные брат Уилкинс и брат Нерс должны теперь, вместе с братом Тарбеллом, изложить причины своего выхода из церкви. Затем пастор обратился ко всем

этим трем раскольникам, настаивая на желании церкви. Тогда они принесли бумагу, противясь тому, чтобы она попала в руки пастора и чтобы он ее прочитал; но в конце концов они уступили. Во время чтения этой бумаги брат Нерс посмотрел на другую (которая, по его словам, была оригиналом), и, после того как она была прочитана до конца, он сказал, что она совпадает с той, что была у него. Их документ был следующего содержания

"Причины, по которым мы отказываемся от общения с церковью деревни Салем, как в том, что касается слушания проповедуемого слова, так и в том, что касается участия в трапезе Господней, следующие

"1. Почему мы не посещаем публичные молитвы и проповедь Слова, а именно: (1.) Отвлекающие и мешающие шумы и гам, производимые людьми, находящимися под дьявольской властью и заблуждениями, мешающие иногда слышать, понимать и извлекать пользу из проповедуемого Слова; мы, после многих испытаний и опыта, не найдя никакого исправления в этом случае, сочли себя вынужденными идти туда, где мы могли бы слышать Слово в тишине. (2.) Опасаясь, что нас обвинят в том, что мы являемся орудием дьявола, чтобы досаждать и причинять страдания жалующимся, мы, видя, что тех, кого мы имели основания считать лучше себя, обвиняют, поносят и лишают жизни, предвидя это зло, сочли благоразумным удалиться. (3.) Мы обнаружили, что мистер Пэррис так часто и настойчиво проповедовал некоторые принципы и практики, ссылаясь на темные и мрачные тайны беззакония, действующие среди нас, что это было не выгодно, а оскорбительно. (4.) Мы также не могли, по совести, присоединиться к мистеру Пэррису во многих просьбах, с которыми он обращался в молитве, ссылаясь на проблемы, которые тогда были среди нас и на нас; поэтому мы сочли самым безопасным и мирным для себя способом удалиться.

"2. Причины, по которым мы не причащаемся с ними за столом Господним, таковы: во-первых, мы считаем себя справедливо ущемленными и обиженными на должностное лицо, которое это делает, по следующим причинам: (1.) Из его объявленных и опубликованных принципов, относящихся к нашим домогательствам из невидимого мира, отличающихся от мнения большинства православных священников всей страны. (2) Его легкая и твердая вера и убежденность в утверждениях и обвинениях, сделанных теми, кого они называют страждущими. (3.) Отказ от той благодати, которую, прежде всего, мы должны облечь в нее, а именно от милосердия к ближним, и особенно к тем, кто принадлежит к его церкви, когда нет видимых причин для обратного. (4.) Он одобряет и практикует неоправданные и необоснованные методы выяснения того, что он желал узнать, говоря о заколдованных или одержимых людях, например, приводит одних к другим и через них делает вид, что сообщает себе и другим, кто является орудием дьявола, чтобы причинять боль больным и страждущим. (5.) Его небезопасная и безотчетная клятва, данная им против нескольких обвиняемых. (6.) То, что он не представил миру честного, если это правда, отчета о том, что он написал при допросе страдальцев. (7.) Несколько небезопасных, если бы они были здоровыми, пунктов учения, высказанных в его проповеди, которые мы считаем неоправданными, если они христианские. (8.) Его упорство в этих принципах и оправдание его практики, не приносящее нам никакого удовлетворения, когда мы этого регулярно желаем, но скорее еще больше оскорбляющее и недовольное собой.

Джон Тарбелл".

То: Уилкинс.

Сэм: Сестра".

Когда пастор зачитал эти обвинения, он спросил вышеупомянутых раскольников, не обижаются ли они на кого-нибудь в церкви, кроме себя. Они ответили, что ни на кого не обижаются. Тогда пастор спросил их, отстранились ли они от причастия по причине того, что в церкви нет никого, кроме них самих. Они ответили, что отстранились только по моей вине. Тогда я прочитал им свои "Размышления о мире", упомянутые 18 мгновений назад; а именно.

"Поскольку несомненным долгом всех христиан является стремление к миру (Пс. xxxiv. 14), вплоть до его достижения, если это возможно (Рим. xii. 18, 19); и в то время как, по праведному, суверенному и ужасному Промыслу Божию, великий враг всякого христианского мира в последнее время был самым сильным образом выпущен на свободу в различных местах здесь, и особенно среди наших грешников, не только чтобы прервать тот частичный мир, которым мы иногда наслаждались, но также, посредством его козней и искушений и наших слабостей и развращения, сделать более широкие бреши и поднять более горькую вражду между слишком многими из нас, в котором темном и трудном положении мы все были, или большинство из нас, одно время были единоклубны, а потом стали по-разному думать, и, наконец, остались в неведении, - по серьезному размышлению всех и после многих молитв, я был вынужден представить вам (моей возлюбленной пастве) следующие сведения, в качестве вклада в восстановление христианского согласия (если, конечно, мы не совсем непримиримы, непримиримы и не лишены доброго духа, который прежде всего чист, потом миролюбив, кроток и прост в обращении, Иаков iii. 17); а именно, (1.) В том, что Господь распорядился, чтобы недавнее ужасное бедствие (которое затем, подобно чуме, распространилось во многих других местах) разразилось сначала в моей семье, я не могу не рассматривать как очень болезненное обличение и унижительное провидение, как для себя, так и для моих, и желать, чтобы мы могли исправить это. (2.) То, что в моей семье также были некоторые из обеих сторон, то есть обвинители и обвиняемые, я также рассматриваю как усугубление обличения, как добавление полыни к желчи. (3.) То, что в моей семье использовались средства (хотя до тех пор они были совершенно неизвестны ни мне, ни моим, кроме слуг, знакомым) для вызывания духов и создания явлений не иначе как дьявольским способом, я рассматриваю как дополнительное обличение Божественного Провидения. И в общем, я смиренно признаю в этот день перед Господом и Его народом, что Бог справедливо плюнул мне в лицо (Числ. xii. 14). И я желаю смириться под всеми этими упреками и положить руку на уста свои. (4.) Что касается управления этими тайнами, то, насколько это касается меня самого, я очень хочу (при дальнейшем освещении) признать все ошибки, в которые я впал и которые могу понять. Между тем, после размышлений я признаю, что, если бы те же беды повторились (которые Господь, по своей богатой милости, всегда предотвращает), я не во всем был бы согласен с моими прежними представлениями; так, например, (1.) Я не сомневаюсь, что Бог иногда попускает дьяволу (как в последнее время) причинять страдания в облике не только невинных, но и благочестивых людей, или так обманывает чувства страдальцев, что они твердо уверены, что их обида исходит от таких людей, тогда как на самом деле это не так. (2.) Улучшение состояния одного страдающего, чтобы узнать, кто страдает от других, боюсь, может быть использовано, и уже использовалось, незаконно, к большой выгоде сатаны. (3.) Что касается моего писания, то оно было возложено на меня властью; и в нем я был очень осторожен, чтобы не причинить вреда кому-либо (а). (4.) Что касается моей клятвы, то я никогда не имел ее в виду и не знаю, как ее можно истолковать иначе, чем в вульгарном и общепринятом смысле; да, и если поинтересоваться, можно обнаружить, что она тоже так сформулирована. (5.) Что касается любого отрывка из проповеди или молитвы в тот тяжелый час бедствия и тьмы, я всегда имел в виду только должную справедливость с каждой стороны, и то не по мнению человека, а Бога (который знает все в совершенстве), однако, по слабости или из-за тяжелых упражнений, я мог иногда, да, и возможно, много раз, непродуманно выразить себя. (6.) Что

касается некоторых, исповедовавшихся против самих себя, то, будучи совершенно незнакомыми мне, но, тем не менее, имеющими хорошую репутацию у людей, лучших, чем я, которым они также хорошо известны, я не выношу им даже тайного осуждения; напротив, видя, что Бог так удивительно удлинил цепь сатаны в этом самом грозном преступлении, я гораздо больше склоняюсь к мнению тех, кто имеет основания надеяться на лучшее о них. (7.) Что касается всех, кто неоправданно пострадал в этих делах (как в своих личностях, так и в отношениях), по причине человеческой слабости, а также сатанинских хитростей и софистики, я искренне сочувствую им; принимая как данность, что те, кто очистил себя от этой великой транс грессии, или те, кто имеет достаточные основания так смотреть на своих дорогих друзей, подверглись таким тяжким испытаниям и искушениям, что не обычной меры истинной благодати было бы достаточно, чтобы предотвратить обретение остатков порока. (8.) Я очень высокого мнения и убежден, что Бог (ради святых целей, хотя и для того, что в частности лучше всего известно Ему самому) попустил злым ангелам вводить нас в заблуждение с обеих сторон, но насколько с одной или с другой - это я сказать не могу. И, если мы не сможем примириться, пока не придем к полному пониманию этих вещей, боюсь, мы никогда не придем к согласию, или, в крайнем случае, не в этом мире. Поэтому (9), в общем, дело настолько темное и запутанное, что в настоящее время не видно, чтобы все слуги Божьи были единодушны во всех обстоятельствах, касающихся того же самого, я самым сердечным образом, горячо и смиренно прошу милосердного Бога простить меня через кровь Христа за все мои ошибки и прегрешения в столь важном деле; а также о прощении всех моих проступков в этом и других делах, в которых, как вы видите или полагаете, я ошибся и оскорбился; исповедуя перед лицом Всемогущего Бога, что то, что я сделал, было, по существу, тем, что я считал долгом, - однако по слабости, невежеству и т. д., я мог ошибаться; я также, по благодати, обещаю каждому из вас быть таким же, как я. И еще: я прошу, умоляю и умоляю вас, чтобы сатана, дьявол, рыкающий лев, старый дракон, враг всякой праведности, больше не служил нам, нашей завистью и раздорами, где всякое злое дело преобладает, пока они властвуют (Иса. iii. 14-16); но чтобы все, начиная с этого дня, были покрыты мантией любви, и чтобы мы все прощали друг друга сердечно, искренне и тщательно, как мы надеемся и молимся, чтобы Бог, ради Христа, простил каждого из нас (Мф. xviii. 21 *ad finem*; Кол. iii. 12, 13). Итак, облекитесь, как избранные Божиим, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, друг друга терпя и прощая. Если кто на кого имеет ссору, как Христос простил вас, так и вы поступайте (Еф. iv. 31, 32). Всякое ожесточение и гнев, и ярость, и злоречие, и злословие да будут удалены от вас, со всякою злобою; и будьте друг ко другу добры, кротки, прощайте друг друга, как и Бог ради Христа простил вас. Аминь, аминь.

Сэм: Пэррис.

"26 ноября 1694 года".

[В записи, за вычетом пункта (а), как указано выше, следующее написано мистером Паррисом:]

(а) Добавил, по желанию совета, следующий абзац: "Тем не менее, я боюсь, что в толпе многих вещей, написанных мною во время позднейших смут, не всегда использовалась должная точность; и, поскольку теперь я вижу неудобство в том, что я так много пишу в тех трудных случаях, я бы оплакивал каждую ошибку в таких письмах" - 3 апреля 1695 года. Idem. С.П.

[Приведенный выше отрывок (а) вставлен в оставленное для него маргинальное пространство на странице, содержащей протокол собрания от 26 ноября 1694 года, в то

время как он датирован 3 апреля 1695 года, и предполагает, что он был добавлен "по желанию совета", который собрался в указанный день. Есть и другие признаки того, что запись о спорах мистера Пэрриса с недовольными братьями, возникших в результате разбирательства в 1692 году, была сделана первоначально на отдельных листах бумаги, а затем скомпилирована и внесена в церковную книгу, как она и выглядит. Есть еще несколько записей, которые относятся к более поздним датам. Вероятно, он сделал свои записи ближе к концу борьбы, которая привела к его отстранению, и оставил их на страницах книги как свою историю этого дела. После изложения своих "Медитаций о мире" запись продолжается:-]

После того как я прочитал эти вышеупомянутые предложения, я пожелал, чтобы братья сами заявили, остаются ли они по-прежнему недовольными. Брат Тарбелл ответил, что они желают обдумать это и получить копию того, что я прочитал. Я ответил, что тогда они должны подписаться под своими доводами (о которых говорилось выше), ибо пока они анонимны: так что в конце концов, с немалым трудом, я приобрел подписку на их обвинения своими вышеупомянутыми уговорами, которые я дал им, подписавшись моим именем, для рассмотрения; и на этом собрание распалось. Заметьте, что во время этих волнений с нашими раскольничьими братьями они часто перешептывались с приходящими и уходящими к ним и от них; особенно с Дэном: Эндрюс и То: Престон от мистера Израэля Портера, и Джос: Хатчинсона и т. д.

30 ноября 1694 г. Брат Нурс и брат Тарбелл (взяв с собой Джозефа Патнэма и То Престона) ночью пришли ко мне домой, где нашли двух дьяконов и нескольких других братьев, а именно: То: Патнэма, Джона Патнэма-младшего, Бенджа. Уилкинса и Иезека: Чивера, а также лейтенант Джно Уолкот. И брат Тарбелл сказал, что они пришли, чтобы ответить на мою бумагу, которую они сейчас рассматривали, и их ответ был таков: они остались недовольны и желали, чтобы церковь созвала совет, согласно совету, который мы недавно получили от служителей".

[О попытках "недовольных братьев" добиться созыва общего совета для решения спора между ними и мистером Пэррисом было рассказано [на стр. 493](#). 14 июня 1694 года ему было направлено письмо, в котором за подписью Джона Хиггинсона, члена Первой церкви в Салеме; Джеймса Аллена, члена Первой церкви в Бостоне; Джона Хейла, члена церкви в Беверли; Сэмюэла Уилларда, члена Старой Южной церкви в Бостоне; Сэмюэла Чивера, члена церкви в Марблхед; и Джозефа Герриша, члена церкви в Уэнхеме, он согласился на созыв такого совета. Николас Нойес присоединился к совету, "с оговоркой, что он не будет избран одним из членов совета". Мистер Пэррис ухитрился не последовать совету. 10 сентября господа Хиггинсон, Аллен, Уиллард, Чивер и Джерриш вновь, в серьезных и весьма императивных выражениях, повторили свой совет в другом письме к мистеру Пэррису. Не смея больше сопротивляться их власти, он уступил и согласился на взаимный совет на определенных условиях, одним из которых было то, что ни одна из церквей, чьи служители принудили его к этой мере, не должна быть членом совета. В следующих отрывках приводится развязка этого дела в изложении мистера Парриса в его записной книжке:-]

12 февраля [1695 г.] церковь снова собралась, как было решено в прошлый раз; и через некоторое время наши раскольники, То: Уилкинс, Сэм: Нерс и Джно Тарбелл тоже пришли. После того как мы постоянно умоляли Бога быть с нами, мы попросили наших братьев-раскольников сообщить нам, примут ли они наши последние предложения, которые они хотели рассмотреть до сегодняшнего дня. Они ответили, что готовы отказаться от шести церквей, от пресвитеров которых мы получили вышеупомянутый совет от 14 июня прошлого года; но они не могут исключить Ипсвич. Они долго упирались, а потом попросили, чтобы им

позволили немного удалиться, чтобы посоветоваться между собой по этому поводу, что и было сделано. Но они быстро вернулись, так же решительно настроенные на Ипсвич, как и раньше. Мы попросили их назвать три церкви, в которые они хотели бы послать, и, после долгих споров, они это сделали: Роули, Солсбери и Ипсвич. После этого мы с полного согласия выбрали церкви Роули и Солсбери в состав совета и пожелали, чтобы они назначили третью церковь. Но они все равно настаивали на Ипсвиче, на что мы им ответили, что на последнем собрании им открыто сообщили, что мы исключили его. Затем им было сказано, что мы немедленно выберем три другие церкви, чтобы присоединиться к двум, которые были выдвинуты и проголосованы ранее, если они не сочтут нужным выдвигать больше; или же мы выберем две другие церкви, чтобы присоединиться к двум вышеупомянутым, если им будет угодно. Они ответили, что готовы на это, если Ипсвич будет одной из них. Затем их спросили, удовлетворит ли их уход в какую-нибудь другую православную церковь, где они могли бы лучше себя чувствовать. Брат Тарбелл ответил: "Да, если бы мы могли найти способ вывезти и наши средства к существованию". Затем был задан вопрос, не можем ли мы объединиться между собой. Конкретного ответа на этот вопрос я не помню; но (думаю) они делали такие намеки, как будто это невозможно. Так прошло много времени, уже близился закат, и мы пришли к выводу, что нам необходимо что-то предпринять самим, если они не согласятся (как того желали старейшины) на наше объединение с ними, мы отпустили их; и, по общему согласию между собой, прочитали и проголосовали за письма в церкви Северного Бостона, Уэймута, Мейдена и Роули, чтобы они помогли нам в проведении совета.

[План мистера Пэрриса найти убежище в совете *ex-parte* потерпел полное фиаско. 1 марта "преподобные старейшины в заливе сочли целесообразным", как он выражается в своих записях, чтобы Первая церковь и Старая Южная церковь в Бостоне были добавлены в совет. Они написали ему соответствующее письмо, и он был вынужден подчиниться. Это привело Джеймса Аллена и Сэмюэла Уилларда в совет и определило характер результата, который, исходя из трибунала, созванного им для решения дела, и выслушивая только те доказательства, которые он представил, в той мере, в какой они были против него, был решающим и фатальным. Оно заключалось в следующем:-]

Старейшины и посланники церквей, собравшиеся на совет в деревне Салем, 3 апреля 1695 года, чтобы рассмотреть и определить, что следует сделать для улаживания нынешних несчастливых разногласий в этом месте, - после торжественного обращения к Богу во Христе за Его руководством, единодушно заявляют и советуют следующее: -

I. Мы считаем, что, хотя в поздний и мрачный период смуты, когда сатана получил более чем обычную свободу, чтобы просеивать эту плантацию, было предпринято множество неоправданных и неудобных шагов мистером Сэмюэлем Пэррисом, пастором. Сэмюэлем Пэррисом, пастором церкви в деревне Салем, находившимся в торопливой суете удивительных бедствий; однако упомянутый мистер Пэррис, благой рукой Божьей приведенный к лучшему пониманию вещей, так полно изложил это, что христианское милосердие может и должно получить удовлетворение от этого.

II. Поскольку многие братья-христиане в церкви деревни Салем были обижены на мистера Пэрриса за его поведение во времена, когда он жил в Салеме. Пэрриса за его поведение во время трудностей и бедствий, которые их огорчали, мы теперь советуем им милосердно принять удовлетворение, которое он предложил в своем христианском признании совершенных им ошибок; да, постараться, насколько это возможно, полностью примирить свои умы, чтобы общаться с ним во время всего его служения и с остальными членами церкви (Матф. vi. 12-14; Лук. xvii. 3; Иак. v. 16).

III. Принимая во внимание крайние испытания и беды, которым подверглись недовольные братья из церкви Салем-Виллидж в день тяжкого искушения, обрушившегося на них, мы не можем не посоветовать церкви отнестись к ним с большим состраданием, вместо того чтобы более критично или строго разбирать их немощи, обнаруженные ими в столь душераздирающий день. И если, после терпеливого ожидания, упомянутые братья не смогут настолько преодолеть беспокойство своего духа при воспоминании о случившихся бедствиях, чтобы сидеть под его служением, мы советуем церкви со всей нежностью предоставить им увольнение в любое другое общество верующих, куда они пожелают (Гал. vi. 1, 2; Пс. ciii. 13, 14; Иов xix. 21).

IV. Г-н. Пэррис, как мы понимаем, с большой верностью и честностью исполнял свое служение с тех пор, как стал пастором церкви в деревне Салем, после своего первого призвания туда, мы считаем все оспаривания сейчас необоснованными и нецелесообразными; и наш Господь сделал его благословением для душ немногих, как старых, так и молодых, в этом месте, мы советуем, чтобы его соответственно уважали, почитали и поддерживали, со всеми почестями, которые полагаются болезненному служителю Евангелия (1 Фесс. ст. 12, 13; 1 Тим. ст. 17).

V. Заметив, что в деревне Салем царит дух, полный разногласий и вражды, слишком печально подтверждающий тот позор, который до сих пор лежал на них, и что некоторые жалобы, поданные на мистера Пэрриса, были либо беспричинны, либо не имели под собой основания. Пэрриса были либо беспочвенными и необоснованными, либо неоправданно усугубленными, мы, во имя и в страхе Господнем, торжественно предупреждаем их, чтобы они подумали, не будет ли, если они продолжат пожирать друг друга, это горьким в последнем конце; и остерегайтесь, чтобы Господь не был спровоцирован таким образом полностью лишиться их тех вещей, которые они должны считать своими драгоценными и приятными, и оставить их на все опустошения народа, который грешит против милостей Евангелия (Иакова iii. 16; Гал. v. 15; 2 Цар. ii. 26; Ис. v. 4, 5, 6; Мф. xxi. 43).

VI. Если недуги в деревне Салем окажутся (что не дай Бог!) настолько неизлечимыми, что мистер Пэррис, в конце концов, обнаружит, что не может с комфортом и служением оставаться на своем нынешнем месте, его удаление оттуда не подвергнет его тяжелым испытаниям ни у нас, ни, как мы надеемся, у остальных людей Божьих, среди которых мы живем (Матф. x. 14; Деян. xxii. 18).

Все эти советы мы сопровождаем молитвами о том, чтобы Бог мира сокрушил сатану под нашими ногами. Итак, Сам Господь мира дарует вам мир всегда и во всем.

Увеличение Мазер, *модератор*.

*Джозеф Бриджем.	*Ефраим Хант.
*Самуил Чекли.	*Натл. Уильямс.
*Уильям Торри.	Сэмюэл Филлипс.
*Джозеф Бойнтон.	Джеймс Аллен.
*Ричард Мидлкот.	Сэмюэл Торри.
*Джон Уолли.	Сэмюэл Уиллард.
*Джер: Даммер.	Эдвард Пейсон.
*Нехемия Джуит.	Коттон Мазер.

[Имена светских членов Совета отмечены так: *. Это были люди, занимавшие высокое положение в гражданской жизни. Сэмюэл Чекли не был (как указано [Supplement, p. 494], по недосмотру, которых, я надеюсь, не так много в этих томах) преподобным мистером Чекли, а его отцом, полковником Сэмюэлом Чекли, гражданином Бостона, занимавшим в то время весьма видное положение.

Вышеупомянутый документ составлен очень искусно. Несмотря на доброжелательный тон по отношению к мистеру Пэррису, в действительности он является сильным осуждением его курса, особенно в статье I., а также в параграфе, отмеченном (а), (стр. 549), "добавленном по желанию Совета" к его "Медитациям о мире". Статья III. не одобряет действия его церкви в ее порицании "недовольных братьев" и требует, чтобы их признавали и обращались с ними как с членами, имеющими хороший статус. В пятой статье обе стороны обличаются одинаково, а в шестой и последней рекомендуется сместить мистера Пэрриса, если отчуждение его противников окажется "неизлечимым".

Как авторитетное осуждение описанных в этой работе действий, произнесенное в то время, она является подходящим завершением изложения этой темы].

КОНЕЦ.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[A] Двойное отрицание, как часто используется, просто усиливает отрицание. См. "Мера за меру", акт i. сцена 1.

[B] В бесчисленных показаниях, написанных Томасом Патнэмом, он не так тщательно следит за правильностью своей хирографии и построения, как в своих приходских записях. Но если читатель склонен провести эксперимент, он обнаружит, что, если вышеупомянутый документ будет правильно напечатан и написан в соответствии с нашей сегодняшней модой, он будет хорошо читаться, а также четко и убедительно составлен. Орфография в те времена была фонетической, и это позволяет нам определить распространенное в то время произношение слов. "Corsely", несомненно, показывает, как это слово произносилось в то время. "Ангури", как и многие другие слова, которые сейчас являются дислалиями, в то время было трехсложным. "Tould", "spaking" и многие другие слова, приведенные выше, пишутся так, как они произносились в то время. "Wicthcraft", как я полагаю, всегда пишется так, как произносил Томас Патнэм. Он не избавился от старого англосаксонского звучания слова "ведьма", привезенного его отцом из Букингемшира за шестьдесят лет до этого, - "wicca".

Состояние медицинской науки и практики в тот период любопытно проиллюстрировано в этой статье. Совершенно очевидно, что болезнь Джеймса Карра относилась исключительно к области чувств и фантазии; и "доктор Кросбе" не полностью виноват в том, что его "вискас" не "сработал". Хороший умный кошмар с ощущением, что он основательно отлупил призрак в виде кота, предполагаемого автора его печального и усугубленного разочарования в любви, - вот что ему было нужно; и это его вылечило. "Осадок из мешка" стал для Фальстафа спасением от той участи, в которую он попал, "опираясь на обещание глупой женщины", когда вышел из Темзы и "корзины". Многие другие, несомненно, утопив горе и унижения, нашли в нем "самое суверенное средство на земле". Но в том виде, в каком его принимали врачи школы доктора Кросби, с добавлением табака, он, должно быть, представлял собой "злодейское соединение".

[C] За несколько дней до суда Ребекка Нерс была подвергнута такому осмотру и исследованию, и женское жюри нашло на ней клеймо ведьмы. 28 июня, за два дня до заседания суда, она обратилась к этому органу со следующим сообщением

"Достопочтенному суду судей и терминаторов, заседающему ныне в Салеме, 28 июня, Anno 1692.

"Смирненное прошение Ребекки Нерс, из деревни Салем, смиренно показывает: Что в то время как некоторые женщины обыскивали вашу просительницу в Салеме, как я тогда полагала, в поисках какого-то сверхъестественного знака; а затем одна из упомянутых женщин, которая, как известно, является самой древней, искусной и благоразумной из всех, кто имеет отношение к подобным вопросам, выразила мнение, противоположное остальным, и заявила, что не видит в бедной просительнице вашей чести ничего, кроме того, что может произойти от естественной причины, - Я предоставила упомянутым лицам достаточно известную причину, по которой это произошло, а именно: чрезмерную слабость, частично вызванную природным порывом и трудными обстоятельствами, которые постигли меня во время моих мучений. И потому ваша просительница смиренно молит, чтобы ваши почести сообразовали допустить для расследования этого великого дела других женщин, наиболее серьезных, мудрых и искусных, а именно: миссис Хиггинсон, старшую, миссис Бакстон, миссис Вудбери, - две из них повитухи, миссис Портер, а также других, которых можно выбрать по этому случаю, прежде чем я предстану перед судом. Все это, надеюсь, ваша честь примет к своему благоразумному рассмотрению и сочтет нужным сделать, ибо жизнь моя теперь в ваших руках, под Богом. И, сознавая свою невиновность, я смиренно прошу дать мне свободу явить ее миру частично с помощью вышеуказанных средств.

"И ваш бедный проситель будет всегда молиться, как по долгу службы, и т. д."

Ее дочери - Ребекка, жена Томаса Престона, и Мэри, жена Джона Тарбелла, - представили следующее заявление

"Мы, чьи имена записаны, можем засвидетельствовать, если нас к этому призовут, что Добрая Сестра много лет страдала от телесного недуга, который, по мнению женского жюри, должен был быть чем-то иным".

Ни в одном из документов нет никаких признаков того, что ходатайство матери или показания ее дочерей удостоились хоть какого-то внимания со стороны суда.

[D] 19 октября 1692 года Томас Харт из Линна представил в Генеральный суд мемориал, в котором говорилось, что его мать, Элизабет Харт, в то время уже почти шесть месяцев находилась в бостонской тюрьме: "Хотя за все это время против нее не появилось ничего, что могло бы сделать ее достойной заключения или смерти, ... будучи древней, она не в состоянии перенести тяготы, причиняемые лежанием в несчастье, и в ее обстоятельствах лучше выбрать смерть, чем жизнь". Он говорит, что его отец "стар и дряхл, и совершенно не в состоянии" предпринять какие-либо шаги в ее пользу; что он чувствует себя "обязанным по христианскому долгу, как и подобает ребенку по отношению к родителям", представить ее дело в Генеральном суде. "Проситель с детства жил под одной крышей со своей матерью, и он смеет утверждать, что никогда не видел и не знал ни одного дурного или греховного занятия, где бы она не проявляла нечестия или колдовства; и если бы это было не так, он не стал бы, ради всего мира и всех его благ, кормить или поддерживать ни одно существо, которое он знает, занимающееся сатанинской каторгой. Всем в округе хорошо известно, что

мать просителя вела трезвую и благочестивую жизнь, всегда была готова исполнить роль доброй христианки и никогда не заслуживала страданий от рук людей за что-либо подобное". Он смиренно молится "о скорейшем увеличении этой особы, которой так сильно злоупотребляют". Я представляю еще два прошения. Они помогают дополнить картину страданий и лишений, выпавших на долю отдельных людей и семей.

"Достопочтенному Генеральному суду, заседающему ныне в Бостоне, смиренное прошение Николаса Риста из Рединга показывает, что, хотя Сара Рист, жена просителя, была взята под стражу первый день июня прошлого года и с тех пор сидела в бостонской тюрьме за колдовство; хотя за все это время не было предъявлено ничего, за что она заслуживала бы тюремного заключения или смерти: Истец был мужем указанной женщины более двадцати лет, и за все это время у него никогда не было оснований обвинять ее в каком-либо нечестии или колдовстве, а наоборот. Она жила с ним как добрая, верная, послушная жена и всегда соблюдала таинства Божьи, пока оставались силы; и проситель, исходя из этого соображения, обязан по совести и справедливости использовать все законные средства для поддержания и сохранения ее жизни; и прискорбно, что в старости бедная дряхлая женщина должна так долго лежать в заточении в вонючей тюрьме, когда ее обстоятельства скорее требуют сиделки для ухода за ней.

"Поэтому, да будет угодно вашим почестям принять этот вопрос к вашему благоразумному рассмотрению и указать скорейшие методы, благодаря которым эта древняя дряхлая особа не сможет вечно лежать в таких страданиях, когда ее жизнь становится для нее более мучительной, чем смерть".

"Смиренное прошение Томаса Баррета из Челмсфорда в Новой Англии от имени его дочери Марты Спаркес, жены Генри Спаркеса, который в настоящее время служит солдатом на службе Их Величеств в восточных частях, и так было в течение значительного времени, смиренно показывает, что дочь вашего просителя пробыла в тюрьме в Бостоне в течение двенадцати месяцев и пяти дней, будучи предана Томасом Данфортом, Esq, по подозрению в колдовстве; с тех пор против нее не было представлено никаких доказательств в этом деле, никто не давал залога, чтобы преследовать ее, и никто в настоящее время не обвиняет ее ни в чем подобном, о чем известно вашей просительнице. Что ваш проситель с тех пор содержит двух своих детей: одного пяти лет, другого двух лет, что доставляет ему немало хлопот и хлопот в его бедном и нищем состоянии: кроме того, у вашего просителя хромая, древняя и больная жена, которая в течение этих пяти лет и выше была так больна, что совершенно не в состоянии оказывать себе какую-либо помощь, что значительно увеличивает его беду. Ваш бедный проситель убедительно и смиренно просит Ваше Превосходительство и Ваше Честь принять во внимание его бедственное положение; и чтобы вы распорядились освободить его дочь из заточения, чтобы она могла вернуться домой к своим бедным детям и заботиться о них, не имея ничего, чтобы оплатить свое содержание в тюрьме.

"И ваш проситель, как обязанный по долгу службы, будет всегда молиться.

"1 ноября 1692 года."

[E] Я не знаю ничего более хитрого и иезуитского, чем его попытки избежать упрека в том, что он активно участвовал в распространении заблуждения в Салеме и других местах, и в то же время поддерживать в умах людей такую степень легковерия и суеверия, чтобы при первом удобном случае легко было снова ввергнуть их в него. В следующих отрывках он пытается избежать одиозности, связанной с преследованиями: - "Мир знает, сколько страниц я исписал.

Мир знает, сколько страниц я написал и опубликовал, а конкретные господа в правительстве знают, сколько писем я написал, чтобы предотвратить чрезмерное доверие к призрачным обвинениям".

"Короче говоря, я смиренно, но свободно утверждаю, что нет человека, живущего в этом мире, который был бы более желанным, чем бедный человек я, чтобы укрыть моих соседей от неудобств спектральных криков: да, я очень ревниво я сделал так много, что грех в том, что я сделал; таковы были трусость и боязливость, гдеunto моя забота о неудовольствие других людей осадил меня. Я знаю одного человека в мире, который думал, что ему удалось осудить несколько таких ведьм, которые должны были умереть; но его уважение к общественному спокойствию заставило его скорее попробовать, не сможет ли он обновить их покаянием."

В своей "Жизни сэра Уильяма Фипса" он пытается приписать себе заслугу в том, что сомневался в правильности судебного разбирательства, пока оно продолжалось. Это произведение было опубликовано без его имени, чтобы он мог более свободно рассказать о себе. О советах, которые давали правительству священнослужители Бостона и окрестностей, уже говорилось. Коттон Мазер часто пользовался случаем, чтобы похвалить и превознести достоинства этой работы. В одном из своих трудов он говорит о "благодатных словах", которые в нем содержатся. В своей "Жизни Фипса" он скромно присваивает себе авторство: оно было "составлено, по их (министров) желанию, мистером Мазером младшим, как мне сообщили". И, чтобы еще больше создать впечатление, что он был скорее против этого процесса, он цитирует те части документа, в которых рекомендуется проявлять осторожность и осмотрительность, опуская другие отрывки, в которых горячо призывается провести процесс "быстро и энергично".

Это единственное обстоятельство является решающим в изворотливости доктора Мазера. Поскольку целью правительства, обратившегося за советом к министрам, было выяснить их мнение о целесообразности продолжения судебного преследования, было полным и преднамеренным извращением и фальсификацией их ответа - опустить отрывки, которые поощряли судебное разбирательство, и записать только те, которые рекомендовали осторожность и осмотрительность. Однако цель Мазера, заключающаяся в том, чтобы скрыть важные части документа, в какой-то мере была достигнута. Поскольку "Маньялия", в которую включена его "Жизнь Фипса", является обычным и популярным источником информации и ссылок по темам, о которых в ней говорится, возобладало мнение, что бостонские священники, особенно "мистер Мазер-младший", пытались предотвратить операции, связанные с судом и казнью предполагаемых ведьм. К сожалению, однако, для репутации Коттона Мазера, Хатчинсон сохранил обращение министров в полном объеме: из него следует, что они одобряли, аплодировали и стимулировали судебные преследования; и что жители Салема и окрестностей стали жертвами заблуждения, главные пропагандисты которого в значительной степени укрылись от упреков благодаря бесчестной хитрости, которая теперь разоблачена.

Но, как и другие честолюбивые и хваткие политики, он стремился заручиться поддержкой всех партий одновременно. Обратившись в суд к тем, кто был недоволен судебным преследованием, он таким образом похвалил себя перед всеми, кто его одобрял: - "И почему же после всего того, что я делал, я не был доволен?"

"И почему после всех моих неустанных забот и трудов по спасению несчастных от схвативших их адских львов и медведей, после всех моих трудов по разочарованию дьяволов в их замыслах опутать мой район, я должен быть вынужден прибегнуть к извинениям? Воистину, жесткие представления, в которых некоторые недоброжелатели поносили мое

поведение, и ликование, которое другие люди давали этим представлениям, обязывают меня дать человечеству какой-то отчет о своем поведении. Ни один христианин не может (я говорю, никто, кроме злодеев, не может) обвинить меня в посещении тех из моей бедной паствы, которые в любое время попадали под ужасные и ощутимые домогательства злых ангелов. Пусть их страдания были какими угодно, я не мог бы ответить моему славному Господу, если бы утаил от них свои справедливые утешения и советы; и если я также с некоторой точностью наблюдал за методами невидимого мира, когда они становились видимыми, я был всего лишь слугой человечества, делая это: да, не менее уважаемый Бакстер не раз и не два, самым публичным образом, приглашал человечество поблагодарить меня за эту услугу."

В других отрывках он продолжает стимулировать и поощрять сторонников судебного преследования

"Итак, вместо того чтобы кричать и насмехаться над историями, которые имеют столь несомненное подтверждение, что ни один человек, имеющий достаточно воспитания, чтобы понять общие законы человеческого общества, не предложит усомниться в них, нам лучше преклоняться перед благостью Бога, который не допускает, чтобы такие вещи каждый день постигали всех нас, как он иногда допускал, чтобы постигали некоторых из наших несчастных соседей".

"И это очень славная вещь, о которой я должен сейчас упомянуть: Дьяволы с самыми ужасными действиями ворвались в наш район; и Бог так превозмог всю ярость и злобу этих дьяволов, что все пострадавшие были не только избавлены, но и, я надеюсь, спасительно возвращены домой к Богу; и репутация ни одного хорошего человека в мире не пострадала, но вместо этого души многих, особенно подрастающего поколения, были таким образом пробуждены к некоторому знакомству с религией. Наши молодые люди, принадлежавшие к молитвенным собраниям, обоего пола, порознь, обычно проводили целые ночи, а то и недели вместе, в молитвах и псалмах по этим поводам, в которых дьяволы не могли получить ничего, кроме, как, как дураки, бича для своих спин: И несколько десятков других молодых людей, которым было чуждо настоящее благочестие, были теперь поражены живыми демонстрациями ада, наглядно представленными перед их глазами, когда они видели людей, жестоко напуганных, израненных и уморенных голодом дьяволами, ошпаренных горячей серой, и все же так сохранившихся в этом мучительном состоянии, что, по окончании одного месяца страданий, они были в состоянии выдержать еще один; так что о них тоже теперь можно сказать: "Вот, они молятся". В общем, дьявол не получил ничего, но Бог получил хвалу, Христос - подданных, Святой Дух - храмы, церковь - пополнение, а души людей - вечные блага. Я не настолько тщеславен, чтобы сказать, что какая-то моя мудрость или добродетель способствовала такому хорошему порядку вещей; но я настолько справедлив, чтобы сказать, что я не препятствовал этому благу".

Я не могу, правда, противиться убеждению, что, несмотря на все его попытки показаться недовольным, после того как они стали непопулярными, событиями на Салемском процессе, он смотрел на них с тайным удовольствием и был бы рад, если бы они повторились в Бостоне".

[F] Ниже приводится отчет о потерях, нанесенных имуществу Джорджа Джейкобса-старшего. Имущество сына было полностью уничтожено.

"Отчет о том, что было конфисковано и отобрано из имущества моего отца, Джорджа Джейкобса, старшего, покойного жителя Салема, шерифом Корвином и его помощниками в 1692 году.

"Когда моего отца казнили, и я был вынужден бежать из страны, к моему большому ущербу и беде моей семьи, моя жена и дочь были заключены в тюрьму, - а именно, моя жена провела одиннадцать месяцев, а моя дочь семь месяцев в тюрьме, - это стоило им двенадцати фунтов денег офицерам, помимо других расходов.

Пять коров, крупный рогатый скот, 3 фунта за корову	£	15	00	0
Восемь грузов английского сена, вывезенного из из амбара, 35 с. за груз		14	00	0
Участок яблок, из которых можно сделать 24 бочки сидра до половины; т.е. 12 бочек сидра, 8 с. за бочку		4	16	0
Шестьдесят бушелей индийской кукурузы, 2с. 6 д. за бушель		7	10	0
Кобыла		2	0	0
Две хорошие пуховые кровати, а также мебель, ковры, одеяла, простыни, подставки и подушки		10	0	0
Два латунных чайника, стоимость		6	0	0
Деньги, 12 с.; большое золотое кольцо на большой палец, 20 с.		1	12	0
Пять свиней		3	15	0
Некоторое				

количество олова, стоимость которого я не могу точно не могу точно определить стоимость, возможно		3	0	0
		- 67	- 13	- 0
Кроме изобилия мелочей, мяса в доме, птицы, стулья и другие вещи, которые были убраны.	<i>выше</i>	12	0	0
		- 79 ==	- 13 ==	- 0 ==

"Джордж Джейкобс".

Когда Эдвард Бишоп и его жена Сара были арестованы, с его фермы было изъято домашнее имущество, оцененное самим шерифом в десять фунтов - он отказался от этой суммы в пользу их возврата, - шесть коров, двадцать четыре свиньи, сорок шесть овец. Тюремное заключение его и жены (до побега) длилось тридцать семь недель. Десять шиллингов в неделю за питание, а также другие расходы и тюремные сборы в размере пяти фунтов были начислены на его имущество и изъяты путем конфискации. Семья с двенадцатью детьми осталась без руководства и заботы, а ферма за этот год была полностью лишена дохода.

Из имущества Сэмюэля Уордвелла, который был казнен, было изъято пять коров, телка и годовалый ребенок, лошадь, девять свиней, восемь охапок сена, шесть акров кукурузы и набор плотницких инструментов. Из имущества вдовы Доркас Хоар были изъяты две коровы, бык и кобыла, четыре свиньи, кровать, занавески и постельные принадлежности, а также другие домашние вещи.

Задержанных заставляли оплачивать всевозможные расходы на их содержание, топливо, одежду, расходы на перевозку из тюрьмы в тюрьму, а также неумолимые судебные и тюремные пошлины. Обычная плата клерку суда составляла 1 фунт 17 шиллингов. 5d., иногда больше, иногда, хотя и очень редко, немного меньше. Должно быть, в тот год он получил в совокупности большую сумму денег. С заключенных брали плату за каждую составленную бумагу. Если удавалось получить отсрочку, взималась плата. При освобождении из-под стражи взималась плата. Расходы на казни, даже гонорары палачам, взимались с семей страдальцев. Абрахам Фостер, чья мать умерла в тюрьме, чтобы получить ее тело для погребения, должен был заплатить 2 фунта 10 шиллингов.

Если учесть стоимость денег в то время и принять во внимание, что большинство арестованных были фермерами, у которых было мало наличных денег, и что эти сборы

взимались с их запасов, урожая и мебели в их отсутствие и при неограниченном произволе шерифа или констеблей, то можно судить, насколько разорительной должна была быть эта операция".

[G] Love's Labour's Lost, act v., sc. 1.

[Н] В этих делах есть еще несколько показаний, которые, возможно, можно объяснить под названием "кошмар". Ниже приведены образцы; например, показания Роберта Даунера из Солсбери, который утверждает, что...

"Несколько лет назад Сюзанна Мартин, тогдашняя жена Джорджа Мартина, будучи привлечена к суду за ведьму, упомянутый Даунер, перекинувшись с ней парой слов, сказал ей, среди прочего, что он верит, что она ведьма, в силу того, что было сказано или засвидетельствовано против нее; На что она, похоже, не очень хорошо отреагировала, сказав, что дьявол или какая-то дьяволица скоро его заберет, на что этот депонент не очень тронулся; но ночью, когда он лежал в своей постели в собственном доме, один, в его окно вошло подобие кошки, а потом подошло к его кровати, крепко ухватило его за горло и лежало на нем довольно долго, и было похоже на то, чтобы его разорвать. В конце концов он вспомнил, чем угрожала ему Сюзанна Мартин накануне. Он упирался, как мог, и сказал: "Избегай, дьяволица, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!", и тогда она отпустила его, спрыгнула на пол и снова вылезла в окно".

Сюзанна Мартин, смелостью и суровостью своих высказываний защищаясь от обвинений в колдовстве, очевидно, надолго стала объектом страха и, похоже, тревожила сны суеверных людей по всей округе. Например, Джарвис Ринг из Солсбери присягнул следующим образом.

"Лет семь или восемь назад он несколько раз страдал от того, что ночью какое-то тело или какая-то вещь поднималась к нему, когда он лежал в постели, и сильно мучила его, лежа на нем; он не мог ни двигаться, ни говорить, пока оно было на нем, но иногда издавал шум, чтобы люди услышали его и подошли к нему; и как только кто-нибудь подходил, оно исчезало. Так продолжалось долгое время, как тогда, так и после, но он никогда никого не видел ясно; но однажды ночью оно настигло меня, как и в другие времена, и я увидел лицо Сюзанны Мартин из Эймсбери. Я, этот свидетель, прекрасно видел ее; она подошла к этому представителю, взяла его за руку и силой укусила за палец, а затем подошла и некоторое время лежала на нем, как раньше, а через некоторое время ушла. След от укуса до сих пор виден на мизинце его правой руки, так как он с трудом заживает. Он также утверждает, что несколько раз он спал, когда она приходила; но в это время он просыпался, как никогда, и ясно видел ее очертания и чувствовал ее зубы, как было сказано выше".

Барнард Пич присягнул следующим образом.

"Примерно шесть или семь лет назад, лежа в постели в ночь на день Господень, он услышал шум у окна и увидел, как Сюзанна Мартин влетела в окно и спрыгнула на пол. Она была в капюшоне и шарфе, в том же платье, что и раньше, на собрании в тот же день. Войдя в дом, она приблизилась к лицу депонента, но повернулась к его ногам, ухватила за них, подняла его тело и лежала на нем около полутора-двух часов, все это время депонент не мог ни шевелиться, ни говорить; Но, почувствовав, что его начинают ослаблять или облегчать, и он начинает бороться, он протянул руку среди одежды, взял ее за руку, поднес ко рту и укусил за три пальца (как он полагает) до перелома костей; сделав это, упомянутый Мартин вышел из комнаты, спустился по лестнице и вышел за дверь. Далее депонент заявил, что в другую ночь в день Господень, когда он спал на сене в сарае, около полуночи упомянутая Сюзанна

Мартин и еще один человек вышли из лавки в сарай, и один из них сказал: "Вот он", а затем подошел к этому депоненту. Он, имея четверть посоха, нанес им удар, но крыша амбара помешала этому, и они ушли, но этот опонент последовал за ними и, когда они подошли к окну, нанес им еще один удар и сбил обоих с ног; но они ушли через окно магазина, и этот опонент больше их не видел. Ходили слухи, что у Мартина в то время была разбита голова, но по собственному разумению, он не может этого утверждать".

Любой человек, имевший несчастье стать жертвой кошмара, найдет в своем опыте элементы, очень похожие на описания, данные Кембалом, Даунером, Рингом и Пичем. Ужасы, которым суеверие, легкоеверие и невежество подвергали их умы; страшные рассказы о колдовстве и привидениях, которые они привыкли слушать; заразные страхи соседей в отношении Сюзанны Мартин, взятые в связи с расстройством пищеварения, переполненным желудком и жесткой кроватью или странным местом для ночлега, - всего этого вполне достаточно, чтобы объяснить все явления, о которых они свидетельствовали.

[1] Факты и соображения, касающиеся авторства письма Джонатану Корвину, могут быть кратко изложены следующим образом.

Письмо подписано "Р.П.". Под этими инициалами написано "Роберт Пейн", другим почерком, и, как показывают чернила и хирография, несколько позже. R.P. замазаны, но чернилами такого светлого оттенка, что оригинальные буквы хорошо различимы под ними. Роберт Пейн окончил Гарвардский колледж в 1656 году. Но он, вероятно, был старшиной большого жюри, которое выдвинуло все обвинения в процессе по делу о колдовстве, и поэтому не мог, судя по заявлениям в самом письме, быть его автором. Единственным человеком с таким именем в то время, о котором нам известно, был его отец, который, судя по имеющимся у нас свидетельствам, умер в 1693 году. (Эта дата указана в "Гарвардском трехгодичнике" для смерти выпускника Роберта Пейна, но, как мне кажется, ошибочно, поскольку подписи на документах и передача имущества впоследствии вряд ли могут быть приписаны какому-либо другому человеку). Роберт Пейн, отец, с самого раннего поселения в Ипсвиче был одним из ведущих людей города, обладал, по-видимому, большим имуществом, чем кто-либо другой, часто был его депутатом в Генеральном суде и в течение долгого времени правящим пресвитером церкви. "Старейшина Боли, или Пенн, как часто произносили это имя, пользовался дружбой Джона Нортон и всех служителей церкви, как дальних, так и ближних; в его доме часто проводились религиозные собрания. Мы не знаем ничего, что могло бы оправдать нас в утверждении, что он не мог быть автором этой бумаги; но мы также не знаем ничего, кроме появления его имени на ней, чтобы приписать ее ему.

Документ датирован "Солсбери". Насколько нам известно, старейшина Пейн всегда жил в Ипсвиче; хотя, имея собственность в верхнем графстве, он мог часто бывать там, а возможно, и в последние годы жизни. То, что его имя написано, хотя и поздней рукой, под инициалами, является, правда, весомым обстоятельством. Это свидетельствует о том, что тот, кто ее написал, думал, что "R.P." означает Роберт Пейн; но любой человек, особенно знакомый с древностями Ипсвича или этой части графства, естественно, мог впасть в такую ошибку. Авторство документов часто приписывалось ошибочно. Слова "Роберт Пейн", вероятно, не были написаны на бумаге, когда была сделана приписка: "Письмо моему деду" и т. д. Старейшине Роберту Пейну, если он жил в 1692 году, был девяносто один год. Рассматриваемый документ, если он был составлен им, является поистине чудесным произведением, интеллектуальным феноменом, которому нелегко найти аналог.

Факты, касающиеся Роберта Пайка из Солсбери и влияющие на вопрос об авторстве документа, таковы: В 1692 году ему было семьдесят шесть лет, и он всегда проживал в

Солсбери. И письмо, и аргументы написаны почерком капитана Томаса Брэдбери, регистратора старого графства Норфолк. В этом вопросе не может быть никаких сомнений. Брэдбери и Пайк были односельчанами более полувека, связаны всеми узами соседства и семейных браков, совместно или поочередно несли все гражданские и военные почести, которые только мог дать народ. Документ был подготовлен и передан судье, когда миссис Брэдбери находилась в тюрьме, и всего за месяц до суда над ней. Пайк, как уже было показано (стр. 226), был глубоко заинтересован в ее интересах. Оригинальная подпись ("R.P.") имеет характерные признаки тех же начальных букв, которые встречаются в бесчисленных автографах Пайка, хранящихся в архивах и записях. В почерке Пайка имеются сноски, не вызывающие сомнений. Эти факты свидетельствуют о том, что и Пайк, и Брэдбери принимали участие в создании этого документа.

История Роберта Пайка свидетельствует о том, что он был человеком больших способностей, имел склонность к логическим упражнениям и с ранних лет участвовал в диспутах. Почти за пятьдесят лет до этого он выступал на городском собрании против уместности, с точки зрения гражданского и церковного права, некоторых актов Генерального суда. Они предъявили ему обвинение, лишили гражданских прав и иным образом наказали за его "лигитимность", но вес его характера вскоре заставил их восстановить его политические права; и жители Солсбери в следующем же году отправили его к себе в качестве своего депутата, и он время от времени продолжал работать в этом качестве. В последующий период он был лидером и представителем одной из партий в споре о некоторых церковных делах, затрагивающем, по-видимому, некоторые важные вопросы теологии, который вызвал большой переполох в стране. Спор дошел до такой степени, что церковь в Солсбери отлучила его от церкви; но голос общественности потребовал собора церквей, который собрался в сентябре 1676 года и восстановил майора Пайка, осудив его отлучение, "признав его неоправданным по разным основаниям". В этот раз, как и раньше, Генеральный суд осудил его; но народ снова пришел ему на помощь, направив его на следующих выборах в Палату депутатов, и он оставался там до тех пор, пока не был возведен в Верхнюю палату в качестве помощника. Он занимался ведением дел в судах, долгое время был местным магистратом и одним из судей графства.

Похоже, он не присутствовал ни на одном из процессов или экзаменов 1692 года; но его официальное положение помощника привело к тому, что многие показания, взятые в его районе, были признаны и приведены к присяге перед ним. Придерживаясь распространенных взглядов на дьявольское воздействие, он всегда не одобрял действия суда в тех частях, к которым относятся аргументы, приведенные в сообщении Джонатану Корвину, - "свидетельства призраков", а также заявления и действия "страдающих детей". Есть свидетельства того, что иногда он видел всю глупость историй, рассказанных людьми, чьи показания он был призван засвидетельствовать. Некий Джон Пресси распространял удивительную историю о встрече с призраком Сюзанны Мартин. Пайк послал за ним и взял у него показания. Пресси утверждал, что однажды вечером, идя из Эймсбери-Ферри, он столкнулся с Мартином в виде светящегося тела, которое "казалось размером с полбушеля". После долгих уклонений и лавирования, а также потерь и недоумений, блужданий туда-сюда, падений в ямы - где, как говорится в показаниях, "таких ям" не было - и других злоключений, он столкнулся со светом и несколько раз ударял его своей палкой. Однажды "он думает, что нанес ей не менее сорока ударов". В конце концов ему удалось найти "свой дом, но, охваченный страхом, он не мог говорить, пока его жена не заговорила с ним у двери, и был в таком состоянии, что семья боялась его; эта история была разнесена по городу на следующий день, и после расспросов выяснилось, что упомянутая добрая жена Мартина была в таком жалком состоянии и испытывала такую боль, что они взяли мазок с ее тела, как

и было сообщено". В заключение своих показаний он говорит, что майор Пайк "кажется, был обеспокоен тем, что этот подзащитный не рассказал ему об этом вовремя, чтобы она могла увидеть, в чем ее недуг". Случай произошел "около двадцати четырех лет назад". Вероятно, ни Пресси, ни суд не оценили остроты выражения сожаления майора. Оно разрушило пузырь показаний. Вся история была плодом слабоумного воображения, расстроенного страхом, наполненного опьяняющими капризами, преувеличенными кошмарами и опирающегося на дикие и пустые слухи. Поведение Роберта Пайка в случае с миссис Брэдбери согласуется с предположением, что он был корреспондентом Корвина.

Могут появиться материалы, которые изменят доказательства по этому вопросу. Может выясниться, что старейшина Пейн умер до 1692 года: это решит вопрос. Может оказаться, что он жил в Солсбери в то время и действовал вместе с Пайком и Брэдбери, которые придали газете авторитет его почтенного имени и лет. Но все, что теперь известно, заставляет меня прийти к выводу, изложенному в тексте.

[J] В качестве иллюстрации забвения, в котором пребывали детали сделок и персонажи, связанные с преследованиями за колдовство, можно упомянуть, что, когда тридцать пять лет назад я готовил работу под названием "Лекции о колдовстве; включающие историю заблуждения в 1692 году", хотя профессиональные обязанности не позволили мне провести столь тщательное исследование, как сейчас, я расширил рамки обычного исследования и с особой тщательностью подошел к получению информации, передаваемой по традиции, собрал все, что можно было собрать из воспоминаний живших тогда стариков о том, что они слышали от своих предшественников, и разыскал все, что могли предоставить местные антиквары и генеалоги. Методы расследования, использованные при подготовке настоящего труда, показали, насколько недостаточными и скудными были тогдашние знания. Предполагалось, что большинство обвиненных и казненных, как Джайлс Кори, его жена Марта и Бриджет Бишоп, были людьми скромного, если не сказать подлого, положения, бродяжких привычек и более или менее презренной репутации. Следуя по ниточкам, переданным мне в руки, в делах окружных управлений регистрации дел и завещаний, в документах, связанных с судебными процессами, а также путем сопоставления документов о передаче и управлении имуществом, я обнаружил, что Кори, как бы эксцентричны или открыты для критики некоторые черты характера и периоды его жизни, был крупным землевладельцем и человеком необыкновенной силы и остроты ума; в то время как его жена обладала интеллектом, опережающим свое время, и была женщиной выдающейся набожности. То же самое, как выяснилось, происходило с большинством пострадавших.

Читатель может понять, как я удивился, обнаружив, что во время написания "Лекций о колдовстве" я владел и занимал часть поместья Бриджит Бишоп, если не жил в ее доме. Крепкий, непробиваемый, почти окаменевший дубовый каркас, кажется, утверждает, что он был построен еще тогда, когда она перестроила и обновила первоначальное строение. Однако, читая лекции в Лицейском зале, я и не подозревал, что мы собрались на месте ее фруктового сада, где совершались сверхъестественные и дьявольские подвиги, в которых ее обвиняли свидетели Лаудер и другие. Ее поместье было одним из самых привлекательных и ценных в старом городе: как уже говорилось, оно выходило на Вашингтон-стрит и простиралось вдоль Черч-стрит более чем на половину расстояния до улицы Святого Петра. В то же время у ее мужа, похоже, был дом в деревне, недалеко от истока Басс-Ривер. Поистине примечательно, что местонахождение имущества и местожительства особы ее положения, ставшей лидером среди жертв столь ужасной трагедии, должно было полностью исчезнуть из памяти и традиций в таком интеллигентном обществе, состоящем в столь значительной степени из старых семей, восходящих к самым ранним поколениям, среди

которых до сих пор сохранились бесчисленные потомки ее семи правнуков. Это можно объяснить только теми соображениями, о которых говорится в тексте. Традиции были подавлены ужасом и стыдом. То, что все хотели забыть, было забыто. Единственным выходом было забвение, и все, как страдалцы, так и действующие лица, нашли в нем убежище.

[K] В ранние времена можно наблюдать неточность и неаккуратность людей в определении своего возраста. В показаниях они говорят о себе, что им "примерно" столько-то лет, или столько-то лет "или около того". В показаниях одного и того же человека в разное время часто встречаются расхождения по этому поводу. На точность записей также не всегда можно положиться. В книге записей деревенской церкви мистер Паррис указал возраст миссис Энн Патнэм на момент ее поступления в церковь, 4 июня 1691 года, как "Энн: 27 лет". Но на сайте "Сведения о первых поселенцах Солсбери" в "Новоанглийском историческом и генеалогическом регистре", том vii. стр. 314, указана дата ее рождения "15, 4, 1661". Ее возраст указан выше в соответствии с этим последним авторитетом; и если он верен, то на момент замужества ей было не так мало лет, как предполагалось ([vol. i. p. 253](#)), а семнадцать лет пять месяцев и десять дней. Трудно, однако, представить, как Пэррис, который был осторожен в таких вопросах и, несомненно, получал информацию из ее собственных уст, мог быть так далек от истины. Ее брат, Уильям Карр, в 1692 году утверждал, что ему тогда был сорок один год или около того; в то время как "История первых поселенцев Солсбери", на которую мы только что ссылались, указывает дату его рождения "15, 1, 1648". Действительно, необычно, что два члена семьи такого уровня должны были ошибиться в определении своего возраста: один - почти на три года, другой - на несколько месяцев больше.

[L] Следующий отрывок взят из приходских записей.

"3 февраля 1693 года был выдан ордер на собрание жителей деревни, подписанный Томасом Престоном, Джозефом Поупом, Джозефом Хоултоном и Джоном Тарбеллом из постоянного ежегодного комитета, которое должно состояться 14 февраля. 14 февраля, "чтобы рассмотреть, согласовать и определить, кто способен голосовать в наших общественных сделках, согласно полномочиям, данным нам приказом Генерального суда при первом поселении; и рассмотреть и сделать недействительным голосование в нашей книге записей от 18 июня 1689 года, где указано жалованье в шестьдесят шесть фунтов мистеру Пэррису. Пэррису, но он его не выполняет; также рассмотреть и признать недействительными несколько голосов в книге записей от 10 октября 1692 года, где наш министерский дом, амбар и два акра земли, похоже, были переданы от нас обманным путем".

На этом собрании было решено, что "все люди, которые имеют право голоса или в будущем будут жить в пределах этого участка земли, упомянутого в постановлении нашего генерального суда, должны иметь свободу в выдвижении и назначении комитета и голосовании по любым нашим общественным делам".

Если обратиться к описанию спора между жителями деревни и мистером Бэйли в [первой части](#), то можно увидеть полное описание "власти", о которой говорилось выше, "данной нам Генеральным судом". Стремясь закрепить мистера Бэйли за "жителями", суд тщательно разработал систему, по которой они должны были обеспечивать его и собирать средства для выплаты ему жалованья. Поскольку в то время еще не было организовано ни одной церкви, Генеральный суд возложил эту обязанность на "домохозяев". Этот факт не был забыт, и вышеупомянутое голосование показало, что приход намерен придерживаться данной ему власти. Это очень возмутило Сессионный суд. Он приказал представить ему приходскую книгу записей и потребовал, чтобы в открытом суде на лицевой стороне записи, где ее

можно увидеть сейчас, было написано осуждение такого заявления о праве. Оно выглядит следующим образом

"На общем заседании мирового суда, состоявшемся в Ипсвиче 28 марта 1693 года. Настоящий суд, рассмотрев вышеуказанное соглашение или голосование, содержащееся в последних пяти строках, и обнаружив, что оно противоречит законам этой провинции, объявляет его недействительным, и пусть это постановление будет занесено в протокол настоящего суда.

"Удостоверяю, Стивен Сьюолл, *клерк*."